

ISSN: 2542-212X

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

IV

2023

*Свидетельство о
регистрации*

Эл № ФС77-59844
от 17 ноября 2014

ISSN

2542-212X

Периодичность

4 раза в год

Учредитель/Издатель

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Кабардино-Балкарский государ-
ственный университет
им. Х.М. Бербекова»

Е-mail редакции

caucasology.kbsu@gmail.com

URL-адрес издания

[http://www.kbsu.ru/nauchnye-
izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/](http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/)

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, главный научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, советник директора, руководитель научной части Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, президент Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

Дердугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, профессор, руководитель Центра развития цифровой экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии образования, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афакоевна, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллери Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Principal research fellow, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, advisor to the director, head of the scientific part, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, President, Academy of Sciences of Chechen Republic, Groznyi, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, Professor, CEO, Lomonosov Moscow State University Digital Economy Development Center, Full Member of the Russian Academy of Education, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Professor, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Principal Research Fellow, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор
Абазов Алексей Хасанович
доктор исторических наук

Заместитель главного редактора
Кажаров Артур Гусманович
доктор исторических наук

Ответственный секретарь, редактор текстов на английском языке
Ашхотова Алина Пшимурзовна

Редакционная коллегия:

Акиева Светлана Исмаиловна – доктор исторических наук;
Албогачиева Макка Султан-Гиреевна – доктор исторических наук;
Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор;
Баразбиев Муслим Исмаилович – кандидат исторических наук;
Бауаев Казим Каллетович – доктор филологических наук, доцент;
Башиева Светлана Конакбиевна – доктор филологических наук, профессор;
Берберов Бурхан Абуюсуфович – доктор филологических наук;
Бижева Зара Хаджимуратовна – доктор филологических наук, профессор;
Бижоев Борис Чамалович – доктор филологических наук;
Бозиева Наима Борисовна – кандидат филологических наук;
Боров Аслан Хажисмелович – кандидат исторических наук, доцент;
Борова Асият Руслановна – доктор филологических наук;
Бухуров Мухамед Фуадович – кандидат филологических наук;
Геграев Хаким Камильевич – кандидат исторических наук;
Гутов Адам Мухамедович – доктор филологических наук, профессор;
Дзамихов Касболат Фицевич – доктор исторических наук, профессор;
Канукова Залина Владимировна – доктор исторических наук, профессор;
Кетенчиев Мусса Бахаутдинович – доктор филологических наук;
Кудаева Зинаида Жантемировна – доктор филологических наук, доцент;
Кузьминов Петр Абрамович – доктор исторических наук, профессор;
Кучукова Зухра Ахметовна – доктор филологических наук, профессор;
Кушхабиев Анзор Викторович – доктор исторических наук;
Лобанов Владимир Борисович – кандидат исторических наук;
Мамсиров Хамитби Борисович – доктор исторических наук, профессор;
Муратова Елена Георгиевна – доктор исторических наук, профессор;
Нальчикова Елена Аниуаровна – кандидат исторических наук, доцент;
Прасолов Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент;
Сабанчиев Хаджи-Мурат Алексеевич – доктор исторических наук, профессор;
Сокаева Диана Вайнерова – доктор филологических наук;
Тамазов Муслим Султанович – кандидат исторических наук;
Текуева Мадина Анатольевна – доктор исторических наук, доцент;
Тимижев Хамиша Тарканович – доктор филологических наук, профессор;
Тумов Аскер Асланбекович – кандидат исторических наук;
Узденова Фатима Таулановна – доктор филологических наук;
Улаков Махти Зейтунович – доктор филологических наук, профессор;
Хавжокова Людмила Борисовна – кандидат филологических наук.

Editor-in-Chief

Abazov Alexey Khasanovich

doctor of science (history)

Deputy Editor-in-Chief

Kazharov Artur Gusmanovich

doctor of science (history), associate professor

Executive Secretary, English text editor

Ashkhotova Alina Pshimurzovna

Editorial board:

Akkieva Svetlana Ismailovna – doctor of science (history);

Albogachieva Makka Sultan-Gireevna – doctor of science (history);

Astvatsaturova Maya Artashesovna – doctor of science (political science), professor;

Barazbiev Muslim Ismailovich – candidate of sciences (history);

Bauaev Kazim Kalletovich – doctor of science (philology), associate professor;

Bashieva Svetlana Konakbievna – doctor of science (philology), professor;

Berberov Burkhan Abuyusufovich – doctor of science (philology);

Bizheva Zara Khadzhimuratovna – doctor of science (philology), professor;

Bizhoev Boris Chamalovich – doctor of science (philology);

Bozieva Naima Borisovna – candidate of sciences (philology);

Borov Aslan Khazhismelovich – candidate of sciences (history), associate professor;

Borova Asiyat Ruslanovna – doctor of science (philology);

Bukhurov Muhamed Fuadovich – candidate of sciences (philology);

Gegraev Hakim Kamilevich – candidate of sciences (history);

Gutov Adam Mukhamedovich – doctor of science (philology), professor;

Dzamikhov Kasbolat Fitzevich – doctor of science (history), professor;

Kanukova Zalina Vladimirovna – doctor of science (history), professor;

Ketenchiev Mussa Bakhautdinovich – doctor of science (philology);

Kudaeva Zinaida Zhantemirovna – doctor of science (philology), associate professor;

Kuzminov Petr Abramovich – doctor of science (history), professor;

Kuchukova Zukhra Akhmetovna – doctor of science (philology), professor;

Kushkhabiev Anzor Viktorovich – doctor of science (history);

Lobanov Vladimir Borisovich – candidate of sciences (history);

Mamsirov Khamitbi Borisovich – doctor of science (history), professor;

Muratova Elena Georgievna – doctor of science (history), professor;

Nalchikova Elena Aniuarovna – candidate of sciences (history), associate professor;

Prasolov Dmitry Nikolaevich – candidate of sciences (history), associate professor;

Sabanchiev Haji-Murat Alekseevich – doctor of science (history), professor;

Sokaeva Diana Vainerova – doctor of science (philology);

Tamazov Muslim Sultanovich – candidate of sciences (history);

Tekueva Madina Anatolyevna – doctor of science (history), associate professor;

Timizhev Khamisha Tarkanovich – doctor of science (philology), professor;

Tumov Asker Aslanbekovich – candidate of sciences (history);

Uzdenova Fatima Taulanovna – doctor of science (philology);

Ulakov Makhti Zeitunovich – doctor of science (philology), professor;

Khavzhokova Lyudmila Borisovna – candidate of sciences (philology).

СОДЕРЖАНИЕ***ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ*****Археология и древняя история**

- Осташинский С.М., Черленок Е.А., Кулькова М.А.**
Особенности технологии изготовления керамики навеса Мешоко **15-28**

Средневековая и новая история

- Кануков З.Т.**
Дарьяльская крепость: причины строительства
и роль в обеспечении безопасности в Закавказье **29-39**

- Кожев З.А.**
Внутриполитический кризис в Кабарде 1589 г.:
предпосылки, исторический контекст, последствия **40-54**

- Магарамов Ш.А., Сефербеков М.Р.**
Политико-поведенческие модели участников российско-турецкого
пограничья Восточного Закавказья в первой трети XVIII в. **55-64**

- Хагажеев М.А.**
Горские словесные суды Кубанской и Терской областей (1871–1918):
основные направления и перспективы
сравнительно-исторического исследования **65-74**

- Прасолов Д.Н.**
Зольские события 1913 г. как кризис доверия в практиках
общественно-государственного взаимодействия в Нальчикском округе **75-87**

Новейшая история

- Добрякова Н.А.**
К вопросу о деятельности правительства Горской республики
(май 1918 – май 1919 гг.) **88-98**

- Жанситов О.А.**
Горская республика и А. Деникин:
факторы несостоятельности антибольшевистского альянса **99-108**

- Яхутль Ю.А.**
Власть и общество в условиях военно-политического и
экономического кризиса: Кубано-Черноморская область
в начале 1920-х гг. **109-123**

Татаров А.А.Десекуляризация ислама «сверху» в Кабардино-Балкарии:
1940-е гг. – начало XXI в.**124-140****Геграев Х.К.**Межрегиональное сотрудничество Кабардино-Балкарской
Республики с субъектами Российской Федерации в 90-е годы XX в.**141-165****Аверьянов А.В., Швидкой Г.А.**Сохранение исторической памяти в топонимическом пространстве
Ростова-на-Дону: на примере присвоения почетных
наименований школам**166-174**

Этнология, антропология и этнография

Зельницкая Р.Ш.Амулеты и обереги народов Северо-Западного Кавказа
в собрании Российского этнографического музея**175-191****Победоносцева-Кая А.О.**«Как скверно, что я вынимал души людей»:
концепции души и загробной жизни у езидов Закавказья в XX веке**192-213****Алкиева С.И., Бер А.Р.**Национально-культурное самоопределение этнических сообществ
Кабардино-Балкарской Республики как составляющая российской
гражданской идентичности**214-223**

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Шаов А.Р., Яганова З.Э.

История археологического изучения городища Гунделен-2

224-236**Журтова А.А.**Теоретико-методологические основы исследования
делопроизводственных материалов по проблемам кавказоведения**237-260****Подгайный В.Н.**Историография проблемы гендера и властных отношений
у кабардинцев и балкарцев в XIX – начале XX века
в отечественном кавказоведении**261-276****Даудов А.Х., Овсянников Д.В.**Сабля имама Ташу-Хаджи:
к вопросу о подлинности одного экспоната**277-290**

Сень Д.В.

История горских евреев Северо-Кавказского края 1920-х – 1930-х гг.: актуальные вопросы историографии и источниковедения **291-307**

Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г., Кушхова К.А.

«...События эти имеют своих представителей и приверженцев во всех почти селениях области». Документы и материалы о Баксанских событиях 1928 г. в Кабардино-Балкарии **308-325**

Христенко Д.Н.

Довоенный СССР и национальный вопрос: Адыгея в очерке американского журналиста Дж. Кьюнитца (1931) **326-338**

Колесов В.И.

История и культура джегонасских горских евреев в современных цифровых архивах / базах данных (источниковедческий аспект) **339-351**

ФИЛОЛОГИЯ**Литература народов Российской Федерации
(литература народов Северного Кавказа)****Атабиева А.Д.**

Творческая рецепция библейских мифов в русскоязычной прозе Б. Чипчикова **352-372**

Рахманихалилелахи Ж.

Моральные дилеммы и этические конфликты в русской литературе XX века и в прозе Ф. Искандера **373-384**

Хульчаева М.Х., Гутаева Ж.Ж.

«Из тьмы веков»: эволюционный статус эпопеи **385-397**

Чекалов П.К.

Абазинская любовная и пейзажная лирика 1950-х гг. **398-421**

Фольклористика**Быхьурэ М.Ф.**

Анэм и образыр ЕщІэнокъуэ зэшхэм ехьэлІа хьыбархэм къазэрыхэщыр **422-435**

Гулиева (Занукоева) Ф.Х.

Чудесные предметы в карачаево-балкарских волшебных сказках и нартских сказаниях **436-451**

Гутов А.М.Некоторые проблемы научно-аналитического перевода
эпических текстов**452-460****Гутова Л.А.**Миф и младший эпос: проблемы диффузии
(на материалах предания и песни о Лежерокопше)**461-469****Локьяева Ж.М.**Историко-культурное и нравственно-этическое значение
карачаево-балкарских историко-героических песен**470-480*****ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА*****Кушхабиев А.В.**Деятельность Международной черкесской ассоциации
по поддержанию межнационального мира в современный период**481-496*****ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ*****Муратова Е.Г.**Социально-экономические характеристики балкарского общества
второй половины XIX – начала XX в.
(на основе посемейных списков 1886 и 1905 гг.)**497-510****Кучукова З.А., Бауаев К.К.**Рецензия на монографию Л.Б. Хавжоковой «Эволюция системы
адыгского стихосложения». – Нальчик: издательская типография
«Принт Центр», 2022. – 372 с.**511-520****Азикова Ю.М., Мамсиров Х.Б.**Рецензия на монографию «Молев Е.А., Молева Н.В. Боспорский
город Китей: монография. часть III. – Нижний Новгород:
Издательство нижегородского госуниверситета, 2022. – 453 с.: с ил., табл.»**521-531*****IN MEMORIAN*****Бабич И.Л., Крылов А.Б.**

Памяти Ирины Егоровой и журнала «Центральная Азия и Кавказ»

532-534**НАШИ АВТОРЫ****535-539**

CONTENTS***HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY*****Archaeology and ancient history**

- Ostashinsky S.M., Cherlenok E.A., Kulkova M.A.**
Features of the pottery production of the Meshoko shelter **15-28**

Medieval and modern history

- Kanukov Z.T.**
Daryal fortress: reasons for construction and role
in ensuring security in the Transcaucasus **29-39**

- Kozhev Z.A.**
Internal political crisis in the Kabarda in 1589:
background, historical context, implications **40-54**

- Magaramov Sh.A., Seferbekov M.R.**
Political-behavioral models of the russian-turkish frontier actors
in the Eastern Caucasus in the first third of the 18th century **55-64**

- Hagazheev M.A.**
The Mountain verbal courts of the Kuban and Tersk oblasts (1871–1918):
the main directions and prospects of comparative historical research **65-74**

- Prasolov D.N.**
Zolsky uprising 1913 as a crisis of trust in practices
of society-state interaction in Nalchik district **75-87**

Contemporary history

- Dobryakova N.A.**
On the question of the activities of the government
of the Mountain republic (may 1919 – may 1919) **88-98**

- Zhansitov O.A.**
The Mountainous republic and A. Denikin:
factors of the inefficacy of the anti-bolshevik alliance **99-108**

- Yakhutl Y.A.**
Power and society in conditions of military-political and economic crisis:
the Kuban-Black Sea region in the early 1920s **109-123**

Tatarov A.A.

“Top-down” desecularization of islam in Kabardino-Balkaria:
1940s – beginning of the XXI century

124-140**Gegrayev H.K.**

Interregional cooperation of the Kabardino-Balkarian Republic
with the subjects of the Russian Federation in the 90s of the XX century

141-165**Aver'janov A.V., Shvidkoy G.A.**

Preservation of historical memory in rostov-on-don's toponymic space:
an example of the assignment of honorary names to schools

166-174**Ethnology, anthropology and ethnography****Zelnitskaya R.Sh.**

Amulets and charms of the peoples of the Northwestern Caucasus
in the Russian Museum of Ethnography collection

175-191**Pobedonostseva-Kaya A.O.**

“I am so sorry that I took out human souls”: the concepts of soul
and the afterlife among the Transcaucasian Yazidis in modern times

192-213**Akkieva S.I., Ber A.R.**

National-cultural self-determination of ethnic communities
of the Kabardino-Balkarian Republic as a component
of Russian civil identity

214-223**Historiography, source studies, methods of historical research****Shaov A.R., Yaganova Z.E.**

The history of the archaeological study
of the fortified settlement of Gundelen-2

224-236**Zhurtova A.A.**

Theoretical and methodological foundations for the research
of office documentation on problems of Caucasian studies

237-260**Podgainui V.N.**

Historiography of the problem of gender and power relations
among kabardians and balkars in the XIX – early XX century
in the Russian Caucasian studies

261-276**Daudov A.Kh., Ovsjannikov D.V.**

The Saber of Imam Tashu-Khaji from Sayasan:
to the question of the authenticity of one exhibitor

277-290

- Sen' D.V.**
History of mountain Jews of the North Caucasus region 1920s – 1930s:
current issues in historiography and sources **291-307**
- Dzamikhov K.F., Kazharov A.G., Kushkhova K.A.**
“...These events have their representatives of supporters in almost
all villages of the region.” Documents and materials about
the Baksan events of 1928 in Kabardino-Balkaria **308-325**
- Khristenko D.N.**
The Pre-War USSR and the National Question:
Adygea in an Essay by the American Journalist J. Kunitz (1931) **326-338**
- Kolesov V.I.**
Dzhegonas mountain jews history and culture
in the modern digital archives / datebases (source study aspect) **339-351**

PHILOLOGY

Literature of the peoples of the Russian Federation (literature of the peoples of the North Caucasus)

- Atabieva A.D.**
Creative reception of biblical myths
in the B. CHipchikov's russian-language prose **352-372**
- Rahmanikhalilelahi Zh.**
Moral dilemmas and ethical conflicts in russian literature
of the 20TH century and in the prose of F. Iskander **373-384**
- Khulchaeva M.Kh., Gutaeva Zh.Zh.**
«From the darkness of ages»: the evolutionary status of the epic **385-397**
- Chekalov P.K.**
Abaza love and landscape lyrics of the 1950s. **398-421**

Folklore studies

- Bukhurov M.F.**
The mother image in the cycle of legends about the Eshanoko brothers **422-435**
- Gulieva (Zanukoeva) F.H.**
Wonderful objects
in Karachay-Balkarian magical fairy-tales and Nart tales **436-451**

Gutov A.M.
Some problems of scientific and analytical translation of epic texts **452-460**

Gutova L.A.
Myth and the younger epic: problems of diffusion
(based on the materials of legend and song about Lezherokopsh) **461-469**

Lokyaeva Zh.M.
Historical-cultural and moral-ethical significance
of karachay-balkarian historical-heroic songs **470-480**

PROBLEMS OF CONTEMPORARY SOCIETY

Kushkhabiev A.V.
Activities of the International Circassian association to support
the interethnic peace in the modern period **481-496**

ESSAYS, NOTES, REVIEWS

Muratova E.G.
Socio-economic characteristics of the Balkar society in the second half
of the 19th – early 20th centuries (based on family lists of 1886 and 1905) **497-510**

Kuchukova Z.A., Bauaev K.K.
Review of the monograph by L.B. Khavzhokova «Evolution of the system
of adyghe verse». – Nalchik: publishing
house «Print Center», 2022. – 372 p. **511-520**

Azikova Yu.M., Mamsirov Kh.B.
Review of the monograph "Molev E.A., Moleva N.V. Bosporan city of
Kitey: monograph. Part III. – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod
state university publishing house, 2022. – 453 p.: with ill., table." **521-531**

IN MEMORIAN

Babich I.L., Krylov A.B.
In memory of Irina Egorova
and the journal «Central Asia and the Caucasus» **532-534**

OUR AUTHORS **535-539**

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Археология и древняя история

Научная статья

УДК 902/904

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-15-28

EDN: AATLJS

ОСОБЕННОСТИ ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЕРАМИКИ НАВЕСА МЕШОКО

**Сергей Матвеевич Осташинский¹, Евгений Александрович Черленок²,
Марианна Алексеевна Кулькова³**

¹ Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия, osm@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4627-0885>

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия, e.cherlenok@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4605-6299>

³ Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, kulkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9946-8751>

Аннотация. В статье приведены результаты петрографического анализа керамики навеса Мешоко. Всего исследовано 32 фрагмента, 22 экз. – из 5 (энеолитического) слоя, 10 экз. – из верхней части 6 слоя (слоя ба). На основе анализа выделено 4 группы керамики. Группа 1 состоит из фрагментов с примесью известняка, группа 2 – с примесью известняка и интрузивных пород, группа 3 – с примесью известняка и метаморфических пород, группа 4 – с примесью интрузивных пород. Также были определены типы глин, среди которых преобладают тощие глины смектитового и смектит-хлоритового состава. На основании типов глин, вариантов обжига и отощителя внутри групп были выделены подгруппы. Керамика всех выделенных групп встречается и в 5, и в 6 слое, но подгруппы их полностью различают. Помимо состава, керамика этих слоев отличается продолжительностью обжига и характером обработки поверхности. Результаты анализа керамики 5 и 6 слоя навеса Мешоко также были сопоставлены с результатами анализа керамики поселения Мешоко. Керамика его нижнего слоя оказалась полностью отлична от керамики навеса. Но верхнюю часть отложений поселения с навесом объединяет присутствие керамики с примесью известняка. Однако и здесь выявлены отличия в температуре и продолжительности обжига, характере обработки поверхности. Полученные данные свидетельствуют о значительном разнообразии керамических традиций в энеолите бассейна реки Белой, что может говорить и о сложном составе населения.

Ключевые слова: Северный Кавказ; энеолит; навес Мешоко, поселение Мешоко; петрографический анализ; примеси; типы глин.

Для цитирования: Осташинский С.М., Черленок Е.А., Кулькова М.А. Особенности технологии изготовления керамики навеса Мешоко // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 15-28. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-15-28. EDN: AATLJS.

Original article

**FEATURES OF THE POTTERY PRODUCTION
OF THE MESHOKO SHELTER****Sergey M. Ostashinsky¹, Evgeny A. Cherlenok², Marianna A. Kulkova³**¹ State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia, osm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4627-0885>² Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, e.cherlenok@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4605-6299>³ A.I. Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia, kulkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9946-8751>

Abstract. The article describes the findings of a petrographic research of the Meshoko shelter's ceramics. A total of 32 fragments were studied, 22 fragments – from the 5th (Chalcolithic) layer, 10 fragments – from the upper part of the 6th layer (layer 6a). Based on the analysis, 4 groups of ceramics were identified. Group 1 consists of fragments with admixture of limestone, group 2 – with admixture of limestone and intrusive rocks, group 3 – with admixture of limestone and metamorphic rocks, group 4 – with admixture of intrusive rocks. The types of clays were also determined, among which lean clays of smectite and smectite-chlorite composition predominate. Based on the types of clays, firing options and admixture within the groups, subgroups were identified. Ceramics of all the selected groups are found in both the 5th and 6th layers, but their subgroups completely distinguish. This ceramics also differ in the duration of firing and the nature of surface treatment. The results of the ceramics study of the Meshoko shelter's 5th and 6th strata were also compared with the results of the Meshoko settlement's ceramics analysis. The ceramics of its lower layer turned out to differ completely from the ceramics of the shelter. But the upper part of the settlement deposits with a shelter is united by the presence of ceramics with an admixture of limestone. However, there are also differences in the temperature and duration of firing, the nature of surface treatment. The data obtained indicate a significant diversity of ceramic traditions in the Chalcolithic of the Belaya River basin, which may also indicate a complex composition of the population.

Keywords: North Caucasus; Chalcolithic; Meshoko shelter, Meshoko settlement; petrographic analysis; admixture; types of clays.

For citation: Ostashinsky S.M., Cherlenok E.A., Kulkova M.A. Features of the pottery production of the Meshoko shelter. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 15-28. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-15-28. EDN: AATLJS.

© Ostashinsky S.M., Cherlenok E.A., Kulkova M.A., 2023

Навес Мешоко расположен в низкогорной зоне Республики Адыгея, в окрестностях пос. Каменноостровский. Навес был открыт экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством А.Д. Столяра в 1963 г. [Столяр, Формозов 2009: 107]. В 2011 г. исследования навеса были возобновлены Закубанской экспедицией Эрмитажа. В ходе этих работ была уточнена стратиграфия памятника, в которой на данный момент насчитывается 6 основных слоев. Наиболее важным и информативным из них является 5 слой, принадлежащий энеолиту (медному веку) и датирующийся 38-37 вв. до н.э. [Осташинский, Черленок 2020: 50-51]. Этот слой выделяется большим количеством строительных остат-

ков, что говорит об использовании навеса в этот период для постоянного обитания. Одной из проблем, связанных с изучением 5 слоя, является его соотношение с материалами расположенного неподалеку укрепленного поселения Мешоко. И поселение и 5 слой навеса относятся к энеолитической мешоковской культуре¹ (также называемой закубанской, дарквети-мешоковской или культурой накольчато-жемчужной керамики), памятники которой известны на обширной территории от Кисловодска до Новороссийска. Отличительной чертой керамического комплекса мешоковской культуры является жемчужный орнамент в виде выдавленных изнутри черепка небольших округлых выпуклин (рис. 1, 4-5). Из-за сильной фрагментированности керамики ее типология пока не разработана. Характерны сосуды с плавно отогнутым венчиком (рис. 1, 3). В большинстве памятников также присутствуют высокогорлые сосуды, с узким или широким горлом (рис. 1, 1-2), с венчиком, отогнутым наверху [Резепкин 2005]. Форма тулова может быть овальной, шаровидной или мешковидной, донца сосудов, вероятно, в основном были округлыми. В материалах некоторых поселений встречаются также миски, миниатюрные и крупные тарные сосуды.

Слой 6 является последним в стратиграфической колонке навеса. Он сильно поврежден вышележащими отложениями 5 слоя и находится в начальной стадии изучения. Для его верхнего уровня (слой 6а) характерно присутствие ям, стенки и дно которых промазаны красной охрой. Следов долговременного обитания в слое 6а не обнаружено, характер использования навеса в этот период остается неясным. Также пока не ясна культурно-хронологическая атрибуция этих отложений. Материальная культура слоя 6а выделяется сочетанием качественной керамики (рис. 1, 6-11) и относительно архаичной кремневой индустрии, содержащей геометрические микролиты. Достоверных случаев присутствия жемчужного орнамента в этих отложениях не зафиксировано, из-за сильной фрагментированности материала формы сосудов не реконструируются. Поэтому пока нет оснований для того, чтобы относить этот слой к мешоковской культуре. Тем не менее, высокое качество керамики, а также находка двух фрагментов браслетов позволяют предполагать энеолитический возраст этого культурного комплекса. Керамика слоя 6а визуально отличается от керамики 5 слоя. Она выделяется высоким качеством обработки поверхности – очень ровной и хорошо лощеной, цветовой гаммой – бежевого, серого или коричневого цвета, высокой плотностью и тонкостенностью черепка. Однако формы плавно отогнутых венчиков (рис. 1, 11), близки венчикам сосудов 5 слоя. Поэтому еще одной задачей работы является сопоставление результатов петрографического анализа керамики 5 и 6а слоя.

Всего для проведения анализа было отобрано 32 фрагмента стенок сосудов, из которых 22 экз. относятся к 5 слою (табл. 1, №№ 1-22), 10 экз. – к 6а слою (табл. 1, №№ 23-32). Изучение состава глины показало, что в отобранной серии преобладают тощие глины смектитового (15 экз.) и смектит-хлоритового состава (12 экз.). Жирные глины зафиксированы всего у 5 образцов, из них 2 экз. изготовлены из смектитовой глины, 2 экз. – из каолининовой, 1 экз. – из ка-

¹ Термин впервые предложен в работе А.Н. Гея [Гей: 2014]

олигит-карбонатной. Преобладающей искусственной примесью к глине является дробленый известняк, обнаруженный в 30 образцах, в 11 из которых он сочетается с включениями других пород камня. Все исследованные фрагменты были подвергнуты среднетемпературному костровому обжигу, 21 экз. – кратковременному, 11 экз. – долговременному. Важным наблюдением, касающимся технологии изготовления керамики, стало выявление почти на всех образцах поверхностного глиняного покрытия. Оно наносилось на обе поверхности черепка (19 экз.) или только на его внешнюю поверхность (12 экз.). По составу примеси (отошителя) все исследованные фрагменты разделяются нами на 4 группы. Внутри групп по типам глины и обжига и вариантам отошителя выделяются подгруппы.

Группа 1. Отошитель: дресва - дробленый известняк.

Группа 1.1 – 10 экз. (рис. 2, 1-3, 5, 8-10; 4, 1-2; №№ 1, 2, 4, 6, 9, 12, 13, 15, 17, 21). Слой 5. Глины смектит-хлоритового состава, тощие (16–25% кластического материала). Обжиг среднетемпературный (650–750°C), кратковременный (9 экз.) и долговременный (1 экз.). Отошитель: дробленый известняк 50 % – 8 экз., 35% – 1 экз., 15% – 1 экз.

Группа 1.2 – 5 экз. (рис. 2, 4, 6, 7; 4, 3; №№ 7, 8, 10, 11, 19). Слой 5. Глины смектитового состава, тощие (17-22 % кластического материала). Обжиг среднетемпературный (700-850° С), кратковременный (4 экз.) и долговременный (1 экз.). Отошитель: дробленый известняк 60 % – 1 экз., 45% – 3 экз., 35% – 1 экз.

Группа 1.3 – 4 экз. (рис. 2, 11-14; 4, 4; №№ 28, 29, 30, 32). Слой ба. Глины смектитового состава, тощие (27 % кластического материала). Обжиг среднетемпературный (700-750° С), долговременный. Отошитель: дробленый известняк 60 %.

Группа 2. Отошитель: дресва – дробленый известняк + интрузивные породы

Группа 2.1 – 5 экз. (рис. 3, 1-5; 4, 5; №№ 3, 14, 16, 18, 22). Слой 5. Отошитель: дресва, дробленый известняк (15-40 %) + интрузивные породы гранит-диоритового состава (полевошпат, амфибол, кварц). Глины смектит-хлоритового состава, тощие (22 % кластического материала), смектитового состава – тощие (22 %) и жирные (2 % кластического материала). Обжиг костровой, среднетемпературный (650-750, 700-750 ° С), кратковременный (4 экз.) и долговременный (1 экз.).

Группа 2.2 – 1 экз. (рис. 3, 6; 4, 6; № 27). Слой ба. Отошитель: дресва, дробленый известняк (15 %) + интрузивные породы пироксениты (пироксен) (45 %). Глина каолинит-карбонатного состава, жирная. Обжиг костровой, среднетемпературный (700-750° С), кратковременный.

Группа 3. Отошитель: дресва - дробленый известняк + метаморфические породы

Группа 3.1 – 4 экз. (рис. 3, 8-11; 4, 8; №№ 23, 24, 25, 26). Слой ба. Отошитель: дресва, дробленый известняк (35%) + метаморфические породы – амфиболиты (8%). Глины смектитового состава, тощие (27% кластического материала). Обжиг костровой, среднетемпературный (700-750°C), долговременный.

Группа 3.2 – 1 экз. (рис. 3, 7; 4, 7; № 5). Слой 5. Отощитель: дресва, дробленый известняк (35%) + метаморфические породы – гнейс (полевошпатовый шпат, амфибол, кварц) (15%). Глина смектит-хлоритового состава, тощая (25% кластического материала). Обжиг костровой, среднетемпературный (650-750°C), кратковременный.

Группа 4. Отощитель: дресва – интрузивные породы гранитдиоритового состава (полевошпатовый шпат, амфибол, кварц) – 2 экз. (рис. 3, 12-13; 4, 9-10; №№ 20, 31). Слой 5, 6а. Глины каолинового состава, жирные (2% кластического материала). Отощитель: дресва, интрузивные породы гранитдиоритового состава (полевошпатовый шпат, амфибол, кварц) (45%). Обжиг костровой, среднетемпературный (700-750°C), кратковременный.

Данные результатов петрографического анализа позволяют выявить сходства и отличия керамики 5 и 6 слоя навеса. Четыре образца из 10 проанализированных фрагментов керамики 6 слоя принадлежат группе 1 (примесь известняка), к которой относится и большинство образцов 5 слоя. Внутри этой группы они обособляются в отдельную подгруппу (1.3), так как содержат наибольшее количество известняка в тесте и изготовлены с помощью долговременного обжига. Остальные шесть фрагментов еще более заметно отличаются от керамики 5 слоя. Четыре из них принадлежат группе 3.1. (примесь известняка и амфиболитов), которая типична для слоя 6. Оставшиеся два фрагмента обладают заметными индивидуальными особенностями. В еще большей степени, чем состав примесей эту керамику отличает продолжительность обжига и характер обработки поверхности. Для большей части фрагментов керамики 6 слоя (8 из 10 образцов) определен долговременный обжиг, в то время как для керамики 5 слоя характерен кратковременный, зафиксированный у 20 из 22 фрагментов. Еще одна особенность керамики 6 слоя – покрытие внешней поверхности черепка слоем тонкой отмученной глины, выявленное у всех 10 образцов. Для керамики 5 слоя типично присутствие внешнего слоя глины (не отмученной) на обеих поверхностях. Таким образом, петрографический анализ, помимо сходства, выявил и существование заметных отличий в технологии изготовления керамики 5 и 6 слоя, касающихся как подготовки формовочной массы, так и обжига, и обработки поверхности. Не исключено, что данные отличия имеют культурный характер. Но учитывая незначительное количество исследованных образцов керамики 6 слоя, эту оценку следует считать предварительной.

Результаты анализа керамики 5 и 6 слоя навеса также интересно сопоставить с недавно полученными результатами анализа керамики поселения Мешоко [Осташинский, Кулькова 2021]. Как было установлено, для его верхнего слоя типично присутствие керамики с примесью известняка (группа 1) и дробленого диорита (группа 2), в нижнем слое преимущественно встречается керамика с примесью биогенных карбонатов и песка (группа 3), а также кальцита (группа 4). Керамика нижнего слоя поселения Мешоко, очевидно, не находит себе аналогий ни в материалах 5, ни в материалах 6 слоя навеса. На данный момент нижний слой Мешоко выглядит довольно изолированным явлением, хотя визуально своей тонкостенностью и хорошим лощением его керамика и напоминает керамику 6 слоя.

Общие черты с навесом имеет только керамика верхнего слоя поселения. Большая часть исследованных фрагментов керамики 5 слоя навеса (15 из 22 экз., то есть 68%) принадлежит к 1 группе, с примесью известняка, которая аналогична 1 группе керамики поселения Мешоко. Это соответствует нашим представлениям о том, что 5 слой навеса продолжает и развивает культуру, представленную верхним слоем поселения. Можно предположить, что и группа 2.1 керамики 5 слоя навеса (5 экз.), в которую включены фрагменты с примесью известняка в сочетании с интрузивными породами гранит-диоритового состава, соединяет в себе особенности 1 и 2 группы керамики поселения Мешоко. Сходство, однако, не исключает различий. В верхнем слое поселения преобладает долговременный обжиг при температуре 750-850°, а в 5 слое навеса – кратковременный 650-750°. Различается и качество обработки поверхности, в навесе все фрагменты имеют хорошее лощение, отсутствует пористая керамика и керамика, грубая от выступающих наружу примесей, типичная для самого верха отложений поселения Мешоко.

Некоторое сходство с верхним слоем поселения имеет и керамика 6 слоя навеса, в котором зафиксированы 4 фрагмента с примесью известняка, отнесенные к группе 1.3. Она также аналогична 1 группе керамики поселения Мешоко. Сближает их и применение долговременного обжига.

Таким образом, проведенный петрографический анализ керамики навеса позволил выявить ее технологические особенности, а также показал наличие существенной разницы в приемах изготовления керамики 5 и 6 слоя. Сопоставление полученных результатов с результатами исследования керамики поселения Мешоко выявило, помимо отличий, и существование определенного сходства материалов 5 и, в меньшей степени, 6 слоя навеса с материалами верхней и средней части отложений поселения. Но с материалами нижнего слоя поселения Мешоко были выявлены только различия. Эти данные свидетельствуют о значительном разнообразии керамических традиций в энеолите низкогорной части бассейна реки Белой, которое, вероятно, свидетельствует и о гетерогенности населения данного микрорегиона.

Приложение. Табл. 1. Петрографический анализ образцов керамики навеса Мешоко.

№ образца	Шифр, Слой, квадрат	Толщина	Состав глины, % клас-тиче-ского материала	Состав глины, размер зерен	Отощитель %, размер обломков	t обжига, С°	Продолжительность обжига	Покрытие внешн. (+) и внутр. (++) поверхности
1	Мшн-12/7178, слой 5	10 мм	Смектитовый, тощая, 16%	Плагиоклаз, амфибол, 0,042-0,07 мм.	Дресва, дробленый известняк (50%), 0,7-0,42 мм	650-750	Кратковр.	+
2	Мшн-12/7171, слой 5	8 мм	Смектит-хлоритовый, тощая, 22%	Плагиоклаз, амфибол, 0,042-0,07 мм. Включения железо-глинистых пеллитов.	Дресва, дробленый известняк (50%), 0,7-0,42 мм	650-750	Долговр.	+ ++
3	Мшн-12/7214, слой 5	8 мм	Смектит-хлоритовый, тощая, 22%	Плагиоклаз, амфибол, 0,042-0,07 мм. Включения железо-глинистых пеллитов.	Дресва, дробленый известняк (35%) + интрузивные породы гранит-диоритового состава - полево-шпат, амфибол, кварц (15%), 0,7-0,8 мм	650-750	Кратковр.	+ ++
4	Мшн-12/	12 мм	Смектит-	Плагиоклаз, ам-	Дресва, дробленый из-	650-750	Кратковр.	+

	7016, слой 5		хлоритовый, тощая, 22%	фибол, 0,042-0,07 мм. Включения железо-глинистых пеллитов.	вестняк (50%), 0,8-1,2 мм			++
5	Мшн-12/ 7167, слой 5	9 мм	Смектит- хлоритовый, тощая, 25%	Плагиоклаз, ам- фибол, 0,042-0,07 мм	Дресва, дробленый из- вестняк (35%) + мета- морфические породы: гнейс - полевой шпат, амфибол, кварц (15%), 0,7-0,8 мм	650-750	Кратковр.	+ ++
6	Мшн-12/ 7017, слой 5	11 мм	Смектит- хлоритовый, тощая, 25%	Плагиоклаз, ам- фибол, 0,042-0,07 мм. Включения железо-глинистых пеллитов.	Дресва, дробленый из- вестняк (50%), 0,42-0,8 мм	650-750	Кратковр.	+ ++
7	Мшн-12/ 7199, слой 5	7 мм	Смектитовый, тощая, 17%	Плагиоклаз, му- сковит, 0,042-0,07 мм. Включения железо-глинистых пеллитов.	Дресва, дробленый из- вестняк (45%), 0,7-0,42 мм	700-850	Кратковр.	+ ++
8	Мшн-12/ 7222, слой 5	6 мм	Смектитовый, тощая, 17%	Плагиоклаз, му- сковит, 0,042-0,07 мм. Включения железо-глинистых пеллитов.	Дресва, дробленый из- вестняк (45%), 0,7-1,2 мм	700-850	Кратковр.	+ ++
9	Мшн-12/ 7058, слой 5	9 мм	Смектит- хлоритовый, тощая, 22%	Плагиоклаз, ам- фибол, 0,042-0,07 мм. Включения железо-глинистых пеллитов.	Дресва, дробленый из- вестняк (50%), 0,7-0,8 мм	650-750	Кратковр.	+ ++
10	Мшн-12/ 7203, слой 5	8 мм	Смектитовый, тощая, 17%	Плагиоклаз, му- сковит, 0,042-0,07 мм. Включения железо-глинистых пеллитов.	Дресва, дробленый из- вестняк (60%), 0,7-1, 2 мм	700-850	Долговр.	
11	Мшн-12/ 7262, слой 5	11 мм	Смектитовый, тощая, 22%	Плагиоклаз, му- сковит, 0,042-0,07 мм. Включения железо-глинистых пеллитов.	Дресва, дробленый из- вестняк (45%), 0,7-1,2 мм	700-850	Кратковр.	+ ++
12	Мшн-12/ 7158, слой 5	8 мм	Смектит- хлоритовый, тощая, 22%	Плагиоклаз, ам- фибол, 0,042-0,07 мм. Включения железо-глинистых пеллитов.	Дресва, дробленый из- вестняк (50%), 0,7-0,8 мм	650-750	Кратковр.	+ ++
13	Мшн-12/ 7058, слой 5	7 мм	Смектит- хлоритовый, тощая, 22%	Плагиоклаз, ам- фибол, 0,042-0,07 мм. Включения железо-глинистых пеллитов.	Дресва, дробленый из- вестняк (50%), 0,7-0,8 мм	650-750	Кратковр.	+ ++
14	Мшн- 19/пром. Яма 365, слой 5	7 мм	Смектитовый, жирная, 2%	-	Дресва, дробленый из- вестняк (15%) + интру- зивные породы гранит- диоритового состава - полевой шпат, амфибол, кварц (35%), 0,7-0,8 мм	650-750	Кратковр.	+ отмуч. со слодой ++
15	Мшн- 19/пром. М-22, слой 5	9 мм	Смектит- хлоритовый, тощая, 22%	Плагиоклаз, ам- фибол, 0,042-0,07 мм. Включения железо-глинистых пеллитов.	Дресва, дробленый из- вестняк (50%), 0,7-0,8 мм	650-750	Кратковр.	+ отмуч. ++
16	Мшн- 19/пром. О16-17, под площад- кой IX, слой 5	13 мм	Смектит- хлоритовый, тощая, 22%	Плагиоклаз, ам- фибол, 0,042-0,07 мм. Включения железо-глинистых пеллитов.	Дресва, дробленый из- вестняк (40%) + интру- зивные породы гранит- диоритового состава - полевой шпат, амфибол, кварц (10%), 0,7-0,8 мм	650-750	Кратковр.	+ ++
17	Мшн- 19/пром. Яма 366, слой 5	9 мм	Смектит- хлоритовый, тощая, 22%	Плагиоклаз, ам- фибол, 0,042-0,07 мм. Включения железо-глинистых пеллитов.	Дресва, дробленый из- вестняк (15%), 0,7-0,8 мм	650-750	Кратковр.	+ отмуч. ++ отмуч.
18	Мшн- 19/пром. Н-19, слой 5	7 мм	Смектитовый, жирная, 2%	-	Дресва, дробленый из- вестняк (15%) + интру- зивные породы гранит- диоритового	700-750	Долговр.	+ отмуч. со слодой ++

					состава - полевой шпат, амфибол, кварц (45%), 0,7-1,4 мм			
19	Мшн-19/пром. Н-19, слой 5	7 мм	Смектитовый, тощая, 22%	Плагиоклаз, амфибол, 0,042-0,07 мм. Включения железо-глинистых пеллитов.	Дресва, дробленый известняк (35%), 0,7-1,4 мм	700-800	Кратковр.	+ ++
20	Мшн-19/пром. Н-19, слой 5	7 мм	Каолинитовый, жирная, 2%	-	Дресва, интрузивные породы гранит-диоритового состава - полевой шпат, амфибол, кварц (45%), 0,7-1,4 мм	700-750	Кратковр.	+ отмуч. со слюдой
21	Мшн-19/пром. О16-17, под площадкой IX, слой 5	11 мм	Смектит-хлоритовый, тощая, 22%	Плагиоклаз, амфибол, 0,042-0,07 мм. Включения железо-глинистых пеллитов.	Дресва, дробленый известняк (35%), 0,7-1,2 мм	650-750	Кратковр.	+ ++
22	Мшн-19/пром. М-22, слой 5	8 мм	Смектитовый, тощая, 22%	Плагиоклаз, амфибол, 0,042-0,07 мм.	Дресва, дробленый известняк (35%) + интрузивные породы гранит-диоритового состава - полевой шпат, амфибол, кварц (8%), 0,7-1,4 мм	700-750	Кратковр.	+ отмуч. со слюдой. ++
23	Мшн-18/467, слой 6а	5 мм	Смектитовый, тощая, 27%	Плагиоклаз, амфибол, 0,042-0,07 мм.	Дресва, дробленый известняк (35%) + метаморфические породы - амфиболиты (8%), 0,7-1,4 мм	700-750	Долговр.	+ отмуч. .
24	Мшн-18/298, слой 6а	6 мм	Смектитовый, тощая, 27%	Плагиоклаз, амфибол, 0,042-0,07 мм.	Дресва, дробленый известняк (35%) + метаморфические породы - амфиболиты (8%), 0,7-1,4 мм	700-750	Долговр.	+ отмуч.
25	Мшн-18/292, слой 6а	5 мм	Смектитовый, тощая, 27%	Плагиоклаз, амфибол, 0,042-0,07 мм.	Дресва, дробленый известняк (35%) + метаморфические породы - амфиболиты (8%), 0,7-1,4 мм	700-750	Долговр.	+ отмуч.
26	Мшн-19/1585, слой 6а	7 мм	Смектитовый, тощая, 27%	Плагиоклаз, амфибол, 0,042-0,07 мм.	Дресва, дробленый известняк (35%) + метаморфические породы - амфиболиты (8%), 0,7-1,4 мм	700-750	Долговр.	+ отмуч.
27	Мшн-18/64, слой 6а	6 мм	Каолинит-карбонатный, жирная, 7%.	-	Дресва, интрузивные породы пироксениты (пироксен) (45%) + известняк (15%), 0,7-1,4 мм	700-750	Кратковр.	+ отмуч. со слюдой.
28	Мшн-18/1095, слой 6а	6 мм	Смектитовый, тощая, 27%	Плагиоклаз, амфибол, 0,042-0,07 мм. Включения железо-глинистых пеллитов.	Дресва, дробленый известняк (60%), 0,7-1,4 мм	700-750	Долговр.	+ отмуч.
29	Мшн-18/1663, слой 6а	5 мм	Смектитовый, тощая, 27%	Плагиоклаз, амфибол, 0,042-0,07 мм. Включения железо-глинистых пеллитов.	Дресва, дробленый известняк (60%), 0,7-1,4 мм	700-750	Долговр.	+ отмуч.
30	Мшн-18/5485, слой 6а	6 мм	Смектитовый, тощая, 27%	Плагиоклаз, амфибол, 0,042-0,07 мм. Включения железо-глинистых пеллитов.	Дресва, дробленый известняк (60%), 0,7-1,4 мм	700-750	Долговр.	+ отмуч.
31	Мшн-19/204, слой 6а	6 мм	Каолинитовый, жирная, 2%	-	Дресва, интрузивные породы гранит-диоритового состава - полевой шпат, амфибол, кварц (45%), 0,7-1,4 мм	700-750	Кратковр.	+ отмуч. со слюдой.
32	Мшн-18/1208, слой 6а	5 мм	Смектитовый, тощая, 27%	Плагиоклаз, амфибол, 0,042-0,07 мм. Включения железо-глинистых пеллитов.	Дресва, дробленый известняк (60%), 0,7-1,4 мм	700-750	Долговр.	+ отмуч.

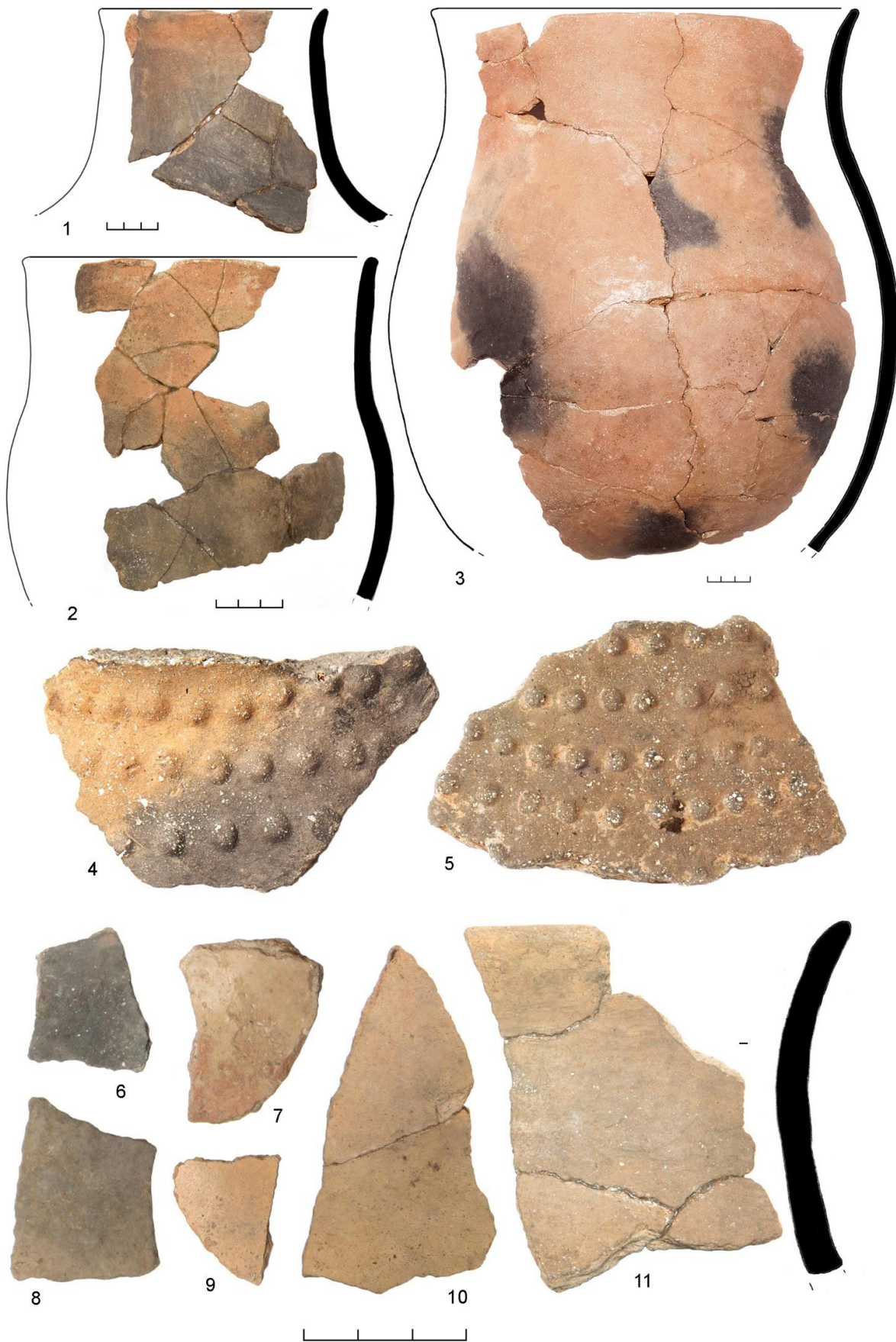

Рис. 1.
Навес Мешоко. 1-5 – керамика 5 слоя; 6-11 – керамика 6 слоя.

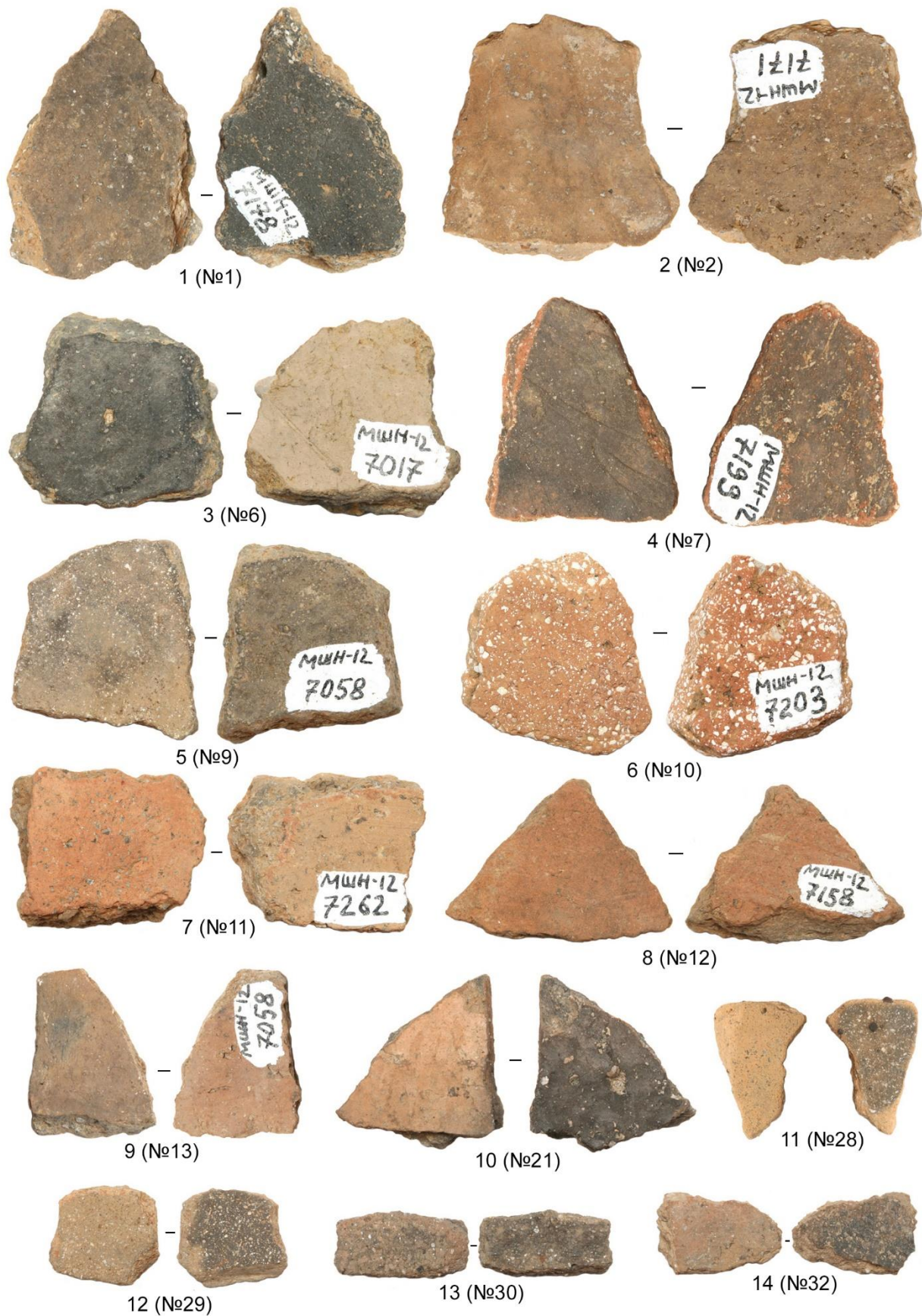
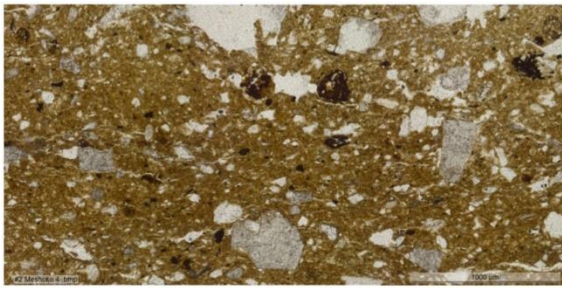

Рис. 2. Навес Мешоко. Группа 1. 1-10 – слой 5; 11-14 – слой 6. В скобках указаны номера образцов по таблице 1.

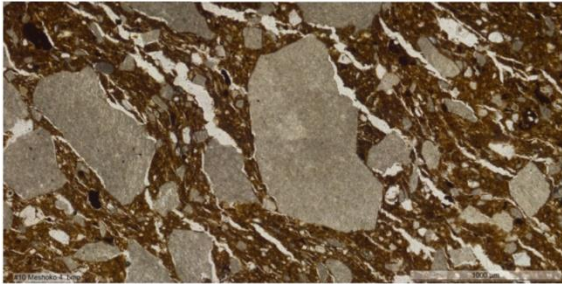
Рис. 3. Навес Мешоко. 1-6 – группа 2; 7-11 – группа 3; 12-13 – группа 4. 1-5, 7, 12 – слой 5; 6, 8-11, 13 – слой 6. В скобках указаны номера образцов по таблице 1.

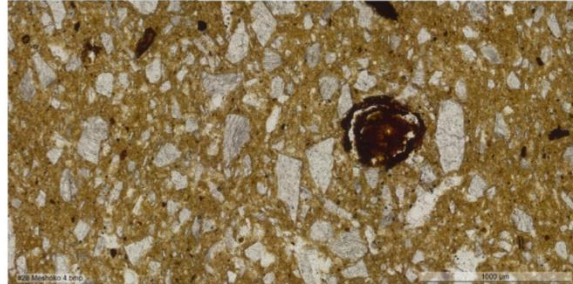
1 (№2)

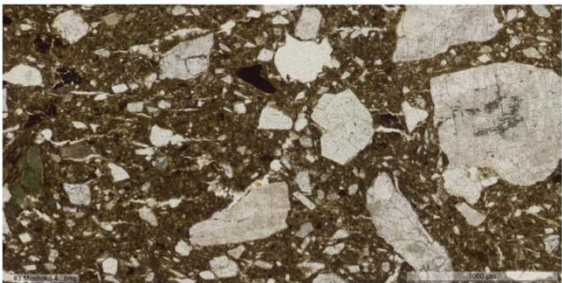
2 (№9)

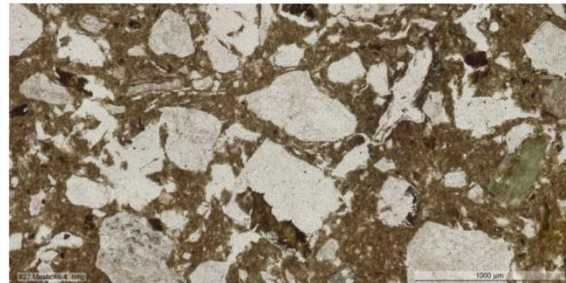
3 (№10)

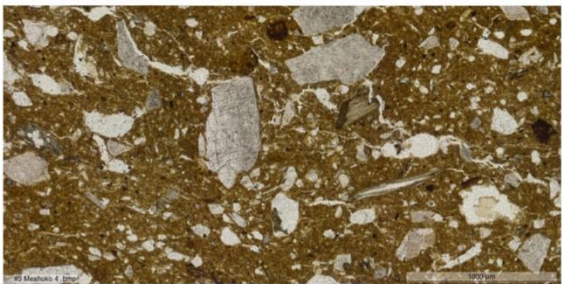
4 (№28)

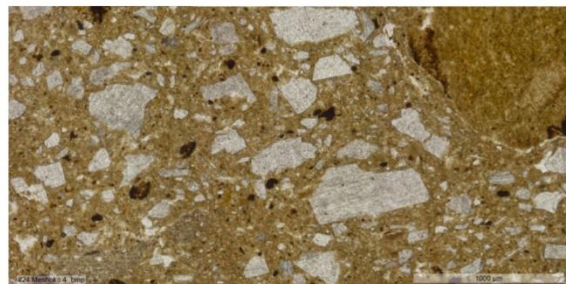
5 (№3)

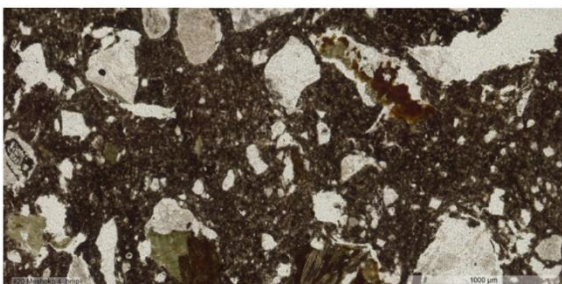
6 (№27)

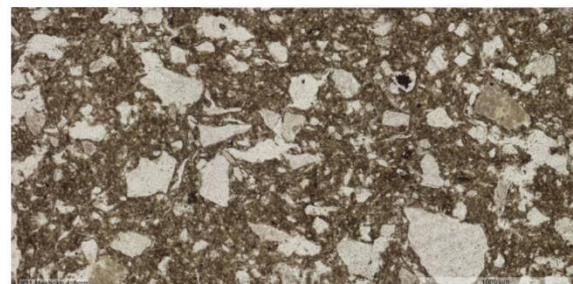
7 (№5)

8 (№24)

9 (№20)

10 (№31) (без анализаторов линейка 1000 мкм)

Рис. 4. Фото шлифов. 1-4 – группа 1; 5-6 – группа 2; 7-8 – группа 3; 9-10 – группа 4. В скобках указаны номера образцов по таблице 1.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Гей 2020 – Гей А.Н. Об одной группе энеолитической посуды поселения Мысхако (восточный холм) // КСИА. 2014. № 236. С. 15-20.

Осташинский, Кулькова 2021 – *Осташинский С.М., Кулькова М.А.* Результаты петрографического анализа поселения Мешоко // Кавказология. № 1. 2021. С. 12-25.

Осташинский, Черленок 2020 — *Осташинский С. М., Черленок Е. А.* Стратиграфия навеса Мешоко и проблема соотношения культур энеолита и бронзового века на Северо-Западном Кавказе // Кашуба М. Т. и др. (отв. ред.). Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и железном веке: диалог культур, культура диалога: МНК по археологии Кавказа и Гумбольдт-лекторий (5–8 октября 2015 года, С.-Петербург). Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2020. С. 41–53 (Archäologie in Iran und Turan. Bd. 19).

Резепкин 2005 – *Резепкин А.Д.* Энеолитическое поселение Мешоко // Материалы и исследования по археологии Кубани. – Краснодар: [б.и.], 2005. Вып. 5. – С. 73–93.

Столяр, Формозов 2009 – *Столяр А.Д., Формозов А.А.* (ред.) Мешоко – древнейшая крепость Предкавказья. Отчеты Северокавказской археологической экспедиции 1958-1965 гг. / Ред.-сост. А.Д. Столяр, А.А. Формозов. – СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. – 249 с.

REFERENCES

GEY A.N. *Ob odnoi grupe eneoliticheskoi posudy poseleniya Myskhako (vostochnyi kholm)* [Concerning certain group of Eneolithic pottery from settlement Myskhako (Eastern hill)]. IN: KSIA. 2014. № 236. – P. 15-20. (In Russ.).

OSTASHINSKII S.M., KUI'KOVA M.A. *Rezultaty petrograficheskogo analiza poseleniya Meshoko* [Results of petrographic analysis of Meshoko ceramics]. IN: Kavkazologiya. № 1. 2021. – P. 12-25. (In Russ.).

OSTASHINSKII S.M., CHERLENOK E.A. Die Stratigrafie des Meşoko-Abris und das Problem der Wechselbeziehungen der Kulturen der Äneolithikum und der Bronzezeit im Nordwestkaukasus // Der Kaukasus zwischen Osteuropa und Vorderem Orient in der Bronze- und Eisenzeit: Dialog der Kulturen, Kultur des Dialoges : Internationale Fachtagung für die Archäologie des Kaukasus und Humboldt-Kolleg (5.—8. Oktober 2015, Sankt Petersburg). Ed. by Maya T. Kašuba, Sabine Reinhold und Jurij Ju. Piotrovskij. Berlin, Dietrich-Reimer-Verlag, 2020. – P. 41-53. (Archäologie in Iran und Turan. Band 19.). (In German and Russ.).

REZEPKIN A.D. *Eneoliticheskoe poselenie Meshoko* [Eneolithic settlement of Meshoko]. IN: *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and research on archeology of the Kuban]. – Krasnodar: [w.p.], 2005. Iss. 5. – P. 73–93. (In Russ.).

STOLYAR A.D., FORMOZOV A.A. *Meshoko – drevneishaya krepost' Predkavkaz'ya. Otchety Severokavkazskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1958-1965 gg.* [Meshoko – the most ancient fortress of Ciscaucasia. Reports of the North Caucasus Archaeological Expedition 1958-1965]. Ed. by Yu. Yu. Piotrovskii. – SPb.: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2009. – 249 p. (In Russ.).

Информация об авторах

С.М. Осташинский – научный сотрудник.

Е.А. Черленок – кандидат исторических наук.

М.А. Кулькова – доктор геолого-минералогических наук, доцент.

Information about the authors

S.M. Ostashinsky – research associate.

E.A. Cherlenok – candidate of sciences (History).

M.A. Kulkova – Doctor of Sciences (Geology and Mineralogy), associate professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.11.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 15.11.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Средневековая и новая история

Научная статья

УДК 93/94

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-29-39

EDN: AQXWOS

ДАРЬЯЛЬСКАЯ КРЕПОСТЬ: ПРИЧИНЫ СТРОИТЕЛЬСТВА И РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ В ЗАКАВКАЗЬЕ

Заурбек Тимофеевич Кануков

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра Владикавказский научный центр РАН, Владикавказ, Россия, kanukov1991@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6737-6020>

Аннотация. В статье раскрыты и изучены причины строительства дарьяльских крепостных сооружений, а также проанализирована их роль в системе международных политических отношений в Кавказском регионе в разные периоды времени. Дарьяльская крепость, находящаяся в Дарьяльском ущелье Центрального Кавказа, имела большое значение для обеспечения политической, экономической и военной безопасности на Северном Кавказе и Закавказье. Политические силы, осуществлявшие контроль над ней, получали немалое количество преимуществ, необходимых для проведения своей внутренней и внешней политики. Содержание крепости, гарнизона, несущего службу в ней, а также дороги, проходящей через Дарьяльское ущелье, требовало больших денежных затрат. Несмотря на это, строительство защитных сооружений в Дарьяльском ущелье и других областях Центрального Кавказа имело большую целесообразность, так как данные укрепления помогали оборонять богатые и развитые в торговом плане страны Закавказья от набегов кочевых племен с севера. Оборонительная система как связующее звено между Европой и Азией существовала и функционировала на протяжении многих веков, что подтверждает ее важность в обеспечении безопасности и создании положительной динамики развития северокавказского и закавказского регионов.

Ключевые слова: аланы, персы, Дарьяльская крепость, стратегическая безопасность.

Для цитирования: Кануков З.Т. Дарьяльская крепость: причины строительства и роль в обеспечении безопасности в Закавказье // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 29-39. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-29-39. EDN: AQXWOS.

© Кануков З.Т., 2023

Original article

DARYAL FORTRESS: REASONS FOR CONSTRUCTION AND ROLE IN ENSURING SECURITY IN THE TRANSCAUCASUS

Zaurbek K. Timofeevich

V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, branch of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Scientific Center

Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz, Russia, kanukov1991@mail.ru / <https://orcid.org/0009-0006-6737-6020>

Abstract. The article explains and investigates the causes for the construction of Daryal fortifications, as well as their function in the system of international political ties in the Caucasus region over time. The Daryal fortress, located in the Daryal Gorge of the Central Caucasus, was of great importance for ensuring political, economic and military security in the North Caucasus and Transcaucasia. The political forces exercising control over it received a considerable number of advantages necessary to carry out their domestic and foreign policies. Maintaining the fortress, the garrison serving in it, as well as the road passing through the Daryal Gorge required large financial expenditures. Despite this, the construction of fortresses in the Daryal Gorge and other locations of the Central Caucasus was extremely useful in defending the rich and commercially developed republics of Transcaucasia against incursions by nomadic tribes from the north. The defense system as a link between Europe and Asia has existed and functioned for many centuries, which confirms its importance in ensuring security and creating positive dynamics in the development of the North Caucasus and Transcaucasian regions.

Keywords: Alans, Persians, Daryal fortress, strategic security.

For citation: Kanukov Z.T. Daryal fortress: reasons for construction and role in ensuring security in the Transcaucasus. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 29-39. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-29-39. EDN: AQXWOS.

© Kanukov Z.T., 2023

Данная тема представляется актуальной по причине того, что ее изучение позволяет раскрыть и понять суть некоторых политических процессов, происходящих на Кавказе в эпоху средневековья, когда за господство в данном регионе боролись две крупнейшие державы того времени – Византийская империя и Сасанидский Иран. Также она позволяет понять специфику стратегии территориальной безопасности двух вышеупомянутых государств в период их соседства с кочевыми племенами Северного Кавказа и предкавказских степей, набегам которых они регулярно подвергались. Ее изучением занимались такие исследователи как А.А.Туаллагов, А.А. Сланов. Во время написания научной статьи были изучены и проанализированы работы историков описываемого периода, в числе которых Егише, Прокопий Кесарийский, Иосиф Флавий и др.

Борьба за закавказский регион с Римской империей развернулась еще в период господства парфянских династий. Последовавшие за ней столкновения уже с сасанидами, так же как и в предыдущем случае имели, в первую, очередь, экономические причины. Позднеримский период характеризуется существенным расширением торгово-экономических связей Римской империи с Востоком. Торговые маршруты, через которые доставлялись товары с Запада на Восток, (и наоборот) проходили через земли Северной Месопотамии и Армении. Одним из наиболее ценных товаров, пользовавшимся спросом на Западе был шелк. Поэтому, позже, торговые маршруты, через которые осуществлялась его доставка, получили название «шелкового пути».

Армения, Картли и Албания, территориально относящиеся к закавказскому региону, имели стратегическое значение для обеих держав. Расширение своих границ, а также зоны своего влияния вдоль караванных путей позволяли изба-

виться от дополнительных таможенных пошлин, а выход к морским торгово-транспортным узлам, давал дополнительные преимущества при формировании внешнеэкономической политики. Поэтому политические и военные столкновения Ирана с Римом в Закавказье и близ побережья Средиземного моря носили регулярный характер. К таковому едва не привело, например, вторжение в Армению римского императора Трояна в 115 г. Позже, в 163 и 215 гг. вторжения повторились.

Но, несмотря на всю напряженность политической обстановки в Закавказье в описываемый период, Иран и Римская империя имели общие стратегические интересы – оборона своих закавказских владений от набегов кочевых племен с севера. Племена, занимавшие территории северокавказской предгорной равнины и предкавказских степей регулярно проникали в Закавказье с целью разграбления богатого и плодородного региона с хорошо развитой торговлей, животноводством и сельским хозяйством. В связи с этим, в районе Главного Кавказского хребта, а также в сопредельных областях, была выстроена линия оборонительных сооружений, препятствующих северным народам проникать в закавказский регион. Наиболее известными сооружениями данной линии являются Дарьяльская и Дербентская крепости. Кавказские укрепления были подконтрольны Ирану, но по причине обоюдной заинтересованности в сохранении безопасности в спорном регионе, Иран регулярно требовал от Восточно-римской империи взять на себя часть расходов по содержанию оборонительной линии [Пигулевская 1958: 391].

Большое количество авторов эпохи античности и средневековья, как в своих сочинениях по географии, так и в описании хроник военно-политических событий, имеющих место быть на Северном Кавказе и Закавказье, упоминают о неких Аланских воротах, а позже, и о Дарьяльской крепости, закрывавшей проход через них. Так, например, сохранившиеся до наших дней надписи верховного жреца Персии Кирдира на скале Ка'ба-и Зардушт, и рассказывающие нам о внешней политике Сасанидского государства со времен Шапура I (243-273 гг.), содержат упоминания о Вратах аланов. Памятник пехлевийской письменности повествует о походах царя царей в области Анэрана (пехл. 'nyl'n «не Иран»), и перечисляет принадлежащие Шапуру I страны: «Мне принадлежат [страны] Персия (Парс), Парфия, Сузиана (Сузистан), Мидия (Межан), Ассирия (Асуристан), Адиабена (Норшираган), Аравия (Арбаистан), Атропатена (Адербадиган), Армения (Армани), Иверия (Виржан), Сиган (?), Арран, Баласаган вплоть до Кавказских гор (гор Кафи) и Аланских (Алан-ан) ворот и всей гряды Эльбурзских гор...» [Аликберов, Мудрак 2020: 196]. При этом жрецы и зороастрийские храмы тех стран охранялись царским декретом, так как Закавказье в тот период уже было стратегически важным регионом для Ирана, что также выражалось в проведении последовательной религиозной политики.

Закавказье, контроль над которым был вновь установлен при Шапуре I, имело большое значение для развития экономики и торговли Сасанидского государства. В связи с этим, спустя определенный период времени, для того, чтобы закрепить свое могущество в регионе, персами было сооружено большое количество укреплений в данной области. В их число входили Дарьяльская и

Дербентская крепости. Первая находилась, как уже отмечено, в Аланских воротах – естественном проходе, называемом в наше время Дарьяльским ущельем (осет. Дайраны ком, Арвы ком).

Отношения между Персией и Византией существенно улучшились в период правления персидского шахн-шаха Ездигера I (399-421 гг.). Это позволило двум державам наладить сотрудничество в области обеспечения безопасности стратегически важного закавказского региона, который часто подвергался разорениям со стороны северных народов. Более того, именно угроза вторжения племен с севера во владения обеих держав в немалой степени консолидировала обе политические силы в данный период времени. Так, в 350 г. массагеты проникли в Закавказье через Дербентский проход и несколько лет простояли у границ Албании. В период правления Шапура II также было два нашествия с севера (последнее в 374-375 гг.). Позже в 395 г. произошло вторжение гуннов, затронувшее обе державы. Все это вынудило Персию и Рим объединить усилия. По этой причине, согласно сообщениям Иоанна Лидийского, в рамках достигнутого в 413-414 гг. мирного договора, две державы, неся равные расходы, обязались построить крепость, препятствующую проходу народов с севера на их закавказские владения. Многие исследователи полагают, что в данном соглашении речь идет о Дарьяльском укреплении. Что касается финансовых расходов двух держав на поддержание безопасности в спорном регионе, то отказ Восточно-римской империи от выплат в дальнейшем неоднократно становился причиной серьезных политических конфликтов [Мишин 2014: 245-247].

Уже после описанных событий в 449 г. при персидском царе Ездигере II в Армении вспыхивает восстание, позже затронувшее и другие страны региона. Причиной его послужила неграмотная налоговая и религиозная политика персидских властей. Восстание было подавлено, но, тем не менее, оно заметно ослабило позиции персов в Закавказье. Вскоре после этого шахн-шах Перси Ездигер II ушел из жизни. Его смерть повлекла за собой гражданскую войну в Державе Сасанидов между его сыновьями Ормиздом III и Перозом. Воспользовавшись подходящим моментом, царь Албании решил выйти из зависимости от персидских царей. Он засыпал проход через Каспийский проход близ Дербентской крепости и, призвав на помощь горские племена, нанес большой ущерб персидским войскам. Попытка после решить конфликт мирным путем для персов оказалась безрезультатной, и тогда они прибегли к помощи гуннов: «И когда увидели, что ни силой, ни любовью не смогли привести к согласию, - отправили огромные сокровища в страну Хайландуров, открыли Аланские ворота и выставили многочисленное войско из хонов и сражались они год с царем Албани. Хотя и поколебались и рассеялись его войска от войска хонов, но его не смогли покорить. К тому же и тяжелые поражения постигли хонов, частью в боях, частью и от мучительных болезней. И когда настолько затянулась осада, большая часть страны пришла в разорение, но никто из них, усомнившись, от него не откололся» [Егише 1971: 170]. И здесь уже Дарьяльские ворота персы используют как связующее звено между своими владениями в Закавказье и Северным Кавказом. Причем в данном отрывке Габриелян Р.А. предполагает, что в гуннском войске были и аланы, беря во внимание тот факт, что гунны в ар-

мянских источниках выступает как собирательное название для северных народов [Габриелян 1989: 37].

Тем не менее, есть некоторые расхождения во мнениях относительно времени строительства Дарьяльской оборонительной системы. В то время как часть исследователей полагает наиболее вероятным появление Дарьяльской крепости в период правления шахн-шаха Ездигера I в промежутке между 413-414 и 421 гг., опираясь на свидетельства Иоанна Лаврентия Лида (при этом вновь подчеркивается, что строительство проводилось по договоренности с византийской стороной), существует также мнение о появлении дарьяльского укрепления в период правления Хосрова I Ануширвана (531-579 гг.) уже в VI в. Той же версии придерживается и поздняя ирано-арабская историческая традиция [Сланов 2014: 276-277].

Опираясь на византийские письменные источники, можно сделать вывод, что утверждение о том, что Дарьяльская крепость была построена в VI в. является ошибочным. Известный византийский историк Прокопий Кесарийский, бывший секретарем у полководца Велисария, в своей работе «Тайная история», хоть и с некоторыми ошибками, но все же дает нам географическое описание Кавказского региона:

«Киликийский горный хребет Тавр сначала проходит по Каппадокии, Армении и так называемой Персоармении, затем по земле албанцев и ивиров, а также других обитающих здесь племен, либо независимых, либо подвластных персам. Он тянется на огромном пространстве, и если идти все дальше и дальше, этот хребет предстанет широкой и высокой громадой. Кто пройдет через пределы ивиров, встретит среди теснин узкую тропу, простирающуюся на пятьдесят стадий. Эта тропа упирается в круто поднимающееся и совершенно непроходимое место. Дальше не видно никакого прохода, если не считать, как бы сотворенных природой ворот, которые издревле назывались Каспийскими. Далее идут равнины, удобные для езды верхом и орошаемые обильными водами, страна большая, ровная и удобная для разведения лошадей. Здесь поселились почти все гуннские племена, занимая пространство до озера Меотиды. Когда эти гунны нападают на земли персов или римлян, то они едут на свежих лошадях через эти ворота, о которых я сейчас упомянул, не делая никаких объездов и не встречая никаких крутых подъемов, кроме тех пятидесяти стадий, которые, как сказано, ведут в пределы Иверии. Двигаясь, какими-либо другими проходами, они должны преодолевать большие трудности и не в состоянии пользоваться одними и теми же лошадьми; ибо им поневоле приходится делать большие объезды, и при этом по крутизнам. Когда на это обратил внимание Александр, сын Филиппа, он выстроил в названном месте настоящие ворота и воздвиг укрепление» [Прокопий Кесарийский 1993: 30].

Анализируя данный отрывок, становится предельно ясно, что речь в нем идет о Дарьяльском проходе, а не о дороге через Дербент, так как именно первый выходил к границам Иверии на юге. Автор описывает его как единственный удобный путь из Северного Кавказа в Закавказье (не считая Дербента). Также в отрывке говорится об угрозе со стороны гуннов, которые проходя через Дарьяльский проход, грабили подданных персов и римлян. Последнее пред-

ложение сообщает нам о строительстве Александром Македонским ворот и укрепления в данном проходе. Здесь уже, вероятно, речь идет именно об укреплениях в районе Дербента. Последнее, учитывая характер экспансии македонцев, традиционно считается легендой.

Далее Прокопий Кесарийский сообщает нам о гунне Амвазуке, владевшим Дарьяльским укреплением определенный период времени. По достижению старческого возраста Амвазук пытался продать крепость своему другу римскому императору Анастасию, но получил отказ ввиду того, что окрестности Дарьяля находились слишком далеко от римских владений и, по этой причине, не было никакой возможности содержать крепость. После смерти Амвазука персидский царь Кавад изгнал гуннов из Дарьяля и вернул крепость во владение Персии [Прокопий Кесарийский 1993: 30-31]. Обозначенные события имели место быть в начале VI в. н.э., и, как мы выяснили, в V в. Дарьяльское укрепление уже существовало. В свою очередь это ставит под сомнение версию поздней ирано-арабской исторической традиции о строительстве крепости в VI в. в период царствования Хострова I, учитывая, что Кавад I (и после Замасл) предшествовал ему на престоле. Стоит предположить, что Дарьяльское укрепление в конце V – начале VI вв. временно оказалось в руках гуннов вследствие сильнейшего политического кризиса, парализовавшего Персидскую державу и серьезно ослабившего ее позиции в Закавказье еще в период правления Ездигера II.

Важную информацию нам дает арабский историк и географ Аль-Масуди в своем сочинении «Золотые копи и россыпи самоцветов», написанном в X в. н.э. уже после периода арабских завоеваний и потерей Ираном независимости:

«Между царством алан и горой Кабх имеется замок и мост через большую реку (Терек). Этот замок называется «Аланский замок» (кал'ат ал-Лан). Он был построен в давние дни одним из ранних персидских царей по имени Испандийар б. Биштасф. Он поставил в этом замке людей, которые мешали аланам доходить до горы Кабх, а у них нет другой дороги, кроме как через мост под замком. Замок стоит на крепкой скале, и нет способа овладеть им или войти в него иначе, как с согласия тех, кто находится в нем. Это замок, построенный на скале, имеет источник пресной воды, который, сбегая с вершины скалы, выходит в середине замка. Последний известен среди крепостей мира своей недоступностью» [Минорский 1963: 204-205].

Данный отрывок в очередной раз ясно дает нам понять причину строительства Дарьяльской крепости – препятствование аланам «доходить до Кавказа» (очевидно, имеется в виду закавказский регион). В основе проблем, с которыми столкнулись персы и римляне (а позже византийцы), лежат две вещи: набеговой характер экономики кочевых и дофеодальных обществ, с которыми они соседствовали, и частое участие аланов в военно-политических конфликтах в Закавказье в качестве наемных воинов. Последнее также является следствием особенностей экономических отношений северокавказского региона. Набеговое хозяйство заключалось в присваивании прибавочного продукта соседних государств и обществ насильственными методами. Экстенсивный экономический рост всегда являлся особенностью кочевых обществ, ввиду особенностей их производственных отношений. Невозможность развиваться исключительно за

счет собственных внутренних ресурсов побуждала кочевников к набегам на соседние страны и государства с целью грабежа. Для аланских (а также гуннских) племен, кочевавших на территории предкавказских степей, данный способ хозяйствования играл важную (хоть и не первостепенную) роль. Кочевники с севера часто вторгались в Закавказье через Дарьяльский или Дербентский проходы, разоряя богатый и развитый в плане торговли регион.

Тот же автор (аль-Масуди) сообщает:

«Если бы Бог не вдохновил царей Персии построить Дербент и его стены, также, как другие замки на восточном Кавказе, нет сомнения, что цари хазар, аланов, аварцев, тюрков и других народов дошли бы до областей Бардаа, ал-Ран, Байлакан, Адарбайджан, Занджан, Абраг, Казвин и Хамадан, а также до Дайнавара и Нихаванда (находящихся в зависимости от Куфы и Басры соответственно) и вплоть до Ирака» [Алемань 2003: 351].

Что касается непосредственно алан, то их набеги на регионы Востока начались еще в I в. н.э. Так, например, из сообщений Иосифа Флавия нам известно о том, что через легата Сирии Луция Вителлия император Тиберий пытался склонить иберов и албанов к войне против парфянского царя Артабана III. Те, в свою очередь, отказались, но прибегли к помощи алан (скифов), которых они пропустили через Каспийский проход, что привело к срыву планов парфян по приобретению контроля над Арменией [Иосиф Флавий 1900: 305]. О тех же событиях упоминает и Публий Корнелий Тацит, называющий алан сарматами, и указывающий, что некоторые из кочевников встали на сторону римлян, а некоторые поддержали парфян. Первых иберы пропустили каспийской дорогой и далее через свои земли, в то время как вторым албаны преградили путь, шедший между морем и Албанскими горами [Алемань 2003: 56-57]. Из данного сообщения становится ясно, что под Каспийским проходом (дорогой) в обоих источниках подразумевается Дарьяльский проход. Далее, в 75 г., состоялся другой успешный поход аланов в Мидию и Армению [Иосиф Флавий 1991: 239-240]. Последнее вторжение, правда, было совершено в обход Каспийского моря (не через Большой Кавказский хребет) [Туаллагов 2014: 98]. Из «Римской истории» Кассия Диона мы знаем о вторжении аланов в 135 г. в Албанию, Мидию и вплоть до Армении и Каппадокии [Алемань 2003: 130-131].

Также в отрывке арабского автора в качестве строителя Дарьяльской крепости упоминается мифологический Исбандийар б. Биштасф – сын персидского царя Лухраспакей Гуштаспа. Оба упоминаются в поэме «Книга царей» (Шахнаме). Реальные их прототипы – неизвестны, но примечателен тот факт, что согласно сюжету поэмы Исбандийар, как и Шапур I, выступает в качестве распространителя зороастрийской религии за пределами Ирана.

Внешняя политика Ирана в VI в. н.э. носила достаточно агрессивный характер и была ознаменована войнами с Византийской империей на протяжении почти всего столетия. Во многом они являлись воплощением внешнеэкономической политики сасанидского государства, стремившегося установить контроль над важными торгово-транспортными маршрутами и обзавестись выходами к Черному и Средиземному морям. Так, Хосров I Ануширван в 540 г. за-

хватил и сжег Антиохию и осуществил вторжение в Сирию. Позже военные действия перекинулись на территорию Лазики [Иванов 1977: 115]. Воспользовавшись недовольством лазов относительно торговой политики некоторых представителей византийских властей в их стране, Хосров совершил вторжение с целью получения выхода к черноморскому побережью. Примечательно, что во время переговоров с персами, лазы прямо указывали на тот факт, что они долгое время являлись преградой от набегов «горских гуннов» на земли Восточно-римской империи. Аланы так же принимали участие в противостоянии двух держав в Лазике, причем как на стороне лазов, так и на стороне персов. В 549 г. они участвовали в битве с ромеями близ реки Гипсис в составе войска Хориана, потерпев поражение. Военный конфликт, в итоге, закончился относительной победой византийцев [Прокопий Кесарийский 1993].

Конфликт закончился заключением «пятидесятилетнего мира» (позже нарушенного) в Даре между Юстинианом и Хосровом I Ануширваном, информация о котором отражена в трудах офицера императорской гвардии византийцев Менандра. Источником содержит важную для нас информацию:

«и в первом решении было записано, чтобы не позволять персам, гуннам, аланам, или другим варварам переходить через ущелье прохода, называемого Хоруцон, и через каспийские ворота во владения ромеев» [Алемань 2003: 253].

Гмыря Л.Б., приводя свой собственный перевод, указывает, что Хоруцон – это горный перевал, а запрет на проход варваров с севера через него, распространялся в договоре также и на самих персов, чтобы не позволять им вербовать наемников на Северном Кавказе [Гмыря 2018: 128]. При этом стоит предположить, что под Каспийскими воротами ошибочно предполагается именно Дарьяльский проход, а не Дербентский, учитывая тот факт, что настоящие Каспийские ворота находятся достаточно далеко от средневековых владений ромеев (в данном случае их вассалов – лазов), чего нельзя сказать о Дарьяльском проходе, который располагается лишь в нескольких десятках километрах от восточных границ Лазики VI в. Присутствие же в договоре пункта о запрете на проход персам через Хоруцон и «Каспийские ворота» выглядит логичным, учитывая факт участия аланов в данном военном предприятии. Целью данного запрета было препятствование персам формировать наемные контингенты из алан для участия последних в персо-византийских конфликтах.

Упомянутые события не были единственным выходом алан в Закавказье в период правления Хосрова I Ануширвана. Так, арабский автор ал-Табари уже в IX-X вв. сообщает нам о вторжении на территорию Армении северных народов, «состоящего из Абхаз, Банджар, Баланджар и ал-Лан». При этом полагается, что под «Абхаз» подразумеваются хазары, а под «Банджар» – болгары [Алемань 2003: 354].

В любом случае, независимо от того, в чей именно период правления была построена Дарьяльская крепость, будь то при Ездигере I или же несколько позже, причины ее строительства остаются все теми же – а именно оборона стратегически и экономически важного закавказского региона от вторжений с севера.

Крепость неоднократно меняла владельцев в период политических кризисов в самой Персии, но в конечном итоге и скором времени, все равно возвращалась своим изначальным хозяевам, выставлявшим в ней стражу из жителей близлежащих земель для охраны прохода. Так продолжалось до завоевания Персии арабами в середине VII в. После этого крепость фактически становится пограничной между зависимой от Хазарского каганата Аланией и арабскими владениями в Закавказье. Вследствие процесса освоения горных территорий Центрального Кавказа аланами в хазарский период, крепость оказывается в руках алан [Туаллагов 2018: 291]. И даже после падения Хазарского каганата, данное направление остается чрезвычайно значимым. Так, в 1064 г. аланы продолжают проводить военизированную внешнюю политику, захватывая исламские земли [Минорский 1963]. Уже после Периода татаро-монгольских завоеваний и распада Монгольской империи она фактически оказывается между Золотой Ордой и Хулагидским Ираном.

Остатки крепости неоднократно были исследованы отечественными и западными археологами. Хотелось бы обратить внимание на одну, как нам кажется, важную деталь, описанную исследователями – а именно на тот факт, что в некоторых местах стены основного сооружения укреплены контрфорсами [Сланов 2014: 278]. Контрфорсы (ребра жесткости) являются достаточно «поздней» технологией, поэтому стоит предположить, что данные стены были возведены уже после периода персидского владычества в Закавказье, т.е. в период господства в регионе арабов, либо уже Хулагидов. Строительство укрепленной контрфорсами стены и поддержание в хорошем качестве дороги, находящейся в данном ущелье, а также содержание гарнизона крепости, безусловно, требовало немалых денежных затрат, что говорит о том, что данное направление имело большое значение и после падения династии Сасанидов. В противном случае выделение больших денежных средств на поддержание дарьяльского крепостного комплекса было бы попросту нецелесообразным.

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод, что основной причиной строительства персами Дарьяльской крепости после возвращения контроля над Закавказьем была угроза набегов племен, живущих к северу от Главного Кавказского хребта, в первую очередь, алан и гуннов. Несмотря на то, что «северные народы» в период значимых политических кризисов в Персидской державе, при чем-либо посредничестве и без него, все же проникали в закавказский регион, она сыграла важную роль в поддержании стабильности и безопасности. Значимость сооружения Дарьяльского укрепления (а также иных оборонительных сооружений) трудно переоценить, беря во внимание, что их постройка, эксплуатация и содержание гарнизонов, несущих службу в ней, требовали большого количества финансовых затрат. Дарьяльская крепость (также, как и Дербентская) выполняла важную роль по обеспечению экономической безопасности Закавказья и защищала северные рубежи Сасанидского Ирана от разорения аланами и гуннами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алемань 2003 – *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. – М.: Менеджер, 2003. – 608 с.

Аликберов, Мудрак 2020 – *Аликберов А.К., Мудрак О.А.* Арран и сопредельные страны в парфянском тексте трехязычной надписи III в. на скале Ка'ба-йи Зардушт (ŠKZ) // Вопросы ономастики. – 2020. – Т. 17, № 1. – С. 190-202.

Габриелян 1989 – *Габриелян Р.А.* Армяно-аланские отношения (I-X вв.). – Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1989. – 143 с.

Гмыря 2018 – *Гмыря Л.Б.* Данные письменных источников об оборонительных сооружениях на Восточном Кавказе в эпоху Великого переселения народов // ACTA HISTORICA: труды по истории, археологии, этнографии и обществознанию. – 2018. – Вып. 2. – С. 120-131.

Егише 1971 – *Егише.* О Вардане и войне армянской. / Пер. Орбели И.А. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1971. – 192 с.

Иванов 1977 – *Иванов М.С.* История Ирана. – М.: Издательство МГУ, 1977. – 488 с.

Иосиф Флавий 1900 – *Иосиф Флавий.* Иудейские древности. Т. 2. / Пер. Г.Г. Генкеля. – СПб.: Типо-Литография А.Е. Ландау, 1900. – 420 с.

Иосиф Флавий 1991 – *Иосиф Флавий.* Иудейская война. Пер. с нем. Чертока Я.О. – Минск: Беларусь, 1991. – 512 с.

Минорский 1963 – *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербента X-XI веков. – М.: Издательство Восточной литературы, 1963. – 266 с.

Мишин 2014 – *Мишин Д.Е.* Хосров I Ануширван (531–579), его эпоха, его жизнеописание и поучение в истории Мискавейха. – М.: ИВ РАН, 2014. – 696 с.

Пигулевская 1958 – *Пигулевская Н.В.* Разложение рабовладельческого строя и образование раннефеодального общества в Иране // Пигулевская Н.В., Якубовский В.Ю., Петрушевский И.П. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. – С. 36–75.

Прокопий Кесарийский 1993 – *Прокопий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. / Пер. Чекаловой А.А. – М.: Наука, 1993. – 576 с.

Сланов 2014 – *Сланов А.А.* Дарьяльская крепость // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции (Москва, 21-25 апреля 2014 г.). – М.: ИА РАН, 2014. – С. 276-279.

Туаллагов 2014 – *Туаллагов А.А.* Аланы Придарьяля и закавказские походы I-II вв. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. – 230 с.

Туаллагов 2018 – *Туаллагов А.А.* Дарьял – «Ворота Алан» // NARTAMONGÆ: The Journal of Alano-Ossetic Studies. 2018. Вып. 1, 2. – С. 249-308.

REFERENCES

ALEMAN' A. *Alany v drevnih i srednevekovyh pis'mennyh istochnikah* [Alans in ancient and medieval written sources]. – М.: Menedzher, 2003. – 608 p. (In Russ.).

ALIKBEROV A.K., MUDRAK O.A. *Arran i sopredel'nye strany v parfjanskom tekste trehjazychnoj nadpisi III v. na skale Ka'ba-ji Zardusht (ŠKZ)* [Arran and neighboring countries in the Parthian text of the trilingual inscription of the 3rd century on the rock of Ka'ba-yi Zardusht (ŠKZ)]. In: *Voprosy onomastiki*. – 2020. – Т. 17, № 1. – P. 190-202. (In Russ.).

GABRIELIAN R.A. *Armjano-alanskije otnoshenija (I-X vv.)* [Armenian-Alan relations (I-X centuries)]. – Erevan: Izdatel'stvo AN Armjanskoj SSR, 1989. – 143 p. (In Russ.).

GMJRJA L.B. *Dannye pis'mennyh istochnikov ob oboronitel'nyh sooruzhenijah na Vostochnom Kavkaze v jepohu Velikogo pereselenija narodov* [Data from written sources on defensive structures in the East Caucasus during the era of the Great Migration of Peoples]. In: ACTA HISTORICA: trudy po istorii, arheologii, jetnografii i obshhestvoznaniju. – 2018. – Vyp. 2. – P. 120-131. (In Russ.).

EGISHE. *O Vardane i vojne armjanskoj* [About Vardan and the Armenian War]. / Per. Orbeli I.A. – Erevan: Izdatel'stvo AN Armjanskoj SSR, 1971. – 192 p. (In Russ.).

IVANOV M.S. *Istorija Irana* [History of Iran]. – М.: Izdatel'stvo MGU, 1977. – 488 p. (In Russ.).

IOSIF FLAVIJ. *Iudejskie drevnosti* [Jewish antiquities]. Т. 2. / Per. GG. Genkelja. – SPb.: Tipo-Litografija A.E. Landau, 1900. – 420 p. (In Russ.).

IOSUF FLAVIJ. *Iudejskaja vojna* [The Jewish War]. Per. s nem. Chertoka Ja.O. – Minsk: Belarus', 1991. – 512 p. (In Russ.).

MINORSKIJ V.F. *Istorija Shirvana i Derbenta X-XI vekov* [History of Shirvan and Derbent X-XI centuries]. – M.: Izdatel'stvo Vostochnoj literatury, 1963. – 266 p. (In Russ.).

MISHIN D.E. *Hosrov I Anushirvan (531-579), ego jepoha i ego zhizneopisanie i pouchenie v istorii Miskavejha* [Khosrov I Anushirvan (531-579), his era, his biography and teaching in the history of Miskaveikh]. – M.: IV RAN, 2014. – 696 p. (In Russ.).

PIGULEVSKAJA N.V. *Razlozhenie rabovladel'cheskogo stroja i obrazovanie rannefeodal'nogo obshhestva v Irane* [The decomposition of the slave system and the formation of early feudal society in Iran] // Pigulevskaja N.V., Jakubovskij V.Ju., Petrushevskij I.P. *Istorija Irana s drevnejshih vremen do konca XVIII veka* [History of Iran from ancient times to the end of the 18th century] – L.: Izd-vo LGU, 1958. – P. 36–75. (In Russ.).

PROKOPIJ KESARIJSKIJ. *Vojna s persami. Vojna s vandalami. Tajnaja istorija* [War with the Persians. War on the Vandals. Secret history]. / Per. Chekalovoj A.A. – M.: Nauka, 1993. – 576 p. (In Russ.).

SLANOV A.A. *Dar'jal'skaja krepost'* [Daryal Fortress]. In: E.I. Krupnov i razvitie arheologii Severnogo Kavkazaza. XXVIII Krupnovskie chtenija. *Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* (Moskva, 21-25 aprelja 2014 g.). – M.: IA RAN, 2014. – P. 276-279. (In Russ.).

TUALLAGOV A.A. *Alany Pridar'jal'ja i zakavkazskie pohody I-II vv.* [Alans of Pridaryaglia and Transcaucasian campaigns of the I-II centuries.]. – Vladikavkaz: IPC SOIGSI VNC RAN i RSO-A, 2014. – 230 p. (In Russ.).

TUALLAGOV A.A. *Dar'jal – «Vorota Alan»* [Daryal – "Gate Alan"]. In: NARTAMONGÆ: *The Journal of Alano-Ossetic Studies*. – 2018. – Vyp. 1, 2. – P. 249-308. (In Russ.).

Информация об авторах

З.Т. Кануков – младший научный сотрудник.

Information about the authors

Z.T. Kanukov – junior researcher.

Статья поступила в редакцию 12.10.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 12.10.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья
УДК 93/94(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-40-54
EDN: AVBXZU

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В КАБАРДЕ 1589 г.: ПРЕДПОСЫЛКИ, ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Заурбек Анзорович Кожев

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского
научного центра РАН, Нальчик, Россия, zaurbek_k@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

Аннотация. Подробности внутренней политики феодальных владений Черкесии, особенно периода Позднего Средневековья и раннего Нового времени, относятся к блоку наименее изученных проблем. Некоторые сюжеты внутривнутриполитической борьбы наиболее влиятельных княжеских домов Кабарды во второй половине XVI в. имели внешнеполитическое измерение, так как на их исход в своих интересах оказывали влияние соседние великие державы, пытавшиеся использовать ресурсы народов Северного Кавказа в собственных интересах. Благодаря этому, они находят отражение в архивных документах, в первую очередь, Московского царства, что дает инструменты для более детального анализа исторического процесса. Одним из таких сюжетов является внутривнутриполитический кризис 1589 г., связанный с избранием пщышхуэ – великого князя Кабарды, после смерти Канбулата Идарова. Активное военно-политическое вмешательство в этот процесс русского государства задало тренды динамики кабардино-русских отношений на последующие полвека и положило начало трансформации института высшей политической власти в Кабарде.

Ключевые слова: Шолох Тапсаруков, Асланбек Кайтукин, Жансох Кайтукин, Мамстрюк Идаров, Кабарда, жалованные грамоты.

Для цитирования: Кожев З.А. Внутривнутриполитический кризис в Кабарде 1589 г.: предпосылки, исторический контекст, последствия // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 40-54. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-40-54. EDN: AVBXZU.

© Кожев З.А., 2023

Original article

INTERNAL POLITICAL CRISIS IN THE KABARDA IN 1589: BACKGROUND, HISTORICAL CONTEXT, IMPLICATIONS

Zaurbek A. Kozhev

Institute for Humanitarian Studies – Branch of the Kabardin-Balkarian Scientific
Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, zaurbek_k@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

Abstract. Details of the internal politics of the fiefs of Circassia, especially in the period of the late Middle Ages and early modern times, belong to the block of least studied problems. Some

chapter of the internal political struggle of the most influential princely houses of Kabarda in the second half of the XVI century had a foreign policy dimension, since their outcome was influenced in their own interests by neighboring of the great powers who were trying to use the resources of the peoples of the North Caucasus in their own interests. They are mirrored in archival documents, particularly from the Muscovite kingdom, providing tools for a more complete understanding of the historical process. One of these subjects is the internal political crisis of 1589 associated with the election of Pshchyskhue, the Grand Duke of Kabarda, after the death of Kanbulat Idarov. Active military-political intervention in this process by the Russian state set the trends in the dynamics of Kabardian-Russian relations for the next half century and marked the beginning of the transformation of the institution of supreme political power in Kabarda.

Keywords: Sholokh Tapsarukov, Aslanbek Kaytukin, Zhansokh Kaytukin, Mamstruk Idarov, Kabarda, letters of grant.

For citation: Kozhev Z.A. Internal political crisis in the Kabarda in 1589: background, historical context, implications. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 40-54. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-40-54. EDN: AVBXZU.

© Kozhev Z.A., 2023

Исследование деталей исторической эволюции черкесских политий Позднего Средневековья и Нового времени объективно затруднено недостатком письменных источников. Поэтому наиболее ранние сюжеты становления феодальных княжеств Иналидов, внутривполитической борьбы самых влиятельных княжеских кланов известны нам почти исключительно благодаря черкесской устной традиции [Адыгэ Гуэрыгуатэхэр 1969; Фольклор адыгов 1988; Ногмов 1994 и др.]. Рост числа письменных источников начинается с середины XVI в. в связи с установлением прочных кабардино-русских дипломатических, династических и политических связей. Многие из них опубликованы и позволяют реконструировать некоторые перипетии внутривполитической борьбы в Кабардинском княжестве – крупнейшем феодальном владении Иналидской Черкесии XVI-XVIII в. [Белокуров 1889; КРО 1957]. Традиционно в академическом адыговедении вопросы внутривполитической истории находились в тени исследовательского интереса к внешнеполитическому контексту кабардино-русских отношений [Белокуров 1889; Кушева 1963; Мальбахов, Эльмесов 1994; Бгажноков 2005; История многовекового содружества 2007; Дзамихов 2001; Дзамихов 2007; Дзамихов 2017 и др.]. На наш взгляд, детализация и анализ внутривполитической динамики в Кабарде, когда это позволяют источники, актуальная задача современной российской историографии, которая таким образом должна исправить сложившийся дисбаланс.

Данная статья посвящена одному из сюжетов острой внутривполитической борьбы в Кабарде в 1589 г. в связи с соперничеством за титул великого князя – *пщышхуэ*, трех самых влиятельных княжеских кланов – Идаровых, Кайтукиных и Талостановых. Этот сюжет из истории Кабарды хорошо известен российской историографии благодаря русским архивным источникам [Белокуров 1889; КРО 1957]. Однако в большинстве работ схватка конкурирующих группировок высшей феодальной знати Кабарды в 1589 г. за титул *пщышхуэ*, сопровождавшаяся самым активным участием русского правительства, упоминается

вскользь, без должного анализа предпосылок и последствий данного события для перспектив внутривосточной эволюции Кабардинского княжества [История Кабардино-Балкарской 1967: 117-118; Вилинбахов 2017: 78; Карданов 2001: 376-377; Мальбахов Эльмесов 1994: 102; Дзамихов 2001: 97-99; Дзамихов 2007: 35-36; Дзамихов 2017: 77-78 и др.]. Исключением являются монография В.Х. Кажарова «Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века» и фундаментальная работа Ф.А. Озовой «Институт аманатства в черкесско-русских отношениях: 1552-1829 гг.», в которой этот сюжет из истории внутривосточной борьбы в Кабардинском княжестве обстоятельно разобран в контексте функционирования института заложничества/аманатства во взаимоотношениях Иналидов Кабарды с Московским царством [Кажаров 1994: 215-219; Озова 2020: 187-199]. Эти работы, на наш взгляд, не исчерпывают темы кризиса 1589 г. и его последствий для последующей внутривосточной динамики в Кабарде, а некоторые тезисы уважаемых авторов, как минимум, не бесспорны и могут быть скорректированы и существенно дополнены.

Предыстория событий 1589 г. связана с очередным этапом в развитии кабардино-русских отношений. В 1577 г. после многолетнего перерыва, связанного со смертью пщышхуэ Кемиргоко Идарова (1554-1570), возобновились прямые дипломатические контакты между Кабардой и Московским царством. Принципиальным отличием от первого периода кабардино-русских отношений 1550-1560-х гг. было то, что посольство, возглавляемое новым пщышхуэ Кабарды Канбулатом Идаровым, включало полномочных представителей и других влиятельных княжеских кланов – Кайтукиных (Кази Пшеапшоков) и Талостановых (Созаруко Тапсаруков) [Белокуров 1889: 180-181; Кушева 1963: 258; КРО 1957: 34, 397; Озова 2020: 566]. Таким образом, монополия Идаровых на прямые дипломатические контакты с Москвой была нарушена, хотя последние, как царские свойственники, сохраняли эксклюзивный статус наиболее доверенных контрагентов на Северном Кавказе. Именно Идаровы предоставили русскому правительству почетных аманатов – сына и внучатого племянника Канбулата Идарова, в крещении Бориса Канбулатовича и Василия Кардануковича Черкасских, которые остались на русской службе, обеспечивая прямой канал коммуникации между Москвой и Кабардой [КРО 1957: 47]. В несохранившейся шертной (договорной) грамоте, содержание которой реконструируется по другим письменным источникам, Канбулат Идаров от лица всей Кабарды брал на себя обязательства союзника русского царя против Крымского ханства и других «недрузгов» в обмен на военно-политическое покровительство Москвы и возобновление русской военной базы на Тереке близ устья Сунжи [КРО 1957: 34].

Однако перспективы полномасштабного кабардино-русского союза, который отвечал бы интересам всех княжеских фамилий Кабарды, оказался призрачным. Последние десятилетия XVI в. были временем обострения соперничества великих держав за преобладание в регионе. Противостояние между Османской империей и Сефевидским Ираном привело к тому, что Северный Кавказ стал операционной базой действий крымских и османских войск, перебрасывавшихся на Южный Кавказ в ходе турецко-персидской войны 1578-1590

гг. [Смирнов 1958: 42]. Возобновленная на Тереке русская крепость мешала переброске в Азербайджан крымской конницы, и в результате дипломатического давления османского правительства Москва была вынуждена вновь ликвидировать свой опорный пункт в устье Сунжи [КРО 1957: 34, 46-48]. В условиях явного доминирования османов и крымцев, наращивавших свое военно-политическое присутствие на Северном Кавказе, Кайтукины и Талостановы, как и Иналиды Западной Черкесии, оказались в сфере влияния Османской империи и Крымского ханства [КРО 1957: 51, 53, 54-55; Челеби 1979: 87,88].

К 1588 г. в Кабарде только Идаровы оставались надежными и последовательными сторонниками союза с Москвой. Их лидер Канбулат Идаров в статусе пщышхуэ Кабарды возобновил шертъ (договор) с новым московским правительством Иоанна Федоровича (1584-1598). Для этого в Москву было направлено посольство во главе с Мамстрюком Кемиргоковым, представлявшее все патронимии разросшегося клана Идаровых [КРО 1957: 50]. В июле 1588 г. была оформлена шертная запись клана Идаровых и выдана жалованная грамота «...Черкасские земли начальнику кабардинскому князю Канбулату Айдаровичу, да князю Домануку Темрюковичу, да князю Очикану Канбулатовичу, Ильбуздуку Битуевичу, да князю Онзаруку да Сиюнчелею-князю Канклычевым, да князю Битемрюку и *всее Кабардинские земли князем и мурзам* (выделено нами – З.К.)» [КРО 1957: 52]. Оформление преамбулы жалованной грамоты как документа, закрепляющего условия фактического протектората со стороны Русского государства «всее Кабардинские земли», отражало скорее стратегическую цель царского правительства, чем реалии региональной политики. Объективно только поименно перечисленные в жалованной грамоте и шертной записи князья рода Идаровых могли рассматриваться как одна из договаривающихся сторон, принимающая его условия. Содержательная часть данных документов недвусмысленно очерчивает взаимные обязательства сторон, а также против кого в первую очередь был направлен этот договор. Правительство Иоанна Федоровича в ответ на «челобитье» Идаровых брало на себя обязательство «...держати всее вашу Черкасскую землю под своею царскою рукою [в службе и обороне] и защищати вас... ото всяких недругов. И на Тереке, на устье Терском велели есмя город поставити своим воеводам» [КРО 1957: 52]. В обмен на военно-политический протекторат и возобновление русской военной базы – крепости на Тереке с «вогненным боем», пщышхуэ Кабарды и все Идаровы не только ограничивали себе свободу рук во внешней политике, обещали «...к иному ни х которому государю не приставати», но и брали на себя конкретные обязательства, которые в случае точного следования букве и духу договора, должны были превратить Кабардинское княжество в инструмент расширения политического доминирования Русского государства на Северном и даже Южном Кавказе. Так тексты шертной записи и жалованной грамоты, иногда буквально повторяясь, скрупулёзно перечисляют все значительные региональные политии (Шамхальство, Тюменское княжество, феодальные владения Дагестана и Восточной Грузии), приведение которых под «высокую царскую руку», должно было стать обязанностью правителей «Черкасской Кабардинской земли»: «А хто будет нашим воеводам астораханским и терским непослушен и по нашему цар-

скому жалованью к нашему Терскому городу не пристанет и в нашем жалованьи быти у нас не похочет, шевкальский князь или тюменский князь или горские князи или кумыки или иверские князи или из вас которой черкасский князь от нашего жалованья отстанет хто, и тебе Канбулату-князю, и детям твоим и племянником и всей Черкасской земле на тех на всех на наших непослушников с нашими воеводами на них ходити и в нашу волю к нашей вотчине к Асторахани и к Терьскому городу под нашу царскую руку приводити, чтобы были неотступны от нашего жалованья и к иным ни х которым государем к нашим недрузем им не приставати...» [КРО 1957: 51,53]. Явным диссонансом требованию «всей Черкасской землей» в случае необходимости действовать в интересах русского государя, в тексте договора выступает конкретное требование к Идаровым привести «под высокую царскую руку» наиболее могущественных удельных князей Кабарды – Талостановых и Кайтукиных: «А которые черкасские князи с своими улусы, Тойлостанов род Шолох-князь Ташбзаруков (Шолох Тапсаруков – З.К.) з братьею и с племянники и з детьми да Кайтуков род Тапшиук-князь да Ослонбек да Жансох Осланбековы (Тапшинуко, Асланбек и Жансох Кайтукины или Биаслановы – З.К.), служат Крымскому и Шевкальскому, и тебе, Канбулату-князю, и детям твоим Очикану и Куденеку-князю, и Думунуку-князю и Мамстриюку-князю и всем братье твоей и племянником со всею своею Кабардинскою землею тех черкас со всеми их улусы привести х Терскому городу под нашу царскую руку и в наше жалованье и заклады (т.е. аманатов/заложников – З.К.) у них для укрепления взяти, чтоб они от Крымского и от Шевкальского отстали» [КРО 1957: 53]. С середины XVI в. Кабарда распадалась на четыре удела – Кайтукиных, Талостановых, Идаровых и Джиляхстановых, причем по более поздним, но вполне репрезентативным данным 40-х гг. XVII в. Кайтукины и Талостановы контролировали до двух третей (около 90 селений с мобилизационным ресурсом более 1700 человек дворянской конницы) демографического и военного потенциала Кабардинского княжества [КРО 1957: 384-387]. Джиляхстановы как прямые противники Идаровых и их протекторов в текстах шертной записи и жалованной грамоты не упоминаются, но они, как самый слабый в военно-политическом отношении княжеский дом Кабарды, уже с середины XVI в. старались держаться особняком, не вовлекаясь активно в соперничество более могущественных родственников. Даже без их учета, в Москве не могли не осознавать, что пщышхуэ Канбулат силами одного Идарея не сможет реализовать стратегическую цель заключенного в июле 1588 г. договора. Однако русское правительство было готово оказать прямую военную помощь Идаровым, тем более что прецеденты уже были. В период великого княжения Кемиргоко Идарова по его настоятельным просьбам дважды царские войска приходили на помощь к пщышхуэ Кабарды против «непослушных черкас» – осенью/зимой 1562 г. и весной/летом 1566 г. войска Идаровых громили своих политических противников – Кайтукиных и Талостановых, используя крупные русские воинские контингенты вооруженные «вогненным боем» [КРО 1957: 11, 12-13]. Эти военные акции объективно способствовали росту авторитета великокняжеской власти, хотя и не привели к долгосрочному результату и устойчивому усилению института высшей политиче-

ской власти Кабардинского княжества, к чему стремился Кемиргоко Идаров [Кожев 2015]. Крушение его планов было связано с крупными поражениями от крымцев – его самого в сражении на р. Афипис в июле 1570 г., а Ивана Грозного в результате катастрофического по последствиям похода Девлет-Гирея I (1552-1577), завершившегося сожжением Москвы в мае 1571 г. [Кожев 2015; Кожев 2020: 68-104].

Условия договора 1588 г. буквально реанимировали политический проект Кемиргоко Идарова, предполагавший силовую централизацию вокруг фигуры пщышхуэ Кабарды с опорой на ресурсы Московского царства (город/крепость, пехота вооруженная «вогненным боем») всех феодальных уделов княжества. Лидеры всех княжеских домов Кабарды – Кайтукины, Талостановы и Джиляхстановы ясно осознавали суть стратегических планов русского правительства и Идаровых: «Они государевых людей на Терку привели, и город на Терке велел государь поставити для их» [Белокуров 1889: 137]. Возведение Терского города на новом месте, в 30 верстах от устья Терека, на его протоке Тюменке началось уже в 1588, а к 1589 г. крепость была завершена [КРО 1957: 49-54, 388, 399]. Игнорировать русское военно-политическое присутствие на Северном Кавказе стало невозможно. Уже осенью 1588 г. прямые дипломатические связи с Москвой установил лидер Джиляхстанея Алкас Джамурзин, а в феврале 1589 г. в столицу русского государства прибыли послы от лидера Талостанея Шолоха Тапсарукова [Белокуров 1889: 62, 63; КРО 1957: 55-56].

Перспективы относительно мирного дрейфа Талстанея и Кайтукиной Кабарды от союза с Крымским ханством и Шамхальством к вступлению «под высокую государеву руку», если они и существовали, оказались полностью разрушены смертью пщышхуэ Канбулата Идарова. Ключевая фигура в союзе Идаровых с Москвой, чей легитимный статус верховного правителя можно было использовать для принуждения к «службе и обороне» остальные княжеские дома Кабарды исчезла из политического расклада. Кабулат Идаров умер между 20 февраля и маем 1589 г., и в Кабарде сразу же возник острый внутривнутриполитический кризис, связанный с соперничеством основных претендентов на титул и полномочия великого князя. По отписке терского воеводы А.И. Хворостинина в Посольский приказ 31 мая в Терки приехали Мамстрюк Кемиргоков, Очечан и Кудинет Канбулатовы и первостепенный дворянин тлекотлеш Хату (Хатов) Анзоров с тревожными новостями: «...У них Канбулата-князя не стало и у них де, государь, промеж ими смута великая врось княжья, а на княженье, де государь, еще не посадили никою. А сказывают, что нынешний год владети у них Канбулатовым детем; а как год минет Канбулату, ино де, государь, быти у них на княженье Осланбеку-князю. А ведетца де, государь, у них так, что на княженье сажают рядом, а ныне де ряд Осланбеков пришел» [КРО 1957: 56]. Наследники Кемиргоко и Канбулата Идаровых представляли интересы своего княжеского дома. Кого же представлял Хату Анзоров, которого терский воевода, видимо со слов Идаровых, презентовал русскому правительству как очень влиятельную фигуру во внутривнутриполитической жизни Кабарды: «А тот, государь, Хотов в Кабарде именитой человек; все кабардинские князи и мурзы и уздени слушают ево во всем и на княжонье на большое у них без нево посадить никою

нельзя; и Мамстрюк, государь, и Очекан и Куденек добре ево чтят перед собою» [КРО 1957: 56]. По первому впечатлению Хату Анзоров являлся знатным вассалом Идаровых, но в «Родословной кабардинских князей и мурз XVII в.» А.И. Лобанова-Ростовского, содержится любопытный пассаж, касающийся Анзоровых: «А что козлары ныне за Шолоховыми, Хотовы дети Еналука з братьею, те их же *Олегукины да Хатокжикины бывали* (выделено нами – З.К.)» [КРО 1957: 386]. То есть Анзоровы, которые в 40-х гг. XVII в. были вассалами Талостановых (потомство Шолоха Тапсарукова) ранее являлись тлехотлешами («козлары» от черкесского *къуэдз* т.е. «помощник» – З.К.) Кайтукиных, чьими потомками и лидерами в первой половине XVII в. стали Алегуко Шогенуков и Хатокшоко Казиев. Удел Кайтукиных по имени лидеров Кази Пшеапшокова и его племянника Алегуко Шогенукова получил в русских источниках первой половины XVII в. название Казыевой или Алегукиной Кабарды. Таким образом, в 1589 г. Хату Анзоров представлял интересы именно Кайтукиных.

Утверждение кабардинских аристократов о том, что законное право на титул пщышхуэ принадлежит Асланбеку Кайтукину, на наш взгляд, следует воспринимать лишь как их субъективную позицию, что подтверждается логикой последовавших событий. В первом томе «Истории Кабардино-Балкарской АССР» упоминается, что Асланбек Кайтукин успел ненадолго принять титул великого князя [Истории Кабардино-Балкарской 1967: 117]. В одной из своих ранних работ мы также утверждали, что Асланбек Кайтукин до своей смерти в июле/августе 1589 г. был избран пщышхуэ Кабарды [Кожев 2006: 235]. В своей монографии Ф.А. Озова идет еще дальше и утверждает, что он как верховный правитель даже успел пролонгировать военный союз Кабарды с османско-крымской коалицией [Озова 2020: 187, 566]. Однако данный тезис не подтверждается русскими архивными документами и тем, что в «Родословной» А.И. Лобанова-Ростовского и других генеалогических росписях Иналидов Кабарды нет сведений об избрании Асланбека Кайтукина на великое княжение [КРО 1957: 383-387; Налоева 2015: 5]. Собственно отписка терского воеводы со слов самих сторонников избрания последнего в пщышхуэ Кабарды свидетельствует лишь о явных претензиях Кайтукиных и их лидера Асланбека на титул великого князя, поддержанных Идаровыми. Между тем, претензии Кайтукиных были как минимум не бесспорны. Лидер Талостанея Шолох Тапсаруков также имел неоспоримые права на титул великого князя. В своей монографии, в главе, посвященной особенностям функционирования сословно-представительских собраний Кабарды (*Хасэ* или *Хасэшхуэ*), В.Х. Кажаров справедливо отметил: «Смута, последовавшая за смертью Камбулата Идаровича, говорит также о том, что на «большое княжение» сажали *не автоматически, как только подходил «ряд», а с согласия большинства других удельных князей. Для его достижения созывался «совет всей земли»* (выделено нами – З.К.)» [Кажаров 1994: 216]. Безоговорочно принимая тезис о том, что избрание великого князя каждый раз было политическим актом, легитимизировавшимся «советом всей земли», т.е. представителями княжеской и дворянской аристократии всех уделов, мы настаиваем на том, что определенный порядок или «ряд», предполагавший баланс интересов и чередование различных княжеских домов при выборе нового

пщышхуэ был освящен традицией. Кайтукины и Идаровы сменяли друг друга на великом княжении как минимум с 40-х гг. XVI в. или со времени Кызбурунского сражения, в результате которого Идар Инармасов и его потомки водворились в Кабарде [Кожев 2020: 54-67]. По данным «Родословной» А.И. Лобанова-Ростовского, великими князьями были Кемиргоко, Биту и Канбулат Идаровы, а также Кайтуко Бесланов [КРО 1957: 384-385]. А из немногочисленного потомства Талостана Жанхотова до 1589 г. *никто* не занимал великого княжения [КРО 1957: 386]. И по старшинству, и по личным качествам Шолох Тапсаруков выделялся из числа своих современников Иналидов Кабарды, что являлось дополнительным доводом в пользу его прав. В честь Шолоха Тапсарукова еще при жизни была сложена величественная баллада (уэрэд), воспевающая его подвиги:

Щэджащэгүэ ди Щолэхъужьы,
льыхужьхэмэ уранэхъ хахуэт!
ХахуэкIэрэ ди джэтэрыжэ,
жэрыбэри дэ кьыдэзыти!..

ПащтыхьитIыр тахьтэм щытесмэ,
джэтэпэкIэ закъезыгъащIэ!
А махуэм дуней гьэбжьыфIэти,
хэщIапIэхэм нэщыпэрыгтти!..

Кьэбэрдейми ди пхьэр пэрышэ,
Пашагьэм и гьуазэ пэжти

Великий (досл. «величайший» – З.К.) наш Шолох могучий,
среди витязей (точнее «героев» – З.К.) ты самый отважный был!
Отважный наш рубака,
табуны быстроногих (т.е. лошадей самой знаменитой на Кавказе породы Шолох – З.К.)
нам дарящий!..

Двум падишахам на троне сидящим (т.е. османскому султану и русскому царю – З.К.),
меча острием о себе звать дающий!
В тот день мира украшением он был,
На всех сборищах первым он был!..

Кабардинцев (точнее «Кабарду» – З.К.) в погоню первым поднимающий,
первенство [во всем] ты держишь [Народные песни 1986: 182-185].

Шолох, как яркий харизматик и глава влиятельного клана, имел все основания претендовать на титул пщышхуэ. Но его права входили в противоречие с интересами Кайтукиных и особенно Идаровых. Именно Мамстрюко Кемиргоков, как можно судить по некоторым косвенным данным, был душой той политической интриги, которая развернулась летом-осенью 1589 г. Ее цель была достаточно очевидна – соблазнить Кайтукиных обещанием своей и главное русской поддержки в столкновении с Шолохом Тапсаруковым, взамен на заключение договора/шерти с Москвой и получение жалованной грамоты на ве-

ликое княжение. Таким образом Идаровы изящно и с наименьшими усилиями выполняли свое обязательство приведения «под высокую государеву руку» Кайтукиных, а заодно ослабляли позиции Талостанея, возглавляемого столь яркой политической фигурой как Шолох Тапсаруков [КРО 1957: 56-57].

Терский воевода А.И. Хворостинин в переговорах с представителями Кайтукиных и Идаровых прямо поставил условием поддержки со стороны Москвы политическую лояльность и принятие протектората: «...Буде не похочет быти Осланбек-князь под твоею государевою рукою, ино б его и на княженъе не сажати до твоего государева указу» [КРО 1957: 57]. Уже в первых числах июня 1589 г. в Терках были приведены к присяге Кудинет, Очекан и Хакяго Канбулатовы, Хату Анзорова и 46 их знатных вассалов, которые взяли на себя обязательства «...государю служить и кабардинских черкас привести под твою государеву руку Осланбека-князя и Шолоха з детьми и з братьею и с племянники и всех черкас» [КРО 1957: 58]. В происходившие события было вовлечено слишком много людей, чтобы их содержание осталось тайной для Шолоха Тапсарукова и его союзников как в Кабарде (Алкас Джамурзин – лидер Джиляхстанея), так и за ее пределами. Понимая, что диапазон возможностей для политического маневра неуклонно сужается, Шолох Тапсаруков приостановил сближение с Москвой. Так, летом 1589 г. он отказался выставить 150 панцирных всадников для участия в войне со Швецией, сославшись на враждебность соседей, а несколько позднее, в сентябре, уклонился от сопровождения русского посольства во главе с князем С.Г. Звенигородским в Грузию [КРО 1957: 55-56, 60-62, 64].

Смерть в июле 1589 г. Асланбека Кайтукина не изменила консолидированной позиции Идаровых и их ситуационных союзников, которые выдвинули нового претендента на великое княжение – самого младшего из наследников Кайтуки Бисланова – Жансоха. 14 октября 1589 г. в Терки приехали «...кабардинские черкасы Осланбеков брат Янсох-князь да Хотов, да Асланбеков же сын Янхот-мурза, да Мамстрюк, да брат его Битемрюк, да Елбузлукмурза; а сними уздени... укреплятися по прежнему договору и о том бити челом тебе, государю, что оне избрали на большое княжение Осланбекову брату Янсоха. И государь де нас как пожалует (выделено нами – З.К.)» [КРО 1957: 63]. То есть Кайтукины и Идаровы сепаратно, без участия Талостановых и Джиляхстановых, избравшие нового пщышхуэ и осознавая дефицит его легитимности, фактически обратились через терского воеводу к русскому правительству с просьбой узаконить этот политический акт в обмен на признание русского протектората. Жансох Кайтукин «дал за всю *свою Кабарду* (выделено нами – З.К.)» шерть, обещал прислать в аманаты своего сына Сортмана: «А доколе пришет сына в заклад, и до тех мест быти в закладе Мамстрюку» [КРО 1957: 63-64]. Максимальная заинтересованность Мамстрюка, как фактического лидера всех Идаровых и временного альянса последних с Кайтукиными, лучше всего иллюстрируется этой его готовностью лично в качестве аманата обеспечить реализацию своей политической интриги. Дополнительным бонусом в шерти/договоре новоиспеченного пщышхуэ Жансоха Кайтукина с Москвой была возможность использовать русские войска в назревавшем столкновении с Шолохом Тапсаруковым. Жансох и его союзники прямо просили А.И. Хворо-

стинина предоставить им военную помощь в готовящемся походе на Талостаней: «А которые иные князи и мурзы черкаские, и те де ныне збираютца на Сунше с воинскими людьми на твоих государевых непослушников, которые тебе, государю, не хотят служить. И вы б де государевых людей дали на помощь» [КРО 1957: 63].

По репрезентативным данным 40-х гг. XVII в. Кайтукины и Идаровы в совокупности могли выставить до 4,5 тыс. первоклассной конницы, третью часть которой составляли военные профессионалы – уорки («уздени» русских источников). Мобилизационный ресурс Талостанея не мог превышать 2 тыс. всадников, треть из которых – профессиональное феодальное ополчение [КРО 1957: 384-386; Кожев 2020: 122-123, 127-138]. Но союзники резонно решили максимально повысить свои шансы на победу и исключить для Шолоха Тапсарукова любую возможность свести военную компанию ноября/декабря 1589 г. к неочевидному военно-политическому результату. Кроме того, была опасность вмешательства в конфликт Шамхальства – союзника Талостановых. Терский воевода выделил Кайтукиным и Идаровым «вогненного бою 750 человек» во главе с казачьим головой Г. Полтевым, который по результатам военной компании весьма красноречиво отчитался кахетинскому царю Александру, ожидавшему русских послов с царскими грамотами: «По государеву наказу пришел есми в Кабарду ноября в 21 день на государевых непослушников, которые под государевую руку быти не хотели, а дружбу держали с Турскими людьми и с Крымским царем и с Шевкалом и с Кумыцкими людьми. И я пришед з государевыми людьми с вогненным боем, а со мною Черкесская рать, повоевал и пожег и все Кабардинскую землю под государеву руку привел и дорогу к тебе очистил и твоих послов ис Кабарды х тебе отпустил» [Белокуров 1889: 181-182; КРО 1957: 400]. «Черкесскую рать» возглавляли лично Жансох Кайтукин, сыновья Пшеапшоко и Асланбека Кайтукина, а из числа Идаровых – Кабулатовичи [Кушева 1963: 273]. По свидетельству очевидцев и участников военной компании, Талостаней подвергся быстрому и жестокому разгрому. Более 30 селений (из общего числа около 40) были «выжжены» и «вывоены», сам Шолох Тапсаруков был вынужден в окружении своих детей и знатных вассалов пешим выйти к победителям, символически подчеркивая свою политическую смерть (черкесское *епсыхыжын* досл. «спешиться» – идиоматическое выражение, используемое в отношении умершего) [Белокуров 1889: 181-182; Кушева 1963: 273]. Шолох Тапсаруков был принужден формально признать власть пщышхуэ Жансоха Кайтукина, протекторат со стороны Москвы и выдать аманатов – сына Талостана, 20 человек «узденей лутчих» и внука шамхала, который находился у него в «закладе» [Белокуров 1889: 181-183; КРО 1957: 386-387].

Политический кризис 1589 г., казалось, завершился полной победой Идаровых, которые сумели, расчетливо играя на противоречиях между своими основными противниками, ценой формального признания Жансоха Кайтукина великим князем, сокрушить Талостаней и привести Кайтукиных и Талостановых «под высокую государеву руку». Но даже среднесрочные перспективы этого успеха оказались эфемерными. В «Родословной» А.И.Лобанова-Ростовского прямо говорится о Жансохе Кайтукине: «Княженство дано ему на Москве при

царе Федоре Ивановиче всяя Руси, как был на Москве, а в Кабарде княженства ему не даывали» [КРО 1957: 385]. Он посетил Москву в 1592 г. и видимо только тогда официально получил жалованную грамоту на княжение [Кушева 1963: 282]. Но даже после этого признание его в Кабарде в качестве легитимного пщышхуэ не произошло, иначе трудно объяснить два факта. Во-первых, упоминание в «Родословной» А.И. Лобанова-Ростовского того, что «в Кабарде княженства ему не даывали». Родословные списки составлялись примерно в начале 40-х гг., единственным источником могли быть представители высшей черкесской аристократии либо служившие в Москве, либо приезжавшие в столицу по дипломатическим и торговым делам. Следовательно, в глазах своей референтной группы даже спустя полвека после событий 1589 г. Жансох Кайтукин явно испытывал дефицит легитимности.

Во-вторых, несостоятельность Жансоха Кайтукина, как законного и общепризнанного верховного правителя Кабарды, позволила Мамстрюку Кемиргокову, погибшему около 1600 г., при жизни Шолоха Тапсарукова (ум. в 1616 г.), тоже получить в Москве жалованную грамоту на кабардинское княжение [Белокуров 1889: 350; КРО 1957: 385]. Ф.А. Озова предполагает, что это произошло еще в 1589 г. сразу после смерти Асланбека Кайтукина и было попыткой навязать Кабарде процедуру официальной инвеституры пщышхуэ русским царем «посредством оставления великого княжения у промосковски настроенных Идаровых» [Озова 2020: 188]. Но это абсолютно невозможно в контексте событий 1589 г. Царское правительство не имело времени для получения актуальной информации о резко меняющихся в результате скоростижных смертей Иналидов Кабарды внутривполитических раскладах в княжестве. Даже терские воеводы получали новости зачастую с запозданием в недели, а иногда и месяцы. Кроме того, любой намек на претензии Мамстрюка Кемиргокова оспаривать право на великокняжеский титул после смерти своего дяди Канбулата Идарова или Асланбека Кайтукина, сразу ставил крест на возможный альянс с последними против Шолоха Талостанова. Тогда Идаровы оставались в одиночестве без единого шанса выполнить обязательство по приведению «под высокую государеву руку» наиболее сильных и независимых удельных властителей Кабарды. Скорее всего Мамстрюк Идаров получил жалованную грамоту после смерти Жансоха Кайтукина, датируемой периодом от 1592 до 1596 гг., либо, что менее вероятно, еще при жизни своего союзника [Озова 2020: 191, 566]. Однако, как и Жансох Кайтукин, Мамстрюк Кемиргоков остался в памяти потомков как обладатель жалованной грамоты на княжение, а не легитимного статуса пщышхуэ Кабарды: «...Княженством кабардинским пожаловал его государь, а в Кабарде княженства ему не дано было» [КРО 1957: 384]. В связи с этим, на наш взгляд, утверждения тех исследователей, которые приходят к заключению, что Жансох Кайтукин в полной мере реализовал свои властные амбиции и стал в глазах политического класса Кабарды законным правителем княжества, игнорируют прямые свидетельства письменных источников, верифицируемые анализом фактологии событий [Кажаров 1994: 216; Озова 2020: 190-191].

Внутривполитический кризис 1589 г. демонстрирует справедливость тезиса В.Х. Кажарова об исключительной роли института высшей политической власти

в Кабардинском княжестве в период его единства: «Великая врось княжья» свидетельствует о чрезвычайно высоком престиже титула верховного князя в Кабарде и за ее пределами» [Кажаров 1994: 216]. Кризис 1589 г., связанный с выборами нового пщышхуэ, был блестяще использован Идаровыми для решения тактических задач приведения «под высокую государеву руку» практически всей Кабарды. События 1589 г. создали прецедент прямого вмешательства внешних сил, как фактора непреодолимой силы, в выборы великого князя Кабарды. Объективно это стало первым ударом по авторитету и централизующей функции великокняжеского титула, этатисткому содержанию института пожизненно избираемого «всей землей» пщышхуэ, как представителя высшей политической власти в стране. Живучесть традиционного права проявилась в том, что первая попытка подчинить функционирование института пщышхуэ в Кабарде утилитарным интересам внешней политики Московского царства, несмотря на военный разгром Талостанея, фактически оказалась изжита. Шолох Тапсаруков сохранил широкий спектр династических, дипломатических и политических связей с Крымом, Шамхальством, другими политиями Северного Кавказа и реализовал свои законные права, легитимность которых признали в Кабарде, несмотря на отсутствие инвеституры из Москвы. «Родословная» А.И. Лобанова-Ростовского лаконично и неопровержимо свидетельствует об этом: «Шолох, князь кабардинский, а государева княженства не дано было ему» [КРО 1957: 386].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Бгажноков 2005 – *Бгажноков Б.Х.* О специфике и динамике военно-политического союза России и Кабарды (симмахия и ее асимметризм) // Исторический вестник. – Вып. II. – Нальчик, 2005. – С. 39–86.
- Белокуров 1889 – *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. – М. Университетская типография, 1889. – Вып. I. 1578-1613 гг. – СХХIX; – 715 с.
- Вилинбахов 2017 – *Вилинбахов В.Б.* Из истории русско-кабардинского боевого содружества. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2017. – 280 с.
- Дзамихов 2001 – *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – 410 с.
- Дзамихов 2007 – *Дзамихов К.Ф.* Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв. – Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет, 2007. – 326 с.
- Дзамихов 2017 – *Дзамихов К.Ф.* «В службе и обороне...». Кабарда и Российское государство: эпоха военно-политического сотрудничества (1550-е - начало 1770-х годов). – Нальчик: Издательский отдел Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, 2017. – 356 с.
- История Кабардино-Балкарской 1967 – *История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней в 2-х томах.* Т. 1. – М.: Наука, 1967. – 480 с.
- История многовекового содружества 2007 – *История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией.* – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. – 720 с.
- Кажаров 1994 – *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. – Нальчик: Эль-Фа, 1994. – 440 с.
- Карданов 2001 – *Карданов Ч. Э.* Путь к России. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 432 с.
- Кожев 2006 – *Кожев З.А.* Политическая история Черкесии (с начала XV в. до 1763 г.) // Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. С. 168–203.

Кожев 2015 – *Кожев З.А.* Политический проект Кемиргоко Идарова. Опыт исторической реконструкции // Сборник научных статей по материалам региональной интернет-конференции «Социально-политическое и культурное пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI – нач. XX в.: направление и динамика интеграционных процессов» (г. Нальчик, 19–30 октября 2015 г.). – Нальчик: КБИГИ, 2015. – С. 29–44.

Кожев 2020 – *Кожев З.А.* Очерки военно-политической истории Черкесии XV–XVII вв. – Нальчик: Принт Центр, 2020. – 144 с.

КРО 1957 – *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах.* Т. I. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 478 с.

Кушева 1963 – *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1963. – 372 с.

Мальбахов, Эльмесов 1994 – *Мальбахов Б., Эльмесов А.* Средневековая Кабарда. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 350 с.

Народные песни 1986 – *Народные песни и инструментальные наигрыши и адыгов.* Т. 3. Ч. 1. – М.: Советский композитор, 1986. – 264 с.

Налоева 2015 – *Налоева Е.Д.* Генеалогия кабардинских князей как исторический источник // Налоева Е.Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-экономической истории / Сост. А.С. Мирзоев. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – 371 с. (Приложение)

Ногмов 1994 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 232 с.

Озова 2020 – *Озова Ф.А.* Институт аманатства в черкесско-российских отношениях 1552-1829 гг. – СПб: Общество с ограниченной ответственностью «Нестор-История». 2020. – 632 с.

Смирнов 1958 – *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. – 243 с.

Фольклор адыгов 1988 – *Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX века.* Кн. 2. – Нальчик: Эльбрус, 1988. – 272 с.

Челеби 1979 – *Челеби Эвлия.* Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып. 2. – М.: Наука, 1979. – 288 с.

Адыгэ ИуэрыИуатэхэр 1969 – *Адыгэ ИуэрыИуатэхэр.* Т. II. – Налшык: Эльбрус, 1969. – 412 с.

REFERENCES

BELOKUROV S.A. *Snosheniya Rossii s Kavkazom: Materialy, izvlechenyye iz Moskovskogo glavnoy arhiva Ministerstva inostrannykh del* [Relations between Russia and the Caucasus: Materials extracted from the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs]. – M. University Printing House, 1889. Issue I. 1578-1613 – CXXIX; – 715 p. (In Russ.).

BGAZHNOKOV B. Kh. *O spetsifi ke i dinamike voenno-politicheskogo soyuza Rossii i Kabardy (simmakhiya i ee asimmetrizm)* [On the specific cs and dynamics of the military-political union of Russia and Kabarda (symmachy and its asymmetry)]. IN: *Istoricheskii vestnik.* – Vyp. II. – Nalchik, 2005. – P. 39–86. (In Russ.).

CHELEBI EVLIYA. *Kniga puteshestviya. Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya.* Vyp. 2 [Travel book. The lands of the North Caucasus, Volga and Don region. Issue 2]. – Moscow: Nauka, 1979. – 288 p. (In Russ.).

DZAMIKHOV K.F. *Adygi v politike Rossii na Kavkaze* [Adygi in the politics of Russia in the Caucasus]. – Nalchik: El'-Fa, 2001. – 410 p. (In Russ.).

DZAMIKHOV K.F. *Kabarda i Rossiya v politicheskoi istorii Kavkaza XVI–XVII vv.* [Kabarda and Russia in the political history of the Caucasus of the 16th – 17th centuries.]. – Nalchik: Kabardino-Balkarian State University, 2007. – 326 p. (In Russ.).

DZAMIKHOV K.F. *«V sluzhbe i oborone...». Kabarda i Rossijskoe gosudarstvo: jepoha voenno-politicheskogo sotrudnichestva (1550-e - nachalo 1770-h godov).* [«In service and defense...». Kabarda and the Russian state: the era of military-political cooperation (1550s - early 1770s)]. – Nalchik: Publishing department of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2017. – 356 p. (In Russ.).

Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei v 2-kh tomakh. T. 1. [The history of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic from ancient times to the present in 2 volumes. T. 1]. – Moscow: Nauka, 1967. – 480 p. (In Russ.).

Istoriya mnogovekovogo sodruzhestva. K 450-letiju sojuza i edinenija narodov Kabardino-Balkarii s Rossiej. [The history of a centuries-old commonwealth. To the 450th anniversary of the union and unity of the peoples of Kabardino-Balkaria with Russia]. – Nalchik: Publishing house M. and V. Kotlyarov. 2007. – 720 p. (In Russ.).

KAZHAROV V.Kh. *Traditsionnye obshchestvennye instituty kabardintsev i ikh krizis v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka* [Traditional social institutions of the Kabardians and their crisis at the end of the 18th – first half of the 19th century]. – Nalchik: El'-fa. 1994. – 440 p. (In Russ.).

KARDANOV Ch. E. *Put' k Rossii* [The Way to Russia]. – Nal'chik: El'brus, 2001. – 432 p. (In Russ.).

KOZHEV Z.A. *Politicheskaya istoriya Cherkessii (s nachala XV v. do 1763 g.)* [Political history of Chircassia (from the beginning of the XVth century to 1763)]. IN: Adygskaya, (cherkesskaya) entsiklopediya [Adyghe (chirkassian) encyclopedia]. – Moscow: Fund, named after B.H. Akbashev, 2006. – P. 168–203. (In Russ.).

KOZHEV Z.A. *Politicheskii proekt Kemirgoko Idarova. Opyt istoricheskoi rekonstruktsii* [Political project of Kemirgoko Idarov. The experience of historical reconstruction]. IN: Sbornik nauchnykh statei po materialam regional'noi internet-konferentsii «Sotsial'no-politicheskoe i kul'turnoe prostranstvo Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza v XVI – nach. XX v.: napravlenie i dinamika integratsionnykh protsessov» (g. Nal'chik, 19–30 oktyabrya 2015 g.). – Nalchik, 2015. – P. 29–44. (In Russ.).

KOZHEV Z.A. *Ocherki voenno-politicheskoi istorii Cherkessii XV–XVII vv.* [Essays on the military and political history of Chircassia in the XV–XVII centuries]. – Nalchik: Print Center, 2020. – 144 p. (In Russ.).

KUSHEVA E. N. *Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiei (vtoraya polovina XVI – 30-e gody XVII veka)* [The peoples of the North Caucasus and their ties with Russia (second half of the XVI – 30s of the XVII century)]. – Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1963. – 372 p. (In Russ.).

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. [Kabardian-russian relations in the XVI–XVIII centuries]: Documents and materials in 2 volumes. Vol. I. – Moscow: Publishing house of the AS USSR, 1957. – 478 p. (In Russ.).

MAL'BAKHOV B., EL'MESOV A. *Srednevekovaya Kabarda* [Medieval Kabarda]. – Nalchik: El'brus, 1994. – 350 p. (In Russ.).

NALOEVA E.D. *Genealogiya kabardinskikh knyazei kak istoricheskii istochnik* [The genealogy of the Kabardian princes as a historical source (An album of 14 genealogical maps)]. IN: NALOEVA E.D. *Kabarda v pervoi polovine XVIII veka: genezis adygskogo feodal'nogo sotsiuma i problemy sotsial'no-ekonomicheskoi istorii* / Sost. A.S. Mirzoev [Kabarda in the first half of the 18th century: the genesis of the Adyghe feudal society and the problems of socioeconomic history. Compiled by A.S. Mirzoev]. – Nalchik: Pechatny Dvor Ltd., 2015. – 371 p. (Prilozhenie) (In Russ.).

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov [Folk Songs and Instrumental Rants of the Adygs]. Vol. 3. Part. 1. – M.: Sovetskii kompozitor, 1986. – 264 p. (In Russ.).

NOGMOV SH.B. *Istoriya adykheiskogo naroda* [The history of the adyghe people]. – Nalchik: Elbrus, 1994. – 232 p. (In Russ.).

OZOVA F.A. *Institut amanatstva v cherkessko-rossijskikh otnoshenijah 1552-1829 gg.* [Institute of amanats in Circassian-Russian relations 1552-1829]. – St. Petersburg: Limited Liability Company «Nestor-History». 2020. – 632 p. (In Russ.).

SMIRNOV N.A. *Politika Rossii na Kavkaze v XVI-XIX vekah.* [Russian policy in the Caucasus in the 16th-19th centuries]. – M.: Publishing house of socio-economic literature, 1958. – 243 p. (In Russ.).

VILINBAKHOV V.B. *Iz istorii russko-kabardinskogo boevogo sodruzhestva* [From the history of the russian-kabardian military community]. – Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarovs, 2017. – 280 p. (In Russ.).

Fol'klor adygov v zapisyakh i publikatsiyakh XIX – nachala XX veka [Folklore of the Adygs in records and publications of the 19th – early 20th centuries]. Book. 2. – Nal'chik: El'brus, 1988. – 272 p. (In Russ.).

Adyge Iueryluatekher [Adyghe folklore]. Vol. II. – Nalshyk: El'brus, 1969. – 412 p. (In Circassian).

Информация об авторе

З.А. Кожев – кандидат исторических наук.

Information about the author

Z.A. Kozhev – Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 15.10.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 15.10.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья
УДК 94(479)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-55-64
EDN: VOPUQW

ПОЛИТИКО-ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ МОДЕЛИ УЧАСТНИКОВ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОГО ПОГРАНИЧЬЯ ВОСТОЧНОГО ЗАКАВКАЗЬЯ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII В.

Шарафутдин Арифович Магарамов¹,
Магомедхабиб Русланович Сефербеков²

^{1,2} Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала,
Россия

¹ sharafutdin@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8705-6143>

² dnc.ran@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0001-5714-8178>

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования политико-поведенческих моделей акторов российско-турецкого пограничья, образовавшегося после Персидского похода Петра I 1722–1723 гг. Проблема исследуется не только с позиций великих держав, но и с точки зрения горных обществ. Опираясь на архивные материалы, часть которых впервые вводятся в научный оборот, и историографические источники анализируются модели поведения дагестанских правящих элит, которые были вовлечены в сложные российско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. Выявлены причины формирования пророссийских или протурецких отношений дагестанских владетелей, прослеживается эволюция их внешнеполитических ориентаций. Показано, что поведенческие модели участников пограничья были продиктованы стремлением к личной выгоде, желанием укрепить исключительно собственную роль среди остальных владетелей.

Ключевые слова: Российско-турецкое пограничье, Восточный Кавказ, поведенческие модели участников пограничья, дагестанские владетели.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01106, <https://rscf.ru/project/23-28-01106/>

Для цитирования: Магарамов Ш.А., Сефербеков М.Р. Политико-поведенческие модели участников российско-турецкого пограничья Восточного Закавказья в первой трети XVIII в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 55-64. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-55-64. EDN: VOPUQW.

© Магарамов Ш.А., Сефербеков М.Р., 2023

Original article

POLITICAL-BEHAVIORAL MODELS OF THE RUSSIAN-TURKISH FRONTIER ACTORS IN THE EASTERN CAUCASUS IN THE FIRST THIRD OF THE 18TH CENTURY

Sharafutdin A. Magaramov¹, Magomedkhabib R. Seferbekov²

^{1,2} Dagestan Federal Research Center RAS, Makhachkala, Russia

¹ sharafutdin@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8705-6143>

² dnc.ran@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0001-5714-8178>

Abstract. The article discusses the process of formation of political-behavioral models of the actors of the Russian-Turkish frontier, formed after the Persian campaign of Peter I in 1722-1723. The frontier theory is used as a basic concept, which allows us to consider the problem not only from the standpoint of the great powers but also from the point of view of mountain communities. The behavioral patterns of the Dagestan governing elites, who were involved in complex Russian-Turkish ties in the first third of the 18th century, are investigated using archival resources, some of which are being presented into science for the first time, and historiographic sources. The authors explain why Dagestan's rulers formed pro-Russian or pro-Turkish alliances and follow the history of their foreign policy views. It is demonstrated that the behavioral models of the frontier participants were influenced by the drive for personal gain, as well as the desire to improve their own position among other owners.

Keywords: Russian-Turkish frontier, Eastern Caucasus, behavioral models of frontier actors, Dagestan rulers.

Gratitude and funding: The study was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-01106, <https://rscf.ru/project/23-28-01106/>

For citation: Magaramov Sh.A., Seferbekov M.R. Political-behavioral models of the russian-turkish frontier actors in the Eastern Caucasus in the first third of the 18th century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 55-64. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-55-64. EDN: BOPUQW.

© Magaramov Sh.A., Seferbekov M.R., 2023

В Петровскую эпоху Российское государство обрастало новыми территориями, границы страны расширялись в разных географических направлениях. Одним из масштабных внешнеполитических акций, приведший к разрастанию границ империи, явился поход Петра Великого в Дагестан. По его результатам Российская империя закрепила за собой новые пространства в Кавказско-Каспийском регионе. Южные границы империи продвинулись вдоль юго-западных берегов Каспия, включив территории современных прикаспийской низменности Дагестана, Азербайджана и северных областей Ирана.

Продвижение России вглубь Южного Кавказа и Ирана встретило сопротивление со стороны Турции, что в итоге привело к разделу земель между ними в Восточном Закавказье и установлению российско-турецкой границы. Определение границ между Российской и Османской империями, согласно достигнутым договоренностям (ст. 1 Константинопольского договора 1724 г.), проходила следующим образом. Территория от города Шемахи до берега Каспийского моря по прямой линии делилась на три равные части, затем там, куда приходилась 2/3 части от побережья, ставился разграничительный знак. От города Дербента на расстоянии 22 часа езды в горах ставился второй знак, и оба знака соединялись прямой линией, которая продолжалась до места слияния рек Аракса и Куры, которое считалось конечным пунктом российско-турецкой пограничной линии. России отходила территория в сторону моря от данной линии, а противоположная часть – Турции.

Территория Дагестана, начиная от реки Сулак вплоть до Дербента было признано за Российской империей. В Дагестане под власть турок переходили владения Сурхай-хана Казикумухского и лезгинские общества в верховьях реки Самур. Под власть турок отходили Грузия и Ереванская провинция. Ширванская область с городом Шемаха оставалась как буферная зона между двумя державами и передавалась под управление дагестанского владельца Хаджи-Дауда [Бутурлин 1823: 52], который к этому времени перешел под протекцию Турции.

Турецкие власти подстрекали Хаджи-Дауда на антироссийские действия, пытаясь ослабить влияние русских в новозавоеванных территориях. В течение 1722–1723 гг. отряды Хаджи-Дауда совместно с силами уцмья Кайтага неоднократно предпринимали штурм Дербента с целью выбить российский гарнизон из города, но безуспешно [РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 61. Л. 863–863 об.]. Когда по причине отсутствия выплат, отряды Хаджи-Дауда перестали его поддерживать и «разошлись де все по домам» [РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 61. Л. 867–868], он задумал некую хитрость. Турецкий торговый человек из Шемахи сочинил фальшивые письма от имени султана, в которых якобы обещал Хаджи-Дауду помощь войском и артиллерией. Однако и данные письма не возымели нужного действия на отряды горцев [АВПРИ. Ф. 77. 1723 г. Оп. 77/1. Д. 8. Л. 34–34 об.].

Находясь под турецкой протекцией, Хаджи-Дауд, часть владений которого перешли в российскую сферу влияния, пытался препятствовать процессу разграничения российско-турецкой границы. С этой целью ему удалось подкупить турецкого Мустафа-пашу, заплатив «12 тысяч туманов», что составляло российскими «деньгами 120 тысяч рублей» [АВПРИ. Ф. 77. 1726 г. Оп. 77/1. Д. 16. Л. 30], который отозвал турецких уполномоченных представителей по демаркации границы до весны 1727 г.

Хаджи-Дауд понимал, что Сурхай-хан Казикумухский активизировал свою деятельность, чтобы турки назначили его ханом Ширвана вместо него. Сурхай-хан говорил, «что хотя до чего не дойдет, токмо он от Шемахи не отстанет, а ныне де они оба к паше великие суммы денег посылают, Сурхай для получения себе Шемахи, а Дауд для удержания... Сурхай при нем 50 мешков к паше послал» [АВПРИ Ф. 77. 1728 г. Оп. 77/1. Д. 4. Л. 82]. Ослабленный вниманием со стороны турков, Хаджи-Дауд попытался переориентироваться на российскую сторону. Он старался наладить отношения с российской военной администрацией на Кавказе: писал письма дербентскому коменданту полковнику А.Т. Юнггеру и отправлял посланников в Баку генерал-лейтенанту А.И. Румянцеву. Российские власти, не намеренные нарушить условия Константинопольского договора 1724 г. с Турцией, решили отказать Хаджи-Дауду в российской протекции [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 19. Л. 219].

Учитывая возрастающую роль Сурхай-хана на Северо-Восточном Кавказе и в целях привлечения на свою сторону, в 1727 г. турецкие власти пожаловали ему чин паши, определили ежегодное жалованье в 3 тыс. руб. и отдали под его управление уезд Кабалу. После таких подношений Сурхай-хан принял турецкую протекцию [Гербер 1958: 103]. Туркам казикумухский хан, обладавший внушительными военными силами, показался более полезным деятелем, чем Хаджи-Дауд. Потому и было решено назначить его правителем (ханом) Ширвана

[АВПРИ Ф. 77. 1728 г. Оп. 77/1. Д. 4. Л. 110 об.]. Судьба отстраненного от власти в Ширванском ханстве Хаджи-Дауда была предрешена: в 1728 г. он был арестован турецкими властями и отправлен в ссылку на остров Родос в Эгейском море.

Назначение Сурхай-хана ширванским ханом возвысило его роль в политической жизни региона. Разграничение российско-турецкой границы затрагивало и часть его владений, и он стал препятствовать разделению собственных владений. Согласно условиям ст. 1 Константинопольского договора, земли от Дербента в сторону гор на расстоянии 22 часа езды признавались за Россией, из которых земли на 6 часов езды составляли владения Сурхай-хана. После того как Сурхай-хай перешел на сторону Турции, турецкая комиссия отказалась разделить его владения, придумав отговорку, что «сурхаева владение не есть Ширванской провинции. Того ради земли ево в разделе не подлежат, и чтоб в сурхаево владение не вступатца». Турецкая сторона дабы не обидеть своего нового подопечного начала отказываться от отдельных позиций достигнутых договоренностей. До перехода Сурхай-хана под турецкую протекцию турецкие комиссары заявляли, чтобы Россия те 6 часов езды земли у Сурхай-хана «оружием взяла сама» [АВПРИ Ф. 1726 г. Оп. 77/1. Д. 16. Л. 32-33].

Подстрекаемый турецкими властями Сурхай-хан, 20 декабря 1728 г. с вместе с Ибрагим-пашой тебризским вторгся в пределы российских владений: на Муганскую степь и в Сальянскую провинцию. Разорив более двух десятков деревень и угнав часть местного населения в плен, с огромным награбленным имуществом он вернулся к себе в горы. Нам удалось в фондах АВПРИ обнаружить документ, в котором приводятся сведения о разоренных населенных пунктах, о количестве сожженных дворов в каждой деревне, численности убитых и угнанных в плен людей, количестве угнанного скота и награбленного имущества. По документальным данным, было разорено и уничтожено 23 деревень, в которых было сожжено 859 дворов. Всего было убито 280 мужчин, а угнано в плен 226 мужчин, женщин – 70, мальчиков и девочек – 55, ранено – 10 человек. Было угнано: лошадей – 1293, верблюдов – 100, ишаков – 2, волов – 4828, в том числе со вьюком – 102, буйволов – 35, баранов – 6967 голов. Было разбито 73 мельничных каменных жерновов, награблено бумаги хлопчатой 535 батманов, бумажных ниток 30 батманов, ковров шелковых и шерстяных, и полу ковров 2718 штук и т.п. [АВПРИ Ф. 1728 г. Оп. 77/1. Д. 7. Л. 60-69 об.].

В отместку российские отряды под руководством бригадира Л.Я. Соймонова угнали из владений Сурхай-хана более 30 тыс. баранов [Курукин 2010: 252]. Решение наказать Сурхай-хана было принято после отговорок турков в ответ воздействовать на него о том, что якобы межевание российско-турецкой границы во владениях Сурхай-хана еще не завершено, и он «не в совершенном послушании» от них [Сотавов 1991: 79]. Сурхай-хан, хотя формально и находился под турецкой протекцией, но продолжал действовать в целом самостоятельно и не доверял туркам: «Сурхай в великом опасении от турков, чтоб с ним того не учинили, как з Даудом и ни в чем им не верить» [АВПРИ Ф.77. 1729 г. Оп. 77/1. Д. 7. Л. 82 об.]. Ни Сурхай-хан, ни российские власти не вернули друг другу награбленного имущества.

Приграничная российская территория оставалась напряженной и нестабильной под влиянием действий Сурхай-хана, который продолжал действовать самостоятельно. Он претендовал на ряд деревень в Кубинской провинции, которые перешли по результатам демаркации российско-турецкой границы к российской стороне. В марте 1732 г. генерал В.Я. Левашов, зная о планах Сурхай-хана, просит командующего турецкими силами в Гяндже Али-пашу воздействовать на хана. Письмо было отправлено самому Сурхай-хану [ЦГАРД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 90. Л. 8-9]. Турецкая сторона ответила, что о планах Сурхай-хана «ничего не слыхали, может некоторые недоброжелатели о том напрасно доносят... понеже Сурхай хан противно мира поступать и нарушителем быть не смеет» [ЦГАРД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 90. Л. 10-11]. Сам Сурхай-хан ответил, что «он ссорится за малое дело не желает», поскольку его секретарь известил его «о доходах тех деревень», с которых ежегодный доход составляет 15 руб., и «Сурхай сказал, [что] за 15 руб. ссорится не будет, хотя теми деревнями, и россияне владеют, токмо он желает, чтобы ведали о его правой претензии» [ЦГАРД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 90. Л. 1-11]. Очевидно, генералу В.Я. Левашову все же удалось переубедить хана отказаться от планов предпринять поход в пределы российских территорий, или же, скорее, хан, извлекая уроки из похода в Сальяны, за которым последовал ответный поход русских войск в его владения, сам отказался от похода.

Отношение уцмий Кайтагского Ахмед-хана к Персидскому походу Петра I и в целом появлению русских в Дагестане было очень своеобразным. Он и не стал препятствовать продвижению петровской армии на юг и не прибыл с покорностью. Все-таки, было опасение быть наказанным за участие в шемахинском погроме. Владетели Кайтага старались с российской властью не вступать в более близкие контакты, предпочитая более отстраненные отношения. Однако уцмий не прочь были получать российское жалованье и подарки взамен проявляя лишь мнимую лояльность.

Уцмий удалось спровоцировать находившегося под своим влиянием утамышского Султана Махмуда напасть 19 августа 1722 г. при реке Инчхе на русский отряд, продвигавшийся к Дербенту. Вскоре после наказания Султана Махмуда Утамышского уцмий сообщил Петру I о своем желании перейти на сторону царя [НА ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60. Л. 122.], что не помешало ему в последующем вести обратную обещанную деятельность. Так, после ухода из Дагестана основных частей российской армии уцмийские отряды вместе с отрядами Хаджи-Дауда и Сурхай-хана напали на город Дербент и на российские укрепления в Дагестане. 3 и 5 января 1723 г. дербентские жители и солдаты гарнизона в отместку за нападение людей уцмий на Дербент, совершили походы в уцмийские деревни, откуда угнали скот, а 8 января «привезли две головы отрубленные, в том числе одна голова племянника уцмий, также и скотины с 700» голов [РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 61. Л. 625].

В скором времени среди участников антироссийских действий начались разногласия и уцмий решил перейти на сторону российской власти. Как сообщал дербентский комендант А.Т. Юнгер в сентябре 1725 г., уцмий Ахмед-хан признает собственную вину и согласен возместить ущерб, причиненный им при

нападении на Дербент в августе 1725 г. [РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 74. Л. 845–846 об.]. В своем письме Ахмед-хан заверял коменданта в Дербенте, чтоб «впредь противностей и всякой вражды между нами никакой бы не было, и чтоб всегда были в приятстве» [РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 74. Л. 847].

Видимо, на решение уцмий поддаться под российское покровительство повлияли неудачные выступления шамхала Адиль-Гирея против русских, после чего против него были посланы внушительные силы во главе с генералом Кропотковым. По данным И.-Г. Гербера, уцмий состоял «под Российской империей с 1725 г. В оном году он с сыновьями своими и всеми старшинами от сих уездов присягу учинил и аманатов дал» [Гербер 1958: 83].

Одним из влиятельных дагестанских владетелей петровской эпохи был шамхал Тарковский Адиль-Гирей, который ещё накануне Персидского похода был принят в российское подданство. 6 августа 1722 г. продвигавшегося в сторону Дербента Петра I встретил шамхал, который заверил императора о своей верности престолу. Шамхал прибыл на встречу с Петром I вместе с еще одним кумыкским правителем Султан-Махмудом Аксайским, проявивший свою лояльность царю. Адиль-Гирей передал Петру I 600 быков в телегах, ещё 150 – под провиант для армии и 3-х персидских лошадей, а Султан-Махмуд – 100 быков и 6 «изрядных» персидских лошадей [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1540. Ч. 1. Л. 69].

13 августа Петр I в сопровождении военных министров и генералов посетил шамхальский дом в Тарках. Адиль-Гирей в знак благодарности высокому гостю подарил серого аргамака с золотым конским убором и шелковый персидский шатер. Царь не остался в стороне, одарил шамхала золотыми часами [Шереметев 1914: 254]. Провожая царя, Адиль-Гирей предложил ему свое войско, но он отказался, взяв только несколько отборных наездников. В свою очередь, царь выделил шамхалу почетный караул из двенадцати солдат, которые оставались в Тарках вплоть до кончины Петра I [Потто 1912: 9].

Союзнические отношения Адиль-Гирея с Петром Первым были продиктованы желанием находиться под покровительством более сильной державы, стремлением занять лидирующую роль среди остальных дагестанских владетелей, чей статус как царского подданного возрастал в глазах, соперничавших с ним владетелей [Русско-дагестанские отношения 1958: 262-265]. В планах шамхала Тарковского также было распространение своего влияния на ногайцев, кочевавших в районе реки Сулак, на проживавших в районе Терека «окочан» (этногруппа чеченцев) и получение под свое управление пяти деревень в Мюшкюрской области, что к югу от Дербента, переданных ему еще Сефевидами. Все эти прошения Адиль-Гирея не были удовлетворены российской администрацией, за исключением передачи ему владений утамышского Султана Махмуда. В скором времени шамхал разочаровался в действиях российских властей, и он решил отречься от русских и занять антироссийскую позицию. Также шамхал был недоволен тем, что вблизи его владений царь начал строить новую крепость Святого Креста, в котором был размещен крупный гарнизон войск. За антироссийскую деятельность шамхал Адиль-Гирей в 1726 г. был пленен и отправлен в ссылку в Архангелогородскую губернию, где в январе 1732 г. скончался [РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 781. Л. 85 и об.].

Совершенно противоположной позицию остальных дагестанских владельцев было поведение дербентского правителя (наиб) Имама Кули-бека. Его про-российская позиция определилась, как только воинские подразделения Петра I оказались на территории Дагестана. Накануне прихода Петра I в Дербент Имам Кули-бек тепло встретил подполковника Г. Наумова, прибывший в город для обсуждения процесса сдачи города императору. В ходе переговоров наиб склонился к сдаче города без боя. Ввиду очевидного превосходства сил Петра I наиб предпочел диалог сопротивлению.

В отличие от других дагестанских владельцев, за исключением шамхала Адиль-Гирея, отрицательно отнесшихся к появлению царя с многотысячной армией в Дагестане, наиб дербентский, пожалуй, выбрал себе правильную стратегию. У него не было шансов и возможности сопротивляться российской армии, поскольку Дербент входил в число городов, которые по результатам Персидского похода Петра Первого, должны были быть присоединены к Российской империи. Выразив свою покорность царю, наиб оставался верным России до конца своей жизни. Характеризуя отношение наива к России, командовавший армией на юго-западных берегах Каспия фельдмаршал В.В. Долгоруков в 1730 г. писал, что «о верности его известно всем» [Алиев 1975: 93].

За верность к России Имам Кули-бек был оставлен в той же должности наива, еще был пожалован чином генерал-майора с ежегодным жалованьем в 3 000 руб. [ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 2. Л. 96 и об.]. Особенным было отношение Петра I и к жителям Дербента, что было выражено в предоставлении дербентцам особых торговых привилегий и обеспечении их необходимым продовольственным запасом: «Дербентских жителей надлежит кормить нашим же провиантом и когда комендант Юнгор или Наиб будут к нам о провианте для пропитания дербентским жителям писать, тогда им определите провиант на семью по чему надлежит, а имянно против того, почему в ваших домах людям на семью дается» [Комаров 1867: 52].

Власть дербентского наива после установления российской власти в Дербенте несколько не ограничилась. По личному распоряжению императора городской комендант в управленческой практике обязан был сотрудничать с наибом Имамом Кули-беком. Генерал-адмирал Ф.М. Апраксин 30 августа 1722 г. подготовил специальную инструкцию для коменданта, согласно которой «с дербенским наипом иметь согласие, и поступать ласково, и в среднем городе ево команды не отнимать, и по воротам оной крепости караулам быть от него, или как с общаго согласия заблагоразсудите» [РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 216. Л. 198–201].

Видя высокий статус Имама Кули-бека в глазах российской власти его поддержкой в выстраивании контактов с Россией, старались воспользоваться те владельцы, которые изначально выступили против появления русских в Дагестане. Так, в 1725 г. кайтагский уцмий писал наibu, чтобы он отправил к нему свою депутацию с целью «учинить между собою и нами верную дружбу, и между нами бы никакой противности не было». Уцмий Ахмед-хан имел намерение, судя по его письму, впредь поддерживать дружные отношения, «о чем и люди мои о том желают, что с вами и с рускими быть в приятстве» [РГАДА. Ф.

9. Оп. 4. Д. 74. Л. 847.]. 26 июня 1725 г. письмо с аналогичным содержанием наибу отправил шамхал Адиль-Гирей [РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 77. Л. 1033 и об.], в надежде урегулировать сложные отношения с российской властью.

Благодаря правильно выбранной стратегии дербентского правителя город избежал штурма, горожане сохранили свое имущество и положение, более того, все дербентцы получили торговые привилегии от царя. Петр I высоко оценил позицию и поведение наиба: ему была предоставлена возможность служить интересам Российской империи и даже осуществить визит ко двору императрицы Екатерины I. До конца своей жизни наиб оставался верным российской власти.

Итак, политико-поведенческие модели участников российско-турецкого пограничья на Восточном Кавказе в первой трети XVIII в. формировались и протекали под воздействием прежде всего внешнеполитических факторов. Дагестанские владетели Хаджи-Дауд Мюшкюрский, Сурхай-хан Казикумухский, уцмий Ахмед-хан – участники антииранских восстаний первых двух десятилетий XVIII в. с началом Персидского похода Петра I заняли антироссийскую позицию, поскольку они были объявлены в манифесте «бунтовщиками», от чьих рук, в частности, пострадали русские купцы в Шемахе в 1721 г. Что касается шамхала Адиль-Гирея Тарковского, дербентского наиба Имама Кули-бека, то они проявили лояльность к русским властям. Их пророссийская ориентация была продиктована стремлением укрепить собственные позиции в условиях феодальных междоусобиц, сохранить свой политический статус и имущество. Судьбы разных участников пограничья складывались по-разному.

Установление российско-турецкой границы на Восточном Кавказе приводит к изменению политико-поведенческих моделей участников пограничья: одни из них принимают покровительство Турции, другие становятся союзниками российской власти, третьи пытаются сохранить самостоятельность, теряют политическую власть. В условиях пограничного мира участникам нелегко было изначально выбрать правильную позицию. Изучение процесса формирования и эволюции поведенческих моделей участников фронтальной линии открывает новые возможности для понимания особенностей пограничья.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алиев 1975 – *Алиев Ф.М.* Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. – Баку: Изд-во «Элм», 1975. – 231 с.

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

Бутурлин 1823 – *Бутурлин Д.П.* Военная история походов россиян в XVIII в. Часть II. Т. IV. – СПб.: Печатано в Военной тип. Главного штаба Е.И.В., 1823. – 255 с.

Гербер 1958 – *Гербер И.Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. – С. 60-120.

Курукин 2010 – *Курукин И.В.* Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). – М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. – 381 с.

Комаров 1867 – *Комаров В.* Персидская война 1722–1725. – М.: в Университетской тип., 1867. – 68 с.

Научный архив Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

- Потто 1912 – *Потто В.А.* Пётр I на берегу Каспийского моря. – СПб.: В. Березовский, 1912. – 14 с.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГАВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота.
- Русско-дагестанские отношения 1958 – Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. Документы и материалы. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1958. – 336 с.
- Сотавов 1991 – *Сотавов Н.А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. – М.: Наука, Главн. ред. вост. лит-ры, 1991. – 221 с.
- ЦГАРД – Центральный государственный архив Республики Дагестан.
- Шереметев 1914 – *Шереметев П.С.* Владимир Петрович Шереметев. 1668–1737. – М.: Синодальная Типография, 1914. – 418 с.

REFERENCES

- ALIEV F.M. *Antiiranskie vystupleniya i bor'ba protiv turetskoy okkupatsii v Azerbaydzhanе v pervoy polovine XVIII v.* [Anti-Iranian speeches and the struggle against the Turkish occupation in Azerbaijan in the first half of the 18th century]. – Baku: Publishing House "Elm", 1975. – 231 p. (In Russ.).
- Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire]. (In Russ.).
- BUTURLIN D.P. *Voennaya istoriya pokhodov rossiyan v XVIII v.* [Military history of Russian campaigns in the 18th century]. – Part II. – T. IV. – St. Petersburg: Printed in Military type. of the General Staff of E.I.V., 1823. – 255 p. (In Russ.).
- GERBER I.G. *Opisanie stran i narodov vdol' zapadnogo berega Kaspiyskogo morya. 1728 g.* [Description of countries and peoples along the western coast of the Caspian Sea. 1728]. In: History, geography and ethnography of Dagestan XVIII-XIX centuries. – M.: Publishing House of the East. literature, 1958. – Pp. 60-120. (In Russ.).
- KURUKIN I.V. *Persidskiy pokhod Petra Velikogo: Nizovoy korpus na beregakh Kaspiya (1722–1735)* [Persian Campaign of Peter the Great: Grassroots Corps on the Banks of the Caspian Sea (1722–1735)]. – M.: Quadriga; United edition of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. – 381 p. (In Russ.).
- KOMAROV V. *Persidskaya voyna 1722–1725.* [Persian War 1722-1725]. – M.: in the University type, 1867. – 68 p. (In Russ.).
- Nauchnyy arkhiv Instituta istorii, arkheologii i etnografii Dagestanskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Scientific archive of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences]. (In Russ.).
- POTTO V.A. *Petr I na beregu Kaspiyskogo morya* [Peter I on the coast of the Caspian Sea]. – St. Petersburg: V. Berezovsky, 1912. – 14 p. (In Russ.).
- Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archives of Ancient Documents] (In Russ.).
- Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv* [Russian State Military Historical Archives] (In Russ.).
- Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv voenno-morskogo flota* [Russian State Archives of the Navy] (In Russ.).
- Russko-dagestanskіe otnosheniya XVII – pervoy chetverti XVIII v. Dokumenty i materialy* [Russian-Dagestan relations in the 17th – first quarter of the 18th centuries. Documents and materials]. – Makhachkala: Doug. book. publishing house, 1958. – 336 p. (In Russ.).
- SOTAVOV N.A. *Severnnyy Kavkaz v russko-iranskikh i russko-turetskikh otnosheniyakh v XVIII v.* [North Caucasus in Russian-Iranian and Russian-Turkish relations in the 18th century]. – M.: Nauka, Glavn. ed. east literature, 1991. – 221 p. (In Russ.).

Tsentrāl'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Dagestan [Central State Archive of the Republic of Dagestan] (In Russ.).

SHEREMETEV P.S. *Vladimir Petrovich Sheremetev* [Vladimir Petrovich Sheremetev. 1668–1737]. – М.: Synodal Printing House, 1914. – 418 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Ш.А. Магарамов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник;

М.Р. Сефербеков – младший научный сотрудник.

Information about the authors

S.A. Magaramov – Candidate of Sciences (History), Senior Researcher;

M.R. Seferbekov – Associate Researcher.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.10.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 25.10.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья
УДК 94(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-65-74
EDN: BPJQRL

ГОРСКИЕ СЛОВЕСНЫЕ СУДЫ КУБАНСКОЙ И ТЕРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ (1871–1918): ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Мирбек Асланович Хагажеев

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, ma_khagazheev@mail.ru

Актуальность. В статье рассмотрены основные направления и перспективы сравнительно-исторического исследования деятельности горских словесных судов Кубанской и Терской областей в 1871–1917 гг. Отмечается, что специфика их деятельности в определенной мере зависела от особенностей их территориальной подведомственности. В этом плане охарактеризован экстерриториальный принцип их деятельности, когда их территориальная подведомственность совпадала с этнической территорией того или иного народа и иногда выходила за границы политико-правового образования, в пределах которого они создавались и функционировали. Установлено, что основные направления сравнительно-исторического исследования их деятельности могут быть связаны с изучением особенностей их территориальной организации и выявлением локальных особенностей функционирования, анализом круга разбираемых споров и конфликтов (убийств, ранений, краж, имущественных и наследственных споров) и других решаемых ими вопросов (связанных с установлением опекунства и попечительства, религией) и т.п. Обращается внимание, на взаимодействие горских словесных судов с учреждениями власти, институтами самоуправления и народного правосудия (медиаторскими/посредническими судами). Сделан вывод о том, что сравнительно-историческое исследование деятельности этих учреждений значительно расширит представления о них как о важном механизме инкорпорации коренных народов Кубанской и Терской областей в политико-правовое пространство России.

Ключевые слова: Кубанская область, Терская область, судебная система, горский словесный суд, судоустройство

Для цитирования: Хагажеев М.А. Горские словесные суды Кубанской и Терской областей (1871–1918): основные направления и перспективы сравнительно-исторического исследования // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 65-74. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-65-74. EDN: BPJQRL.

© Хагажеев М.А., 2023

Original article

THE MOUNTAIN VERBAL COURTS OF THE KUBAN AND TERSK OBLASTS (1871-1918): THE MAIN DIRECTIONS AND PROSPECTS OF COMPARATIVE HISTORICAL RESEARCH

Mirbek A. Hagazheev

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, ma_khagazheev@mail.ru

Abstract. The article considers the main directions and prospects of comparative historical research of the activities of the mountain verbal courts of the Kuban and Tersk regions in 1871–1917. It is noted that the specifics of their activities were determined to a certain extent by the peculiarities of their territorial jurisdiction. In this regard, the extraterritorial principle of their activities is characterized, when their territorial jurisdiction coincided with the ethnic territory of a particular people and sometimes went beyond the boundaries of the political and legal entity within which they were created and functioned. It has been established that the main directions of comparative historical research of their activities may be related to the study of the features of their territorial organization and the identification of local features of functioning, analysis of the range of disputes and conflicts under consideration (murders, injuries, theft, property and inheritance disputes) and other issues they resolve (related to the establishment of guardianship and guardianship, religion) and etc. Attention is drawn to the interaction of the mountain verbal courts with government institutions, institutions of self-government and people's justice (mediation/mediation courts). It is concluded that a comparative historical study of the activities of these institutions will significantly expand the understanding of them as an important mechanism for the incorporation of the indigenous peoples of the Kuban and Tersk regions into the political and legal space of Russia.

Keywords: Kuban region, Tersk region, judicial system, Gorsky verbal court, court structure

For citation: Hagazheev M.A. The Mountain verbal courts of the Kuban and Tersk oblasts (1871–1918): the main directions and prospects of comparative historical research. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 65-74. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-65-74. EDN: BPJQRL.

© Hagazheev M.A., 2023

В 1871 г. в Терской и Кубанской областях для решения споров и конфликтов с участием коренного населения были образованы специализированные судебные учреждения правосудия, которые рассматривали дела на основании норм обычного и мусульманского права (горские словесные суды). С этого времени и до революционных событий 1917 г. в Кубанской области функционировали Екатеринодарский, Майкопский и Балалпашинский горские словесные суды, в Терской – Хасав-Юртовский, Грозненский, Веденский, Шатоевский, Нальчикский и Назрановский. Несмотря на то, что круг полномочий горских словесных судов определялся единым унифицированным нормативным актом («Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей» от 1870 г.), их деятельность выстраивалась с опорой на экстерриториальный принцип (когда их территориальная подведомственность в определённом смысле совпадала с этническими границами того или иного народа и могла выходить за пределы границ политико-правового образования, в рамках которого они создавались и функционировали). Такая ситуация приводила к появлению локальных особенностей их правоприменительной практики, что еще во многом зависело и от особенностей функционирования институтов традиционной соционормативной культуры коренных народов этих областей. Полагаем, что исследование локальных особенностей деятельности отдельных горских словесных судов Кубанской и Терской областей имеет определенную научную перспективу, т.к.

может сформировать достаточную теоретическую основу для последующего их сравнительно-исторического исследования, что свою очередь, существенно расширит наши представления об особенностях интеграции народов Центрального и Северо-Западного Кавказа в политико-правовое пространство России, трансформации их институтов достижения социальной справедливости в новых правовых реалиях и т.п.

Сравнительно-историческое изучение деятельности горских словесных судов в Кубанской и Терской областях в современной кавказологии не становилось предметом специального исследования. Между тем к настоящему времени по этому вопросу накопился большой объем теоретической информации. В частности, основные аспекты этой темы затрагиваются в трудах А.Х. Абазова [Абазов 2014; Абазов 2015; Абазов 2016; Абазов 2017; Абазов 2022; Абазов, Достова 2022], М.С. Арсанукаевой [Арсанукаева 2008; Арсанукаева 2009; Арсанукаева 2010; Арсанукаева, Биттирова 2015], И.Л. Бабич [Бабич 1999], А.В. Гладунец [Гладунец 2009], С.В. Дарчиевой [Дарчиева 2016], Ж.А. Калмыкова, Е.И. Кобахидзе [Кобахидзе 2010а; Кобахидзе 2010b; Кобахидзе 2012], С.Г. Кудаевой [Кудаева 2006], В.Н. Мальцева [Мальцев 2008], Д.Н. Прасолова [Прасолов 2019; Прасолов 2022], Д.Х. Сайдумова [Сайдумов 2008; Сайдумов 2010], А.В. Сердюк [Сердюк 2012], А.Т. Урушадзе [Урушадзе 2019], А.И. Хасбулатова [Хасбулатов 2007] и в обобщающих работах по истории и этнографии народов Северо-Западного и Центрального Кавказа [История Чечни... 2006; Века... 2017; История Северного Кавказа... 2017; Россия... 2018; Адыги 2022]. Авторы рассматривали историю деятельности отдельных горских словесных судов в судебной системе каждой из указанных областей и их взаимодействие с учреждениями власти и институтами самоуправления, определяли их как один из механизмов инкорпорации народов региона в политико-правовое пространство России, изучали их деятельность в контексте государственно-правовой политики империи в регионе, обобщали опыт судебно-административных преобразований и выявляли проблемы политико-административного управления и реорганизации судопроизводства для местных жителей, на их материалах исследовали формы социальных конфликтов и порядок их решения у коренных народов региона, давали обзор судебной практики и особенностей судебного процесса по нормам обычного права и шариата, характеризовали делопроизводство и обеспечение внешней коммуникации у некоторых из них, исследовали особенности деятельности отдельных категорий участников судебного процесса (например, присяжных поверенных) и т.п. Накопленные сведения в большой мере основаны на широкой источниковой базе и вполне применимы для выявления локальных особенностей деятельности горских словесных судов в отдельных регионах Кубанской и Терской областей.

Специфика деятельности горских словесных судов в определенной мере зависела от их территориальной подведомственности и этнической территории того или иного коренного народа, в пределах которой функционировали институты традиционной соционормативной культуры. Поэтому на практике она выстраивалась в большей мере с опорой на этнический, нежели на административно-территориальный компонент. Так, например, в Кубанской области к под-

ведомственности Екатеринодарского словесного суда относились в основном проживавшие в Кубанской области темиргоевцы, бжегуди, шапсуги и натухаевцы; Майкопского – представители черкесского (кабардинцы, абадзехи, темиргоевцы) и абазинского населения; Баталпашинского – черкесы, абазины, карачаевцы и ногойцы. По схожей модели выстраивались и отношения подведомственности в Терской области. Случалось, что к подведомственности одного горского словесного суда частично относилось население одного народа, но проживавшего на территории разных округов области. В частности, в горском словесном суде Нальчикского округа разбирались споры и конфликты с участием малокабардинского населения в период его вхождения в состав Сунженского отдела Терской области (с 1882 по 1905 гг.). С другой стороны, к одному горскому словесному суду могли относиться представители разных этнических групп (например, Баталпашинского, Майкопского, Нальчикского). Иногда объединение в рамках деятельности одного горского суда нескольких этнических групп с качественно отличными институтами правосудия приводило к определённым сложностям и увеличению сроков рассмотрения жалоб и исковых заявлений. Для нивелирования этих сложностей в структуре, например, Нальчикского суда в 1884 г. было создано временное отделение для решения споров и конфликтов с участием балкарского населения округа. В исключительном случае, в одном округе создавались и функционировали 2 словесных суда (Грозненский округ – Грозненский и Шатовский словесные суды [Материалы по обозрению... 1912: 138]). Все это приводило к появлению локальных особенностей правоприменительной практики горских словесных судов.

Другой линией сравнения деятельности горских словесных судов, помимо территориальной организации их деятельности, может быть специфика и локальные особенности разбираемых споров и конфликтов и решаемых вопросов. Временные правила для горских словесных судов определяли, что словесные суды могли рассматривать дела уголовной направленности аналогично мировым судам (за исключением отнесенных к подведомственности сельских/аульных судов), гражданские (имущественные) споры, связанные с обеспеченными залогами долговыми обязательствами, с наследственными отношениями; а также правонарушения против порядка управления, общественного спокойствия, благоустройства и народного здоровья, нарушение уставов о паспортах, строительстве, путях и сообщении, пожарах, почты, телеграфа и т.п. [Хрестоматия... 2015: 93–105]. Это направление в кавказологии является наиболее обеспеченным источниками (делопроизводственная документация горских словесных судов в фондах Государственного архива Краснодарского края, Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания, Управления Центрального государственного архива Архивной службы КБР, Государственной архивной службы Республики Ингушетия и т.п.) и разработанной исследователями. Однако, научные разработки исследователей касались в основном деятельности отдельных горских словесных судов, а сравнительные исследования практически не проводились. Между тем, для такого исследования к настоящему времени накоплен большой массив информации [Бабич 1999; Сайдумов 2008; Арсанукаева 2009; Гладунец 2009; Сердюк 2012; Абазов, Достова 2022 и др.]. Исследователи по-

дробно изучили деятельность словесных судов по делам о кражах людей, чужого имущества и денег, причинении ран и телесных повреждений, преступлений против власти и должностных лиц на местах, гражданских и семейных споров, делах об опекунов, вопросах, связанных с религией и т.п.

Горские словесные суды в пределах своей компетенции плотно взаимодействовали с учреждениями власти (с областными, окружными и участковыми правлениями; сельскими судами в качестве апелляционной инстанции), институтами самоуправления (сформированными из народных представителей для принятия коллективных решений, например, Съездом доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ в Нальчикском округе Терской области) и народного правосудия (медиаторскими / посредническими / третейскими судами). При этом следует отметить, что некоторые аспекты такого взаимодействия рассматривались на отдельных примерах. Так, взаимодействие словесных судов с учреждениями власти в определенной мере рассматривалось при изучении проблем реформирования Россией административной и судебной системы на Кавказе [Мальцев 2008; Арсанукаева 2010; Кобахидзе 2010а; Дарчиева 2016]. Отчасти, давалась характеристика статуса отдельных словесных судов в судебной системе отдельного округа или определялось его место в этой системе в качестве апелляционной инстанции по отношению в сельским / аульным судам [Хасбулатов 2007; Сайдумов 2010; Сердюк 2012; Абазов 2014; Арсанукаева, Биттирова 2015; Урушадзе 2019; Адыги 2022]. В меньшей мере исследовалось взаимодействие горских словесных судов с собраниями (сборами), сформированными из народных представителей для принятия коллективных решений, и медиаторскими (посредническими) судами. Такие исследования предпринимались лишь на примере некоторых округов Терской области. Это явление подробно рассмотрено на материалах Нальчикского округа и предпринята попытка определения роли уникального института местного самоуправления (Съезда доверенных сельских обществ) в деятельности горского словесного суда (организация и проведения выборов судей и кандидатов к ним; обеспечение финансирования его деятельности и т.п.) [Прасолов 2019; Прасолов 2022]. Равно как на примере этого же округа рассматривалось формы отношений и документирование взаимодействия словесного суда с посредническими судами (институтами народного правосудия): передача дел их словесного суда на решение посреднического по народным обычаям, рассмотрение словесным судом апелляционных жалоб на решение посреднических судов и т.п. [Абазов 2016; Абазов 2022]. При этом сопоставительного анализа деятельности горских словесных судов в Кубанской и Терской областях по этим линиям сравнения до сих пор не проводилось.

Таким образом, сравнительно-историческое исследование деятельности горских словесных судов Кубанской и Терской областей в 1871–1917 гг. имеет большую исследовательскую перспективу, обеспечено источниками и может быть направлено на выявление локальных особенностей функционирования и факторов трансформации традиционных институтов соционормативной культуры проживавших здесь коренных народов. Основные направления сравнительно-исторического исследования их деятельности могут быть связаны с изуче-

нием особенностей их территориальной организации и выявлением локальных особенностей их функционирования, анализом круга разбираемых споров и конфликтов (убийств, ранений, краж, имущественных и наследственных споров) и других решаемых ими вопросов (связанных с установлением опекунов и попечительства, религией) и т.п.; а также – с особенностями их взаимодействия с учреждениями власти, институтами самоуправления и народного правосудия. Перечень направлений сравнительно-исторического изучения деятельности этих учреждений можно продолжить, но все они показывают сложности инкорпорации коренного населения Кубанской и Терской областей в политико-правовое пространство Российской империи в последней трети XIX – начале XX в. и позволяют охарактеризовать их как важнейший механизм в этом процессе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2014 – *Абазов А. Х.* Нальчикский округ в судебной системе Терской области (последняя треть XIX – начало XX в.). – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. – 108 с.

Абазов 2015 – *Абазов А.Х.* Горские словесные суды Терской и Кубанской областей в 1871-1918 гг. // История государства и права. – 2015. – № 23. – С. 58–63.

Абазов 2016 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. – 264 с.

Абазов 2017 – *Абазов А.Х.* Формы социальных конфликтов у кабардинцев в последней трети XIX – начале XX вв. (на материалах Нальчикского горского словесного суда) // История науки и техники. – 2017. – № 12. – С. 37–43.

Абазов 2022 – *Абазов А.Х.* Документирование деятельности Нальчикского горского словесного суда: делопроизводство и обеспечение внешней коммуникации // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 239–255.

Абазов, Достова 2022 – *Абазов А.Х., Достова А.И.* Из истории правоприменительной деятельности горских словесных судов на Северном Кавказе: обзор судебной практики Екатеринодарского суда (1871–1920 гг.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2022. – № 4–1 (55). – С. 7–14.

Адыги 2022 – *Адыги:* Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / от ред. А.Х. Абазов, А.В. Кушхабиев [и др.]. – Москва: «Наука», 2022. – 870 с.

Арсанукаева 2008 – *Арсанукаева М.С.* Судебный процесс по адатам чеченцев и ингушей (XIX в. – начало XX в.) // Ученые труды Российской академии адвокатуры. – 2008. – № 6 (11). – С. 62–68.

Арсанукаева 2009 – *Арсанукаева М. С.* Наследование по шариату и адатам у чеченцев и ингушей (XIX – начало XX в.) // Евразийский юридический журнал. – 2009. – № 6 (13). – С. 23–29.

Арсанукаева 2010 – *Арсанукаева М.С.* Государственно-правовая политика Российской империи в Чечне и Ингушетии (XIX – начало XX вв.): автореферат дис. д-ра юрид. н-к. – Москва, 2010. – 51 с.

Арсанукаева, Биттирова 2015 – *Арсанукаева М.С., Биттирова Т.Ш.* Присяжные поверенные из горцев и их роль в развитии правовой культуры народов Северного Кавказа (вторая половина XIX – начало XX века) // Правовая культура. – 2015. – № 3 (22). – С. 30–38.

Бабич 1999 – *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов. Москва: – Российская государственная библиотека, 1999. – 239 с.

Века... 2017 – *Века* совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.). – Нальчик: издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 544 с.

Гладунец 2009 – *Гладунец А. В.* Судебный процесс на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX века // Право и политика. – 2009. – № 9. – С. 1956–1959.

Дарчиева 2016 – *Дарчиева С.В.* Проблемы политико-административного управления на Северном Кавказе в начале XX в. (на примере Терской области) // Известия СОИГСИ. – 2016. – № 22 (61). – С. 47–55.

История Северного Кавказа... 2017 – *История Северного Кавказа*: учебное пособие. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2017. – 282 с.

История Чечни... 2006 – История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2-х томах. Том 1. – Грозный: ООО «Книжное издательство», 2006. – 828 с.

Кобахидзе 2010а – *Кобахидзе Е.И.* "Не одним оружием..." (Опыт судебно-административных преобразований в Осетии в 30-х – начале 60-х гг. XIX в.) // Кавказский сборник. – Москва: Русская панорама, 2010. – С. 157–175.

Кобахидзе 2010б – *Кобахидзе Е.И.* Специфика и итоги реформирования судебной системы на Центральном Кавказе в 60–70-х гг. XIX в. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. – 2010. – № 2. – С. 70–76.

Кобахидзе 2012 – *Кобахидзе Е.И.* Интеграция Осетии в судебно-административную систему Российской империи // Российская история. – 2012. – № 4. – С. 3–15.

Кудаева 2006 – *Кудаева С.Г.* Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: проблемы трансформации и дифференциации адыгского общества. – Майкоп, 2006. – С. 265–266.

Мальцев 2008 – *Мальцев В.Н.* Политико-юридический аспект реформирования горских судов в Кубанской и Терской областях в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2008. – № 8. – С. 96–108.

Материалы по обозрению... 1912 – *Материалы по обозрению* горских и народных судов Кавказского края. Собраны под наблюдением и.о. обер-прокурора общего собрания каскационных департаментов Правительствующего Сената Н.М. Рейнке, членом Московской судебной палаты Н.М. Агишевым и товарищем прокурора Тамбовского окружного Суда В.Д. Бушеном. – СПб.: Сенатская типография, 1912. – 278 с.

Прасолов 2019 – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в практиках местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – 208 с.

Прасолов 2022 – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в политической культуре кабардинцев и балкарцев. – Нальчик: ОНР, 2022. – 240 с.

Россия... 2018 – Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству. – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – 268 с.

Сайдумов 2008 – *Сайдумов Д.Х., Сайдумов М.Х.* Суд и судопроизводство по обычному праву чеченцев // Вестник Самарского государственного университета. – 2008. – № 5–2 (64). – С. 263–272.

Сайдумов 2010 – *Сайдумов Д.Х.* Сельские аульные и Горские словесные суды Терской области: порядок производства и решения дел в сельских судах // Европейский журнал социальных наук. – 2010. – № 3. – С. 132–137.

Сердюк 2012 – *Сердюк А.В.* Особенности судопроизводства Северного Кавказа в составе Российской империи в середине XIX – начале XX вв. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2012. – № 4 (23). – С. 150–153.

Урушадзе 2019 – *Урушадзе А.Т.* "Мнимая юстиция": горские словесные суды и проблема судебно-административного реформирования Кавказского края в материалах ревизии Н. М. Рейнке // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9. – № 4. – С. 914–927.

Хасбулатов 2007 – *Хасбулатов А.И.* Суд и судебные реформы в Чечне (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Научная мысль Кавказа. – 2007. – № 1 (49). – С. 67–77.

Хрестоматия... 2015 – Хрестоматия по истории государства и права Кабардино-Балкарской Республики (последняя треть XVIII – начало XXI вв.): учебное пособие. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2015. – 268 с.

REFERENCES

ABAZOV A.KH. *Nal'chikskii okrug v sudebnoi sisteme Terskoi oblasti (poslednyaya tret' XIX – nachalo XX v.)* [Nalchik district in the judicial system of the Tersk region (the last third of the XIX – early XX century)]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2014. – 108 p. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Gorskie slovesnye sudy Terskoi i Kubanskoj oblasti v 1871-1918 gg.* [Mountain verbal courts of Terek and Kuban regions in 1871-1918]. In: *Istoriya gosudarstva i prava*. – 2015. – № 23. – P. 58–63. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX v.* [The peoples of the Central Caucasus in the judicial system of the Russian Empire in the late XVIII – early XX century.]. – Nal'chik: OOO «Pечатnyi dvor», 2016. – 264 p. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Formy sotsial'nykh konfliktov u kabardintsev v poslednei treti XIX – nachale XX vv. (na materialakh Nal'chikskogo gorskogo slovesnogo suda)* [Forms of social conflicts among Kabardians in the last third of the XIX – early XX centuries. (based on the materials of the Nalchik Mountain Verbal Court)]. In: *Istoriya nauki i tekhniki*. – 2017. – № 12. – P. 37–43. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Dokumentirovanie deyatel'nosti Nal'chikskogo gorskogo slovesnogo suda: deloproizvodstvo i obespechenie vneshnei kommunikatsii* [Documenting the activities of the Nalchik Mountain Verbal Court: record keeping and ensuring external communication]. In: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2022. – № 4. – P. 239–255. (In Russ.).

ABAZOV A.Kh., DOSTOVA A.I. *Iz istorii pravoprimenitel'noi deyatel'nosti gorskikh slovesnykh sudov na Severnom Kavkaze: obzor sudebnoi praktiki Ekaterinodarskogo suda (1871–1920 gg.)* [From the history of law enforcement activities of the Mountain verbal courts in the North Caucasus: a review of the judicial practice of the Yekaterinodar Court (1871-1920)]. In: *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*. – 2022. – № 4–1 (55). – P. 7–14. (In Russ.).

Adygi: Adygeitsy. Kabardintsy. Cherkesy. Shapsugi [Adygs: The Adygeans. Kabardians. Circassians. Shapsugi] / ot red. A.Kh. Abazov, A.V. Kushkhabiev [i dr.]. – Moskva: «Nauka», 2022. – 870 s. (In Russ.).

ARSANUKAEVA M.S. *Sudebnyi protsess po adatam chechentsev i ingushei (XIX v. – nachalo XX v.)* [The trial of the adats of Chechens and Ingush (XIX century – early XX century)]. In: *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury*. – 2008. – № 6 (11). – P. 62–68. (In Russ.).

ARSANUKAEVA M.S. *Nasledovanie po shariatu i adatam u chechentsev i ingushei (XIX – nachalo XX v.)* [Inheritance according to Sharia and Adat among Chechens and Ingush (XIX – early XX century)]. In: *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*. – 2009. – № 6 (13). – P. 23–29.

ARSANUKAEVA M.S. *Gosudarstvenno-pravovaya politika Rossiiskoi imperii v Chechne i Ingushetii (XIX – nachalo XX vv.)* [State and Legal policy of the Russian Empire in Chechnya and Ingushetia (XIX – early XX centuries)]: avtoreferat dis. d-ra yurid. n-k. – Moskva, 2010. – 51 s. (In Russ.).

ARSANUKAEVA M.S., BITTIROVA T.Sh. *Prisyazhnye poverennye iz gortsev i ikh rol' v razvitiy pravovoi kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Sworn attorneys from the Highlanders and their role in the development of the legal culture of the peoples of the North Caucasus (the second half of the XIX – early XX century)]. In: *Pravovaya kul'tura*. – 2015. – № 3 (22). – P. 30–38. (In Russ.).

BABICH I.L. *Evolutsiya pravovoi kul'tury adygov* [The evolution of the legal culture of the Adygs]. – Moskva: Rossiiskaya gosudarstvennaya biblioteka, 1999. – 239 p. (In Russ.).

Veka sovместnoi istorii: narody Kabardino-Balkarii v rossiiskom tsivilizatsionnom protsesse (1557–1917 gg.) [Centuries of joint history: the peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian civilizational process (1557-1917)]. – Nal'chik: izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2017. – 544 p. (In Russ.).

GLADUNETs A.V. *Sudebnyi protsess na Severnom Kavkaze vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [The trial in the North Caucasus in the second half of the XIX – early XX century] In: *Pravo i politika*. – 2009. – № 9. – P. 1956–1959. (In Russ.).

DARChIEVA S.V. *Problemy politiko-administrativnogo upravleniya na Severnom Kavkaze v nachale XX v. (na primere Terskoi oblasti)* [Problems of political and administrative management in the North Caucasus at the beginning of the XX century. (using the example of the Tersk region)]. In: *Izvestiya SOIGSI*. – 2016. – № 22 (61). – P. 47–55. (In Russ.).

Istoriya Severnogo Kavkaza: uchebnoe posobie [The History of the North Caucasus: a textbook]. – Rostov-na-Donu: Yuzhnyi federal'nyi universitet, 2017. – 282 p. (In Russ.).

Istoriya Chechni s drevneishikh vremen do nashikh dnei [The history of Chechnya from ancient times to the present day]: V 2-kh tomakh. Tom 1. – Grozniy: OOO «Knizhnoe izdatel'stvo», 2006. – 828 p. (In Russ.).

KOBAKhIDZE E.I. *"Ne odnim oruzhiem..."* (*Opyt sudebno-administrativnykh preobrazovaniy v Osetii v 30-kh – nachale 60-kh gg. XIX v.*) ["Not with one weapon..." (The experience of judicial and administrative transformations in Ossetia in the 30s - early 60s of the XIX century.)]. In: *Kavkazskii sbornik / otv. red. V. V. Degoev*. – Moskva: Russkaya panorama, 2010. – P. 157–175. (In Russ.).

KOBAKhIDZE E.I. *Spetsifika i itogi reformirovaniya sudebnoi sistemy na Tsentral'nom Kavkaze v 60–70-kh gg. XIX v.* [Specifics and results of the reform of the judicial system in the Central Caucasus in the 60-70s of the XIX century]. In: *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Khetagurova*. – 2010. – № 2. – P. 70–76. (In Russ.).

KOBAKhIDZE E.I. *Integratsiya Osetii v sudebno-administrativnyuyu sistemu Rossiiskoi imperii* [Integration of Ossetia into the judicial and administrative system of the Russian Empire]. In: *Rossiiskaya istoriya*. – 2012. – № 4. – P. 3–15. (In Russ.).

KUDAEVA S.G. *Adygi (cherkesy) Severo-Zapadnogo Kavkaza v XIX veke: problemy transformatsii i differentsiatsii adygskego obshchestva* [The Adygs (Circassians) of the Northwestern Caucasus in the XIX century: problems of transformation and differentiation of the Adyghe society]. – Maikop, 2006. – P. 265–266. (In Russ.).

MAL'TsEV V.N. *Politiko-yuridicheskii aspekt reformirovaniya gorskikh sudov v Kubanskoj i Terskoi oblastiakh v kontse 60-kh – nachale 70-kh gg. XIX v.* [The political and legal aspect of the reform of the mountain courts in the Kuban and Tersk regions in the late 60s - early 70s of the XIX century]. In: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*. – 2008. – № 8. – P. 96–108. (In Russ.).

Materialy po obozreniyu gorskikh i narodnykh sudov Kavkazskogo kraja [Materials on the review of the mountain and people's courts of the Caucasus Region]. *Sobranyy pod nablyudeniem i.o. ober-prokurora obshchego sobraniya kassatsionnykh departamentov Pravi-tel'stvuyushchego Senata N.M. Reinke, chlenom Moskovskoi sudebnoi palaty N.M. Agishevym i tovarishchem prokurora Tambovskogo okruzhnogo Suda V.D. Bushenom*. – SPb.: Senat-skaya tipografiya, 1912. – 278 p. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *S"ezdy doverennykh v praktikakh mestnogo samoupravleniya kabardintsev i balkartsev vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Congresses of Kabardians and Balkars trusted in the practices of local self-government in the second half of the XIX – early XX century]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2019. – 208 p. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *S"ezdy doverennykh v politicheskoi kul'ture kabardintsev i balkartsev* [Congresses of Kabardians and Balkars trusted in political culture]. – Nal'chik: OPR, 2022. – 240 p. (In Russ.).

Rossiya i narody Severnogo Kavkaza v XVI – seredine XIX veka: sotsiokul'turnaya distantsiya i dvizhenie k gosudarstvenno-politicheskomu edinstvu [Russia and the Peoples of the North Caucasus in the XVI – mid-XIX century: socio-cultural distance and movement towards state and Political Unity]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2018. – 268 p. (In Russ.).

SAIDUMOV D.Kh., SAIDUMOV M.Kh. *Sud i sudoproizvodstvo po obychnomu pravu chechentsev* [The court and proceedings under the customary law of Chechens]. In: *Vestnik Samar'skogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2008. – № 5–2 (64). – P. 263–272. (In Russ.).

SAIDUMOV D.Kh. *Sel'skie aul'nye i Gorskie slovesnye sudy Terskoi oblasti: poryadok proizvodstva i resheniya del v sel'skikh sudakh* [Rural aul and Mountain verbal courts of the Tersk region: procedure for the production and resolution of cases in rural courts]. In: *Evropeiskii zhurnal sotsial'nykh nauk.* – 2010. – № 3. – P. 132–137. (In Russ.).

SERDYUK A.V. *Osobennosti sudoproizvodstva Severnogo Kavkaza v sostave Rossii-skoi imperii v seredine XIX – nachale XX vv.* [Peculiarities of the legal proceedings of the North Caucasus as part of the Russian Empire in the middle of the XIX – early XX centuries]. In: *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie.* – 2012. – № 4 (23). – P. 150–153. (In Russ.).

URUSHADZE A.T. *"Mnimaya yustitsiya": gorskie slovesnye sudy i problema sudebno-administrativnogo reformirovaniya Kavkazskogo kraja v materialakh revizii N.M. Reinke* ["Imaginary Justice": Mountain verbal courts and the problem of judicial and administrative reform of the Caucasian Territory in the materials of the N.M. Reinke audit]. In: *Noveishaya istoriya Rossii.* – 2019. – Т. 9. – № 4. – P. 914–927. (In Russ.).

KhASBULATOV A.I. *Sud i sudebnye reformy v Chechne (vtoraya polovina KhIKh – nachalo XX vv.)* [The Court and judicial reforms in Chechnya (the second half of the XIX – early XX centuries)]. In: *Nauchnaya mysl' Kavkaza.* – 2007. – № 1 (49). – P. 67–77. (In Russ.).

Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Kabardino-Balkarskoi Respubliki (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XXI vv.) [A textbook on the history of state and law of the Kabardino-Balkarian Republic (the last third of the XVIII – early XXI centuries)]: *uchebnoe posobie.* – Nal'chik: Kab.-Balk. un-t, 2015. – 268 p. (In Russ.).

Информация об авторе

М.А. Хагажеев – соискатель.

Information about the author

М.А. Hagazheev – the applicant.

Статья поступила в редакцию 11.10.2023 г.; одобрена после рецензирования 14.11.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 11.10.2023; approved after reviewing 14.11.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья
УДК 94(470)+316.4
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-75-87
EDN: CHLYSO

ЗОЛЬСКИЕ СОБЫТИЯ 1913 Г. КАК КРИЗИС ДОВЕРИЯ В ПРАКТИКАХ ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В НАЛЬЧИКСКОМ ОКРУГЕ

Дмитрий Николаевич Прасолов

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, dmprasolov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0026-1262>

Аннотация. На примере аграрных протестов на Зольских пастбищах, произошедших в Нальчикском округе в июне 1913 г., рассматривается проблема доверия в общественно-государственных отношениях и местном самоуправлении. Массовые выступления жителей нескольких кабардинских сельских обществ были вызваны новыми правилами пастбищного землепользования, утвержденными в 1912 г. и введенными в действие весной 1913 г. На основе архивных источников и материалов периодической печати выявляются основные механизмы реализации «доверия» в принятии и утверждении регламента общественного пастбищного землепользования. Рассмотрены ритуальные и риторические формы официального и неформального взаимодействия коронных властей и представителей кабардинского общества, позволившие восстановить доверие областной власти. Определены причины длительного отстранения съезда доверенных от принятия решений по регулированию пастбищного землепользования, связанные с опасением повторного выражения протестных настроений. Обоснован вывод, что полное преодоление идеологических последствий пастбищного кризиса 1913 г. стало возможным только в марте 1917 г., когда съездом доверенных, освобожденным от надзора коронной администрации, были отменены правила 1912 г., вызвавшие волнения на Зольских пастбищах.

Ключевые слова: кабардинцы, Нальчикский округ, Российская империя, Зольские пастбища, местное самоуправление, съезд доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ, доверие.

Для цитирования: Прасолов Д.Н. Зольские события 1913 г. как кризис доверия в практиках общественно-государственного взаимодействия в Нальчикском округе // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 75-87. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-75-87. EDN: CHLYSO.

© Прасолов Д.Н., 2023

Original article

ZOLSKY UPRISE 1913 AS A CRISIS OF TRUST IN PRACTICES OF SOCIETY-STATE INTERACTION IN NALCHIK DISTRICT

Dmitry N. Prasolov

Institute for Humanitarian studies – branch Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, dmprasolov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0026-1262>

Abstract. The subject of trust in public-state interactions and local self-government is examined using the example of agrarian protests on Zolsky pastures grasslands in Nalchik district in June 1913. The new pastureland usage laws, authorized in 1912 and applied in the spring of 1913, sparked mass protests among residents of many Kabardian rural societies. Based on archival sources and materials of periodicals, The major strategies for achieving “trust” in the adoption and approval of public pastureland use laws are outlined. Ritual and rhetorical forms of official and informal interaction between the crown authorities and representatives of the Kabardian society, which allowed to restore trust in the regional authorities, are considered. The grounds for the protracted suspension of the Congress of Entrusted from making decisions on the control of pastureland usage are determined, and are related to the fear of repeated expressions of protest feelings. The conclusion is substantiated that the complete overcoming of ideological consequences of the pasture crisis of 1913 became possible only in March 1917, when the congress of entrusted, freed from the supervision of the crown administration, abolished the rules of 1912, which caused unrest on the Zolsky pastures.

Keywords: Kabardians, Nalchik District, Russian Empire, Zolsky pastures, local self-government, congress of trustees of Big and Little Kabarda and Five Mountain Societies, trust.

For citation: Prasolov D.N. Zolsky uprising 1913 as a crisis of trust in practices of society-state interaction in Nalchik district. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 75-87. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-75-87. EDN: CHLYSO.

© Prasolov D.N., 2023

Доверие в организации социально-политической жизни выступает одним из факторов, поддерживающих формирование и стабильность вертикальных и горизонтальных интеграционных связей в обществе [Заболотная 2003, Бобкова 2014]. Механизмы доверия, сложившиеся в традиционной культуре народов Кабардино-Балкарии, признаются значимыми и в регулировании современных межнациональных отношений [Аккиева 2016; Аккиева 2017; Аккиева 2018]. В практиках общественно-государственных отношений в Нальчикском округе во второй половине XIX – начале XX в. доверие являлось ключевым символическим ресурсом, на котором основывалось регулирование деятельности Съездов доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ. Этот самобытный «дополняющий институт» [Хелмке, Левитски 2007: 195–196], функционировал в Кабардинском (Нальчикском) округе в системе военно-народного управления Российской империи на Кавказе. В своей деятельности он выходил за рамки формального регламента [Прасолов 2022: 29], что оставляло возможности для ситуативного функционирования в административной практике разнообразных официальных и неформальных связей, позволяющих более гибко решать задачи поддержания локального общественно-политического порядка. Доверием располагали символически и уполномочивались документально представители сельских обществ на окружных съездах. Подтверждением доверия постановлениям съездов доверенных являлся символический акт утверждения приговоров начальником области, а наиболее значительных – высшей кав-

казской властью Наместника или Главноначальствующего (в 1882–1904 гг.). При этом нельзя отрицать прагматизм коронных властей, которые располагали общественными приговорами для формализации доверия подвластного населения решениям, прежде всего целесообразным для задач имперского управления. Но в этом и заключался один из компромиссов военно-народного управления, при котором местному населению разрешалось относительно самостоятельно управлять различными сторонами своего общественного быта, но под контролем коронной администрации. В своем критическом анализе опыта организации мусульманских регионов Российской империи Ах. Цаликов утверждал, что «механизм современного административного управления, хотя бы, напр. в Терской области, это есть механизм организованного недоверия по отношению к горскому населению» [Цаликов 1913: 138]. Деятельность съездов доверенных в Нальчикском округе опровергала это мнение. Регулярные практики окружных собраний и избираемых им органов и общественных должностных лиц подчеркивали стабильность локальной организации общественно-государственного доверия: властей – постановлениям окружных съездов, и сельских обществ – своим доверенным. Наибольших масштабов и разнообразия направлений деятельность съездов доверенных достигает в период управления Нальчикским округом С. Клишбиева (сентябрь 1910 – март 1917 гг.). К этому времени его социальный капитал включал достижения по военно-административной карьере на Северном Кавказе, конструктивные общественные связи с представителями кабардинской и балкарской интеллигенции, и располагал популярностью и поддержкой многонационального населения округа [Опрышко 1996: 5–70]. Однако именно в этот же период произошел и наиболее серьезный кризис доверия в казавшихся стабильными отношениях. Сферой обострения общественных противоречий стало пастбищное землепользование, которое регулировалось съездами доверенных, но никогда не удовлетворяло интересов всех заинтересованных групп скотоводов и коневодов общественными Зольскими и Горными пастбищами. В итоге высказывались претензии, что и так при небезупречном регламенте, избранные для распределения пастбищных угодий поземельные «доверенные большей частью нарушали доверие выбиравших их обществ самым грубым образом» [ТВ. 1908. № 276. С. 3]

Обновление пастбищных правил, по замыслу С. Клишбиева, должно было рациональнее организовать пастбищное землепользование. В марте 1911 г. проект был согласован съездом доверенных и утвержден главнокомандующим Кавказского военного округа – Кавказским наместником И.И. Воронцовым-Дашковым в феврале 1912 г. В действующем порядке управления легитимность оформленного преобразования не вызывала сомнений. Однако практическая реализация пастбищного регламента обернулась крупнейшими аграрными протестами, которые нарушили ключевое политическое условие «постоянного и неотъемлемого» общественного пастбищного землепользования в Нальчикском округе, пока «означенное население будет вести себя, как приличествует верноподданым Его Императорского Величества» [Гаибов 1905: 116–117].

11 июня 1913 г. владикавказская газета «Терек» сообщала: «Все пастбища кабардинцев находились в общем пользовании. В этом году в целях регистра-

ции и урегулирования пользования землей, порядок пользования пастбищами был изменен на последнем съезде кабардинцев... По новому порядку пользования все Зольские пастбища площадью 27 тыс. дес. были разделены на две части: верхнюю – которая осталась по-прежнему в общем пользовании, и нижнюю, которая была поделена на участки по 40 дес. каждый. В 1913 г. в «1-х числах июня на Золку приехали около 3000 жителей селения Наурузова, Тамбиева 1-го и Ашабова и послали своих людей согнать скот на Золку, т.е. вернуться к прежнему общему пользованию пастбищами. На Золку, где собрались кабардинцы-коневоды, были вызваны даже войска, но все прошло благополучно» [Терек. 1913. № 4629. С. 3].

Стереотипы, заданные ранней советской историографией, провозгласили зольские события восстанием, в котором крестьяне-трудящиеся вооруженным образом противостояли князьям, дворянам и кулакам, поддерживаемым царскими властями [Калмыков 1957: 9–11; Воробьев, Сарахан 1932: 26–28]. В целом такая трактовка сохраняется в некоторых современных отечественных и зарубежных работах [King 1987: 37–38; Калмыков 2007: 123–125; Пазов 2019: 87; Дзамихов, Кажаров 2022: 240–241, Lanzillotti 2022: 119]. Идеологические штампы, опирающиеся на мифологизированную советской историографией версию Зольских событий [Прасолов 2020], но пренебрегающие критическим анализом источников, отразились и в новейших диссертационных исследованиях [Гедгафова 2018: 55; Пазов 2023: 140; Шахалиева 2023: 71].

Причиной Зольских волнений стало то, что при разделе по новым правилам участков не хватило многим коннозаводчикам и скотоводам. Некоторые из них средствами неформальной коммуникации воздействовали на возмущенное массовое общественное мнение, однако не приняли непосредственного участия в волнениях. В сообщении начальника Нальчикского округа С. Клишбиева указывалось, что «агитация велась лицами более или менее развитыми» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 25. Л. 1], а вдохновителем выражения протеста упоминался наурузовец Али Джамбеков: выпускник Реального училища в Нальчике, служащий несколько лет на Царицынской ветке Владикавказской железной дороги. Односельчане, недовольные новыми пастбищными правилами, обращались к нему, как человеку образованному, «знающему законы». При этом рекомендации его побуждали не только к противоправным действиям, но и к нарушению верноподданнических обязательств, которыми было обусловлено пастбищное землепользование: «Земля пожалована нам всем Кабардинцам, а потому и пользоваться ею равномерно должны все. Если хлопотать обычным порядком об отмене новых правил, которые это нарушают, то дело затянется надолго, а если вы все начнете пользоваться пастбищами по-старому, то высшее начальство сейчас же обратит на это внимание» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 13. Д. 58. Л. 19]. Согласно следственным документам, среди идейных вдохновителей массовых волнений фигурировали крупные скотоводы также из князей и дворян, не получившие по новому порядку достаточных пастбищных угодий: Т. Анзоров, К. Докшукин, М. Шипшев, В. Кудашев вместе с младшим братом, и другие [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 1005а. Л. 89, 90; УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 24. Л. 47, 48].

Зольский протест оказался обострением продолжавшегося с 1870-х гг. внутреннего конфликта в кабардинском обществе, вызванного поляризацией интересов аграрных предпринимателей (в коневодстве, скотоводстве и арендном обороте земли) с приверженцами традиционной модели землепользования, предполагавшей общедоступность пастбищ всем селениям. Волнения также стали реакцией на деятельность съезда доверенных, разработавшего и согласовавшего новые правила, продемонстрировав недоверие значительной массы общинников, по существу, и избравшей сельских делегатов на окружные съезды, что столь масштабно произошло впервые в деятельности этого института [Прасолов 2020: 10]. Возможной причиной отдаления доверенных сельских обществ от чуткого понимания аграрных проблем своих односельчан стала административная реформа, в результате которой с осени 1905 г. большинство решений сельских сходов, в том числе избрание представителей на окружной съезд, стали осуществляться сборами десятидворных доверенных [Тифлисский листок. 1907. № 30. С. 2].

Съездами доверенных обсуждались изменения в порядок пользования пастбищами в октябре 1909 г. [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 27. Т. 1. Л. 118, 120] и в марте 1910 г. [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 767. Л. 49–50]. Итоговые правила были приняты мартовским съездом 1911 г. [Темукуев 2015: 62], а в феврале 1912 г. утверждены Кавказским наместником И.И. Воронцовым-Дашковым [Законодательные акты... 1914: 5]. На мартовском съезде 1913 г. прошло обсуждение «проекта договора на сдачу в аренду Зольских и Горных хуторских участков, согласно новых правил пользования кабардинскими пастбищными землями» [ТВ. 1913. № 70. С. 3]. Начальник области отрицал возможность «абсолютно всеобщего недовольства... так как сами же доверенные кабардинского народа выработали эти правила относительно пользования Зольскими пастбищами» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 1005а. Л. 102]. Последовательное участие съезда доверенных в выработке пастбищного регламента обнадеживало коронные власти, что согласие представителей, уполномоченных сельскими обществами, выражало признание нового порядка всем кабардинским обществом. Возможность такого отрицания решения доверенных казалась невероятной, но подтвердилась при попытке переговоров с протестующими в районе сел. Абуково. Старший помощник начальника Терской области Н.И. Степанов сообщал, что «3000 самоуправцев» категорически отказывалась расходиться и даже избирать доверенных для диалога с начальством, «так как совершенно изверилось в своих доверенных, обманывающих народ, но просят моего разрешения прибыть всем в сел. Абуково или просит меня приехать к ним». В этом многозначительном заявлении проявилось пренебрежение даже традиционным посредничеством, которое во многих ситуациях использовалось для взаимодействия сельских обществ с представителями власти [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 1005а. Л. 107]. Несмотря на то, что все правила пастбищного землепользования в 1890, 1905, 1907 и 1912 гг. в окончательной редакции утверждались главой Кавказского края – Главнначальствующим или Наместником, протестующими было заявлено о фактическом недоверии состоявшемуся порядку утверждения правил и готовности принять только «высо-

чайшее» утверждение. Кабардинцы ответили, что «мы подчинимся, если эти правила утвердит Государь, но все-таки о своих нуждах хотим заявить» [Терек. 1913. № 4629. С. 3].

Зольский протест стал не только кризисом доверия, но и отказом недовольных представителей общества в легальных процедурах изменения пастбищного регламента. Начальник Нальчикского округа С. Клишбиев напоминал о легитимности съезда доверенных и его приговора, возражать по которому можно было только через съезд доверенных, а уж если общественное постановление было одобрено Кавказским наместником И.И. Воронцовым-Дашковым, то и предлагать изменения можно было только через ходатайство съезда доверенных [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 25. Л. 2]. Однако попытки властей убедить протестующих, что пересмотр правил возможен только таким законным путем, первоначально не принесли успеха, так как доверие к этим устоявшимся процедурам оказалось подорванным. Ситуация продемонстрировала кризис легитимности съездов в глазах односельчан и дискредитировала их как инструмент взаимодействия с обществом в руках региональной власти.

Кризис доверия усугубился угрозой расторжения своеобразного общественного договора между кабардинским обществом и монархом. Уже после прекращения волнений С. Клишбиев в приказе сельским старшинам указывал на перспективы потерять важные общественные преимущества: «Беспорядки, подобные происшедшему могут повлечь за собой то, что пастбища и леса будут отняты, следовательно будет отнята возможность жить безбедно, как Вы живете, не будете Вы иметь общественной кассы, которая способствует развитию просветительных и экономических сторон Вашей жизни, не будете иметь права обсуждать свои нужды путем съезда Ваших уполномоченных» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–3]. И в этом контексте в словах начальника Нальчикского округа звучала тревога за те преимущества самоуправления, которыми пользовались его соотечественники и он сам, как администратор, представляющий государственную власть, и от ее имени взаимодействующий с подведомственным ему окружным населением, с которым он сохранял этнокультурное единство и близкую социокультурную дистанцию.

Уверенность в политической культуре, приверженной не насильственным, компромиссным сценариям решения социально-экономических конфликтов, обманула С. Клишбиева. Природный кабардинец также переоценил доверие соотечественников к своим методам взаимодействия с окружным самоуправлением, будучи убеждённым в невозможности крайних мер. Оценивая поведение начальника округа, начальник области С. Флейшер писал: «Зная хорошо кабардинский народ, как очень покойный, приверженный законности и порядку, подполковник Клишбиев совершенно не допускал и тени мысли, чтобы народ мог решиться на самоуправное действие в отношении пастбищ и на насильственные против коневодов действия; напротив, был совершенно уверен, что все ограничится недовольством и разговорами на эту тему, а если что-либо и произойдёт, то в законном порядке, через начальство; поэтому зорко наблюдая за состоянием умов» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 1005а. Л. 103 об.].

В Российской империи регулярные объезды губернаторами подведомственных им территорий были необходимой мобильностью, поддерживая у населения представления о государственной власти [Баберовски 2008: 91]. В августе 1913 г. состоялась ревизионная поездка по Нальчикскому округу начальника Терской области. Экстремальные обстоятельства лета 1913 г. придавали визиту особенный воспитательно-назидательный смысл, рассчитанный на политическую социализацию посредством личного указания начальника Терской области на заблуждения кабардинцев.

Хронология поездки выясняется из распоряжения начальника Нальчикского округа: «Начальник Терской области генерал-лейтенант Флейшер прибудет в слоб. Нальчик 13 августа и по объезде горских обществ вверенного мне округа возвратится в слоб. Нальчик 19 августа». Поездка в Балкарские общества могла быть связана с проработкой последствий Черекских волнений в июле 1913 г. Финальным мероприятием стала организация ритуального диалога представителей сельских обществ с областной властью: «Давая знать об этом предписываю сельским старшинам с двумя доверенными от каждого селения, уполномоченными от сельских обществ, прибыть в сл. Нальчик» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 26. Л. 7]. Т.е. фактически был созван примирительный съезд доверенных «для представления» начальнику области и, очевидно, итогового обсуждения произошедших событий [УЦГА АС КБР. Ф. 27. Оп. 1. Д. 10. Л. 11; УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 26. Л. 7].

Подобная встреча начальника Терской области с «административно-терапевтическим» уклоном проводилась в 1887 г. 16 мая на встрече с представителями сельских обществ генерал-лейтенант А.М. Смекалов заявил, что «в данное время он является среди них в роли врача, обязанного во что бы то ни стало вылечить их от такой скверной болезни, как склонность к убийству, грабежу и проч., и что от этой широко развившейся язвы может быть придется лечить их сильными средствами, если нельзя будет поступить иначе» [ТВ. 1887. № 44. С. 2].

В сентябре 1913 г. по следам протестных событий в приложении к областным ведомостям был опубликован пространный приказ, в котором отразились официальные результаты объезда [ТВ. 1913. № 205. Приложение. С. 3–5]. Содержание приказа начальника Терской области выявило постепенное смягчение в подходах к реализации административно-полицейских санкций, произошедшее с июня по август 1913 г. В ходе личных встреч с местным населением С.Н. Флейшер использовал публичное порицание, отразившие неприятие властями методов, которые избрали несколько сельских обществ для выражения несогласия с новыми пастбищными правилами, принятыми ранее съездом доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ. В качестве символических мер воздействия использовалась демонстративная дифференциация сельских обществ, осуждаемых за вовлечение или поощряемых за уклонение от участия в волнениях [Прасолов 2021: 95]. Назидательная риторика начальника области, сформулированная в приказе, но не доступная для анализа в своих вербальных, произнесенных на встречах с сельскими обществами, формах, с точки зрения задач визита С.Н. Флейшера в Нальчикский округ представляется избыточной

для целевой аудитории протестовавших кабардинцев. Очевидно, в большей степени она была рассчитана на читательскую аудиторию «Терских ведомостей». Примером излишнего усложнения бюрократического слога стал упрек в противоправности поступков протестующих, действовавших не «как приличествует верноподданным»: «Подобные выступления и преступны и нетерпимы ни в каком правовом государстве... Довести себя до такого положения Кабардинскому народу, искони отличавшемуся самобытным строго-бытовым укладом жизни, своей неизменной преданностью Престолу и России, а также законности и порядку стыдно и позорно и я глубоко верю, что он до этого никогда не дойдет» [ТВ. 1913. № 205. Приложение. С. 2]. Подобная административная стратегия была типична и для центральных, собственно русских, областей Российской империи. Исследователями отмечалось, что и здесь культурная дистанция в понимании правомочности общественных действий между крестьянами и региональными властями оставалась непроработанной: «Каким же образом крестьяне должны были узнать, что есть правовое государство, если никто не объяснял им его идею?» [Баберовски 2008: 91].

Зольские события могли иметь весьма болезненные последствия для всего выстраиваемого С. Клишбиевым через решения съезда доверенных сценария верноподданныческих мероприятий в контексте юбилейного для династии Романовых 1913 г. Эти опасения были развеяны участием начальника Терской области при освящении 20 октября 1913 г. в Нальчике нового здания кабардино-горского реального училища. На торжестве было объявлено о присвоении учебному заведению имени Александра III, «высочайше пожаловавшего» 21 мая 1889 г. Зольские и Горные пастбища кабардинцам [ТВ. 1913. № 231. С. 3]. Это событие прошло в преддверии октябрьского съезда доверенных. Однако, вопреки недавно узаконенному регламенту, одна из его ключевых функций – управление пастбищным землепользованием, была ограничена распоряжением из опасений нового обострения ситуации. Доверие коронной власти к такому методу управления землепользованием оказалось подорвано. Надежнее казалось делегировать эти функции Хозяйственной комиссии – коллегиальному органу, избранному октябрьским съездом 1913 г. Ввиду ослабления общественного контроля съезда доверенных над ее деятельностью некоторые наблюдатели скептически оценивали эффективность нового порядка регулирования распоряжением общественными землями [Терская жизнь. 1914. № 82. С. 1].

Восстановление доверия областной администрации к возможности обсуждения на окружных съездах пастбищного вопроса было отсрочено. В феврале 1914 г. начальник округа С. Клишбиев писал: «Создавшееся в части кабардинского народа с лета прошлого года стремление уничтожить во что бы то ни стало новые правила пользования кабардинскими землями и вернуться к прежнему, беспорядочному и бесконтрольному пользованию этими землями, – стремления, проявившее себя, между прочим, в происходивших летом 1913 г. беспорядках на Зольских пастбищных землях, – заставили меня не предлагать на обсуждение созывавшегося осенью 1913 г. сбора доверенных никаких вопросов, связанных с правилами пользования Кабардинскими пастбищными запасными землями 1912 г.».

Заключение договоров с арендаторами пастбищных участков было возложено на Хозяйственную комиссию и юрисконсульта кабардинского народа Б. Шаханова. Он с сомнением высказался о целесообразности выносить вопрос о распределении пастбищ на обсуждение окружного собрания: «Созывать для рассмотрения проектов договоров сбор кабардинских и горских доверенных я не считаю возможным и в настоящее время не только потому, что глухое недовольство новыми порядками в народных массах, руководимых своекорыстными людьми, все еще существует, и несомненно прорвалось бы на сборе в той или иной форме, но и потому еще, что обсуждение содержания сложных договоров в собрании, в котором лишь незначительное меньшинство понимает русскую речь и, следовательно, может принять непосредственное участие в обсуждении того или другого пункта договора, лишено, по моему мнению, практического значения, и может быть лишь повести, в случае изменения сбором доверенных тех или других пунктов договоров в смысле уклонения от правил пользования, утвержденных главнокомандующим, – к необходимости созвать для утверждения проектов договоров новый сбор доверенных, а это ведет к затяжке введения нового порядка пользования Кабардинскими запасными пастбищными землями на неопределенное время» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 1032. Л. 1–1об.]. В марте 1914 г., не находя возможным возложить на съезды доверенных предусмотренные пастбищными Правилами 1912 г. функции по распределению арендуемых участков, начальник области распорядился о необходимости отступить от п. 10 правил [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 1032. Л. 24–26об.].

Правила 1912 г. продолжали действовать до весны 1917 г. После февральской революции 1917 г. новые областные власти, уполномоченные Временным правительством, отстранили С. Клишбиева с поста начальника округа. 26 марта 1917 г. под председательством комиссара Нальчикского округа Г. Чижокова состоялся «съезд доверенных Большой и Малой Кабарды и сопредельных с ними пяти Горских обществ Нальчикского округа». Автономный в решении местных вопросов и уже не обусловленный необходимостью согласовывать свои приговоры с вышестоящей администрацией, обсудив «вопрос об уничтожении правил о порядке пользования Зольскими и Горными пастбищами, находящимися в нашем постоянном пользовании», съезд восстановил действие правил 1890 г. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 38. Л. 52].

Таким образом, причины и ход волнений на Зольских пастбищах в июне 1913 г., а также обстоятельства преодоления этого социального конфликта продемонстрировали, вероятно, наиболее существенный кризис в системе общественно-государственных отношений, в центре которых находился съезд доверенных в Нальчикском округе. Возникновение протеста стало свидетельством утраты доверия и консенсуса в отношениях сельских обществ и решений, принимаемых их доверенными. Прорабатывая кризис, коронные власти, гибко манипулировали повесткой окружных съездов августа и октября 1913 г., исключив из рассмотрения полным составом последнего потенциально конфликтных вопросов организации пастбищного землепользования. Такой подход позволил нормализовать общественно-политическую ситуацию, что было особенно востребовано в контексте продолжавшихся в округе мероприятий, приуроченных к

общероссийскому празднованию 300-летия династии Романовых. Мартовский съезд 1917 г. отменил Правила 1912 г. Символический акт, завершивший восстановление доверия в общественно-государственных отношениях по поводу пастбищного вопроса, стал одним из первых решений в новой истории традиционных окружных съездов, освобожденных от опеки военно-народного управления Российской империи на Кавказе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Lanzillotti 2022 – *Ian Lanzillotti*. Land, community, and the state in the Caucasus: Kabardino-Balkaria from tsarist conquest to post-Soviet politics. – London; New York: Bloomsbury Academic, 2022. – 328 p.

King 1987 – *King R.D.* Sergei Kirov and the Struggle for Soviet Power in the Terek Region, 1917-1918. – Garland, 1987. – 415 p.

Аккиева 2018 – *Аккиева С.И.* Доверие как фактор сохранения межнациональных отношений // Культура и цивилизация. – 2018. – Том 8. – № 6А. – С. 178–184.

Аккиева 2016 – *Аккиева С.И.* Доверие как фактор сохранения межнациональной стабильности на Северном Кавказе в условиях глобализации // Успехи современной науки. 2016. – Т. 3. – № 8. – С. 166–169.

Аккиева 2017 – *Аккиева С.И.* Институты доверия в традиционной культуре балкарцев // Большой Кавказ: пространство взаимодействия цивилизаций и народов. Материалы V Международного форума историков-кавказоведов. Отв. ред. В.В. Черноус. – Ростов-на-Дону: ЮНФ РАН, 2017. – С. 16–26.

Баберовски 2008 – *Баберовски Й.* Доверие через присутствие. Домодерные практики власти в поздней Российской империи // *Ab Imperio*. – 2008. – № 3. – С. 71–95.

Бобкова 2014 – *Бобкова Е. М.* Доверие как фактор целостности общества // Социологические исследования. – 2014. – № 10. – С. 70–75.

Воробьев, Сарахан 1932 – *Воробьев С., Сарахан Д.* Кабарда и Балкария. – Ростов-на-Дону: б/и, 1932. – 86 с.

Гаибов 1905 – *Гаибов Н.Д.* О поземельном устройстве горских племен Терской области. – Тифлис: Типография Окружного Штаба Кавказского военного округа, 1905. – 340 с.

Гедгафова 2018 – *Гедгафова К.А.* Социальная структура кабардино-балкарского общества в исторической динамике 60-х гг. XIX в. – 30-х гг. XX в. Дисс. ... канд. истор. наук. – Нальчик, 2018. – 286 с.

Глушко 2014 – *Глушко И.В.* Систематизация научных подходов исследования феномена доверия в отечественной и зарубежной социологии (библиографический анализ) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 6 (44): в 2-х ч. – Ч. II. – С. 51–56.

Дзамихов, Кажаров 2022 – *Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.* Кабардино-Балкария – республика в составе Российской Федерации (1922–2022 гг.). – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2022. – 716 с.

Заболотная 2003 – *Заболотная Г.М.* Феномен доверия и его социальные функции // Вестник РУДН, серия Социология. – 2003. – № 4–5. – С. 79–85.

Законодательные акты... 1914 – Законодательные акты, касающиеся Северного Кавказа и, в частности, Терской области: Сб. законов, указов Правительствующему сенату, положений Ком. министров, правительственных распоряжений, разъяснений Гос. сов. и Правительствующего сената / Сост. А.А. Кануков. – Владикавказ: типо-литография А.Г. Габисова, 1914. – 72 с.

Калмыков 1958 – *Калмыков Б.Э.* Революционное движение в Кабарде и Балкарии: очерки. – Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1957. – 54 с.

Калмыков 2007 – *Калмыков Ж.А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX в.). – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 232 с.

Опрышко 1996 – *Опрышко О.Л.* На изломе времен...: Документальное повествование. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 352 с.

Пазов 2019 – *Пазов И.С.* Зольское восстание 1913 года: причины и последствия // Известия СОИГСИ. – Школа молодых ученых. – 2019. – № 21. – С. 81–92.

Пазов 2023 – *Пазов И.С.* Административное и экономическое развитие Нальчикского округа Терской области в 1905–1917 гг. Дисс. ... канд. истор. наук. – Нальчик, 2023. – 192 с.

Прасолов 2022 – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в политической культуре кабардинцев и балкарцев. – Нальчик: Принт Центр, 2022. – 240 с.

Прасолов 2020 – *Прасолов Д.Н.* Зольское восстание 1913 г. в версиях революционного прошлого: архивные документы vs. мемуарный нарратив // Новое прошлое / The New Past. – 2020. – № 1. – С. 8–26.

Прасолов 2021 – *Прасолов Д.Н.* «Подобные выступления и преступны, и нетерпимы ни в каком правовом государстве...» (объезд начальником Терской области Нальчикского округа в августе 1913 г. // Новое прошлое / The New Past. – 2021. – № 1. – С. 90–102.

Темукуев 2015 – *Темукуев Б.Б.* Под сенью гор: взлеты и падения: Кн. 1. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2015. – 508 с.

Терек – газета, г. Владикавказ.

Терская жизнь – газета, г. Владикавказ.

Тифлисский листок – газета, г. Тифлис.

ТВ – Терские ведомости – газета, г. Владикавказ.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики

УЦДНИ АС КБР – Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики

Хелмке, Левитски 2007 – *Хелмке Г., Левитски С.* Неформальные институты и сравнительная политика: основные направления исследований // Прогнозис. – 2007. – № 2. – С. 188–211.

Цаликов 1913 – *Цаликов Ах.* Кавказ и Поволжье: очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. – Москва: М. Мухтаров, 1913. – 184 с.

ЦГА РСО-Алания – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.

Шахалиева 2023 – *Шахалиева Ф.Б.* Социально-политические процессы в Кабарде и Балкарии в годы революций и гражданской войны (1917-1920 гг.). Дисс. ... канд. истор. наук. – Нальчик, 2023. – 272 с.

REFERENCES

AKKIEVA S.I. *Doverie kak faktor sokhraneniya mezhnatsional'noi stabil'nosti na Severnom Kavkaze v usloviyakh globalizatsii* [Trust as a factor in preserving interethnic stability in the North Caucasus in the context of globalization]. In: *Uspekhi sovremennoi nauki*. – 2016. – Т. 3. – № 8. – P. 166–169. (In Russ.).

AKKIEVA S.I. *Doverie kak faktor sokhraneniya mezhnatsional'nykh otnoshenii* [Trust as a factor in preserving interethnic relations]. In: *Kul'tura i tsivilizatsiya*. – 2018. – Tom 8. – № 6A. – P. 178–184. (In Russ.).

AKKIEVA S.I. *Instituty doveriya v traditsionnoi kul'ture balkartsev* [Institutions of trust in the traditional culture of the Balkars]. In: *Bol'shoi Kavkaz: prostranstvo vzaimodeistviya tsivilizatsii i narodov. Materialy V Mezhdunarodnogo foruma istorikov-kavkazovedov*. Ed. by V.V. Chernous. – 2017. – P. 16–26. (In Russ.).

BABEROVSKI I. *Doverie cherez prisutstvie. Domodernye praktiki vlasti v pozdnei Rossiiskoi imperii* [Trust through presence. Domodern practices of power in the late Russian Empire]. In: *Ab Imperio*. – 2008. – № 3. – P. 71–95.

BOBKOVA E. M. *Doverie kak faktor tselostnosti obshchestva* [Trust as a factor of social integrity]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya*. – 2014. – № 10. – P. 70–75. (In Russ.).

DZAMIKHOV K.F., KAZHAROV A.G. *Kabardino-Balkariya – respublika v sostave Rossiiskoi Federatsii (1922–2022 gg.)* [Kabardino-Balkaria is a republic within the Russian Federation]. – Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Tsentr», 2022. – 716 p. (In Russ.).

GAIBOV N.D. O pozemel'nom ustroistve gorskikh plemen Terskoi oblasti [On the land structure of the mountain tribes of the Tersk oblast']. – Tiflis: Tipografiya Okruzhnogo Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1905. – 340 p. (In Russ.).

GEDGAFOVA K.A. *Sotsial'naya struktura kabardino-balkarskogo obshchestva v istoricheskoi dinamike 60-kh gg. XIX v. – 30-kh gg. XX v.* [Social structure of the Kabardino-Balkar society in the historical dynamics of the 60s of the XIX century – 30s of the XX century]. Diss. ... kand. istor. nauk. – Nal'chik, 2018. – 286 p. (In Russ.).

GLUSHKO I.V. *Sistematizatsiya nauchnykh podkhodov issledovaniya fenomena doveriya v otechestvennoi i zarubezhnoi sotsiologii (bibliograficheskii analiz)* [Systematization of scientific approaches to the study of the phenomenon of trust in Russian and foreign sociology (bibliographic analysis)]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki.* – Tambov: Gramota, 2014. – № 6 (44). – Ch. II. – P. 51–56. (In Russ.).

KALMYKOV B.E. *Revolyutsionnoe dvizhenie v Kabarde i Balkarii: ocherki* [Revolutionary Movement in Kabarda and Balkaria]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe kn. izd-vo, 1957. – 54 p. (In Russ.).

KALMYKOV Zh.A. *Integratsiya Kabardy i Balkarii v obshcherossiiskuyu sistemu upravleniya (vtoraya polovina XVIII – nachalo KhKh v.)* [Integration of Kabarda and Balkaria into the all-Russian system of governance (second half of the 18th - early 20th centuries)]. – Nal'chik: El'Fa, 2007. – 232 p. (In Russ.).

KHELMKE G., LEVITSKI S. *Neformal'nye instituty i sravnitel'naya politika: osnovnye napravleniya issledovaniya* [Informal Institutions and Comparative Politics: Key Research Directions]. In: *Prognosis.* – 2007. – № 2. – P. 188–211. (In Russ.).

OPRYSHKO O.L. *Na izlome vremen...: Dokumental'noe povestvovanie* [At the Turn of the Times...: A Documentary Narrative]. – Nal'chik: El'brus, 1996. – 352 p. (In Russ.).

PAZOV I.S. *Administrativnoe i ekonomicheskoe razvitie Nal'chikskogo okruga Terskoi oblasti v 1905–1917 gg* [Administrative and economic development of the Nalchik District of the Terek Region in 1905–1917]. Diss. ... kand. istor. nauk. – Nal'chik, 2023. – 192 p. (In Russ.).

PAZOV I.S. *Zol'skoe vosstanie 1913 goda: prichiny i posledstviya* [The Zolka Uprising of 1913: Causes and Consequences]. In: *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh.* – 2019. – № 21. – P. 81–92. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. «Podobnye vystupleniya i prestupny, i neterpimy ni v kakom pravovom gosudarstve...» (ob"ezd nachal'nikom Terskoi oblasti Nal'chikskogo okruga v avguste 1913 g. ["Such speeches are both criminal and intolerable in any state governed by the rule of law..." (a detour by the chief of the Terek region of the Nalchik district in August 1913)]. In: *Novoe proshloe / The New Past.* – 2021. – № 1. – P. 90–102. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *S"ezdy doverennykh v politicheskoi kul'ture kabardintsev i balkartsev* [Congress of entrusted in the political culture of Kabardins and Balkars]. – Nal'chik: Print Tsentr, 2022. – 240 p. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *Zol'skoe vosstanie 1913 g. v versiyakh revolyutsionnogo proshlogo: arkhivnye dokumenty vs. memuarnyi narrative* [The Zolka Uprising of 1913 in versions of the revolutionary past: archival documents vs. memoir narrative]. In: *Novoe proshloe / The New Past.* – 2020. – № 1. – P. 8–26. (In Russ.).

SHAKHALIEVA F.B. *Sotsial'no-politicheskie protsessy v Kabarde i Balkarii v gody revolyutsii i grazhdanskoi voiny (1917–1920 gg.)* [Socio-political processes in Kabarda and Balkaria in the years of revolutions and civil war (1917–1920)]. Diss. ... kand. istor. nauk. – Nal'chik, 2023. – 272 p. (In Russ.).

TEMUKUEV B.B. *Pod sen'yu gor: vzlety i padeniya* [Under the shadow of mountains: ups and downs]: Kn. 1. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh (ООО «Poligrafservis i T»), 2015. – 508 p. (In Russ.).

Terek [Terek] – gazeta, g. Vladikavkaz. (In Russ.).

Terskaya zhizn' [Terskaya Zhizn] – gazeta, g. Vladikavkaz. (In Russ.).

Terskie vedomosti [Terskiye Vedomosti] – gazeta. Vladikavkaz. (In Russ.).

Tiflisskii listok [Tiflis sheet] – gazeta, g. Tiflis. (In Russ.).

TSALIKOV Akh. *Kavkaz i Povolzh'e: ocherki inorodcheskoi politiki i kul'turno-khozyaistvennogo byta* [The Caucasus and the Volga Region: Essays on Alien Politics and Cultural and Economic Life]. – Moskva: M. Mukhtarov, 1913. – 184 p. (In Russ.).

TsGA RSO-A – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. (In Russ.).

UTsDNI AS KBR – *Upravlenie Tsentra dokumentatsii noveishei istorii Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Department of the Center for Documentation of Modern History of the Archive Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

UTsGA AS KBR – *Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Administration of the Central state archive of Archival service of Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

VOROB'EV S., SARAKHAN D. *Kabarda i Balkariya* [Kabarda and Balkaria]. – Rostov-na-Donu, 1932. – 86 p. (In Russ.).

ZABOLOTNAYA G.M. Fenomen doveriya i ego sotsial'nye funktsii [Phenomenon of trust and its social functions]. In: *Vestnik RUDN, seriya Sotsiologiya*. – 2003. – № 4–5. – P. 79–85. (In Russ.).

Zakonodatel'nye akty, kasayushchiesya Severnogo Kavkaza i, v chastnosti, Terskoi oblasti: Sb. zakonov, ukazov Pravitel'stvuyushchemu senatu, polozhenii Kom. ministrov, pravitel'stvennykh rasporyazhenii, raz'yasnenii Gos. sov. i Pravitel'stvuyushchego Senata [Legislative acts concerning the North Caucasus and, in particular, the Terek region: Collection of laws, decrees to the Governing Senate, regulations of the Committee of Ministers, government orders, explanations of the State Council and the Governing Senate] / Comp. by A.A. Kanukov. – Vladikavkaz: tipo-litografiya A.G. Gabisova, 1914. – 72 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Д.Н. Прасолов – кандидат исторических наук

Information about the author

D.N. Prasolov – Candidate of Science (History)

Статья поступила в редакцию 09.10.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 09.10.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Новейшая история

Научная статья
УДК 94 «1918-1919»
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-88-98
EDN: ETNROR

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА ГОРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (МАЙ 1918 – МАЙ 1919 ГГ.)

Наталья Анатольевна Добрякова

Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет,
Санкт-Петербург, Россия, dobryackovan@yandex.ru

Аннотация. В статье затрагивается тематика, связанная с зарождением и существованием предпосылок для низложения одного из многочисленных государственных образований на территории Кавказского наместничества бывшей Российской империи – Горской республики. Делается акцент на том, что первоначально либеральные горские деятели не ставили целью отделение от России, были вполне лояльны Временному правительству, и только захват власти большевиками в стране и на Северном Кавказе подтолкнул их к решению о создании независимого государства. Утверждается, что решение о создании собственного государства было поддержано Османской и Германской империями, однако собственных ресурсов для построения полноценного государства у горских либералов не оказалось. Упор делается на том, что решение об отставке правительства А.-М. Чермоева было принято под напором британцев, отставка П. Коцева и назначение М. Халилова могли быть спровоцированы белогвардейцами.

Ключевые слова: Терская область, Дагестанская область, Чермоев, Бичерахов, Горская республика, Османская империя, Темир-Хан-Шура

Для цитирования: Добрякова Н.А. К вопросу о деятельности правительства Горской республики (май 1918 – май 1919 гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 88-98. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-88-98. EDN: ETNROR.

© Добрякова Н.А., 2023

Original article

ON THE QUESTION OF THE ACTIVITIES OF THE GOVERNMENT OF THE MOUNTAIN REPUBLIC (MAY 1918 - MAY 1919)

Natalia A. Dobryakova

Saint Petersburg State Forestry Engineering University, Saint Petersburg, Russia, dobryackovan@yandex.ru

Abstract. The article discusses the genesis, presence, and formation of requirements for the deposition of one of the several state entities on the territory of the former Russian Empire's Caucasian viceroyalty – the Mountain Republic. The emphasis is on the fact that the liberal mountain leaders did not set out to secede from Russia; they were quite loyal to the Provisional Government,

and it was only the Bolshevik seizure of power in the country and in the North Caucasus that pushed them to the decision to establish an independent state. The Ottoman and German empires allegedly supported their decision to establish their own state, but the mountain liberals lacked the wherewithal to establish a full-fledged state. The emphasis is on the fact that the decision to fire A.-M. Chermoyev's cabinet was made under British pressure, and that the resignation of P. Kotsev and appointment of M. Khalilov could have been prompted by the White Guards.

Keywords: Terek region, Dagestan region, Chermoyev, Bicherakhov, Mountain Republic, Ottoman Empire, Temir Khan Shura

For citation: Dobryakova N.A. On the question of the activities of the government of the Mountain republic (may 1919 – may 1919). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 88-98. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-88-98. EDN: ETNROR.

© Dobryakova N.A., 2023

Тематика, связанная с историей Горской республики в период революции и Гражданской войны, была недостаточно изучена в советской историографии. Смена общественно-политической формации привела к тому, что появилась необходимость исправить прежний идеологический перекося в изучении ряда аспектов периода 1917-1920 гг., не находивших должного освещения в советский период отечественной истории. Отрадно, что современные авторы как с территории Северного Кавказа, так и из других регионов Российской Федерации, плодотворно освещают аспекты, связанные с антисоветскими силами терско-дагестанского региона, и, в частности, с правительством Горской республики [Пученков 2023: 254-262]. В этом плане следует отметить и труды А.Х. Кармова, О.А. Жанситова, А.Г. Кажарова, В.Б. Лобанова, Т.Х. Матиева, В.В. Михайлова, А.С. Пученкова, А.Х. Даудова, Т.М. Музаева.

Помимо современной историографии, внимание исследователей привлекают сборники документов и материалов, созданные как в советское время, так и в постсоветский период. Вышедший в 1977-1978 гг. двухтомник, посвященный съездам народов Терека с января по ноябрь 1918 г., отражает ситуацию в регионе накануне и в начале Гражданской войны в регионе, борьбу политических течений, провозглашение Советской власти в марте 1918 г., борьбу Терской советской республики против деятелей Горской республики [Съезды народов Терека 1977-1978]. Сборник документов, опубликованный в Нальчике в 2014 г. издательским отделом Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, составителем и автором вступительной статьи к которому был А.Х. Кармов, посвящен 1-ому и частично 2-ому съездам горцев Северного Кавказа в 1917 г., раскрывает ситуацию на Тереке во время формирования ЦК Союза объединенных горцев [Материалы съездов горских народов 2014], ставшего впоследствии основой для создания Горского правительства. Сборники 1994 [Союз 1994] и 2013 гг. [Союз 2014] проливают свет на создание Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана и Горской республики на протяжении всего революционного периода в регионе в 1917-1920 гг. Сборник 2013 г. является расширенным, исправленным и дополненным вариантом сборника 1994 г., оба созданы коллективом авторов Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН.

Горское национальное либеральное движение в 1917-1918 гг. прошло несколько очень важных этапов перед тем, как была создана собственно Горская республика во главе с суверенным правительством. Свержение самодержавия в начале 1917 г. пробудило к жизни в том числе национальные движения на окраинах бывшей империи. Территория бывшего Кавказского наместничества в этом смысле не стала исключением. На место наместника на Кавказе, имевшего резиденцию в Тифлисе, каковым на начало 1917 г. был великий князь Николай Николаевич Младший, первоначально пришел Озаком (Особый Закавказский комитет), который должен был стать революционным региональным правительством и заменить наместника коллективным органом революционной власти. Однако сразу появился раскол между закавказскими и северокавказскими народами [Музаев 2012: 106-107], в свою очередь на территории последних появилась общественная организация, которая стремилась повлиять на общественные настроения горской либеральной интеллигенции – Временный Центральный Комитет Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана под руководством Б. Шаханова. На 1-ом горском съезде во Владикавказе в мае 1917 г. [Жанситов 2017: 113] из временного ЦК Союза был преобразован в постоянный, его главой стал А.-М. Чермоев. Такой выбор был обусловлен несколькими факторами: глава ЦК был сыном влиятельного на Кавказе царского генерала, был нефтепромышленником, имел хорошие связи среди офицеров Кавказской туземной конной дивизии.

Социально-политическая обстановка весны-лета 1917 г. на территории Террека и Дагестана вынудила горских активистов искать союза с терским казачеством. В этот период резко изменились настроения на Северном Кавказе – с умеренных, автономистских они постепенно стали фактически сепаратистскими. Центральным событием августа 1917 г. был неудавшийся Андийский съезд, а в сентябре 1917 г. – 2-ой съезд горских народов Кавказа, собравшийся во Владикавказе, на котором, в частности, обсуждался вопрос о сохранении автономии Северного Кавказа в составе Российской Республики до созыва Всероссийского Учредительного Собрания [Материалы 2014: 149].

Ситуация резко изменилась после захвата власти большевиками в Петрограде. Руководство Террека и Дагестана отказалось признать Советскую власть. Все это привело в ноябре 1917 г. к созданию отдельных горского и терского казачьего правительств, претендовавших на контроль в горских и казачьих районах терско-дагестанского региона [Кажаров 2018: 29]. В декабре 1917 г. было создано единое Временное Терско-Дагестанское правительство, во главе которого был выбран терский атаман М. Караулов и в которое вошли горские и казачьи деятели.

Горско-казачий союз антибольшевистской направленности не выдержал испытания временем, после гибели М. Караулова в декабре 1917 г. и двух съездов терских народов в январе-марте 1918 г. на Терреке была установлена Советская власть [Съезды 1977: 241], в марте 1918 г. была создана Терская советская республика в составе РСФСР, в апреле 1918 г. Дагестан также стал советским.

Горские либералы вынуждены были первоначально перебраться в Темир-Хан-Шуру, а позднее в Тифлис, столицу созданной в апреле 1918 г. Закавказ-

ской демократической федеративной республики. Пример закавказских антибольшевиков подсказал северокавказцам создать собственное государство, что и было реализовано на Батумской мирной конференции. 11 мая 1918 г. было провозглашено создание Горской республики во главе с главой ЦК Союза объединенных горцев А.-М. Чермоева [Кармов 2014: 187]. Территориально новое правительство претендовало на Черноморскую и Ставропольскую губернии (от них потом отказались), Кубанскую, (от нее тоже позднее отказались) Терскую и Дагестанскую области бывшей Российской империи [Союз 1994: 121]. Также горские деятели претендовали на территории Сухумского и Закатальского округов, ставшие позже территориями Грузии и Азербайджана. Причем надо особо отметить то, что правительство существовало, а государства как такового не было. Создание такого рода правительства было на руку прежде всего Османской империи – это позволяло маскировать турецкую интервенцию на территории Кавказа в целом в форме военно-политического союза с Азербайджанской демократической республикой (созданной в конце мая 1918 г. после распада ЗДФР) и Горской республикой.

Помимо председателя Совета министров А.-М. Чермоева (до декабря 1918 г.), ключевыми фигурами горского правительства был военный министр Н.-Б. Тарковский и министр иностранных дел Г. Бамматов. Н.-Б. Тарковский стал фактическим военным министром только с осени 1918 г., с момента вторжения турецко-горских сил в Дагестан, где первый был военным диктатором и формально подчинялся горскому правительству, будучи вполне самостоятельным в своих действиях. До октября 1918 г. Н.-Б. Тарковский делил власть в Дагестане с Л.Ф. Бичераховым, с которым сотрудничал на основе неприятия большевизма.

Последний был вполне независимой военно-политической фигурой, одновременно будучи главой созданного им Каспийско-Кавказского правительства и представителем эсеро-меньшевистского Временного Всероссийского правительства, от которого он получил чин генерала. И если по внутривосточной ориентации правительства Л.Ф. Бичерахова и А.-М. Чермоева были схожи – оба выступали за продолжение и углубление революции без большевистских эксцессов, то по вопросу государственного строительства они расходились кардинально – Л.Ф. Бичерахов выступал за единство России, в то время как горские либералы взяли четкий курс на построение самостоятельного государства. Именно это предрешило их военное столкновение, которое привело в ноябре 1918 г. к изгнанию правительства и вооруженных сил Л.Ф. Бичерахова из Дагестана. Его силы были эвакуированы из Порт-Петровска в Баку и стали частью союзных сил в ходе второй британской интервенции осенью 1918 г. на Кавказе.

Утвердившись в основных центрах Дагестана и сделав Темир-Хан-Шуру своей столицей, Горское правительство поспешило успокоить местных жителей, в том числе немусульман, в своих благих намерениях по построению новой государственности на принципах демократизма, равноправия, соблюдения всех завоеваний революции. Эксцессы со стороны турецких и горских войск [Союз 1994: 162-163] объяснялись военным временем и единичным характером.

Одержав победу в Мировой войне, британцы в ноябре 1918 г. начали вторую интервенцию на Кавказ. Свое присутствие в регионе они объясняли борь-

бой с общим врагом – большевиками, которые считались порождением Германии. Горские деятели хотели легитимизировать свое довольно шаткое положение, в связи с чем пытались заручиться поддержкой британцев. Те в свою очередь предлагали создать коалиционное правительство и включиться в антибольшевистскую борьбу, что в свою очередь подразумевало союзнические отношения с Добровольческой армией, которая в конце 1918 г. вступила с боями на территорию Терской советской республики [Лобанов, Михайлов 2016: 36], на которую одновременно претендовало правительство Горской республики. В ходе переговоров британцев и горских деятелей в Баку первые признали де-факто существование нового правительства, отложив окончательное признание де-юре на Парижской мирной конференции, которую намечалось начать в январе 1919 г.

Вопрос с «коалиционным правительством» заключался в том, что британцы не хотели видеть во главе союзного Горского правительства А.-М. Чермоева [Михайлов, Лобанов 2011: 49], запятнавшего себя военно-политическими отношениями с турками. В этой связи в декабре 1918 г. на заседании союзного совета (парламента) Горской республики был избран новый председатель Совета министров – им стал П. Коцев [Добрякова, Камбиев 2021: 89]. Ключевыми министрами, которым предстояло решить самые актуальные вопросы, стали военный министр Н.-Б. Тарковский, министр внутренних дел Р. Капланов, министр иностранных дел Г. Бамматов и министр финансов В.-Г. Джабагиев [Союз 1994: 187, 190]. А.-М. Чермоев был послан во главе горской делегации на Парижскую мирную конференцию для легитимизации провозглашенного государства на Кавказе.

Первый кабинет министров во главе с П. Коцевым проработал до марта 1919 г. Основные задачи, которые необходимо было разрешить в первоочередном порядке, касались финансов, налаживания внутреннего порядка, выстраивания отношений с союзниками и строительства собственных вооруженных сил. Вопрос с финансами стоял крайне остро, следует признать, он так и не был разрешен до конца существования республики.

Прежде всего, у нового государства не было собственной денежной единицы. В это связи был издано особое объявление от имени правительства о том, какие денежные единицы обязательны к обращению на территории республики. Примечательно, что таковыми признавались российские рубли (царские и «керенки»), бакинские боны, боны закавказского комиссариата, турецкие лиры. В объявлении от имени врио исполняющего обязанности министра финансов Малачиханова отмечалось, что за нарушение этого распоряжения все виновные будут караться по законам военного времени [Союз 1994: 185]. Одновременно Горское правительство заключило договор с Азербайджаном о беспроцентном займе в размере 10 млн. рублей на два года [Союз 1994: 177-178]. Этим самым последний привязывал к себе Горскую республику. Неслучайно, что имелись планы о вхождении республики в состав закавказского государства, и только события мая 1919 г. помешали этому.

Налаживание внутреннего порядка также встречало противодействие населения новоявленной республики. П. Коцев отмечал, что на подконтрольной

горским либералам территории существовало три основных направления мысли. К сторонникам первого относились те, кто сочувствовал большевикам и ждал их прихода. Ко вторым относились средние слои горского общества, поддерживавшие идею о «сильной власти». Этой фразой глава горского правительства видимо определял тех, кто был бы не против прихода на горскую территорию белогвардейцев. И, наконец, была группа светской интеллигенции и офицерства, которые выступали за военно-политический союз с Азербайджаном [Союз 1994: 186-187]. По поводу тех, кто сочувствовал большевикам, следует сказать, что в сводках Горского правительства отмечалось существование целых населенных пунктов, уже в апреле 1919 г. полностью отказавшихся подчиняться распоряжениям горских властей [Союз 2013: 181]. Более того, в мае 1919 г., накануне падения Горской республики, был раскрыт большевистский заговор с целью установления Советской власти в республике [Союз 2013: 193].

Вопрос создания своих вооруженных сил также не был решен положительно за весь период существования правительства горских либеральных деятелей. У республики не было боеспособной армии, в распоряжении правительства было плохо вооруженное и обученное горское ополчение [Союз 2013: 175]. В свою очередь, со стороны горских общественников (в частности, «Лигой единения, независимости и прогресса») была предпринята неудачная попытка заинтересовать широкие слои горцев идеей недавно полученной независимости, для сохранения которой необходимо было вступать в создаваемую республиканскую армию. Непрозрачно указывалось на то, что она будет формироваться против белогвардейцев, угрожающих горскому суверенитету [Союз 2013: 177]. Однако объявленная в апреле 1919 г. мобилизация в армию Горской республики [Союз 2013: 180] не встретила сочувствия среди местного населения и фактически была провалена.

Внешняя политика Горской республики, связанная с отношениями с британцами, Парижской мирной конференцией, желанием легитимизации своего статуса, также не имела успеха. Прибывшая в Швейцарию горская делегация долго получала от союзников согласование на право прибыть на Парижскую мирную конференцию. В итоге решение вопроса о создании новых государств на территории бывшей Российской империи и, в частности, на Кавказе был отложен до общего решения «русского вопроса». Другими словами, на тот момент требовалась легитимизация со стороны руководства антибольшевистского движения, одним из основных лозунгов которого было борьба за воссоздание единой, неделимой России в границах на 1914 г. В этой связи все попытки подтверждения своего государственного статуса со стороны Горской республики в 1918-1919 гг. потерпели неудачу.

Однако самым главным вопросом в политике правительства Горской республики были отношения с белогвардейцами. На протяжении конца 1918 – первых месяцев 1919 г. горское руководство пыталось наладить отношения с добровольческим командованием. К белогвардейцам приезжали различные горские военно-политические деятели, начиная с председателя горского парламента З. Темирханова и заканчивая главой горского кабинета министров П. Коцева [Лобанов 2012а: 52; Матиев 2020: 230]. Все попытки вывести конфликт в перего-

ворное поле натыкались на нежелание генерала А.И. Деникина вести равноправные переговоры.

Белогвардейское руководство считало себя единственным легитимным общероссийским правительством (хотя все правительства, существовавшие в горы Гражданской войны на территории бывшей Российской империи, без исключения были самопровозглашенными, с минимальной степенью легитимности, существовали по «праву сильного»), которое восстанавливает территориальную целостность страны, борясь с большевиками и разного рода этносепаратистами.

В этой связи самопровозглашенная Горская республика, у которой отсутствовал полноценный административный аппарат, вооруженные силы, значительный людской и экономический потенциал, не являлась полноценным переговорным партнером. В свою очередь, деятели Горской республики не признавали легитимности белой администрации Терско-Дагестанского края, считая белогвардейцев крайне реакционной силой, стремившейся к восстановлению в России монархической власти. Тот существенный нюанс, чем белогвардейское руководство (А.И. Деникин и его начальник штаба И.П. Романовский) было настроено более либерально, чем в целом белый генералитет и офицерство, не учитывался горскими деятелями.

В этой ситуации горские деятели, понимая, что получить поддержку со стороны британцев для борьбы с белогвардейцами не удастся, намеревались в случае обострения ситуации, под каковой подразумевался вопрос о сохранении горской государственности, пойти на крайние меры – начать переговоры с большевиками и «требовать от них максимум политических вольностей» [Союз 1994: 177], проще говоря, вопрос ставился о широкой автономии горских народов, но уже в составе РСФСР.

Видимо почувствовав реальную угрозу своему суверенитету, в апреле 1919 г. Горское правительство резко поставило вопрос о немедленном выводе отряда под командованием генерала М. Пржевальского из Порт-Петровска [Союз 2013: 186; Лобанов 2012b: 50]. Однако британский представитель в Порт-Петровске полковник А. Роулинсон (в текст неправильно – Роуландсон (авт.) прямо заявил главе правительства П. Коцеву, что нападение на белогвардейцев будет расценено как враждебный акт против британцев [Союз 2013: 185].

В марте 1919 г. П. Коцев сформировал новый состав своего правительства. Помимо председательского кресла, он сконцентрировал в своих руках посты министра внутренних и иностранных дел. Министром народного хозяйства (торговли и промышленности, продовольствия, финансов и земледелия) стал А. Бутаев, а военным министром стал генерал Ш. Мальсагов [Союз 2013: 171]. Однако очередной правительственный кризис привел в мае к падению правительства П. Коцева, было сформировано правительство во главе с М. Халиловым. Не исключено, что новому главе горского правительства со стороны белогвардейцев были даны определенные гарантии. Неслучайно, что М. Халилов остался ведущей военной и политической фигурой Дагестана после падения последнего состава правительства Горской республики, главой которого был именно он.

В мае 1919 г. белогвардейское руководство (вполне очевидно, что приказ был отдан не Терско-Дагестанским руководством ВСЮР в лице генерала И.Г. Эрдели, а непосредственно генералом А.И. Деникиным) приняло решение о ликвидации Горской республики [Даудов, Месхидзе 2009: 61]. Причина того, что именно в это время было принято такое непростое решение, кроется в следующем. В январе-мае 1919 г. Добровольческая армия ВСЮР вела ожесточенные бои на территории Донбасса, намечались оперативные успехи, приведшие к июньскому наступлению, прорыву красного фронта, выходу на оперативный простор и взятию крупных городов на территории УССР. В этой связи оставлять в тылу маломощное, но тем не менее государство, враждебно настроенное, рассчитывающее к тому же на военно-политический союз с такими же враждебными добровольцам Грузией и Азербайджаном представлялось для белогвардейского командование крайне нецелесообразным. Белогвардейское командование видимо просчитало все последствия этого крайне рискованного шага, где плюсы военной операции перевесили возможные минусы. Было очевидно, что в результате ликвидации Горской республики британцы будут крайне недовольны самоуправством А.И. Деникина, но в практическом плане это никак не повлияет на союзнические отношения. Грузия и Азербайджан будут также настроены враждебно, но тоже не смогут причинить белогвардейцам существенного вреда. В конечном итоге, белогвардейцы сами настроили против себя горцев Терека и Дагестана непродуманной внутренней политикой, что привело к восстанию второй половины 1919 – начала 1920 гг. Ликвидация собственно Горской республики не повлияла на мотивы самого горского восстания, тем более что многие из бывших высокопоставленных руководителей этой республики с радостью перешли на сторону белогвардейской власти.

В качестве кратких выводов стоит отметить, что сама идея создания горской государственности на территории Терека и Дагестана не сразу созрела в умах либеральной военной и гражданской интеллигенции края. За годы российской власти в регионе (вторая половина XIX – начало XX вв.) появился целый пласт образованной горской молодежи, которая вполне вписалась в реалии российской жизни, получив руководящие посты на военном и гражданском поприще империи. Поэтому мысль о создании собственного государства после свержения самодержавия в начале 1917 г. первоначально была не востребована среди образованных людей Северного Кавказа. Наоборот, все мыслящие люди того времени высказывались за единение с передовыми направлениями мысли в революционной России. Одновременно было очевидно, что в терско-дагестанском регионе у горских либералов не хватало собственного потенциала для создания самостоятельного государства. На всех этапах революционного процесса на Северном Кавказе местные либеральные силы стремились опираться на тех, кто мог ситуационно им оказать поддержку в различных сферах. В 1917 – начале 1918 гг. это было антибольшевистски настроенное терское казачество, далее в середине – конце 1918 г. им оказывали поддержку Османская и Германская империи. В конце 1918 г. им не смену пришли британцы, далее на протяжении 1919-1920 гг. горским деятелям оказывали поддержку Грузия и Азербайджан. Фактически либеральная идея в регионе к моменту начала рево-

люции и свержения самодержавия в России не вызрела, не имела широкой низовой поддержки, опора на внешние факторы привела к предсказуемому поражению самой идеи создания самостоятельного государства у горских народов Северного Кавказа. Однако идея самостоятельного регионального развития вполне вызрела за годы Революции и Гражданской войны и вылилась в обретение широкой социалистической автономии в составе РСФСР в форме Горской и Дагестанской АССР в 1921 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Даудов, Месхидзе 2009 – *Даудов А.Х., Месхидзе Д.И.* Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917-1924 гг.). – СПб.: СПбГУ, 2009. – 224 с.

Добрякова, Камбиев 2021 – *Добрякова Н.А., Камбиев А.М.* К вопросу о горском национальном движении на Тереке и в Дагестане в 1917-1921 гг. // Современная научная мысль. – 2021. – № 6. – С. 88-91.

Жанситов 2017 – *Жанситов О.А.* Революционные процессы в национальных округах Терской области (1917-1918) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2017. – № 2 (76). – С. 113-118.

Кажаров 2018 – *Кажаров А.Г.* Организация «Союз объединенных горцев» и сепаратизм на Северном Кавказе: предпосылки, движущие силы и итоги (1917-1919 гг.) // Вестник АГУ. – 2018. – № 1 (214). – С. 28-38.

Кармов 2014 – *Кармов А.Х.* Гайдар Бамматов и проблема горской независимости // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2014. – № 5 (61). – С. 186-192.

Лобанов 2012а – *Лобанов В.Б.* Северный Кавказ под властью белогвардейцев в 1919-1920 гг. // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2012. – № 9 (29). – С. 51-54.

Лобанов 2012б – *Лобанов В.Б.* Терское антибольшевистское восстание (июнь-ноябрь 1918 года): современный взгляд // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2012. – Т. 18. – № 4. – С. 47-51.

Лобанов, Михайлов 2016 – *Лобанов В.Б., Михайлов В.В.* Периодизация борьбы за власть на Северном Кавказе в 1917-1920 гг. // Военно-исторический журнал. – 2016. – № 9. – С. 32-37.

Материалы съездов горских народов 2014 - *Материалы съездов горских народов Северного Кавказа и Дагестана 1917 года* / сост., автор вступительной статьи А.Х. Кармов. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. – 168 с.

Матиев 2020 – *Матиев Т.Х.* Горское национальное движение в революциях и гражданской войне на Северном Кавказе (1917-1921). – Назрань: ООО «Кеп», 2020. – 402 с.

Михайлов, Лобанов 2011 - *Михайлов В.В., Лобанов В.Б.* «Объединить весь Северный Кавказ на основе единства России». Доклад генерал-майора Б.Н. Лазарева главнокомандующему Добровольческой армии генерал-лейтенанту А.И. Деникину. 1918 г. // Исторический архив. – 2011. – № 2. – С. 148-164.

Музаев 2012 – *Музаев Т.М.* Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 года. – Нальчик: «Печатный двор», 2012. – 606 с.

Пученков 2023 – *Пученков А. С.* Гражданская война на Северном Кавказе: историографические тенденции последних десятилетий // Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Роль государственной политики в создании ингушской письменности» (к 100-летию ингушской письменности и газеты «Сердало»). – Назрань: ООО «Кеп», 2023. – С. 254-262.

Союз объединенных горцев 1994 - *Союз объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918 гг.), Горская Республика (1918-1920 гг.). Документы и материалы* / Отв. ред. А.И. Османов. – Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 1994. – 440 с.

Союз объединенных горцев 2013 - *Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская Республика (1918 - 1920 гг.). Документы и материалы.* Из-

дание второе, исправленное и дополненное. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2013. – 290 с.

Съезды народов Терека 1977-1978 – *Съезды народов Терека*. Сборник документов и материалов. В 2-х тт. – Орджоникидзе: Ир, 1977-1978. – Т. 1. – 352 с.; – Т. 2. – 279 с.

REFERENCES

DAUDOV A.H., MESKHIDZE D.I. *Nacional'naya gosudarstvennost' gorskih narodov Severnogo Kavkaza (1917-1924 gg.)* [National statehood of the mountain peoples of the North Caucasus (1917-1924)]. – SPb.: SPbGU, 2009. – 224 p. (In Russ.).

DOBRYAKOVA N.A., KAMBIEV A.M. *K voprosu o gorskom nacional'nom dvizhenii na Tereke i v Dagestane v 1917-1921 gg.* [On the question of the Mountain national movement on the Terek and in Dagestan in 1917-1921]. IN: *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. – 2021. – № 6. – P. 88-91. (In Russ.).

ZHANSITOV O.A. *Revolucionnyye processy v nacional'nyh okrugah Terskoj oblasti (1917-1918)* [Revolutionary processes in the national districts of the Tersk region (1917-1918)]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN*. – 2017. – № 2 (76). – P. 113-118. (In Russ.).

KAZHAROV A.G. *Organizaciya «Soyuz ob"edinennyh gorcev» i separatizm na Severnom Kavkaze: predposylki, dvizhushchie sily i itogi (1917-1919 gg.)* [The organization "Union of United Mountaineers" and separatism in the North Caucasus: prerequisites, driving forces and results (1917-1919)]. IN: *Vestnik AGU*. – 2018. – № 1(214). – P. 28-38. (In Russ.).

KARMOV A.H. *Gaidar Bammatorov i problema gorskoj nezavisimosti* [Gaidar Bammatorov and the problem of mountain independence]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN*. – 2014. – № 5 (61). – Pp. 186-192. (In Russ.).

LOBANOV V.B. *Severnij Kavkaz pod vlastju belogvardeizev v 1919-1920 gg.* [The North Caucasus under the rule of the White Guards in 1919-1920]. IN: *Bulletin Orlovskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. Serija: *Novije Gumanitarnije Issledovanija*. – 2012. – № 9 (29). – Pp. 51-54. (In Russ.).

LOBANOV V.B. *Terskoe antibol'shevistskoe vosstanie (iyun'-noyabr' 1918 goda): sovremennij vzglyad* [Tersk anti-Bolshevik uprising (June-November 1918): a modern look]. IN: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. – 2012. – Vol. 18. – №. 4. – Pp. 47-51. (In Russ.).

LOBANOV V.B., MIKHAILOV V.V. *Periodizaciya bor'by za vlast' na Severnom Kavkaze v 1917-1920 gg.* [Periodization of the struggle for power in the North Caucasus in 1917-1920]. IN: *Voenno-istoricheskij zhurnal*. – 2016. – № 9. – P. 32-37. (In Russ.).

Materialy s"ezdov gorskih narodov Severnogo Kavkaza i Dagestana 1917 goda [Materials of the congresses of the mountain peoples of the North Caucasus and Dagestan in 1917] sost., avtor vstupitel'noj stat'i A.H. Karmov. – Nal'chik: Izdatel'skij otdel KBIGI, 2014. – 168 p. (In Russ.).

MATIEV T.H. *Gorskoe nacional'noe dvizhenie v revolyuciyah i grazhdanskoj vojne na Severnom Kavkaze (1917-1921)* [The Mountain National Movement in Revolutions and Civil War in the North Caucasus (1917-1921)]. – Nazran': OOO «Кер», 2020. – 402 p. (In Russ.).

MIKHAILOV V.V., LOBANOV V.B. *«Objedenit ves Severnij Kavkaz na osnove edinstva Rossii»*. *Doklad general-majora B.N. Lazareva glavnokomandujushemy Dobrovolcheskoj armii general-leitenantu A.I. Denikinu. 1918* ["Unite the entire North Caucasus on the basis of the unity of Russia". Report of Major General B.N. Lazarev to the Commander-in-Chief of the Volunteer Army, Lieutenant General A.I. Denikin. 1918]. IN: *Istoricheskij Archive*. – 2011. – №. 2. – Pp. 148-164. (In Russ.).

MUZAEV T.M. *Soyuz gorcev. Russkaya revolyuciya i narodi Severnogo Kavkaza_ 1917 _ mart 1918 goda* [Union of mountaineers. The Russian Revolution and the peoples of the North Caucasus, 1917 – March 1918]. – Nalchik: «Printing yard», 2012. – 606 p. (In Russ.).

PUCHENKOV A.S. *Grazhdanskaya vojna na Severnom Kavkaze: istoriograficheskie tendencii poslednih desyatiletij* [Civil war in the North Caucasus: historiographical trends of recent

decades]. IN: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem) «Rol' gosudarstvennoj politiki v sozdanii ingushskoj pis'mennosti» (k 100-letiyu ingushskoj pis'mennosti i gazety «Serdalo»). – Nazran': ООО «Кер», 2023. – P. 254-262. (In Russ.).

Soyuz ob"edinyonnyh gorcev Severnogo Kavkaza i Dagestana (1917-1918 gg.), Gorskaya Respublika (1918-1920 gg.). Dokumenty i materialy [Union of United Mountaineers of the North Caucasus and Dagestan (1917-1918), Mountain Republic (1918-1920). Documents and materials] Ed. by A. I. Osmanov. – Makhachkala: Printing house of the DNC RAS, 1994. – 440 p. (In Russ.).

Soyuz ob"edinennyh gorcev Severnogo Kavkaza i Dagestana (1917 - 1918 gg.) i Gorskaya Respublika (1918 - 1920 gg.). Dokumenty i materialy. Izdanie vtoroe, ispravlennoe i dopolnennoe [Union of United Mountaineers of the North Caucasus and Dagestan (1917 - 1918) and the Mountain Republic (1918 - 1920). Documents and materials. Second edition, revised and supplemented]. – Makhachkala: ИАЕ DNC RAS, ALEF, 2013. – 290 p. (In Russ.).

S"ezdy narodov Tereka. Sbornik dokumentov i materialov [Congresses of the Terek Peoples. Collection of documents and materials]. In 2 tt. Ordzhonikidze: Ir, 1977-1978. – Vol. 1. – 352 p.; – Vol. 2. – 279 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Н.А. Добрякова – кандидат исторических наук.

Information about the author

N.A. Dobryakova – Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 16.10.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 16.10.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья
УДК 94«1918-1919»
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-99-108
EDN: EVJOKW

ГОРСКАЯ РЕСПУБЛИКА И А. ДЕНИКИН: ФАКТОРЫ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО АЛЬЯНСА

Осман Асланович Жанситов

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, osman.zhansitov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2153-707X>

Аннотация. В статье исследуются проблемы взаимодействия правительства Горской республики и Добровольческой армии в конце 1918–1919 гг. Выявляются факторы, препятствовавшие консолидации этих акторов революционного периода в Северо-Кавказском регионе. Отмечается, что несмотря на общность задач, связанных с борьбой с большевиками, Горскую республику и А. Деникина разделяли непреодолимые противоречия – горские деятели после прихода к власти большевиков взяли курс на построение независимого государства, а белая администрация боролась за сохранение целостности пространства рухнувшей Российской империи. Кроме того, подчеркивается, что уязвимое положение Горской республики, не обладавшей в рассматриваемое время боеспособной армией, широкой социальной базой в среде коренного населения и политическим авторитетом, не позволяли белой власти считать горскую демократическую политическую элиту силой, союз с которой оказал бы ощутимое влияние на исход борьбы с большевизмом в регионе.

Ключевые слова: революция, Северный Кавказ, Горская республика, большевики, Добровольческая армия, Терская область, Британская военная миссия.

Для цитирования: Жанситов О.А. Горская республика и А. Деникин: факторы несостоятельности антибольшевистского альянса // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 99-108. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-99-108. EDN: EVJOKW.

© Жанситов О.А., 2023

Original article

THE MOUNTAINOUS REPUBLIC AND A. DENIKIN: FACTORS OF THE INEFFICACY OF THE ANTI-BOLSHEVIK ALLIANCE

Osman A. Zhansitov

Institute for Humanitarian studies – branch Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, osman.zhansitov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2153-707X>

Abstract. The article explores the problems of interaction between the government of the Mountainous Republic and the Volunteer Army in the late 1918-1919. It identifies the factors that hindered the consolidation of these actors in the revolutionary period in the North Caucasus region.

It is noted that despite the common tasks associated with the fight against the Bolsheviks, the Mountainous Republic and A. Denikin were divided by insurmountable contradictions: after the Bolsheviks came to power, the mountainous figures embarked on building an independent state, while the White administration fought to preserve the integrity of the space of the collapsed Russian Empire. Furthermore, the article emphasizes that the vulnerable position of the Mountainous Republic, lacking a combat-ready army, broad social base among the indigenous population, and political authority at the time under consideration, did not allow the White authorities to consider the mountain democratic political elite as a force whose alliance would have a significant impact on the outcome of the struggle against Bolshevism in the region.

Keywords: revolution, North Caucasus, Mountainous Republic, Bolsheviks, Volunteer Army, Terek Region, British Military Mission.

For citation: Zhansitov O.A. The Mountainous republic and A. Denikin: factors of the inefficacy of the anti-bolshevik alliance. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 99-108. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-99-108. EDN: EVJOKW.

© Zhansitov O.A., 2023

Период пребывания Северного Кавказа под властью А. Деникина достаточно основательно исследован как российской, так и зарубежной историографией. Одним из аспектов этой проблематики являются взаимоотношения белой администрации с Горской республикой, которые, несмотря на общность задач по борьбе с большевизмом не стали консолидированной силой, но, напротив, перешли к открытой конфронтации друг с другом.

Влияние внешнего фактора на характер взаимодействия горских лидеров с А. Деникиным, что связано, прежде всего, с деятельностью в регионе британской миссии отражено в исследовании К. Р. Амбарцумян. Как заключает автор, Лондон в конфликте интересов Горской республики, боровшейся за независимость и белой власти, стремившейся купировать сепаратистские тенденции в пространстве бывшей империи, встал на сторону последней, и тем самым не поддержал идею государственного суверенитета горцев [Амбарцумян 2020]. На этом фоне весьма примечательными выглядят сведения И. Исхакова, который ссылаясь на обнаруженные в сборнике «Documents of British foreign policy, 1919 – 1939» материалы, отмечает, что премьер-министр Великобритании Дж. Ллойд Джорж в январе 1920 г. на одном из дипломатических форумов с участием представителей США и Италии призывал великие державы к признанию Горской республики [Исхаков 2018: 408].

Перипетии противостояния деникинской администрации и Правительства горцев, закончившиеся в итоге крахом последнего, а также сюжеты, связанные с попытками кабинета П. Коцева добиться международного признания Горской республики, исследованы в работах В. Дзидзоева, А. Кажарова, А. Даудова, Д. Месхидзе, И. Бабич [Дзидзоев 2003; Кажаров 2018; Даудов, Месхидзе 2009; Бабич 2023].

Непосредственно проблеме возможного союза Добровольческой армии с руководством Горской республики посвящена статья А. Николаева. Автор считает, что предпосылки для такого союза, обусловленные необходимостью противостояния советской власти и недавним опытом консолидированных дей-

ствий горцев с казаками – «будущими белогвардейцами», имелись, однако политические амбиции как белого командования, так и горских лидеров предопределили его несостоятельность [Николаев 2023: 65].

В данной работе мы попытаемся обосновать маловероятность альянса Горской республики и Добровольческой армией не столько политическими амбициями, которые, конечно, имели место, но которые уместней рассматривать как частный случай, сколько взаимоисключающими идеологическими и политическими установками руководства этих акторов. Кроме того, внимание акцентируется на таких факторах как ресурсный (демографический, военный, экономический) потенциал, который заметно в больших масштабах был аккумулирован под властью А. Деникина в период громких военных успехов Добровольческой армии, что давало ему основания не воспринимать не обладавшую таким потенциалом в 1919 г. Горскую республику как равную для заключения какого-либо союза сторону.

Образованный после Февральской революции Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана объединил коренное население региона в его стремлении к национальной автономии. Горская политическая элита пыталась выстраивать партнерские, добрососедские отношения с Войсковым правительством терского казачества и совместными усилиями надеялась преодолеть противоречия имперского периода и запустить на Северном Кавказе процессы демократического переустройства общества. Союз горцев не признал приход к власти большевиков в Октябре 1917 г. и на протяжении пяти месяцев старался не допустить ее распространение в горских округах региона. Но, когда в марте 1918 г. на Тереке советская власть была все же установлена, горские деятели были вынуждены покинуть областной центр – Владикавказ и обосноваться сначала в Тифлисе, а затем в Дагестане. В итоге, спустя некоторое время, а именно 11 мая 1918 г. Союз горцев, в условиях отсутствия легитимной, общепризнанной власти, каковой считалось Временное правительство, объявил о создании Горской республики и провозгласил ее независимость.

Однако у руководства Горской республики не было ресурсов реализовать суверенитет. К тому же оно физически не контролировало территорию горских территорий, находившуюся под властью большевиков, которые к тому же привлекли на свою сторону определенные слои коренного населения региона, до этого являвшегося социальной базой Союза горцев, обещаниями решить проблему «земельного голода». Такая тактика помогла большевикам удержаться у власти в период терского антибольшевистского восстания (июнь–октябрь 1918 г.), поднятого казачеством и поддержанного отрядами из Кабарды и Осетии.

В этих условиях единственной силой, способной противостоять советам оказалась Добровольческая армия А. Деникина, взявшая под свой контроль Кубанскую область и начавшая продвижение на Терек.

Исходя из сложившихся реалий, горское правительство, в целом, позитивно восприняло борьбу, организованную А. Деникиным на Кубани против большевиков. Здесь, прежде всего, сработала формула – «враг моего врага – мой друг». Неслучайно еще 10 сентября 1918 г. председатель правительства Горской республики А. Чермоев в письме атаману Кубанского казачьего вой-

ска, которое, по сути, являлось костяком добровольческого движения, заявил о лояльности как самому Кубанскому войску, так и действовавшей на его территории армии А. Деникина [Союз объединенных горцев 1994: 224].

Кроме того, к взаимодействию с белыми Горскую республику подталкивала и британская военная миссия на Кавказе, при посредничестве которой горцы надеялись добиться признания своей независимости. По словам одного из видных горских деятелей А. Кантемира «когда англичане прибыли в Баку, (ноябрь 1918 г., – *О.Ж.*) наше правительство во главе с Чермоевым приехало сюда для переговоров. В числе прочих условий нашего договора английский штаб включил следующий пункт. Мы должны помочь англичанам держать связь с Деникиным и не препятствовать ему в выполнении его задачи – борьбе с большевизмом. Мы ответили, что в таком виде предложение Союзного командования для нас приемлемо, ибо мы рассматриваем Деникина... как союзника держав согласия (т. е. Антанты, – *О.Ж.*). ...И постольку, поскольку он будет солидарен с ...англичанами, мы окажем ему содействие» [Союз объединенных горцев... 1994: 228]. Британское же командование со своей стороны заверило правительство горцев, в том, что А. Деникин не будет вторгаться в пределы Горской республики.

Следуя достигнутым договоренностям, правительство горцев действительно оказало посильную поддержку антибольшевистским соединениям региона, отступившим в Дагестан после подавления Терского восстания и начавшим координировать свои действия с деникинской администрацией, которая следила за ходом Терского восстания и пыталась оказать содействие его участникам, тем самым, отвлекая внушительные силы красных от действий на Кубани. В ст. Чернойорской с июля 1918 г. находился представитель Добровольческой армии генерал Д. Левшин [Чхеидзе 2008: 104], вокруг которого группировались офицеры бывшей царской армии, нашедшие приют на Тереке после прихода к власти большевиков в центральных районах России.

Непосредственную оперативную связь с повстанцами белым удалось установить в сентябре 1918 г. Как пишет А. Деникин «на аэроплане был послан на Терек ген. Колесников и небольшая сумма денег для офицерских формирований в распоряжение ген. Левшина, которому, вместе с тем, предписано было добиваться установления на Тереке единоличной атаманской власти. Штаб мой послал терцам общую ориентировку и сообщил ближайшие цели и задачи Добровольческой армии, а именно: движение к пределам Терека и освобождение от большевиков Северного Кавказа» [Деникин 1925: 103, 104].

После отступления отряда генерала И. Колесникова в Дагестан на подконтрольную Горской республике территорию руководство последней оказало ему помощь оружием и провиантом.

В декабре 1918 г. Правительство горцев заключило с И. Колесниковым договор о совместных действиях против большевиков [Добрякова и др. 2018]. Правитель Дагестана, в прошлом один из членов Правительства Горской республики генерал М. Халилов, в связи с этим, отмечал: «...в Чир-Юрте и Петровске нашим гостем был казачий отряд генерала Колесникова, который под натиском большевиков отступил к Чир-Юрту из пределов Терской области и просил у нас приема. Мы оказали этому отряду возможную помощь не только

приютом, но и денежными и военно-техническими средствами (снаряды). Когда этот отряд двинулся в наступление против большевиков, то наши национальные войска двинулись вместе с ним для поддержки его в наступлении» [Союз объединенных горцев... 1994: 310].

Более того, Правительство горцев, в тот же период заключило особое соглашение с представителем Добровольческой армии в Баку генералом И. Эрдели «по приказанию которого были предоставлены в распоряжение командующего горскими силами полковника Хабаева воинские силы и боевое снаряжение» для освобождения Терской области от большевиков [Союз объединенных горцев... 1994: 214].

Тем не менее, Горская республика настороженно относилась к действиям и планам А. Деникина на Северном Кавказе. П. Коцев в письме от 24 октября 1918 г. своему коллеге, находящемуся с дипломатическим визитом в Стамбуле, отмечал, «что командование Добровольческой армии стоит за то, чтобы не признавать никаких республик и независимостей, а за «единую и неделимую Россию», вероятно, ползет и на нас» [Союз объединенных горцев... 1994: 167, 168].

По всей видимости, осознавая неизбежность столкновения с добровольцами и не рассчитывая на действенную поддержку Англии, чья военно-дипломатическая миссия на Кавказе, исходя из своих геополитических задач, сделала ставку на А. Деникина и не спешила признавать независимость Горской республики, ее лидеры к концу 1918 г. заняли выжидательную позицию, одновременно прощупывая векторы дальнейших действий.

Министр иностранных дел Горской республики Г. Бамматов, после провала проведенных во второй половине ноября 1918 г. в Берне консультаций с миссиями ведущих западных держав по вопросу дипломатического признания горцев и оказания им военной помощи, пришел к следующему заключению относительно характера взаимодействия с основными акторами российской революции: «войти в связь на всякий случай с большевиками» и «пока поддерживать дружеские отношения с Деникиным» [Союз объединенных горцев... 1994: 174].

После занятия в начале 1919 г. Добровольческой армией территории Терской области, а, впоследствии, и Дагестана горские деятели в ходе ряда встреч с представителями белой администрации и с самим А. Деникиным, которого уже не считали возможным союзником, а скорее агрессором, безуспешно пытались договориться о восстановлении суверенитета Горской республики на освобожденных от большевиков территориях. Однако А. Деникин, следуя идеологии и целям своей борьбы, не только не намеревался вступать в какие-либо союзнические отношения с Горской республикой, но и отказывался признавать ее как таковую.

Довольно удачную характеристику взаимоотношений Горской республики и А. Деникина дал современник и участник описываемых событий А. Цаликов. В очерке «Гражданская война в Терском крае» (1919 г.) он, в частности, писал, что «если до свержения большевиков у деникинцев и чермоевцев (коллег и соратников председателя правительства Горской республики Т. Чермоева, – О.Ж.) были общие задачи, то теперь, когда большевики свергнуты, эти задачи диаметрально противоположны. Найти точки соприкосновения между этими двумя

лагерями могут пытаться только безнадежные политические фокусники, если только та идеология, которая развивалась до сего членами и сторонниками горского правительства, была действительным отражением их взглядов. Независимая Горская республика и единая Россия под деникинским соусом – понятия взаимно исключающие. Столкнулись две национальные идеи. Попытка представителей Горского правительства разрешить конфликт с Деникиным мирно ни к чему не привела...» [Гражданская война... 2014: 443].

А. Деникин не видел в Горской республике равную для переговоров сторону, которая, к тому же, не обладала достаточным политическим весом и военным ресурсом, способным оказывать влияние на развитие ситуации в регионе.

Действительно, уже к моменту провозглашения советской власти на Терек в марте 1918 г. демократическая горская политическая элита утратила возможность оказывать полноценное влияние на развитие ситуации. Подконтрольные ей части Кавказской конной туземной дивизии (Дикая дивизия) находились на стадии распада, горское население не дождалось обещанного Союзом горцев решения проблемы малоземелья и прекращения вооруженных столкновений с казачеством.

Более того Союз горцев раздирали внутренние противоречия: конфронтация светских и духовных элит, межнациональные и религиозные разногласия, сопровождавшие повседневность представленных в нем народов. Эти факторы обусловили невозможность горской демократии, каким-либо образом препятствовать утверждению большевиков в регионе.

На этом фоне антибольшевистские силы региона из горской среды, принявшие после Февральской революции деятельное участие в построении демократии и в процессах национально-государственного строительства в том числе и под эгидой Союза горцев, а также активно проявившие себя в ходе Терского восстания после его подавления в ноябре 1918 г. отступили на Кубань и присоединились к белому движению. То есть благоприятный исход борьбы с большевизмом они связывали уже не Союзом горцев, а с властью А. Деникина. Так, к примеру, генерал Т. Бекович-Черкасский, являвшийся помощником военного министра коалиционного Терско-Дагестанского правительства, образованного Союзом объединенных горцев и правительством Терского казачьего войска, еще в июле 1918 г. с группой единомышленников перебрался на Кубань и вступил в ряды Добровольческой армии [Опрышко 1993: 165, 175].

Таким образом, вступая в пределы Терской области, А. Деникин уже имел в своем «активе» вооруженные части из горских народов, среди которых выделялись конные полки из Кабарды под командой З. Даутокова-Серебрякова и Кубанской области, сформированные из черкесов под командой С. Клыч-Гирея, то есть те силы которые горское правительство считало своей опорой. Кроме того, после занятия в январе 1919 г. Терка часть горских округов, население которых наиболее пострадало в период большевистского господства (реквизиции земельных участков и имущества, репрессии, ограничения гражданских прав и т. д.) довольно беспрепятственно признала власть Добровольческой армии. Среди горских округов Терской области относительной лояльностью белой власти отличались Кабарда и Осетия, которые, по словам А. Деникина,

примкнули к ней «сразу и добровольно, созвали вскоре национальные съезды, избрали правителей и Советы, установили вполне благоприятные отношения с главноначальствующим (Терско-Дагестанским Краем генералом Ляховым. – О.Ж.) и Особым совещанием» [Деникин 1925: 121].

Стоит отметить, что А. Деникин, устанавливая свой режим в горских округах опирался не только на силовые методы, но и пытался привлечь население гарантией порядка и обещаниями приемлемой в условиях переживаемого момента формы горской автономии. В. Цветков отмечает по этому поводу: «Общепринятым в советской историографии был тезис о великодержавности, реакционности национальной политики белого движения на Юге России. В соответствии с этим и политика в отношении горских народов считалась основанной исключительно на силовом варианте подавления любых стремлений к автономии. Однако неправомерно было бы считать, что белая власть в своей политике на Кавказе не стремилась к миру, к максимально возможным в рамках единой России уступкам горской самостоятельности. В сравнении с порядком государственного управления, сложившегося на Кавказе во второй половине XIX в., это было заметным шагом вперед. Горцам предоставлялось право избрания своих правителей на съездах, гарантировалось сохранение шариатского права и суда, создание местного самоуправления, разрабатывались земельные законопроекты, призванные обеспечить право горцев на землю даже за счет частичной передачи им казачьих земель» [Цветков 1997: 70, 71].

Сам А. Деникин в своих мемуарах подчеркивал, что в период пребывания региона под его управлением «горские племена пользовались полнейшей самостоятельностью. Единственной государственной тяготой для них была платная поставка продовольствия расположенным в их районах войскам и обязанность выставлять в действующую армию боевые части сообразно численности своего населения» [Деникин 1925: 244].

В течение весны 1919 г. Добровольческая армия в ходе серии войсковых операций устанавливает контроль практически над всей территорией Терека и Дагестана, где формирует административный аппарат, проводит мобилизацию, и приводит в порядок налоговую систему.

В этих условиях, горское правительство, не поддержанное в своих стремлениях британской военной миссией, не имея организованной вооруженной силы, лишённое подконтрольной территории и, соответственно материальных и демографических ресурсов для оказания сопротивления Добровольческой армии 23 мая 1919 г. складывает свои полномочия. Часть горских деятелей, перебравшись в Грузию, продолжает добиваться дипломатического признания своей республики и пытается организовать сопротивление Добровольческой армии через поддержку горской повстанческой борьбы, и в частности, устанавливает контакты с исламским движением шейха Узун-Хаджи, развернувшего антиденикинский фронт в горных районах Чечни и Дагестана.

К концу 1919 г. наметившийся на фронтах гражданской войны перелом в пользу красных и возникшая в связи с этим потребность перебросить дислоцированные в Терско-Дагестанском крае добровольческие части на север, а также активизировавшееся на этом фоне повстанческое движение вынудили А. Деникина пойти на компромисс в отношениях с деятелями Горской республики.

Как отмечают А. Даудов и Д. Месхидзе, «когда поражение Добровольческой армии было практически предрешено, А. Деникин 12 декабря 1919 г. через главноначальствующего Терско-Дагестанским краем генерала И. Эрдели обратился к горцам с призывом совместно бороться против большевизма и заявил, что признает независимость Северного Кавказа до созыва общероссийского Учредительного собрания, которое и вынесет окончательное решение по данному вопросу» [Даудов, Месхидзе 2009: 72, 73].

Возможно, А. Деникин, решив признать Горскую республику, надеялся, что ее деятелям, если им не препятствовать, удастся сплотить антибольшевистские силы в горской среде и уже в союзе с ними продолжить борьбу. Но, как показали дальнейшие события, момент был упущен. Добровольческая армия уже утратила стратегическую инициативу, а у горских политических деятелей не было достаточных ресурсов и времени организовать местное население (широкие слои которого после года тягот деникинского режима были просоветски настроены) для противодействия наступающим частям Красной армии.

Подводя итоги исследования заявленной проблематики, можно сделать следующие выводы:

1. Объединению Добровольческой армии и Горской республики в антибольшевистский альянс препятствовали принципиальные разногласия во взглядах этих акторов на вопросы устройства постимперского пространства. Если А. Деникин стремился не допустить его децентрализации и распада, то горская политическая элита, выступавшая после Февральской революции за федеративные отношения с центром, в условиях установления в стране нелегитимной по их мнению власти большевиков, взяла курс на построение независимого горского государства. Соответственно такие в корне несовпадающие и не предусматривающие компромиссных вариантов установки не могли создать условия для консолидации антибольшевистских сил. Горская республика готова была поддержать Добровольческую армию в ее борьбе с общим врагом – большевиками, но выступала против оккупации деникинцами горских округов. В свою очередь А. Деникин мог воспользоваться «услугами» горцев, но лишь в качестве подконтрольной и признающей его верховную власть силы.

2. В этих условиях маловероятной выглядела возможность временного ситуативного союза Горской республики и Добровольческой армии. Конечно, А. Деникин, как это практиковали большевики, мог пообещать горским деятелям, в случае их поддержки Белой армии какие-либо уступки – широкую автономию или же рассмотрение вопроса о независимости Горской республики после победы над советами на Всероссийском Учредительном собрании и т. д. Пообещать и, впоследствии, отказаться от своих намерений, опять же, как это практиковали большевики. Однако главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР) не стал утруждать себя выстраиванием подобных комбинаций. Он не видел в Горской республике актора, обладавшего реальной военной организацией, политическим весом и влиянием в горских обществах, значительная часть которых, к тому же, под угрозой силы или же исходя из собственных интересов признала белую власть и, соответственно, не способного внести весомый вклад в разгром большевиков в регионе, с чем собственно в первые месяцы 1919 г. успешно справилась Добровольческая армия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Амбарцумян 2020 – *Амбарцумян К.Р.* Горская республика в представлениях британской миссии и Добровольческой армии (1919-1920 гг.) // Гуманитарные и юридический исследования. – 2020. – № 4. – С. 14-22.

Бабич 2023 – *Бабич И.Л.* Делегация Северного Кавказа во Франции (1919–1920-е гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 74-86.

Гражданская война... 2014 – *Гражданская война* в России и мусульмане. Сборник документов и материалов / Сост., предисл. и примеч. С.М. Исхаков. – М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. – 816 с.

Даудов, Месхидзе 2009 – *Даудов А.Х., Месхидзе Д.И.* Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924). – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та. 2009. – 224 с.

Деникин 1925 – *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 4–5. Вооруженные силы Юга России. – Берлин: Слово, 1925. – 244 с.

Дзидзоев 2003 – *Дзидзоев В.Д.* От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (1917–1924 гг.). – Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского государственного университета, 2003. – 210 с.

Добрякова и др. 2018 – *Добрякова Н.А., Лобанов В.Б., Пыльцын Ю.С.* Гражданская война на Северном Кавказе: отряд генерала И.Н. Колесникова (ноябрь 1918 – январь 1919 гг.) // Современная научная мысль. – 2018. – № 5. – С. 100–105.

Исхаков 2018 – *Исхаков С.М.* Гражданская война и мусульмане. // Россия в годы Гражданской войны, 1917-1922 гг.: очерки истории и историографии. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 608 с.

Кажаров 2018 – *Кажаров А.Г.* Организация «Союз объединенных горцев» и сепаратизм на Северном Кавказе: предпосылки, движущие силы и итоги (1917–1919 гг.) // Вестник АГУ. – 2018. – № 1 (214). – С. 28-38.

Николаев 2023 – *Николаев А. В.* Горское движение и Белая армия на Северном Кавказе в 1918–1919 гг.: история несостоявшегося союза // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 65-73.

Опрышко 1993 – *Опрышко О.Л.* «Бывают странные сближения...»: Документальное повествование. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 224 с.

Союз объединенных горцев... 1994 – *Союз объединенных горцев* Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы. – Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, 1994. – 440 с.

Цветков 1997 – *Цветков В.Ж.* Забытые страницы «второй кавказской войны» // Белая гвардия. – 1997. – № 1. – С. 70–71.

Чхеидзе 2008 – *Чхеидзе К.А.* Генерал Заурбек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде / Сост. О.А. Жанситов. – Нальчик, 2008. – 120 с.

REFERENCES

AMBARTSUMYAN K.R. *Gorskaya respublika v predstavleniyakh britan-skoy missii i Dobrovolcheskoy armii (1919–1920 gg.)* [The Mountain Republic in the Perceptions of the British Mission and the Volunteer Army (1919-1920)]. IN: *Gumanitarnye i yuridicheskiy issledovaniya*. – 2020. – No 4. – Pp. 14-22. (In Russ.).

BABICH L.I. *Delegatsiya Severnogo Kavkaza vo Frantsii (1919–1920-e gg.)* [The Delegation of the North Caucasus in France (1919–1920s)]. IN: *Elektronnyy zhurnal "Kavkazologiya"*. – 2023. – No 2. – Pp. 74-86. (In Russ.).

Grazhdanskaya voyna v Rossii i musulmane. Sbornik dokumentov i materialov [The Civil War in Russia and the Muslims. Collection of Documents and Materials] / Edited by S.M. Iskha-kov. – Moscow: Tsentr strategicheskoy kon'yunktury, 2014. – 816 p. (In Russ.).

DAUDOV A.KH., MESKHIDZE D.I. *Natsionalnaya gosudarstvennost' gorskikh narodov Severnogo Kavkaza (1917–1924)* [The National Statehood of the Mountain Peoples of the North Caucasus (1917–1924)]. – St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2009. – 224 p. (In Russ.).

DENIKIN A.I. *Ocherki russkoy smuty. T. 4–5. Vooruzhennye sily Yuga Rossii* [Essays on the Russian Turmoil. Vols. 4–5. The Armed Forces of the South of Russia]. – Berlin: Slovo, 1925. – 244 p. (In Russ.).

DZIDZOEV V.D. *Ot Soyuz ob'edinennykh gortsev Severnogo Kavkaza i Dagestana do Gorskoy ASSR (1917–1924 gg.)* [From the Union of United Mountaineers of the North Caucasus and Dagestan to the Mountain ASSR (1917–1924)]. – Vladikavkaz: Izd-vo Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2003. – 210 p. (In Russ.).

DOBRYAKOVA N.A., LOBANOV V.B., PYL'TSYN YU S. *Grazhdanskaya voyna na Severnom Kavkaze: otryad generala I.N. Kolesnikova (noyabr' 1918 – yanvar' 1919 gg.)* [The Civil War in the North Caucasus: The Detachment of General I.N. Kolesnikov (November 1918 – January 1919)]. IN: *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. – 2018. – No 5. – Pp. 100–105. (In Russ.).

ISKHAKOV S.M. *Grazhdanskaya voyna i musulmane* [The Civil War and the Muslims]. IN: *Rossiya v gody Grazhdanskoy voyny, 1917–1922 gg.: ocherki istorii i istoriografii*. – Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2018. – 608 p. (In Russ.).

KAZHAROV A.G. *Organizatsiya 'Soyuz ob'edinennykh gortsev' i separatizm na Severnom Kavkaze: predposylki, dvizhushchie sily i itogi (1917-1919 gg.)* [The Organization 'Union of United Mountaineers' and Separatism in the North Caucasus: Preconditions, Driving Forces, and Outcomes (1917–1919)]. IN: *Vestnik AGU*. – 2018. – No 1 (214). – Pp. 28–38. (In Russ.).

NIKOLAEV A.V. *Gorskoe dvizhenie i Belaya armiya na Severnom Kavkaze v 1918-1919 gg.: istoriya nesostoyavshegosya soyuza* [The Mountain Movement and the White Army in the North Caucasus in 1918-1919: The History of an Unfulfilled Alliance]. IN: *Elektronnyy zhurnal "Kavkazologiya"*. – 2023. – No 2. – Pp. 65-73. (In Russ.).

OPRYSHKO O.L. *'Byvayut strannye sblizheniya...': Dokumental'noe povestvovanie* ['Strange Convergences Sometimes Occur...': A Documentary Narrative]. – Nalchik: El'brus, 1993. – 224 p. (In Russ.).

Soyuz ob'edinennykh gortsev Severnogo Kavkaza i Dagestana (1917–1918 gg.), Gorskaya respublika (1918–1920 gg.). Dokumenty i materialy [The Union of United Mountaineers of the North Caucasus and Dagestan (1917–1918), Mountain Republic (1918–1920). Documents and Materials]. – Makhachkala: Institut istorii, arkheologii i etnografii Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN, 1994. – 440 p. (In Russ.).

TSVETKOV V.ZH. *Zabytye stranitsy 'vtoroy kavkazskoy voyny'* [Forgotten Pages of the 'Second Caucasian War']. IN: *Belaya gvardiya*. – 1997. – No 1. – Pp. 70–71. (In Russ.).

CHKHEIDZE K.A. *General Zaurbek Dautokov-Serebryakov. Grazhdanskaya voyna v Kabarde* [General Zaurbek Dautokov-Serebryakov. The Civil War in Kabarda]. Compiled by O.A. Zhansitov. – Nalchik, 2008. – 120 p. (In Russ.).

Информация об авторе

О.А. Жанситов – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

O.A. Zhansitov – Candidate of Sciences (History), associate professor.

Статья поступила в редакцию 30.10.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 30.10.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья
УДК 94(470.620)«1920/...»
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-109-123
EDN: FFEAYK

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА: КУБАНО-ЧЕРНОМОРСКАЯ ОБЛАСТЬ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ.

Юрий Асланбиевич Яхутль

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
a075ca@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6750-4110>

Аннотация. Взаимоотношение большевиков с сельским населением Кубано-Черноморской области с момента повторного восстановления советской власти и до начала фактической реализации основных положений продовольственной и земельной политики в структуре нэпа характеризовались активным применением методов военного коммунизма. Для неё были характерны такие признаки как репрессии в отношении сельского населения, принудительное изъятие продовольствия, что неминуемо вело к росту военно-политического противостояния власти и общества. Переходный период от явно выраженной военно-коммунистической политики к практической реализации нэпа в регионе занял до полутора лет и завершился в 1923 г. Сложности переходного периода и формирование модели взаимоотношения РКП(б) и населения области во многом объяснялись спецификой региона, в котором сочетались классовые, сословные и межнациональные противоречия. Таким образом, на очередном этапе реформ, который начался в 1924 г. в рамках курса «Лицом к деревне», большевики согласились на компромисс, отказавшись от принудительных мер во внутренней политике.

Ключевые слова: РКП(б), власть, сельское население, казачье-крестьянские хозяйства, новая экономическая политика, модель взаимоотношений, Кубано-Черноморская область.

Для цитирования: Яхутль Ю.А. Власть и общество в условиях военно-политического и экономического кризиса: Кубано-Черноморская область в начале 1920-х гг. // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 109-123. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-109-123. EDN: FFEAYK.

© Яхутль Ю.А., 2023

Original article

AUTHORITY AND SOCIETY IN CONDITIONS OF MILITARY-POLITICAL AND ECONOMIC CRISIS: KUBAN-BLACK SEA REGION IN THE EARLY 1920S.

Yuri A. Yakhutl

Kuban State University, Krasnodar, Russia, a075ca@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6750-4110>

Abstract. The Bolsheviks' relationship with the rural population of the Kuban-Black Sea region was marked by the active use of war communist methods from the moment Soviet power was

restored and before the actual implementation of the main provisions of food and land policy in the structure of the NEP. Repression against the rural population, as well as forced food confiscation, ultimately led to a rise in military-political confrontation between the government and society. The interval between an official military-communist policy and the practical implementation of the NEP in the region lasted up to a year and a half, ending in 1923. The challenges of the transition phase, as well as the construction of a model of the connection between the RCP (b) and the region's populace, were largely explained by the region's peculiarities, which blended class, class, and interethnic tensions. As a result, the Bolsheviks agreed to a compromise in the following round of reforms, which began in 1924 as part of the "Facing the Countryside" course, abandoning coercive tactics in domestic affairs.

Keywords: RCP(b), government, rural population, Cossack-peasant farms, new economic policy, model of relationships, Kuban-Black Sea region.

For citation: Yakhutl Y.A. Power and society in conditions of military-political and economic crisis: the Kuban-Black Sea region in the early 1920s. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 109-123. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-109-123. EDN: FFEAYK.

© Yakhutl Y.A., 2023

Введение

В соответствии с постановлением ВЦИК РСФСР «О замене продовольственной и сырьевой развёрстки натуральным налогом» от 21 марта 1921 г. была отменена продовольственная развёрстка и введена налоговая система изъятия продуктов сельского хозяйства. Так в истории Советской России начинается процесс практической реализации комплекса экономических, политических мер, вошедшая в историю как новая экономическая политика. Причина столь кардинального изменения содержания внутренней политики, а именно отказ от основополагающих принципов политики военного коммунизма были обусловлены нарастающим противостоянием между властью в лице РКП(б) и большей части сельского и городского населения [Алешкин, Васильев 2012]. Советская Россия в 1920–1921 гг. продолжала находиться в острой фазе гражданского противостояния, итоги которой должны были определить историческую судьбу большевиков, их возможности реализовать идеи, провозглашённые в октябре 1917 г. или сложить свои полномочия под натиском крестьянских выступлений. В этих условиях политическое руководство страны объясняло свои уступки желанием «освободить» крестьянские хозяйства от непосильной продовольственной развёрстки, предоставив ограниченную экономическую свободу для расширения своего хозяйства и обеспечения продуктами питания внутреннего рынка Советской России. Таким образом, политическое решение X съезда РКП(б) от 15 марта 1921 г. о введении продналога, предопределило модель взаимоотношения власти и общества не только в период 1920-х гг., но и стало основой советской политической системы, которая формировалась на принципах однопартийности и государственного администрирования [Протоколы... 1933: 406].

Историография новой экономической политики во многом зависела от политической конъюнктуры, складывающейся в Советской России–СССР–Российской Федерации. Исследователи условно разделили историографию нэпа на четыре этапа, в том числе модернизацию аграрного сектора экономики.

Начальный период охватывает 1920-е гг., для которого характерно накопление фактического материала и оценка политических и экономических процессов непосредственными участниками и разработчиками нэпа. Содержание публикаций того периода находилось на грани между публицистикой и историческим описанием [Ленин 1977; Троцкий 1923; Преображенский 1924; Каменев 1923; Кактынь 1924]. Второй период охватывает 1930-е гг. и первую половину 1950-х гг., где в центре внимания исследователей была доколхозная деревня с её экономическими и социальными противоречиями и проблемы модернизации аграрного сектора экономики, а переход к нэпу расценивался как вынужденное отступление власти перед мелкобуржуазной стихией [Сталин 1933; Конюков 1949; Генкина 1954]. На третьем этапе с 1950-х гг. до середины 1980-х гг. советские историки активно изучали проблемы модернизации доколхозной деревни. Исследователи получили доступ к новым архивным фондам, что позволило всесторонне оценить содержание нэпа, её достижения, проблемы и кризисы, а также расширить тематику исследований [Данилов 1957; Берхин 1960; Островский 1967; Сидоров 1978]. Наиболее кардинальные изменения произошли со второй половины 1980-х гг. по настоящее время. Этот период характеризуется отказом от идеологических догм, вовлечением широкого круга архивных документов, принципиальным переосмыслением нэпа, модернизационных процессов в доколхозной деревне, новыми оценками взаимоотношений власти и крестьянства на основе цивилизационного подхода, а также активным использованием междисциплинарных методов [Данилов 1990; Трагедия советской деревни... 1999; Орлов 1999; Гимпельсон 2004; Виноградов 2015].

Следует отметить, что нэп всегда вызывал большой научный интерес не только у отечественных исследователей, но и зарубежных [Пайпс 1997; Грациози 2001; Верт 2006; Верт 2010; Левин 2008; Дэвис 1994; Перейра 1994]. Однако зарубежные историки в своих выводах, основанных на антисоветских позициях, представляют нэп как следствие внутрипартийной борьбы 1920-х гг., что ограничивает возможности объективной оценки сложных политических и социально-экономических процессов, происходивших в этот период в Советской России.

Хронологические рамки статьи охватывают период 1920–1923 гг. – переходный период, который характеризуется попыткой продолжить применение политики военного военного, встретившее активное сопротивление сельского населения Кубани и Черноморья.

Цель – оценить модель взаимодействия власти и сельского населения в условиях экономического, политического и социального кризиса на примере Кубано-Черноморской области в 1920–1923 гг. При написании статьи были использованы системный подход и диахронный сравнительный анализ. В статье использованы материалы партийных и государственных органов власти из архивов Краснодарского края.

Начало активной фазы большевизации Кубани и Черноморья 1920–1922 гг.

Народный комиссариат продовольствия РСФСР с учётом катастрофического положения с продовольственным обеспечением РККА и городского насе-

ления в рамках принятых решений партийным съездом РКП(б), правительством и ВЦИК предложил Уполнаркомпроду при Трудовой армии Юго-Востока собрать дополнительно 10 млн пудов продовольствия. Из этого объёма на долю индивидуальных казачье-крестьянских хозяйств Кубани и Черноморья приходилось 5 млн пудов. Это количество продовольствия необходимо было собрать до 15 мая 1921 г. Реакция населения и части руководства области были предсказуемы с учётом особенностей землепользования, социального и национального состава региона, а также налоговых традиций казачества. Было отмечено, что это разовое обложение невозможно определить как налог, так как налог в регионе собирался с десятины земли. Рассматривать такое решение как расчёт за долги с государством не имели под особой какой-либо экономического обоснования, так как регион переживал острый экономический кризис.

Большевики ошибочно считали, что казачьи и крестьянские хозяйства Юга России имеют избыточное количество продовольствия. Статистические данные свидетельствовали о том, что посевные площади в регионе сократились за период 1916–1921 гг. с 3 222 000 дес. до 1 611 929 дес. Сбор зерновых в 1921 г. составил 48 493 896 пуд, в то время как в 1916 г. было получено 203 170 000 пуд. На территории области в сельской местности проживало 2 166 153 чел., а в городах 490 000 чел., для пропитания которых требовалось 41 497 448 пуд. продовольствия из расчёта 16 пуд. и 14 пуд. соответственно на одного сельского и городского жителя. Эти показатели не учитывали потребности в обеспечении кормовой базы домашнего скота и лошадей. При наличии такого соотношения объёмов фактически имеющегося и дополнительного сбора продовольствия жителям Кубани грозил катастрофический голод, который разразился в 1921 г. Гражданская война нанесла серьёзный урон аграрному сектору экономики региона, который до 100 млн пуд излишек в довоенный период вывозил за пределы региона. Сокращение посевных площадей становилось главной угрозой новой продовольственной концепции большевиков, что вынуждало их сосредоточить имеющиеся средства и ресурсы на посевную кампанию, с активным использованием мобилизационных методов военного коммунизма. По признанию самих большевиков система военного коммунизма пришла в столкновение с интересами крестьянства [История Всесоюзной Коммунистической партии...1950: 238].

В первую очередь необходимо было восстановить часть сельскохозяйственных орудий и получить семена для посева. Вся площадь посевов по отделам области на 1921–1922 гг. составляла: Ейском – 582,723 дес., Кавказском – 398,479 дес., Краснодарском – 453,682 дес., Майкопском – 287,279 дес., Лабинском – 545,330 дес., Баталпашинском – 239,484 дес., Славянском – 235,700 дес., Темрюкском – 84,893 дес., Тимашевском – 360,795 дес. [ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 153. Л. 71 об., 73]. Таким образом мобилизационные методы работы большевиков оказывали существенное влияние на восстановление посевных площадей Кубани и Черноморья. Фактические площади посевов в 1922 г. составили 1 749 000 дес., а обложению подлежало по плану 2 660 000 дес. [ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 73. Л. 137]. Такая диспропорция в размерах объектов налогообложения объяснялась наличием скрытых земельных площадей – факты были

выявлены в Армавирском, Краснодарском, Майкопском, Славянском и Тимашевском отделах. По инициативе местных органов власти, не имея на эти действия законодательных актов ВЦИК или СНК РСФСР, выявленные дополнительные земельные участки конфисковывались и передавались в земельные фонды местных Советов с последующим перераспределением среди малоземельных хозяйств. Но «золотые денёчки продорганов», как их именовали инспектора, закончили в 1922 г. с принятием соответствующего закона сессией ВЦИК, запрещающая производить в административном порядке конфискацию имущества, в том числе земельных участков. В отношении трудового населения, ведущего интенсивное сельское хозяйство – хозяйство с многопольным севооборотом и производством технических культур, такими как лён, табак, сахарная свёкла и др., где производилось культурное улучшение земельных угодий, а земля обрабатывалась силами и средствами самого хозяйства допускалось применение наёмного труда в период уборки урожая [ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 200. Л. 8].

Но в таких отделах как Кавказский, Ейский до 50 % пригодных к посеву земельных угодий не были обработаны. Уровень экономического состояния индивидуальных казачьих и крестьянских хозяйств Кубано-Черноморской области в начале реализации продналоговой кампании соответствовал следующим показателям: на одного едока, в среднем, приходилось 1–1,5 дес. земли и две коровы. При этом уровень урожайности казачье-крестьянских хозяйств в целом по области оставался по-прежнему низким, что сказывалось на объёмах собираемого продовольственного налога. Например, средняя урожайность в довоенного время казачье-крестьянских хозяйств в Кавказском отделе составляла 77 пуд. озимой пшеницы, а в начале 1920-х гг. достигала чуть больше 50 пуд. Остро стоял вопрос обеспеченности хозяйств рабочим скотом. В отделе в 1914 г. насчитывалось 161 651 лошадей и 65 016 волов, а в 1922 г. соответственно 23 699 и 33 475 [ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 496. Л. 13 об.].

И уже на этом этапе проявляются новые методы руководства, когда власть признает сложность решения продовольственного вопроса, но при этом отказывается вступать в диалог с сельским населением области и требует неукоснительного выполнения продовольственного задания: «Нужно единым порывом ударить и к 15 мая 1921 г. выполнить задание Рабоче-Крестьянской власти и этим доказать благодарность ей за её мероприятия в пользу трудящихся сохи и бороны» [ГАКК. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 21. Л. 91]. Так происходит трансформация крестьянской революции в крестьянскую войну против большевиков, который отождествлялся с продразвёрсткой и мобилизационными мероприятиями [Крестьянское движение в Поволжье... 2002: 7].

Разработанные инструкции для местных продовольственных органов позволяли конфисковать личное имущество неплательщика в случае неисполнения им в течение 48 часов обязательных налоговых платежей. Конфискации подлежали продукты питания, сельскохозяйственный инвентарь, рабочий и домашний скот. Осознавая, что такие действия приводили к полному разорению казачье-крестьянских хозяйств были предусмотрены ограничительные меры [ГАКК. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 73. Л. 2].

На территории с компактным проживанием горцев (черкесов) ситуация осложнялась отсутствием сельскохозяйственного инвентаря и рабочих рук. Домашний скот питался исключительно сухим сеном, что грозило массовой их гибелью. В горских аулах с весны 1920 г. на постоянной основе были расквартированы воинские части, чьи действия вызывали возмущение населения [ГАКК. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 7. Л. 51].

В регионе назревал военно-политический кризис, который угрожал существованию советской власти. Большевики вынуждены были перейти к практическим действиям, в том числе репрессивного характера. Революционный Военный Совет IX Кубанской армии и Кубано-Черноморский областной исполнительный комитет издал 15 марта 1921 г. приказ № 393, в котором предписывал брать в заложники из числа кулацких элементов станиц, сел и аулов, поддерживающих бело-зелёные формирования. Расстрел заложников производился в случае антисоветских выступлений или совершения преступлений в отношении советских, партийных работников или красноармейцев. В дополнении к приказу был определён список двадцати станиц и городов области, где необходимо было в обязательном порядке взять в заложники от 5 до 10 человек [ГАКК. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 26. Т. 1. Л. 270, 270 об.].

За период с 10 по 15 мая 1921 г. были проведены организационные мероприятия с участием продинспекторов, представителей местных исполнительных комитетов Советов, где были рассмотрены порядок организации и проведения сбора продовольственного налога. С 20 мая, повсеместно в области начался учёт объектов обложения. Но в процессе сбора налога областные органы власти посчитали возможным вернуться к испытанным военно-коммунистическим сборам налога. Вопреки декрета ВЦИК РСФСР, который требовал при сборе продналога опираться на местные Советы, были привлечены до 1,5 тыс. чел. переписчиков-добровольцев, которые за свою работу получали натуральную плату в размере одного фунта муки с каждого пяти хозяйств. Так практика комбедовского периода по сбору продразвёрстки нашла своё практическое применение на Кубани и Черноморье на начальном этапе новой экономической политики. Только с началом нового этапа реформ в 1924 г. в ходе реализации политики «Лицом к деревне» Советы смогли воплотить на практике свои фискальные функции.

Особые формы землепользования на Кубани и Черноморье во многом предопределили остроту земельного вопроса. Казачеству, которое составляло 45,8% населения принадлежало до 80% земли пригодных для обработки [Одинцов 1927: 11]. Среди казачьих хозяйств до 24% относились к категории зажиточных, что было в два раза выше, чем в «иногородней» среде. Имущественные и сословные противоречия проецировали острый конфликт между казачеством и «иногородним» крестьянством, который из состояния латентного переходил в открытую фазу при большевиках, которые способствовали активной миграции крестьян из Центральной России [Козлов 1977: 114]. Но декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 18 ноября 1920 г., по которому сохранялось трудовое землепользование казаков позволяло сдерживать

открытое противостояние с сельским населением Кубани и Черноморья на начальном этапе установления советской власти в регионе.

Земельный вопрос был одним из приоритетных на повестке дня первого областного съезда Советов крестьянских и казачьих депутатов, состоявшегося в декабре 1921 г. Первые попытки создания коллективных хозяйств, получившие название у местного населения «коммуния», не получили поддержки. Активные попытки ликвидировать частную собственность на землю под предлогом создания коллективных хозяйств формировали отчуждение и способствовали росту активного сопротивления сельского населения области реализуемой внутренней политики большевиков. Кубано-Черноморский ревком, объективно оценивая ситуацию в регионе, вынужден был отказаться от кардинальных земельных реформ, пытаясь сохранить лояльность жителей станиц и сел. Но при этом большевики от классовых принципов перераспределения земли не отказались и продолжали бесплатно наделять земельными участками беднейшую часть кубанской станицы [ГАКК Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 152. Л. 23]. Первые десять месяцев существования Кубано-Черноморского ревкома как высшего политического органа в области охарактеризовались неустойчивостью власти и нарастающим противоречием между РКП(б) и населением. Проявилось это в том числе в формировании местных органов власти. Инициатива на местах по организации и проведению выборов была признана областным ревкомом нецелесообразной и их результаты были отменены. Сельское население на такие действия реагировало негативно, призывая учитывать их мнение, возможности новых руководителей объективно воспринимать экономическую и политическую ситуацию в кубанской станице, которая была разорена, а также привлекать к руководству независимо от того казак ли он или крестьянин. Но областной ревком и его структурные подразделения, которые функционировали в 500 населённых пунктах, продолжали действовать в рамках жёсткого администрирования. Методы назначения позволяли обеспечить присутствие в руководящем составе ревкомов членов РКП(б). По мнению партийного руководства, Кубано-Черноморская область не должна была отличаться от центральных губерний Советской России, следовательно, методы внутренней политики, т. е. военного коммунизма были приемлемы и для казачьего региона.

Военно-политический кризис в начале 1920-х гг.

В марте 1920 г. на Кубани и Черноморье была повторно восстановлена советская власть, активная фаза Гражданской войны на юге России завершилась. Однако это не означало, что противостояния власти и общества завершилось, так как активная реализация политики военного коммунизма в таких сферах как сбор продовольствия и передел земли способствовали росту повстанческого движения сельского населения. Только летом 1920 г. объем продразвёрстки для всего юга России составлял 120 млн пудов, что не соответствовало экономическим возможностям индивидуальных казачьих и крестьянских хозяйств [Коллективизация сельского хозяйства... 1959: 7; Воронович 1922]. Большевики продолжали следовать разрушительным курсом,

усугубляя экономический кризис и порождая массовые антигосударственные выступления сельского населения [Климин 2007: 14].

Первые отряды бело-зелёных создаются уже в апреле 1920 г. Но дальнейшие действия местных органов власти лишь способствовали нарастанию противоречий с сельским населением и консолидации антибольшевистских сил. Так Кубано-Черноморский ревком как высший политический орган власти в регионе 9 апреля 1920 г. издал приказ № 26, в котором определил порядок принудительного изъятия продовольствия [ГАКК, Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 11. Л. 22]. В этих условиях областной ревком санкционировал решение областного продовольственного совещания о введении военной и экономической блокады станиц [ГАКК. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 189. Л. 5]. В результате уже летом 1920 г. в регионе сложилась критическая ситуация со сбором продовольствия, так как казаки и крестьяне отказывались добровольно сдавать хлеб на условиях, выдвинутых областным продовольственным отделом. Такие решения лишь способствовали нарастанию активному сопротивлению сельского населения политике большевиков, не позволяя перейти к мирному созидательному труду и формированию новых органов власти. Пассивное, скрытое сопротивление военно-коммунистическим методам большевиков сменилось открытым вооружённым сопротивлением со стороны казаков и крестьян. На начальном этапе повстанческого движения летом 1920 г. отряды бело-зелёных формировались на основе бывших военнослужащих белой армии М.А. Фостикова, П.А. Савицкого, Сухенко и Скакуна, В.Ф. Рябокони и др. [ЦДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 20. Л. 17]. Но по мере усиления продовольственного давления, активного применения методов продразвёрстки, которые продолжались до лета 1922 г., повстанческие отряды стали пополняться казаками и крестьянами кубанских станиц. Активизации бело-зелёного движения способствовали необоснованные решения СНК РСФСР о единовременном сборе 5 млн пуд. зерновых, хотя в регионе был голод. В донесении сотрудников ЧК от 15 мая 1921 г. отмечалось недовольство населения таким решением. Кроме того, существовало неоднозначное отношение со стороны местных коммунистов к нэпу, которые, не понимая содержания новой продовольственной концепции пытались её отрицать, выступая против свободной торговли, продовольственного налога и др. [Советская деревня... 2000: 48].

Кроме того, большевики подвергли регламентации все стороны хозяйственной деятельности индивидуальных казачьих и крестьянских хозяйств.

Начиная с лета 1920 г. по осень 1922 г., Кубано-Черноморская область была охвачена активным повстанческим движением. В регионе было введено военное положение. Так в г. Ейске раскрыли контрреволюционный заговор, в котором активное участие приняли бывшие советские работники, всего было арестовано до 100 чел. Среди населения распространялись слухи о выступлениях в различных отделах Кубано-Черноморской области против коммунистов. Признавалось, что тяжесть хлебной развёрстки, слабость местных советов, партийных органов, действия частей РККА, милиции способствовали «развитию бандитизма». В ст. Старотитаровской Темрюкского района из-за отказа выполнить хлебную развёрстку было взято 100 заложников. А усиление репрессий в отно-

шении семей бело-зелёных вело к активному уходу части населения в леса и плавни Кубани. Такие факты были зафиксированы в ст. Северной, Бекетовской и др. Действия бело-зелёных формирований в период наивысшего подъёма повстанческого движения доходили до того, что они объявляли мобилизацию мужского населения. Так от имени главнокомандующего вооружёнными силами Юга России 3 апреля 1921 г. есаул Арканников издал приказ о мобилизации лиц мужского населения от 19 до 46 лет [ГАКК. Ф. 102. Д. 32. Оп. 1. Л. 5, 5 об., 60].

Кроме продовольственного вопроса остро стоял процесс формирования местных органов власти. Практика назначения руководителей ревкомов на местах из числа бывших красноармейцев, не имевших опыта работы, игнорировавшие традиции казачьего самоуправления способствовала росту военно-политического кризиса в регионе. Назначение представителей не казачьего сословия на руководящие должности в местных органах власти провоцировало социальный и сословный конфликт в кубанской станице. Так, командир «Кубанской повстанческой армии» Захарченко в своём воззвании призывал объединиться в борьбе с коммунистами и засильем иногородних и бывших красноармейцев в органах власти [ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 247. Л. 138].

Весной 1921 г. регион был охвачен повстанческим движением, активным участником которого стали местные жители. Областное руководство было вынуждено в экстренном порядке информировать ЦК РКП(б) о «критическом состоянии» в регионе и перевести местную партийную организацию на военное положение [ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 111. Л. 3]. Для умиротворения кубанской станицы активно стали применять регулярные части РККА. Одновременно предпринимались активные действия с целью сформировать социальную базу РКП(б) в сельской местности. С этой целью в области были организованы беспартийные крестьянские конференции. Но главным аргументом в диалоге с казаками и крестьянами Кубани была сила в лице РККА, ЧОНа и милиции. Усиливая военное давление на повстанческие отряды в 1920–1922 гг. Кубано-Черноморский ревком и Реввоенсовет 9-й армии постоянно обращался к казакам и крестьянам с предложением добровольно явиться в местные органы власти, прекратить сопротивление, но при этом продолжал угрожать тем, кто отказывался сложить оружие, вплоть до применения высшей меры наказания, а при необходимости уничтожения и населённых пунктов [ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 4. Л. 49].

Даже после осенних побед РККА в 1921 г. над повстанцами военные органы совместно с партийными структурами продолжали применять репрессии, а особые тройки получили право вынесения внесудебных решений. Для населения это означало широкое применение практики заложничества и внесудебные расправы. Большевики находились в ситуации потери не только контроля над частью региона, но существовала реальная угроза советской власти. Оперативные сводки ВЧК свидетельствовали о том, что казаки и крестьяне Кубано-Черноморской не поддерживали советскую власть, не реагируя на принятые решения X съездом РКП(б), так как содержание политики продналога принци-

пиально не отличалось от продразвёрстки. Хлеборобы Юга, как и крестьяне центральной России защищали свои права на землю и возможность свободной хозяйственной деятельности. Эти выступления носили антигосударственный характер и были направлены против разорительной политики «военного коммунизма» [Кондрашин 2013: 29].

В боевом расписании бело-зелёных отрядов, действовавших на территории Кубано-Черноморской области, по состоянию на начало лета 1922 г. в Ейском отделе было зафиксировано 7 отрядов во главе с Дубиной, в Тимашевском отделе – 6 отрядов, Славянском – 5 отрядов, Темрюкском – 3 отряда, Новороссийском – 3, Туапсинском – 2, Краснодарском – 5, Майкопском – 9, Лабинском – 10. Общее количество отрядов достигало 51 общей численностью 1 365 чел., которые имели на вооружении 24 пулемёта [ГАКК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 36. Л. 157, 157 об.]. Но уже летом 1922 г. намечается уменьшения количества бело-зелёных отрядов [Кратова 2012: 50–51]. Проявляются признаки «усталости» населения от противостояния власти, сказываются первые положительные результаты новой экономической политики. Таким образом, весной-летом 1922 г. намечается перелом в противостоянии, когда военно-политическая обстановка в регионе переходит под контроль большевиков.

К осени 1923 г. накал военно-политического противостояния власти с сельским населением окончательно снижается, демонстрируя усталость как самого населения, так и большевиков. По состоянию на 1 октября 1923 г. численность повстанческих отрядов сократилась до 30 отрядов в составе 725 чел. [ГАКК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 38. Л. 369, 369 об.].

Таким образом период 1920–1923 гг. для региона характеризуется острым конфликтом между большевиками и большей частью сельского населения. РКП(б) по инерции продолжил практиковать методы политики военного коммунизма на Кубани при реализации продовольственной, земельной политики, в ходе формирования местных органов власти, игнорируя особенности казачьего региона, чем был и обусловлен затянувшийся конфликт.

Заключение

Политика военного коммунизма как система политических и экономических мер советской власти, активно применявшаяся в годы гражданской войны, нашла своё практическое применение и после её завершения, формируя конфликт между населением и властью. Нарастание крестьянских восстаний в Советской России вынудило большевиков на X съезде партии отказаться от продразвёрстки как наиболее одиозной формы насильственного изъятия продовольствия. На Кубани и Черноморье внутренняя политика большевиков столкнулась с отчаянным сопротивлением казаков, которые выступали за сохранение традиционных форм самоуправления, возможности свободно распоряжаться произведённой продукцией. Для переходного периода от явно выраженной политики военного коммунизма к новым принципам сбора продовольствия было характерно наличие таких методов как принуждение и насилие, сочетавшееся с попытками компромисса и уступок с целью умиротворения региона. Но в целом

взаимоотношение власти и сельского населения в период до 1924 г. характеризуется преобладанием методов и средств военного коммунизма.

Балансируя на грани очередного гражданского противостояния, большевики вынуждены были пойти на компромисс с сельским населением, который был достигнут как за счёт военного превосходства, так и уступок в рамках новой экономической политики. Казаки и крестьяне Кубано-Черноморской области, в свою очередь, поддержали этот компромисс, признавая бессмысленность противостояния и демонстрируя желание заниматься хозяйственной деятельностью. Так была сформирована достаточно противоречивая система отношений власти и общества на основе компромиссов и косвенного принуждения, которая качественно изменилась при переходе к новому этапу реформ в 1924 г. в рамках политики «Лицом к деревне».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алешкин, Васильев 2012 – *Алешкин П.Ф., Васильев Ю.А.* Крестьянские восстания в России в 1918-1922 гг. От махновщины до антоновщины. – М.: Вече, 2012. – Т. 1. – 400 с.

Берхин 1960 – *Берхин И.Б.* Ленинский план построения социализма. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. – 126 с.

Верт 2006 – *Верт Н.* История Советского государства. – 3-е испр. изд. – М.: Весь Мир, 2006. – 560 с.

Верт 2010 – *Верт Н.* Террор и беспорядок. Сталинизм как система / Пер. с фр. А. И. Пигалева. – М.: РОССПЭН, 2010. – 444 с.

Виноградов 2015 – *Виноградов С.В.* НЭП: опыт создания многоукладной экономики. – Изд. 2-е, расшир. и доп. – Астрахань: ИП Сорокин Р.В., 2015. – 147 с.

Воронович 1922 – *Воронович Н.В.* Разоренная Кубань // Нужды деревни. – Прага, 1922. – № 3. – С. 58–63.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

Генкина 1954 – *Генкина Э.Б.* Переход советского государства к новой экономической политике (1921—1922). – М.: Госполитиздат, 1954. – 504 с.

Гимпельсон 2004 – *Гимпельсон Е.Г.* НЭП. Новая экономическая политика Ленина - Сталина: проблемы и уроки (20-е гг. XX в.). – М.: Собрание, 2004. – 303 с.

Грациози 2001 – *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 / Пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. – М.: РОССПЭН, 2001. – 95 с.

Данилов 1957 – *Данилов В.П.* Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 451 с.

Данилов 1990 – *Данилов В.П.* «Бухаринская альтернатива» // Бухарин: человек, политик, учёный / сост. А. Н. Солопов; предисл. Г. Л. Смирнова. – М.: Политиздат, 1990. – С. 82–129.

Дэвис 1994 – *Дэвис Р.У.* Советская экономическая реформа в исторической перспективе // НЭП: приобретения и потери / Российская Акад. наук, Ин-т российской истории; отв. ред. В. П. Дмитренко. – М.: Наука, 1994. – С. 7–26.

История Всесоюзной Коммунистической партии... 1950 – *История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)*. Краткий курс. – М.: Госполитиздат, 1950. – 351 с.

Кактынь 1924 – *Кактынь А.М.* Новая экономическая политика и «ножницы» (очередные задачи экономической политики). – М.: Красная новь, 1924. – 130 с.

Каменев 1923 – *Каменев Л.Б.* Положение в стране и в партии. – М.: Красная новь, 1923. – 48 с.

Климин 2007 – *Климин И.И.* Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921–1927). – СПб.: Издательство Политехнического университета, 2007. – 428 с.

Козлов 1977 – *Козлов А. И.* На историческом повороте. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского государственного университета, 1977. – 214 с.

Коллективизация сельского хозяйства... 1959 – *Коллективизация сельского хозяйства на Кубани. 1918–1929 гг.: сборник документов и материалов / сост. Н.С. Вертышева и др. – Краснодар: Книжное издательство, 1959. – Т. 1. – 201 с.*

Кондрашин 2013 – *Кондрашин В.В.* Отечественная и зарубежная историография крестьянского повстанческого движения в России в годы гражданской войны /Крестьянский фронт 1918–1922 гг. Сборник статей и материалов / Под. ред. А.В. Посадского. – М.: АИРО–XXI. 2013. – С. 24–47.

Конюков 1949 – *Конюков И.А.* Очерки о первых этапах коллективного земледелия, 1917–1925. – М.: Сельхозгиз, 1949. – 191 с.

Кратова 2012 – *Кратова Н.В.* Повстанческое движение на Кубани и в Пятигорье в начале 20-х годов XX века. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – 254 с.

Крестьянское движение в Поволжье... 2002 – *Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы /Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. – М.: РОССПЭН, 2002. – 944 с.*

Левин 2008 – *Левин М.* Советский век / Пер. с англ. В. Новикова и Н. Копелянской. – М.: Европа, 2008. – 675 с.

Ленин 1977 – *Ленин В.И.* Политический отчет Центрального Комитета РКП(б). XI съезд РКП(б) 27 марта – 2 апреля 1922 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М., 1977. – Т. 45. – С. 69–116.

Одинцов 1927 – *Одинцов С.С.* Сельское хозяйство Северо-Кавказского края к десятилетию Октябрьской революции // Известия Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета. – Ростов н/Д: Северо-Кавказское краевое земельное управление, 1927. – № 11. – С. 3–15.

Орлов 1999 – *Орлов И.Б.* Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы. – М.: Государственный университет гуманитарных наук, 1999. – 193 с.

Островский 1967 – *Островский В.Б.* Колхозное крестьянство СССР: Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1967. – 329 с.

Пайпс 1997 – *Пайпс Р.* Россия при большевиках / Авториз. пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 1997. – 670 с.

Перейра 1994 – *Перейра Н.* Советская Россия в 20-е годы глазами Запада // Россия в XX веке: Историки мира спорят: сб. статей. / Редкол.: И.Д. Ковальченко (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1994. – С. 382–392.

Преображенский 1924 – *Преображенский Е.А.* Основной закон социалистического накопления // Вестник Коммунистической академии. – 1924. – № 8. – С. 47–116.

Протоколы... 1933 – *Протоколы X съезда РКП(б).* – М.: Партийное издательство, 1933. – 954 с.

Сидоров 1978 – *Сидоров В.А.* Классовая борьба в доколхозной деревне, 1921–1929 гг. – М.: Мысль, 1978. – 246 с.

Советская деревня... 2000 – *Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: РОССПЭН, 2000. – Т. 1. 1918–1922 гг. – 864 с.*

Сталин 1933 – *Сталин И.В.* К вопросам аграрной политики в СССР: речь на конференции аграрников-марксистов. 27 декабря 1929 г. // Вопросы ленинизма. – Изд. 9-е, доп. – М., 1933. – С. 442–460.

Трагедия советской деревни... 1999 – *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 // Документы и материалы: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинга, Л. Виола. – М., 1999. – Т. 1: Май 1927 - ноябрь 1929. – 880 с.*

Троцкий 1923 – *Троцкий Л.Д.* Основные вопросы революции. – М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. – 420 с.

ЦДНИКК – Центр документации новейшей истории Краснодарского края.

REFERENCES

- ALESHKIN P.F., VASIL'EV YU.A. *Krest'yanskie vosstaniya v Rossii v 1918-1922 gg. Ot makhnovshchiny do antonovshchiny* [Peasant uprisings in Russia in 1918-1922. From Makhnovshchina to Antonovshchina.]. – Moscow: Veche, 2012. – V.1. – 400 p. (In Russ.).
- BERKHIN I.B. *Leninskii plan postroeniya sotsializmu* [Lenin's plan for building socialism]. – Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960. – 126 p. (In Russ.).
- DANILOV V.P. «Bukharinskaya al'ternativa» ["Bukharin alternative"]. IN Bukharin: che-lovek, politik, uchenyi / sost. A. N. Solopov; predisl. G. L. Smirnova. – Moscow: Politizdat, 1990. – P. 82–129. (In Russ.).
- DANILOV V.P. *Sozдание material'no-tehnicheskikh predposylok kollektivizatsii sel'skogo khozyaistva v SSSR* [Creation of material and technical prerequisites for the collectivization of agriculture in the USSR]. – Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1957. – 451 p. (In Russ.).
- DAVIES R.W. Soviet economic reform in historical perspective IN NEP: priobreteniya i po-teri / Rossiiskaya Akad. nauk, In-t rossiiskoi istorii; otv. red. V. P. Dmitrenko. – Moscow: Nauka, 1994. – P. 7–26.
- GENKINA E.B. *Perekhod sovetskogo gosudarstva k novoi ekonomicheskoi politike (1921—1922)* [The transition of the Soviet state to the new economic policy (1921-1922)]. – Moscow: Gospolitizdat, 1954. – 504 p. (In Russ.).
- GIMPEL'SON E.G. NEP. *Novaya ekonomicheskaya politika Lenina - Stalina: problemy i uroki (20-e gg. XX v.)* [NEP. New economic policy of Lenin - Stalin: problems and lessons (20s of the XX century)]. – Moscow: Sobranie, 2004. – 303 p. (In Russ.).
- Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraja [State Archive of the Krasnodar Territory].
- GRAZIOZI A. The Great Soviet Peasant War. Bolsheviks and Peasants. 1917-1933 / Per. s angl. L. Yu. Pantinoi. – Moscow.: ROSSPEN, 2001. – 95 p.
- Istoriya Vsesoyuznoi Kommunisticheskoi partii (bol'shevikov). Kratkii kurs* [History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Short course]. – Moscow: Gospolitizdat, 1950. – 351 p. (In Russ.).
- KAKTYN' A.M. *Novaya ekonomicheskaya politika i «nozhnitsy» (ocherednye zadachi ekonomicheskoi politiki)* [New economic policy and “scissors” (the next tasks of economic policy)]. – Moscow: Krasnaya nov', 1924. – 130 p. (In Russ.).
- KAMENEV L.B. *Polozhenie v strane i v partii* [The situation in the country and in the party]. – Moscow: Krasnaya nov', 1923. – 48 p. (In Russ.).
- KLIMIN I.I. *Rossiiskoe krest'yanstvo v gody novoi ekonomicheskoi politiki (1921–1927)* [The Russian peasantry during the years of the new economic policy (1921–1927)]. – Saint Petersburg: Izdatel'stvo Politehnicheskogo universiteta, 2007. – 428 p. (In Russ.).
- Kollektivizatsiya sel'skogo khozyaistva na Kubani. 1918–1929 gg.: sbornik dokumentov i materialov* [Collectivization of agriculture in Kuban. 1918–1929: collection of documents and materials]. / sost. N.S. Vertysheva i dr. – Krasnodar: Knizhnoe izdatel'stvo, 1959. – V. 1. – 201 p. (In Russ.).
- KONDRASHIN V.V. *Otechestvennaya i zarubezhnaya istoriografiya krest'yanskogo povstanchesкого dvizheniya v Rossii v gody grazhdanskoi voiny* [Domestic and foreign historiography of the peasant insurgency in Russia during the Civil War]. IN *Krest'yanskii front 1918–1922 gg. Sbornik statei i materialov* / Pod. red. A.V. Posadskogo. – Moscow: AIRO–XXI. 2013. – P. 24–47. (In Russ.).
- KONYUKOV I.A. *Ocherki o pervykh etapakh kollektivnogo zemledeliya, 1917–1925* [Essays on the first stages of collective agriculture, 1917–1925]. – Moscow: Sel'khozgiz, 1949. – 191 p. (In Russ.).
- KOZLOV A. I. *Na istoricheskom povorote* [At a historical turning point]. – Rostov-on-Don: Izd-vo Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1977. – 214 p. (In Russ.).
- KRATOVA N.V. *Povstanchesкое dvizhenie na Kubani i v Pyatigor'e v nachale 20-kh godov XX veka* [Insurgency in Kuban and Pyatigorye in the early 20s of the XX century.]. – Rostov-on-Don: Izd-vo YuNTs RAN, 2012. – 254 p. (In Russ.).

Krest'yanskoe dvizhenie v Povolzh'e. 1919–1922 gg.: Dokumenty i materialy [Peasant movement in the Volga region. 1919–1922: Documents and materials]. / Pod red. V. Danilova i T. Shani-na. – Moscow: ROSSPEN, 2002. – 944 p. (In Russ.).

LENIN V.I. *Politicheskii otchet Tsentral'nogo Komiteta RKP(b). XI s"ezd RKP(b) 27 marta - 2 aprelya 1922 g.* [Political report of the Central Committee of the RCP(b). XI Congress of the RCP(b) March 27 - April 2, 1922]. IN Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii*. – Moscow, 1977. – V. 45. – P. 69–116. (In Russ.).

LEWIN M. *The Soviet Century* / Per. s angl. V. Novikova i N. Kopelyanskoi. – Moscow: Evropa, 2008. – 675 p.

ODINTSOV S.S. *Sel'skoe khozyaistvo Severo-Kavkazskogo kraya k desyatiletiyu Okt'yabr'skoi revolyutsii* [Agriculture of the North Caucasus region for the tenth anniversary of the October Revolution]. IN *Izvestiya Severo-Kavkazskogo kraevogo ispolnitel'nogo komiteta*. – Rostov-on-Don: Severo-Kavkazskoe kraevoe zemel'noe upravlenie, 1927. – № 11. – P. 3–15. (In Russ.).

ORLOV I.B. *Novaya ekonomicheskaya politika: istoriya, opyt, problem* [New economic policy: history, experience, problems]. – Moscow: Gosudarstvennyi universitet gumanitarnykh nauk, 1999. – 193 p. (In Russ.).

OSTROVSKII V.B. *Kolkhoznoe krest'yanstvo SSSR: Politika partii v derevne i ee sotsial'no-ekonomicheskie rezul'taty* [Collective farm peasantry of the USSR: Party policy in the countryside and its socio-economic results]. – Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1967. – 329 p. (In Russ.).

PEREIRA N. *Soviet Russia in the 20s through the eyes of the West* IN *Rossiia v KhKh veke: Istoriki mira sporyat: sb. statei.* / Redkol.: I. D. Koval'chenko (otv. red.) i dr. – Moscow: Nauka, 1994. – P. 382–392.

PIPES R. *Russia under the bolshevik regime* / Avtoriz. per. s angl. – Moscow: ROSSPEN, 1997. – 670 p.

PREOBRAZHENSKII E.A. *Osnovnoi zakon sotsialisticheskogo nakopleniya* [Basic Law of Socialist Accumulation]. IN *Vestnik Kommunisticheskoi akademii*. – 1924. – №8. – P. 47–116. (In Russ.).

Protokoly X s"ezda RKP(b) [Protocols of the X Congress of the RCP(b)]. – Moscow: Partinnoe izdatel'stvo, 1933. – 954 p. (In Russ.).

SIDOROV V.A. *Klassovaya bor'ba v dokolkhoznoi derevne, 1921–1929 gg.* [Class struggle in the pre-collective farm village, 1921–1929.]. – Moscow: Mysl', 1978. – 246 p. (In Russ.).

Sovetskaya derevnya glazami VChK–OGOU–NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy. V 4-kh t. [Soviet village through the eyes of the Cheka–OGOU–NKVD. 1918–1939. Documents and materials. In 4 vols.]. / Pod red. A. Berelovicha, V. Danilova. – Moscow: ROSSPEN, 2000. – V. 1. 1918–1922 gg. – 864 p. (In Russ.).

STALIN I.V. *K voprosam agrarnoi politiki v SSSR: rech' na konferentsii agrarnikov-marksistov. 27 dekabrya 1929 g.* [On issues of agricultural policy in the USSR: speech at the conference of Marxist agrarians. December 27, 1929]. IN *Voprosy leninizma*. – Izd. 9-e, dop. – Moscow, 1933. – P. 442–460. (In Russ.).

Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927-1939 // Dokumenty i materialy: v 5 t. [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927-1939]. / pod red. V. Danilova, R. Manninga, L. Viola. – Moscow, 1999. – V. 1: Mai 1927 - noyabr' 1929. – 880 p. (In Russ.).

TROTSKII L.D. *Osnovnye voprosy revolyutsii* [Basic questions of the revolution]. – Moscow; Petrograd: Gos. izd-vo, 1923. – 420 p. (In Russ.).

Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Krasnodarskogo kraja [Documentation Center for the Contemporary History of the Krasnodar Territory].

VINOGRADOV S.V. *NEP: opyt sozdaniya mnogoukladnoi ekonomiki* [NEP: experience in creating a multi-structure economy]. – Izd. 2-e, rasshir. i dop. – Astrakhan': IP Sorokin R. V., 2015. – 147 p. (In Russ.).

VORONOVICH N.V. *Razorennaya Kuban'* [Ruined Kuban]. IN *Nuzhdy derevni.* – Prague, 1922. – № 3. – P. 58–63. (In Russ.).

WERT N. *Histoire De L'Union Soviétique. De l'Empire russe a l'Union soviétique 1900-1991.* – 3-e ispr. izd. – Moscow: Ves' Mir, 2006. – 560 p.

WERT N. *La Terreur et le désarroi Staline et son système / Per. s fr. A. I. Pigaleva.* – Moscow: ROSSPEN, 2010. – 444 p.

Информация об авторе

Ю.А. Яхутль – профессор, доктор исторических наук, доцент

Information about the author

Y.A. Yakhutl – professor, doctor of historical sciences, associate professor

Статья поступила в редакцию 16.10.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 16.10.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья
УДК 94(471.6).084.8
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-124-140
EDN: FJJELO

ДЕСЕКУЛЯРИЗАЦИЯ ИСЛАМА «СВЕРХУ» В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ: 1940-Е ГГ. – НАЧАЛО XXI В.

Азамат Амурович Татаров^{1,2}

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, traveller9090@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3626-3913>

² Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия

Аннотация. Статья посвящена процессам государственной политики в отношении ислама в Кабардино-Балкарии в период с Великой Отечественной войны до начала XXI столетия. Десекуляризация «сверху» используется как основной концептуальный подход исследования. Под этим процессом понимается управляемое, а не хаотично-низовое возвращение религии из частного пространства в публичное. Отмечается, что растущая исламская мобилизация, в том числе под влиянием внешних политических технологий, требовала от государства создания стратегии десекуляризации «сверху» во избежание появления автономных центров насилия и сепаратизма. В итоге несмотря на изменения политического режима с середины XX в. в цели государства неизменно входили удержание религиозных процессов в определенных рамках, порой авторитарными методами, и интеграция имеющегося потенциала в продуктивную политическую повестку, будь то обеспечение внутренней безопасности и стабильности или же внешнеполитические стратегии.

Ключевые слова: десекуляризация, Кабардино-Балкария, ислам, Великая Отечественная война, постсоветский период.

Для цитирования: Татаров А.А. Десекуляризация ислама «сверху» в Кабардино-Балкарии: 1940-е гг. – начало XXI в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 124-140. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-124-140. EDN: FJJELO.

© Татаров А.А., 2023

Original article

“TOP-DOWN” DESECULARIZATION OF ISLAM IN KABARDINO-BALKARIA: 1940S – BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Azamat A. Tatarov^{1,2}

¹ Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia, traveller9090@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3626-3913>

² Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

Abstract. The study is about Kabardino-Balkaria’s state policy toward Islam from the Great Patriotic War until the beginning of the twenty-first century. Deseccularization “from above” is used

as the main conceptual approach of the study. This approach is viewed as a state-controlled, rather than a grassroots movement led, rebirth of religion from private to public space. It is noted that the growing Islamic mobilization, being also under the influence of external political technologies, required the Soviet and Russian state to create a “top-down” desecularization strategy in order to avoid the emergence of autonomous centers of violence and separatism. Ultimately, despite changes in the political regime since the middle of the 20th century not only had the state kept religious processes within certain limits, sometimes using authoritarian methods, but also integrated existing potential into a productive political agenda, be it ensuring internal security and stability or foreign policy strategies.

Keywords: desecularization, Kabardino-Balkaria, Islam, Great Patriotic War, post-Soviet period.

For citation: Tatarov A.A. “Top-down” desecularization of islam in Kabardino-Balkaria: 1940s – beginning of the XXI century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 124-140. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-124-140. EDN: FJJELO.

© Tatarov A.A., 2023

Введение

Взаимодействие государства и общества в случае с северокавказскими регионами невозможно представить без понимания религиозного аспекта. Однако это весьма насыщенная историческая линия, которую можно рассматривать с самых разных позиций. В данном исследовании применяется подход десекуляризации к обобщению основных положений политики государства в отношении к возрождающемуся исламу в Кабардино-Балкарии в период, проходящий через такие точки перелома как Великая Отечественная война и распад СССР.

Государственно-конфессиональные отношения в контексте истории ислама в Кабардино-Балкарии в нынешнем и предыдущем столетиях нашли отражение в большом числе трудов, среди которых можно отметить как местных исследователей, так и тех, кто интересуется проблематикой из других регионов [Малашенко 2001; Малашенко 2007; Аккиева 2009; Аккиева 2010; Такова 2021].

Говоря о современных трудах, следует подчеркнуть, что в начале XXI в. восприятие ислама больше связывалось с угрозой терроризма, доктриной джихада и стереотипными образами мусульманского мира, формируемыми средствами массовой информации и политическими кругами (например, неоконсерваторами в США после 11 сентября 2001 г.). В научных трудах на Западе и за его пределами проблема фундаментализма и радикализма продолжает доминировать, когда речь идет об интересе к современным процессам в исламе. Рассматривая эти процессы в России, можно заметить, что академический интерес смещается от подчеркивания контекста угроз безопасности ислама к рассмотрению его как части более широкого политического и культурного ландшафта современной России. Так в контексте Кабардино-Балкарии возник комплекс работ по так называемым «молодым мусульманам», с которыми связывают не только процесс возрождения ислама, но и его радикальные проявления [Бабич, Ярлыкапов 2003; Ярлыкапов 2006; Кисриев 2007; Такова 2016], по исламскому образованию [Ярлыкапов 2014; Аккиева, Сампиев 2015] и другим проблемам.

Данная статья ставит целью проанализировать некоторые аспекты политики государства в отношении ислама в Кабардино-Балкарии в ходе достаточно

большого хронологического периода в единый концептуальный ряд при помощи адаптации такого научного академического подхода как десекуляризация «сверху». Основной акцент делается на базовых институтах публичного выражения ислама – организациях и образовании.

Аналитическая платформа

Углубленный анализ политики государства в отношении ислама побуждает нас сосредоточить внимание на вопросах секуляризма, десекуляризации, наконец, институционализации. Теория секуляризации, получившая статус парадигмы на Западе в 1950-х гг., рассматривала упадок уровня религиозности как неизбежное следствие модернизации. Примечательно, что параллельно с разработкой «буржуазной» теории секуляризации советские исследователи атеизма опирались на идею снижения религиозности в контексте модернизации. Одной из основных причин «живучести» ислама в условиях строительства социализма считался разрыв между сознанием людей и материальными условиями общества, а в условиях Кабардино-Балкарии – еще и сильное влияние старшего и более религиозного поколения [Цавкилов 1959: 8, 13].

Но с приближением XXI столетия на первый план вышли другие процессы глобального характера, связанные с возрождением религии. Данный феномен осветил в своих трудах Х. Казанова. Он обращается к аналитическим возможностям разделения религий на публичные и частные. Современные религии вызывают интерес с точки зрения вопроса о том, почему модернизация сопровождается религиозной мобилизацией на глобальном уровне, что можно обозначить как «деприватизация», то есть процесс, посредством которого религия уходит из отведенного ей места в частной сфере и вступает в публичную сферу гражданского общества [Casanova 1994: 65–66].

Среди тех, кто одним из первых трактует и концептуализирует кризис теории секуляризации, выделяется П. Бергер, который заявляет, что современный процесс секуляризации «спровоцировал мощные движения контрсекуляризации» [Berger 1999: 3]. Новая концепция контрсекуляризации или же иначе десекуляризации, тем не менее, не вызвала взрывной рост исследований по этому вопросу. Возможно, это связано с тем, что социология религии все еще гораздо лучше подготовлена к изучению тенденций секуляризации, а не моделей десекуляризации [Карпов 2012: 114–115].

Е. Лисовская и В. Карпов отмечают, что в зависимости от того, кем являются социальные акторы, можно говорить о десекуляризации религии «снизу» и/или «сверху». В первом случае в качестве акторов выступают движения и группы, представляющие религиозные массы, тогда как нисходящая десекуляризация обеспечивается светским или ориентированным на государство религиозным руководством. Последний сценарий характерен для России после эпохи советского атеизма, особенно с 2000-х гг., когда государственная политика упорядочила законодательство в отношении религиозных организаций и одновременно сократила возможности «низовых движений» оказывать политическое влияние на общественные институты, особенно в случае проявления радикальных тенденций [Lisovskaya, Karпов 2010: 281]. В таком случае, десекуляри-

зация «сверху» в определенной степени связана со сдерживанием в духе мягкого секуляризма.

Секуляризация, несмотря на кризис одноименной теории, представляет собой концепцию, позволяющую удобно классифицировать то, что можно назвать «режимом секуляризма». Например, А. Куру приходит к выводу о том, что основные концепции государственного вмешательства в религию представлены моделями пассивного и «напористого» секуляризма [Kuru 2006]. Б. Тернер выделяет «политическую секуляризацию», относящуюся к вопросам исторического разделения церкви и государства, т.е. к формальным и институциональным изменениям, а также «социальную секуляризацию», связанную с вопросами о ценностях, культуре и взглядах неформального характера [Turner 2010: 651]. Говоря о проблеме интеграции мусульманских общин в Европе, Б. Тиби выделяет частично завершённую нормативную секуляризацию и ещё не произошедшую структурную секуляризацию ислама [Тиби 2002].

В современном мире, переживающем глобальные тенденции десекуляризации религий, светские государства все больше стремятся к контролю над механизмами, расширяющими / сужающими сферу «гласности» религии, степени ее присутствия вне частной сферы. Чтобы понять и проанализировать этот процесс, следует обратиться к ещё одной категории, к институционализации. Фактически, если какой-то сегмент человеческой деятельности был институционализирован, то значит этот сегмент был поставлен под социальный контроль [Berger, Luckmann 1966: 73]. Социальный контроль, определяющий место религии в обществе, неразрывно связан со светскими принципами, которые развиты в большинстве современных государств. Более 90% конституций мира защищают свободу вероисповедания, но около 70% стран мира налагают те или иные ограничения на свободу религии, по крайней мере, некоторых религиозных меньшинств [Fox, Flores 2012: 28].

Возможно рассматривать институционализацию религии как контролируруемую государством адаптацию религиозных институтов к существующему социальному порядку, но это не означает, что инициативы государства по десекуляризации «сверху» охватывают все религиозные институты. В этом контексте Е. Брагинская рассматривает институционализацию ислама как политически детерминированный процесс, в ходе которого мусульманские общины и светское управление религией приспособляются друг к другу, а государство выступает как регулятор религиозной деятельности и создания мусульманских учреждений [Braginskaia 2010: 54].

В случае, когда ислам не доминирует в обществе, как, например, в России, государство сталкивается с необходимостью создания и реформирования специальных промежуточных организаций ввиду изначального отсутствия подобия христианской церковной организации. Тот факт, что исламская умма является одновременно религиозной общиной и политической общностью [Casanova 1994: 48], ставит вопрос об особенностях интеграции мусульманских меньшинств в светское пространство. В России, как и на Западе, дискурс ислама связан с проблемой мусульманских мигрантов, но прежде всего – с проблемой

этнических мусульман в республиках, где доминирование ислама является давней традицией.

На протяжении всей своей истории политика СССР и постсоветской России в отношении мусульман радикально не отказывалась от всех предыдущих механизмов управления официально признанных институтов исламом; наоборот, она, как правило, перенимала часть накопленного опыта, адаптируя его к действующей идеологии или поддерживала систему духовных управлений мусульман (ДУМ). С другой стороны, последнее столетие демонстрирует, что недолговечные фазы, дающие широкую автономию исламским институтам, сменяются периодами, когда в отношении мусульманских практик соображения государственной безопасности и идеологические цели выходят на первый план [Braginskaia 2010a: 50].

Период Великой Отечественной войны и проявления десекуляризации ислама «сверху» в 1940-1980-х гг.

Фундаментальные принципы советской политики в отношении ислама были сформировались в 1920-1930-х гг. Тактика так называемого «научного секуляризма» была направлена на уничтожение религии, а не только на ее удержание в рамках частной сферы. Вопрос о том, можно ли вообще говорить о секуляризме применительно к советской эпохе, остается открытым. Исследователи традиционно подчеркивают агрессивность этой политики, которая практически не оставила религии места в коммунистическом будущем и привела к приватизации религии и оставлению ее без защиты закона. П. Бергер отмечает, что на фоне умеренного (США) и относительно радикального секуляризма (Франция) советская политика была «какой угодно, но не благотворной» [Berger 2008]. А. Малашенко рассматривает политику в контексте ислама как «коммунизацию», т.е. поглощение мусульман советской идеологией, пришедшей на смену дореволюционной политике христианизации [Малашенко 2007: 95]. М. Пелкманс говорит о «воинственном секуляризме» [Pelkmans 2009: 2].

Переходя к кейсу Кабардино-Балкарии, отметим, что в годы Великой Отечественной войны ее население столкнулось не только с потрясениями в виде мобилизации, боевых действий, эвакуации, оккупации, наконец, депортации балкарского народа и иных форм репрессий, но и с изменением государственной политики в отношении ислама в связи с ростом религиозной мобилизации.

Этот процесс носил двойственный характер. С одной стороны, нацистская Германия бросила Кремлю вызов, применив специализированные политические технологии, воздействовавшие на религиозные чувства в зоне оккупации некоторых горских регионов в 1942-1943 гг. Помимо этого, берлинская газета «Газават» и другие пропагандистские ресурсы использовались для привлечения северокавказцев к военно-политическому сотрудничеству с немцами в эмиграционной среде и коллаборационистских формированиях вермахта на протяжении Великой Отечественной войны.

С другой стороны, как в формате противодействия этой политике, так и в целом под влиянием стратегических соображений, советская власть стремилась интегрировать этно-религиозный дискурс в военную повестку. Несмотря на

усилия государства, в том числе жесткие репрессии, на протяжении 1920-1930-х гг., религиозные чувства верующих угасали не настолько быстро, как хотелось проводникам воинствующего атеизма. В целом, доля адептов разных религий в СССР на 1937 г. составляла около 45 % от грамотного и 85 % от неграмотного населения, а численность советских мусульман оценивалась примерно в 8 млн. чел. [Жиромская, Киселев, Поляков 1996: 98–99].

Ограниченная десекуляризация ислама «сверху», его возвращение в контролируемое публичное пространство Северного Кавказа стали проявляться особенно очевидно в условиях наступления Германии на юг СССР летом-осенью 1942 г. То, что еще недавно считалось «пережитком» прошлого, возродилось в виде политического инструмента. В оккупированные войсками противника области забрасывались печатные материалы, в которых нашла отражение идея газавата против гитлеровцев. В сентябре 1942 г. в тыловой части Кабардино-Балкарии¹ состоялась встреча местных старейшин при участии делегации из Чечено-Ингушетии, по итогам которой было составлено воззвание к горскому населению с призывами к кровной мести оккупантам и священной войне с ними [Кабардино-Балкария... 1975: 163–164].

В это же время оккупационные органы власти реализовывали масштабную кампанию по возрождению религиозных институтов. После захвата Нальчика в конце октября 1942 г. была учреждена должность верховного кади Кабардино-Балкарии. От имени последнего было выпущено печатное воззвание к населению с призывом к борьбе с «неверными», иначе говоря, со сторонниками советской власти [УЦГА АС КБР. Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 5. Л. 1]. В этом же духе публично выступило созданное немцами марионеточное правительство, члены которого напоминали о довоенных репрессиях большевиков в отношении духовных деятелей [УЦГА АС КБР. Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 5. Л. 2].

Помимо печатных пропагандистских материалов немцами использовались другие символические приемы, включая поощрение открытия молитвенных домов и завоз специально подготовленных миниатюрных экземпляров Корана [Концерт... 1942]. Сохранившиеся оккупационные документы свидетельствуют о попытках немцев поддерживать ускоренное религиозное возрождение. На примере официальной переписки по Нальчикскому району можно подробно рассмотреть уникальный в истории Кабардино-Балкарии случай форсированной десекуляризации «сверху». Пятница объявлялась выходным днем для мусульман, которые отныне были «обязаны посещать свои мечети» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 12. Л. 11]. С приближением праздника Курбан-байрам в декабре 1942 г. коллаборационистская администрация должна была удостовериться в наличии муллы в каждом селе и даже в посещении всем взрослым населением мечетей в праздничный день [УЦГА АС КБР. Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 6. Л. 6]. Немцы не препятствовали инициативам вновь легализованного духовенства, как, например, в случае с повторной регистрацией браков по шариату [Чекисты... 1987: 198].

¹ Кабардино-Балкария в августе-сентябре 1942 г. оказалась разделенной линией фронта. Нальчик и ряд районов республики оставались в советском тылу вплоть до рубежа октября-ноября 1942 г.

Если судить по документам Совета по делам религиозных культов, за считанные месяцы нацистской оккупации в национальных селах республики было открыто по 2-3 мечети [Каров 2008: 86]. Они размещались в небольших помещениях, не представлявших большой экономической ценности для немцев. Правда, случались эпизоды, когда военная прагматичность брала верх над политической, и тогда уже мечети превращались в здания хозяйственного типа (конюшни, гаражи и т.д.) [Кабардино-Балкария... 1975: 243].

В декабре 1942 г. в Нальчик прибыла немецкая делегация, включавшая крупных представителей военно-политической верхушки. Насыщенная программа мероприятий включала и торжественную акцию захоронения якобы жертв репрессий НКВД, в том числе деятелей исламского духовенства [УЦДНИ АС КБР. Ф. 45. Оп. 1. Д. 7. Л. 137 об.].

Оккупация, с одной стороны, вызвала ужесточение государственной политики. К 1946 г. официально зарегистрировали только 9 мечетей. В этом году 10 селениях Кабардино-Балкарии были зафиксированы жертвоприношения сотен голов крупного и мелкого рогатого скота в день празднования Курбан-байрам [Каров 2008: 86–87].

Параллельно с созданием четырех территориальных духовных управлений (ДУМ Северного Кавказа было создано в 1944 г.), органы советской власти в 1945 г. определили Среднюю Азию как зону ограниченной легализации богословского образования: в Бухаре и Ташкенте были открыты медресе. О строгих рамках возможностей их функционирования свидетельствует уже тот факт, что лишь трое уроженцев Кабардино-Балкарии, включая двух первых председателей ДУМ КБР Ш.Ю. Чочаева и Ш.А. Пшихачева, смогли пройти там обучение к концу 1980-х гг. [Такова 2023: 157].

Послевоенная советская политика сохраняла часть наследия курса 1930-х гг., однако антирелигиозная стратегия строилась на принципах мониторинга и постепенности. Стратегия «истощения» религиозных чувств, их растворения в гражданской идентичности допускала появление официальных организаций. 1970-1980-е гг. ознаменовались ослаблением давления секуляризма. Только за 1984 г. в Кабардино-Балкарии было зарегистрировано шесть молитвенных мусульманских домов. Однако официальные акты скрывали намного большее число де-факто действующих религиозных объектов.

Хотя советское государство и выигрывало, и проигрывало от принятия ислама в систему общественных отношений, оно учитывало важность времени, необходимого для институциональных изменений, и возлагало большие надежды на смену поколений. Более того, внешнеполитическая деятельность советской власти не противоречила внутренней исламской политике. Это был важный элемент стратегии в «холодной войне» в Азии и Африке. Официальный мусульманский истеблишмент постепенно стал рассматриваться как ценный союзник в достижении благоприятного советского имиджа, а государство начало практиковать идею особого внутреннего мусульманского мира, который должен строить отношения с зарубежными единоверцами под внимательным контролем. Только в 1973-1979 гг. СССР подписал 52 официальных соглашения с мусульманскими государствами, от Западной Африки до Бангладеша [Bennigsen 1989: 146–148].

Гибкость в отношении к исламу была обусловлена выгодами статуса сверхдержавы, а также возможностью оправдать отклонение от принципов коммунистической идеологии. На XXVI съезде КПСС (1981 г.) отмечалось, что в зависимости от общественно-политической ориентации лидеров народных движений исламские лозунги могут служить выражением антиимпериалистических и антикапиталистических стремлений [Хайдарова 1985: 4].

Постсоветская институционализация ислама «сверху»: между свободой и ограничением.

Распад СССР создал не только огромный культурный вакуум в обществе, но и поставил перед государством задачу выбора модели религиозной политики, отвечающей новым требованиям интеграционной стратегии. В ходе «демократической волны» 1990-х гг. были установлены первичные правила отделения государства от религии. В 1994 г. была создана Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ (подобные комиссии вскоре появились в регионах, в КБР в 1997 г.) для предоставления властям рекомендаций по религиозным вопросам. Довольно часто взгляд на базовые формальные институты (конституционные статьи и законы) обнаруживает противоречивость права на свободу религии. Важным фактором, определяющим социальную значимость официальной, то есть зарегистрированной религиозной организации, может стать количество приверженцев религии [Залужный 2008: 496].

Система духовных управлений, восходящая к XVIII в. и принятая в советское время в качестве канала управления, сохраняет свою актуальность в современной России и представлена на федеральном уровне Центральным духовным управлением мусульман России (основано в 1992 г.), ДУМ РФ (1994 г.) и Советом муфтиев России (1996 г.). В 2009 г. попытка объединить все три структуры провалилась, но в 2015 г. был сделан шаг на пути к созданию централизованной религиозной организации – Совет муфтиев передал ДУМ РФ ключевые функции, в том числе работу с региональными отделениями. В следующем году была создана еще одна централизованная религиозная организация федерального масштаба – Духовное собрание мусульман России.

Охватывая отделения и религиозные организации от Дальнего Востока до Северного Кавказа, система ДУМ на региональном уровне не всегда была способна эффективно влиять на направление и характер религиозного возрождения. Даже во время «перестройки» темпы исламского возрождения в республиках Северного Кавказа опережали формирование влиятельных духовных структур, которые могли бы проявить инициативу и начать решать конкретные проблемы. ДУМ Северного Кавказа не пользовалось большим авторитетом как среди рядовых верующих, так и среди священнослужителей [Малашенко 2001: 59].

Духовное управление мусульман Кабардино-Балкарии (ДУМ КБР), созданное в 1990 г., изначально позиционировало себя как поборник возрождения прав мусульман. Накануне распада Советского Союза мусульманские праздники по предложению ДУМ КБР вновь были признаны властями официальными нерабочими днями в республике. Для развития религиозных кадров сотни мо-

лодых мусульман были отправлены на обучение в зарубежные исламские университеты.

Доминирование ислама в республиках Северного Кавказа (за исключением Адыгеи и Северной Осетии, где мусульмане составляют меньшинство) и разнообразие его форм усложняют задачу государства по применению национальной модели институционализации ислама, которая могла бы принять учесть все необходимые нюансы. Система региональных ДУМ выстраивалась в северокавказских республиках в тот момент, когда они переживали хаотическое возрождение религиозности в условиях глубокого экономического кризиса и формирования постсоветских моделей этнической идентичности. Как отмечает Е. Брагинская, государство учитывает особенности социальных порядков Северного Кавказа и не стремится интегрировать и контролировать религиозные практики по рецептам из Поволжья; в то же время традиционные источники религиозности находятся в рамках легального поля [Braginskaia 2010a: 50]. А в больших городах, в отличие от полуурбанизированных районов, мусульманская повестка дня в большей степени определяется экономическими и социальными факторами [Braginskaia 2010: 45].

С другой стороны, эти особенности предъявляют требования к рамкам вмешательства государства и учету региональной специфики. В обществах, переживающих процесс десекуляризации, государство не только инициирует возрождение религиозных традиций и признает значимость роли религии в социальных процессах, но и устанавливает механизмы управления процессом религиозного возрождения. Однако процесс формирования официальной модели с учетом доминирующих ценностей индивидуальной религиозности не может предотвратить появление ограничений для других ценностей в сфере индивидуального восприятия религии. В постсоветский период разрыв между индивидуальной религиозностью и официальной моделью религии стал быстро расширяться не только из-за распространения новых тенденций, но и из-за кризиса официальной модели, основанной на опыте Российской империи и СССР. Чрезмерная зависимость от нисходящей модели институционализации имеет ряд последствий, о которых следует помнить. Тесное сотрудничество с государством, бюрократизация, пирамидальная структура и асимметричное представительство интересов мусульман по этническому и религиозному признаку, являющиеся характерными чертами вертикального режима религиозного управления, делают духовные управления уязвимыми для обвинений в том, что они не в полной мере озвучивают экономические, социальные или политические потребности мусульманских общин [Braginskaia 2010: 53].

Современная система духовных управлений с ее бюрократическими особенностями и заметной зависимостью от светских структур лишена механизмов влияния и контроля над исламскими общинами. В КБР официальный мусульманский истеблишмент выполняет в первую очередь функции «служителей», обеспечивающих «потребителей ритуальных услуг» (например, во время похорон или свадьбы), что подвергается критике со стороны исламской молодежи [Кисриев 2007: 120].

Государство в таких условиях испытывает не только проблему поиска способов компенсации изъянов «официальной» модели духовного управления. Официальная модель (например, церковно-ориентированная), по мнению Т. Лукмана, сталкивается с серьезными испытаниями, когда возникает разрыв в восприятии религии старшим и новым поколениями [Luckmann 1967: 84]. А на постсоветском Северном Кавказе рост индивидуальной религиозности после длительного государственного подавления ислама носил поистине революционный характер.

Так или иначе, «традиционализм» в исламе не только не противоречит интересам государства, но и является частью общей политики управления в этнических республиках с мусульманским большинством. Этнические квоты – один из характерных политических институтов, унаследованных Россией от СССР, – используются при распределении должностей в духовных управлениях многонациональных республик как часть институциональной основы официального ислама и интеграционной политики. Совмещение формальных и неформальных подходов к исламу являются не просто результатом эволюции альтернативных тенденций, а ответом на то, что система ДУМ все еще в поисках повышения своего влияния на формирование исламской идентичности.

Если в советскую эпоху система исламского образования, хоть и скромная по масштабам, была объектом упорядоченная система финансирования и логистического обеспечения со стороны государства, то 1990-е гг. требовали новых механизмов, в том числе неформальных. Председатель ДУМ муфтий КБР Ш. Пшихачев, ратовавший за создание официального Исламского института для предоставления религиозного образования, неоднократно обращался к Президенту КБР В.М. Кокову с просьбой поддержать эту инициативу. Зарубежное финансирование было нестабильным, но в случае с данным Институтом было найдено благодаря турецкому Министерству по делам религии в 1996 г. Однако оставался вопрос со зданием. Во многом личные усилия Ш. Пшихачева позволили решить проблему, и Исламский институт приступил к работе во главе с бывшим муфтием КБР Ш. Чочаевым [Аккиева, Сампиев 2015: 159-160].

Для западных стран Европы «корректировка» принципов секуляризма относительно ислама уже не является новинкой. Например, проблема интеграции мусульман во Франции побудила политиков расширить концепцию *laïcité* (светскость), сделав ее более приспособленной к исламу [Braginskaia 2010a: 48]. Сравнительный анализ становится важным элементом в понимании вопроса о том, насколько мусульмане свободны в своих правах в рамках европейского и посткоммунистического дискурса. После попытки А. Куру оценить четыре западноевропейских кейса с мусульманскими диаспорами [Kuru 2008: 1–19], Р. Шайхутдинов применил соотношение мусульман к количеству мечетей в качестве сравнительного показателя к ряду европейских стран и 22 посткоммунистическим мусульманским республикам, включая КБР. В исследовании делается вывод, что на начало 2010-х гг. западноевропейские демократии с исламскими диаспорами дают больше свободы мусульманским религиозным практикам, чем в регионах постсоветской России. К примеру, число мечетей на одного мусульманина в Татарстане ниже, чем в Великобритании, а в Чечне – ниже, чем в

Германии [Shaykhutdinov 2013: 665, 649–650]. Однако такой сравнительный анализ не применим к другим показателям. В частности, в некоторых национальных республиках РФ вводятся официальные выходные в дни мусульманских праздников, чего вовсе не наблюдается в западных демократиях.

В условиях новой России сложились специфические условия, которые не во всем совпадали с ожиданиями как мусульман, ориентированных на демократические ценности в европейском понимании, так и приверженцев «чистого» ислама [Филатов 2007: 41]. Кампания по регистрации религиозных объединений, растянувшаяся на несколько лет после принятия Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» (1997 г.), стала первым этапом легализации тех организаций, которые подпадали под определение «традиционных», и ликвидации тех организации, которые не вписывались в установленные институциональные рамки. В российской официальной доктрине ислам изначально представлен как часть мусульманского мира. Но на самом деле на протяжении 2000-х гг. у мусульманских общин было все меньше и меньше возможностей получить финансирование из-за границы и доступ к обучению в университетах арабских стран. Одновременно восстановление власти Центра над местными мусульманскими субъектами сочеталось с менее гостеприимными условиями для иностранных благотворительных организаций и других источников финансов [Dannreuther 2010: 117].

Официальных светских лидеров все чаще можно увидеть и услышать в мире российского ислама. Проблема достижения интеграции вполне закономерно подразумевала не только рост позитивной исламской тематики в СМИ, но и демонстрацию официальными властями возможных пределов «правильной» исламской идентичности. В дни мусульманских праздников уже стали традиционными поздравительные послания Президента России и Патриарха Русской Православной Церкви, не говоря уже о главах республик и духовных управлений Северного Кавказа. Исламские праздники – это случаи напоминания о единстве народов и религий. Постепенно программа празднования привлекает все большее внимание местных органов власти и муниципалитетов, стремящихся добавить новые инициативы. При этом ДУМы выступают посредниками в реализации этих устремлений.

Эти тенденции сопровождаются увеличением государственного финансирования и контроля над исламским образованием как на федеральном, так и на региональном уровнях. Однако на Северо-Западном Кавказе и в КБР, где сохраняется более высокий уровень секуляризации, чем на Северо-Восточном Кавказе, образование как система пока изначально с трудом преодолевало острый дефицит кадров [Ярлыкапов 2014: 104–105]. Основной целью местных властей было скорее не допустить развития образовательной деятельности вне рамок традиционного ислама. В 2000 г. «оппозиционный» Исламский центр, оказавший заметное влияние на рост исламского образования и появление новых школ при мечетях, был закрыт по причине отсутствия регистрации в Министерстве юстиции КБР, лишившись легальной возможности вести просветительскую деятельность в мечетях.

Развитие отечественного исламского образования стало частью политической повестки дня, когда наметился очевидный поворот к формированию институтов, независимых от мировых тенденций российского ислама. Открытый в 2006 г. Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования координировал свою деятельность с Администрацией Президента и Правительством РФ и содействовал развитию образовательных учреждений в мусульманских республиках. Северо-Кавказский Исламский университет имени имама Абу Ханифы) – единственное высшее учебное заведение подобного типа в республике.

На один из самых амбициозных проектов вышеотмеченного Фонда – строительство в Нальчике Исламского центра культуры и образования (2011-2015) – по официальным данным было выделено до 200 млн рублей¹. Однако размещение Детской академии искусств (в последствии школы «Солнечный город») в построенном здании явно свидетельствовало об осторожности властей в сфере исламского образования.

Заключение

Данное исследование останавливается на выборе рассмотрения десекуляризации ислама «сверху» как стратегии государства, рассчитанной на сохранение контролируемого места религии в публичном пространстве и использование религиозных институтов в политике идентичности и стабилизации.

Советский кейс (начиная с 1940-х гг.) можно считать весьма уникальным для Кабардино-Балкарии, как и для других мусульманских регионов. Великая Отечественная война обусловила адаптацию власти к возрождению религии и применение специальных политических технологий. Специальные меры были направлены на установление строгих рамок влияния исламского образования, организаций и иных институтов на общество.

Десекуляризация ислама «снизу» была во многом хаотичным и слабоуправляемым властями процессом на протяжении большей части 1990-х гг. Но к концу столетия и в начале следующего государство вернуло практику более бдительного формата институционализации, воздействуя на такие сферы как регистрация организаций, внутреннее образование, исламские праздники, источники финансирования. Кризис с радикальным исламом в КБР в 2000-х гг. породил еще более жесткие, но недолговременные меры властей и официальных представителей ДУМ, как, к примеру, ограничение времени работы мечетей или даже закрытие некоторых из них. Но в целом, конфликтные ситуации не изменили общего курса на формирование «приемлемого» для государства формата публичной роли ислама.

Из силы, с которой государство оказалось вынуждено считаться начиная с периода Великой Отечественной войны, ислам превратился в один из важных элементов традиционных ценностей и идеологии современной России, формирования общественно-политического компромисса. Было бы недостаточно связывать это только с влиянием распада СССР и строительством новой политиче-

¹ Фонд поддержки ислама выделил мусульманским организациям более 200 млн. рублей // Исламский портал. URL: <http://www.islam-portal.ru/novosti/104/1980/> (дата обращения: 19.11.2023)

ской системы в РФ. Скорее речь идет о долговременной трансформации, на пути которой идет поиск сложного баланса между авторитарными ограничениями и взаимовыгодным дискурсом между государством и религиозными общинами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРА

Аккиева 2009 – *Аккиева С.И.* Ислам в Кабардино-Балкарской Республике. – М.: Логос, 2009. – 133 с.

Аккиева 2010 – *Аккиева С.И.* Ислам в Кабардино-Балкарской республике // Россия и мусульманский мир. – 2010. – №10. – С. 44-54.

Аккиева, Сампиев 2015 – *Аккиева С.И., Сампиев И.М.* Состояние и проблемы мусульманского образования в Кабардино-Балкарской республике // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 22. – С. 158-163.

Бабич, Ярлыкапов 2003 – *Бабич И.Л., Ярлыкапов А.А.* Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии: перспективы и последствия. – М., 2003. – 143 с.

Жиромская, Киселев, Поляков 1996 – *Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. – М.: Наука, 1996. – 152 с.

Залужный 2008 – *Залужный А.Г.* Государство и религия в России: проблемы взаимодействия // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. Вып.7. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 493-503.

Кабардино-Балкария... 1975 – *Кабардино-Балкария* в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов / отв. ред. М.Х. Шекихачев. – Нальчик: Эльбрус, 1975. – 798 с.

Каров 2008 – *Каров А.Х.* Религии и государственно-конфессиональные отношения в современной Кабардино-Балкарии (опыт, проблемы и пути решения). – Нальчик: Эль-фа, 2008. – 549 с.

Карпов 2012 – *Карпов В.* Концептуальные основы теории десекуляризации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 2 (30). – С. 114-164.

Кисриев 2007 – *Кисриев Э.* Ислам и социальные конфликты на Северном Кавказе // Религия и конфликт / под ред. А.В. Малащенко. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 107-129.

Концерт... 1942 – *Концерт* ансамбля терских казаков // Пятигорское эхо. 1942. № 29. 20 сентября.

Малащенко 2001 – *Малащенко А.В.* Исламские ориентиры Северного Кавказа. – М.: Гендальф, 2001. – 180 с.

Малащенко 2007 – *Малащенко А.* Ислам для России. М.: РОССПЭН, 2007. – 191 с.

Такова 2016 – *Такова А.Н.* «Молящаяся» мусульманская молодежь как субкультура кабардино-балкарского общества // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2016. – Т. 34. – № 2. – С. 255-280.

Такова 2021 – *Такова А.Н.* Атеистическая работа и повседневные религиозные практики в Кабардинской АССР в 40–50-х гг. XX в. // Религиоведение. – 2021. – № 4. – С. 56-63.

Такова 2023 – *Такова А.Н.* Мусульманское духовенство Кабардино-Балкарской АССР 40–80-х гг. XX в.: особенности функционирования социальной группы в условиях политики государственного атеизма // Ислам в современном мире. – 2023. – № 19 (3). – С. 149-162. DOI: 10.22311/2074-1529-2023-19-3-149-162

Тиби 2002 – *Тиби Б.* Является ли ислам политической религией? 2002 // Горький Медиа: вебсайт. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/6/tib1.html> (дата обращения: 16.11.2023).

УЦГА АС КБР – *Управление центрального государственного архива* Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики

УЦДНИ АС КБР – *Управление центра документации новейшей истории* Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики

Филатов 2007 – *Филатов С.Б.* Традиционные религии, «русская цивилизация» и суверенная демократия // Религия и конфликт / под ред. А.В. Малашенко и С.Б. Филатова. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 15-46.

Хайдарова 1985 – *Хайдарова М.С.* Формирование и развитие мусульманского права в Арабском Халифате: XII-XIII вв.: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1985. – 222 с.

Цавкилов 1959 – *Цавкилов Б.Х.* Причины живучести религиозных пережитков и пути их преодоления. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1959. – 62 с.

Чекисты... 1987 – *Чекисты* Кабардино-Балкарии / гл. ред. А.Ж. Губашиев. – Нальчик: Эльбрус, 1987. – 228 с.

Ярлыкапов 2006 – *Ярлыкапов А.А.* «Народный ислам» и мусульманская молодежь Центрального и Север-Западного Кавказа // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 2. – С. 59-74.

Ярлыкапов 2014 – *Ярлыкапов А.А.* Исламское образование на Северном Кавказе // Исламоведение. – 2014. – № 1. – С. 104-106.

Bennigsen 1989 – *Bennigsen A.* Soviet Strategy and Islam. – London: Macmillan, 1989. – 182 p.

Berger 1999 – *Berger P.* The Desecularization of the World: A Global Overview // Resurgent Religion and World Politics / Edited by P. Berger. – Grand Rapids: Eerdmans Publishing Company, 1999. – P. 1-18.

Berger 2008 – *Berger P.* Secularization falsified 2008 // First Things: website. URL: <https://www.firstthings.com/article/2008/02/secularization-falsified> (date of access: 21.11.2023).

Berger, Luckmann 1966 – *Berger P., Luckmann T.* The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. – New York: Penguin Books, 1966. – 249 p.

Braginskaia 2010 – *Braginskaia E.* Official Discourses and Patterns of State Engagement with Muslim Communities in Britain and Russia // Diversities. – 2010. – No 12 (1). – P. 41- 58.

Braginskaia 2010a – *Braginskaia E.* State Approaches to Muslim integration in Russia, France and Britain in Comparative Perspective Russia and Islam // Russia and Islam: State, society and radicalism / Edited by R. Dannreuther and L. March. – London & New York: Routledge, 2010. – P. 44-62.

Casanova 1994 – *Casanova J.* Public Religions in the Modern World. – Chicago & London: University of Chicago Press, 1994. – 320 p.

Dannreuther 2010 – *Dannreuther R.* Islamic Radicalization in Russia: An Assessment // International Affairs. – 2010. – No 86 (1). – P. 109-126.

Fox, Flores 2012 – *Fox J., Flores D.* Religious Freedom in Constitutions and Law // Religion, Politics, Society, and the State / Edited by J. Fox. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 27-52.

Kuru 2006 – *Kuru A.* Reinterpretation of Secularism in Turkey: The Case of the Justice and Development Party // The Emergence of a New Turkey: Islam, Democracy, and the AK Party / Edited by H. Yavuz. – Salt Lake City: University of Utah Press, 2006. – P. 136-159.

Kuru 2008 – *Kuru A.* Secularism, State Policies, and Muslims in Europe: Analyzing French Exceptionalism // Comparative Politics. – 2008. – No 41. – P. 1-19.

Lisovskaya, Karpov 2010 – *Lisovskaya E., Karpov V.* Orthodoxy, Islam, and the Desecularization of Russia's State Schools // Politics and Religion. – 2010. – No 3. – P. 281.

Luckmann 1967 – *Luckmann T.* The Invisible Religion: The Problem of Religion in Modern Society. – New York: MacMillan Publ., 1967. – 128 p.

Pelkmans 2009 – *Pelkmans M.* Post-Soviet Space and the Unexpected Turns of Religious Life // Conversion after Socialism: Disruptions, Modernisms, and Technologies of Faith in the Former Soviet Union / Edited by M. Pelkmans. – Oxford: Berghahn Books, 2009. – P. 1-16.

Shaykhutdinov 2013 – *Shaykhutdinov R.* Accommodation of Islamic Religious Practices and Democracy in the Post-Communist Muslim Republics // Politics and Religion. – 2013. – No 6. – P. 646-670.

Turner 2010 – *Turner B.* Religion in a Post-secular Society, in: The New Blackwell Companion to the Sociology of Religion / Edited by B. Turner. – Wiley-Blackwell: Blackwell Publ., 2010. – P. 649-667.

REFERENCES

- AKKIEVA S.I. *Islam v Kabardino-Balkarskoj respublike* [Islam in the Kabardino-Balkarian Republic]. IN: *Rossija i musul'manskij mir*. – 2010. – № 10. – P. 44-54. (In Russ.).
- AKKIEVA S.I. *Islam v Kabardino-Balkarskoj Respublike* [Islam in the Kabardino-Balkarian Republic]. – Moscow: Logos, 2009. – 133 p. (In Russ.).
- AKKIEVA S.I., SAMPIEV I.M. *Sostojanie i problemy musul'manskogo obrazovanija v Kabardino-Balkarskoj respublike* [The state and problems of Muslim education in the Kabardino-Balkarian Republic]. IN: *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija*. – 2015. – № 22. – P. 158-163. (In Russ.).
- BABICH I.L., JARLYKAPOV A.A. *Islamskoe vozrozhdenie v sovremennoj Kabardino-Balkarii: perspektivy i posledstvija* [Islamic revival in modern Kabardino-Balkaria: prospects and consequences]. – Moscow, 2003. – 143 p. (In Russ.).
- ZHIROMSKAJA V.B., Kiselev I.N., Poljakov Ju.A. *Polveka pod grifom «sekretno»: Vsesojuznaja perepis' naselenija 1937 goda* [Half a century classified as “secret”: All-Union Population Census of 1937]. – Moscow: Nauka, 1996. – 152 p. (In Russ.).
- ZALUZHNYJ A.G. *Gosudarstvo i religija v Rossii: problemy vzaimodejstvija* [State and religion in Russia: problems of interaction]. IN: *Rossija reformirujushhajasja*. *Ezhegodnik*. Iss. 7 / Edited by M.K. Gorshkov. – Moscow: Institut sociologii RAN, 2008. – P. 493-503. (In Russ.).
- Kabardino-Balkarija v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Sbornik dokumentov i materialov* [Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War. Collection of documents and materials] / Edited by M.H. Shekihachev. – Nal'chik: Jel'brus, 1975. – 798 p. (In Russ.).
- KAROV A.H. *Religii i gosudarstvenno-konfessional'nye otnoshenija v sovremennoj Kabardino-Balkarii (opyt, problemy i puti reshenija)* [Religions and state-confessional relations in modern Kabardino-Balkaria (experience, problems and solutions)]. – Nal'chik: Jel'-fa, 2008. – 549 p. (In Russ.).
- KARPOV V. *Konceptual'nye osnovy teorii desekuljarizacii* [Conceptual foundations of the theory of desecularization]. IN: *Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom*. – 2012. – № 2 (30). – P. 114-164. (In Russ.).
- KISRIEV Je. *Islam i social'nye konflikty na Severnom Kavkaze* [Islam and social conflicts in the North Caucasus]. IN: *Religija i konflikt* / Edited by A.V. Malashenko. – Moscow: ROSSPJeN, 2007. – P. 107-129. (In Russ.).
- Koncert ansamblja terskih kazakov* [Concert of the Terek Cossacks ensemble]. IN: *Pjatingorskoe jeho*. 1942. № 29. 20 sentjabrja. (In Russ.).
- MALASHENKO A. *Islam dlja Rossii* [Islam for Russia]. Moscow: ROSSPJeN, 2007. 191 p. (In Russ.).
- MALASHENKO A.V. *Islamskie orientiry Severnogo Kavkaza* [Islamic landmarks of the North Caucasus]. – Moscow: Gendal'f, 2001. – 180 p. (In Russ.).
- TAKOVA A.N. “*Moljashhajasja*” musul'manskaja molodezh' kak subkul'tura kabardino-balkarskogo obshhestva [“Praying” Muslim youth as a subculture of Kabardino-Balkarian society]. IN: *Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom*. – 2016. – T. 34. – № 2. – P. 255-280. (In Russ.).
- TAKOVA A.N. *Ateisticheskaja rabota i povsednevnye religioznye praktiki v Kabardinskoj ASSR v 40–50-h gg. XX v.* [Atheistic work and everyday religious practices in the Kabardian Autonomous Soviet Socialist Republic in the 1940-1950s]. IN: *Religiovedenie*. – 2021. – № 4. – P. 56-63. (In Russ.).
- TAKOVA A.N. *Musul'manskoe duhovenstvo Kabardino-Balkarskoj ASSR 40–80-h gg. XX v.: osobennosti funkcionirovanija social'noj gruppy v uslovijah politiki gosudarstvennogo ateizma* [Muslim clergy of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic of the 1940-80s: features of the functioning of a social group in the conditions of the policy of state atheism]. IN: *Islam v sovremennom mire*. – 2023. – № 19 (3). – P. 149-162. – DOI: 10.22311/2074-1529-2023-19-3-149-162 (In Russ.).

TIBI B. *Javljaetsja li islam politicheskoj religiej?* [Is Islam a political religion?]. 2002 // Gor'kij Media: website. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/6/tib1.html> (date of access: 16.11.2023). (In Russ.).

Upravlenie central'nogo gosudarstvennogo arhiva Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj Respubliki [Office of the Central State Archives of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

Upravlenie centra dokumentacii novejshej istorii Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj Respubliki [Office of the Center for Documentation of the Modern History of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

FILATOV S.B. *Tradicionnye religii, «russkaja civilizacija» i suverennaja demokratija* [Traditional religions, “Russian civilization” and sovereign democracy]. IN: *Religija i konflikt* / Edited by A.V. Malashenko and S.B. Filatov. – Moscow: ROSSPJeN, 2007. – P. 15-46. (In Russ.).

HAJDAROVA M.S. *Formirovanie i razvitie musul'manskogo prava v Arabskom Halifate: XII-XIII vv.* [Formation and development of Muslim law in the Arab Caliphate: XII-XIII centuries]: dis. ... kand. jurid. nauk. – Moscow, 1985. – 222 p. (In Russ.).

CAVKILOV B.H. *Prichiny zhivuchesti religioznyh perezhitkov i puti ih preodolenija* [Reasons for the persistence of religious survivals and ways to overcome them]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarian Book Publ., 1959. – 62 p. (In Russ.).

Chekisty Kabardino-Balkarii [Chekists of Kabardino-Balkaria] / Edited by A.Zh. Gubashiev. – Nal'chik: Jel'brus, 1987. – 228 p. (In Russ.).

JARLYKAPOV A.A. *“Narodnyj islam” i musul'manskaja molodezh' Central'nogo i Sever-Zapadnogo Kavkaza* [“People’s Islam” and Muslim youth of the Central and North-Western Caucasus]. IN: *Jetnograficheskoe obozrenie*. – 2006. – № 2. – P. 59-74. (In Russ.).

JARLYKAPOV A.A. *Islamskoe obrazovanie na Severnom Kavkaze* [Islamic education in the North Caucasus]. IN: *Islamovedenie*. – 2014. – № 1. – P. 104-106. (In Russ.).

BENNIGSEN A. *Soviet Strategy and Islam*. – London: Macmillan, 1989. – 182 p. (In English).

BERGER P. 2008: *Secularization falsified* // *First Things*: website. URL: <https://www.firstthings.com/article/2008/02/secularization-falsified> (date of access: 21.11.2023). (In English).

BERGER P. *The Desecularization of the World: A Global Overview* // *Resurgent Religion and World Politics* / Edited by P. Berger. – Grand Rapids: Eerdmans Publishing Company, 1999. – P. 1-18. (In English).

BERGER P., LUCKMANN T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. – New York: Penguin Books, 1966. – 249 p. (In English).

BRAGINSKAIA E. *Official Discourses and Patterns of State Engagement with Muslim Communities in Britain and Russia* // *Diversities*. – 2010. – No 12 (1). – P. 41- 58. (In English).

BRAGINSKAIA E. *State Approaches to Muslim integration in Russia, France and Britain in Comparative Perspective Russia and Islam* // *Russia and Islam: State, society and radicalism* / Edited by R. Dannreuther and L. March. – London & New York: Routledge, 2010. – P. 44-62. (In English).

CASANOVA J. *Public Religions in the Modern World*. – Chicago & London: University of Chicago Press, 1994. – 320 p. (In English).

DANNREUTHER R. *Islamic Radicalization in Russia: An Assessment* // *International Affairs*. – 2010. – No 86 (1). – P. 109-126. (In English).

FOX J., FLORES D. *Religious Freedom in Constitutions and Law* // *Religion, Politics, Society, and the State* / Edited by J. Fox. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 27-52. (In English).

KURU A. *Reinterpretation of Secularism in Turkey: The Case of the Justice and Development Party* // *The Emergence of a New Turkey: Islam, Democracy, and the AK Party* / Edited by H. Yavuz. – Salt Lake City: University of Utah Press, 2006. – P. 136-159. (In English).

KURU A. *Secularism, State Policies, and Muslims in Europe: Analyzing French Exceptionalism* // *Comparative Politics*. – 2008. – No 41. – P. 1-19. (In English).

LISOVSKAYA E., Karpov V. Orthodoxy, Islam, and the Desecularization of Russia's State Schools // *Politics and Religion*. – 2010. – No 3. – P. 281. (In English).

LUCKMANN T. *The Invisible Religion: The Problem of Religion in Modern Society*. – New York: MacMillan Publ., 1967. – 128 p. (In English).

PELKMANS M. *Post-Soviet Space and the Unexpected Turns of Religious Life // Conversion after Socialism: Disruptions, Modernisms, and Technologies of Faith in the Former Soviet Union* / Edited by M. Pelkmans. – Oxford: Berghahn Books, 2009. – P. 1-16. (In English).

SHAYKHUTDINOV R. Accommodation of Islamic Religious Practices and Democracy in the Post-Communist Muslim Republics // *Politics and Religion*. – 2013. – No 6. – P. 646-670. (In English).

TURNER B. Religion in a Post-secular Society, in: *The New Blackwell Companion to the Sociology of Religion* / Edited by B. Turner. – Wiley-Blackwell: Blackwell Publ., 2010. – P. 649-667. (In English).

Информация об авторе

А.А. Татаров – кандидат исторических наук.

Information about the author

A.A. Tatarov – candidate of science (History).

Статья поступила в редакцию 19.10.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 19.10.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья
УДК 94'19'
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-141-165
EDN: DWPCGV

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ С СУБЪЕКТАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ в 90-е годы XX в.

Хахим Камилевич Геграев

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, gegra70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8470-1530>

Аннотация. Масштабные процессы трансформации государственности и социально-экономического уклада, происходившие в постсоветской России в последнем десятилетии XX в., затронули систему федеративных отношений и, как следствие, межрегиональных связей. Последние, в контексте либерализации всей системы общественных отношений Российского государства, стали приобретать более горизонтальный характер, а роль федерального центра состояла в определении рамочных условий и координации межрегиональных связей. основополагающими документами, зафиксировавшими (в хронологическом порядке) реформу федеративного устройства Российской Федерации, стал Федеративный договор от 31.03.1992 г., иначе: «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации» (вместе с "Протоколом к Федеративному договору"), Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. Проблема развития межрегиональных связей в рамках Российской Федерации была актуальной не только для последнего десятилетия прошлого века, с его новыми, по сравнению с советским периодом, экономическими и политическими реалиями, но и для современного и перспективного этапов развития, неизбежно задающим новые вызовы и тренды в отношениях между федеральным центром и регионами, а также между собственно регионами большой страны, каждый из которых обладает своей спецификой, начиная с территориальных и природно-климатических параметров, заканчивая ресурсным (в широком смысле этого слова) и хозяйственно-промышленным потенциалом. Кабардино-Балкарская Республика (КБР) в рассматриваемый период, связанный с руководством первого постсоветского главы (Президента республики) В.М. Кокова, проводила довольно активную политику по налаживанию прямых межрегиональных связей с субъектами Российской Федерации, представлявшими как Юг России, так и куда более отдаленные регионы.

Ключевые слова: Межрегиональное сотрудничество, Кабардино-Балкарская республика, субъекты Российской Федерации, Конституция Российской Федерации, Федеративный договор, горизонтальные связи.

Для цитирования: Геграев Х.К. Межрегиональное сотрудничество Кабардино-Балкарской Республики с субъектами Российской Федерации в 90-е годы XX в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 141-165. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-141-165. EDN: DWPCGV.

© Геграев Х.К., 2023

Original article

**INTERREGIONAL COOPERATION
OF THE KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC
WITH THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION
in the 90s of the XX century**

Hakim K. Gegrayev

Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Nalchik, Russia, gegra70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8470-1530>

Abstract. Large-scale processes of transformation of statehood and socio-economic structure that took place in post-Soviet Russia in the last decade of the 20th century affected the system of federative relations and, as a result, interregional ties. The latter, in the liberalization of the entire system of social relations of the Russian state, began to acquire a more horizontal character, and the role of the federal center was to determine the framework conditions and coordinate interregional relations. Fundamental documents that fixed (in chronological order) the reform of the federal structure of the Russian Federation were the Federation Treaty of 31.03.1992: “The Treaty on the Delimitation of the Subjects of Jurisdiction and Powers between the Federal Bodies of State Power of the Russian Federation and the Authorities of the Sovereign Republics within the Russian Federation” (together with the “Protocol to the Federation Treaty”), the Constitution of the Russian Federation, adopted by the National Council of the Russian Federation. The Problem of Development of Interregional Relations within the Russian Federation The Concept of the State National Policy of the Russian Federation. was relevant not only for the last decade of the last century, with its new economic and political realities compared to the Soviet period, but also for the current and future stages of development, which inevitably set new challenges and trends in relations between the federal center and the regions, as well as between the regions of a large country, each of which has its own specifics, starting with territorial and natural and climatic parameters, ending with resource (in the broad sense of the word) and economic and industrial potential. In the period under review, the Kabardino-Balkarian Republic (Kabardino-Balkarian Republic), associated with the leadership of the first post-Soviet head (President of the Republic) V.M. Kokov, pursued a rather active policy of establishing direct interregional ties with the constituent entities of the Russian Federation, representing both the South of Russia and much more remote regions.

Keywords. Interregional cooperation, the Kabardino-Balkarian Republic, the constituent entities of the Russian Federation, the Constitution of the Russian Federation, the Federation Treaty, horizontal ties.

For citation: Gegrayev H.K. Interregional cooperation of the Kabardino-Balkarian Republic with the subjects of the Russian Federation in the 90s of the XX century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 141-165. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-141-165. EDN: DWPCGV.

© Gegrayev H.K., 2023

Введение

Масштабные процессы трансформации государственности и социально-экономического уклада, происходившие в постсоветской России в последнем десятилетии XX в., затронули систему федеративных отношений и, как следствие, межрегиональных связей. Последние, в контексте либерализации всей системы общественных отношений Российского государства, стали приобре-

тать более горизонтальный характер, а роль федерального центра состояла в определении рамочных условий и координации межрегиональных связей.

Основополагающими документами, зафиксировавшими (в хронологическом порядке) реформу федеративного устройства Российской Федерации, стал Федеративный договор от 31.03.1992 г., иначе: «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации» (вместе с "Протоколом Федеративному договору")¹, Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.², Концепция государственной национальной политики Российской Федерации³.

Проблема развития межрегиональных связей в рамках Российской Федерации была актуальной не только для последнего десятилетия прошлого века, с его новыми, по сравнению с советским периодом, экономическими и политическими реалиями, но и для современного и перспективного этапов развития, неизбежно задающим новые вызовы и тренды в отношениях между федеральным центром и регионами, а также между собственно регионами большой страны, каждый из которых обладает своей спецификой, начиная с территориальных и природно-климатических параметров, заканчивая ресурсным (в широком смысле этого слова) и хозяйственно-промышленным потенциалом.

Кабардино-Балкарская Республика (КБР) в рассматриваемый период, связанный с руководством первого постсоветского главы (Президента республики) В.М. Кокова, проводила довольно активную политику по налаживанию прямых межрегиональных связей с субъектами Российской Федерации, представлявшими как Юг России, так и куда более отдаленные регионы.

Вопросы межрегионального сотрудничества Кабардино-Балкарии с субъектами Российской Федерации не были предметом специального научного исследования. При этом отдельные аспекты данной проблемы нашли отражение в монографии А.И. Тетуева [Тетуев 2006], мемуарах А.Г. Емузова [Емузов 2015], в статье С.И. Аккиевой [Аккиева 2019].

Статья подготовлена на основе анализа архивных материалов Управления Центрального государственного архива Архивной службы КБР (УЦГА АС КБР), публикаций в периодической печати и сведений информантов.

Предпосылки и первые шаги по выстраиванию КБР системы межрегиональных связей в первой половине 1990-х гг.

Кабардино-Балкария исторически, в силу своего выгодного геостратегического положения, являясь своего рода сердцевинной Центрального Кавказа (до-

¹ Федеративный договор от 31.03.1992 "Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации" // Документы (юридические, бухгалтерские, нормативные, правовые...) – в простой текстовой форме \ КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 05.11.2022).

² Конституция РФ в первоначальной редакции, действовавшей с 25.12.1993 по 13.01.1996. URL: <https://konstitucija.ru/1993/1/> (дата обращения: 05.11.2022).

³ Концепция государственной национальной политики Российской Федерации // Документы (юридические, бухгалтерские, нормативные, правовые...) – в простой текстовой форме \ КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98489/ (дата обращения: 07.11.2022).

статочно сказать, что из восьми пятитысячников Северного Кавказа семь, во главе с высочайшей вершиной Европы и России Эльбрусом, находятся на территории Кабардино-Балкарии), объективно имела давние историко-культурные связи со своими соседями по Северо-Западному, Северо-Восточному Кавказу, Предкавказью и Южному Кавказу. Постепенно встраиваясь, начиная с середины XVI и, практически, до конца XIX в., в административную, социально-политическую и экономическую систему Российского государства, территория Кабардино-Балкария, в том числе силу своей природно-климатической привлекательности, стала местом притяжения и новой родиной для представителей различных этнических культур, которые в еще большей степени связывали ее с соседними регионами империи. Советская модернизация, охватившая промышленность, аграрную и социально-культурную сферы, способствовала притоку теперь уже на территорию сложившейся Кабардино-Балкарской автономии выходцев не только из соседних, но и гораздо более отдаленных регионов огромной страны. Так, если коротко, на небольшой территории республики в 12,5 тыс. км² сложилась уникальная полиэтническая и поликультурная общность, при сохранении преобладания доли титульных этносов – кабардинцев и балкарцев.

Таким образом, складывалась историческая традиция открытости народов Кабардино-Балкарии к установлению многообразных связей с регионами большой страны, которые уже в советский период были формализованы в отношении городов-побратимов. Для Нальчика таковым стала Винница, в то время областной центр Украинской ССР. В январе 1974 г. в Нальчике был подписан договор о социалистическом соревновании между Кабардино-Балкарией и Винницкой областью Украинской ССР на 1974 г. Можно сказать, что Кабардино-Балкарию и Винницу связывала трудовая дружба. Важным этапом в укреплении межрегионального сотрудничества были культурные связи. В 1979 г. состоялось празднование 325-летия воссоединения Украины с Россией, прошли Дни литературы и искусства Кабардино-Балкарии в Винницкой области и Дни культуры Винницкой области в Кабардино-Балкарии; с гастрольями приезжали театральные коллективы Винницы. Память об этом событии увековечена в названии одной из улиц города Нальчика. Решением исполкома Нальчикского городского совета народных депутатов от 22 февраля 1979 г. улица Селекционная, идущая параллельно улице Байсултанова, получила новое название – Винницкая¹. Украинские авторы, уроженцы Винницы – поэт Григорий Давыдович Усач (1934-2021), писатель и сценарист Константин Игоревич Семенов (1922-1981) стали авторами песни «Моя Кабардино-Балкария». Первый написал слова, второй – музыку.²

К вопросу о возобновлении сотрудничества с Винницкой областью и с другими регионами Украины попытались вернуться в начале 90-х гг. XX в. В Плане работы Министерства иностранных дел КБР на 1995 г. содержался пункт о необходимости, при содействии представителя КБР на Украине, возобновления разно-

¹ Бельжатова Н. За большие заслуги в укреплении дружбы и братского сотрудничества // URL: <https://gazeta.kbpravda.ru/node/23529> (дата обращения 07.11.2022).

² Информация предоставлена д.и.н., профессором КБГУ им. Х.М. Бербекова М.А. Текуевой.

сторонних связей с Винницкой областью и подписании договора о сотрудничестве с Донецкой областью [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 3. Л. 37].

Безусловно, относительно советского периода не приходится говорить о выстраивании прямых горизонтальных связей между различными автономными образованиями. Разве что в позднесоветский период зарождается дискурс об обновлении федеративных отношений как внутри Советского Союза в целом, так и в рамках Российской Федерации (РСФСР того времени), в частности. И только новая, постсоветская Россия последнего десятилетия XX в. открыла возможности для реформирования федеративных отношений и построения широких горизонтальных связей между субъектами Федерации. Как отмечал А.И. Тетуев: «Возникшее в начале 1990-х гг. в России движение к подлинному федерализму, федерализации всего комплекса государственно-правовых отношений получило мощный импульс благодаря идее суверенизации и обеспечения равноправия народов и их государственных образований. Прежде всего это коснулось автономных образований. В этих условиях, после принятия 12 июня 1990 г. Декларации о государственном суверенитете РСФСР, было положено начало «параду суверенитетов» республик и автономий. 30 января 1991 г. Верховный Совет КБАССР принял Декларацию о государственном суверенитете Кабардино-Балкарской Советской социалистической республики. Анализ положений декларации позволяет сделать вывод о том, что она стала результатом и воплощением противоречивых этнополитических процессов и конституционно-правовых реформ периода 1985–1991 гг. Декларация о государственном суверенитете КБАССР определила статус республики как суверенного государства, равноправного субъекта нового Союзного и Федеративного договора» [Тетуев 2016]. Более того, в постановлении Верховного Совета КБАССР от 15 мая 1991 г. «О проекте Договора о Союзе суверенных республик» в целом одобрялся данный проект, но при этом отмечалось, что КБАССР войдет в Союз суверенных республик непосредственно и подпишет Договор от имени КБАССР самостоятельно, для чего предполагалось направить для подписания полномочную делегацию во главе с Председателем Верховного Совета КБАССР В.М. Коковым [УЦГА АС КБР. Ф. Р-717. Оп. 5 доп. Д. 3. Л. 3-4].

17 мая 1991 г. был принят Закон КБАССР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) КБАССР». Так, например, в преамбуле Конституции КБАССР появилось положение, что «Верховный Совет Кабардино-Балкарской Советской Социалистической Республики...подтверждает государственный суверенитет Кабардино-Балкарской Советской Социалистической Республики как верховенство, самостоятельность, полноту и неделимость власти Республики в пределах ее территории, независимость и равноправие во внешних сношениях, за исключением полномочий, добровольно делегируемых обновленным СССР и РСФСР, и заявляет о решимости создать демократическое, правовое государство» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-717. Оп. 5 доп. Д. 3. Л. 120].

18 мая 1991 г. было принято постановление Верховного Совета КБАССР «Об образовании Государственного комитета Кабардино-Балкарской ССР по межнациональным отношениям и внешним связям [УЦГА АС КБР. Ф. Р-717. Оп. 5 доп. Д. 3. Л. 191]. Но, как известно, в августе 1991 г. в Москве случилась

попытка государственного переворота и события приняли иной оборот. Идея создания Союза суверенных республик так и осталась нереализованной.

Именно тогда были сделаны конкретные шаги для утверждения равноправия народов: отменены ранее принятые преступные и необоснованные акты, признаны права национальных и региональных образований, зафиксированные в Федеративном договоре 1992 г. и Конституции 1993 г., которые положили начало национальной политике демократической России. А среди целей и задач государственной национальной политики в Концепция государственной национальной политики Российской Федерации 1996 г. отмечалась, в частности, реализация и обновление федеративных отношений на основе конституционного распределения полномочий и эффективного их осуществления как важнейшего компонента построения нового демократического государства [Тетуев 2006: 101-102].

Знаменитая фраза Бориса Ельцина, произнесенная им в августе 1990 г., когда он был еще Председателем Верховного Совета РСФСР: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить», стала своего рода руководством к действию региональных лидеров не только во внутреннем администрировании, но и выстраивании межрегиональных и даже международных связей. В случае Кабардино-Балкарии в установлении межрегиональных связей приоритет, естественным образом, отдавался соседним по Северному Кавказу и в целом по Югу России регионам, а также Москве, с мэром которой Ю.М. Лужковым у первого главы постсоветской КБР В.М. Кокова установились особо доверительные отношения, а по международной линии – со странами проживания диаспор адыгов и карачаево-балкарцев: Турцией, Иорданией, Сирией и др. В целом же по последнему десятилетию XX и началу XXI в. мы видим стремлению тогдашнего руководства КБР к установлению максимально широких контактов со многими регионами Российской Федерации, странами ближнего и дальнего зарубежья. Причем эти контакты устанавливались не только с представителями властей, но и деловыми кругами. Такая внешняя активность региональных властей, в том числе КБР, объяснялась, в немалой степени, стремлением восполнить разрушенные связи, прежде всего в экономической области, выстроенные в течение десятилетий советского периода истории. Поэтому неслучайным стало создание в рамках региональных правительств структур, ответственных за всю систему внешних связей. Не стала исключением и постсоветская Кабардино-Балкария.

Прежде чем говорить о начале выстраивания межрегиональных связей Кабардино-Балкарии в новых социально-политических условиях перестроечного и постперестроечного периодов, необходимо кратко охарактеризовать демографические и социально-экономические показатели республики на тот момент, которые дают представления о ее потенциале и стартовых возможностях в формирующейся системе новых федеративных отношений.

По состоянию на 1989 г. Кабардино-Балкария занимала территорию 12,5 тыс. км², с населением 760 тыс. чел. Высокая рождаемость и относительно низкие показатели смертности обусловили достаточно высокие темпы естественного прироста населения, превышавшие соответствующие показатели по РСФСР в 1,5-2 раза. Плотность населения республики составляла тогда более

60 человек на 1 км², что в 7 раз было выше показателя средней плотности населения по РСФСР. При этом следует учитывать, что значительная часть территории Кабардино-Балкарии – горная местность, не пригодная для проживания и хозяйственного использования. Доля городского населения составляла тогда 61 % и имела тенденцию к дальнейшему росту. Более двух третей этого населения проживала в двух городах – Нальчике и Прохладном.

Особенностью Кабардино-Балкарии, также, как и других республик Северного Кавказа, была большая доля занятых в личном подсобном и домашнем хозяйстве (свыше 16 %) и наличие свободных трудовых ресурсов, при том что около 8 тыс. рабочих мест было недоукомплектовано. Из общего числа занятых в народном хозяйстве на государственный сектор приходилось свыше 80 %, колхозы – почти 10, коллективы и индивидуальную трудовую деятельность – менее 7 %. Доля занятых в непроизводственной сфере приближалась к 30 %.

В республике эксплуатировалось 38 месторождений полезных ископаемых, в основном строительных материалов и нерудного сырья, пресных и минеральных вод. Оцененные запасы минеральных вод составляли свыше 12 тыс. м² суточного дебета, но значительные объемы этих запасов терялись из-за отсутствия мощностей по промышленному розливу.

Кабардино-Балкария, отличаясь довольно высоким уровнем социально-экономического развития, по стоимости произведенного национального дохода на душу населения отставала от средних показателей по РСФСР примерно на 20 %, по капитальным вложениям в непроизводственную сферу – на 30 %, по производству непродовольственных товаров народного потребления – примерно в 2 раза.

В республике к концу 80-х гг. XX в. был создан значительный производственный потенциал. На начало 90-х гг. стоимость производственных фондов оценивалась в 1,5 млрд. руб. по ценам на тот период. Динамично развивались машиностроение, легкая, пищевая и промышленность строительных материалов, но при этом сложились определенные диспропорции в размещении производительных сил: до 35 % основных промышленно-производственных фондов приходилась на город Нальчик, 30 % – на Тырныауз, 35 – на все остальные города и поселки. Недостаточное развитие ряда малых городов республики обострило проблему занятости трудоспособного населения. Решение проблемы тогда уже виделось в развитии сети малых и средних предприятий, размещенных в небольших городах и сельской местности. Благоприятные предпосылки для промышленного строительства виделись в таких малых городах, как Нарткала, Терек и др.

В республике имелись такие производства союзного значения, как: вольфрама и молибдена, кабельной продукции, нефтепромыслового оборудования, искусственных алмазов и абразивных изделий из них. Углублялась специализация на производстве твердых сплавов, тугоплавких и жаропрочных металлов, электротехнического оборудования и приборов, искусственной кожи и пленочных материалов. Однако остро стояла проблема развития наукоемких производств, а также высокомеханизированных предприятий, перерабатывающих сельхозпродукцию, и предприятий промышленности строительных материалов.

Кабардино-Балкария, обладая значительным потенциалом для развития гидроэнергетики, не являлась самодостаточным регионом с точки зрения имеющихся мощностей, а потому ставилась задача строительства каскадов ГЭС на реках Терек, Черек, малых ГЭС на горных реках, а также широкого использования нетрадиционных источников. Таких, в частности, как солнечная, геотермальная, ветроэнергетика.

Кабардино-Балкария отличалась высоким уровнем курортно-рекреационного развития. Общесоюзное и международное значение имел бальнеологический курорт в Нальчике. Ежегодно в этих курортах отдыхало и лечилось около 1 млн. чел., из них половина – организовано (по путевкам и курсовкам). Приэльбрусье имело статус центра туризма, альпинизма и горнолыжного спорта.

Вместе с тем в республике сложились неблагоприятные экологические условия. Основные источники вредных выбросов находились в Нальчике и Тырныаузе. Наибольшее экологическое напряжение создавали гидromеталлургический завод и комбинат «Искож» в Нальчике, Тырныаузский вольфрамомолибденовый комбинат. Для сохранения уникальной природной среды был создан Кабардино-Балкарский высокогорный заповедник, проектировалось создание природного национального парка «Приэльбрусье». Что было реализовано в последующие годы.

В общем объеме экспортных поставок республики около 50 % приходилось на сырье и товары народного потребления, 27 % – на оборудование и материалы для объектов, строящихся за границей при техническом содействии СССР, 23 % – на машины и оборудование [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1241. Оп. 1. Д. 1. Л. 3]. По состоянию на 10.05.1991 г., согласно сведениям о ходе заключения КБССР экономических соглашений с регионами РСФСР в 1991 г., всего было направлено в регионы РСФСР 72 соглашения, подписано 47, находилось на рассмотрении – 25. Из 47 подписанных соглашений 14 приходилось на республику в составе РСФСР, 2 – на края, 31 – области [УЦГА АС КБР. Ф. Р-717. Оп. 5 доп. Д. 3. Л. 5].

С таким социально-демографическим и экономическим потенциалом подошла Кабардино-Балкария к началу постперестроечного периода, когда в силу сложившихся объективных обстоятельств и трансформации федеративных отношений появились возможности выстраивания прямых горизонтальных связей между субъектами Российской Федерации. Созданная уже в первые годы существования нового Российского государства правовая база, прежде всего в виде Федеративного договора от 31.03.1992 г. («Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами суверенных республик в составе Российской Федерации»), предоставляла республикам широкие права по установлению прямых договорных отношений с другими субъектами Российской Федерации. Так, в статье III, п.2 говорилось: «Республики в составе Российской Федерации являются самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических отношений, соглашений с другими республиками, краями, областями, автономной областью, автономными округами Российской Федерации, если это

не противоречит Конституции и законам Российской Федерации, настоящему Договору. Координация международных и внешнеэкономических отношений республик в составе Российской Федерации осуществляется федеральными органами государственной власти Российской Федерации совместно с республиками в составе Российской Федерации»¹.

Поскольку международные и внешнеэкономические связи становились самостоятельным направлением политики органов государственной власти республик в составе Российской Федерации, возникла потребность в создании министерств и ведомств в структуре правительств субъектов федерации, ответственных за данное направление работы.

В Кабардино-Балкарии такое структурное подразделение в составе республиканского правительства было создано в 1992 г., согласно Постановлению Верховного Совета «О структуре Кабинета министров Кабардино-Балкарской республики», под названием министерство внешних сношений и по делам национальностей Кабардино-Балкарской республики. На его основании в апреле 1992 г. вышло Постановление Кабинета министров КБР «Вопросы Министерства внешних сношений и по делам национальностей Кабардино-Балкарской республики», в котором одной из функций министерства значилось «ведение по поручению высших органов государственной власти и управления Кабардино-Балкарской республики официальных переговоров с иностранными государствами, международными, межгосударственными объединениями и субъектами Российской Федерации». Отдельно предписывалось «развитие экономических и культурных связей с республиками Адыгеи и Карачаево-Черкессии», что было понятно, учитывая этнокультурную близость народов, населявших три республики [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1241. Оп. 1. Д. 1. Л. 1]. Поэтому уже в мае 1992 г., во время поездки делегации Кабардино-Балкарской Республики во главе с министром внешних сношений и по делам национальностей А.Г. Емузовым в Республику Адыгея, Карачаево-Черкесскую Республику, Республику Абхазия руководителям этих республик был вручен проект Договора о дружбе и сотрудничестве. Все стороны тогда отмечали, что подписание четырехстороннего Договора соответствует устремлениям народов, проживающих в этих республиках. По словам А.Г. Емузова, было достигнуто соглашение о принятии за основу предложенного проекта Договора, с включением в него дополнительных предложений участников конфедеративного Договора [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 9. Л. 1].

На заседании коллегии Министерства внешних сношений и по делам национальностей КБР от 10 августа 1992 г. была утверждена Программа деятельности Министерства на 1992-1993 гг. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 2. Л. 6]. Спустя год, 17 августа 1993 г., на заседании коллегии Министерства иностранных дел была утверждена Программа работы МИД КБР на 1993-1994 гг., в связи с упразднением Министерства внешних сношений и по делам наци-

¹ Федеративный договор от 31.03.1992 "Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120324/ (дата обращения: 8.11.2022).

ональностей и созданием Министерства иностранных дел КБР [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 2. Л. 7].

В Плане работы Министерства иностранных дел КБР на 1993 г. в качестве главной задачи в области внешнеполитической деятельности, а также в отношениях с субъектами Российской Федерации министерство видело в установлении и поддержании взаимовыгодных многосторонних связей как с республиками, краями и областями Российской Федерации, так и с зарубежными государствами на межправительственном уровне и на уровне губернаторств, вилайетов, земель, штатов и муниципалитетов на основе договоров и соглашений; в защите интересов граждан и юридических лиц Кабардино-Балкарии как в пределах Российской Федерации, так и за рубежом [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 3. Л. 9].

Согласно Плану, в первом полугодии 1993 г. ставилась задача завершить работу по подписанию договоров о дружбе и сотрудничестве с полномочными органами Краснодарского и Ставропольского краев, провести подготовительную работу по подписанию договоров о дружбе и сотрудничестве с Ростовской, Астраханской областями, Северной Осетией, Дагестаном, Калмыкией. На постоянной основе, исходя из подписанных договоров о дружбе и сотрудничестве, всемерно содействовать заключению конкретных соглашений между заинтересованными министерствами, ведомствами, предприятиями, организациями Кабардино-Балкарской Республики и республик, краев, областей Северного Кавказа и других регионов Российской Федерации [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 3. Л. 9].

План работы Министерства иностранных дел КБР на 1994 г. содержал следующие направления его деятельности относительно развития межрегиональных связей республики: создание «пояса добрососедства» вокруг КБР, пролонгирование, установление и развитие политических, экономических, культурных, научно-технических связей с республиками, краями, областями Российской Федерации, с субъектами иностранных государств на основе договоров и соглашений; обеспечение благоприятных условий для осуществления реформ, восстановления хозяйственных связей, развития интеграционных процессов, эффективной работы всего народнохозяйственного комплекса республики; содействие достижению политической стабильности, гражданского мира и межнационального согласия в регионе, разрешению спорных вопросов и проблем политико-дипломатическими методами. Планировалось подписать Договоры о дружбе и сотрудничестве КБР с Краснодарским краем, Ростовской областью, Ингушской Республикой и Республикой Северная Осетия; организовать встречу руководителей внешнеполитических ведомств Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи, на которой предполагалось рассмотреть ход выполнения подписанных договоров, обсудить пути дальнейшего развития политических, экономических и культурных связей [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 3. Л. 27-28].

План работы Министерства иностранных дел КБР на 1995 г. содержал пункт о подготовке, согласовании и подписании договоров о дружбе и сотрудничестве с Республиками Татарстан, Башкортостан и Чувашией, Астраханской

и Курганской областями. Также планировалось сотрудникам МИД КБР осуществить рабочие поездки в республики, края, области Российской Федерации для изучения хода реализации заключенных ранее договоров и соглашений, налаживания с ними новых связей и контактов. Отдельный пункт плана касался осуществления контроля за реализацией Соглашения между Правительством Кабардино-Балкарской Республики и Правительством города Москвы о сотрудничестве в экономической, научно-технической и социально-культурной областях [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 3. Л. 34, 37].

В Плане работы МИД КБР на 1996 г. ставилась задача проанализировать ход реализации (наполнения конкретным содержанием) двусторонних договоров и соглашений, заключенных КБР с Ростовской областью, Краснодарским и Ставропольским краями, Республиками Дагестан, Северная Осетия – Алания, Ингушетия, Адыгея, Калмыкия и Карачаево-Черкесской Республикой. Планировалось завершить заключение соглашений о разделении полномочий между органами исполнительной власти КБР и органами исполнительной власти РФ в области международных и внешнеэкономических связей, здравоохранения и межнациональных отношений на основании перечня к Договору о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 3. Л. 53].

В процессе подготовки Федеративного договора Кабардино-Балкарской Республики с Российской Федерацией Министерство внешних сношений и по делам национальностей внесло ряд предложений по наполнению реальным содержанием Федеративного договора, затрагивавших, в том числе, вопросы межрегионального сотрудничества. В частности, для практической реализации п.2 ст.3 Федеративного договора, цитированного выше, предлагалось решить такие вопросы, как: 1. Законодательно закрепить за органами государственной власти и управления Кабардино-Балкарской Республики право заключать договоры и соглашения с субъектами Федерации и независимыми государствами по вопросам политического, экономического и культурного сотрудничества; 2. В целях развития плодотворного сотрудничества, укрепления разносторонних связей между субъектами Российской Федерации считать важным четко оговорить их право не только заключать договоры и соглашения с заинтересованными сторонами, но и в необходимых случаях обмениваться представителями с республиками, краями и областями Российской Федерации [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 9. Л. 1].

Одним из аспектов межрегиональных связей Кабардино-Балкарии стало ее участие в разрешении межэтнических конфликтов 90-х гг. Во время осетино-ингушского конфликта октября – ноября 1992 г. Тогда же к лидерам обеих республик – Президенту Северо-Осетинской Республики (с 1995 г. – Республика Северная Осетия – Алания) А. Х. Галазову и Президенту Ингушской Республики Р.С. Аушеву – обратился с письмами одинакового содержания Президент КБР В.М. Коков, в которых он отмечал, что Кабардино-Балкарию с обоими народами издревле связывают узы добрососедства и дружбы; история и современность богаты фактами и примерами, свидетельствующими о близости наших народов, об их стремлении поддерживать и помогать друг другу, со-

трудничать в различных сферах. Далее В.М. Коков обращался к обоим лидерам с призывом активизировать совместные усилия, предпринять новые конкретные шаги для решения проблемы беженцев, вынужденных переселенцев, заложников, для практической реализации уже достигнутых договоренностей; руководство, народы Кабардино-Балкарской Республики готовы принимать самое деятельное участие в переговорах, встречах, в любых акциях, направленных на восстановление мира, спокойствия и согласия на земле Ингушетии и Северной Осетии, утверждение взаимопонимания и стабильности в Северо-Кавказском регионе [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 9. Л. 1].

26 мая 1994 г. состоялось решение расширенной коллегии Министерства иностранных дел по итогам деятельности с момента создания. Решение основывалось на информации, представленной министерством печати и информации, министерством экономики и Кабардино-Балкарским научно-исследовательским институтом истории, филологии и экономики по реализации Договоров о дружбе и сотрудничестве, заключенных между Кабардино-Балкарской Республикой и субъектами Российской Федерации. Расширенное заседание коллегии министерства иностранных дел КБР отмечало, что указанные ведомства проделали определенную работу за рассмотренный период. Так, министерство печати и информации заключило ряд соглашений с северокавказскими субъектами Федерации о создании единого информационного пространства, взаимном предоставлении эфирного времени, обмене опытом. В КБНИИ истории, филологии и экономики велась совместная научно-исследовательская работа с учеными родственных НИИ Адыгеи, Карачаево-Черкесии и Дагестана. Министерство экономики КБР провело совещание министров экономики северокавказского региона, вело договорный процесс с более чем пятьюдесятью субъектами РФ по взаимопоставкам, активно участвовало в работе Ассоциации «Северный Кавказ». Коллегия отметила положительную работу указанных ведомств в плане расширения экономических, гуманитарных, культурных связей КБР с субъектами России, укрепления уз дружбы, добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества между народами Российской Федерации. Было признано необходимым проявить больше инициативы в деле установления и развития контактов с республиками, краями и областями РФ и прежде всего Северного Кавказа, налаживания разностороннего сотрудничества в интересах стабилизации социально-экономической ситуации в КБР, духовного возрождения ее народов. МИД КБР должен был продолжить работу по подготовке и заключению договоров о дружбе и сотрудничестве между КБР и субъектами РФ [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 9. Л. 270-271].

В отчете министерства иностранных дел Кабардино-Балкарской республики, в которое позже было переименовано министерство внешних сношений и по делам национальностей, за период с мая 1993 по июнь 1994 г., подчеркивалось, что в соответствии с концепцией внешней политики КБР и создавшейся на Кавказе политической обстановкой, МИД КБР считает одной из важнейших задач создание «пояса добрососедства» вокруг КБР. С этой целью в 92-94 гг. проведена большая работа по согласованию и подписанию договоров о дружбе и сотрудничестве с Республикой Адыгея, Карачаево-Черкесской республикой,

Ставропольским краем, Республикой Дагестан, Республикой Калмыкия – Хальмг Тангч, Республикой Ингушетия и Краснодарским краем. Подготовлены и согласованы Договоры с Ростовской областью. Республикой Северная Осетия, городом Москвой и Московской областью, Казахстаном и Туркменистаном. С целью расширения экономических и культурных отношений с территориально удаленными от КБР субъектами Российской Федерации, с которыми наша республика традиционно имела тесные связи, подписан Договор с Ярославской областью, пролонгирован Договор с Пермской областью [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1241. Комитет внешних экономических связей КБР. Оп. 1. Д. 1. Л. 51]. Так, например, в преамбуле Договора о дружественных связях между Кабардино-Балкарской Республикой и Московской областью отмечалось, что он заключается из желания сторон «развивать взаимовыгодные экономические, научно-технические, культурные взаимоотношения в интересах укрепления дружбы и сотрудничества между народами России...» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 24. Л. 20]. Договор предусматривал, что Кабинет министров Кабардино-Балкарской Республики решает все вопросы по реализации всех видов продукции и их поставки потребителям Московской области. Договор являлся долгосрочным. Он вступал в силу с момента его подписания 9 декабря 1992 г. Со стороны Кабардино-Балкарской Республики Договор подписал Премьер-министр КБР Г. Черкесов, со стороны Московской области – Глава администрации А. Тяжлов [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 24. Л. 21].

27 июля 1995 г. Парламент Кабардино-Балкарской Республики своим постановлением ратифицировал Договор Российской Федерации и Кабардино-Балкарской Республики «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Кабардино-Балкарской Республики», который был подписан в Москве 1 июля 1994 г. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Министерство внешних связей КБР. Оп. 1. Д. 17. Л. 50]. В п. «ф» ст. 3 Договора к ведению Кабардино-Балкарской Республики относилось «установление и поддержание отношений, заключение договоров и соглашений с другими субъектами Российской Федерации» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 17. Л. 22].

В июне 1995 г. Президент КБР В.М. Коков направил письмо на имя председателей обеих палат Парламента КБР: Совета представителей – М.Н. Жабоева и Совета республики – З.А. Нахушева, о ратификации Договора Российской Федерации и Кабардино-Балкарской Республики «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Кабардино-Балкарской Республики», договоров и соглашений, заключенных Кабардино-Балкарской Республикой с субъектами Российской Федерации и Республикой Абхазией. К этому времени были заключены Договоры о дружбе и сотрудничестве с Карачаево-Черкесской ССР, Ставропольским краем, Республикой Адыгея, Республикой Дагестан, Республикой Калмыкией Хальмг Тангч, Республикой Ингушетия, Краснодарским краем, Ростовской областью; соглашение о дружеских связях с Ярославской областью; соглашение с г. Москвой о сотрудничестве в экономической, научно-технической и социально-культурной

областях [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 17. Л. 3]. Причем договор с далекой Ярославской областью был подписан одним из первых в 1992 г. среди всех субъектов Российской Федерации. Со стороны Кабардино-Балкарии его подписал Президент В.М. Коков, со стороны Ярославской области – Глава администрации А.И. Лисицын. Одним из его воплощений было открытие торговых домов Ярославской области в КБР и наоборот. Правда, функционирование этих торговых домов, также как. несколько позже, и торгового дома «Волгоград», было не столь длительным и не вполне себя экономически оправдало. Также одним из первых в 1992 г. были подписаны договоры с Карачаево-Черкесской Республикой и Республикой Адыгея.

В 1993 г. было подписано Соглашение о принципах торгово-экономического сотрудничества между Астраханской областью и Кабардино-Балкарской Республикой на 1994 г. Со стороны первой Соглашение подписал глава администрации области А.П. Гужвин, со стороны Кабардино-Балкарии – премьер-министр Г.М. Черкесов. Стороны обязывались создавать условия для сохранения старых и установления новых хозяйственных связей между производителями и потребителями на взаимные поставки продуктов сельского хозяйства, продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления. К Соглашению прилагался перечень продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления, предлагаемых Астраханской областью для товарообменных операций в 1994 г., который включал нефть, газ, строительные материалы, продукцию судостроительных заводов и различные товары широкого потребления [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 24. Л. 46].

В 1994-1995 гг. было запланировано подписание аналогичных договоров с Брянской областью (на 1 год с автоматическим продлением), Красноярским краем (на 1 год, с последующей пролонгацией), Курганской областью (на 3 года, с последующей пролонгацией), Республикой Саха (Якутия) (1994-1995 гг., с автоматическим продлением); также на 1995 г. осуществлялась пролонгация договоров с Калининградской областью и Республикой Дагестан В 1996 г. намечалось заключить соглашения с Тамбовской областью (1996 – 97 гг., с последующей пролонгацией), Владимирской областью (с последующей пролонгацией), Республикой Дагестан (бессрочное), Белгородской областью (1995-2000 гг. с последующей пролонгацией), Псковской областью (бессрочное). На 1996 г. планировалась пролонгация соглашений с Чувашской Республикой, Курской областью, Оренбургской областью, Костромской областью, Омской областью и Калининградской областью [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 24. Л. 1].

В 1994 г. Кабардино-Балкария подписала Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с крупнейшим по территории, богатым по природным ресурсам и одним из наиболее отдаленных, относительно Юга России, регионов – Республикой Саха (Якутия). В преамбуле Соглашения отмечалось, что Стороны исходили из необходимости развития экономических реформ и упрощения взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества. Стороны намеревались сохранять сложившиеся хозяйственные связи и способствовать установлению новых связей между предприятиями, организациями, учрежде-

ниями, органами территориального, муниципального и государственного управления и другими хозяйствующими субъектами регионов. Предполагалось оперативно создать специальные рабочие группы для обсуждения конкретных форм сотрудничества. Стороны должны были содействовать в заключении договоров между предприятиями регионов на поставку сырья, продукции и товаров народного потребления. В первоочередном порядке предполагалось рассмотреть вопросы поставок в Республику Саха (Якутия) плодоовощных консервов и свежей плодово-овощной продукции. Соглашение подписывалось один год, с возможностью продления, при общем согласии Сторон. Соглашение со стороны Кабардино-Балкарской Республики подписал тогдашний Премьер-министр Г.М. Черкесов, со стороны Республики Саха (Якутия) – заместитель Председателя Правительства Е.А. Борисов [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 24. Л. 164-166].

В апреле 1995 г. Кабардино-Балкария подписала Соглашение о долгосрочном торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве с Брянской областью. Как было сказано в преамбуле Соглашения, при его заключении Стороны исходили из объективной логики развития регионов, необходимости поиска новых форм сотрудничества и совершенствования механизмов двухсторонних связей между регионами Российской Федерации, создания благоприятных условий для рыночных отношений между хозяйствующими субъектами. Предусматривалось, что в осуществлении экономического сотрудничества участвуют государственные заказчики Сторон, а также предприятия и организации независимо от организационно-правового статуса и форм собственности. Стороны обязывались оказывать содействие в установлении прямых хозяйственных связей и отношений между промышленными предприятиями и коммерческими структурами республики и области, выполнения ими взятых обязательств по поставкам продукции и другим видам деятельности. Состав, объем и сроки выполнения работ и услуг, а также количество и ассортимент поставляемой продукции определяется в договорах, заключенных между собой государственными заказчиками Сторон, предприятиями и организациями. Стороны, осознавая значение личных контактов в налаживании и развитии связей, считали целесообразным обмен официальными делегациями и специалистами в различных областях хозяйственной деятельности, творческими коллективами. Они также намеревались оказывать содействие в установлении прямых связей между учреждениями науки, культуры, здравоохранения, информатики, туризма и спорта, а также между культурно-этническими обществами народов, проживающих на территории области и республики. Отдельно было прописано оказание взаимопомощи в ликвидации последствий бедствий и катастроф. Соглашение подписывалось сроком на один год, с возможностью автоматического продления при общем согласии Сторон. За Кабардино-Балкарскую Республику Соглашение подписал Премьер-министр Г.М. Черкесов, за Брянскую область – Глава администрации В.А. Карпов [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 24.Л.137-139].

В мае 1995 г. Кабардино-Балкария подписала Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве с Краснояр-

ским краем – крупнейшим субъектом Российской Федерации по территории, залежам полезных ископаемых и экономическому потенциалу. Стороны договаривались проводить обмен технологиями и специалистами по различным отраслям народного хозяйства, совместные ярмарки и аукционы, постоянный и приоритетный обмен информацией, рассматривать возможность совместного кооперированного производства необходимых для регионов товаров и промышленной продукции, с созданием в этих целях акционерных холдинговых компаний. Также они обязывались способствовать развитию прямых связей в области здравоохранения, науки, культуры, образования, экологии, молодежной политики, культуры и спорта. Соглашение действовало до 31 декабря 1995 г. и могло быть пролонгировано на год при согласии обеих сторон. От КБР Соглашение подписал заместитель Премьер-министра КБР В. Сохов, со стороны Красноярского края – заместитель Главы администрации В. Черезов [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 24. Л. 141-142].

В октябре 1995 г. в Нальчике было подписано Соглашение между Правительством Кабардино-Балкарской Республики и Правительством Республики Дагестан по торгово-экономическому сотрудничеству. В преамбуле Соглашения говорилось, что Стороны при его заключении руководствовались Договором о дружбе и сотрудничестве между республиками от 17 сентября 1993 г. Стороны намеревались сосредоточить свои усилия на изыскании новых направлений и форм внешнеэкономического сотрудничества, позволяющих более полно использовать промышленный, научный, технологический, природный потенциалы каждой из Сторон. Номенклатура и объемы взаимопоставок должны были уточняться при заключении договоров между хозяйствующими субъектами Сторон. Последние также обязывались оказывать содействие государственным и коммерческим структурам, а также физическим лицам в установлении и расширении прямых хозяйственных связей, торговле, финансировании и кредитовании социально-экономических программ, представляющих взаимный интерес. Соглашение являлось бессрчным, то есть действующим до тех пор, пока одна из Сторон не уведомит другую в письменной форме о своем намерении прекратить его действие. Со стороны Кабардино-Балкарии Соглашение подписал Премьер-министр Правительства республики Г. Черкесов, со стороны Республики Дагестан – заместитель Председателя Правительства С. Амиров [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 24. Л. 81-82].

В октябре 1995 г., в период Первой чеченской войны 1994-1996 гг., имевшей официальное название «Операция по восстановлению конституционного порядка в Чечне», Премьер-министр Правительства Национального возрождения Чеченской Республики (поддержанного федеральным центром), С. Хаджиев направил письмо Премьер-министру КБР Г.М. Черкесову, в котором, отмечая крайнюю важность установления братских отношений между республиками, доказанное на протяжении многих веков, он заявил об учреждении представительства Чеченской Республики в Кабардино-Балкарии и представил Сейдмагомеда Махаева как официального представителя. Причем, как подчеркивалось в том же письме, ввиду чрезвычайной обстановки в республике, чеченская сторона делала это без предварительного согласования, надеясь, что

«такая договоренность будет достигнута в ближайшем будущем в результате обмена делегациями» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 24. Л. 412]. Правительством Национального возрождения Чеченской Республики было принято специальное постановление о представительстве в КБР и соответствующее Положение [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 24. Л. 413-414].

В декабре 1995 г. Кабардино-Балкария подписала Соглашение о принципах экономических отношений с Владимирской областью. Целью Соглашения обозначалось максимальное удовлетворение населения регионов промышленной продукцией, продовольственными и непродовольственными товарами народного потребления. Стороны брали обязательства содействовать сохранению и расширению прямых хозяйственных связей между коммерческими и некоммерческими организациями регионов на основе равнопартнерства и взаимной выгоды, и установлению новых в рамках единого экономического пространства. Стороны могли проводить обмен специалистами и технологиями по различным отраслям народного хозяйства, совместные ярмарки и аукционы, постоянный и приоритетный обмен информацией, рассматривать возможность совместного кооперирования производства необходимых для регионов товаров и промышленной продукции, с созданием в этих целях акционерных холдинговых компаний. Со стороны Кабардино-Балкарии Соглашение подписал вице-премьер (заместитель Председателя Правительства) КБР Г.К. Пытов, со стороны Владимирской области – и. о. заместителя Главы администрации В.Е. Полянский. Соглашение подписывалось на один год, с возможностью пролонгирования на год при согласии Сторон [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 24. Л. 60-61].

Также в конце 1995 г. состоялось подписание Соглашения о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве между Тамбовской областью и Кабардино-Балкарией на 1996 г. Стороны намеревались сохранять сложившиеся хозяйственные связи и способствовать установлению новых между предприятиями и организациями регионов, обеспечению взаимных поставок продукции, сырья, товаров народного потребления и производственно-технического назначения на основе прямых связей между хозяйствующими субъектами регионов, независимо от ведомственной принадлежности и форм собственности, в пределах их компетенции и в рамках законов, действующих на территории Российской Федерации. Содействие также должно было оказываться развитию прямых связей в области здравоохранения, науки, культуры образования, экологии, молодежной политики, туризма и спорта. Соглашение заключалось на два года, с последующим его пролонгированием, при взаимном интересе сторон. Соглашение подписали: от Правительства Кабардино-Балкарской Республики – Премьер-министр (Председатель Правительства) КБР Г. Черкесов, от Тамбовской области – Глава администрации области О. Бетин [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 24. Л. 55-56].

В конце 1995 г. Президентом КБР В.М. Коковым были направлены письма на имя Президентов Республики Татарстан и Республики Башкортостан М.Ш. Шаймиеву и М.Г. Рахимову с предложением заключить Договоры о дружбе и сотрудничестве, которые, как было сказано в письмах, должны были стать добрыми примерами укрепления существующих и становления новых связей меж-

ду субъектами Российской Федерации. С письмами указанным адресатам направлялись проекты Договоров, которые предлагалось обсудить и подписать [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 34. Л. 48-53]. Аналогичные письма были направлены Президенту Чувашской Республики Н.В. Федорову, с приложением текста проекта Договора о дружбе и сотрудничестве между двумя республиками, и Президенту Республики Саха (Якутия) М.Е. Николаеву [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 27. Л. 58-63].

Развитие системы межрегиональных связей КБР во второй половине 1990-х гг.

В январе 1996 г. министром внешних связей КБР А.Г. Емузовым на имя вице-президента КБР Г.С. Губина был направлен «Анализ реализации двусторонних договоров, заключенных Кабардино-Балкарской Республикой с субъектами Российской Федерации» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 3. Л. 434]. В документе отмечалось, что в 1995 г. Министерство внешних связей КБР завершило создание пояса добрососедства вокруг республики. Была выстроена система договорных отношений с целым рядом субъектов Российской Федерации. В документе содержался вывод, что анализ эффективности проведенной работы по различным отраслям показывает, что договорный процесс на уровне субъектов Федерации, отраслей, министерств и ведомств явился действенным средством восстановления, углубления и диверсификации взаимовыгодных хозяйственных связей, культурных и гуманитарных отношений и, в конечном счете, способствовал укреплению единства Российской Федерации, усилению ее экономического потенциала [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 3. Л. 441].

В апреле 1996 г. к Президенту КБР В.М. Кокову обратился Глава администрации Ивановской области В. Тихомиров, который отмечал, что дезинтеграционные процессы последних лет привели к нарушению производственно-хозяйственных связей между регионами России и бывшими автономными республиками. В целях налаживания взаимовыгодных экономических связей В. Тихомиров предлагал рассмотреть вопрос о заключении Договора об экономическом сотрудничестве между администрациями обоих регионов, и в качестве первоочередного шага решить вопрос об организации Кабардино-Балкарии Торгового дома финансово-промышленной группы «Русский текстиль», который являлся бы поставщиком продукции текстильных, швейных предприятий, а также организовывал бы встречные поставки продукции, производимой в Кабардино-Балкарии. Посредством этой же структуры предлагалось решать вопросы взаиморасчетов между предприятиями регионов [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 27. Л. 77]. Вскоре такое Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Кабардино-Балкарской Республикой и Ивановской областью на 1996 и последующие годы было заключено. Оно исходило из необходимости создания благоприятных условий для рыночных отношений между хозяйствующими субъектами регионов, создания новых рабочих мест, снижения социальной напряженности. Стороны обязывались создавать необходимые условия для сохранения имеющихся и установления новых прямых хозяйственных связей между предприятиями, организациями и предпринимателями на ос-

нове взаимной выгоды. От Кабардино-Балкарии Соглашение подписал Премьер-министр Г. Черкесов, от Ивановской области – Глава администрации В. Тихомиров [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 27. Л. 84-85].

Постановлением Кабинета Министров (Правительства) Кабардино-Балкарской Республики от 25 мая 1996 г. в Кабардино-Балкарской Республике было зарегистрировано Постоянное Представительство Республики Ингушетия в Кабардино-Балкарской Республике. Официальным Представителем Республики Ингушетия был назначен Наурбиев Магомед Хажбекирович, который поддерживал постоянные контакты с Министерством внешних связей и другими органами исполнительной власти КБР по различным вопросам, занимался установлением взаимовыгодных контактов между хозяйствующими субъектами Кабардино-Балкарии и Ингушетии [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 33. Л. 109].

В 1997 г. Постановлением Кабинета министров (Правительства) КБР было утверждено Положение о Министерстве внешних связей Кабардино-Балкарской Республики. Согласно ему. Министерство внешних связей КБР являлось органом республиканской исполнительной власти, разрабатывающим и осуществляющим политику в области межрегиональных, международных и внешнеэкономических связей Кабардино-Балкарской Республики, основные направления которой определяются высшими органами законодательной и исполнительной власти Кабардино-Балкарской Республики. Соответственно на Министерство возлагалась функция установления и развития межрегиональных, международных, экономических и иных связей с республиками, краями и областями Российской Федерации, с иностранными государствами и их субъектами на основе договоров и соглашений. Министерство имело право вступать в прямые контакты с межрегиональными, международными организациями, органами власти, представительствами, учреждениями и официальными лицами субъектов Российской Федерации, иностранных государств и их субъектов, организовывать и направлять работу представительств Кабардино-Балкарской Республики в субъектах Российской Федерации и за рубежом [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 33. Л. 119-123].

В январе 1997 г. сроком на один год (с возможностью продления по взаимному согласию Сторон) было заключено Соглашение с Липецкой областью о принципах экономического, научно-технического и культурного сотрудничества. Со стороны Кабардино-Балкарии его подписал заместитель Премьер-министра (Председателя Правительства) КБР Г. Пытов, со стороны Липецкой области – Первый заместитель главы администрации области В. Бородин. Принимая во внимание многолетние торгово-экономические, научно-технические связи и достигнутый уровень экономического, промышленного, технического и технологического сотрудничества, Стороны согласились в том, что имеются благоприятные возможности сотрудничества на долгосрочной основе, в частности, в следующих областях: сельское хозяйство, сельскохозяйственная техника; пищевая промышленность, улучшение переработки, хранения и упаковки сельскохозяйственной продукции; легкая промышленность, включая производство конкурентоспособных швейных, обувных и кожаных товаров; металлургия и металлообрабатывающая промышленность; строительство, производство строи-

тельных материалов и оборудования. Согласно Соглашению, формами такого сотрудничества могли быть следующие: создание совместных предприятий; создание представительств и филиалов фирм; прямое инвестирование и участие в капитале предприятий; участие в реконструкции, модернизации, расширении и автоматизации существующих производств и отраслей промышленности; предоставление финансовых и банковских услуг, услуг по маркетингу и консалтингу и др.; разработка технико-экономических обоснований; организация и проведение совместных семинаров, ярмарок и конференций, обмен делегациями и экспертами по экономическим вопросам; обмен юридической, экономической, статистической, технической документацией, информацией и публикациями.

Предусматривалось, что уровень экономического, промышленное, техническое и технологическое сотрудничество между предприятиями Сторон в рамках данного Соглашения будет осуществляться на коммерческой основе, если не будет достигнута иная договоренность между этими предприятиями [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 24. Л. 27-28].

В феврале 1997 г. состоялось подписание Соглашения между Кабардино-Балкарской Республикой и Тверской областью. Со стороны КБР Соглашение подписал первый заместитель премьер-министра (Председателя Правительства КБР) Ю.К. Альтудов, со стороны Тверской области – первый заместитель губернатора И.А. Ялышев. В преамбуле Соглашения отмечалось, что Стороны учитывают объективную необходимость социально-экономического развития регионов и дальнейшего расширения сотрудничества между ними, стремясь совместными усилиями удовлетворить потребности населения своих регионов путем проведения радикальных экономических реформ и развития предпринимательства. Отдельной статьей подчеркивалось, что Стороны в области культуры и туризма будут содействовать установлению и развитию связей путем взаимного обмена театральными-концертными гастролями, музейными выставками, экскурсионно-туристическими группами, опыта работа органов просвещения и здравоохранения [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 24. Л. 29-30].

5 марта 1997 г. было заключено Соглашение между Республикой Мордовия и Кабардино-Балкарской Республикой о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве, в целях укрепления дружбы, развития взаимовыгодного сотрудничества, учитывая важность укрепления, расширения и установления новых прямых связей между субъектами хозяйственной деятельности в условиях продолжающегося перехода к рыночной экономики. Стороны выражали согласие оказывать содействие установлению, сохранению и расширению прямых связей между предприятиями, организациями и учреждениями, независимо от форм собственности. Торгово-экономические связи предполагалось развивать по следующим направлениям: взаимопоставки сырья и продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления; развитие внутриотраслевой и межотраслевой кооперации; создание совместных предприятий; открытие филиалов, представительств, торговых домов и фирменных магазинов предприятий и организаций; взаимодействие оптовых и розничных предприятий Сторон [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 24. Л. 22].

При осуществлении торгово-экономических связей Стороны соглашались обеспечивать взаимность регионального режима, при котором на юридических и физических лиц, а также на товары другой Стороны, распространялись бы права, преимущества и льготы, которыми пользуются собственные юридические и физические лица и товары. Сотрудничество субъектов хозяйственной деятельности Сторон должно было осуществляться на основе прямых договоров или контрактов, заключаемых ими в рамках своей компетенции. При этом субъекты хозяйственной деятельности могли сами определять круг партнеров и вступать с ними в контакты, руководствуясь принципами добровольности и взаимной выгоды; согласовывать приемлемые для них формы и направления экономических связей, номенклатуры, цены, объемы, а также другие условия поставок или предоставления услуг. Стороны могли ежегодно обмениваться индикативными списками, включающими объемы и номенклатуру товаров и услуг, имеющих для каждой из Сторон первостепенное значение. По законодательству того времени допускалось уже применение различных форм торгово-экономической деятельности, включая компенсационные и товарообменные (бартерные) сделки. Расчеты могли осуществляться в любой, предусмотренной банковской практикой форме. Стороны могли оказывать содействие друг другу в осуществлении внешнеэкономических связей. Соглашение предусматривало развитие контактов и связи в области культуры, образования, спорта, туризма и в иных сферах социально-культурной жизни. Соглашение подписывалось сроком на три года, с возможностью автоматического продления, при общем согласии Сторон. Соглашение подписали: со стороны Правительства КБР – первый заместитель премьер-министра (Председателя Правительства КБР) Ю.К. Альтудов, со стороны Правительства Республики Мордовия – первый заместитель Председателя Правительства Республика Мордовия В. Акишев [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 24. Л. 22-25]. На примере данного Соглашения мы видим, что в те годы межрегиональные связи выстраивались на принципах экономического либерализма и горизонтальных связей.

Во второй половине 1990-х гг. продолжилось нормативное регулирование федеративных отношений, уточнение и конкретизация предметов ведения между федеральным центром и субъектами Российской Федерации. Согласно докладной записке министра внешних связей КБР В. Жамборова на имя Президента КБР В.М. Кокова, на Совете при Президенте КБР и заседании Кабинета министров (Правительства) КБР в апреле и мае 1997 г. были рассмотрены и одобрены проекты соглашений о разграничении полномочий между Правительством Российской Федерации и Кабинетом Министров (Правительством) Кабардино-Балкарской Республики по следующим вопросам:

- борьба с преступностью и другими правонарушениями;
- владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами;
- государственной собственности и управления предприятиями федеральной собственности;
- природопользования и охраны окружающей среды;
- образования;

- бюджетно-финансовой, налоговой, денежно-кредитной и ценовой политики;
- формирования кадров республиканских судебных и правоохранительных органов;
- международных и внешнеэкономических связей;
- регулирования вопросов репатриации соотечественников;
- таможенного дела;
- банковского дела;
- аграрно-промышленного комплекса;
- здравоохранения;
- режима пограничной зоны.

Данные проекты соглашений предлагалось направить в Комиссию при Президенте Российской Федерации по подготовке договоров и соглашений о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации для согласования [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 33. Л. 58-59].

В феврале 1998 г. Министерством внешних связей КБР в Правительство Республики Адыгея и Правительство Карачаево-Черкесской Республики были направлены для согласования с целью подготовки к подписанию проекты Договора об образовании Межправительственного Совета и соглашений между Правительствами Адыгеи, Кабардино-Балкарской Республики и Карачаево-Черкесской Республики в следующих областях: аграрно-промышленного комплекса; промышленности и транспортных связей; координации борьбы с преступностью и укрепления правопорядка; здравоохранения; информационной и технологической; науки и образования; культуры; архивного дела; развития туризма и гостиничного хозяйства; природопользования и охраны окружающей среды; гражданской обороны, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Ранее, в ноябре 1997 г., в городе Нальчике, были подписаны Соглашения о сотрудничестве между Правительствами Адыгеи, Кабардино-Балкарской Республики и Карачаево-Черкесской Республики в области информации и торгово-экономической деятельности [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 52. Л. 4].

Заинтересованность в развитии межрегиональных связей проявляли и представители крупных компаний. Так, в мае 1998 г. Председатель Совета Директоров финансово-промышленной группы «Росстрой» (ОАО «Корпорация Промстройинвест») В.Ф. Шумейко, ранее занимавший посты заместителя Председателя Верховного Совета РФ, заместителя Председателя Правительства РФ, обратился с письмом к Президенту КБР В.М. Кокову, в котором, в частности, отмечал: «Исходя из тенденций развития общественно-политической и экономической ситуации в Российской Федерации, а именно: при повышении роли региональных властей и капитала, при традиционном отставании от региональных тенденций федерального аппарата, появляются предпосылки для более активной горизонтальной интеграции регионов РФ. Развитие региональной экономики, налаживание прямых взаимовыгодных экономических связей региональными предприятиями всех форм собственности возможно только при

непосредственном участии администрации региона. Необходимым шагом в развитии экономического сотрудничества между регионами является налаживание информационного обмена между администрациями об опыте ведения хозяйственной деятельности, возможности и потребности предприятий, финансово-экономическое оздоровление неплатежеспособных предприятий, привлечение зарубежных и отечественных инвестиций, внедрение новых технологий, законодательная работа. Немаловажным фактором в развитии межрегионального сотрудничества должно стать участие в информационном обмене региональных средств массовой информации, способных донести до самого широкого круга лиц деловую информацию». Далее в письме предлагалось рассмотреть возможность участия Кабардино-Балкарии в «Российской информационно-аналитической ассоциации «Регионы» (РИАР), которое, по мысли автора письма, обеспечит неограниченный доступ к банку данных о ресурсах и возможностях других регионов [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 52. Л. 19].

В июне 1998 г. в Кабинет Министров КБР с письмом обратился Первый заместитель Главной Администрации (Губернатора) Омской области А.И. Голушко, в котором говорилось о заинтересованности Омской области в сохранении сложившихся и установлении новых взаимовыгодных экономических связей между хозяйствующими субъектами обоих регионов на принципах, изложенных в заключенном в декабре 1993 г. Соглашении об экономическом сотрудничестве между Омской областью и Кабардино-Балкарской Республикой и в связи с истечением срока данного Соглашения предлагалось пролонгировать его на 1998-2000 гг. В июле 1998 г. представителем Министерства внешних связей КБР в Омской области был назначен Ю.У. Герандоков [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 48., т.2. Л. 96,122].

Таким образом, во второй половине 90-х гг. XX в. власти Кабардино-Балкарской Республики и многих субъектов Российской Федерации по-прежнему проявляли заинтересованность в сохранении и развитии горизонтальных связей во всех основных сферах внутренней политики, что, несомненно, способствовало укреплению федеративных принципов устройства и функционирования Российского государства.

Заключение

В конце XX – начале XXI в. руководство Кабардино-Балкарии проводило активную политику по установлению и развитию новых горизонтальных связей с другими субъектами Российской Федерации. Она диктовалась объективными политическими, экономическими и социально-культурными реалиями переходного периода в истории Российского государства в целом и его регионов, в частности, когда произошел демонтаж прежней модели централизованного управления всеми сферами жизни общества и на повестку дня встала проблема выработки новой модели федеративных отношений, подразумевавшей не только отношения между федеральным центром и регионами, но и между самими регионами. Последние были кровно заинтересованы не только в сохранении, насколько это было возможно, десятилетиями налаженных производственно-хозяйственных и культурных связей, но и в поиске новых каналов взаимовы-

годного сотрудничества во всех возможных сферах деятельности. Особенно в первой половине 90-х гг. XX в. такая политика, по мысли глав российских регионов, позволяла смягчить последствия болезненного перехода к рыночным отношениям, обеспечить загрузку производственных мощностей, реализацию продукции предприятий самых разных отраслей промышленности и, тем самым, обеспечить хоть какую-то занятость трудоспособного населения.

Созданная в первой половине 90-х гг. XX в. законодательная база, прежде всего новая Конституция Российской Федерации, Федеративный договор, Концепция государственной национальной политики, наделяли республики и другие субъекты в составе РФ широкими правами по установлению между собой прямых договорных отношений. Нередко здесь немаловажную роль играли и хорошие личные отношения между главами регионов, которые позволяли более оперативно заключать договоры и соглашения между отдельными субъектами. И тогдашний лидер Кабардино-Балкарии Валерий Коков не являлся исключением.

В составе Кабинета министров (Правительства) КБР в начале 1990-х гг. было создано профильное министерство (в разные годы – внешних сношений и по делам национальностей; иностранных дел; внешних связей), на которое возлагалась, в том числе, функция установления и развития межрегиональных связей.

Здесь необходимо также учитывать сложные внутривнутриполитические процессы, которые протекали, особенно в конце XX в., в ряде российских регионов, сопряженных с появлением даже так называемых «горячих точек», особенно на Юге России и в сопредельных государствах. Поэтому Кабардино-Балкарская Республика, сама пройдя через периоды нестабильности в межнациональных отношениях, соседствуя с регионами, в которых конфликты приобретали еще более острый характер, а также являясь приграничным субъектом Российской Федерации, была дополнительно заинтересована в создании вокруг себя «пояса добрососедства» и установления диверсифицированных взаимовыгодных межрегиональных связей. К концу XX в. законодательные и исполнительные органы власти КБР наладили систему договорных отношений со многими субъектами Российской Федерации, причем не только с соседними, но и с самыми отдаленными.

Без сомнения, при том, что не всегда межрегиональные связи Кабардино-Балкарии наполнялись конкретикой, не всегда имели устойчивый и долговременный характер, они сыграли немалую положительную роль в смягчении кризисных явлений во всех сферах жизни и способствовали, в конечном итоге, укреплению Российского государства в сложный период его истории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аккиева 2019 – *Аккиева С.И.* К вопросу межкультурного и межэтнического взаимодействия народов Северного Кавказа // Актуальные проблемы истории народов Северного Кавказа. Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. – Махачкала, ООО «Алеф», 2019. – С. 6-13.

Емузов 2015 – *Емузов А.Г.* Через годы и расстояния. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2015. – 644 с.

Тетуев 2006 – *Тетуев А.И.* Межнациональные отношения на Северном Кавказе: эволюция, опыт, тенденции. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – 252 с.

Тетуев 2016 – *Тетуев А.И.* Становление и развитие новой государственности народов Кабардино-Балкарии в период системной трансформации российского общества (1990-2010 гг.) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-novoy-gosudarstvennosti-narodov-kabardino-balkarii-v-period-sistemnoy-transformatsii-rossiyskogo-obschestva/viewer> (дата обращения: 13.12.2022).

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

REFERENCES

AKKIEVA S.I. *K voprosu mezhkul'turnogo i mezhetnicheskogo vzaimodejstviya narodov Severnogo Kavkaza* [On the Issue of Intercultural and Interethnic Interaction of the Peoples of the North Caucasus]. IN: Aktual'nye problemy istorii narodov Severnogo Kavkaza. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. – Mahachkala, ООО «Alef», 2019. – P. 6-13. (In Russ.).

EMUZOV A.G. *Cherez gody i rasstojanija* [Over the years and distances]. – Nal'chik: ООО «Тетраграф», 2015. – 644 p. (In Russ.).

TETUEV A.I. *Mezhnacional'nye otnoshenija na Severnom Kavkaze: jevoljucija, opyt, tendencii* [Mezhnational'nye otnoshenija in the North Caucasus: jevolja, opyt, tendencii]. – Nal'chik: Jel'-Fa, 2006. – 252 p. (In Russ.).

TETUEV A.I. *Stanovlenie i razvitie novoj gosudarstvennosti narodov Kabardino-Balkarii v period sistemnoj transformacii rossijskogo obshhestva (1990-2010 gg.)* [The people of Kabardino-Balkarii in the period of systematic transformation of the Russian society (1990-2010 gg.)] IN: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-novoy-gosudarstvennosti-narodov-kabardino-balkarii-v-period-sistemnoy-transformatsii-rossiyskogo-obschestva/viewer> (data obrashhenija: 13.12.2022) (In Russ.).

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic] (In Russ.).

Информация об авторе

Х.К. Геграев – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

H.K. Gegrayev – candidate of science (History), associate professor.

Статья поступила в редакцию 11.10.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 11.10.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья
УДК 93/94
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-166-174
EDN: GOTOYF

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ТОПОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОСТОВА-НА-ДОНУ: НА ПРИМЕРЕ ПРИСВОЕНИЯ ПОЧЕТНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ШКОЛАМ

Антон Викторович Аверьянов¹, Георгий Александрович Швидкой²

^{1,2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ avaveryanov@sfedu.ru

² shvidkoy@sfedu.ru

Аннотация. Вопросы, связанные с изучением исторической памяти, рассматриваются исследователями в широком контексте, так как восприятие и отображение отдельных ее сюжетов может быть изучено с различных сторон: как материальных в виде, например, мемориального пространства, так и со стороны общественных и государственных практик, например, проведения праздничных мероприятий. В свою очередь, работа по изучению топонимического пространства также подразумевает непосредственный контакт с полем исторической памяти. При подобной постановке проблемы топонимика Ростова-на-Дону предстает как очень перспективное направление для рассмотрения отдельных практик сохранения исторической памяти, таких как присвоение почетных наименований школам. Будучи частью общего топонимического пространства города, они являются ярким маркером того, как на современном этапе взаимодействуют практики реализации топонимической политики и сохранения исторической памяти. Авторы данной статьи убеждены, что исследование топонимического пространства подразумевает непосредственную работу по изучению основных сюжетов исторической памяти, закрепленных в общественном пространстве, путем наименования не только улиц или площадей, но и отдельных учреждений. На основе анализа комплекса почетных наименований школ Ростова-на-Дону, времени их появления, а также смысловой нагрузки, обоснованным представляется выявление наиболее значимых и актуальных сюжетов исторической памяти, сохраненных в 1990-2020-е годы на карте столицы Юга и «ворот Северного Кавказа».

Ключевые слова: историческая память, топонимика, урбаноним, почетные наименования

Для цитирования: Аверьянов А.В., Швидкой Г.А. Сохранение исторической памяти в топонимическом пространстве Ростова-на-Дону: на примере присвоения почетных наименований школам // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 166-174. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-166-174. EDN: GOTOYF.

© Аверьянов А.В., Швидкой Г.А., 2023

Review article

PRESERVATION OF HISTORICAL MEMORY IN ROSTOV-ON-DON'S TOPONYMIC SPACE: AN EXAMPLE OF THE ASSIGNMENT OF HONORARY NAMES TO SCHOOLS

Anton V. Aver'janov¹, Georgiy A. Shvidkoy²

^{1,2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian

¹ avaveryanov@sfedu.ru

² shvidkoy@sfedu.ru

Abstract. Researchers consider issues related to the study of historical memory in a broad context, because the perception and display of its individual plots can be studied from various angles, both material in the form of, for example, a memorial space, and public and state practices, such as holding festive events. Research into toponymic space entails direct touch with the sphere of historical memory. With this phrasing of the topic, the toponymy of Rostov-on-Don appears to be a very interesting route for thinking about specific practices of conserving historical memory, such as naming schools after historical figures. Being a part of the general toponymic space of the city, they are a vivid marker of how the practices of implementing toponymic policy and preserving historical memory interact at the present stage. The authors of this article believe that studying toponymic space entails direct work on the study of the key subjects of historical memory, which are fixed in public space, by designating not just streets or squares, but also individual institutions. Based on the analysis of the complex of honorary names of Rostov-on-Don schools, the time of their appearance, as well as the semantic load, it seems natural to draw conclusions about the most significant and relevant subjects of historical memory preserved in the 1990s-2020s on the map of the capital of the South and the gates of the North Caucasus.

Keywords: historical memory, toponymy, urbanonym, honorary names

For citation: Aver'janov A.V., Shvidkoy G.A. Preservation of historical memory in rostov-on-don's toponymic space: an example of the assignment of honorary names to schools. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 166-174. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-166-174. EDN: GOTOYF.

© Aver'janov A.V., Shvidkoy G.A., 2023

Историческая память, предстающая во всем своем многообразии, является одним из наиболее востребованных объектов изучения среди специалистов из разных областей зарубежной и отечественной гуманитарной науки. Она охватывает различные сферы общественной жизни и человеческого сознания. Восприятие современным социумом отдельных личностей прошлого и исторических событий, память о которых зафиксирована в топонимических объектах, представляется перспективным направлением исследования коллективной памяти. Практика присвоения почетных наименований гармонично вписывается в контекст изучения исторической памяти, так как является одним из основных элементов ее конструирования.

Топонимическое пространство формируется целенаправленно в рамках реализации политики по сохранению исторической памяти и состоит из отдельных элементов, отражающих наиболее актуальные и важные для общества смыслы. Будучи сформированным из различных урбанонимов, оно служит одним из способов актуализации представлений о важнейших для общества и государства событиях. Изучение топонимического пространства и отдельных его элементов позволяет взглянуть на наиболее актуальные маркеры коллективной памяти.

Наименование школ, или используя более широкое понятие – общеобразовательных учреждений, может быть рассмотрено как один из элементов топо-

нимической политики по сохранению исторической памяти. Актуальность исследования заключается в отсутствии научных работ по изучению инструментов ее формирования путем присвоения почетных имен общеобразовательным учреждениям. С другой стороны, наблюдается отчетливая тенденция увеличения количества школ, лицеев и гимназий, получивших почетное наименование за последние годы, что свидетельствует о широком распространении данной практики в мемориальном пространстве российских городов.

В связи с этим представляется перспективным рассмотрение задач, основных направлений и механизмов политики по наименованию общеобразовательных учреждений в контексте сохранения исторической памяти на региональном материале. Ростов-на-Дону как крупнейший город на Юге России обладает богатой и насыщенной историей, которая отражена в топонимическом пространстве города. Основу источниковой базы статьи составляют постановления местной администрации и уставы общеобразовательных учреждений, которые находятся в свободном доступе на тематических ресурсах (официальный портал Администрации города и официальные сайты общеобразовательных учреждений).

Школа, являясь одним из важнейших социальных институтов, направленных не только на обучение, но и на воспитание, играет колоссальную роль в процессе складывания представлений об истории государства и народа среди молодежи. Молодые люди, будучи тесно связанными с данным социальным институтом в период своего самого активного формирования взглядов и мировоззрения, наиболее предрасположены к восприятию социального и исторического опыта. Почетное наименование в подобном случае может играть роль увеличения престижа как самой школы, так и учащихся в ней и при этом послужить толчком к пробуждению интереса к изучению того или иного исторического сюжета или личности среди школьников.

Выборка почетных наименований анализируемых образовательных учреждений в статье представляется репрезентативной: на территории Ростова-на-Дону находятся свыше ста общеобразовательных учреждений¹, значительная часть из которых носит почетные имена в честь выдающихся личностей. Примечательно, что большинство из них удостоились этой чести в 2010-2020-е гг. В подавляющем числе мы можем выделить почетные имена героев Великой Отечественной войны, что говорит об основных приоритетах государственной политики по сохранению исторической памяти и наиболее актуальных сюжетах в коллективном сознании. Довольно часто школы получают наименования с привязкой к конкретному человеку, связанному с данным общеобразовательным учреждением. Однако эта черта присуща далеко не всем сюжетам с присвоением почетного имени.

Важно отметить, что практика почетных наименований, как часть топонимической политики, действует на основе «современных социокультурных процессов, работая на передачу актуальных смыслов дня сегодняшнего» [Голоми-

¹ Общее образование // Сайт Администрации и главы Администрации города Ростова-на-Дону URL: <http://rostov-gorod.ru/administration/structure/office/uo/action/obsh/> (дата обращения: 10.10.2023).

дова 2019: 13]. Подтверждением этому выступает увеличение количества почетных наименований школ в XXI в. в Ростове-на-Дону, отображающих тенденции закрепления в топонимическом пространстве города наиболее важных как с исторической точки зрения, так и с позиции социального восприятия героев и событий прошлого.

Эмпирической базой исследования стал комплекс наименований общеобразовательных учреждений Ростова-на-Дону. В первую очередь необходимо отметить, что рассмотреть все сюжеты присвоения почетных званий в рамках одной статьи не представляется возможным, так как на сегодняшний день в городе имеется свыше 60 подобных кейсов. При этом анализ отдельных наиболее ярких и показательных примеров является, на наш взгляд, вполне обоснованным, что позволит составить общее представление об основных направлениях и механизмах сохранения исторической памяти в мемориальном пространстве города.

В настоящей статье почетные наименования можно отнести к термину «урбаноним», т.е. собственного имени любого внутригородского объекта [Подольская 1988: 154]. По мнению видного исследователя топонимики – доктора филологических наук Марины Васильевны Голомидовой, в широком понимании данного термина наименование отдельного объекта внутригородской инфраструктуры [Голомидова 2019: 14] вполне применимо.

Другой важный термин, который требует пояснения – топонимическая политика, прекрасно описан М.В. Голомидовой: «Топонимическая политика представляет собой деятельность уполномоченных органов власти по присвоению наименований и переименованию географических объектов, а также нормализации, употреблению, регистрации, учету и сохранению наименований географических объектов» [Голомидова 2022: 172]. Она указывает на сложность данного термина, которая обусловлена «как спецификой самих географических имен, так и комплексом связанных с ней идейных установок, задач и действий» [Голомидова 2022: 172]. Подобное определение топонимической политики вполне уместно, так как одной из ключевых задач является рассмотрение вопроса сохранения исторической памяти и наименования общеобразовательных учреждений как инструмента по реализации этого процесса, а также его идейного наполнения.

Как уже отмечалось, в Ростове-на-Дону, согласно реестру подведомственных учреждений общего образования, имеется 101 общеобразовательное учреждение¹. 63 из них имеют почетные наименования, что составляет больше 60 %. Причем на основе выборки имеется возможность провести классификацию по различным признакам, например, по таким как наименования в честь:

- 1) отдельной личности (54);
- 2) определенного объединения, прежде всего воинского соединения или подразделения (9).

¹ Подведомственные учреждения. Реестр // Сайт Администрации и главы Администрации города Ростова-на-Дону URL: <https://rostov-gorod.ru/upload/medialibrary/c24/Общеобразовательные%20учреждения.pdf> (дата обращения: 15.10.2023).

Тем самым, из 63 общеобразовательных учреждений, имеющих почетное наименование – 54 названы в честь отдельных личностей. 8 носят имя войсковых соединений, такие как «Школа № 16 имени 339-й Ростовской стрелковой дивизии», «Лицей № 33 имени Ростовского полка народного ополчения» или «Школа № 60 имени пятого гвардейского Донского казачьего кавалерийского Краснознаменного Будапештского корпуса». Школа № 32 носит имя «Молодой гвардии» – подпольной организации времен Великой Отечественной войны.

Важно отметить, что все войсковые подразделения и соединения, чьи имена присвоены общеобразовательным учреждениям, часть своего боевого пути и подвигов совершали непосредственно на территории Ростова-на-Дону или имеют историю, тесно связанную с городом.

Так, 339-я стрелковая Таманско-Бранденбургская Краснознаменная ордена Суворова дивизия, также имеющая почетное наименование Ростовской, чье имя носит школа № 16, была сформирована изначально из уроженцев Ростовской области и принимала участие в зимнем контрнаступлении 1942 года.

Имя Ростовского полка народного ополчения носит лицей № 33, а сам полк героически проявил себя при обороне и последующем первом освобождении Ростова-на-Дону.

Школа № 40 имени Восьмой Воздушной Армии, названа в честь войскового соединения непосредственно участвовавшего в освобождении города в январе-феврале 1943 года.

Имя 33-го Кёнигсбергского мотострелкового полка, сформированного на территории Ростова, носит школа № 55.

Имя 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского Краснознаменного Будапештского корпуса, также принимавшего участие в Ростовской операции, присвоено школе № 60 еще в советский период – в 1979 г.¹

6-й Гвардейская Сивашская танковая бригада принимали участие в Миусской операции и ее имя было присвоено школе № 67.

Школа №68 названа в честь 56-й армии, проявившей себя во время обороны и последующего освобождения Ростова-на-Дону.

«Школа № 79 имени 440-го гаубичного артиллерийского полка» носит имя в честь войскового соединения не просто сформированного в годы Великой Отечественной войны на территории города, а непосредственно в стенах школы².

Представляется обоснованным также классифицировать почетные наименования в зависимости от идейного насыщения урбанонима, связанного с той или иной исторической личностью или событием, и названного в честь:

- 1) героев и событий Великой Отечественной войны;
- 2) героев России;
- 3) деятелей культуры и науки.

¹ Устав муниципального автономного общеобразовательного учреждения города Ростова-на-Дону «Школа № 60 имени пятого гвардейского Донского казачьего кавалерийского Краснознаменного Будапештского корпуса» // URL: https://school60rd.com/f/ustav_maou_shkola_no60.pdf (дата обращения: 01.11.2023).

² Ростовской школе № 79 присвоили имя 440-го гаубичного артиллерийского полка большой мощности // ДОН 24 URL: <https://don24.ru/rubric/obschestvo/rostovskoy-shkole-79-prisvoili-imya-440-go-gaubichnogo-artilleriyskogo-polka-bolshoy-moschnosti.html> (дата обращения: 02.10.2023).

Самой представленной в количественном плане подгруппой в имеющейся выборке являются наименования в честь героев и участников Великой Отечественной войны – их свыше 40. Все 9 учреждений, получивших наименования в честь войсковых подразделений и соединений, а также школа № 32 имени «Молодой гвардии», относятся непосредственно к данной подгруппе.

Четыре учреждения носят имена Героев Российской Федерации. «Школа № 24» имени Героя России Андрея Орлова – ветерана Второй Чеченской кампании, похороненного в Ростове-на-Дону, где он жил и служил перед своей трагической гибелью. «Школа № 82» имени Героя России Василия Анатольевича Першикова – участника Второй Чеченской кампании, трагически погибшего в 1999 г. во время вторжения бандформирований в Дагестан. Он являлся уроженцем Ростова-на-Дону и учился в школе № 82, которая с 2015 г. носит его имя¹.

«Школа № 84 имени Героя России Дмитрия Петрова» названа в честь уроженца Ростова-на-Дону, учившегося в данной школе. С 2003 г. школа носит его имя². «Школа № 100 имени Героя Российской Федерации генерала Г.Н. Трошева» названа в честь участника Второй Чеченской кампании в 2020 г.³

Ряд школ имеет наименование в честь деятелей культуры и науки. Например, «Школа № 96 Эврика–Развитие имени Нагибина Михаила Васильевича» названа в честь выдающегося деятеля в сфере вертолетостроения. Его именем также назван одноименный проспект (бывший проспект Октября).

«Лицей № 102» с 2020 г. носит имя дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта В.М. Комарова⁴.

«Школа № 115 имени Юрия Андреевича Жданова» названа в честь профессора, члена-корреспондента Академии наук СССР⁵, долгое время бывшего ректором Ростовского государственного университета.

Таким образом, прослеживается четкая корреляция между присвоением почетного звания той или иной школе и теми историческими личностями, которые были непосредственно связаны с Ростовом-на-Дону: родились и жили в нем, работали, совершали военные и трудовые подвиги. Характерна также неразрывная связь между представителями различных исторических периодов советского времени и современности.

Особое внимание следует обратить на рассмотрение хронологии присвоения почетных имен общеобразовательным учреждениям. Практика наименова-

¹ Постановление Администрации города Ростова-на-Дону "О присвоении почетных имен школам" от 31.08.2015 № 773 // Ростов официальный. – 2015.

² Устав образовательной организации // Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение города Ростова-на-Дону «Школа № 84 имени Героя России Дмитрия Петрова» URL: https://sch84-rostov.eduface.ru/documents/right_documents/page/required_right_doc_01 (дата обращения: 20.10.2023).

³ Постановление Администрации города Ростова-на-Дону "Об установке бюста, мемориальных досок и присвоении почетных имен" от 30.10.2020 № 1143 // Ростов официальный. – 2020

⁴ Изменения и дополнения в Устав 2021 // Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение города Ростова-на-Дону «Лицей № 102 имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта Комарова В.М.» – URL: <http://school102.roovr.ru/cvedeniya-ob-obrazovatelnoy-organizatsii/dokumenty/ustav-obrazovatelnoy-organizatsii/> (дата обращения: 20.10.2023).

⁵ Постановление Администрации города Ростова-на-Дону "Об установке памятников, увековечению имен погибших в годы Великой Отечественной войны и присвоении почетного имени " от 10.01.2019 № 1 // Ростов официальный. – 2019.

ний школ в честь выдающихся личностей началась в советский период. Например, «Школа № 80 имени Героя Советского Союза Рихарда Зорге» получила свое имя в соответствии с Решением Исполнительного комитета Ростовского-на-Дону городского Совета депутатов трудящихся № 23 от 15 января 1965 г.¹ «Школа № 60 имени 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского Краснознаменного Будапештского корпуса» имеет почетное наименование с 1979 г.

Однако наиболее массовые кампании по присвоению почетных наименований проходили в 2000-2020-е гг. Проведя анализ уставов школ, размещенных на официальных сайтах учреждений и сопоставив ряд постановлений Администрации города Ростов-на-Дону, можно сделать следующие выводы. В 2000-е гг. получают почетные наименования 14 учреждений, 2010-е гг. – 13, а в еще не закончившиеся 2020-е гг. уже 28 школ, лицеев и гимназий. Тем самым 55 школам было присвоено имя в XXI в. Это свидетельствует о возросшей популярности использования урбанонимов как одного из инструментов сохранения исторической памяти, которая продолжает сохранять свою актуальность. Об этом свидетельствует комплекс постановлений Администрации города Ростова-на-Дону, в которых отражен процесс присвоения почетных наименований школам, лицеям и гимназиям в последние два десятилетия.

Так, постановлением Администрации города Ростова-на-Дону № 1040 от 26.04.2000 г. присвоены: имя Героя России Дмитрия Петрова муниципальной средней общеобразовательной школе № 84; имя Береста Алексея Прокопьевича муниципальной средней общеобразовательной школе № 7².

Постановлением от 24.12.2007 г. № 1360 присвоено также два имени: Героя Советского Союза Лунина Николая Александровича МОУ средней образовательной школе № 66 и Героя Советского Союза Щербакова Николая Митрофановича МОУ средней образовательной школе № 87³. Стоит уточнить, что школы №66 ныне не существует, так как она реорганизована путем присоединения к школе № 67⁴.

Если рассмотреть период 2010-х гг., за исключением ряда нормативных актов, в которых указано присвоение одного конкретного почетного наименования, нас может заинтересовать постановление № 894 от 01.07.2016 г. В нем присваивается почетное звание сразу трем школам: имя Почетного гражданина города Ростова-на-Дону Слюсаря Бориса Николаевича – школе № 53; имя Ге-

¹ Устав школы // Муниципальное бюджетное образовательное учреждение города Ростова-на-Дону "Школа № 80 имени Героя Советского Союза Рихарда Зорге" URL: <http://school80rd.ru/svedeniya/%20ob%20obrazovatelnoi%20organozazii/dokumenti/ustav.pdf> (дата обращения: 03.10.2023).

² Постановление Мэра г. Ростова-на-Дону от 26 апреля 2000 г. N 1040 "О присвоении почетных званий, установке мемориальных досок, переименовании проспекта Октября" // Система ГАРАНТ URL: <https://base.garant.ru/9906959/#friends> (дата обращения: 01.11.2023).

³ О присвоении Почетных имен и присвоении наименований улицам и переулкам города Ростова-на-Дону // Официальный портал городской Думы и Администрации города Ростова-на-Дону URL: <https://rostovgorod.ru/documents/regulations/61578/> (дата обращения: 02.11.2023).

⁴ Изменения в Устав МБОУ «Школа № 67 им. 6-й Гвардейской Сивашской танковой бригады» 2022г. // МБОУ "Школа № 67". – URL: <http://sh-67.org.ru/documents/2023/изменения%2022.pdf> (дата обращения: 03.11.2023).

роя Советского Союза Никандровой Анны Алексеевны – гимназии № 76; имя Героя Советского Союза Пудовкина Павла Григорьевича – школе № 90.

Тем самым на период 2000-2010-х гг. приходится ряд мероприятий по присвоению почетных имен, которые можно охарактеризовать скорее как единичные примеры. Однако ситуация кардинально меняется в 2020-е гг., в связи с чем особый интерес представляют три постановления администрации города, на которые суммарно приходится 26 наименований образовательных учреждений.

Постановлением № 506 от 25.05.2020 г.¹ присвоено 5 почетных наименований, постановлением № 1143 от 30.10.2020 г.² – 13, постановлением № 611 от 15.07.2021 г.³ – 8. При характеристике конкретных сюжетов в процессе сохранения исторической памяти отчетливо пролеживается тенденция на увековечение имен героев Великой Отечественной войны.

Например, «Лицей экономический № 71» получил имя Героя Советского Союза, гвардии подполковника Иноземцева Георгия Александровича; имя дважды Героя Советского Союза, маршала Советского Союза Баграмяна Ивана Христофоровича присвоено школе № 22; школа № 31 получила имя командира батальона Ростовского полка Народного ополчения Катаева Александра Серапионовича.

Таким образом, на текущий момент Ростов-на-Дону имеет в своем активе крупную базу урбанонимов – в данном случае наименований школ, которые служат в определенном роде инструментом политики сохранения исторической памяти о важнейших событиях и личностях советской и российской истории. Важно отметить, что подобная практика направлена, прежде всего, на учащуюся аудиторию, что играет особую роль в деле исторического просвещения и формирования коллективной памяти среди подрастающего поколения.

Сохраняющая популярность практика наименования школ в честь героев Великой Отечественной войны указывает на важный социальный маркер и значение, которые формируются вокруг коллективной памяти, объединяющей множество людей разных поколений. В то же время выделяются наименования в честь Героев Российской Федерации, что свидетельствует об историческом преемстве советского и современного периода в истории нашей страны.

К 2023 г. почетные наименования имели чуть более 60 % общеобразовательных учреждений города, а именно 63 из 101 школы, что указывает на сохранение ресурса по увековечению наиболее важных событий и героических личностей из российской истории в топонимическом пространстве Ростова-на-Дону на примере образовательных учреждений. В свою очередь это означает, что получившая за последние годы практика присвоения почетных наименова-

¹ Постановление Администрации г. Ростова-на-Дону от 25.05.2020 N 506 "Об установке памятников, памятного знака, мемориальной доски и присвоении почетных имен" // «Сборник правовых актов Ростовской области» URL: <https://rostoblpravo.ru/postanovlenie/2020/05/25/n-506/> (дата обращения: 05.11.2023).

² Постановление Администрации города Ростова-на-Дону "Об установке бюста, мемориальных досок и присвоении почетных имен" от 30.10.2020 № 1143 // Ростов официальный. – 2020

³ Постановление Администрации г. Ростова-на-Дону от 15.07.2021 N 611 "Об установке памятника, бюста, мемориальных досок, присвоении почетных имен, присвоении наименований элементам улично-дорожной сети города Ростова-на-Дону" // «Сборник правовых актов Ростовской области» URL: <https://rostoblpravo.ru/postanovlenie/2021/07/15/n-611/> (дата обращения: 02.11.2023).

ний школам имеет позитивное значение в деле сохранения исторической памяти и, по всей видимости, будет продолжена.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Голомидова 2022 – Голомидова М.В. Топонимическая политика // Социоллингвистика. – 2022. – № 3. – С. 172–177.

Голомидова 2019 – Голомидова М.В. Урбанонимы как ресурс управления восприятием городского пространства // Коммуникативные исследования. – 2019. – № 6. – С. 11–30.

Подольская 1988 – Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – 2-е изд. – М.: Наука, 1988. – 198 с.

Сидорова 2012 – Сидорова Л.О. Концептуальные подходы к понятию «историческая память» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 4. – С. 81–86.

REFERENCES

GOLOMIDOVA M.V. *Toponimicheskaja politika* [Toponymic policy]. In: Sociolingvistika. – 2022. – № 3. – Pp. 172–177. (In Russ.).

GOLOMIDOVA M.V. *Urbanonimy kak resurs upravlenija vosprijatiem gorodskogo prostranstva* [Urbanonyms as a resource for managing the perception of urban space]. In: Kommunikativnye issledovanija. – 2019. – № 6. – Pp. 11–30. (In Russ.).

PODOL'SKAJA N.V. *Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic terminology]. 2-e izd. – M.: Nauka, 1988. – 198 p. (In Russ.).

SIDOROVA L.O. *Konceptual'nye podhody k ponjatiju «Istoricheskaja pamjat'»* [Conceptual approaches to the concept of "historical memory"]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2012. – № 4. – Pp. 81–86. (In Russ.).

Информация об авторах

А.В. Аверьянов – доктор исторических наук, доцент.

Г.А. Швидкой – магистрант.

Information about the author

A.V. Aver'janov – Doctor of Science (History), docent.

G.A. Shvidkoy – graduate student.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.10.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 01.10.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Этнология, антропология и этнография

Научная статья

УДК 39(392)

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-175-191

EDN: HZNGNY

АМУЛЕТЫ И ОБЕРЕГИ НАРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В СОБРАНИИ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Рица Шотовна Зельницкая

Российский Этнографический музей, Санкт-Петербург, Россия

riza81@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению предметов из собрания Российского этнографического музея, основными функциями которых являются охранительные. Сбор предметов, которые носили охранительные или оберегательные функции, связан с первыми музейными экспедициями на Кавказ и продолжается до настоящего времени. Исследователи часто обращаются к изучению магических практик, которые являются неотъемлемой частью жизни традиционных обществ. В ходе исследования выявлено, что на Северо-Западном Кавказе бытовали похожие друг на друга амулеты и обереги вне зависимости от господствующего вероисповедания народов, населяющих регион. Основным источником работы являются предметы из собрания РЭМ, которые представляют все типы амулетов и оберегов, бытовавших здесь. В статье также привлечены работы предшественников, посвященных духовной культуре народов Северо-Западного Кавказа, а также полевые материалы автора, собранные во время многолетних этнографических экспедиций в исследуемый регион. В ходе исследования автор приходит к следующим выводам: 1) при создании амулетов религиозная принадлежность народов Северо-Западного Кавказа имеет второстепенное значение; 2) несмотря на принадлежность к мировым религиям – исламу или христианству, люди с помощью отдельных предметов стараются защитить себя и пространство вокруг от вредоносного воздействия; 3) в качестве охранительного предмета может использоваться любой предмет, которому придавалось сакральное значение. Результаты исследования показывают Кавказ как регион, где происходило постоянное взаимодействие народов, приводящее к взаимному обогащению культур.

Ключевые слова или словосочетания: амулеты, Кавказ, ислам, народные верования, черкесы, карачаевцы.

Для цитирования: Зельницкая Р.Ш. Амулеты и обереги народов Северо-Западного Кавказа в собрании Российского этнографического музея // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 175-191. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-175-191. EDN: HZNGNY.

© Зельницкая Р.Ш., 2023

Original article

**AMULETS AND CHARMS OF THE PEOPLES
OF THE NORTHWESTERN CAUCASUS
IN THE RUSSIAN MUSEUM OF ETHNOGRAPHY COLLECTION**

Ritsa Sh. ZelnitskayaRussian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia, riza81@yandex.ru

Abstract. The article examines objects from the Russian Ethnographic Museum's collection, the primary purposes of which are protective. The collection of things with defensive or protective properties dates back to the first museum excursions to the Caucasus and is still going on today. Researchers frequently turn to the study of magical activities that are a vital component of traditional societies' lives. The study discovered that amulets and amulets identical to each other existed in the North-Western Caucasus, regardless of the prevalent religion of the region's peoples. Items from the REM collection, which represent all forms of amulets and amulets that existed here, are the primary source of work. The article also depends on the works of predecessors devoted to the spiritual culture of the peoples of the Northwestern Caucasus, as well as field materials gathered by the author throughout many years of anthropological expeditions to the region under investigation. The author concludes that: 1) when creating amulets, the religious affiliation of the peoples of the North-Western Caucasus is of secondary importance; 2) despite belonging to world religions - Islam or Christianity - people use individual objects to protect themselves and the space around them from harmful effects; and 3) any object that has been given sacred significance can be used as a protective object. The study's findings demonstrate the Caucasus as a place where peoples have constantly interacted, resulting in reciprocal enrichment of civilizations.

Keywords: amulets, Caucasus, Islam, folk beliefs, Circassians, Karachays.

For citation: Zelnitskaya R.Sh. Amulets and charms of the peoples of the Northwestern Caucasus in the Russian Museum of Ethnography collection. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 175-191. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-175-191. EDN: HZNGNY.

© Zelnitskaya R.Sh., 2023

Народы Северо-Западного Кавказа в своем историческом развитии прошли путь от язычества к мировым религиям. Благодаря своему географическому положению данная территория стала местом, по которому проходили торговые пути известные еще со времен Великого шелкового пути. На разных исторических этапах народы, проживающие в регионе, познакомились как с христианством, так и с исламом. Распространение христианства, а затем ислама привело к формированию эклектики верований, так как они с одной стороны наложились на существовавшие народные представления, а с другой – привнесли новые религиозные практики. Это отразилось на видах различных амулетов и оберегов, бытовавших здесь.

Для того чтобы защитить себя, семью и свой дом от нечистой силы, народы Северо-Западного Кавказа прибегали к различным магическим средствам. В большинстве случаев это были амулеты и обереги. По определению В.Н. Басилова и И. Винкельмана приведенному «Своде этнографических понятий и терминов»:

«апотропей (*оберег*) определяется как «предмет, знак, действие или состояние, слово, фраза, звук, запах, которые охраняют человека, животных, растения, предметы и постройки от вредоносного действия злых сил (духов, божеств, сглаза, колдовских чар)» [Басилов, Винкельман 1993: 135].

Представление о порче, сглазе приводило к развитой системе различных оберегов и амулетов, защищавших и от злых людей. Для обережения применялись либо пассивные, либо активные меры.

К пассивным можно отнести ношение различного рода амулетов, к активным – систему действий, направленных к тому, чтобы сберечь себя или свое имущество от возможного нанесения вреда.

Амулеты народов Северо-Западного Кавказа представляют большой научный интерес. Первая работа, в которой было сделано обобщающее исследование амулетов, – это небольшая монография Г.Ф. Чурсина «Амулеты и талисманы кавказских народов», изданная в 1929 г. в Махачкале [Чурсин 1929]. Несмотря на ее фундаментальность, в данной монографии отсутствует описание самих предметов. Еще одной важной работой для исследователей является статья Е.М. Шиллинга, «Амулеты восточного Кавказа (с предисловием Е. Терюковой)», в которой «приводимый материал автор располагает по многочисленным рубрикам («части человеческого тела», «животные», «растения», «раковины», «камни», «огниво», «железо», «подковы», «кольцо», «сеть», слова и молитвы) с включением в каждую из них более или менее случайного подбора фактов, относящихся к самым разнообразным районам Кавказа», переизданная в 2018 г. [Шиллинг 2018: 217]. Несомненный научный интерес представляет коллективная монография «Религиозные пережитки черкесов-шапсугов» под редакцией С.А. Токарева и Е.М. Шиллинга основанная на материалах шапсугской экспедиции 1939 г., в которой авторами была предпринята попытка рассмотреть все стороны духовной жизни черкесов [Религиозные пережитки 1940].

Целью данного исследования является введение в научный оборот амулетов и оберегов народов Северо-Западного Кавказа из собрания Российского этнографического музея (далее РЭМ).

Важной исследовательской задачей является выявление доисламских и исламских компонентов, входящих в состав амулетов.

Это позволит проследить культурную связь народов, проживающих в данном регионе, и раскрыть тему сосуществования различных религиозных представлений и практик в рамках культур народов региона. В собрании РЭМ содержатся десятки амулетов народов Кавказа – бараний череп от сглаза, камни с естественным отверстием, амулет-буса, амулет-тряпочка, а также бусы, раковины каури, кусочек янтаря, дуа с молитвой и т.п.

В настоящей статье в качестве исследуемого материала были отобраны амулеты народов Северо-Западного Кавказа и близких к ним по культуре абхазов. Собрание культовых предметов довольно полно отражает сложную систему религиозного многообразия, которая включает в себя как «пережиточные явления древних языческих культов, так и отдельные трансформированные элементы мировых религий – ислама и христианства» [Лойко 2013: 247-248].

Собирание религиозных предметов входило в программу сбора экспонатов, созданную основателями Этнографического отдела Русского музея им. Александра III. Учитывая особую сакральную значимость данных артефактов, следует отметить, что не все собиратели получали доступ к ним, а уж тем более возможность приобретения. Тем не менее, некоторое количество амулетов удалось привезти. В числе собирателей можно назвать сотрудников музея и корреспондентов А.А. Миллера, А.К. Сержпутовского, Е.Н. Студенецкую, В.Н. Воробьева, З.П. Валаева. После закрытия Музея народов СССР в Москве в 1946 г. фонды

Государственного музея этнографии народов СССР (ГМЭ) пополнились новыми экспонатами, в числе которых были амулеты, собранные Е.М. Шиллингом.

Амулеты из собрания РЭМ, привезенные из Северо-Западного Кавказа датируются периодом конца XIX – первой четверти XX в. и представляют собой ценный источник для изучения духовной культуры региона. Этнографическая литература содержит данные о распространении и использовании у народов Северо-Западного Кавказа амулетов и оберегов разного типа, но по поводу бытования исследуемых предметов необходимо отметить, что нам не известна их гендерная и половозрастная принадлежность. Также следует отметить, что в качестве амулета могла использоваться любая вещь, которой придавалось магическое значение, и, соответственно, охранительные функции. Кроме того, здесь бытовали амулеты из камня с естественным отверстием, которые использовались в целительных целях [Лавров 1955: 32].

Рис. 1. РЭМ. Колл. № 2008-56.

Несомненный интерес представляли такие амулеты. По сообщениям исследователей и наших информантов такие камни с естественными отверстиями подвешивались к сосудам, в которых изготавливались или хранили кисломолочные продукты, «чтобы они не прокисли» [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 361. Л. 107].

Несмотря на ограниченность количества предметов в статье будет сделана попытка классифицировать их по признаку принадлежности к объектам природы или культуры (материальной и духовной).

Преимущества территориальной принадлежности заключаются в том, что приводимые предметы можно рассматривать комплексно, без отрыва от среды их бытования.

Амулеты и обереги использовались в самых разных случаях от рождения до смерти. Так, определенные предметы в качестве амулетов вешали на колыбель с младенцем, чтобы защитить его от «дурного» глаза. Например, «среди амулетов, которые кабардинцы привешивали к детским люлькам, встречались

кусочки дерева» [Шиллинг 1931: 46]. Интересен тот факт, что по местным поверьям все болезни и сила нечестии от ребенка переходила в дерево. А человек в свою очередь получал различные блага от него.

Абхазы, в свою очередь, также считая новорожденного особенно подверженным сглазу, не оставляли ребенка одного в колыбели. В том случае, когда это было необходимо

«под люльку клали веник, сыпали кусочек золы или угля, либо клали какой-либо железный¹ предмет. Кроме того, они у изголовья ставили палку из дикой яблони, алычи или грецкого ореха» [Дбар 2000: 71].

Таким образом, они старались оградить от сглаза пространство вокруг младенца. На перекладине колыбели вешали амулеты похожие на те, что использовались у соседних народов Северо-Западного Кавказа, а также в красную ткань зашивали щепотку соли, чеснок, шерсть черной собаки и даже магнит. Эти амулеты должны были располагаться таким образом, чтобы взгляд того, кто входил в комнату, где находился младенец, попадал на них. Таким образом, эти предметы принимали на себя «основной удар злого глаза» [ПМА 2020].

Основным материалом при изготовлении деревянных амулетов являлись боярышник, шиповник и орешник. Использование орешника в качестве амулета на территории Северо-западного Кавказа восходит к раннему средневековью. При раскопках могильника Мощевой Балки были найдены остатки ореховых палочек и плоды ореха, зашитые в шелковый мешочек [Иерусалимская 2012: 378]. Найденные в этом памятнике предметы свидетельствуют о применении в качестве амулетов или оберегов костей различных животных, которые пришивались к одежде.

«В специальных мешочках-ладанках (обычно шёлковых, очень напоминающих европейские, использовавшиеся в средние века для христианских реликвий) – кат. 43–45, 72, 81, подвешенных к нагрудной петле платья или к поясу, носили палочку лещины, иногда кору, корешки или ягоды, – свидетельство распространёнейшего на Западном Кавказе с древности и почти до современности культа деревьев» [Иерусалимская 1992: 54].

В более позднее время на свадьбе во время приготовления специального места для невесты его «украшали множеством амулетов, игравших роль оберегов от «сглаза» и «вредоносной» силы. Народы Северо-Западного Кавказа, веря в магическую силу амулетов, оберегов, различных духов и пр. с целью охранения себя и своего дома использовали предметы, которые их окружали. Такими предметами могли быть камни, фрагменты дерева, куски тканей, железные предметы, скелеты животных. Кроме того, «амулетами считались различные бусины – красные, белые, глазчатые, янтарные, а также раковины. Чаще всего

¹ Отношение к железу как к сакральному предмету имело широкое распространение. Металлические/железные предметы использовались в качестве оберега не только по отношению к младенцам, но и к взрослым. Например, по сообщениям исследователей абазин «в случае ранения или перелома кости у постели больного устраивали шумные гуляния с песнями и танцами, которые назывались *ачапшьара*. Всякий, кто приходил к больному, должен был переступить через лежащий у порога железный предмет, так как, по их мнению, он предохранял от дурного глаза» [Лавров 1955: 3]

это были раковины – каури, а иногда и простые раковины двустворчатого моллюска» [АРЭМ. Ф.2. Оп.2. Д. 361. Л 101]. Помимо вышеперечисленных предметов амулетами могли быть кусочки воска, особенно если она горела у изголовья покойника. Такие кусочки использовали осетины, прикрепляя их к волосам младенца [АИЭА РАН. Ф. 53. Оп. 5. Д. 1381. Л. 96].

Еще в 30-е гг. XX в. Е.Н. Студенецкая обратила внимание на весьма распространенный в регионе способ защиты.

«Тряпочкой красного цвета обвязывали предмет или живое существо, которое надо было уберечь. Такие тряпочки мы видели на шее или рогах скота, на ткацком стане, маслобойке, деревьях сада в Карачае, Балкарии, Кабарде и Осетии» [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 361. Л. 108].

Использование камня в качестве оберега в исследуемом регионе имеет широкое распространение. Камни с естественными отверстиями, либо осколки священных камней зачатую становились предметами оберега, как дома, так и конкретного человека. Известны отдельные предания, в которых говорится о том, что, отправляясь в путь, мужчины-горцы брали с собой вышеназванные осколки. Здесь можно привести два примера. Первый связан с адыгскими племенами. В верховьях рр. Большой и Малый Зеленчук возле аула Инжич-Чукун находится башня Адиюх¹.

«Адыги, проживавшие в этом районе, также приезжавшие из других краев считали своим долгом оставить здесь пули, монетку или лоскуток одежды. Покидая это святилище, они обязательно брали с собой осколок как талисман» [Шортанов 1992: 16–17].

Похожее предание сохранилось в памяти карачаевцев. В так называемом Большом Карачае находится *къадаутаиш* – камень, который оберегал карачаевские аулы. Этот камень и место, где он находится, до сих пор считаются священным и здесь жители Большого Карачая проводили жертвоприношения. По рассказам информантов, «в прошлом, когда карачаевцы уезжали далеко от дома, они отламывали кусочек священного камня, клали в газырь или кисеты и брали с собой. Карачаевцы считали, что *къадаутаиш* будет оберегать в пути» [ПМА: 2016]

Кроме того, народы Северо-Западного Кавказа, в качестве оберега использовали могильные камни. Например, бесплодные карачаевские женщины приходили на могилу, брали оттуда землю и камень и хранили их как обереги [Шаманов 2014: 392]. Как правило, охранительные камни брали с могил местных мусульманских святых. В качестве примера можно указать на то, что для адыгов важное значение имели могилы представителей высшего сословия, которые при жизни пользовались особым уважением в обществе. Так известно,

¹ Упомянутую башню народы Северо-Западного Кавказа называют по разному. По сообщению Л.И. Лаврова «по-черкесски Адиюх, по-абазински – Кайдух, по ногайски – Ак-билек. Бытующее предание гласит о том, что здесь жили Нарт Сосруко и его светлорукая жена. Она была построена переселившимся из Кабарды князем Хаджи-Темрюком, сыном Бамата Кургокина, в начале 1760-х годов. Оно было согласовано с крымским ханом Крым-Гиреем, который дал Темрюку своих мастеров. Легенда о том что ее построил Сосруко потратила свою актуальность поле публикации дневника майора Татарова, который был отправлен в Кабарду по служебным делам [Лавров 1940: №284, 2]

что «осколки могильного столба известного в народе как предводителя зависимых сословий Дамалея Широкоплечего использовались в качестве оберегов в Кабарде, а в Адыгее Кимчерия Ханахока» [Шортанов 1992: 17]

Каменные амулеты, по поверьям народов Северо-Западного Кавказа, кроме способности к охранительной магии обладали еще и целительными свойствами. Известно, что «абазинские знахарки мочили в воде каменный амулет и прикладывали к больной части тела» [Лавров 2009: 146]. Такие же камни-амулеты жители исследуемого региона вешали на ветвях садовых деревьев для того, чтобы они охраняли сад от насекомых, и чтобы деревья хорошо росли [РЭМ. Колл. 6539-6].

Рис. 2. РЭМ. Колл. 6539-6.

Отдельный научный интерес представляет амулет, представленный в коллекции РЭМ под номером 6539-3, в котором на одной нитке нанизаны две раковины, бусина и *два* треугольной формы. В этом предмете видно сосуществование у народов Кавказа исламских и окончательно не искорененных доисламских верований. «У всех народов Северного Кавказа представления и обряды об официальной религии сочетались с пережитками первобытных верований», – пишет Е.Н. Студенецкая [Студенецкая 1974: 82]. На Северном Кавказе бытовая религиозность еще в XX в. была переплетена с дохристианскими и домусульманскими религиозными представлениями и обрядами, хотя в современный период в связи с новой волной исламизации, особенно среди молодежи, эти представления отходят в прошлое.

Экспонат 6539-3 говорит об использовании в качестве оберега как камней и бусин разных цветов, так и раковин моллюсков. Чаще всего это были раковины-каури, а иногда и простые двустворчатые раковины. Еще в первой половине XX в. Г.Ф. Чурсин писал о том, что «раковины чаще употребляются в соединении с камнями или бусами, нанизав на нитку в виде ожерелья или нашиваются на материю» [Чурсин 1929: 22]. Такие амулеты встречались у большинства народов Кавказа.

Рис. 3. РЭМ. Колл. № 6539-3.

Распространение таких оберегов отмечали исследователи различных периодов. В первой половине XX в. Л.И. Лавров в своих наблюдениях о духовной жизни адыгейцев писал:

«Большинство адыгейцев пребывало во власти суеверий. Многие, особенно дети, носили на шее амулеты, состоявшие из раковин каури и кожаных мешочков, в которых помещались бумажки с написанными на них арабскими молитвами» [Лавров 2009: 482].

Дуа, подвешенная рядом с немусульманскими оберегами, является хорошей иллюстрацией сосуществования у кабардинцев ислама с домусульманскими магическими представлениями. Возможно, помещение дуа на одну нитку с раковиной и бусиной должно было «усилить» магические свойства амулета.

Следует сказать, что среди народов Северо-Западного Кавказа ислам получил широкое распространение уже к началу XIX в. и к этому времени восходит восприятие Корана как священного писания. В связи с этим «Отдельные суры и айаты, слова и буквы, являясь частью сакральной системы, приобретают собственную сакральность, и в этом качестве становятся объектом магических действий различного рода» [Резван 2007: 42]. Интересен тот факт, что для осетин-мусульман в качестве оберега для новорожденного ребенка использовали не только отдельные суры и айаты, но и собственно Коран [Кесаева 1998: 13-14].

То, что мусульманская традиция на протяжении всего своего существования знала практику изготовления талисманов и оберегов, стало дополнительным подспорьем для того, чтобы в сознании народов Северо-Западного Кавказа доисламские и привнесенные новой религией практики соединились.

Само по себе использование дуа в качестве охранительного амулета начинается тогда, когда в кавказской среде появилось местное духовенство. Здесь их называли *эфенди*, или *мулла*. Имея мусульманское образование, и знания в

чтении Корана, местные эфенди руководили обрядами жизненного цикла в той части, которая с их точки зрения не противоречила нормам ислама¹.

Мулла-эфенди писал молитву для конкретного человека. Чаще всего это были дети. По адыгским преданиям:

«терять *дуа* было опасно, так как он мог попасть в руки недоброжелателя. При потере *дуа* адыги снова обращались к мулле чтобы он написал соответствующую молитву, которая обезопасила бы владельца от негативного воздействия» [Ботяков 2006: 83].

Осетины также считали, что терять или даже ронять амулеты нельзя, так как упавший на землю амулет терял свои магические свойства [Кесаева 1998: 16].

На рубеже XIX-XX вв. *дуа* зашитые в треугольные мешочки имели широкое распространение. По сообщениям исследователей здесь, на Северо-Западном Кавказе можно было увидеть на шее, как у детей, так и у взрослых, ладанку с зашитой предохраняющей молитвой. По народному поверью эти ладанки оберегали владельцев от несчастий и болезней.

«Как это часто бывает в среде мусульман неарабского происхождения, важны уже не сами арабские слова, которые теряют свой смысл ввиду незнания (или недостаточного знания) языка, а лишь их присутствие. В большом количестве случаев бумага с сурой не видна не только посторонним, но и самому обладателю амулета. Она, свернутая и заклеенная, скрыта в амулетнице, которая является составной частью амулета» [Иванова 2009: 55].

Такие же обереги прибывались над дверным косяком или хранили в недоступном от детей месте. Народы Северо-Западного Кавказа считали:

«для того, чтобы жить в нем благополучно, нужно оградить его амулетами, произнести необходимые молитвы и соблюдать правила взаимодействия с нечистой силой, чтобы случайно не перейти ей дорогу» [Каспина 2018: 72].

Зашитые в мешочки *дуа* отличались от народных талисманов и оберегов тем, что обязательным составляющим элементом являлись письменные тексты. В данном случае здесь именно текст выполнял защитную функцию. Применительно к исламским молитвам среди большинства имело место их магическая интерпретация, когда молитва начинает рассматриваться как действующая сама по себе подобно заклинанию.

Сакральное отношение к письму вообще у народов Северо-Западного Кавказа также зафиксировано в исследовательской литературе. Например, Л.И. Лавров, ссылаясь на сообщение XVIII в., пишет:

«Сохранилось известие от XVIII в., что у баракаевцев употреблялся какой-то талисман с греческой надписью; в 1776 г. один храбрец согласился извлечь при помощи этого талис-

¹ Эти обряды проводились не бесплатно. Например, у карачаевцев «состоящий в должности мулла от каждого двора весной получает по рублю, а осенью по барану; за отправление разных треб платится особенно и, обыкновенно, очень щедро» [Ган 1893: №344, 2-3] В каждом квартале у карачаевцев и хабле-поселок у черкесов, был свой выбранный эфенди. Кроме того, муллы-эфенди занимались «чернокнижием, и с помощью амулетов лечили различные болезни [Колесников 1898: №257, 2].

мана из скалы “заколдованный клад” предварительно выговорив себе от баркаевского общества плату – 250 овец. Доставленный на поверхность “клад” оказался археологическим предметом – две доски со вбитыми в них гвоздями. Баракаевцы не найдя клада, тем не менее, отнесли к деревяшке, как к фетишу» [Лавров 1955: 32]

Так как молитвы были написаны на арабском языке, а знающих его было мало, многие не могли сказать какие именно суры и айаты Корана были там записаны. Клочки бумаги, как правило, зашивались в уже упомянутый кожаный или тканевый мешочек и вешали на шнур как подвеску. Либо вшивали в длинную ткань и как цепочку носили на шее [РЭМ, колл. 1187-29].

Рис. 4. РЭМ. Колл. № 1187-29.

Похожие амулеты имели широкое распространение и у черноморских шапсугов в первой половине XX в. Бывали случаи, когда такие молитвы складывали в серебряный футляр, который таким образом превращался в сакральный предмет. Относительно ювелирных изделий Кавказа, по мнению исследователя В.А. Дмитриева, «можно вести речь о сакральном значении не только серебра, но и других материалов – бирюзы, (ее имитация), кораллов, сердолика и других полудрагоценных камней» [Дмитриев 2011: 267].

Кроме специфически мусульманских, по сообщениям исследователей-кавказоведов XX в., в качестве амулета могли использоваться любые предметы как традиционно бытовые, так и современные. После совершения над ними некоторых действий эти вещи входили в «некоторую семиотическую систему, по-

сле чего они приобретали тот или иной семиотический статус, то есть занимали определенное место на шкале семиотических явлений, искусственно созданных человеком» [Байбурин 1981: 215–216]. В качестве примера можно назвать пробитую крышку от противогоза, входящую в коллекцию РЭМ, наряду с другими культовыми предметами [РЭМ, колл. 6539-5].

Рис. 5. РЭМ. Колл. № 6539-5.

Этот предмет, наряду с другими, также представленными в коллекции, навешивался на деревья для того, чтобы они хорошо росли и в них не заводились черви. Причину выбора данного предмета в качестве превращения его в амулет сказать сложно. Можно предположить, что причиной было то, что народы Северо-Западного Кавказа придавали сакральное значение железу и железным предметам.

Превращение бытового предмета в культовый было зафиксировано и у осетин.

Осетины «ребенка сразу же после рождения трижды протягивали через отверстие чесалки для шерсти. Делали это так. Роженица просовывала ребенка в чесалку вперед головой, а другая женщина вытягивала его за плечи, а потом вновь передавала его матери. Затем чесалка оставалась в качестве оберега у изголовья матери» [Кесаева 1998: 14].

В использовании чесалки в родильном обряде можно предположить, что женщины таким образом старались уподобить ребенка шерсти, то есть чтобы он был гладким и прямым. Чесалку преподносили в качестве свадебного обряда преподносили невесте, считая ее предметом, обладающим апотропеическими функциями.

На плетнях и заборах карачаевского жилья увидите насаженные на шести лошадиные, коровьи или бараньи черепа; этим карачаевец пытается защитить

свое имущество от худого глаза, от действия злых духов и даже от воров [Сысоев 1913: 76]

Еще одной группой предметов, использовавшихся народами Северо-Западного Кавказа, были черепа животных: как правило это были конские, реже коровьи и овечьи. В первой четверти XX в, во время этнографических экспедиций в отдельных областях исследуемого региона исследователями были зафиксированы заборы, на которых были навешаны конские черепа. «Все черкесские народы чтобы предохранить двор от дурного глаза вешали на заборе конский череп» [Лавров 1978: 82]. Похожую картину наблюдали исследователи и среди карачаевцев.

«Пережитком культа лошади являлось использование в магии конского черепа (*ат баи суюк*), который с целью оберега дома, усадьбы, огорода вывешивался на ограде, на центральном столбе жилищ. И теперь, очень часто можно встретить около сакли надетый на шест лошадиный череп, предохраняющий, по мнению карачаевца, от несчастья и дурного глаза, от злых духов [Шаманов 2014: 398].

Изучая эту проблематику, Л.И. Лавров приходит к следующему выводу:

«Древность религиозно-магического использования конских черепов на Кавказе датируется находкой золотого ритона в Мерджанском могильнике (IV-III в. до н.э.). На ритоне, рядом с восседающей богиней, изображен воткнутый в землю кол, на который насажен конский череп» [Лавров 2009: 202].

В фондах РЭМ хранятся два конских черепа, привезенных из Осетии [Рэм, колл. 8761-15746].

Рис. 6. РЭМ. Колл. № 8761-15746.

Среди кавказских женщин амулетами-оберегами также служили различные украшения: перстни, кольца, браслеты и т.д. Ювелирные предметы, носившиеся женщинами, были не столько украшениями, сколько оберегами. Они обеспечивали магическую защиту от «злых» сил природы, опасных в различные периоды жизни. Эти украшения защищали также мужчин от сил, бывших для них «опасными», но покровительствовавших женщинам. Можно предпо-

ложить, что такая традиция восходит к раннему средневековью, о чем свидетельствуют найденные в могильнике Мощевая Балка.

«С левой стороны в шов притачивания раскашивающего клина на линии плечевого перегиба втачивался ритуальный мешочек-амулетница, из шелка или холста. Этот мешочек владелица платья могла наполнить по своему усмотрению важными предметами, которые наделялись функциями оберега. Такими как: раковины каури, плод грецкого ореха и различными бусинами. Для алан характерна асимметрия декора парных элементов костюма (рукавов, обуви и др.). Так у женщин на левой («женской») стороне часто нашивалось больше украшений» [Шевченко 2013: 39].

Даже после смерти, с целью защиты, в могилу женщины клали украшения. Об этом свидетельствует серебряное кольцо, которое находилось на руке мумии, найденной в наземном склепе [РЭМ, колл. 6689-1].

Рис. 7. РЭМ. Колл. № 6689-1.

Подводя итог можно отметить, что, если в письменных культурах, как например в Китае, «составление амулетов подверглось определенной популяризации перейдя из области литургии в народную традицию» [Волчкова 2003: 36] на Северо-Западном Кавказе этот процесс происходил параллельно. Мировые религии ислам и христианство не смогли окончательно вытеснить сложившиеся здесь традиции. У народов исследуемого региона, как в прошлом, так и настоящем благополучно сосуществуют мировые религии и народные верования. Об этом свидетельствуют не только использование отдельных сур Корана в качестве оберегов как самостоятельные предметы, но и их сочетание с другими сакральными предметами, которые по представлениям кавказских народов непременно защитят от всякой нечестии. Этот вывод подтверждается высказыванием, которое можно часто услышать в регионе: «Если это не поможет, то другое точно поможет».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АИЭА РАН. Ф. 53. Оп. 5. Д. № 1381. г. – Архив института этнологии и антропологии Российской академии наук. Ф. 53. Оп. 5. Д. № 1381. г.

АРЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 361. – *Студенецкая Е.Н.* Материалы по пережиткам религиозных верований у народов Северного Кавказа // Архив российского этнографического музея (РЭМ) Ф. 2. Оп. 2. Д. 361.

Байбурин 1981 – *Байбурин А.К.* Семиотический статус вещей и мифология / А.К. Байбурин // Материальная культура и мифология. (Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 37). – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1981. – С. 215-226.

Ботяков 2006 – *Ботяков Ю.М.* Архивные и иллюстративные материалы Е.М. Шиллинга по традиционным верованиям адыгов из собрания МАЭ // Народы Кавказа: музейные коллекции, исследования объектов и явлений традиционной и современной культуры. – СПб: МАЭ РАН, 2006. – С. 30-63.

Басилов, Винкельман 1993 – *Басилов В.Н., Винкельман И.* Религиозные верования. Свод этнографических понятий и терминов. (Под. общ. ред. Бромлей Ю.В.). – Выпуск 5. – М.: Наука, 1993. – 240 с.

Волчкова 2003 – *Волчкова Е.В.* Амулетная магия в ритуальных практиках китайских деревенских традиционных союзов // Религиозный мир Китая. – М.: Издательская группа «Муравей», 2003. – С. 227-236.

Ган 1893 – *Ган К.О.* В Верховьях Кубани и Теберды // Кавказ. – 1893. – № 344. – С. 2-3.

Дбар 2000 – *Дбар С.А.* Обычай и обряды детского цикла у абхазов (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Сухум: Алашара, 2000. – 133 с.

Дмитриев 2011 – *Дмитриев В.А.* Собрание Российского этнографического музея по культуре народов Кавказа исламского круга // Ислам в России и за ее пределами: история, общество, культура. Сборник материалов межрегиональной научной конференции, посвященный 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля шейха Баталхаджи Белхароева. – СПб.: Магас: МАЭ РАН 2011. – С. 263-270.

Иванова 2009 – *Иванова В.В.* Традиция изготовления письменных амулетов как связь времен и пространств // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов, М.А. Рубцова. – СПб.: МАЭ РАН (Кунсткамера), 2009. – С. 53-58.

Иерусалимская 1992 – *Иерусалимская А.А.* Кавказ на Шелковом пути. Каталог временной выставки / А.А. Иерусалимская. – СПб.: Государственный эрмитаж, 1992. – 72 с.

Иерусалимская 2012 – *Иерусалимская А.А.* Мощевая Балка. Необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. – СПб.: Изд-во. Гос. Эрмитажа, 2012. – 384 с.

Каспина 2018 – *Каспина М.М.* Представления о домовом в еврейском фольклоре и книжности // Демонология как семиотическая система. Материалы V Международной научной конференции. – М.: РГГУ, 2018. – С. 72-75.

Кесаева 1998 – *Кесаева Р.Э.* Традиционное воспитание детей в современной осетинской семье: этносоциологический анализ: дис. канд. соц. наук: 22.00.04; Ин-т социальных исслед. РАН. – М., 1998. – 32 с.

Лавров 1940 – *Лавров Л.И.* Кто и когда построил башню Адиух // Красная Черкессия. – 1940. – № 284.

Лавров 1955 – *Лавров Л.И.* Абазины. Историко-этнографический очерк // Кавказский этнографический сборник. – М.: АН СССР, 1955. – С. 5-47.

Лавров 1978 – *Лавров Л.И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978. – 182 с.

Лавров 2009 – *Лавров Л.И.* Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев балкарцев. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. – 556 с.

Лойко 2013 – *Лойко Л.М.* Артефакты верований народов Поволжья и Приуралья в фондах Российского этнографического музея: история сбора, изучения и презентации // Этнографические коллекции в музеях: культурные стратегии и практики. Материалы двенадцатых Санкт-Петербургских этнографических чтений. – СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2013. – С. 246-254.

Резван 2007 – *Резван М.Е.* Овеществление Слова: талисманы, амулеты, обереги // Центральная Азия: традиция в условиях перемен. – СПб.: Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука», 2007. – С. 41-70.

Религиозные пережитки 1940 – *Религиозные пережитки* у черкесов-шапсугов [Текст]: Мат-лы Шапсугской экспедиции 1939 г. / Под ред. С.А. Токарева и Е.М. Шиллинга. – М.: МГУ, 1940. – 82 с.

Студенецкая 1974 – *Студенецкая Е.Н.* Маски народов Северного Кавказа // Народный театр. – Л.: Государственный музей этнографии народов СССР, 1974. – С. 82-105.

Сысоев 1913 – *Сысоев В.М.* Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис: тип. К.П. Козловского, 1913. – Вып. 42. – 156 с.

Чурсин 1929 – *Чурсин Г.Ф.* Амулеты и талисманы кавказских народов. – Махачкала-Пятигорск: «Терек», 1929. – 47 с.

Шаманов 2014 – *Шаманов И.М.* Календарь и календарная обрядность // Карачаевцы. Балкарцы / Отв. ред. Каракетов М.Д., Сабанчиев Х-М.А. – М.: Наука, 2014. – 815 с.

Шевченко 2013 – *Шевченко К.В.* К вопросу о костюме населения района верховьев Кубани в VIII-IX вв. (По материалам могильника Мощевая балка) // Из истории культуры народов Северного Кавказа. – Ставрополь: Изд-во «Графа», 2013. – Вып. 3. – С. 36-42.

Шиллинг 1931 – *Шиллинг Е.М.* Черкесы // Религиозные верования народов СССР Сборник этнографических материалов. – Т. II. – М.: Ленинград: Московский рабочий, 1931. – С. 41-55.

Шиллинг 2018 – *Шиллинг Е.М.* Амулеты восточного Кавказа (с предисловием Е. Терюковой) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2018. – № 1 (36). – С. 213-228.

Шортанов 1992 – *Шортанов А.Т.* Адыгские культы. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 165 с.

REFERENCES

Arkhir Instituta etnologii i antropologii RAN [Archive of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences]. Fund 53. Inventory 5. Feil 1381. (in Russ.).

BAJBURIN A.K. *Semioticheskij status veshchej i mifologiya* [The semiotic status of things and mythology]. – Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie 1981. – P. 215-226. (in Russ.).

BASILOV V.N., VINKEL'MAN I. *Religioznye verovaniya. Svod etnograficheskikh ponyatij i terminov* [Religious beliefs. A set of ethnographic concepts and terms]. / Ed. By Bromlej YU.V. – Вып 5. – М.: Nauka, 1993. – 240 p. (in Russ.).

BOTYAKOV YU.M. *Arhivnye i illyustrativnye materialy E.M. SHillinga po tradicionnym verovaniyam adygov iz sobraniya MAE* [Archival and illustrative materials by E.M. Schilling on the traditional beliefs of the Adygs from the collection of the MAE]. – SPb.: MAE RAN, 2006. – P. 30-63. (in Russ.).

DBAR S.A. *Obychai i obryady detskogo cikla u abhazov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)*. [Customs and rituals of the children's cycle among the Abkhazians (the second half of the XIX - early XX centuries)]. – Suhum: Alashara, 2000. – 133 p. (in Russ.).

CHURSIN G.F. *Amulety i talismany kavkazskih narodov* [Amulets and talismans of the Caucasian peoples]. – Mahachkala-Ptigorsk: «Terek», 1929. – 47 p. (in Russ.).

DMITRIEV V.A. *Sobranie Rossijskogo etnograficheskogo muzeya po kul'ture narodov Kavkaza islamskogo kruga* [The collection of the Russian Ethnographic Museum on the culture of the peoples of the Caucasus of the Islamic circle]. In: *Islam v Rossii i za ee predelami: istoriya, obshchestvo, kul'tura. Sbornik materialov mezhhregional'noi nauchnoi konferentsii, posvyashchennyi 100-letiyu so dnya konchiny vydavushchegosya religioznogo deyatelya sheikha Batal-khadzhi Belkharoeva.* – SPb., Magas: MAE RAN, 2011. – P. 263-270. (in Russ.).

GAN K.O. *V Verhov'yah Kubani i Teberdy* [In the upper reaches of the Kuban and Teberda]. In: *Kavkaz.* – 1893. – № 344. – P. 2-3. (in Russ.).

IERUSALIMSKAYA A.A. *Kavkaz na Shelkovom puti* [The Caucasus on the Silk Road]. In: Katalog vremennoj vystavkiю. – SPb.: Gosudarstvennyj ermitazh, 1992. – 72 p. (in Russ.).

IERUSALIMSKAYA A.A. *Moshchevaya Balka. Neobychnyj arheologicheskij pamyatnik na Severokavkazskom shelkovom puti* [The Paving Beam. An unusual archaeological monument on the North Caucasian Silk Road]. – SPb.: Izd-vo. Gos. Ermitazha, 2012. – 384 p. (in Russ.).

IVANOVA V.V. *Tradiciya izgotovleniya pis'mennyh amuletov kak svyaz' vremen i prostanstv* [The tradition of making written amulets as a connection of times and spaces]. In: Radlovskij sbornik: Nauchnye issledovaniya i muzejnye proekty MAE RAN v 2008 g. – SPb.: MAE RAN (Kunstkamera), 2009. – P. 53-58 (in Russ.).

KASPINA M.M. *Predstavleniya o domovom v evrejskom fol'klоре i knizhnosti* [Demonology as a semiotic system. Materials of the International Scientific Conference]. – Moskow: RGGU, 2018. – P. 72-75. (in Russ.).

KESAEVA R.E. *Tradicionnoe vospitanie detej v sovremennoj osetinskoj sem'e: etnosociologicheskij analiz. Diss. kand. soz. nauk* [Traditional upbringing of children in a modern Ossetian family: an ethnosociological analysis]. – M.: Institut Social'no-politicheskikh issledovanij RAN, 1998. – 32 p. (in Russ.).

LAVROV L.I. *Kto i kogda postroil bashnyu Adiyuh* [Who built the Adiyukh Tower and when]. In: Krasnaya CHERkessiya. – 1940. – № 284. – P. 2. (in Russ.).

LAVROV L.I. *Abaziny. Istoriko-etnograficheskij ocherk* [Abazines. Historical and ethnographic essay]. In: Kavkazskij etnograficheskij sbornik. – Moskow: AN SSSR, 1955. – P. 5-47. (in Russ.).

LAVROV L.I. *Istoriko-etnograficheskie ocherki Kavkaza* [Historical and ethnographic essays of the Caucasus]. – L.: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1978. – 182 p. (in Russ.).

LAVROV L.I. *Doislamskie verovaniya adygejcev i kabardincev // Izbrannye trudy po kul'ture abazin, adygov, karachaevcev balkarcev. – Nal'chik: GP KBR «Respublikanskij poligrafkombinat im. Revolyucii 1905 g.», 2009. – 556 p. (in Russ.).*

LOJKO L.M. *Artefakty verovanij narodov Povolzh'ya i Priural'ya v fondah Rossijskogo etnograficheskogo muzeya: istoriya sbora, izucheniya i prezentacii* [Artifacts of the beliefs of the peoples of the Volga region and the Urals in the funds of the Russian Ethnographic Museum: the history of sbora, izucheniya i prezentacii. Ethnographic collections in museums: cultural strategies and practices. Materials of the twelfth St. Petersburg Ethnographic Readings]. – St. Petersburg, 2013. – P. 246-254. (in Russ.).

Religioznye perezhitki u cherkesov-shapsugov [Religious remnants of the Shapsug Circassians]: Mat-ly Shapsugskoj ekspeditsii 1939 g. / Pod red. S.A. Tokareva i E.M. Shillinga. – M.: MGU, 1940. – 82 s. (in Russ.).

REZVAN M.E. *Oveshchestvlenie Slova: talismany, amulety, oberegi* [Reincarnation of the Word: talismans, amulets, charms]. In: Central'naya Aziya: tradiciya v usloviyah peremen. Sankt-Peterburg, 2007. P. 41-70 (in Russ.).

STUDENECKAYA E.N. *Maski narodov Severnogo Kavkaza* [Masks of the peoples of the North Caucasus]. Narodnyj teatr. – Leningrad: State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, 1974. – P. 82-105. (in Russ.).

STUDENECKAYA E.N. *Materialy po perezhitkam religioznyh verovanij u narodov Severnogo Kavkaza* [Materials on the remnants of religious beliefs among the peoples of the North Caucasus]. In: Archive of the Russian Ethnographic Museum *Fund.2. Inventory.2. Feil. 361. Fol. 101* (in Russ.).

SYSOEV V.M. *Karachaj v geograficheskom, bytovom i istoricheskom otnoshenii* [Karachai in geographical, everyday and historical terms]. In: Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza. – Tiflis: tip. K.P. Kozlovskogo, 1913. – Vyp. 42. – 156 p. (in Russ.).

SHAMANOV I.M. *Kalendar' i kalendarnaya obryadnost'* [Calendar and calendar rites]. In: Karachaevcy Balkarcy. Otv. Red. Karaketov M.D., Sabanchiev H-M.A. – Moskow: Nauka, 2014. – 815 p. (in Russ.).

SHEVCHENKO K.V. *K voprosu o kostyume naseleniya rajona verhov'ev Kubani v VIII-IX vv (Po materialam mogil'nika Moshchevaya balka)* [On the issue of the costume of the population of

the upper Kuban region in the VIII-IX centuries (Based on the materials of the Moshevaya Balka burial ground)]. In: *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza*. – Stavropol': Izd-vo «Grafa», 2013. – Вып. 3. – P. 36-42. (in Russ.).

SHILLING E.M. *CHerkesy* [Circassians]. In: *Religioznye verovaniya narodov SSSR Sbornik etnograficheskikh materialov*. – Т. II. – М.: Л., Moskovskij rabochij, , 1931. – P. 41-55. (in Russ.).

SHILLING E.M. *Amulety vostochnogo Kavkaza (s predisloviem E. Teryukovoj)* [Amulets of the Eastern Caucasus (with a foreword by E. Teryukova)]. In: *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom*. – 2018. – № 1 (36). – P. 213-228. (in Russ.).

SHORTANOV A.T. *Adygskie kul'ty* [Adyghe cults]. – Nal'chik: El'brus, 1992. – 165 p. (in Russ.).

VOLCHKOVA E.V. *Amuletnaya magiya v ritual'nyh praktikah kitajskih derevenskih tradicionnyh soyuzov* [Amulet magic in the ritual practices of Chinese Village Traditional Unions]. In: *Religioznyj mir Kitaya. Izdatel'skaya gruppa «Muravej»*. – Moskow: Izdatel'skaya gruppa «Muravej», 2003. – P. 227-236. (in Russ.).

Информация об авторе

Р.Ш. Зельницкая – кандидат исторических наук.

Information about the author

R.Sh. Zelnitskaya – Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 15.09.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 15.09.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья
УДК 299+393
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-192-213
EDN: IHRXAG

**“КАК СКВЕРНО, ЧТО Я ВЫНИМАЛ ДУШИ ЛЮДЕЙ”:
КОНЦЕПЦИИ ДУШИ И ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ
У ЕЗИДОВ ЗАКАВКАЗЬЯ В XX ВЕКЕ**

Анжелика Олеговна Победоносцева-Кая

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия, apobedonostseva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6556-3950>

Аннотация. Расположенный между Малой Азией, Закавказьем и Ираном Курдистан всегда был периферией империй, где формировалась оппозиция к центральной власти и связанная с ней господствующим религиям. Поэтому возникновение и развитие езидизма, несмотря на его замкнутость и строгие этнические рамки, связано с другими конфессиями Ближнего Востока и разделяет с ними ряд элементов в своем вероучении и практике.

Вера в загробную жизнь и бессмертие души занимает ключевое место в учении большинства религий. Статья рассматривает эсхатологические представления езидов Закавказья, уделяя особое внимание концепции «братства в загробной жизни», которое в езидской социально-духовной иерархии играет важную роль, так как именно брат или сестра по загробной жизни каждого езида после смерти заступится за него перед Богом и проведет его душу через мост Салат, позволив попасть в рай. Важное место в езидской доктрине занимает и вера в «переоблачение»-реинкарнацию, при которой душа переселяется в тело, обладающее более высоким рангом, в награду за праведное поведение.

Представления езидов о загробной жизни и связанные с ними ритуалы нашли отражение в ценных полевых антропологических и этнографических исследованиях и в кинематографе, которые послужили одним из основных источников данного исследования.

Ключевые слова: езиды, Рай и Ад, братство в загробной жизни, похороны, стихи Мескина или Молитва мертвых, поминки, камень покорности Селим

Для цитирования: Победоносцева-Кая А.О. «Как скверно, что я вынимал души людей»: концепции души и загробной жизни у езидов Закавказья в XX веке // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 192-213. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-192-213. EDN: IHRXAG.

© Победоносцева-Кая А.О., 2023

Original article

“I AM SO SORRY THAT I TOOK OUT HUMAN SOULS”: THE CONCEPTS OF SOUL AND THE AFTERLIFE AMONG THE TRANSCAUCASIAN YAZIDIS IN MODERN TIMES

Angelika O. Pobedonostseva-Kaya

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia,
apobedonostseva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6556-3950>

Abstract. Kurdistan, centered between Asia Minor, Transcaucasia, and Iran, has frequently served as a focal point of rebellion to central governments and the main religions associated with them. As a result, despite its geographic isolation and strict ethnic boundaries, the emergence and development of Yezidism should be observed through the lens of the Middle East, which requires paying close attention to its possible connections to other confessions in the region, whose creed and religious practice share several elements with Yezidism.

The belief in afterlife and immortality of the soul occupies a prominent place in most religious doctrines. This article examines the Transcaucasian Yezidis' ideas about the afterlife, setting them in these regional and historical contexts. The investigation follows the concept of “brotherhood in afterlife”, which plays an important role in Yezidi socio-spiritual hierarchy, since it is the brother or sister in the afterlife of each Yezidi who will, after death, intercede for him/her before God and guide his soul through the Salat bridge, allowing him to enter paradise. Of particular interest is the belief in reincarnation existing in the Yezidi environment, metaphorically referred to as “changing the shirt”, in which the soul after death may move into a body with a higher rank as a reward for righteous behavior.

The Yezidis' eschatological concepts and rites were recorded and analyzed in valuable little-known field studies conducted by anthropologists and ethnographers, as well as in forgotten Soviet films. These documents serve as the primary sources of study in the paper.

Keywords: Yezidis, the Paradise and the Hell, brotherhood in the Afterlife, funerals, Meskin's poems or Prayer of the Dead, commemoration, Selim stone

For citation: Pobedonostseva-Kaya A.O. “*I am so sorry that I took out human souls*”: the concepts of soul and the afterlife among the Transcaucasian Yazidis in modern times. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 192-213. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-192-213. EDN: IHRXAG.

© Pobedonostseva-Kaya A.O., 2023

Езидизм являет собой уникальный образец существования религии, опирающейся на устную традицию, к которой *«приучили езидство многовековая травля и преследования со стороны исламского и христианского духовенства, объявившего езидов поклонниками дьявола. Этому же способствует тесная связь езидского духовенства с пережитками родовых институтов в курдской общественной жизни»*¹. С этим были связаны две характерные черты данной конфессии – гибкость в истолковании вероучения и его публичная неопределенность. Преследования, которым на протяжении веков подвергались езиды, делали письменную фиксацию и более интенсивное распространение некоего четкого ортодоксального варианта вероучения среди мирян рискованным предприятием, а потому внешним наблюдателям казалось, что *«езидство – тайная религия, тщательно охраняющая свои догматы, священные тексты, обряды, взаимоотношения между мирянами и духовенством и т.д. от непосвященных»*². Все это делало вопрос истории формирования езидизма и езидской общины более запутанным. В езидской доктрине присутствует немало элементов, которые в прошлом давали основания для выдвижения теорий формирования езидской общины как некоего ответвления более крупного религиозного тече-

¹ Стенограмма защиты диссертации О.Л. Вильчевского «Езидские тексты». 1938 // СПбФ АРАН Ф.77 Оп.2 Д.5 Л.17, 80.

² Стенограмма защиты диссертации О.Л. Вильчевского «Езидские тексты». 1938 // СПбФ АРАН Ф.77 Оп.2 Д.5 Л.16, 79.

ния – ислама или, в особенности, зороастризма. Об этом свидетельствует множество концепций, терминов, а также обычаев и норм повседневной жизни, которые являются общими для последователей езидизма и авраамических религий. Это понимание было закреплено и структурно, например, даже в 1960-х гг. советские научные учреждения причислили езидизм к «Другим течениям в исламе», и этой установке следовали библиотеки до недавнего времени.

Исторически езиды проживали в горных районах Курдистана в пограничье современных Турции, Сирии и Ирака. И ряд езидских авторов, и многие академические исследователи подчеркивают связь езидизма с курдской культурой. Но так как езидизм возник и развился в региональном контексте Ближнего Востока, то неудивительно, что он разделяет ряд элементов в своем вероучении и практике с другими конфессиями региона.

Происхождение езидизма связывалось с иудаизмом [Грант 1841], зороастризмом [Hammer-Purgstall 1831], исламом [Lescot 1975: 40]. Есть предположения, что изначальной религией езидов была древняя религия Ирана и Вавилона [Habib 1978: 18-19], а что касается взаимодействия с другими религиями и возможного заимствования из них, то наибольшее влияние на езидизм оказали суфийские течения ислама и зороастризма [Мейлах 1992: 335-336], хотя осязаемы также связи с более древними иранскими и неиранскими культурами, равно как и с более поздними крайними шиитскими сектами.

Цель данной работы – рассмотреть понятие души в езидизме, изучить езидские представления о загробной жизни и места души в ней. Данное исследование исходит из того, что формирование представлений о потустороннем мире – мире духов и сверхъестественных существ, которые воспринимались неотъемлемой частью реальной жизни, происходило в процессе взаимодействия с другими культурами и духовно-религиозными течениями региона, включая как следование одним концепциям, так и стремление дистанцироваться от других. Вероучение езидов и связанные с ними обряды изучали, например, Ф. Крейенбрук, К. Амюев, К. Анкоси, Х. Омархали, Д. Пирбари, Э. Шпет. Особо следует выделить работу Б. Джан Эммез [San Emmez 2015: 163-178], посвященную погребальным обрядам езидов турецкой провинции Батман, и диссертацию М. Линквист, исследовавшую сохранение социальной памяти посредством ритуальной практики в Швеции и Ираке¹. Похоронные обряды стали наиболее публичным проявлением принадлежности к езидской религии в условиях страха преследования².

Космогонические представления езидов были исследованы [Asatryan 1999/2000; Arakelova 2014; Amrian 2012; Rodziewicz 2014], но изучению понятия души в езидизме посвящено не так много работ [Evdal 2020; Kubálek 2015]

¹ Lindqvist M. Promised soils. Senses of Place Among Yezidis in Dalarna and Sheikhan. Huddinge: Södertörns högskola, 2021.

² Japharova L. 17. Les Yézidis du Sud Caucase, une communauté religieuse face à ses incertitudes // Religion et politique dans le Caucase post-soviétique: Les traditions réinventées à l'épreuve des influences extérieures [en ligne]. İstanbul: Institut français d'études anatoliennes, 2007. pp.329-340. URL: <https://books.openedition.org/ifeagd/1567> (дата обращения: 13.11.2023).

и диссертаций¹. Данная статья ставит своей целью дополнить эти работы, используя для этого оказавшиеся забытыми этнографические материалы.

Представления о загробной жизни и связанные с ними похоронные ритуалы были изучены в некоторых полевых антропологических и этнографических исследовательских проектах, прежде всего С.А. Егиазарова – в конце XIX в. [Егиазаров, 1891а; Егиазаров, 1891б] и О.Л. Вильчевского – в 1927 г.² Следует отметить, что они оба посетили езидские села и кочевья в Армении – на периферии территории проживания езидов. Целью Вильчевского было уточнить и дополнить собранный Егиазаровым корпус езидских молитв, а присутствие в селах езидов из Ирака³ – центра езидской религиозной жизни – позволили Вильчевскому получить дополнительно их версии священных текстов и провести один из первых сравнительных анализов текстов молитв.

В 1926 г. режиссер А.Бек-Назаров представил советскому зрителю фильм «Зарэ»⁴, снятый при участии кочевых курдов. Наибольшие сложности были связаны с вопросами, касающимися религии, так как *«курды очень скрытны и намеренно дают ложные объяснения»*, но в этом режиссеру помогли 15 курдов-членов ВКП(б). Особый интерес представляет отображение в этой картине ритуала погребения, тем более что Бек-Назаров стремился раскрыть быт и нравы курдов по состоянию на 1915 г. *«не только с точки зрения киноинсценировки, но и исследовательской»* [Бек-Назаров 1927: 3-4].

В 1926-1950-х гг. полевую работу среди езидов Закавказья проводил курдский просветитель и этнограф А. Авдал [Evdal 2020]. Он стал одним из первых исследователей эсхатологических представлений езидов, опросив около 25 жителей деревень на Алагезе, из Тбилиси, Лачина и даже одного из информантов Вильчевского – кавала Хусейна.

Автор наиболее полного труда по курдской обрядовой поэзии М.Б. Руденко вела полевые исследования в 1972 г. с 24 информантами, родители которых были выходцами из Турции и Ирана. Она пишет, что раньше практически невозможно было собрать сведения о представлениях курдов-езидов о душе и загробной жизни [Руденко 1982: 124]. Запрет сообщать иноверцам подробности своего вероучения был снят духовным главой езидов миром Тахсин-беком лишь в 1980-х гг., что привело к появлению ряда работ по езидизму, в том числе по его космогоническим представлениям. Массовая миграция езидов в последние несколько десятилетий в более безопасные для них регионы проживания, ослабление традиционных механизмов передачи религиозных знаний способствовали появлению новых езидских публикаций и СМИ.

¹ Kubálek P. Eschatology of Yezidism. Diplomová práce. Univerzita Karlova v Praze. Praha, 2009.

² По результатам исследований О.Вильчевским в 1938 г. была защищена диссертация «Езидские тексты». Автор вел дневник с интереснейшими заметками о верованиях езидов. Выдержки из дневника исследователя, посвященные описанию погребального ритуала, приведены в приложении к данной статье.

³ Приехавшие в Закавказье еще в начале 1914 г. кавал Ильяс и кавал Хусейн Адо Оглы проживали в Ленинанском уезде. В 1925 г. кавал Хусейн побывал в Москве, где ему удалось добиться разрешения вернуться в Мосул, но поскольку им не был разрешен вывоз довольно значительной суммы денег, собранных с езидов как дань езидскому духовному лидеру-миру, то кавалы предпочли остаться в СССР. См. *Вильчевский О.Л.* Из народных верований езидов. 1928 // НА МАЭ РАН Ф.К-1 Оп.1 Д.433 Л.13.

⁴ «Зарэ» (1926). URL: <https://www.imdb.com/title/tt0184075> (дата обращения: 13.11.2023).

Методология работы строится на изучении представлений о душе через анализ обрядности, касающейся ключевых трансформаций души. Езидская концепция уникальна, но в то же время имеет ряд серьезных расхождений со многими религиями. Речь об обрядности, которая как зеркало отображает картину эсхатологических представлений езидов дальнейшими деталями: душа живет в теле, трансформируется и с учетом уровня греховности попадает в потусторонний мир или перерождается в новом теле.

Человек и душа

В этнографических материалах встречаются различные описания души и ее природы в езидских верованиях, но явных противоречий при этом не наблюдается. Авдал пишет о том, что душа у курдов-езидов представляет собой некое волосатое существо, способное покинуть человеческое тело и возвращаться в него в любое время, например, во сне [Evdal 2020: 32]. В текстах, собранных Вильчевским, зафиксированы три термина для обозначения понятия души без указания различий между ними: *джан* (перс. جان), *нафс* (ар. نفس) и *рух* (ар. روح)¹. По мнению Пирбари и Щедровицкого, человек состоит из трех частей: *рух* – божественной души (курд. *rûh*), *нафс* – души, имеющей животную природу (курд. *nafs*) и *калыб* – тела (курд. *kalib* от ар. قالب, букв. форма). *Рух* наделен разумом – *акл* (курд. *eqil* от ар. عقل) и должен стремиться развиваться духовно, дабы слиться с Богом, тогда как *нафс* или ложное “я” требует обратного – отвлекает человека от высших задач и преследует лишь материальные цели. *Рух* должен подчинить себе *нафс*, иначе в загробной жизни – *ахират* (курд. *axirat* от ар. أخيرة) душа не спасется и не сможет слиться со своим первоисточником. Цель жизни езида – прожить праведно, познать Бога посредством любви к Нему, а в *ахирате* слиться с Божьим светом, как это завещал Шихади [Пирбари, Щедровицкий 2016: 28] – почитаемый в качестве пророка езидской религии Шейх Ади ибн Мусафир.

По мнению информанта Вильчевского шейха Мурада, *душа* (курд. *can*) – это то, что отличает человека от земли, т.е. его составляющей, пока он живет. Душа есть у всех людей, и она является ангелом² (курд. *melek*), а после смерти человека его душа может попасть в рай (курд. *cinnet*), где души людей каждого народа находятся со своим пророком (курд. *pêgember*). Другие же души повергаются в темный и жаркий ад (курд. *senet*, *sehene* или *duje*, *dojeh*), глубоко под землей. Там оказываются отверженные пророком души грешников (курд. *gûnahkar*), не исполнявших заветы своего народа.

Шейх Мурад предложил свою версию сотворения человека: «Когда бог творил человека, земля, из которой создавался первый человек, рыдала и, обращаясь к богу говорила: “Вот ты сотворишь человека, а он будет обижать меня – рыть, пахать, бить”. Бог сказал Земле в ответ: “Без человека я существовать не могу. Но, я даю тебе слово, что человек снова возвратится к тебе”. Поэтому, человек после смерти должен быть погребен и снова возвращается в

¹ Вильчевский О.Л. Диссертация «Езидские тексты». 1938 // СПбФ АРАН Ф.77 Оп.2 Д.7 Л.16, 41, 52.

² Ф.Хури назвал езидскую общину “обществом ангелов”: считается, что семьи езидских шейхов несут в себе такую ангельскую кровь. Завершив свое дело, ангел возвращается на небеса [Khuri 2000: 14].

землю и становится землею»¹. Отмечается почтительное отношение к земле у езидов: существует запрет плевать на землю, бить и ругать ее². Человек, оскорбляющий землю, не будет принят ею после своей смерти [Баранов 1915: 30].

Все, имеющие душу – смертны. По словам шейха Мурада, «бессмертия в этой жизни нет – Бог убивает всех, когда наступает их срок, даже ангела Гавриила (курд. *telekê Cibrayîl*) не минует эта участь. Когда Гавриил будет умирать, он громко зарыдает и скажет: «Как скверно, что я вынимал души людей». Но будет уже поздно. Сделает это бог для того, чтобы Гавриил раскаялся»³.

Концепция загробной жизни составляет собой один из основных элементов религии езидов. Езиды описывают наступление смерти как «переоблачение» (курд. *libas/kiras giherîn* букв. «сменить рубаишку») [Khuri 2000: 148; Torî 2000: 80] и верят в переселение души в тело, обладающее более высоким рангом в награду за праведное поведение. Иначе душа вернется в этот мир, например, в теле животного [Emmez Can 2015: 165]. Реинкарнация очищает душу до тех пор, пока она не вернется к своему истоку – Тавуси Мелеку [Othman 2004: 57, 65], что позволяет езидам сохранить целостность религии даже когда ее приверженцы номинально обращались к новым религиям – христианству или исламу, сохраняя при этом свои древние верования [Guest 1987: 28]. Концепция «переоблачения» находит свое применение и по отношению к семи ангелам езидского пантеона. Среди прочего она закрепляет и езидскую социально-религиозную иерархию, поскольку в результате «реинкарнации и воплощения в человеческом теле из поколения в поколение образовалось неразрывное единство между личностью [одного из высших езидских шейхов] и душой» [Khuri 2000: 148]. По этой причине смерть воспринимается езидами как новое начало [Элиаде 2002: 129], а не горестный финал, и как одна из стадий телесного преобразования души. В этот преобращении важная роль отведена брату или сестре по загробной жизни, который есть у каждого езиды и который после смерти заступится за него перед Богом.

Концепция «братства в загробной жизни»

Езидское общество придерживается жесткой иерархичности, основанной на кастово-теократическом принципе, причем «социальная иерархия в точности соответствует и сливается с религиозной» [Khuri 2000: 194]. Первый слой этой иерархии образовали три шейхских рода: Катани⁴, Шамсани⁵ и Адани⁶, второй слой – другие *шейхи*⁷ и *пирь*¹, ниже находятся миряне-*мриды* (курд. *mirîd*).

¹ Вильчевский О.Л. Диссертация «Езидские тексты». 1938 // СПбФ АРАН Ф.77 Оп.2 Д.8 Л.63-64.

² Святым езиды считали человека, который никогда в своей жизни не осквернял огонь [Evdal 2020: 91], что указывает на влияние зороастризма.

³ Вильчевский О.Л. Диссертация «Езидские тексты». 1938 // СПбФ АРАН Ф.77 Оп.2 Д.8 Л.64-65.

⁴ Представитель Катани является *миром* (курд. *mîr*) – наследственный титул светского главы езидской общины, эмира, передается внутри одной из семей этого рода.

⁵ Представитель Шамсани является *Баба Шейхом* (курд. *Baba Şêx*) – религиозный глава езидской общины.

⁶ Представитель Адани является *нешимамом* (курд. *reşîmat*) – распорядитель религиозных церемоний.

⁷ *Шейхи* (курд. *şêx*) отправляют духовные потребности семей своих подопечных мирян и отвечают за организацию религиозных праздников. Шейхам подчиняются *кавалы* (курд. *qewwal* – чтецы, декламаторы) из двух се-

Все езиды подчиняются основным заповедям езидизма, которые включают два вида норм: предписания в духовной сфере – пять «заповедей истины» (курд. *pênc ferzê heqîqetê*) и постановления, регулирующие образ жизни, – «заповеди пути» (курд. *ferzê tarîqetê*). «Заповеди истины» одинаковы для всех каст: обязанность² иметь своих шейха, пира, учителя/мастера (курд. *hosta*), наставника (курд. *merebî*), брата и/или сестру по загробной жизни (курд. *birayê/xûşka axîretê*) [Омархали 2012: 163]. В современный период для выполнения трех из этих заповедей (касающихся шейха, наставника и брата или сестры по загробной жизни) необходимо участие шейха, а по двум остальным (касающимся пира и мастера) – пира.

Система запретов в езидизме играет важнейшую роль в сохранении верования, обрядов и структуры общества. Запреты основываются на следующих принципах: «рамки и границы» (курд. *sed û hed*), этот догмат стал основой для нынешней иерархической и кастовой системы езидской общины и запрещает межкастовые браки; «заповедь о брате/сестре» (курд. *ferzê biratiyê*), по которой брак между духовным братом и мридом запрещён [Анкоси 2012: 75], и «закон о трех буквах» (курд. *sê herf*) [Анкоси 2012: 63-64] – трех смертных грехах, относительно трактовки которых единства среди исследователей нет.

Например, понятие *диза дане* (курд. *dîza de 'nê*) по одним данным [Руденко 1982: 125] означает не переходить в другую веру, а по другим [Асатрян 1999/2000: 81; Омархали, 2005: 107-108] он запрещает браки с представителями иных народов и конфессий. Существует другое название – *дизка дане* [Пирбари 2008: 47] или *диска дане* [Анкоси 2012: 75].

Дарба хирка (курд. *derba xerqe*) означает призыв искренне соблюдать предписания [Руденко, с.125; Омархали 2005: 107-108; Асатрян 1999/2000: 81] или обязывает соблюдать уважение и не допускать насилия в отношении представителей духовной касты [Пирбари, 2008, с.48], или трактуется как полное подчинение и уважение к сану своего духовного брата (сестры) [Анкоси 2012: 75].

Шалбке зерин (курд. *şelbikê zêrîn*) [Руденко 1982: 125; Омархали 2005: 107-108; Асатрян 1999/2000: 81] или *шарбке зерин* табуирует брачные или внебрачные связи мрида с представителями духовенства [Пирбари 2008: 47] и внутри самих каст Шехани и Пирани [Авдоев 2011: 285], *куске зерин* [Анкоси 2012: 75] обязывает придерживаться и выполнять все предписания, заветы, обычай, традиции, установленные Шейхом Ади. Сводный список запретов «трех букв», не разделяя их по названиям, приводит Крейенбрук: 1) запрет межкастовых браков, 2) запрет брака с иноверцами, 3) запрет оскорбления шейха или пира [Крейенбрук 2009: 27]. Такое расхождение данных свидетельствует об отсутствии единого канона даже в географически близких Армении и Грузии, где упомянутые исследователи проводили полевые исследования в езидских общинах.

мей из рода Йакнави. Эти семьи организуют празднества в Лалеше и на протяжении уже более ста лет их главной обязанностью является посещение каждой езидской общины, где бы она ни находилась.

¹ Функции и духовный авторитет *пиров* (курд. *pir*) сопоставимы с положением шейхов, но пиры уступают им по степени общественного авторитета и политического влияния.

² Т.е. фактически *таклид* (ар. تقلید) – следование авторитетному специалисту по вопросам исламского права.

Также существуют разные версии о моменте выбора и кандидате на роль брата и/или сестры, который играет важнейшую роль в том, чтобы душа попала в Рай. Руденко сообщает, что «духовный наставник является одновременно “братом ахирата” (*birê axiretê*)», которого «каждый мирянин получает уже в раннем детстве» [Руденко 1982: 125], когда родители ребенка ведут его в дом шейха или пира – кандидата на роль брата и/или сестру по загробной жизни. У Омархали «соответствующие отношения устанавливаются в момент достижения половой зрелости». Тогда мрид выбирает себе брата/сестру из какой-либо семьи шейхов, кроме той, с которой он был связан при рождении [Омархали 2012: 163]. Анкоси сообщает, что ««духовный брат» (*шехе бре архате*) и «духовный наставник» (*пир оста*) переходят по наследству от отца к детям» и согласно *фарзе братийе* ни один езид не должен оставаться без своего духовного наставника более 40 дней [Анкоси 2012: 63-64].

Ритуал избрания (курд. *destê xwe avêtin*) брата по загробной жизни описан у ряда исследователей [Руденко 1982: 125-126; Омархали 2005: 106-107; Асатрян 1999/2000: 81; Авдоев 2011: 285; Анкоси 1996]. Он носит торжественный и формальный характер, хотя и связан с заповедью о «трех буквах». После завершающей церемониал молитвы новоиспеченный брат по загробной жизни говорит своему мриду: «Кроме этих трех вещей [*m.e. se харф*], делай, что угодно – я проведу тебя в Рай!» (курд. *Paşê van her sê tişte çî di kî bike, ezê te bivim cînnetê!*) [Руденко 1982: 125].

Возникший в езидском обществе феномен загробного братства коренным образом отличает езидизм в вопросе процедур покаяния и снятия греховности в авраамических религиях. Для того, чтобы получить заступничество, мрид на протяжении своей жизни делает подношения и выполняет определенные обязанности для своего загробного брата.

Брат и/или сестра по загробной жизни задействованы в обрядах погребения и бракосочетания. Например, в Ираке в помолвке и брачной церемонии [Guest 1987: 35], а в Армении только на самой свадьбе [Крейенбрук 2009: 31]. Похоронная церемония может включать или напоминать схожие элементы церемонии бракосочетания и такое представление существовало у древних греков, германцев и славян. У курдов сохранился обычай исполнять на похоронах свадебные причитания [Руденко 1982: 54-55].

Похороны

Погребальный ритуал является одним из самых консервативных элементов любой религии, предполагает наличие определенных верований, требующих его совершения, и принадлежит к категории обрядов перехода, сопровождаемых обретением участниками нового статуса. Первые значимые работы по описанию погребального обряда были созданы этнографами в конце XIX в. (Э. Тэйлор, Дж. Фрэзер). В начале XX в. хронологический, этнокультурный и религиозно-мифологический подходы в объяснении погребального обряда развили Р. Гертц и А. Ван Геннеп. Они трактовали смерть как социальную и биологическую трансформацию. По их мнению, похороны – это отражение обряда перехода с трехступенчатой структурой (отделение, похороны – душа усопшего от-

деляется от тела, воссоединение – душа должна присоединиться к душам предков) [Гуляев 2010: 7].

Крейенбрук выделяет следующие обряды перехода: инициация (напр. имянаречение, обрезание и т.п.), бракосочетание (курд. *dewat*), роды, первые сорок дней после рождения и обряд, посвященный их окончанию (курд. *Çil çû*), прорезывание зубов, погребальные обычаи. Центральная роль в похоронном обряде у езидов отведена брату по загробной жизни, который с момента предсмертной агонии или смерти и до окончания обряда захоронения находится в доме у своего мрида. Сразу после фиксации смерти присутствующие должны плакать и кричать, но не в ночное время, чтобы не привлечь злых духов [Крейенбрук 2009: 31]. Если смерть наступила ночью, похороны должны состояться на следующий день, так как во время похорон важно наличие солнца¹.

Перед рассветом дня похорон тело покойного омывают. Совершает это обязательно нечетное число человек из семьи шейха или пира в присутствии брата/сестры в загробной жизни – трое или пятеро [Авдоев 2011: 100]. Покойника обряжают в одеяния, сшитые женщинами касты шейхов или пиров иглой, которой до этого никогда не пользовались. В рот покойному и на тело кладут *берат*. Согласно некоторым источникам, *берат* возлагают на глаза, в уши и рот. После этого саван зашивают [Крейенбрук 2009: 33-34].

Похороны проводит шейх, и на них присутствуют брат по крови² и брат в загробной жизни. Уложив покойного со скрещенными руками в могилу, брат или сестра в загробной жизни открывают зашитый саван [Крейенбрук 2009: 33-34], чтобы покойный увидел окружающий мир в последний раз, и чтобы имел свободную дорогу в рай [Аристова 1966: 165]. Линдквист пишет о необходимости оставить отверстие у рта при организации могилы, чтобы душа могла беспрепятственно вылететь. Ориентация могилы должна быть к восходящему солнцу. В современной практике ориентация варьируется: в протоколе езидской общины шведского города Бурлэнге за 2010-2011 гг. было заявлено расположение могил с севера на юг, и на юг была обращена первая могила на кладбище, но в 2014 г. были оформлены изменения ориентации на восток-запад³.

У закавказских езидов могила называлась *мазал* (курд. *mezal*). Этимология слова указывает на возможное его происхождение от *мазар* (ар. مزار – место паломничества) – могила суфийского святого, обычное кладбище и др. в Центральной Азии и на Ближнем Востоке. Пирбари указывает на связь в оформлении езидской могилы изнутри в виде комнаты⁴ (возможно через ар. منزل – жилище).

По версии Крейенбрука, хоронят в конических могилах. Над головой покойника кладут квадратный камень [Крейенбрук 2009: 33-34] – у Вильчевского

¹ Lindqvist M. Ibid. p.67.

² Брат по крови (курд. *kerîf*) – мужчина по отношению к мальчику, которого держит во время обряда обрезания, и сам мальчик, по отношению к мужчине, который его держит [Nicolaus 2016: 325-345].

³ Lindqvist M. Ibid. p.68-69.

⁴ Пирбари Д. «Рожа Мазала» или День поминовения усопших // Nêrîna Nû, № 5 (10) Май, 2012. URL: http://ontwikkel2.mvanlaar.net/Portals/0/adam/Blog%20App/ZzHNIEoAhk-rFUoGaCCgzW/File/Nêrîna%20Nû_10%20-%202012.pdf (дата обращения: 13.11.2023).

“камень покорности”¹ (курд. *kevirê selîmê*)². Езиды так объясняют этот обычай: «погребающие уходят, покойник хочет встать, приподнимается, ударяется лбом о камень и вспомнив о своей смерти засыпает навеки»³. Асатрян добавляет горестную реплику усопшего: «Это я умер?» (курд. «*Way, e (ya) miri azim?*») [Асатрян 1999/2000: 83].

После того как усопшего засыпали землей в головах и в ногах могилы ставят стоймя продолговатые камни (курд. *kevirê kêl* [Руденко 1982: 62], или *kevirê kêlikê*⁴). Асатрян сообщает, что так называют эти камни курды-мусульмане и такое расположение камней характерно для могилы женщины, а на могиле мужчины устанавливается по два камня (курд. *sarkelk*) по обе стороны [Асатрян 1999/2000: 83]. Камень покорности упоминается в “Стихах Мескина” (курд. *Beyta Meskîn*) или “Молитве мертвых” (курд. *Nevêja mirîyan*), читаемых в ходе обряда погребения⁵:

Текст в аналитической транскрипции:

49. *bâni âdâmo, mâgrî hâqe täyâ*
shîn u gârî be fâydâyâ
*kävêrî Sâlim mâle mäyâ*⁶

Перевод О.Вильчевского:

49. Сын человеческий, не рыдай о своей доле.
Печаль и рыдания бесполезны.
“Камень селим” – наш удел⁷.

Информанты Вильчевского Пристав Надо и Кавал Хусейн говорили, что автор этих стихов «*дервиш Мескин жил очень давно. Он пошел по свету искать такого места на земле, где нет смерти. По дороге ему повстречался ангел, который спросил его о цели путешествия. Мескин, обливаясь слезами начал читать ему свои стихи. Не успел он прочесть нескольких трехстиший, как ангел ответил ему дальнейшими трехстишиями. Мескин, убедившись в неизбежности смерти, повернул назад, пришел домой и вскоре умер, до самой смерти распевая свои стихи*». Присутствовавший при рассказе Георгий Фариз сообщил другую легенду о Мескине: «*Когда бог создал мир и населил его людьми, люди*

¹ Асатрян называет его “the stone of health” [Асатрян 1999/2000: 83] – “камень здоровья”, что на наш взгляд является ошибочной интерпретацией этого термина.

² “Kevirê Selîm” название рассказа из одноименного сборника курдского автора Мем Меда [Med 2022: 7-12]. Автор родом из города Догубаязит в Турции, в котором несколько десятилетий назад проживала крупная община курдов-езидов. Примечательно, что термин “камень спокойствия” практически неизвестен курдам из других регионов Турции.

³ Вильчевский О.Л. Диссертация «Езидские тексты». 1938 // СПбФ АРАН. Ф. 77. Оп. 2. Д. 7. Л.28.

⁴ Анкоси К.З. О похоронных обрядах курдов-езидов Кавказа // Ezdixane.ru, 20.07.2006. URL: <https://www.ezdixane.ru/2006/07/20/o-poxoronnykh-obryadakh-kurdiv-ezidov-ka> (дата обращения: 13.11.2023).

⁵ Вильчевский О.Л. Диссертация «Езидские тексты». 1938 // СПбФ АРАН. Ф. 77. Оп. 2 Д. 6. Л. 18-19, 32.

⁶ Вильчевский О.Л. Диссертация «Езидские тексты». 1938 // СПбФ АРАН. Ф. 77. Оп. 2 Д. 6. Л. 112. Вильчевский пользовался для отображения текстов на курдском языке аналитическим алфавитом Н.Я.Марра, а не латиницей, разработанной для советских курдов в 1928 г. Совр. курманджи *Benî Ademo, megirî heqê te ye / Şîn û girî be feyde ye / Kevirê Selîm mala me ye*.

⁷ Вильчевский О.Л. Диссертация «Езидские тексты». 1938 // СПбФ АРАН Ф. 77. Оп. 2. Д. 6. Л. 143.

думали, что они бессмертны. Когда же умер первый человек, и люди убедились, что они смертны, великая печаль воцарилась на земле. Тогда пришел Мискин и стал читать свои трехстишия людям»¹.

Проживавшие на территории Российской империи езиды ставили на могилы приметные объекты: каменные фигуры льва – символ храбрости и щедрости усопшего, коня² – символ искусного наездника и барана – олицетворение достатка. Эти фигуры сохранились на традиционных езидских кладбищах Армении. Помимо каменных изваяний богатые семьи могли воздвигнуть над захоронениями своих близких купол (курд. *kumbat*)³. С конем связан ритуал *котал* (курд. *kotel*), когда в случае смерти почетного члена племени, отличавшегося смелостью и отвагой, во время похоронного шествия на кладбище впереди процессии вели увешанного оружием и одеждой коня, принадлежавшего усопшему. Считалось, что и в другой жизни конь будет столь же преданным другом души усопшего [Evdal 2020: 40; Руденко 1982: 65-66].

Парадоксальным образом, езиды и украшали могилы, и устраняли внешние приметы погребений, чтобы их никто не смог найти. Такие меры позволяли защитить могилы от осквернения⁴. Впрочем, интерес к езидским могилам, мог быть связан с предметами, которые могли в них находиться – оружием, украшениями или деньгами. Умершим оставляли значительные суммы, чтобы они могли использовать их, когда воскреснут [Heard 1911: 211].

Погребальный обряд отображен в фильме “Зарэ”. Во главе процессии следует человек с тазом, покрытым тканью. Усопшего несут на кладбище на носилках (курд. *çardar* [Evdal 2020: 39]). Опускают на землю и в изголовье ставят таз. Шейх читает молитву, родные стенают. Покойника без савана опускают в могилу. С груди усопшего забирают платок, а лицо прикрывают светлой тканью уже в могиле и засыпают землей. После этого всем присутствующим раздаются «семь хлебов» (курд. *heft nan*) [Evdal 2020: 39] из таза. Люди расходятся, у могилы остается мать усопшего и шейх. Шейх говорит: «Сын мой, ангелы придут и вызовут тебя на суд Джабраила... Встань, соберись с мыслями... Недостойно ответишь – тебя поразит священная булава и ты исчезнешь в недрах земли...». Мать отрезает свои косы, кладет на камень в изголовье могилы, придавливает их небольшим камнем и уходит. Шейх склоняется к изголовью и касается рукой камня, удерживающего косы⁵. Калантар, биограф Бек-Назарова, интерпретирует этот ритуал, как элемент сатиры: «Люди уже ушли, но не двигается с места шейх. Взгляд его устремлен на украшения. Он долго с возжелением смотрит на них. Затем его рука медленно потянулась к драгоценностям...» [Калантар 1973: 43-44]. В кадре видно, что косы ничем не украшены, хотя курдянки и могли вплетать в них монеты.

¹ Вильчевский О.Л. Диссертация «Езидские тексты». 1938 // СПбФ АРАН. Ф. 77. Оп. 2. Д. 6. Л. 18.

² См. приложение.

³ Пирбари Д. «Рожа Мазала» или День поминовения усопших // *Nêrina Nû*, № 5 (10) Май, 2012. URL: http://ontwikkel2.mvanlaar.net/Portals/0/adam/Blog%20App/ZzHNIEoAhk-rFUoGaCCgzw/File/Nêrina%20Nû_10%20-%202012.pdf (дата обращения: 13.11.2023).

⁴ Пирбари Д. Указ. соч.

⁵ “Зарэ” (1926). Тайминг 37:30-40:00. URL: https://youtu.be/4HV841y_fm0 (дата обращения: 13.11.2023).

В некоторых случаях похоронный обряд может сопровождаться игрой на музыкальных инструментах – дафе (курд. *def*) или флейте (курд. *bilûr*) [Açıkyıldız 2010: 103], хороводными танцами – по данным Линдквист – прямо на кладбище и последующей организацией трапезы¹.

Поминки и ритуальное значение пищи

Хлеб метафорически означает пищу усопшего, чтобы его душа с первого дня своей смерти имела пропитание: “семь хлебов” (курд. *heft nan*), лепешки, которые после погребения раздавали беднякам и нищим [Evdal 2020: 39], «трапеза могильщиков» (курд. *nanê tevirik'ola* [Evdal 2020: 37; Руденко 1982: 63]) – угощение, которое раздается могильщикам, и “хлеб мертвых” (курд. *nanê miriya*), который езиды Армении дают соседям в память о покойнике, если увидят его во сне [Крейенбрук 2009: 27].

Езиды полагают, что в загробной жизни души ощущают все то, что могут познать и почувствовать живые люди. Раздача «хлеба мертвых» позволяет быть уверенным, что души, которые в аду обречены на вечные муки, получают свою долю еды и питья от повелителя Ада [Evdal 2020: 38]. Раздавая пищу нуждающимся и родственникам умершего, душа умершего избавляется от голодной смерти. Езиды верят, что трапеза на кладбище является способом почтить душу умершего, так как мертвые тоже получают пищу². «Хлеб мертвых» приносят в день поминания усопших на кладбище, чтобы ни одна из душ не скучала и не томилась в ожидании своих родных [Evdal 2020: 38].

В поминках принимают участие члены семьи, жители деревни или члены общины. Поминки длятся три дня, чтобы приготовление к ним и приходящие почтить память умершего, отвлекали его родных от грустных мыслей³. Перед тем, как приступить к пище и по завершении трапезы читалась «Молитва трапезная». Читаящий ее шех или пир делал последний глоток, за ним это же действие повторяли все присутствующие, после чего пищу уносили⁴.

Лучшую одежду покойного отдают шейху после поминок [Руденко 1982: 65]. В фильме «Зарэ» есть сцена, «когда шейх, в минуту безысходной скорби семейства, потерявшего кормильца-сына, напоминает⁵ им об обычае, по которому одежда покойника принадлежит шейху» [Мадатов 1927: 7]. Получив одежду, шейх спрашивает: «- А кинжал?»⁶. Фабула «Зарэ» была для режиссера поводом для этнографически детализированного показа курдского быта, который использовался для решения идеологической задачи фильма [Калантар 1973: 44] – показать изжившие и не подходящие для становления «нового человека» обычаи.

Поминки совершаются на третьей, седьмой и сороковой день после смерти, а также в первую годовщину⁷. Езиды верят, что души предков могут выступать

¹ Lindqvist M. Ibid. p.71.

² Lindqvist M. Ibid. p.56.

³ Вильчевский О.Л. Диссертация «Езидские тексты». 1938 // СПбФ АРАН. Ф. 77. Оп. 2. Д. 8. Л. 56.

⁴ Вильчевский О.Л. Диссертация «Езидские тексты». 1938 // СПбФ АРАН. Ф. 77. Оп. 2. Д. 6. Л. 16.

⁵ “Зарэ” (1926). Тайминг 36:55. URL: https://youtu.be/4HV841y_fm0 (дата обращения: 13.11.2023).

⁶ “Зарэ” (1926). Тайминг 37:16. URL: https://youtu.be/4HV841y_fm0 (дата обращения: 13.11.2023).

⁷ Lindqvist M. Ibid. p.67.

ходатаями пред Богом, а потому стараются выразить им почтение поминками и замогильными трапезами [Егиазаров 1891б: 192]. Считается, что душа обретает покой только в земле и потому тело подлежит погребению. Соблюдение всех этапов погребального и поминального ритуала обеспечивает душе правильный путь к загробной жизни и место в Раю, так как при невыполнении необходимых обрядов душа покойного, покинув тело, будет скитаться повсюду и преследовать его близких [Evdal 2020: 39].

Путь в рай или?

После погребения душу покойного по разным версиям могут ожидать Мелек-Таус, один ангел смерти или два, требующие от усопшего отчет о его делах на протяжении земной жизни [Егиазаров 1891б: 192]. Помимо ангелов, прерогатива вынесения приговоров душам есть у Шейха Ади: и на мосту Салат, и в Судный день. Езиды отмечают, что к милости Шейха Ади по отношению к душе данного покойника будет взывать брат/сестра по загробной жизни умершего [Асатрян 1999/2000: 80].

Егиазаров приводит две версии дальнейшей участи несправедливой души: согласно одной – ангел смерти их сейчас же отправляет в ад, по другой – души грешных до судного дня блуждают на земле без пристанища и находятся в непрерывной борьбе с джиннами [Егиазаров 1891б: 192]. Эта версия подтверждается обычаем хоронить умерших *«со множеством палочек, чтобы они могли отгонять от себя злых духов»* [Народы ... 1879: 434].

Имел место обычай оставлять на могиле трость и немного еды, которой следовало угостить ангелов смерти, а если те окажутся несговорчивыми, то воспользоваться тростью. С покойником зарывали и несколько золотых монет, которые тот должен был дать ангелам [Крейенбрук 2009: 33]. По данным Егиазарова монеты – серебряную и медную клали в саван вместе с палкой и куском мыла. Дополнительные атрибуты курды готовили для усопшего, не зная, какая участь его ожидает: *«покойник, недостойный царства небесного, предлагает Джабраилу деньги; если ему не удастся подкупить Джабраила, то он употребляет грубую силу, а именно, намалив подошвы (чтобы они сделались скользкими), берет палку и силою врывается в рай»*. Существование этого ритуала Егиазаров обосновывает по курдской пословице: *«Возьми палку и ступай в рай»* (курд. *bide kopalê, here cennetê*), хотя сам не наблюдал его [Егиазаров 1891а: 54]. Бек-Назаров собирался включить обряд в “Зарэ”, но отказался от него, так как *«были сведения, что он применяется у курдов, живущих по ту сторону Арарата»* [Бек-Назаров 1927: 4-5], т.е. не в Армении.

Представления о трансформациях души отражены в топографии и зодчестве главного сакрального центра езидов – храмового комплекса в Лалеше¹, примерно в 60 км от Мосула в Иракском Курдистане. Данный храм имеет древнее происхождение, ряд археологов и историков полагают, что возник он на месте культовых сооружений шумерской и других древних цивилизаций Месопотамии. Одни эксперты утверждают, что в архитектуре лалешского храма

¹ Небольшая деревня в одноименной горной долине в провинции Дохук в Иракском Курдистане.

присутствуют черты несторианского зодчества, другие полагают, что сооружение могло быть горной мечетью, а некоторые езиды признают, что когда-то это могла быть христианская церковь [Guest 1987: 41].

Практически каждый объект на территории Лалеша имеет символическое название и сакральное предназначение. Из местной почвы и воды источника Замзам в Лалеше изготавливается специальная смесь – *берат* (курд. *berat* от ар. *براءة*), которую хранят дома, носят с собой и считают своеобразным амулетом, приносящим богатство, процветание и защищающим от зла. Берат используется и на свадьбе, и на похоронах¹. В храме есть символические врата Рая и Ада, место духов (курд. *dergehê buhişt û dojehê*), место стражей ада (курд. *cîyê cinan*), место ангелов (курд. *nîşanên melean*) и др. [Григорьев, Ивасько, Пирбари 2008: 20-21]. Например, *улочка забениев*² (курд. *kolana zebêniya*) – стражей ада, которые забирают в ад грешные души [Григорьев, Ивасько, Пирбари 2008: 132]. Попытка аллегорически воссоздать эти потусторонние локации опирается на езидское предание о путешествии почитаемого шиитами халифа ибн Абу Талиба в загробный мир, где он удостоверился в воздаянии за грехи виновным, особенно тем, кто нарушал езидские религиозные законы [Asatrian, Arakelova 2014: 42].

Езидская традиция гласит, что после создания суши на земле 40 лет ничего не произрастало до тех пор, пока на нее не был ниспослан Лалеш – созданный на небесах и затем перемещенный на землю. Там, где сейчас расположен храм Лалеш, находился райский сад Бехешт (курд. *Buhişt*), в котором жил Адам до того, как ему была сотворена супруга Хава (курд. *Hewa*) [Григорьев, Ивасько, Пирбари 2008: 21]. В Лалеше есть два священных источника – Замзам и считающийся продолжением первого Белый источник (курд. *Kaniya Sipî*), а также такие святыни, как мост Салат (курд. *Pira Selatê*, также известный как Салахат, Сарат, Сират) и гора Арафат, что отсылает к исламским культовым местам. Минимум раз в жизни езидам предписано совершить паломничество в Лалеш, чтобы посетить могилу Шейха Ади [Heard 1911: 212] и другие святыне места³. Так как душа каждого езиды после смерти попадает в Лалеш, где на входе во двор храма у Врат Правителя – *Дарге Мир* (курд. *Dergê Mir*) над ней вершится суд [Григорьев, Ивасько, Пирбари 2008: 21], то элементы перехода в мир иной включены в ритуал паломничества.

В первый день Соборного праздника⁴ паломники, одетые в праздничные одежды, собираются к мосту Салат в Лалеше. Считается, что здесь для них заканчивается профанная жизнь и начинается жизнь сакральная. Паломники снимают обувь, моют руки в потоке под мостом и трижды проходят по мосту [Açıkıldız 2010: 107], символизирующему узкий мост Салат, через который должна перейти в иной мир душа. Чтобы суметь пройти по нему, душа езиды

¹ Lindqvist M. Ibid. p.50, 67.

² Забениев (курд. *zib, zebên*) считаются одними из самых злых духов, созданных для наказания тех, кто на этом свете проявил непокорность вождям племени и духовенству [Evdal 2020: 52].

³ Soguel D. A sanctuary for Iraqi Yazidis. The Christian Science Monitor. 12.08.2014. URL:

<https://www.csmonitor.com/World/Middle-East/2014/0812/A-sanctuary-for-Iraqi-Yazidis-and-a-plea-for-Obama-s-intervention> (дата обращения: 13.11.2023).

⁴ Соборный праздник (курд. *Sejna Cetayê*) – главный праздник годового цикла для всех езидов, который продолжается в течение семи дней и отмечается примерно во вторую неделю октября.

должна быть праведной: если она грешна, то непременно упадет в бездну [Григорьев, Ивасько, Пирбари 2008: 21]. По иной версии, души умерших поднимаются на небо с помощью веревки [Emmez Can 2015: 176].

Заключение

Изучение эсхатологических представлений езидов с привлечением забытых полевых исследований, проведенных до того, как процессы модернизации серьезно повлияли на езидские общины, позволяет ответить на вопрос о езидских представлениях, касающихся души человека, на примере трансформаций, связанных со смертью. Данная реконструкция соответствующих езидских идей и церемоний позволяет нам указать на конкретные следы значительного влияния авраамических религий, хотя езидские верования содержат в себе и элементы других религиозных верований Ближнего Востока, прежде всего зороастризма.

Этот синкретизм является результатом адаптации езидской общины к окружающим условиям и от четко отражен в общих идеях езидов о душе и ее трансформациях. Так, в частности считается, что в зависимости от прижизненного поведения человека его душа, преодолев ряд преград, попадает в Рай или низвергается в Ад. Душа может оставаться вместе с телом усопшего в могиле с возможным последующим преобразованием в злого духа, способного навредить окружающим живым людям. Также душа в процессе реинкарнации может переродиться в лучшем или худшем варианте тела, в зависимости от поведения предыдущего хозяина.

Большинство исследователей склонны усматривать истоки езидизма в дозороастрийских культах, которые были широко известны в северо-западных районах Мидийского царства. В то же время, хотя езидизм и обнаруживает ряд общих идей с зороастризмом (в частности, культ огня и света), но в основных своих догматах и концепциях эти две религии не только различаются, но придерживаются противоположных представлений. Определенное расхождение по сравнению с зороастризмом выражается в том, что усопшего хоронят в земле, что совершенно недопустимо. Езиды считают, что душа может приобрести покой только в земле, хотя во время езидского погребального ритуала используется саван, гроб и/или надгробие, чтобы исключить контакт тела с воздухом и/или землей. Оба варианта схожи с погребальными обычаями ряда индоиранских народов, которые практиковали и захоронение умерших в земле, и выставление трупов на съедение животным. И в езидизме, и в зороастризме исключена кремация.

Именно в организации погребального обряда и отношения к загробной жизни в езидизме и зороастризме наблюдаются кардинальные расхождения. Если страх перед смертью пронизывает все зороастрийские сочинения [Хисматулин, Крюкова 1997: 179], то езиды не только воспринимают загробный мир неотъемлемой частью мира реального, но и видя целью своей жизни достижения Рая после смерти, воссоздают обряды перехода во время паломничества в Лалеш.

Различия заметны и в конкретных элементах, примером чего может служить символизм моста – мост Чинват, который ведет в загробный мир по зороастрийской традиции расширяясь для праведника и сужаясь для грешника

[Бойс 1994: 39; Дорошенко 1982: 21]. В езидизме любые души проходят через тонкий мост Салат, как и в некоторых авраамических религиях.

Отсутствие единого канона в езидизме, с одной стороны, создавало возможности для более тесного взаимодействия с разными религиозно-философскими течениями региона и после прихода ислама. В частности, во многих деталях проведения и терминологии погребального обряда прослеживается суфийская традиция – вполне логичное явление учитывая традиционную распространенность различных суфийских учений в историческом Курдистане. С другой стороны, влияние обязательной устной традиции и запрета на грамотность среди большинства приверженцев езидизма на фоне отсутствия фиксации основных постулатов даже на уровне номинальных хранителей традиций привело к разнообразию интерпретаций отдельных обрядов даже самими езидами, в том числе из каст духовенства.

Даже сильная географическая разобщенность долгое время не подталкивала езидов к канонизации своих верований. До XX в. езиды населяли преимущественно Месопотамию и Закавказье, которые были расположены в посильной доступности по отношению друг к другу. Постепенно закрываемые государственные границы усугубляли положение, например обязательный обход кавалами мест проживания езидов после закрепления Советской власти в Закавказье стал невозможным, а некоторые из них смогли вернуться домой под Мосул лишь через 10 лет.

Схожие тенденции характерны и для современной эпохи. Миграция езидов в страны Европы еще больше усложнила путь в Лалеш и обязательную коммуникацию между духовенством и мирянами. Все это породило новые обычаи или поменяло их очередность (например, обряд обрезания перед непосредственным погребением), или использование часовен на европейских кладбищах для подготовки к похоронам.

Приложение. Похороны и поминки из дневника поездки О.Л. Вильчевского к курдам ССР Армении в сентябре-октябре 1927 г.¹

25.IX. Дер.Сангяр. Утром мне сказали, что сегодня похороны ребенка. Пошел, но поздно. Пришел уже к выносу. Труп девочки (по рассказам судя лет 10) завернут в белый холст, сверху красный ситец. Лежит в гробу на одеяле с подушкой, сверху гроб покрыт шелковым платком (после похорон платок приносят обратно). Гроб в виде ящика с открытыми сторонами сверху, и со стороны ног, вот такой формы (см.рисунок)² если смотреть сверху. Положен гроб на носилки из двух палок и в таком виде его несут на кладбище. Несут поочередно четыре человека сначала мужчины, потом женщины. Сзади идут толпой провожающие. Женщины по дороге плачут, некоторые из них царапают себе ногтями лицо, но их удерживают.

¹ Вильчевский О.Л. Диссертация «Езидские тексты». 1938 // СПбФ АРАН Ф. 77. Оп. 2. Д. 8. Л. 54-60.

² В архивном деле рисунок отсутствует.

На кладбище вырыта могила – прямоугольной формы яма, несколько суживающаяся внизу, в разрезе имеет следующую форму (см.рис)¹. Размеры детской могилы: длина 1,5 м, ширина 75 см. Пришедшие на кладбище опускают гроб с покойником и ждут, пока закончат устройство могилы. Некоторые отходят к могилам близких и плачут на них. В головах могилы кладут камень, на него ком земли, опускают в могилу гроб, закрыв его крышкой, которую несут отдельно и сверху закрывают палками. Поверх палок могилу закрывают слоем соломы и засыпают землей, насыпая над могилой небольшой холмик, на холмик водружают два камня – один в головах и другой в ногах.

Захоронив, участники процессии возвращаются в деревню. На кладбище обращают на себя внимание два мазара совершенно одинаковой постройки. Кубической формы здание с небольшим входом, верх в виде купола с отверстием посередине. Пол мощен плитами. Большинство надгробий – просто поставленные на могилу камни. Над одной из могил стоит лошадь с армянской надписью по подножью. Можно разобрать две буквы: ш U². По словам сангярцев лошадь поставлена недавно лет 15-20³. Турки, проходя через Сангяр обломали лошади голову. Сделана лошадь из какого-то цементаобразного состава, которым облеплен “скелет” из палок.

28.IX. Дер.Сангяр. Вчера вечером меня пригласили на поминки умершей девочки. По словам езидов такие поминки устраиваются три дня подряд и служат для того, чтобы родные умершего “не очень плакали”, так как приготовление к поминкам и приходящие на них – отвлекают родных от грустных мыслей. На поминках было человек 30-40. Женщин было немного, не больше 10 и сидели они на стороне. Когда все собрались, подали вареную баранину и лаваш. Участвовали в трапезе далеко не все собравшиеся – только духовенство, представители власти и наиболее из зажиточных односельчан. Остальные сидели и смотрели на трапезу. Траурное настроение продолжалось недолго: пока шех пробормотал очень неразборчиво молитву и пока участники трапезы не проглотили по одному-другому куску баранины. Минут через пять уже начался общий разговор всех присутствующих на самые разнообразные темы – о продналоге, о качестве недавно купленного быка, о нехватке мануфактуры и т.п. Один из шехов упорно спрашивал меня о размерах Москвы по сравнению с Сангяром, Эриванью и Тифлисом. Под конец, просили меня прочесть несколько сказок из записей С.А.Егиазарова. Во время разговоров часть смеялись, шутили, перебранивались. Серьезные сидели только старые шехи, впрочем на их лицах кажется трудно когда нибудь увидеть улыбку. Часа через два начали расходиться, прощаясь с хозяином дома.

<...> Начались поминки. Один из шехов прочитал молитву, начинающуюся словами *alhämdo llä, alhäm dō llä vä tä^hānā⁴* ... потом, второй шех произнес короткую молитву, в которой перечислялись имена семи шеховских родов.

¹ В архивном деле рисунок отсутствует.

² Фрагмент этой надписи на армянском шц “ам” может означать и слово “год”, и часть слова “аминь”, и инициалы.

³ Т.е. в 1907-1912 гг.

⁴ *Alhemdo lle, alhemdo lle ve te'ana* (искаж. ар. الحمد لله الحمد لله و تعالی – Слава Богу, слава Богу Всевышнему).

За ним Кавал Илиас произнес несколько десятков строк из *mäḡhe ḡude*¹. При произнесении им обращения к богу – *yā räbbi*², все присутствующие, имеющие бороду (а таких было 90%), прикасались к ней рукой. По словам езидов этот жест соответствует крестному знаменю у христиан и знаменует собой почтение к богу.

После чтения молитв все присутствующие совершили земной поклон, после чего началась поминальная трапеза. На этот раз подали всем присутствующим чай внакладку и компот из абрикосов с лавашем. Посуда – чашки, тарелки, подносы были собраны почти что со всей деревни.

По окончании трапезы Кавал Хусейн прочитал короткую молитву, содержание которой мне разобрать не удалось. При чтении молитвы руки он держал на коленях, ладонями кверху, так, что мизинцы соприкасались друг с другом. Подали полотенца утереть руки и начался опять общий разговор.

<...> Стали расходиться по домам. Все присутствующие проходят мимо хозяев и их родственников и говорят: *mäḡri, mä^hnāl, ḡäve tən kor bi, bərā tā sāḡ bi, ḡure tā sāḡ bi, ämtäre ḡude ḡude dāe, ḡude dibä*³ “Не рыдай, не стенай, пусть глаз мой ослепнет, (ты же) пусть здоровым будешь. Сын твой пусть здоровым будет. Воля господня: бог дал, бог (и) берет”.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдоев 2011 – Авдоев Т. Историко-теософский аспект езидизма. – М.: «ЭРА», 2011. – 466 с.
- Анкоси 1996 – Анкоси К.З. “Фарзе братйе” у езидов. – Тбилиси: Езидская библиотека, 1996. – 30 с.
- Анкоси 2012 – Анкоси К.З. Проблемы изучения езидизма. Доклад был прочитан на конференции по курдоведению в 1982 году в Ленинграде (с приложениями). – Тбилиси: без издательства, 2012. – 122 с.
- Аристова 1966 – Аристова Т.Ф. Курды Закавказья (историко-этнографический очерк). – М.: Наука, 1966. – 208 с.
- Баранов 1915 – Баранов Е. Турецкие баши-бузуки (Курды). – Москва: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1915. – 32 с.
- Бек-Назаров 1927 – Бек-Назаров А. Как я снимал “Зарэ” / Зарэ. Кино-проспект. – М.: Кинопечать, 1927. – 8 с.
- Бойс 1994 – Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. – СПб: Петербургское востоковедение, 1994. – 288 с.
- Григорьев 2008 – Григорьев С., Ивасько Л., Пирбари Д. Святой Лалыш. – Екатеринбург: Баско, 2008. – 208 с.
- Гуляев 2010 – Гуляев В.И. Изучение погребального обряда в зарубежной археологии // Краткие сообщения Института археологии. – Вып. 224. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – С. 5-18.
- Дорошенко 1982 – Дорошенко Е.А. Зороастрийцы в Иране (Историко-этнографический очерк). – М.: Наука. 1982. – 136 с.
- Егиазаров 1891а – Егиазаров С.А. Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии // Записки Кавказского Отделения Императорского Русского Географического Об-

¹ Молитва “Славословие Господа” (курд. “*Methe Xwedê*”).

² *Ya Rabbî* (ар. يَا رَبِّي – О, мой Господь).

³ Совр. курманджи *Megirî, menale, çavê min kor be, bila te sax be, kurê te sax be, emirê Xwedê, Xwedê daye, Xwedê dibe*.

щества. – Кн. XIII. – Выпуск 2. – Тифлис: Типография Канцелярии Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе, 1891. – С. 1-170.

Егиазаров 1891б – *Егиазаров С.А.* Краткий этнографическо-юридический очерк езидов Эриванской губернии // Записки Кавказского Отделения Императорского Русского Географического Общества. – Кн. XIII. – Выпуск 2. – Тифлис: Типография Канцелярии Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе, 1891. – С. 171-288.

Калантар 1973 – *Калантар К.Л.* Амо Бек-Назаров: Искусство кинорежиссера. – Ереван: Айастан, 1973. – 184 с.

Мадатов 1927 – *Мадатов А.* “Зарэ” / Зарэ. Кино-проспект. – М.: Кинопечать, 1927. – 8 с.

Мейлах 1992 – *Мейлах М.Б.* Малаки-Тауз // Мифологический словарь / Под ред. Е.М. Мелетинского. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. – С. 335-336.

Народы 1879 – Курды / Народы России. Выпуск V. – СПб: Типография Товарищества “Общественная польза”, 1879. – С. 433-434.

Омархали 2005 – *Омархали Х.* Йезидизм. Из глубины тысячелетий. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2005. – 192 с.

Омархали 2012 – *Омархали Х.* Йезидская письменная религиозная литература. Священное писание, Джелва, Масхафа раш и рукописи // Лазаревские чтения. – Вып. I. – М.: Институт востоковедения РАН, 2012. – С. 159-184.

Пирбари 2008 – *Пирбари Д.* Езиды Сархада (Исход из Курдистана на Южный Кавказ). XIX – нач. XX в. – Тбилиси-Москва: Московский издательский дом, 2008. – 301 с.

Пирбари, Щедровицкий 2016 – *Пирбари Д., Щедровицкий Д.* Тайна жемчужины. Езидская теософия и космогония. – М.:Тбилиси: ТАУС, 2016. – 261 с.

Руденко 1982 – *Руденко М.Б.* Курдская обрядовая поэзия (похоронные причитания). – М.: Наука, 1982. – 156 с.

Хисматулин, Крюкова 1997 – *Хисматулин А.А. Крюкова В.Ю.* Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. – Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 1997. – 272 с.

Элиаде 2002 – *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. Т.2. От Гаутамы Будды до триумфа христианства. – М.: Критерион, 2002. – 512 с.

Açıkyıldız 2010 – *Açıkyıldız B.* The Yezidis: The History of a Community, Culture and Religion. – London: I.B. Tauris, 2010. – 304 с.

Arakelova, Amrian 2012 – *Arakelova V., Amrian T.* The Hereafter in the Yezidi Beliefs // Iran & the Caucasus. – 2012. – No. 16. – Pp. 309-318.

Asatrian, Arakelova 2014 – *Asatrian G., Arakelova V.* The Religion of the Peacock Angel: The Yezidis and Their Spiritual World. – Durhan: Acumen, 2014. – 160 с.

Asatryan 1999-2000 – *Asatryan G.* The Holy Brotherhood: The Yezidi Religious Institution of the "Brother" and the "Sister" of the "Next World" // Iran & the Caucasus. – 1999-2000. – Vol. 3-4. – Pp.79-96.

Asatryan 1999/2000 – *Asatryan G.* The Holy Brotherhood: The Yezidi Religious Institution of the "Brother" and the "Sister" of the "Next World" // Iran & the Caucasus. – 1999/2000. – Vol. 3/4. – Pp. 79-96.

Can Emmez 2015 – *Can Emmez B.* Batman ezidilerinin defin pratikleri üzerine etnografik değerlendirmeler // Antropoloji. – 2015. – No. 29. – Pp. 163-178.

Evdal 2020 – *Evdal E.* Bawermendîyên Kurdên Êzdî. Xebatên çandî. – Diyarbakır, Lîs Yayınevi, 2020. – 196 с.

Grant 1841 – *Grant A.* The Nestorians; or The Lost Tribes; containing evidence of their identity; an account of their manners, customs and ceremonies; together with sketches of travel in ancient Assyria, Armenia, Media and Mesopotamia and illustrations of scripture prophecy. – London: John Murray, 1841. – 365 с.

Guest 1987 – *Guest J.S.* The Yezidis: A Study in Survival. – New York; London: KPI, 1987. – 299 с.

- Habib 1978 – *Habib G.* The Yazidis, Remnant of an Ancient Religion. – Baghdad: Al-Maraf Press, 1978. – 137 с.
- Hammer-Purgstall 1831 – *Hammer-Purgstall J. von.* Geschichte des osmanischen Reiches (10 Bände). Pest: C.A.Hartleben's Verlag, 1827-1833. – Siebender Band, 1831. – 654 с.
- Heard 1911 – *Heard W.B.* Notes on the Yezidis // The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1911. Vol.41. pp.200-219. URL: <http://www.jstor.org/stable/2843340> (дата обращения: 13.11.2023).
- Khuri 1990 – *Khuri F.I.* Imams and Emirs: State, Religion and Sects in Islam. – London: Saqi Books, 1990. – 270 с.
- Kreyenbroek 2009 – *Kreyenbroek P.G.* Yezidism in Europe: Different Generations Speak about their Religion. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 2009. – 246 с.
- Kubálek 2015 – *Kubálek P.* End of Islam, End of Time: An Eschatological Reading of Yezidism // Archiv orientální. – 2015. – No. 83 (3). – Pp. 569-598.
- Lescot 1975 – *Lescot R.* Enquête sur les Yézidis de Syrie et du Djebel Sindjar // Mémoires de l'Institut français de Damas, t. V. – Beyrouth: Librairie Du Liban, 1975. – 282 с.
- Med 2022 – *Med M.* Kevirê Selîm. – İstanbul, Nûbihar, 2022. – 80 с.
- Nicolaus 2016 – *Nicolaus P.* Yezidi Circumcision and Blood-Brotherhood (Including the Circumcision of the Dead) // Iran and the Caucasus. – 2016. – No. 20. – Pp. 325-345.
- Othman 2004 – *Othman M. (Pir Mamo).* Taus-i Melek oder der politische Gott der Weltreligionen? Der Beitrag zur Theologie und Religionsgeschichte der Yeziden // Yeziden – Eine alte Religionsgemeinschaft zwischen Tradition und Moderne / Hrsg F. Erhard. – Hamburg: Deutsches Orient-Institut, 2004. – С.55-66.
- Rodziewicz 2014 – *Rodziewicz A.* Yezidi Eros. Love as The Cosmogonic Factor and Distinctive Feature of The Yezidi Theology in The Light of Some Ancient Cosmogonies // Fritillaria Kurdica. Bulletin of Kurdish Studies. – 2014. – No 3,4. – Pp. 42-105.
- Torî 2000 – *Torî.* Bir Kürt düşüncesi Yezidilik ve Yezidiler. – İstanbul: Berfin Yayınları. 2000. – 168 с.

REFERENCES

- AÇIKYILDIZ B. *The Yezidis: The History of a Community, Culture and Religion.* London: I.B.Tauris, 2010. (In English).
- ANKOSI K.Z. “Farze bratyje” u yezidov [“Farze bratyje” among the Yezidis]. Tbilisi, 1996. (In Russ.).
- ANKOSI K.Z. *Problemy izucheniya yezidizma* [Problems of studying Yezidism]. Tbilisi, 2012. (In Russ.).
- ARAKELOVA V., AMRIAN T. The Hereafter in the Yezidi Beliefs. *Iran & the Caucasus.* 2012. No.16. pp.309-318. (In English).
- ARISTOVA T.F. *Kurdy Zakavkaz'ya (istoriko-etnograficheskiy ocherk)* [The Kurds of Transcaucasia (historical and ethnographic essay)]. Moscow, “Nauka”, 1966. (In Russ.).
- ASATRIAN G., ARAKELOVA V. *The Religion of the Peacock Angel: The Yezidis and Their Spiritual World.* Durhan: Acumen, 2014. (In English).
- ASATRYAN G. The Holy Brotherhood: The Yezidi Religious Institution of the "Brother" and the "Sister" of the "Next World". *Iran & the Caucasus.* 1999-2000. Vol. 3-4. pp.79-96. (In English).
- AVDOYEV T. *Istoriko-teosofskiy aspekt yezidizma* [Historical and theosophical aspect of Yezidism]. Moscow, ERA, 2011. (In Russ.).
- BARANOV Ye. *Turetskiye bashi-buzuki (Kurdy)* [Turkish Bashi-Bazouks (Kurds)]. Moscow, 1915. (In Russ.).
- BEK-NAZAROV A. Kak ya snimal “Zare” [How I filmed "Zare"]. *Zare. Kino-prospekt.* Moscow, Kinopechat', 1927. (In Russ.).
- BOYCE M. *Zoroastrians: Their Religious Beliefs and Practices* [Zoroastriytsy. Verovaniya i obychai]. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 1994. (In Russ.).

CAN EMMEZ B. Batman ezidîlerinin defin pratikleri üzerine etnografik değerlendirmeler. *Antropoloji*. 2015. No.29. pp.163-178. (In Turkish).

DOROSHENKO Ye.A. *Zoroastriytsy v Irane (Istoriko-etnograficheskiy ocherk)* [Zoroastrians in Iran (A historical and ethnographic essay)]. Moscow, Nauka, 1982. (In Russ.).

ELIADE M. *Istoriya very i religioznykh idey* [Histoire des croyances et des idées religieuses]. Vol.2. Moscow, Kriterion, 2002. (In Russ.).

EVDAL E. *Bawermendiyên Kurdên Êzdi. Xebatên çandî*. Diyarbakır, Lîs Yayınevi, 2020. (In Kurdish).

GRANT A. *The Nestorians; or The Lost Tribes; containing evidence of their identity; an account of their manners, customs and ceremonies; together with sketches of travel in ancient Assyria, Armenia, Media and Mesopotamia and illustrations of scripture prophecy*. London: John Murray, 1841. (In English).

GRIGORYEV S., IVASKO L., PIRBARI D. *Holy Lalish*. Ekaterinburg, Basko, 2008. (In Russ.).

GUEST J.S. *The Yezidis: A Study in Survival*. New York; London: KPI, 1987. (In English).

GULYAYEV V.I. Izucheniye pogrebal'nogo obryada v zarubezhnoy arkheologii [Investigations of burial rite in foreign archaeology]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archeology]. Vol. 224. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2010. pp.5-18. (In Russ.).

HABIB G. *The Yazidis, Remnant of an Ancient Religion*. Baghdad: Al-Maraf Press, 1978. (In Arabic).

HAMMER-PURGSTALL J. von. *Geschichte des osmanischen Reiches* (10 Bände). Pest: C.A. Hartleben's Verlag, 1827-1833. Siebender Band, 1831. (In German).

HEARD W.B. Notes on the Yezidis. *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1911. Vol.41. pp.200-219. (In English).

KALANTAR K.L. *Amo Bek-Nazarov: Iskusstvo kinorezhissera* [Amo Bek-Nazarov: The Art of a film director]. Yerevan, Ayastan, 1973. (In Russ.).

KHISMATULIN A.A., KRYUKOVA V.Ju. *Smert' i pokhoronnyy obryad v islame i zoroastriзме* [The death and funeral rites in Islam and Zoroastrianism]. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 1997. (In Russ.).

KHURI F.I. *Imams and Emirs: State, Religion and Sects in Islam*. London: Saqi Books, 1990.

KREYENBROEK P.G. *Yezidism in Europe: Different Generations Speak about their Religion*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 2009. (In English).

KUBÁLEK P. End of Islam, End of Time: An Eschatological Reading of Yezidism. *Archiv orientální*. 2015. No.83(3). pp.569-598. (In English).

LESCOT R. Enquête sur les Yézidis de Syrie et du Djebel Sindjar. *Mémoires de l'Institut français de Damas*. t.V. Beyrouth, 1975. (In French).

MADATOV A. "Zare" [Zare]. *Zare. Kino-prospekt*. Moscow, Kinopechat', 1927. (In Russ.).

MED M. Kevirê Selîm. İstanbul, Nûbihar, 2022. (In Kurdish).

MEYLAH M.B. Malaki-Tauz [Malaki-Tauz]. *Mifologicheskiy slovar*. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 1992. C.335–336. (In Russ.).

NICOLAUS P. Yezidi Circumcision and Blood-Brotherhood (Including the Circumcision of the Dead). *Iran and the Caucasus*. 2016. No.20. pp.325-345. (In English).

OMARKHALI Kh. *Yezidizm. Iz glubiny tysyacheletiy* [Yezidism. From the depths of millenia]. St. Petersburg: Izdatel'stvo St. Petersburg University, 2005. (In Russ.).

OMARKHALI Kh. *Yezidskaya pis'mennaya religioznaya literatura. Svyashchennoye pisanie, Dzhelva, Maskhafa rash i rukopisi* [Yezidi written religious literature. Holy Scripture, Jelva, Maskhafa Rash and manuscripts]. *Lazarevskiy chteniya*. Vol I. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN, 2012. pp.159-184. (In Russ.).

OTHMAN M. (Pir Mamo). Taus-i Melek oder der politische Gott der Weltreligionen? Der Beitrag zur Theologie und Religionsgeschichte der Yeziden. *Yeziden – Eine alte Religionsgemein-*

schaft zwischen Tradition und Moderne. Hrsg F.Erhard. Hamburg: Deutsches Orient-Institut, 2004. (In German).

PIRBARI D. *Yezidy Sarkhada* [The Yezidis of Sarhad]. Tbilisi, Moscow, 2008. (In Russ.).

PIRBARI D., SHEDROVITSKY D. *Tayna zhemchuzhiny. Yezidskaya teosofiya i kosmogoniya* [The Secret of the Pearl. Yezidi theosophy and cosmogony]. Moscow, Tbilisi, 2016. (In Russ.).

RODZIEWICZ A. Yezidi Eros. Love as The Cosmogonic Factor and Distinctive Feature of The Yezidi Theology in The Light of Some Ancient Cosmogonies. *Fritillaria Kurdica. Bulletin of Kurdish Studies*. 2014. No 3,4. pp.42-105. (In English).

RUDENKO M.B. *Kurdsкая obryadovaya poeziya (pokhoronnyye prichitaniya)* [Kurdish ritual poetry (Funeral lamentations)]. Moscow, Nauka, 1982. (In Russ.).

The Peoples of Russia [Narody Rossii]. Vol. V. St. Petersburg: Tipografiya Tovarishchestva “Obshchestvennaya pol’za”, 1879. – pp.433-434. (In Russ.).

TORÎ. *Bir Kürt düşünçesi Yezidilik ve Yezidiler*. İstanbul: Berfin Yayınları. 2000. (In Turkish).

YEGIAZAROV S.A. Kratkiy etnograficheskiy ocherk kurdiv Erivanskoj gubernii [A brief ethnographic essay on the Kurds of the Erivan Governorate]. *Zapiski Kavkazskogo Otdeleniya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Notes of the Caucasian Branch of the Imperial Russian Geographical Society]. Bk. XIII. Vol 2. Tiflis, 1891. (In Russ.).

YEGIAZAROV S.A. Kratkiy etnograficheskoyuridicheskiy ocherk yezidov Erivanskoj gubernii [A brief ethnographic and legal essay on the Yezidis of the Erivan Province]. *Zapiski Kavkazskogo Otdeleniya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Notes of the Caucasian Branch of the Imperial Russian Geographical Society]. Bk. XIII. Vol 2. Tiflis, 1891. (In Russ.).

Информация об авторе

А.О. Победоносцева-Кая – кандидат исторических наук.

Information about the author

A.O. Pobedonostseva-Kaya – candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 15.11.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 15.11.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья
УДК 323.1+39(470.6)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-214-223
EDN: WGTRKX

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Светлана Исмаиловна Аккиева¹, Асият Руслановна Бер²

^{1,2} Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук, Нальчик, Россия

¹ asisma@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8586-7460>

² asyat.tokhtabieva@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен национально-культурного самоопределения этнических сообществ Кабардино-Балкарской Республики в контексте российской гражданской идентичности. Проведен анализ основных направлений научных исследований, посвященных национально-культурному самоопределению и его взаимосвязи с гражданской идентичностью, а также того, как широкое разнообразие этнического состава населения страны или отдельного его региона обязательно ставит перед руководством задачу в области поддержания стабильности в сфере межэтнических взаимоотношений, а также обеспечения конструктивного межкультурного диалога. Поднимаются вопросы нормативно-правового обеспечения и регулирования национальных отношений и функционирования национально-культурных центров в Кабардино-Балкарской Республике. Особое внимание уделяется деятельности Министерства по делам национальностей и общественным проектам Кабардино-Балкарской Республики в достижении гражданского, межэтнического и межконфессионального согласия в регионе.

Ключевые слова: национально-культурное самоопределение, этническая идентичность, гражданская идентичность.

Для цитирования: Аккиева С.И., Бер А.Р. Национально-культурное самоопределение этнических сообществ Кабардино-Балкарской Республики как составляющая российской гражданской идентичности // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 214-223. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-214-223. EDN: WGTRKX.

© Аккиева С.И., Бер А.Р., 2023

Original article

NATIONAL-CULTURAL SELF-DETERMINATION OF ETHNIC COMMUNITIES OF THE KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC AS A COMPONENT OF RUSSIAN CIVIL IDENTITY

Svetlana I. Akkueva¹, Asiyat Ruslanovna Ber²

^{1,2} Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Nalchik, Russia

¹ asisma@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8586-7460>

² asyat.tokhtabieva@yandex.ru

Abstract. The study investigates the phenomena of national-cultural self-determination of Kabardino-Balkarian Republic ethnic communities in the framework of Russian civic identity. The main directions of scientific research devoted to national-cultural self-determination and its relationship with civil identity are examined, as well as how the wide diversity of the ethnic composition of the country's population or its individual region necessarily places the task of maintaining stability in the sphere of interethnic relations on the shoulders of the leadership. The Kabardino-Balkarian Republic's legal backing and control of national relations, as well as the operation of national cultural centers, are discussed. Particular emphasis is placed on the activities of the Kabardino-Balkarian Republic's Ministry of National Affairs and public projects aimed at achieving civil, interethnic, and interfaith harmony in the region.

Keywords: national-cultural self-determination, ethnic identity, civic identity.

For citation: Akkieva S.I., Ber A.R. National-cultural self-determination of ethnic communities of the Kabardino-Balkarian Republic as a component of Russian civil identity. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 471-480. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-471-480. EDN: WGTRKX.

© Akkieva S.I., Ber A.R., 2023

В современном обществе, когда происходит процесс глобализации, наблюдается не только высокая динамика экономических и политических процессов, но и рост уровня межнационального и межкультурного взаимодействия. Народы и этнические группы активно преобразовываются из субъектов культуры в субъекты права и политики. Во многих странах из-за роста миграционных потоков существенно меняются этнические, демографические и конфессиональные характеристики социальной структуры. Национально-культурное самоопределение дает возможность воплотить этногрупповую и общинную идентичность, индивидуальную и национальную идентичность, что приобретает все большее значение в современном мире. Национально-культурное самоопределение характеризуется институционализацией этнокультурных элементов в общественных отношениях.

В процессе исследования были использованы следующие методы: проблемно-хронологический, сравнительный, прогностический, институциональный, социально-философский, системно-исторический и структурно функциональный анализ.

Предметом исследования является роль национально-культурного самоопределения в упрочении гражданской идентичности российского общества.

Неотъемлемой частью истории человечества являются интенсивные миграционные процессы, которые приводят к образованию полиэтничных стран и регионов. В связи с этим, во многих странах происходят изменения этнических и конфессиональных характеристик общественной структуры. Российская Федерация, на территории которой по данным Всероссийской переписи населения

2020¹ г. проживают представители 194 этнических сообществ, является ярким примером данного явления. Исторически сложившаяся полиэтничность населения России, многовековое взаимодействие в межкультурном и межконфессиональном отношении, сохранение традиций этносов, проживающих на ее территории, выступают всеобщим достоянием на уровне российской нации [Артеменко 2016: 24-41]. Это все является важнейшей ступенью в упрочении гражданской идентичности и российской государственности, закладывании основ позитивному вектору дальнейшего развития межнациональных и межконфессиональных отношений, национально-культурного самоопределения этнических сообществ и в Российской Федерации.

Широкое разнообразие этнического состава населения страны или отдельного его региона обязательно ставит перед руководством задачу в области поддержания стабильности в сфере межэтнических взаимоотношений, а также обеспечения конструктивного межкультурного диалога.

В связи с вышеуказанным, необходимым является политическое регулирование и нормативно-правовое обеспечение деятельности этнических групп в процессе реализации государственной национальной политики Российской Федерации. В соответствии с Конституцией РФ 1993 г.* и Федеральным законом от 17 июня 1996 г. №74-ФЗ «О национально-культурной автономии»** государство гарантирует соблюдение всех прав и свобод граждан вне зависимости от их расовой, национальной и религиозной принадлежности; обеспечивается право на самоопределение личности, не противоречащую законам страны самоорганизацию для сохранения своего родного языка и этнической самобытности. Важно отметить, что все вышеперечисленные права и свободы не должны противоречить законодательству страны, а также унижать или ущемлять права и свободы представителей других этносов.

В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г.***, написано, что одними из основных задач в рамках реализации государственной национальной политики нашей страны являются: укрепление общероссийского гражданского самосознания и сохранение полиэтничности населения РФ. Из указанного следует, что главенствующую позицию занимает цель формирование личности не только как члена определенной этнической группы, но и, в первую очередь, как гражданина страны.

¹ Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 18.09.2023).

* Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 18.09.2023).

** Федеральный закон от 17 июня 1996 г. N 74-ФЗ "О национально-культурной автономии" (с изменениями и дополнениями) // Система Гарант. URL: <https://base.garant.ru/135765/> (дата обращения: 18.09.2023).

*** Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. N 1666 "О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года" (с изменениями и дополнениями) // Система Гарант. URL: <https://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 18.09.2023).

Для того, чтобы гражданская и этническая идентичности успешно формировались, первостепенное значение имеет правильное понимание сущности указанных явлений. Как считает Д.В. Григорьев, гражданская идентичность представляет собой беспрепятственное отождествление себя с нацией (в нашем случае российской), индивидуальное участие в культурной и социальной жизни страны, чувство сопричастности к будущему, настоящему и прошлому нации в широком смысле этого слова, ощущение себя россиянином [Григорьев 2017].

Гражданская идентичность играет важную роль в формировании личности и взаимодействии с обществом. Она представляет собой совокупность убеждений, ценностей и смыслов, связанных с принадлежностью к определенной национальности или гражданству [Асмолов 2011: 151]. Р.Ю. Шикова считает, что гражданская идентичность формируется на основе самоопределения индивида в контексте социальных групп, которым он принадлежит. Однако, гражданская идентичность не является статичной и однозначной. Она подвержена влиянию различных факторов, таких как социальная среда, политические и экономические условия, образование и культурные традиции. В связи с этим, процесс формирования гражданской идентичности может быть динамичным и изменчивым. Р.Ю. Шикова подчеркивает, что эмоциональный и когнитивный уровни личности играют важную роль в формировании гражданской идентичности. Эмоциональный уровень связан с эмоциональными переживаниями и привязанностями к определенным социальным группам. Когнитивный уровень, в свою очередь, связан с осознанием и пониманием своей принадлежности к определенной группе и роли, которую индивид играет в обществе [Шикова 2009].

Согласно мнению Л.М. Дробижевой, этническая идентичность является сложным и многогранным понятием, которое охватывает различные аспекты жизни человека. Она формируется в результате процесса отождествления с определенной этнической группой и включает в себя представления о языке, культуре, истории, территории проживания и других особенностях этноса и др. [Дробижева 2002:213-244] Э. Фромм приписывает этнической идентичности функцию защитного механизма «бегства от свободы». Именно стремление человека быть защищённым, не отвергнутым заставляет его выбирать путь конформизма, следования общественным правилам, стремления быть похожим на группу и идентифицировать себя с ней [Фромм 2013: 37].

Как отмечает научное сообщество, гражданская и этническая идентичности взаимозависимы и взаимосвязаны [Кожанов 2013]. Окончательное формирование российской гражданской идентичности невозможно без удовлетворения потребности в отношении этнической идентичности в соответствии с историческими традициями, а также с духовно-нравственными ресурсами, как российского общества, так и отдельного его субъекта [Абдулатипов 1999; Абдулатипов 2005]. На сегодняшний день актуальным является обеспечение позитивного этнического самоопределения без отрыва его от гражданской идентичности. Феноменом, который объединяет в себе и этническое, и гражданское, является национально-культурное самоопределение.

Национально-культурное самоопределение, как отмечают Ю.Д. Анчабадзе, М.Н. Губогло и В. Жуков, выступает в качестве результата группового референ-

дума, поводом для которого являются внутренние и внешние факторы. К внутренним относятся историко-культурные, культурно-языковые и социокультурные факторы, а к внешним относятся общественно-политические, геополитические и политико-управленческие реалии [Национально-культурное...2017: 5-6].

Одной из ступеней к формированию гражданского, политического и социального благополучия является достижение этнокультурного комфорта для жителей того или иного субъекта нашей страны*. Важную роль в этом контексте играет национально-культурное самоопределение, основной целью которого является реализация этнокультурной идентичности и удовлетворение национально-культурных интересов граждан в многонациональных, поликонфессиональных сообществах, полиэтничных регионах и государствах.

Мы полагаем, что национально-культурное самоопределение, как и любое другое явление, имеет как положительные, так и отрицательные черты. Положительным является тот факт, что национально-культурное самоопределение народа способствует реализации его интересов и желаний, интеграции этнической общности в процесс нациоестроительства на региональном уровне. Кроме того, в процессе национально-культурного самоопределения вырабатываются социокультурные, духовно-нравственные ценности, составляющие ядро конструктивных межэтнических отношений. Следует отметить, что национально-культурное самоопределение сопряжено и с некоторыми деструктивными процессами, такими, как, например, преобразование национально-культурного самоопределения из открытости и толерантности в нетерпимость, укрепление межэтнических границ, популяризация этноцентристских настроений в общественном сознании, ксенофобия и др. [Аствацатурова 2002: 313].

Национально-культурное самоопределение представляет собой достаточно сложное и многогранное явление. Во-первых, оно способствует сохранению этнокультурной самобытности и предотвращению процесса ассимиляции, а во-вторых, способствует легализации и оптимизации этнокультурных потребностей и интересов. Рассматривая национально-культурное самоопределение в качестве составляющей общероссийской гражданской идентичности, важно, помимо прочего, акцентировать внимание также и на их общих принципах: добровольность волеизъявления, вариативность, равноправие и равнозначность перед законом и др.

Также важно выделить и основные задачи, которые национально-культурное самоопределение решает в процессе гражданской идентификации российского общества. Среди них стоит выделить адаптацию в многонациональном поликультурном регионе, придание второстепенной роли внутригрупповым и межгрупповым различиям, концентрирование внимания на позитивных ресурсах этнических сообществ [Тохтабиева 2017: 73-76].

Что касается Кабардино-Балкарской Республики, регион является одним из субъектов Российской Федерации с полиэтничным составом, на сравнительно небольшой территории проживают представители более 80 национальностей,

* Баринов И.В. Выступление на правительственном часе в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. 23 марта 2016 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.business-gazeta.ru/article/305643/>.

что наделяет процесс сохранения гармоничных межэтнических отношений особой важностью в общественно-политической обстановке региона*.

В республике работа органов государственной и муниципальной власти в сфере реализации основ государственной национальной политики строится системно, сформированы консультационные органы: Общественная палата КБР, Правительственная комиссия по вопросам межэтнических и межконфессиональных отношений в КБР, общественные советы при главах местных администраций и городских округов республики.

Кроме того, с 2014 г. осуществляет свою деятельность Министерство по делам национальностей и общественным проектам Кабардино-Балкарской Республики, которое образовано с целью нормативного правового регулирования процесса гармонизации межнациональных отношений, деятельности национальных культурных центров республики, взаимодействия с соотечественниками, проживающими за рубежом, сопровождения деятельности общественных организаций и др.

Для достижения гражданского, межэтнического и межконфессионального согласия в Кабардино-Балкарской Республике действуют следующие нормативно-правовые документы:

– постановление Правительства КБР от 28 октября 2019 г. № 190-ПП «О государственной программе Кабардино-Балкарской Республики «Взаимодействие с общественными организациями и институтами гражданского общества в Кабардино-Балкарской Республике»**;

– распоряжение Правительства КБР от 30 апреля 2021 г. № 180-РП «Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2021-2023 гг. в Кабардино-Балкарской Республике Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021-2030 годы»***;

– распоряжение Правительства КБР от 15 сентября 2015 г. № 573-рп об образовании Правительственной комиссии по вопросам межэтнических и межконфессиональных отношений в КБР**** и др.

Министерством по делам национальностей и общественным проектам КБР на ежегодной основе проводится Гражданский форум некоммерческих организаций республики. В мероприятии принимают участие работники органов государственной власти КБР, общественных и религиозных организаций, нацио-

* Архивные данные Министерства по делам национальностей и общественным проектам Кабардино-Балкарской Республики

** О государственной программе Кабардино-Балкарской Республики "Взаимодействие с общественными организациями и институтами гражданского общества в Кабардино-Балкарской Республике" // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561592344> (дата обращения: 18.09.2023).

*** Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2021-2023 годах в Кабардино-Балкарской Республике Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021 - 2030 годы // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/574724242> (дата обращения: 18.09.2023).

**** Распоряжение Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 15 сентября 2015 г. N 573-РП ОБ образовании правительственной комиссии по вопросам межэтнических и межконфессиональных отношений в Кабардино-Балкарской Республике // Система Гарант. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/kabardin/653438/> (дата обращения: 18.09.2023).

нально-культурных центров, общественность республики. Форум проводится с целью обсуждения актуальных проблем развития гражданского общества в республике, достижения открытого диалога между властью и обществом, объединения стремлений представителей НКО КБР, органов исполнительной и законодательной власти, местного самоуправления, а также средств массовой информации для воспитания современного гражданского общества, развития гражданских инициатив и гражданского самосознания среди населения Кабардино-Балкарской Республики.

Кроме того, в целях укрепления межнационального согласия и формирования активной гражданской позиции Министерством ежегодно проводится Межрайонный форум «Кабардино-Балкария – наш общий дом». Форум проходит в разных муниципальных районах республики, в нем принимают участие представители органов исполнительной и законодательной власти республики, молодежь, национально-культурные центры, представители духовенства, Общественной палаты КБР, средств массовой информации и др. На форуме обсуждаются актуальные вопросы, касающиеся политической обстановки в республике, вырабатываются пути их решения совместно с обществом. В рамках форума работают четыре основные площадки, которые посвящены темам, которые актуальны в год, когда проводится форум. В основе работы всех площадок лежит успешная реализация в Кабардино-Балкарской Республике Государственной национальной политики до 2025 г.*

Подводя итоги данного исследования, стоит отметить, что с одной стороны, национально-культурное самоопределение является важной частью позитивной, успешной гражданской идентичности и объединения представителей разных этнических групп. Однако, с другой стороны, не исключены варианты, когда национально-культурное самоопределение проявляется в негативных формах, что может сказаться на конструктивной коммуникации между членами различных этнических сообществ**. Позитивное национально-культурное самоопределение – это некий фундамент выработки общего вектора развития страны, успешного нациестроительства, которое будет достигнуто путем конструктивного межэтнического взаимодействия. Также оно является эффективным механизмом реализации культурной политики России в ее этнокультурном векторе, направленном на воспитание патриотичного отношения к своей родине, проявление активной гражданской позиции, гармонизацию межэтнических отношений на основе самобытного развития этнических сообществ и их совместной деятельности.

Руководством Кабардино-Балкарской Республики проводится большое количество мероприятий для успешной реализации национально-культурного самоопределения ее жителей. Предоставляются возможности всем этническим

* Архивные данные Министерства по делам национальностей и общественным проектам Кабардино-Балкарской Республики

** Аствацатурова М.А. Политико-образовательные практики в вузах Северо-Кавказского федерального округа в упрочении российской гражданской идентичности // Сайт Министерства по национальной политике Республики Дагестан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://drive.google.com/file/d/0B1wR6Rf8y0fEb25pOWFpazMycDg/view?pref=2&pli=1>

группам для реализации своих этнокультурных потребностей и интересов. Реализуемая органами власти республики национальная политика служит свидетельством того, как для современного общества важно наличие активной гражданской позиции, успешная интеграция в полиэтничном регионе и ориентация на бесконфликтное сосуществование и миротворчество.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулатипов 1999 – *Абдулатипов Р.Г.* Сущность нации-этноса: ответ сторонникам безнациональности. – М.: «Славянский диалог», 1999. – 246 с.

Абдулатипов 2005 – *Абдулатипов Р.Г.* Российская нация (этнонациональная идентичность россиян в современных условиях). – М.: Научная книга, 2005. – 41 с.

Артеменко 2016 – *Артеменко О.И.* Формирование идентичностей в многонациональном российском обществе: роль школьного образования // Вестник Российской нации, 2016. – Т. 3. – № 3-3 (48). – С. 24-41.

Асмолов 2011 – *Асмолов А.Г.* Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе. От действия к мысли: пособие для учителя. – М.: Просвещение, 2011. – 151 с.

Аствацатурова 2002 – *Аствацатурова М.А.* Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион) / М.А. Аствацатурова. – Ростов-на-Дону – Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2002. – 313 с.

Григорьев 2017 – *Григорьев Д.В.* Формирование гражданской идентичности современного школьника // Перспектива гражданско-патриотического воспитания в системе образования: интернет-конференция. – URL: <https://proektpatriot2.jimdo.com/гражданская-идентичность/> (дата обращения: 18.09.2023).

Дробижеева 2002 – *Дробижеева Л.М.* Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. – М., 2002. – С. 213-244.

Кожанов 2013 – *Кожанов И.В.* Гражданская и этническая идентичности личности: проблема взаимосвязи и взаимозависимости // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 3. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9187> (дата обращения: 18.09.2023).

Национально-культурное... 2017 – *Национально-культурное* и этнорелигиозное самоопределение адыго-абхазских и тюркских народов Северного Кавказа и Крыма в условиях упрочения гражданского единства российской нации. Экспертный доклад. Монографическое издание. Ч. I. / Научн. ред. В.А. Тишков, отв. ред. М.А. Аствацатурова. – Пятигорск: ПГУ. – 2017. – С. 5-6.

Тохтабеева 2017 – *Тохтабеева А.Р.* К вопросу о национально-культурном самоопределении этнических групп РФ в контексте российской гражданской идентичности // Университетские чтения – 2017. Материалы научно-методических чтений ПГУ. – 2017. – С. 73-76.

Фромм 2013 – *Фромм Э.* Бегство от свободы / М.: Астрель. – 2013. – 37 с.

Шикова 2009 – *Шикова Р.Ю.* Гражданская общероссийская идентичность (социологический аспект) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2009. – № 1. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-obscherossiyskaya-identichnostsotsiologicheskii-aspekt> (дата обращения: 18.09.2023).

REFERENCES

ABDULATIPOV R.G. *Sushchnost' natsii-ethnosa: otvet storonnikam beznatsional'nosti*. [The essence of a nation-ethnic group: a response to supporters of non-nationality]. – М.: «Slavyanskii dialoG», 1999. – 246 p. (In Russ.).

ABDULATIPOV R.G. *Rossiiskaya natsiya (ethnonatsional'naya identichnost' rossiyan v sovremennykh usloviyakh)* [Russian nation (ethnonational identity of Russians in modern conditions)]. – М.: Nauchnaya kniga, 2005. – 41 p. (In Russ.).

ARTEMENKO O.I. *Formirovanie identichnostei v mnogonatsional'nom rossiiskom obshchestve: rol' shkol'nogo obrazovaniya* [Formation of identities in multinational Russian society: the role of school education]. IN: *Vestnik Rossiiskoi natsii*. – 2016. – V. 3. – № 3-3 (48). – P. 24-41. (In Russ.).

ASMOLOV A.G. *Kak proektirovat' universal'nye uchebnye deistviya v nachal'noi shkole. Ot deistviya k mysli: posobie dlya uchitelya* [How to design universal learning activities in primary school. From action to thought: a guide for teachers]. – М.: Prosveshchenie, 2011. – 151 p. (In Russ.).

ASTVATSATUROVA M.A. *Diaspory v Rossiiskoi Federatsii: formirovanie i upravlenie (Severo-Kavkazskii region)* [Diasporas in the Russian Federation: Formation and management (North Caucasus region)]. IN: *Rostov-na-Donu–Pyatigorsk: Izd-vo SKAGS*, 2002. – p. 313. (In Russ.).

DROBIZHEVA L.M. *Rossiiskaya i ehtnicheskaya identichnost': protivostoyanie ili sovmeshtimost'* [Russian and Ethnic identity: confrontation or compatibility]. IN: *Rossiya reformiruyushchayasya*. – М., 2002. – P. 213-244. (In Russ.).

FROMM ERICH. *The Fear of Freedom First published in Great Britain in 1942*. – 37 p. (In English).

GRIGOR'EV D.V. *Formirovanie grazhdanskoi identichnosti sovremennogo shkol'nika* [Formation of the civic identity of a modern schoolboy]. IN: *Perspektiva grazhdansko-patrioticheskogo vospitaniya v sisteme obrazovaniya: internet-konferentsiya*. – URL: <https://proektpatriot2.jimdo.com/grazhdanskaya-identichnost/> (date of application: 18.09.2023) (In Russ.).

KOZHANOV I.V. *Grazhdanskaya i ehtnicheskaya identichnosti lichnosti: problema vzaimosvyazi i vzaimozavisimosti* [Civil and ethnic identity of the individual: the problem of interconnection and interdependence]. IN: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. – 2013. – № 3 – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9187> (date of application: 18.09.2023) (In Russ.).

Natsional'no-kul'turnoe i ehtnoreligioznoe samoopredelenie adygo-abkhazskikh i tyurkskikh narodov Severnogo Kavkaza i Kryma v usloviyakh uprocheniya grazhdanskogo edinstva rossiiskoi natsii. Ehkspertnyi doklad [National-cultural and ethno-religious self-determination of the Adygo-Abkhazian and Turkic peoples of the North Caucasus and Crimea in the context of strengthening the civil unity of the Russian nation.] IN: *Monograficheskoe izdanie. CH.I / Nauchn. red. V.A. Tishkov, otv. red. M.A. Astvatsaturova*. – Pyatigorsk: PGU. – 2017. – p. 5-6. (In Russ.).

SHIKOVA R.YU. *Grazhdanskaya obshcherossiiskaya identichnost' (sotsiologicheskii aspekt)* [Civil All-Russian identity (sociological aspect)]. IN: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*. – 2009. – №1. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-obshcherossiyskaya-identichnostsotsiologicheskii-aspekt> (date of application: 18.09.2023) (In Russ.).

TOKHTABIEVA A.R. *K voprosu o natsional'no-kul'turnom samoopredelenii ehtnicheskikh grupp v kontekste rossiiskoi grazhdanskoi identichnosti* [On the issue of National and Cultural Self-determination of Ethnic Groups of the Russian Federation in the Context of Russian Civic Identity]. IN: *Universitetskie chteniya* – 2017. *Materialy nauchno-metodicheskikh chtenii PGU*. – 2017. – p. 73-76. (In Russ.).

Информация об авторах

С.И. Аккиева – доктор исторических наук.

А.Р. Бер – аспирант.

Information about the author

S.I. Akkueva – Doctor of Science (History).

A.R. Ber – graduate student.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.11.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 16.11.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья
УДК 94(470.94)+930.2
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-224-236
EDN: IYRNLN

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДИЩА ГУНДЕЛЕН-2

Азамат Русланович Шаов¹, Зарема Эдуардовна Яганова²

^{1,2} Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук,
Нальчик, Россия

¹ shaovazamat88@mail.ru

² zaremay9@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена истории археологического изучения городища Гунделен-2. Памятник расположен на высоком скальном выступе, который находится на правом берегу реки Гунделен, левом притоке р. Баксан, между селами Заюково и Кенделен. Городище находится в важном, стратегически выгодном месте, с которого хорошо просматривается вся близлежащая часть долины р. Баксан и вход в Баксанское ущелье. Скальный выступ, на котором устроено городище, вытянут в направлении север-юг, сложен из песчаниковых пород, с отвесными с трех сторон, южной, восточной и западной, обрывами. С северной стороны, где нет естественной защиты, поселение защищено рядом фортификационных сооружений – двумя рвами и двумя валами. Размеры поселения в наиболее широком месте достигают 70 метров, а в длину 220 м.

Городище Гунделен-2 является частью комплекса археологических памятников, включающего в себя также могильник Заюково-3 и скальный катакомбный могильник Гунделен-2 (Рис. 1). Комплекс известен с 30-х гг. XX в., и неоднократно посещался исследователями в последующие десятилетия, но систематическое изучение объектов началось лишь с 2014 г.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Кабардино-Балкария, городище Гунделен-2, археологические разведки, раннее средневековье, аланы.

Для цитирования: Шаов А.Р., Яганова З.Э. История археологического изучения городища Гунделен-2 // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 224-236. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-224-236. EDN: IYRNLN.

© Шаов А.Р., Яганова З.Э., 2023

Original article

THE HISTORY OF THE ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE FORTIFIED SETTLEMENT OF GUNDELEN-2

Azamat R. Shaov¹, Zarema E. Yaganova²

^{1,2} Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

¹ shaovazamat88@mail.ru

² zaremay9@gmail.com

Abstract. The article is about the history of the archaeological examination of the Gundelen-2 site. The monument is situated on a high rocky ledge on the right bank of the Gundelen river, a tributary of the Baksan river, between the settlements of Zayukovo and Kendelen. The fortified hamlet is situated in an important and strategically beneficial location, from which the entire adjacent river valley and the entrance to the Baksan canyon are easily seen. The town is located on a rocky ledge that runs north-south and is made of sandstone rocks, with steep cliffs on three sides: the southern, eastern, and western. On the northern side, where there is no natural protection, the settlement is protected by a number of fortifications - two ditches and a pair of ramparts. The size of the settlement in the widest place reaches 70 meters, and in length 220 m.

The Gundelen-2 settlement is part of an archaeological monument complex that includes the Zayukovo-3 burial site and the Gundelen-2 rock catacomb burial ground (Fig. 1). The complex has been known since the 30s. XX century and has been visited numerous times by researchers over the subsequent decades, but serious study of the monuments did not begin until the 10s. XXI century.

Keywords: North Caucasus, Kabardino-Balkarian republic, fortified settlement Gundelen-2, archaeological exploration, earlier Middle Ages, Alans

For citation: Shaov A.R., Yaganova Z.E. The history of the archaeological study of the fortified settlement of Gundelen-2. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 224-236. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-224-236. EDN: IYRNLN.

© Shaov A.R., Yaganova Z.E., 2023

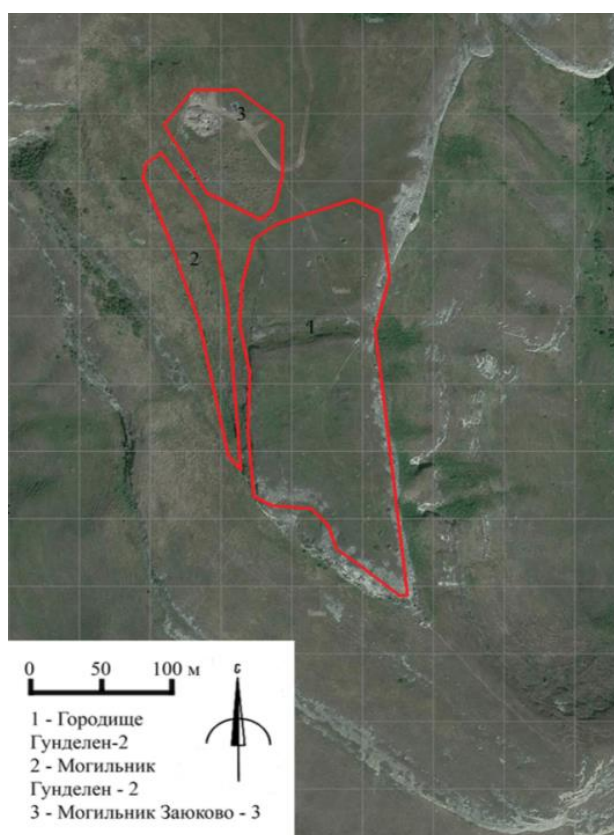

Рис. 1. Комплекс археологических памятников Заюково-Гунделен.

Начальный этап изучения археологических памятников территории нынешней Кабардино-Балкарии связан с именами таких российских дореволюци-

онных исследователей как А.И. Гильденштедт, П.С. Паллас, Г.Ю. Клапрот, А. Фиркович, братья Нарышкины, В.Б. Антонович, В.М. Миллер, М.М. Ковалевский, И.А. Владимиров, Г.И. Куликовский, В.М. Сысоев, В.И. Долбежев, Г.А. Вертепов, П.П. Распопов [Иессен 1941а: 8-14].

Археологические изыскания, «редкие наезды», по выражению советского кавказоведа Е.И. Крупнова [Крупнов 1957: 12], этих ученых-путешественников в XVIII – начале XX в., носившие во многом бессистемный характер и имевшие исключительной целью исследование погребальных памятников и культовых (христианских) сооружений, завершились накоплением большого и ценного материала. Досоветские исследователи, внесли значительный вклад в становление отечественной кавказологии, а их работы не утратили актуальности и в наши дни. Без их учета невозможно представить какое-либо серьезное исследование по широкому спектру проблем древней и средневековой археологии Северного Кавказа.

Революция 1917 г. и последующие за ней события, приведшие к глубоким социально-политическим преобразованиям, отразились также на процессе развития отечественной археологии. Произошла своеобразная переоценка значимости археологических памятников – внимание начинают уделять не только могильникам, но и детальному изучению поселенческих памятников – стоянок, селищ, городищ.

Одновременно продолжается накопление материала, разработка методик его обработки и интерпретации, а полевые работы приобретают все более планомерный характер.

К 20-м гг. XX в. относится начало нового этапа изучения древностей Кабардино-Балкарии. Он был связан в первую очередь с деятельностью Северо-Кавказской экспедиции Государственной Академии исторической материальной культуры (ГАИМК), руководство которой с 1923 по 1933 г. осуществлялось А.А. Миллером. Главной задачей экспедиции являлось комплексное изучение края, предполагавшее исследование в первую очередь древних поселений.

Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК начала работу в Кабардино-Балкарии в 1924 г. За шесть дней пребывания здесь А.А. Миллер провел разведки в с. Вольный аул, с. Шалушка и на р. Кенже, где были осмотрены земляные городища и другие поселения [Миллер 1926: 71-83].

Экспедиция А.А. Миллера возобновила работу только в 1929 г. когда приступила уже к масштабным полевым работам. В течение 1929–1930 гг. были раскопаны древние и средневековые могильники близ Нальчика, осмотрены и зафиксированы городища и селища на рр. Кенже, Шалушке, Золке, Малке. В районе среднего и верхнего течения р. Баксан в это время работал отряд под руководством А.А. Иессена, ученика А.А. Миллера [Миллер 1931: 26-30].

В 1932 и 1933 г. участники экспедиции ГАИМК провели раскопочные работы на Долинском и Агубековском поселениях поздних этапов эпохи камня и периода ранней бронзы близ Нальчика.

Важным направлением исследований экспедиции стало изучение древней металлургии и металлообработки населения края. С этой целью в 1933 г. были организованы разведки отрядом под руководством А.А. Иессена в Баксанском и Чегемском ущельях, давшие ценные материалы (рис. 2). К сожалению, это

интересное направление исследований древних рудников на территории современной Кабардино-Балкарии в дальнейшем не получило должного развития как в советское время, так и в последующие годы. При том, что А.А. Иессен полагал, что интенсивное заселение ксерофитных котловин в период средневековья могло быть обусловлено, в том числе, разработкой горнорудных богатств [Иессен 1941а: 14]. Данное предположение на наш взгляд может быть актуальным и для более ранних этапов истории. Изучение древних выработок и центров металлургии наряду с исследованием древних и средневековых торговых путей могло бы помочь лучше понять систему расселения племен в предгорной и горной зонах Центрального Кавказа.

Рис. 2. А.А. Иессен с жителями с. Кенделен 1933 г. Фотография экспедиции ГАИМК 1934 г. [Из материалов сектора древней истории и археологии ИГИ КБНЦ РАН].

Ценные материалы для изучения края были получены, в эти годы благодаря организации ГАИМК охранных работ в зоне строительства Баксанской ГЭС. Для предотвращения разрушений древних памятников в ходе ее сооружения специальный отряд Северо-Кавказской экспедиции под руководством Б.Е. Деген-Ковалевского, еще одного талантливого ученика А.А. Миллера, в 1933 г. тщательно обследовал прилегающие районы. В селении Заюково и Кызбурун I (Атажукино) были раскопаны несколько курганов позднего средневекового времени и небольшой участок поселения эпохи раннего средневековья [Деген-Ковалевский 1935: 7-23].

В следующем году работы в среднем течении Баксана были продолжены А.А. Иессеном, который расширил участок обследования до нижнего течения р. Гунделен и на правом берегу р. Баксан.

Помимо раскопочных работ участники экспедиции искали новые памятники, осматривали состояние уже известных древностей в с. Заюково, Кызбурун I

(Атажукино), Кызбурун II (Исламей) [Иессен 1941: 220-238]. Все объекты тщательно наносились на карту. Эти ценные наблюдения позднее позволили А.А. Иессену проследить закономерность в расположении средневековых городищ. Он отметил зрительную связь между поселениями, что предполагало возможность тщательно продуманной организации обороны. По мнению исследователя это могло свидетельствовать о единстве древнего и раннесредневекового населения данной территории, как в экономическом, так и в этническом отношении [Иессен 1941а: 24].

В 1934 г. А.А. Иессен открыл и впервые осмотрел Гунделенское-2 городище. Это обширное укрепленное поселение на выступе горы, валом и рвом, отделенное от основного ее мыса, располагалось, как пишет исследователь, в районе левого берега р. Гунделен, над местной окружной больницей [Иессен 1941а: 25]. На памятнике был собран подъемный материал, некоторые образцы которого позволили ученому сделать вывод, что поселение было заселено еще в эпоху поздней бронзы и раннего железного века. При этом исследователь указал в качестве основного времени функционирования памятника аланский период. Обнаруженное городище А.А. Иессен считал самой западной точкой в Баксанской системе укреплений [Иессен 1941а: 25]. Участниками экспедиции так же был составлен первый и единственный до недавнего времени схематический план, на котором были зафиксированы предварительные границы городища, фортификационные сооружения – ров, вал (рис. 3). Его составители не стремились показать место расположения памятника, детальные особенности топографии, выяснить его точную планировочную структуру. Впрочем, нужно отметить, что эти недочеты были связаны с несовершенством техники составления подобных планов во время проведения разведок.

Рис. 3. Схематический план, составленный СКЭ ГИМК городища Гунделен-2 в 1934 г. [Из материалов сектора древней истории и археологии ИГИ КБНЦ РАН].

Полученные в ходе полевых исследований 1929–1934 г. ГАИМК материалы, в том числе по городищу Гунделену-2, и выводы на основе их тщательного анализа были опубликованы А.А. Иессеном в 1941 г. в третьем томе академического издания «Материалов и исследований по археологии СССР» [Иессен 1941а: 7-51].

Гунделенское-2 городище было заново «обнаружено» и осматривалось в 1949 г. экспедицией Кабардинского научно-исследовательского института (КНИИ) и местного пединститута под руководством известного антиковеда, профессора К.Э. Гриневича (рис. 4).

Рис. 4. Экспедиция КНИИ 1949 г. К.Э. Гриневич в центре [Из материалов сектора древней истории и археологии ИГИ КБНЦ РАН].

Она была создана специальным распоряжением Совета министров КАССР, для изучения тех районов республики, которые были к этому времени наименее исследованы, и составления археологической карты региона. Разведочная экспедиция за месяц работы произвела сплошное обследование четырех районов республики: Зольского, Кубинского (ныне часть Баксанского), Нагорного (ныне часть Зольского) и Эльбрусского. Частично были обследованы Прималкинский, Баксанский и Чегемские районы.

Участниками экспедиции, осматривавшими памятники в Баксанском районе при помощи проводника, взятого ими из Кенделена, было обнаружено «большое нагорное городище, находящееся на северной возвышенности в долине реки Баксан против места, где дорога выходит в Гунделен» [Гриневич 1949: 43].

Согласно описанию, составленному К.Э. Гриневичем, городище располагалось на труднодоступной горе и занимало ее высокую часть между двумя ущельями. Вся верхняя площадка была усеяна фрагментами керамики аланского времени. Вход в городище шел по ущелью с отвесными стенами известняковых гор. Городище с двух сторон было защищено отвесными обрывами, а с третьей стороны – искусственными сооружениями в виде двух валов: внутреннего, высотой до 5 м и 45 м в длину, и за ним второго, внешнего, высотой 3 м., а также стеной циклопической кладки, находящейся в развалинах. Длина треугольной площадки городища составляла 250 м [Гриневич 1949: 44].

Рис. 5. Скальный выступ, на котором расположено городище Гунделен-2, вид с востока и запада. Фотографии экспедиции КБНИИ 1949 г. [Из материалов сектора древней истории и археологии ИГИ КБНЦ РАН].

Подробное описание, а также сохранившиеся фотографии работы экспедиции и подъемного материала (рис. 5-6) не оставляют сомнений в том, что речь идет именно о городище Гунделен-2. Детали «открытия» памятника, приведенные в отчете, наводят на мысль, что К.Э. Гриневич не был знаком с работами А.А. Иессена на данной территории, который, как уже было отмечено, открыл и описал городище. Но К.Э. Гриневич отметил на памятнике наличие второго – внешнего вала с остатками каменной стены, оставшегося незамеченным предшествовавшим исследователем.

Рис. 6. Подъемный материал, собранный на городище экспедицией КНИИ 1949 г. [Из материалов сектора древней истории и археологии ИГИ КБНЦ РАН].

В 1954 г. городище Гунделен-2 посетила экспедиция под руководством заведующего сектором археологии КБНИИ П.Г. Акритаса. Результаты исследований были им опубликованы в 1959 г. в работе «Древний торговый от Черного моря к Каспийскому по горам Центрального Кавказа». В ней исследователь упоминает «Гунделенскую крепость», которая расположена недалеко от с. Гунделен, на «высоком столбообразном скальном выступе» (рис. 7).

По мнению исследователя, «Гунделенская крепость» являлась важным пунктом караванных остановок на древнем торговом пути от Черного моря к

Каспийскому, который шел по горам Центрального Кавказа. Он функционировал в средние века, как считал П.Г. Акритас, и начинался в городе Севостополис (современный Сухум) шел по рр. Кодор и Гвандра к Клухорскому перевалу, затем в долину Теберды, к Сентинскому храму и Хумаринскому городищу. Оттуда через Маринское ущелье и перевал Гумбаши дорога проходила по долине Подкумка, далее через Рум-Калу (Рим-горское городище. – А.Ш.) поднималась по Джинальскому ущелью и перевалу Хеймаша к «Гунделенской крепости» [Акритас 1959: 219]. Несмотря на кажущуюся стройность концепции, которая предложена исследователем, относиться к ней следует скептически, так как Гунделенское-2 городище, скорее всего, находится на другом обменно-торговом пути – из Закавказья (современной Сванетии) через Приэльбрусье по долине Баксана в Пятигорье и равнинное Притеречье.

Краткое описание памятника, оставленное П.Г. Акритасом, в целом соответствует данным, которые приводятся в материалах А.А. Иессена и К.Э. Гриневича. Но в отличие от предшественников исследователь фиксирует на городище «разные сооружения и цистерны, выбитые в скале» [Акритас 1959: 207].

Рис. 7. Ров и внешний вал городища Гунделен-2 с сохранившейся каменной стеной. Фотографии экспедиции КБНИИ 1954 г. [Из материалов сектора древней истории и археологии ИГИ КБНЦ РАН].

В 1969 г. был опубликован обобщающий труд И.М. Чеченова «Древности Кабардино-Балкарии», в котором содержится информация о 377 археологических памятниках республики начиная с эпохи мезолита (XII тыс. до н.э.) до XVII–XVIII вв. н.э. В этой книге поселение упоминается как «Гунделенское городище» под 81 номером. И.М. Чеченов приводит краткую характеристику памятника и называет исследователей, которые его изучали [Чеченов 1969: 36].

В 1976 г. в окрестностях с. Заюково работала Кавказская палеолитическая экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством известного отечественного специалиста по каменному веку – В.П. Любина. Участники экспедиции проводили сплошное обследование высоких террас левого берега р. Баксан в поисках выходов обсидиана и мустьерских стоянок. В ходе работ в поисках палеолитического материала В.П. Любин посе-

тил городище Гунделен-2 и осмотрел небольшие скальные навесы под выступом, на котором расположен памятник в поисках палеолитического материала [Любин 1977: 107].

Рис. 8. Фотографии ЛОИА АН СССР 1976 г. Городище Гунделен-2; Археолог В.П. Любин [Из материалов сектора древней истории и археологии ИГИ КБНЦ РАН].

Таким образом, несмотря на то что памятник попал в поле зрения специалистов еще в середине 30-х гг. XX в. и посещался рядом исследователей в последующие десятилетия, он так и остался, на наш взгляд, в должной мере не изученным. Границы городища не были установлены, как и точное время ее функционирования. Исследователи также не уделили должного внимания древней топографии местности, динамике развития городища, а социально-экономические и военно-политические аспекты его истории так и остались нераскрытыми.

Современный этап изучения городища Гунделен-2 связан с организацией в 2014 г. Объединенной Северокавказской археологической экспедиции Государственного исторического музея, Кабардино-Балкарского государственного университета и Института археологии РАН (ОСКАЭ) под руководством А.А. Кадиевой [Кадиева, Демиденко 2017: 164-171]. Главными объектами изучения экспедиции стали грунтовый могильник Заюково-3 и, частично уходящий под него, катакомбный могильник Гунделен-2, находящиеся в 50 м к северо-западу от городища Гунделен-2. За 10 лет раскопок здесь было исследовано более 300 погребений, относящиеся к значительному периоду времени от VIII в. до н.э. до VIII в. н.э. Во многих захоронениях были обнаружены статусные предметы и дипломатические дары высшего уровня эпохи раннего средневековья [Кадиева, Демиденко 2019].

В 2019 г. был организован специальный отряд ОСКАЭ для изучения городища Гунделен-2, в состав которого входили С.А. Гончаров и А.Р. Шаов. В результате работы отряда были выявлены предварительные границы поселения, составлен топографический инструментальный план, охватывающий территорию, необходимую для детального исследования геоморфологической ситуации. На площади памятника были зафиксированы фортификационные сооружения, прямоугольные и трапециевидные следы фундаментов зданий. Всего было выявлено 12 таких «однокомнатных» и «многокомнатных» объектов площадью от 30 до 60 кв. м. [Гончаров, Шаов 2020: 128-137].

В процессе снятия плана проводился мониторинг обнажений культурного слоя городища и был собран подъемный материал в виде фрагментов глиняных сосудов, позволивший датировать памятник эпохой средневековья (IX–XII вв.) при существовании здесь поселения в скифское (VI–V вв. до н.э.) и сарматское время (II–IV вв.) (Рис. 10).

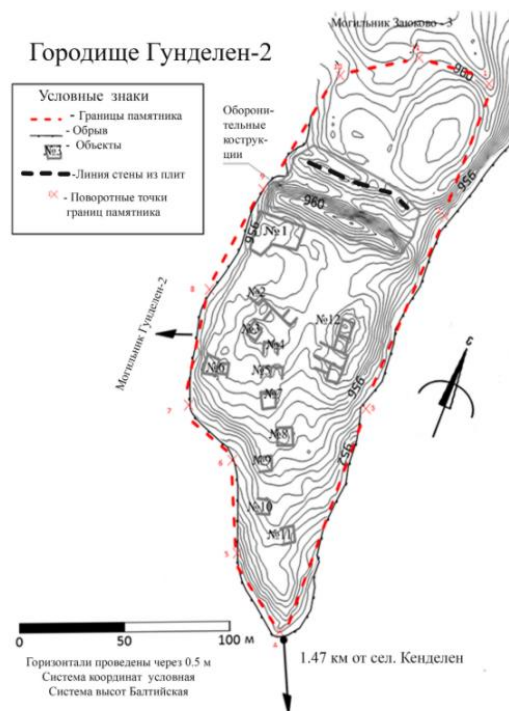

Рис. 9. Топографический план городища Гунделен-2

Для уточнения сведений, полученных разведками 2019 г., в 2021 г. была организована Археологическая экспедиция КБНЦ РАН под руководством А.Р. Шаова. На городище Гунделен-2, на предполагаемых границах памятника, было заложено 3 шурфа размерами 2X2 м. В них были обнаружены многочисленные археологические предметы, в основном фрагменты керамики. Мощность культуросодержащих отложений в некоторых шурфах (шурфы 1, 3) составляла более 2 м, что позволяет говорить о длительности функционирования поселения (*материалы АЭ КБНЦ РАН 2021 г. планируется представить в отдельной работе – А.Ш.*).

Работы, проведенные в 2019-2021 на городище Гунделен-2 и на прилегающей территории, несмотря на их сравнительно скромные масштабы, дали ценный материал, позволяющий существенно уточнить наши представления о памятнике.

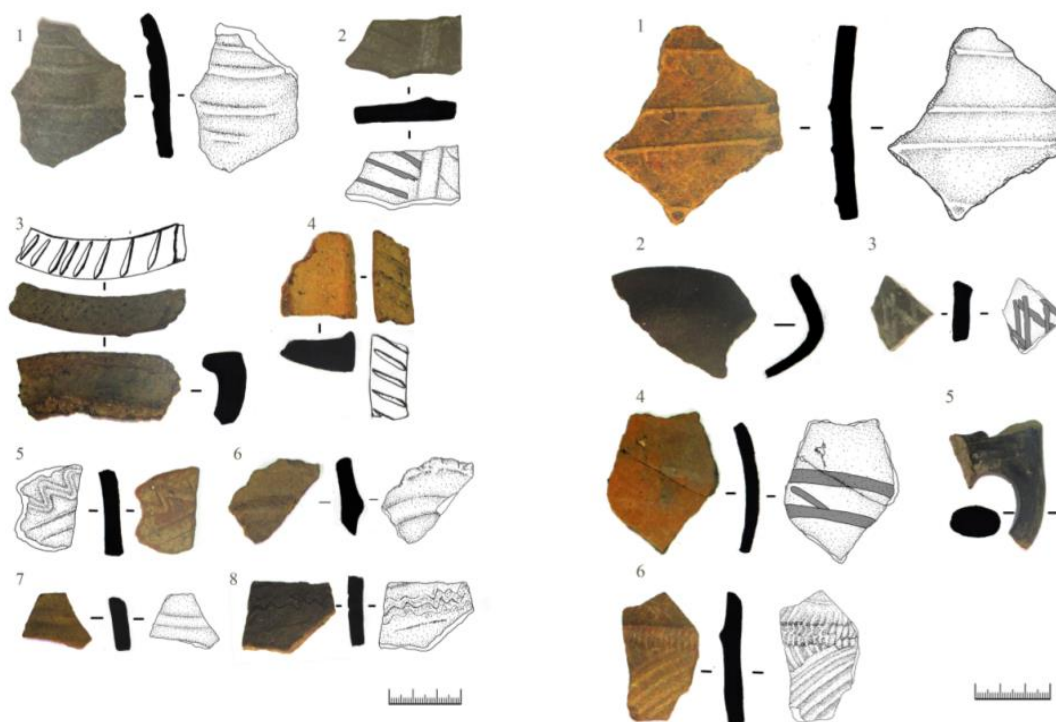

Рис. 10. Фрагменты керамики с городища Гунделен-2

Подводя итог, отметим, что многочисленные древние и средневековые поселения центральной части Северного Кавказа, представляют значительный интерес в археологическом отношении, а их исследование крайне важно для решения многих историко-культурных вопросов Северного Кавказа. В то же время, эти памятники, как горной, так и предгорно-равнинной зоны, остаются по-прежнему фактически не изученными.

Исследования Гунделенского-2 городища, начавшиеся еще в 30-х г. XX в. и продолжающиеся в настоящее время, несмотря на накопленный материал, еще далеки от завершения. Для более конкретных выводов о хронологии, культурной принадлежности, планировке застройки, конструкции оборонительных сооружений и роли поселения в системе близлежащих археологических памятников, необходимо проведение долгосрочных, комплексных исследований. Это позволит, с одной стороны, получить информацию об одном из наиболее интересных, на наш взгляд, объектов археологического наследия Кабардино-Балкарии, с другой – создать значительную источниковую базу для изучения вопросов древней и средневековой истории населения Центрального Предкавказья, осветить культурные, социальные и экономические процессы, происходившие в эти периоды на территории региона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акритас 1959 – *Акритас П.Г.* Древний торговый путь от Черного моря к Каспийскому по горам Центрального Кавказа // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Т. XVI. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1959. – С. 197–220.

Гончаров, Шаов 2020 – *Гончаров С.А., Шаов А.Р.* Разведки на городище Гунделен-2 // Древности Кубани. Вып. 24: сборник научных трудов; отв.ред. В.В. Верещагин. Ростов-на-Дону–Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. – С. 128–137.

Гриневи́ч 1949 – *Гриневи́ч К.Э.* Отчет о работе Кабардинской археологической экспедиции 1949 года // Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 9. № 245.

Деген-Ковалевский 1935 – *Деген-Ковалевский Б.Е.* Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции // «Известия ГАИМК», Вып. 110. Археологические работы Академии на новостройках в 1932-1933 гг., II. – М.-Л.: Известия академии истории материальной культуры, 1935. – С. 17–26.

Иессен 1941 – *Иессен А.А.* Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. – 324 с.

Иессен 1941a – *Иессен А.А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии (Значение древних памятников Республики) // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии / Материалы и исследования по археологии СССР. – М.-Л.: Издательство академии наук СССР, 1941. – С. 7-50.

Кадиева, Демиденко 2019 – *Кадиева А.А., Демиденко С.В.* Золотые украшения с полихромной инкрустацией из княжеского погребения второй половины V–VI в. в могильнике Заюково-3 (Кабардино-Балкарская Республика) // КСИА. Вып. 256. – М.: Институт археологии РАН, 2019. – С. 47–57.

Кадиева, Демиденко 2017 – *Кадиева А.А., Демиденко С.В.* Раскопки комплекса археологических памятников близ селения Заюково (Кабардино-Балкарская республика) // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Гуманитарные и общественные науки, №. 2 (87) / Апрель-Июнь 2017. – М.: Российский фонд фундаментальных исследований, 2017. – С. 164–171.

Крупнов 1957 – *Крупнов Е.И.* Древняя история и культура Кабарды. – М.: Академия наук СССР, 1957. – 175 с.

Любин 1977 – *Любин В.П.* Открытие мустьерской культуры в Кабардино-Балкарии // Археологические открытия. – М.: Наука, 1977. – С. 107.

Миллер 1926 – *Миллер А.А.* Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и в 1925 гг. // Сообщения ГАИМК. – Т. 1. – Ленинград: б/и, 1926. – С. 71-142.

Миллер 1931 – *Миллер А.А.* Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК в 1929 г. // Сообщения ГАИМК. – № 3. – Л.: Государственная Академическая Типография, 1931 г. – С. 60-122.

Чеченов 1969 – *Чеченов И.М.* Древности Кабардино-Балкарии: материалы к археологической карте. – Нальчик: Эльбрус, 1969. – 152 с.

REFERENCES

AKRITAS P.G. *Drevnii torgovyi put' ot Chernogo morya k Kaspiiskomu po goram Tsentral'nogo Kavkaza* [The ancient trade route from the Black Sea to the Caspian through the mountains of the Central Caucasus]. IN: *Uchenie zapiski Kabardino-Balkarskogo nauchno-izdatel'skogo instituta. T. XVI.* – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. – P. 197–220. (In Russ.).

GONCHAROV S.A., SHAOV A.R. *Razvedki na gorodishe Gundelen-2* [Exploration on the hillfort of Gundelen-2]. IN: *Drevnosti Kubani. Vyp. 24: sbornik nauchnykh trudov; otv.red. V.V. Vereshagin. Rostov-na-Donu.* – Taganrog: Izdatel'stvo Yujnogo federal'nogo universiteta, 2020. – P. 128-137. (In Russ.).

GRINEVICH K.E. *Otchet o rabote Kabardinskoy arkheologicheskoy ekspeditsii 1949 goda* [Report on the work of the Kabardian archaeological expedition in 1949.]. Arkhiv IGI KBNTs RAN. F. 21, Op. 1, D. 9. № 245. (In Russ.).

DEGEN-KOVALEVSKII B.E. *Raboti na stroitel'stve Baksanskogo gidroelektrostanstii* [Works on the construction of the Baksan hydroelectric power station]. IN: «*Izvestiya GAIMK*», vyp. 110. Arheologicheskie raboti Akademii na novostroikakh v 1932-1933 gg., II. – Moscow-Leningrad: Izvestiya akademii istorii materialnoy kultury, 1935. S. 17–26. (In Russ.).

IESSEN A.A. *Arkheologicheskie issledovaniya v RSFSR v 1934–1936 gg.* [Archaeological research in the RSFSR in 1934-1936]. – Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1941. – 324 s. (In Russ.).

IESSEN A.A. *Archaeological monuments of Kabardino-Balkaria (Significance of ancient monuments of the Republic).* IN: *Materialy po arkheologii Kabardino-Balkarii / Materialy i issle-*

dovaniya po arkheologii SSSR [Materials on the archeology of Kabardino-Balkaria / Materials and research on the archaeology of the USSR]. – Moscow-Leningrad: Izdatelstvo akademii nauk SSSR, 1941. – P. 7-50. (In Russ.).

KADIEVA A.A., DEMIDENKO S.V. *Zolotyie ukrasheniya s polikhromnoy inkrustatsiey iz knyazheskogo pogrebeniya vtoroy poloviny V–VI v. v mogilnike Zayukovo-3 (Kabardino-Balkarskaya Respublika)* [Gold jewelry with polychrome inlay from the princely burial of the second half of the V–VI century in the Zayukovo-3 burial ground (Kabardino-Balkarian Republic)]. IN: *KSIA. Вып. 256*. – Moscow: Institut arkheologii RAN, 2019. – S 47–57. (In Russ.).

KADIEVA A.A., DEMIDENKO S.V. *Raskopki kompleksa arkheologicheskikh pamyatnikov bliz seleniya Zayukovo (Kabardino-Balkarskaya respublika)* [Excavations of a complex of archaeological monuments near the village of Zayukovo (Kabardino-Balkarian Republic)]. IN: *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamentalnykh issledovaniy (RFFI). Gumanitarnye i obshchestvennye nauki, №. 2 (87) /Aprel-Iyun 2017*. – Moscow: Rossiyskiy fond fundamentalnykh issledovaniy, 2017. – P. 164–171. (In Russ.).

KRUPNOV E.I. *Drevnyaya istoriya i kultura Kabardy* [Ancient history and culture of Kabarda]. – Moscow: Akademiya nauk SSSR, 1957. – 175 s. (In Russ.).

MILLER A.A. *Kratkii otchet o rabotakh Severo-Kavkazskoi ekspeditsii GAIMK v 1924 I v 1925 gg.* [A brief report on the work of the North Caucasian expedition of the GAIMC in 1924 and in 1925.]. IN: *Soobsheniya GAIMK*. – T. 1. – Leningrad: Izvestiya akademii istorii materialnoy kultury, 1926. – P. 71-142. (In Russ.).

LYUBIN V.P. *Otkrytie mustyerskoy kultury v Kabardino-Balkarii* [Opening of the Mousterian culture in Kabardino-Balkaria]. IN: *Arkheologicheskie otkrytiya*. – Moscow: Nauka, 1977. – P. 107. (In Russ.).

MILLER A.A. *Severo-Kavkazskoi ekspeditsii GAIMK v 1929 g.* [The North Caucasian expedition of the GAIMC in 1929]. IN: *Soobsheniya GAIMK. № 3* [GAIMC messages. № 3]. – Leningrad: Gosudarstvennaya Akademicheskaya Tipografiya, 1931 g. – P. 60-122. (In Russ.).

CHECHENOV I.M. *Drevnosti Kabardino-Balkarii: materialy k arkheologicheskoy karte* [Antiquities of Kabardino-Balkaria: materials for the archaeological map]. – Nalchik: Elbrus, 1969. – 152 p.

Информация об авторах

А.Р. Шаов – младший научный сотрудник.

З.Э. Яганова – младший научный сотрудник.

Information about the authors

A.R. Shaov – Junior Researcher.

Z.E. Yaganova – junior researcher.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.10.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 27.10.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья
УДК 94(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-237-260
EDN: IZHQPU

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО ПРОБЛЕМАМ КАВКАЗОВЕДЕНИЯ

Анжела Ариковна Журтова^{1,2}

¹ Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, anzhelka28@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0928-2393>

² Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотрения теоретико-методологических основ изучения делопроизводственной документации на примере анализа источников по истории Северного Кавказа. В ней определены понятие, виды и методы исследования делопроизводственной документации, осуществлен историографический обзор основных исследований, посвященных разработке теоретической базы для изучения данного вида источников. Особое внимание автором уделено анализу накопленного в кавказоведении опыта исследования делопроизводственных материалов российского управления на Северном Кавказе в конце XVIII–XIX в. В частности, в статье проанализированы работы А.Х. Абазова, Е.Г. Муратовой, Т.А. Колосовской, З.Ж. Глашевой, Д.М. Алхасовой и др., в которых авторам благодаря применению методов классификации, обобщения, функциональному и междисциплинарному анализу и т.д. удалось осуществить внешнюю и внутреннюю критику делопроизводственной документации. Сделан вывод о необходимости осуществления комплексного источниковедческого анализа делопроизводственных материалов с применением специально-исторических и междисциплинарных методов и подходов.

Ключевые слова: делопроизводство, делопроизводственная документация, источник, метод, кавказоведение, российское управление на Северном Кавказе.

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10232, <https://rscf.ru/project/23-28-10232/>

Для цитирования: Журтова А.А. Теоретико-методологические основы исследования делопроизводственных материалов по проблемам кавказоведения // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 237-260. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-237-260. EDN: IZHQPU.

© Журтова А.А., 2023

Original article

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR THE RESEARCH OF OFFICE DOCUMENTATION ON PROBLEMS OF CAUCASIAN STUDIES

Anzhela A. Zhurtova^{1,2}

¹ Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, anzhelka28@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0928-2393>

² Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

Abstract. The article examines the theoretical and methodological foundations of the study of office evidence through the analysis of sources on the history of the North Caucasus. The author defined the concept, types and methods of studying office documentation, carried out a historiographical review of the main studies devoted to the development of a theoretical basis for the study of this type of sources. She paid special attention to the study of the experience accumulated in Caucasian studies in the study of office materials of Russian administration in the North Caucasus at the end of the 18th – 19th centuries. In particular, the author analyzed the works of A.Kh. Abazov, E.G. Muratova, T.A. Kolosovskaya, Z.Zh. Glasheva, D.M. Alkhasova and others, in which they, thanks to the use of methods of classification, generalization, functional and interdisciplinary analysis, etc. carried out external and internal criticism of office documentation. The author concluded that a comprehensive source analysis of office materials using special historical and interdisciplinary methods and approaches is required.

Key words: office work, office documentation, source, method, Caucasian studies, Russian administration in the North Caucasus.

Gratitude and funding: The study has been funded by the Russian Science Foundation, № 23-28-10232, <https://rscf.ru/project/23-28-10232/>

For citation: Zhurtova A.A. Theoretical and methodological foundations for the research of office documentation on problems of Caucasian studies. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 237-260. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-237-260. EDN: IZHQPUI.

© Zhurtova A.A., 2023

Введение

Современные модернизационные процессы в сфере российского государственного и регионального управления оказывают непосредственное влияние на процесс изменения в системе документационного обеспечения осуществления власти в стране. Любые трансформации в административно-исполнительной системе приводят к появлению новых видов документов, изменению формы и структуры прежних актов, что вызывает интерес у исследователей из разных областей и требует глубокого научного анализа.

Стабильное и успешное функционирование органов государственного управления напрямую зависит от качества документооборота. Изучение организационных, нормативных и институциональных основ формирования делопроизводственной документации, ее видовое многообразие и предметное содержание позволит определить влияние процесса делопроизводства на эффективность деятельности государственного аппарата.

В этой связи ретроспективное исследование эволюции делопроизводства, выявление и анализ факторов, определивших его изменения на том или ином этапе исторического развития, связанных с реформированием и дифференциацией управленческих структур позволяет выявить и использовать полезный опыт для дальнейшего совершенствования современных делопроизводственных систем.

Особенно актуальным представляется исследование местного делопроизводства, в частности кавказского, который позволяет учесть историческую практику взаимодействия центра и региона для развития механизмов эффективного управления и обеспечения стабильного функционирования органов власти на всех уровнях.

Историография вопроса

Теоретико-методологические аспекты изучения отечественной делопроизводственной документации заложены еще в дореволюционной историографии, в частности в трудах М.Л. Магницкого, В. Вельдбрехта, Н.В. Варадинова и др. [Магницкий 1835; Вельдбрехт 1854; Варадинов 1857; Варадинов 1873], в которых изложены основные подходы к созданию и анализу данного вида источников. В работах А.В. Лохвицкого, Е.Н. Анучина, А.Д. Градовского, Н.П. Лихачева и др. [Лохвицкий 1864; Анучин 1872; Градовский 1899; Градовский 1908; Лихачев 1901] исследован процесс эволюции общегосударственных и местных органов власти, изменения их структуры, функций и, соответственно, круга документации, находящегося в их ведении.

Фундаментальными стали советские исследования, посвященные истории, теории и практике делопроизводства в дореволюционной России, становлению архивного дела и т.д., в частности, работы К.Г. Митяева, Б.Г. Литвака, Я.З. Лившица и др. [Митяев 1946; Митяев 1959; Литвак 1984; Лившиц 1974; Лившиц 1977]. Организационным и институциональным основам развития системы российской делопроизводственной документации в XVI–XIX вв., их обусловленности трансформациями в органах исполнительной власти посвящены исследования П.А. Зайончковского, А.В. Елпатьевского, С.О. Шмидта, Н.П. Ерошкина, Л.М. Вяловой и др. [Зайончковский 1978; Елпатьевский 1974; Шмидт 1985; Ерошкин 1994; Вялова 1987]. Проблемы источниковедческого анализа делопроизводственных материалов обозначены Л.Е. Шепелевым, А.Н. Соковой, Б.Г. Литваком и др. [Шепелев 1976; Шепелев 1985; Шепелев 2001; Соковой 1974; Литвак 1979].

Отличительной чертой современных исследований является возрастание авторского интереса к истории и практике регионального делопроизводства (губернского и уездного), частным аспектам канцелярской деятельности, профессиональным и личностным особенностям работы документоведа и др. Данные вопросы нашли отражение в работах А.Ю. Коньковой, В.А. Иванова, А.А. Лукашевича, О.В. Моряковой, Т.В. Кузнецова, Т.В. Виноградовой, С.В. Русаковой и др. [Конькова 1988; Конькова 2000; Иванов 1994; Лукашевич 1995; Морякова 1998; Кузнецов 2003; Виноградова 2005; Русакова 2006].

Часть авторов, в числе которых И.М. Гарскова, И.К. Корнеев, Е.Я. Таршис, Л.Я. Аверьянов, О.Е. Рафалюк и др. [Гарскова 1994; Корнеев 2003; Таршис 2021; Аверьянов 2007; Рафалюк 2015], ставит вопрос о поиске эффективных методов анализа массовой делопроизводственной документации и предлагает использовать статистические и количественные методы в исследованиях по данной проблеме, в том числе метод контент-анализа.

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживают исследования И.С. Башковой [Башкова 2017; Башкова 2019а; Башкова 2019b], в которых осуществлен историографический анализ работ, посвященных процессу становления и развития российской общеимперской и региональной делопроизводственной практики в дореволюционный период.

Теоретико-методологические основы анализа делопроизводственной документации на Северном Кавказе не стали предметом специального исследования, однако сами материалы широко используются при изучении административно-политических, судебно-правовых и социально-экономических проблем в регионе в XVIII – начале XX в. В частности, документы управления частей Кавказской линии, наместничества, приставств и т.д. анализируются в работах А.Х. Карова, Г.Н. Малаховой, З.М. Блиевой, Ю.Ю. Клычникова, Е.Г. Муратовой, А.Х. Абазова, Р.Р. Нагоевой, Е.И. Кобахидзе, З.Ж. Глашевой, Д.М. Алхасовой и др. [Каров 2000; Малахова 2001; Блиева 2004; Клычников 2004; Муратова 2007; Абазов 2015; Абазов 2017а; Абазов 2017b; Абазов 2023а; Абазов 2023b; Нагоева 2009; Кобахидзе 2010; Глашева 2017а; Глашева 2017b; Глашева 2018; Алхасова 2021; Алхасова 2022; Алхасова 2023]. В выше названных работах так или иначе затрагиваются теоретические и методологические аспекты исследования делопроизводственной документации, в том числе на Северном Кавказе, однако данная проблема требует, на наш взгляд, более глубоко научного анализа.

Целью данного исследования является рассмотрение теоретико-методологических основ изучения дореволюционных делопроизводственных материалов по проблемам исторического развития народов Северного Кавказа.

Делопроизводственная документация: понятие, виды, этапы развития

Делопроизводственные материалы являются особым видом исторических источников, выполняющих функцию документного обслуживания органов государственного, регионального и муниципального управления, а также различных общественных институтов и организаций.

В предмет делопроизводства входит комплексная организация работы с документами, связанную с процессом их создания, оформления, определением направленности, назначения, функций, проблемами классификации материалов, их использования, хранения и т.д.

Деятельность в сфере российского делопроизводства всегда строго регулировалась законодательно на государственном уровне. В дореволюционной России основная часть делопроизводственных документов создавалась в системе государственного аппарата, поэтому необходимым условием объективного научного анализа данного вида источников представляется знание истории, структурных и функциональных особенностей того или иного органа. Возник-

новение новых и модернизация прежних структур госаппарата способствовали его усложнению, что, в свою очередь, расширяло массив и видовую классификацию делопроизводственной документации. Кроме того, аутентичные документы можно обнаружить одновременно в нескольких архивных фондах, что обусловлено сложной вертикалью власти и соподчинения ее органов друг другу [Слуцкий 2015: 107]. Данный вид документов содержит информацию об управленческих решениях в сфере компетенции конкретных органов и связанных с ними структур, а также сведения о порядке взаимодействия между органами исполнительной власти или внутри них [Пестова 2019: 75].

Самой распространенной в источниковедческой науке является следующая периодизация, обусловленная кардинальными переменами в системе госаппарата: Коллежский этап, начало которого связано с учреждением коллегий Петром I в 1717–1722 гг., и Министерский этап, начавшийся с административной реформы Александра I (1802 г.). Введение гербовой бумаги в 1699 г. и замена, в соответствии с указом 1700 г., столбцовой формы фиксации официальной информации на тетрадную существенно изменили облик и содержание делопроизводственной документации. С 1830 г. в делопроизводстве стали использовать бланки, содержащие основные реквизиты учреждения: наименование ведомства, название учреждения, его подразделения, дату, номер, заголовки и т.д. [Данилевский 2000: 399].

По организационно-правовому принципу можно выделить три основных типа делопроизводственных документов: 1) переписка учреждений (доношения, донесения, рапорты, отчеты, экзекуции, промемории, ведения и т.д.); 2) внутренние документы (журналы, протоколы и т.д.); 3) просительные документы (челобитные, прошения и т.д.) [Данилевский 2000: 395].

В соответствии со сферой реализации документооборота разделяют судебно-следственную, военную, дипломатическую и др. виды документации, каждая из которых имеет свою специфику, обусловленную особенностями и характером взаимодействия субъектов, входящих в структуру того или иного органа и учреждения. Каждый анализируемый документ может существовать в нескольких экземплярах и копиях для рассылки в иные организации и структурные подразделения, могут сохраняться проекты, черновики, первоначальные и промежуточные варианты. Важно понимать ценность каждого из названных экземпляров, поскольку в них могут содержаться более подробные сведения, случайно или намеренно упущенные фрагменты и т.п.

Основные методы анализа делопроизводственной документации

Исследование исторической реальности начинается с архивно-библиотечной, поисковой работы [Петров 1995]. Затем осуществляется отбор источников по степени релевантности. Следующий этап источниковедческого анализа подразумевает критику отобранных источников.

Анализ источника предполагает *внешнюю* и *внутреннюю* критику. В понятие внешней критики входит описание писчего материала, графики письма, выявление при наличии атрибутики, реквизитов, печатей, штампов, определение их ведомственной принадлежности, выяснение времени и места происхождения

текста, его авторства, возможных редакций и т.д. Внутренняя критика позволяет выявить смысл текста, его предназначение и достоверность, наличие субъективных ангажированных тенденций в источнике и т.п. На данном уровне применяются общенаучные и специально-исторические методы, а также междисциплинарный подход к исследованию источника. Результатом проводимого анализа должна стать сумма достоверных исторических фактов.

К числу исследователей, заложивших основы источниковедческого анализа делопроизводственной документации, относится С.М. Соловьев, который ввел в научный оборот массу материалов делопроизводства XVII–XVIII вв., и предложил способы установления датировок, сопоставления редакций, сформулировал приемы исследования источников в контексте особенностей эпохи, органов и деятелей, с которыми связано их появление, поскольку любой источник не только отражает реальность, но также сам является ее неотъемлемым компонентом [Русина 2015: 38]. Культура делопроизводства в целом представляет собой часть русской культуры [Мининкова 2015: 250].

В этой связи первостепенную роль в источниковедческом анализе играют *принципы историзма и научной объективности*. Принцип историзма требует изучения явлений и процессов в их конкретно-исторической обусловленности и динамике, стремления понять мотивы и цели человеческих поступков. Принцип объективности раскрывает каждое явление в его многогранности и одновременной противоречивости, определяет закономерности исторического процесса, в том числе развития государственных институтов, оснований и средств их взаимодействия.

Системно-структурный подход в исследовании данного вида источников позволяет рассмотреть делопроизводство как систему, единый, при этом динамический организм, с учетом его внутренней организации и структурных связей между его составляющими. С указанным подходом тесно связан метод функционального анализа документа, применение которого дает возможность выстроить логически взаимосвязанную цепочку: функция управления – функция документа – вид документа [Русакова 2006].

Процесс эволюции делопроизводства, как составного элемента административно-управленческой системы, тенденции преемственности и инновации в документоведении позволяет проследить историко-генетический метод. Важное место в анализе делопроизводственной документации занимают историко-сравнительный метод, метод типологизации и классификации, предполагающие разделение служебной документации по видам, выделение характерных для них общих и специфических признаков [Лиджиева 2018: 30].

Среди критериев, которые могут стать основой классификации делопроизводственных материалов, можно выделить следующие:

- институциональная принадлежность документа (делопроизводственная документация приказов, коллегий, министерств, ведомств, органов местного управления, муниципальных образований и т.д.);
- способ фиксации информации в исторической форме документации (рукописный, машинописный, типографский) [Юмашева 2014: 166];
- наличие или отсутствие формуляра, реквизитов и пр.;

- язык, на котором составлена документация;
- вид документа (рапорты, отчеты, инструкции и пр.);
- предмет описания (административно-политические, социально-экономические проблемы, судебные разбирательства и пр.) и др.

Перспективным представляется также использование ретроспективного подхода в исследовании документальных материалов [Приходько 2010]. Знание особенностей современной делопроизводственной документации позволяет выявить и понять более ранние ее формы, типологию и функции, проследить путь от следствия эволюции к причине и факторам трансформаций.

Перед исследователем делопроизводственной документации стоят следующие задачи: во-первых, определить место хранения интересующих документов (орган государственной и/или региональной власти) и совокупность вопросов, относящихся к компетенции этого органа и нуждающихся в рассмотрении; во-вторых, выявить и отобрать круг необходимых источников; в-третьих, выстроить источники в определённую систему. По словам О.А. Пестовой, решение обозначенных задач возможно посредством построения «исследовательской таблицы», которая позволит схематично в упрощённом виде представить анализируемый круг источников. В качестве инструмента анализа предлагается *философско-дедуктивный метод*, который выстроит исследование «по принципу перехода от общих источников к частным» [Пестова 2019: 76].

Вследствие сложности и многогранности делопроизводственных материалов, их исследование требует применения междисциплинарного подхода с использованием методов специальных и вспомогательных исторических дисциплин: палеографии, текстологии, дипломатики, сфрагистики, геральдики, архивоведения, археографии, исторической хронологии, метрологии и др.

Наряду с историческими методами большое значение в исследовании делопроизводственной документации имеет *лингвистический подход*. К.А. Ильина утверждает, что «с точки зрения теории исторической коммуникации официальный документ представляет собой «реплику», звено языковой цепи бесконечного диалога участников официальной коммуникации», и работа исследователя направлена на реконструкцию властных отношений внутри данного дискурса посредством анализа делопроизводственных материалов [Ильина 2011].

Характерной чертой деловой письменности XVIII–XIX вв. является формализация документа, стремление к строгости, точности и доступности в изложении фактов действительности. В указанный период в документации наблюдается четкий и своеобразный порядок слов, отличный от их расположения в тексте художественного, научного или разговорного стиля, сложные и длинные предложения уступают место простым и сложноподчиненным предложениям, свойственным синтаксической системе современного русского делопроизводства [Оттепова 2008].

А.П. Майоров считает необходимым осуществление комплексного подхода к данной проблеме посредством *терминологического анализа* делопроизводственной документации, который включает в себя «изучение жанрово-стилистических особенностей памятников деловой письменности совместно с лексико-семантическим анализом терминов в их исторической динамике» [Майоров 2019].

Проблема источниковедческого анализа становится особенно сложной и трудоемкой, когда исследователь сталкивается с большими объемами массовой документации, например, с делопроизводственными материалами российской администрации на Северном Кавказе XVIII–XIX вв. В таких случаях современные ученые все чаще обращаются к статистическим и математическим методам, в том числе к методу контент-анализа, для анализа содержания однотипных документов [Храмцов 2017: 25].

Метод *контент-анализа*, как правило, состоит из нескольких этапов: на первом этапе определяется круг анализируемых источников и формируется выборка; далее определяются объект и категории анализа, т.е. общие ключевые понятия, соответствующие проблеме исследования; третий этап предполагает формулировку единиц анализа, служащих индикатором интересующих исследователя явлений (это может быть понятие, фраза, предложение, тема и т.д.); в последующем осуществляется подсчет частоты упоминания выбранных категорий, а также степень расхождения полученных показателей в сравнении с другими смысловыми единицами текста; анализ завершается интерпретацией полученных результатов в соответствии с целями и задачами конкретного исследования [Двоеносова 2016: 72].

В процессе исследования исторического источника ни один метод не может являться универсальным и абсолютным. Максимально полную и объективную информацию об исторической реальности можно получить только при комплексном использовании разных аналитических подходов [Селиванова 2003].

Анализ делопроизводственной документации в кавказоведении

Далее следует рассмотреть опыт применения некоторых из указанных методов в кавказоведческой науке, в частности при изучении делопроизводственной документации российских органов управления на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XX в. Делопроизводство являлось законодательно регламентированной и организационно оформленной системой работы с документами и составляло неотъемлемую часть российского управленческого процесса в регионе.

Данный вид источников относительно недавно стал объектом исследования отечественных кавказоведов. В него входят документальные материалы администраций наместников, приставств, главнокомандующих и начальников флангов Кавказской линии, судебных органов (Моздокского верхнего пограничного суда (1793–1822), Кабардинского временного суда (1822–1858); Нальчикского горского словесного суда (1871–1918) и т.д.

Основная масса делопроизводственной документации указанных органов управления содержится в архивных фондах Москвы (РГВИА), Санкт-Петербурга (РГИА), Нальчика (ЦГА КБР), Владикавказа (ЦГА РСО-Алания), Ставрополя (ГА Ставропольского края), а также в Тбилиси, в Центральном государственном историческом архиве Грузии. Кроме того, большое число материалов опубликовано в сборниках документов, в частности в Актах Кавказской археографической комиссии [Акты 1904], в изданиях под редакцией В.К. Гарданова, П.А. Кузьминова, З.М. Кешевой, Е.И. Кобахидзе и др. [Гарданов 1956; Народы... 2005; Документы... 2011; Административная... 2012].

Наиболее подробный анализ делопроизводственной документации российских судебных и административных учреждений, функционировавших на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XX в., осуществил А.Х. Абазов [Абазов 2017b; Абазов 2022; Абазов 2023а; Абазов 2023b; Абазов 2023c]. Благодаря применению метода классификации и функционального анализа ему удалось исследовать материалы Моздокского верхнего пограничного суда во взаимодействии с Главкомандующим войсками на Кавказской линии (1793–1822), Кабардинского временного суда (1822–1858), приставского управления в Балкарии в 1846–1858 гг. и др.

Моздокский верхний пограничный суд представлял собой российский орган, созданный для взаимодействия с проживавшими за пределами Кавказской линии народами (кабардинцами, абазинами, осетинами, ингушами, чеченцами, ногайцами, грузинами, армянами и др.) и наделенный широким кругом полномочий: от полицейских до судебных. Он взаимодействовал со всеми гражданскими и военными учреждениями в регионе (Главкомандующим и наместническим правлением, городскими магистратами, городничими, казначейством, земскими судами, комендантами крепостей, приставами, духовными учреждениями, казачьими полками, родовыми судами и расправами) посредством обмена различными документами.

Пограничный суд направлял Главкомандующему информацию в форме представлений и рапортов. В представлениях указывались кандидаты на утверждение в должности новых судей. В рапортах подробно описывалась суть ситуации, о которой необходимо довести до сведения вышестоящего начальства [Абазов 2022: 44]. Главкомандующий направлял в суд предписания, предложения, отношения, ордера, указы и т.п., содержащие обязательные к исполнению поручения. Документы Главкомандующего фиксировались во входящих регистрах, которые представляли собой журналы регистрации входящей корреспонденции [Абазов 2022: 43]. Существовали также регистры для записи исходящей корреспонденции.

Документальное обеспечение деятельности Кабардинского временного суда (1822–1858), как утверждает А.Х. Абазов, также было связано с необходимостью выполнения целого ряда административных и судебных функций в отношении местного населения. Как справедливо подчеркивает автор, документирование его работы опиралось на нормативно-правовые акты и принципы российской делопроизводственной культуры того времени [Абазов 2023а: 50].

Всю массу документов суда исследователь делит на три группы: к первой относятся документы, обеспечивавшие его взаимодействие с вышестоящим начальством (предписания, резолюции (отзывы), рапорты); во вторую группу входят документы, служащие основанием для взаимодействия с другими учреждениями в рамках своей подведомственности (отношения); и, наконец, документы по управлению собственной деятельностью суда [Абазов 2023а: 51], в которых содержались итоги судебных разбирательств, сведения об официальных сделках, различных финансово-хозяйственных вопросах (журналы суда, учетные книги, прошения, жалобы, подписки (расписки), свидетельства, клятвенные обещания и т.п.). Ученый подробно анализирует структуру данных документов,

особенности оформления, атрибутику, то есть осуществляет необходимую на первом этапе исследования внешнюю критику источников [Абазов 2023а: 56].

В одной из своих работ А.Х. Абазов также дает общую характеристику и дифференцирует документы приставского управления балкарского народа по видовой принадлежности [Абазов 2023с: 284]. По его сведениям, документирование внешней коммуникации приставства определялось характером его иерархических связей с представителями российской администрации: начальником Центра Кавказской линии, канцелярией Штаба войск, начальниками воинских подразделений, членами других приставских управлений и т.д. Пристав направлял информацию начальнику Центра Кавказской линии чаще в виде рапортов и отчетов, а поручения получал в форме предписаний. Взаимодействие пристава с учреждениями и должностными лицами, находящимися с ним в административной иерархии на одном уровне, имели форму отношений. От представителей местного населения в администрацию подавались прошения [Абазов 2023с: 285].

В результате анализа делопроизводственной деятельности названных административных и судебных органов, А.Х. Абазов приходит к выводу, что содержащаяся в их документации информация позволяет сформировать представление об основных аспектах социально-политической и экономической жизни местного населения, о становлении и развитии российских институтов в регионе и интеграции северокавказских народов в состав России [Абазов 2023с: 289].

Деятельность руководителей участков Кавказской линии также обеспечивалась большим разнообразием делопроизводственной документации. Д.М. Алхасова в своих исследованиях [Алхасова 2021; Алхасова 2022; Алхасова 2023] осуществила анализ документов управлений Центра и частей Кавказской линии. Она подробно описала формат, атрибутику, особенности оформления, направленность этих документов, обозначила их место в системе делопроизводства, а также роль во взаимодействии региональных административных структур.

Автор дифференцировал делопроизводственные источники управлений Центра и частей Кавказской линии по видовой принадлежности. Среди документов Центра Д.М. Алхасова выделила следующие группы: в первую группу вошли делопроизводственные документы, адресованные начальнику Центра Кавказской высшестоящими учреждениями, в числе которых циркуляры и предписания Штаба войск на Кавказской линии и Черномории; вторую группу документов составили отчеты начальника Центра Кавказской линии перед высшестоящими учреждениями, оформленные в виде рапортов, именных, кондуитных и формулярных списков, статистических материалов и т.д.; к третьей группе отнесена документация начальника Центра Кавказской линии, адресованная ему подведомственными учреждениями и представленная прошениями и рапортами [Алхасова 2022: 33]. Автор выявила, что рапорт стал основной формой межведомственной коммуникации между структурными элементами управления Кавказской линии [Алхасова 2022: 42].

На примере циркуляров прослеживается порядок взаимодействия начальника Штаба войск с линейными начальниками, представителями других учреждений, находившихся с ним на одной ступени административной иерархии.

Анализ предписаний позволил сформировать представление о его полномочиях и круге вопросов, касающихся его ведения. Исследование прошений и рапортов дает возможность реконструировать вертикаль военно-бюрократического аппарата на Северном Кавказе и понять характер и порядок взаимодействия коренных народов Центрального Кавказа с управлением Центра Кавказской линии [Алхасова 2022: 43].

В процессе изучения делопроизводства управлений частей Кавказской линии Д.М. Алхасова выявила следующие группы источников: первая группа содержит в себе материалы межведомственного делопроизводства вышестоящих учреждений и структурных подразделений Кавказской линии (циркуляры, приказы, рапорты, предписания, именные и кондуитные списки, отношения, шнуrowые книги, ведомости); ко второй группе относятся делопроизводственные документы, созданные в процессе взаимодействия с подведомственным населением (публичные обращения кавказской военной администрации и прошения представителей местного населения Кавказа); в третью группу вошли материалы, связанные с таможенным контролем в регионе (рапорты карантинных контор и карантинные свидетельства); и, наконец, четвертую группу составили материалы финансовой отчетности по Кавказской линии (расписки, квитанции, аттестаты) [Алхасова 2023: 267–268].

В результате исследования Д.М. Алхасова пришла к выводу, что изучение делопроизводства на Кавказской линии позволяет уточнить различные детали политического и социально-экономического развития народов региона, рассмотреть иерархию, особенности функционирования и объем полномочий до-революционных финансовых учреждений, сравнить их с современными организациями, выявить определенные закономерности и проследить преемственность [Алхасова 2023: 278].

Е.Г. Муратова осуществила критический анализ делопроизводственных документов Посольского приказа конца 1620-х гг., в которых содержатся самые ранние сведения о балкарцах. Она сообщает, что в XIX в. часть документов приказа, в которой содержатся сведения о разведках месторождений серебра на Центральном Кавказе, была передана академику Гамелю, а в настоящее время источники хранятся в Санкт-Петербургском отделении Института истории РАН. В этом собрании представлены отписки терских воевод, расспросные речи в Посольском приказе, грамоты, челобитные и другие делопроизводственные материалы.

Автором также проанализированы документы фонда РГАДА «Сношения России с Грузией». Они в большом объеме опубликованы С.А. Белокуровым и М.А. Полиевктовым. Интересующий Е.Г. Муратову материал о русских посольствах в Грузию, проходивших через территорию Балкарии, содержится в статейных списках. Они являются особым видом делопроизводственной документации, в которых зафиксированы ежедневные подробные письменные отчеты послов об их пути. Наибольшее внимание исследователя привлекли статейные списки посольств Ф. Елчина и П. Захарьева в Дадианскую землю 1639–1640 гг. и А.И. Иевлева и Н.М. Толочанова, посетивших Имеретию в 1650–1652 гг. [Муратова 2010: 182]. В этих и других делопроизводственных материалах

автор находит информацию о грузино-балкарско-российских отношениях, о неоднократной помощи балкарских князей грузинским царям, ориентировавшимся на Россию, о различных явлениях социально-политической жизни Балкарии и др. [Муратова 2010: 184]. Как утверждает Е.Г. Муратова, те или иные сведения часто обнаруживались совершенно случайно, «в результате археографической обработки крупных источниковых массивов по другим проблемам» [Муратова 2010: 185], и «для полноценного воссоздания истории Балкарии эпохи традиционного общества», требуется ретроспективный анализ материалов более позднего периода [Муратова 2010: 185].

Дореволюционные источники по истории народов Северного Кавказа изучены также в русле интеллектуальной истории. В частности, Т.А. Колосовская поднимает вопрос о понимании «Другого» в работах военных историков XIX в., которые внесли существенный вклад в становление кавказоведческой науки. Ею проанализированы материалы С.М. Броневского, П.П. Зубова, Д.И. Романовского, П.Г. Буткова, Н.Ф. Дубровина, А.Л. Зиссермана, В.А. Потто, Р.А. Фадеева, М.Я. Ольшевского, С.С. Эсадзе и других исследователей, которые в большинстве своем были участниками войн России в XIX в. и имели возможность фиксировать те или иные события. Их труды Т.А. Колосовская рассматривает «как уникальное проявление определенной эпохи, с присущими ей культурой и ценностями» [Колосовская 2018: 12–13]. Проблему конструирования образа «Другого» и его трансформацию в общественном сознании автор предлагает исследовать в рамках научной области так называемой имагологии, положения которой применимы к такому явлению как «участие военных в формировании массовых представлений российской общественности о Северном Кавказе, его населении и событиях» XIX в., прежде всего о Кавказской войне и установлении российского управления в регионе [Колосовская 2018: 12–13].

Работы дореволюционных военных историков изучены также З.Ж. Глашевой [Глашева 2017а; Глашева 2017б; Глашева 2018; Глашева 2019]. Они, по словам автора, основывались прежде всего на личных наблюдениях самих исследователей, делопроизводственных материалах кавказских учреждений и на результатах экспедиций конца XVIII–XIX в., благодаря чему им удалось составить подробные систематизированные описания северокавказских обществ [Глашева 2019: 50].

На основании делопроизводственных материалов З.Ж. Глашева изучила административно-территориальные преобразования в Кабарде и Балкарии в XVI – начале XX в. Она осуществила периодизацию данного длительного процесса и подробно изучила каждый этап, систематизировала и обобщила сведения о гражданском и военном управлении Кавказом в 50-60-е гг. XIX в., исследовала различные формы общественного устройства региона, деятельность приставов и др. [Глашева 2018: 52].

Заключение

Делопроизводственная документация представляет собой самый многочисленный вид исторических источников, сформировавшихся в рамках взаимодействия органов управления и подведомственных им учреждений, и обуслов-

ленных основными задачами, компетенцией и функциями того или иного структурного подразделения административного аппарата. Существует множество классификаций делопроизводственных материалов, связанных со сферой их возникновения и применения, конкретным органом, осуществляющим делопроизводство, с кругом учреждений, должностных и физических лиц, с которыми осуществляется обмен документами и т.д. Их исследование позволяет сформировать наиболее представление об административно-политических, судебно-правовых, социально-экономических и культурных явлениях и процессах в том или ином обществе.

К числу наименее изученных с источниковедческой точки зрения делопроизводственных материалов относятся документы органов управления на Северном Кавказе конца XVIII – начала XX в., при этом они широко используются в работах при исследовании имперской политики в регионе и интеграции северокавказских народов в состав России. Часть авторов, исследуя данный вид источников, ограничивается их внешней характеристикой, не уделяя достаточно внимания внутреннему критическому анализу документа. Основными методами, применяемыми при изучении делопроизводственной документации, являются общенаучные и специально-исторические методы, в частности метод классификации, систематизации, обобщения, функционального анализа, историко-генетический, историко-сравнительный методы и др.

Существует, на наш взгляд, очевидная необходимость осуществления периодизации развития делопроизводства на Северном Кавказе, соответствующей специфике региона. Также метод ретроспективного анализа позволит рассмотреть процесс эволюции делопроизводственной деятельности с новой точки зрения, проследить преемственность, традицию и возможные направления будущего развития и упрощения сложноорганизованной системы документооборота. Полезным представляется междисциплинарное изучение делопроизводственных материалов с использованием методов лингвистики, контент-анализа, который позволяет обрабатывать большие объемы информации и т.д.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2015 – *Абазов А.Х.* Кабардинский временный суд в условиях интеграции Кабарды в состав Российской империи во второй четверти XIX в. // Кавказский сборник. – Т. 9 (41). – 2015. – С. 150–170;

Абазов 2017а – *Абазов А.Х.* Делопроизводственные источники по истории судебных преобразований на Центральном Кавказе в конце XVIII – начале XX века // Кавказский сборник / Под ред. В.В. Дегоева. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – С. 62–73.

Абазов 2017б – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в политико-правовом пространстве Российской империи: судебные преобразования конца XVIII – начала XX в.: дис. ... док. ист. наук. – Нальчик, 2017. – 505 с.

Абазов 2022 – *Абазов А.Х.* Делопроизводственная практика Моздокского верхнего пограничного суда во взаимодействии с главнокомандующим войсками на Кавказской линии (1793–1822 гг.) // Научная мысль Кавказа. – 2022. – № 2. – С. 41–47.

Абазов 2023а – *Абазов А.Х.* Делопроизводственная практика Кабардинского временного суда: документальное измерение региональной интеграции народов Центрального Кавказа в 1822–1858 гг. // Новое прошлое. – 2023. – № 1. – С. 48–63. – DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-48-63 /

Абазов 2023b – *Абазов А.Х.* Приставское управление балкарского народа в системе локального судебно-административного контроля на Центральном Кавказе в 1846–1858 годах // Научная мысль Кавказа. – 2023. – № 2. – С. 35–41.

Абазов 2023c – *Абазов А.Х.* Документальное обеспечение деятельности приставского управления балкарского народа в 1846–1858 годах // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 282–292. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-282-292. – EDN: IYBEVP.

Аверьянов 2007 – *Аверьянов Л.Я.* Контент-анализ. – М.: РГИУ, 2007. – 286 с.

Административная... 2012 – *Административная* практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сборник документов. Сост., вступ. ст., коммент. Е.И. Кобахидзе. ФГБУН Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. им. В.И. Абаева. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 399 с.

Акты 1904 – *Акты* Кавказской Археографической комиссии. – Т. XII. – Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1904. – 1558 с.

Алхасова 2021 – *Алхасова Д.М.* Судебные полномочия начальника Центра кавказской линии в 30–50-е гг. XIX в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 4. – С. 33–47. – DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-4-33-47>

Алхасова 2022 – *Алхасова Д.М.* Делопроизводственная документация управления Центра Кавказской линии в 30-50-х гг. XIX в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 1. – С. 30–47. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-30-47

Алхасова 2023 – *Алхасова Д.М.* Делопроизводственная документация управлений частями Кавказской линии в 30-50-х гг. XIX в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 265–281. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-265-281. EDN: MSSRLY.

Анучин 1872 – *Анучин Е.Н.* Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России, с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени. – СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1872. – 350 с.

Башкова 2017 – *Башкова И.С.* Видовой состав документации Канцелярии Таврического губернатора в первой половине XIX в. // Управление документацией: прошлое, настоящее, будущее: сб. материалов III Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Т.В. Кузнецовой / сост. А.Ю. Конькова, Ю.М. Кукарина. – М.: ООО «ТЕРМИКА.РУ», 2017. – С. 221–227.

Башкова 2019a – *Башкова И.С.* Эволюция процессов документирования в трудах отечественных исследователей XIX столетия // Манускрипт. – Тамбов: Грамота, 2019. – Том 12. – Выпуск 1. – С. 23–27.

Башкова 2019b – *Башкова И.С.* Развитие российского делопроизводства и документирования имперского периода в отечественной историографии // Известия Юго-Западного государственного университета. – Серия: История и право. – 2019. – Т. 9, № 6. – С. 179–189.

Блиева 2004 – *Блиева З.М.* Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е гг. XIX века: дис. ... док. ист. наук. – Владикавказ, 2004. – 476 с.

Варадинов 1857 – *Варадинов Н.В.* Делопроизводство, или Теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегиальному и одиночному письмоводству, к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самых дел, с приложением к оным образцов и форм. – СПб.: С. П. Лоскутов, 1857. – 592 с.

Варадинов 1873 – *Варадинов Н.В.* Делопроизводство: руководство к составлению всех родов деловых бумаг и актов, по данным формам и образцам: в 4-х ч. – СПб.: Тип. Ретгера и Шнейдера, 1873. – Ч. 1. – Теоретическое делопроизводство. – 258 с.

Вельдбрехт 1854 – *Вельдбрехт В.* Общие основания русского делопроизводства с приложением основных его форм. – СПб.: Тип. Я. Трея, 1854. – 122 с.

Виноградова 2005 – *Виноградова Т.В.* Организация делопроизводства губернских административных учреждений Российской империи в первой половине XIX века: на материалах Олонекской губернии: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2005. – 196 с.

Вялова 1987 – *Вялова Л.М.* Организация делопроизводства центральных органов управления в законодательных актах Российской империи первой половины XIX века: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1987. – 214 с.

- Гарданов 1956 – *Гарданов В.К.* Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. – Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. – 427 с.
- Гарскова 1994 – *Гарскова И.М.* Базы и банки данных в исторических исследованиях. – М.: МГУ, 1994. – 214 с.
- Глашева 2017а – *Глашева З.Ж.* Административно-территориальные преобразования в Кабарде и Балкарии в XVI – начале XX в. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2017. – № 5 (79). – С. 78–88.
- Глашева 2017б – *Глашева З.Ж.* Административно-территориальные преобразования в Кабарде и Балкарии в XVI – начале XX в. Часть II // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2017. – № 6-1 (80). – С. 188–195.
- Глашева 2018 – *Глашева З.Ж.* Особенности гражданского и военного управления Кавказом в 50-60-е годы XIX в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2018. – № 3. – С. 45–53. – DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-3-45-53>.
- Глашева 2019 – *Глашева З.Ж.* Из истории формирования и развития историографической традиции по изучению Кавказа в XVIII–XIX вв. // Вестник Дагестанского научного центра. – 2019. – № 74. – С. 47–53.
- Градовский 1899 – *Градовский А.Д.* Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Градовский А.Д. Собрание сочинений: в 9-ти т. – СПб., 1899. – Т. 1. – С. 299–338.
- Градовский 1908 – *Градовский А.Д.* Собрание сочинений: в 9-ти т. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. – Т. 9, Ч. 3. – 599 с.
- Данилевский 2000 – *Данилевский И.Н.* Источниковедение: Теория. История. Метод. М.: РГГУ, 2000. 701 с. Режим доступа: <http://www.historichka.ru/materials/istochnikovedenie/6.html> (дата обращения: 13.11.2023).
- Двоеносова 2016 – *Двоеносова Г.А.* Селективный отбор понятия «документ» // Вестник РГГУ № 2 (4). Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». – М., 2016. – С. 71–80.
- Документы... 2011 – *Документы* по истории адыгов 20–50-х гг. XIX в. (по материалам ЦГА КБР) / Сост. З.М. Кешева. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. – 203 с.
- Елпатьевский 1974 – *Елпатьевский А.В.* Документирование прохождения государственной службы в России XVIII – XX веков // Труды Всероссийского научно-исследовательского Института документоведения и архивного дела. 1974. Т. 5. Ч. 1. С. 146–205.
- Ерошкин 1994 – *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. 4-е изд. – М.: Высш. шк., 1994. – 357 с.
- Зайончковский 1978 – *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М.: Мысль, 1978. – 288 с.
- Иванов 1994 – *Иванов В.А.* Губернское чиновничество 50–60-х гг. XIX в. в России. – Калуга: КГПИ, 1994. – 231 с.
- Ильина 2011 – *Ильина К.А.* Делопроизводственная документация как источник изучения практики управления российскими университетами первой половины XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2011. – Режим доступа: <https://textarchive.ru/c-1946351.html> (дата обращения: 13.11.2023).
- История делопроизводства в СССР / Под ред. Я.З. Лившица, В.А. Цикулина. – М.: МГИАИ, 1974. – 170 с.
- Каров 2000 – *Каров А.Х.* Административно-территориальные изменения в Кабарде и Балкарии в конце XVIII – начале XX веков: дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 202 с.
- Клычников 2004 – *Клычников Ю.Ю.* Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.): дис. ... док. ист. наук. – Пятигорск, 2004. – 636 с.
- Кобахидзе 2010 – *Кобахидзе Е.И.* Осетия конца XVIII – начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления: дисс. ... док. ист. наук. – Владикавказ, 2010. – 484 с.

Колосовская 2018 – *Колосовская Т.А.* Российские военные в интеллектуальном освоении Северного Кавказа XVIII – начала XX в.: автореф. дис. ... док. ист. наук. – Ставрополь, 2018. – 51 с.

Конькова 1988 – *Конькова А.Ю.* Делопроизводство губернских канцелярий XIX в. // Делопроизводство. – 1988. – № 1. – С. 94–100.

Конькова 2000 – *Конькова А.Ю.* Документы о прохождении государственной службы XVIII – начала XX в. // Делопроизводство. – 2000. – № 2. – С. 91–97.

Корнеев 2003 – *Корнеев И.К., Пшенко А.В., Машурцев В.А.* и др. Организация работы с документами. – М.: Инфра-М, 2003. – 592 с.

Кузнецова 2003 – *Кузнецова Т.В.* История профессии документоведа в XIX – XX вв. // Делопроизводство. – 2003. – № 1. – С. 75–80.

Лиджиева 2018 – *Лиджиева И.В., Когданова Б.В.* Делопроизводственная практика управления калмыцким народом // *Oriental Studies*. – 2018. – № 11 (2). – С. 29-37.

Литвак 1979 – *Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. – М.: Наука, 1979. – 294 с.

Литвак 1984 – *Литвак Б.Г.* О закономерностях эволюции делопроизводственной документации в XVIII – XIX вв.: к постановке вопроса // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. – М.: Наука, 1984. – С. 48–55.

Лихачев 1901 – *Лихачев Н.П.* Дипломатика: из лекций, читанных в Санкт-Петербургском Археологическом институте. – СПб.: Изд. слушателей Института, 1901. – 262 с.

Лохвицкий 1864 – *Лохвицкий А.В.* Губерния, ее земские и правительственные учреждения. – СПб., 1864. – Ч. 1. – 221 с.

Лукашевич 1995 – *Лукашевич А.А.* Развитие губернской делопроизводственной документации 70–90-х гг. XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1995. – 242 с.

Магницкий 1835 – *Магницкий М.Л.* Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу. – М.: Тип. Лазаревых ин-та вост. яз., 1835. – 108 с.

Майоров 2019 – *Майоров А.П.* Эволюция делопроизводственной терминологии в XVIII в.: наименования регистрационных и других документов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2019. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-deloproizvodstvennoy-terminologii-v-xviii-v-naimenovaniya-registratsionnyh-i-drugih-dokumentov> (дата обращения: 13.11.2023).

Малахова 2001 – *Малахова Г.Н.* Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв.: дис. ... док. ист. наук. – М., 2001. – 503 с.

Мининкова 2015 – *Мининкова Л.В.* Л.В. Черепнин о московском великокняжеском архиве XIV–XV вв. // Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития: Материалы Всероссийской научной конференции, ИИМО ЮФУ. – Ростов-на-Дону, 2015. – С. 249–257.

Митяев 1946 – *Митяев К.Г.* Теория и практика архивного дела / Под ред. И.Л. Маяковского. – М.: Центр. тип. им. Ворошилова, 1946. – 247 с.

Митяев 1959 – *Митяев К.Г.* История и организация делопроизводства в дореволюционной России / Под ред. А.В. Чернова; Моск. гос. ист.-архивный ин-т. – М., 1959. – 359 с.

Морякова 1998 – *Морякова О.В.* Система местного управления при Николае I. – М.: МГУ, 1998. – 272 с.

Муратова 2007 – *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2007. – 419 с.

Муратова 2010 – *Муратова Е.Г.* Русские делопроизводственные материалы XVII века о Балкарии и балкарцах // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. – 2010. – № 1. – С. 181–186.

Нагоева 2009 – *Нагоева Р.Р.* Трансформация сословной структуры кабардинцев в 20–60-е годы XIX века: дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 2009. – 180 с.

Народы... 2005 – *Народы* Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века. Сб. док. мат-ов. В 2-х т. / Сост., пред., комм. П.А. Кузьминов. – М.: Поматур, 2005. – Т. 1. – 368 с.; – Т. 2. – 392 с.

Отепова 2008 – *Отепова Г.Е.* Особенности форм деловой документации на примере законодательных актов Российской империи XVIII-XIX веков Международная научно-практическая конференция «Европейская наука XXI века – 2008». Прага, 16-31 мая 2008 г. Режим доступа: https://www.rusnauka.com/12_EN_2008/Istoria/31042.doc.htm (дата обращения: 13.11.2023).

Пестова 2019 – *Пестова О.А.* Проблемы изучения делопроизводственных документов нормативного характера в качестве исторических источников (на примере органов внутренних дел в советский период) // Вопросы российской юстиции. – 2019. – № 3. – С. 73–85.

Петров 1995 – *Петров А.Н.* Материалы дебатов Государственной Думы первого созыва (нетрадиционные методы источниковедческого анализа): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1995. – Режим доступа: <https://cheloveknauka.com/materialy-debatov-gosudarstvennoy-dumy-pervogo-sozyva-netraditsionnye-metody-istochnikovedcheskogo-analiza> (дата обращения: 13.11.2023).

Приходько 2010 – *Приходько И.Н.* Законодательные акты и делопроизводственная документация как исторический источник по налоговой политике правительства в первой четверти XVIII века: на примере Западной Сибири: дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2010. – 177 с. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/istorio-grafia/zakonodatelnye-akty-i-deloproizvodstvennaja-dokumentacija-kak-istoricheskij.html> (дата обращения: 13.11.2023).

Рафалюк 2015 – *Рафалюк О.Е.* Междисциплинарные методы изучения прошлого: применение контент-анализа в исторических исследованиях // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-1. – Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20367> (дата обращения: 13.11.2023).

Русакова 2006 – *Русакова С.В.* Эволюция системы документирования деятельности губернских учреждений XVIII – начала XIX вв.: по документам Государственного архива Тверской области: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2006. – 222 с. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/evolyutsiya-sistemy-dokumentirovaniya-deyatelnosti-gubernskikh-uchrezhdenii-xviii-nachala-xi> (дата обращения: 13.11.2023).

Русина 2015 – *Русина Ю.А.* Методология источниковедения. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 204 с.

Селиванова 2003 – *Селиванова Н.А.* Издательская деятельность северокавказских губернских и областных статистических комитетов (1868-1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2003. – 230 с. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/dokument-informacia/izdatelskaja-deyatelnost-severokavkazskih-gubernskih-i-oblastnyh-statisticheskikh.html> (дата обращения: 13.11.2023).

Слуцкий 2015 – *Слуцкий А.И., Лукошкина Е.В.* О некоторых возможностях использования архивных фондов государственных учреждений в реконструкции истории книжного дела Кубани // Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития: Материалы Всероссийской научной конференции, ИИМО ЮФУ. – Ростов-на-Дону, 2015. – С. 104–110.

Сокова 1974 – *Сокова А.Н.* О создании русской традиционной формы документа в делопроизводстве госучреждений XVIII – XIX вв. // Труды ВНИИДАД. – М., 1974. – Т. V, ч. 1. – С. 206–236.

Таршис 2021 – *Таршис Е.Я.* Контент-анализ: Принципы методологии. (Построение теоретической базы. Онтология, аналитика и феноменология текста. Программы исследования). – М.: ЛЕНАНД, 2021. – 174 с.

Храмцов 2017 – *Храмцов А.Б.* Обязательные постановления городских дум как источник о нормотворческой деятельности органов местного самоуправления в 1870–1890-е гг. По материалам Западной Сибири // Вестник архивиста. – 2017. – № 2, апрель-июнь. – С. 25–37.

Шепелев 1976 – *Шепелев Л.Е.* Проблемы источниковедческого изучения делопроизводственных документов в государственных учреждениях XIX–нач. XX вв. // *Источниковедение отечественной истории* / Редкол. Н.Н. Павленко [и др.]. – М.: Наука, 1976. – С. 262–265.

Шепелев 1985 – *Шепелев Л.Е.* Некоторые проблемы источниковедческого и историко-вспомогательного изучения делопроизводственных документов XIX – начала XX в. // *Вспомогательные исторические дисциплины*. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1985. – Т. XVI. – С. 31–61.

Шепелев 2001 – *Шепелев Л.Е.* Чиновничий мир России XVII – начала XX в. – СПб.: Искусство, 2001. – 316 с.

Шмидт 1985 – *Шмидт С.О.* Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI – XVII вв. – М.: МГКУИ, 1985. – 102 с.

Юмашева 2014 – *Юмашева Ю.Ю., Романова Е.А., Сахарова Е.Н., Тарасова М.В.* Изучение типологии и эволюции исторических форм архивной учетной документации и возможности их представления в электронной среде. Аналитический обзор. – М.: ВНИИДАД, 2014. – 386 с.

REFERENCES

ABAZOV A.Kh. *Kabardinskii vremennyi sud v usloviyakh integratsii Kabardy v sostav Rossiiskoi imperii vo vtoroi chetverti XIX v.* [Kabardian provisional court in the conditions of the integration of Kabarda into the Russian Empire in the second quarter of the XIX century.]. In: *Kavkazskii sbornik*. Т. 9 (41). Moscow, 2015. P. 150–170. (In Russ.).

ABAZOV A.Kh. *Deloproizvodstvennye istochniki po istorii sudebnykh preobrazovaniy na Tsentral'nom Kavkaze v kontse XVIII – nachale XX veka* [Records management sources on the history of judicial reforms in the Central Caucasus at the end of the 18th – beginning of the 20th centuries]. In: *Kavkazskii sbornik*. Moscow: Aspekt Press, 2017. P. 62–73. (In Russ.).

ABAZOV A.Kh. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v politiko-pravovom prostranstve Rossiiskoi imperii: sudebnye preobrazovaniya kontsa KhUSH – nachala XX v.: dis. ... dok. ist. nauk* [Peoples of the Central Caucasus in the political and legal space of the Russian Empire: judicial reforms of the late 18th – early 20th centuries]. Nalchik, 2017. 505 p. (In Russ.).

ABAZOV A.Kh. *Deloproizvodstvennaya praktika Mozdokskogo verkhnego pogranichnogo suda vo vzaimodeistvii s glavnokomanduyushchim voiskami na Kavkazskoi linii (1793–1822 gg.)* [Office practice of the Mozdok Upper Border Court in interaction with the commander-in-chief of the troops on the Caucasian line (1793–1822)]. In: *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2022. № 2. P. 41–47. (In Russ.).

ABAZOV A.Kh. *Office Practice of the Kabardian Provisional Court: Documentary Measurement of the Regional Integration of the Peoples of the Central Caucasus in 1822–1858*, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2023. No. 1. Pp. 48–63. DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-48-63. (In Russ.).

ABAZOV A.Kh. *Pristavskoe upravlenie balkarskogo naroda v sisteme lokal'nogo sudebnoadministrativnogo kontrolya na Tsentral'nom Kavkaze v 1846 – 1858 godakh* [The bailiff administration of the Balkar people in the system of local judicial-administrative control of the Central Caucasus in 1846–1858]. In: *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2023. № 2. P. 35–41. (In Russ.).

ABAZOV A.Kh. *Dokumental'noe obespechenie deyatel'nosti pristavskogo upravleniya balkarskogo naroda v 1846–1858 godakh* [Documentary support for the activities of the bailiff administration of the Balkar people in 1846–1858]. In: *Kavkazologiya*. 2023. № 3. P. 282–292. DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-282-292. (In Russ.).

AVER'YANOV L.YA. *Kontent-analiz* [Content analysis]. Moscow: RSIU, 2007. 286 p. (In Russ.).

Administrativnaya praktika Rossiiskoi imperii na Tsentral'nom Kavkaze s kontsa XVIII v. do 1870 g. (na materiale Osetii) [Administrative practice of the Russian Empire in the Central Caucasus since the end of the 18th century. before 1870 (based on Ossetia): Collection of documents. Comp. by E.I. Kobakhidze]. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2012. 399 p. (In Russ.).

Akty Kavkazskoi Arkheograficheskoi komissii. T. XII [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. 12]. Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1904. 1558 p. (In Russ.).

ALKHASOVA D.M. *Sudebnye polnomochiya nachal'nika Tsentra kavkazskoi linii v 30–50-e gg. XIX v.* [Judicial powers of the head of the Caucasian Line Center in the 30s–50s. XIX century]. In: *Kavkazologiya*. 2021. № 4. P. 33–47. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-4-33-47>. (In Russ.).

ALKHASOVA D.M. *Deloproizvodstvennaya dokumentatsiya upravleniya Tsentra Kavkazskoi linii v 30-50-kh gg. XIX v.* [Office documentation of the management of the Caucasian Line Center in the 30-50s. XIX century]. In: *Kavkazologiya*. 2022. № 1. P. 30–47. DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-30-47. (In Russ.).

ALKHASOVA D.M. *Deloproizvodstvennaya dokumentatsiya upravlenii chastyami Kavkazskoi linii v 30-50-kh gg. XIX v.* [Office documentation of departments of parts of the Caucasian line in the 30-50s. XIX century]. In: *Kavkazologiya*. 2023. № 3. P. 265–281. DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-265-281. (In Russ.).

ANUCHIN E.N. *Istoricheskii obzor razvitiya administrativno-politseiskikh uchrezhdenii v Rossii, s Uchrezhdeniya o guberniyakh 1775 g. do poslednego vremeni* [Historical overview of the development of administrative and police institutions in Russia, from the Establishment of the Provinces of 1775 to recent times]. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del, 1872. 350 p. (In Russ.).

BASHKOVA I.S. *Vidovoi sostav dokumentatsii Kantselyarii Tavricheskogo gubernatora v pervoi polovine XIX v.* [Species composition of the documentation of the Office of the Tauride Governor in the first half of the 19th century]. In: *Upravlenie dokumentatsiei: proshloe, nastoyashchie, budushchee: sb. materialov III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora T.V. Kuznetsovoi* [Documentation management: past, present, future: collection. materials of the III International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of Professor T.V. Kuznetsov] / Comp. A.Yu. Kon'kova, Yu.M. Kukarina. Moscow: TERMIKA.RU, 2017. P. 221–227. (In Russ.).

BASHKOVA I.S. *Evolyuetsiya protsessov dokumentirovaniya v trudakh otechestvennykh issledovatelei XIX stoletiya* [The evolution of documentation processes in the works of domestic researchers of the 19th century]. In: *Manuskript*. Tambov: Gramota, 2019. T. 12(1). P. 23–27. (In Russ.).

BASHKOVA I.S. *Razvitie rossiiskogo deloproizvodstva i dokumentirovaniya imperskogo perioda v otechestvennoi istoriografii* [Development of Russian office work and documentation of the imperial period in domestic historiography]. In: *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*. 2019. T. 9, № 6. P. 179–189. (In Russ.).

BLIEVA Z.M. *Rossiiskii byurokraticheskii apparat i narody Tsentral'nogo Kavkaza v kontse XVIII – 80-e gody XIX veka: diss. ... dok. ist. nauk* [Russian bureaucratic apparatus and the peoples of the Central Caucasus at the end of the 18th – 80s of the 19th century]. Vladikavkaz, 2004. 476 p. (In Russ.).

VARADINOV N.V. *Deloproizvodstvo, ili Teoreticheskoe i prakticheskoe rukovodstvo k grazhdanskomu i ugolovnomu, kollegial'nomu i odinochnomu pis'movodstvu, k sostavleniyu vsekh pravitel'stvennykh i chastnykh delovykh bumag i k vedeniyu samykh del, s prilozheniem k onym obrazov i form* [Office work, or Theoretical and practical guide to civil and criminal, collegial and individual writing, to the preparation of all government and private business papers and to the conduct of affairs themselves, with the application of images and forms to them]. St. Petersburg: S. P. Loskutov, 1857. 592 p. (In Russ.).

VARADINOV N.V. *Deloproizvodstvo: rukovodstvo k sostavleniyu vsekh rodov delovykh bumag i aktov, po dannym formam i obraztsam: v 4-kh ch.* [Office work: a guide to the preparation of all types of business papers and acts, according to these forms and samples: in 4 parts]. St. Petersburg: Tip. Retgera i Shneidera, 1873. P. 1. 258 p.

VEL'DBREKHT V. *Obshchie osnovaniya russkogo deloproizvodstva s prilozheniem osnovnykh ego form* [General principles of Russian office work with the application of its main forms]. St. Petersburg: Tip. Ya. Treya, 1854. 122 p. (In Russ.).

VINOGRADOVA T.V. *Organizatsiya deloproizvodstva gubernskikh administrativnykh uchrezhdenii Rossiiskoi imperii v pervoi polovine XIX veka: na materialakh Olonetskoii gubernii: dis. ... kand. ist. Nauk* [Organization of office work of provincial administrative institutions of the Russian Empire in the first half of the 19th century: on materials from the Olonets province]. Moscow, 2005. 196 p. (In Russ.).

VYALOVA L.M. *Organizatsiya deloproizvodstva tsentral'nykh organov upravleniya v zakonodatel'nykh aktakh Rossiiskoi imperii pervoi poloviny XIX veka: dis. ... kand. ist. nauk* [Organization of office work of central government bodies in the legislative acts of the Russian Empire in the first half of the 19th century]. Moscow, 1987. 214 p. (In Russ.).

GARDANOV V.K. *Materialy po obychnomu pravu kabardintsev. Pervaya polovina XIX v.* [Materials on the customary law of the Kabardians. First half of the 19th century]. Nalchik: Kabardinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1956. 427 p. (In Russ.).

GARSKOVA I.M. *Bazy i banki dannykh v istoricheskikh issledovaniyakh* [Databases and data banks in historical research]. Moscow: MGU, 1994. 214 p. (In Russ.).

GLASHEVA Z.ZH. *Administrativno-territorial'nye preobrazovaniya v Kabarde i Balkarii v XVI – nachale XX v.* [Administrative-territorial transformations in Kabarda and Balkaria in the 16th – early 20th centuries]. In: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. 2017. № 5 (79). P. 78–88. (In Russ.).

GLASHEVA Z.ZH. *Administrativno-territorial'nye preobrazovaniya v Kabarde i Balkarii v XVI – nachale XX v. Chast' II* [Administrative-territorial transformations in Kabarda and Balkaria in the 16th – early 20th centuries. Part II]. In: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. 2017. № 6-1 (80). P. 188–195. (In Russ.).

GLASHEVA Z.ZH. *Osobennosti grazhdanskogo i voennogo upravleniya Kavkazom v 50-60-e gody XIX v.* [Features of civil and military administration of the Caucasus in the 50-60s of the 19th century]. In: *Kavkazologiya*. 2018. № 3. P. 45–53. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-3-45-53> (In Russ.).

GLASHEVA Z.ZH. *Iz istorii formirovaniya i razvitiya istoriograficheskoi traditsii po izucheniyu Kavkaza v XVIII–XIX vv.* [From the history of the formation and development of the historiographic tradition for the study of the Caucasus in the 18th–19th centuries]. In: *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra*. 2019. № 74. P. 47–53. (In Russ.).

GRADOVSKII A.D. *Istoricheskii ocherk uchrezhdeniya general-gubernatorstv v Rossii* [Historical sketch of the establishment of governor generals in Russia]. In: *Gradovskii A.D. Sobranie sochinenii: v 9-ti t.* [Collected works: in 9 volumes]. St. Petersburg, 1899. T. 1. P. 299–338. (In Russ.).

GRADOVSKII A.D. *Sobranie sochinenii: v 9-ti t.* [Collected works: in 9 volumes]. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1908. T. 9, Part 3. 599 p. (In Russ.).

DANILEVSKII I.N. *Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod* [Source study: Theory. Story. Method]. Moscow: RGGU, 2000. 701 p. URL: <http://www.historichka.ru/materials/istochnikovedenie/6.html> (access date: 13.11.2023). (In Russ.).

DVOENOSOVA G.A. *Selektivnyi otkor ponyatiya «dokument»* [Selective selection of the concept “document”]. In: *Vestnik RGGU № 2 (4). Seriya «Dokumentovedenie i arkhivovedenie. Informatika. Zashchita informatsii i informatsionnaya bezopasnost'»*. Moscow, 2016. P. 71–80. (In Russ.).

Dokumenty po istorii adygov 20–50-kh gg. XIX v. (po materialam TsGA KBR) / sost. Z.M. Kesheva [Documents on the history of the Circassians of the 20s – 50s. XIX century (based on materials from the Central State Archives of the KBR). Comp. by Z.M. Kesheva]. Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2011. 203 p. (In Russ.).

ELPAT'EVSKII A.V. *Dokumentirovanie prokhozheniya gosudarstvennoi sluzhby v Rossii XVIII – XX vekov* [Documenting the passage of public service in Russia in the 18th – 20th centu-

ries]. In: Trudy Vserossiiskogo nauchno-issledovatel'skogo Instituta dokumentovedeniya i arkhivnogo dela. 1974. T. 5. Part 1. P. 146–205. (In Russ.).

EROSHKIN N.P. *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolutsionnoi Rossii. 4-e izd.* [History of state institutions of pre-revolutionary Russia. 4th ed.]. Moscow: Vyssh. shk., 1994. 357 p. (In Russ.).

ZAIONCHKOVSKII P.A. *Pravitel'stvennyi apparat samodержавnoi Rossii v XIX v.* [The government apparatus of autocratic Russia in the 19th century]. Moscow: Mysl', 1978. 288 p. (In Russ.).

IVANOV V.A. *Gubernskoe chinovnichestvo 50–60-kh gg. XIX v. v Rossii* [Provincial bureaucracy of the 50s–60s. XIX century in Russia]. Kaluga: KGPI, 1994. 231 p. (In Russ.).

IL'INA K.A. *Deloproizvodstvennaya dokumentatsiya kak istochnik izucheniya praktiki upravleniya rossiiskimi universitetami pervoi poloviny XIX veka: avtoref. dis. ... kand. ist. Nauk* [Office documentation as a source for studying the management practices of Russian universities in the first half of the 19th century]. Kazan', 2011. URL: <https://textarchive.ru/c-1946351.html> (access date: 13.11.2023). (In Russ.).

Istoriya deloproizvodstva v SSSR / Pod red. Ya.Z. Livshitsa, V.A. Tsikulina [History of office work in the USSR / Ed. Ya.Z. Livshits, V.A. Tsikulina]. Moscow: MGIAI, 1974. 170 p. (In Russ.).

KAROV A.KH. *Administrativno-territorial'nye izmeneniya v Kabarde i Balkarii v kontse XVIII – nachale XX vekov: dis. ... kand. ist. nauk* [Administrative-territorial changes in Kabarda and Balkaria in the late 18th – early 20th centuries]. Nalchik: El'brus, 2000. 202 p. (In Russ.).

KLYCHNIKOV YU.YU. *Rossiiskaya politika na Severnom Kavkaze (1827–1840 gg.): dis. ... dok. ist. nauk* [Russian policy in the North Caucasus (1827–1840)]. Pyatigorsk, 2004. 636 p. (In Russ.).

KOBAKHIDZE E.I. *Osetiya kontsa XVIII – nachala XX v.: opyt istoricheskogo vzaimodeistviya traditsionnogo i gosudarstvenno-administrativnogo upravleniya: diss. ... dok. ist. nauk* [Ossetia at the end of the 18th – beginning of the 20th century: the experience of historical interaction between traditional and state administrative management]. Vladikavkaz, 2010. 484 p. (In Russ.).

KOLOSOSKAYA T.A. *Rossiiskie voennye v intellektual'nom osvoenii Severnogo Kavkaza XVIII – nachala XX v.: avtoref. dis. ... dok. ist. nauk* [Russian military in the intellectual development of the North Caucasus in the 18th – early 20th centuries]. Stavropol', 2018. 51 p. (In Russ.).

KONKOVA A.YU. *Deloproizvodstvo gubernskikh kantselyarii XIX v.* [Office work of provincial offices of the 19th century]. In: Deloproizvodstvo. 1988. № 1. P. 94–100. (In Russ.).

KONKOVA A.YU. *Dokumenty o prokhozhenii gosudarstvennoi sluzhby XVIII – nachala XX v.* [Documents on public service in the 18th – early 20th centuries]. In: Deloproizvodstvo. 2000. № 2. P. 91–97. (In Russ.).

KORNEEV I.K., PSHENKO A.V., MASHURTSEV V.A. *Organizatsiya raboty s dokumentami* [Organization of work with documents]. Moscow: Infra-M, 2003. 592 p. (In Russ.).

KUZNETSOVA T.V. *Istoriya professii dokumentoveda v XIX – XX vv.* [History of the document specialist profession in the 19th – 20th centuries]. In: Deloproizvodstvo. 2003. № 1. P. 75–80. (In Russ.).

LIDZHIEVA I.V., KOGDANOVA B.V. *Deloproizvodstvennaya praktika upravleniya kalmytskim narodom* [Office practice of managing the Kalmyk people]. In: Oriental Studies. 2018;11(2):29-37. P. 30. (In Russ.).

LITVAK B.G. *Ocherki istochnikovedeniya massovoi dokumentatsii XIX – nachala XX v.* [Essays on source studies of mass documentation of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Nauka, 1979. 294 p. (In Russ.).

LITVAK B.G. *O zakonomernostyakh evolyutsii deloproizvodstvennoi dokumentatsii v XVIII – XIX vv.: k postanovke voprosa* [On the patterns of evolution of office documentation in the 18th – 19th centuries: towards posing the question]. In: *Problemy istochnikovedeniya istorii SSSR i spetsial'nykh istoricheskikh distsiplin* [Problems of source study of the history of the USSR and special historical disciplines]. Moscow: Nauka, 1984. P. 48–55. (In Russ.).

LIKHACHEV N.P. *Diplomatika: iz lektsii, chitannykh v Sankt-Peterburgskom Arkheologicheskom institute* [Diplomacy: from lectures given at the St. Petersburg Archaeological Institute]. St. Petersburg: Izd. slushatelei Instituta, 1901. 262 p. (In Russ.).

LOKHVITSKII A.V. *Guberniya, ee zemskie i pravitel'svennye uchrezhdeniya* [The province, its zemstvo and government institutions]. St. Petersburg, 1864. Part 1. 221 p. (In Russ.).

LUKASHEVICH A.A. *Razvitie gubernskoi deloproizvodstvennoi dokumentatsii 70–90-kh gg. XVIII v.: dis. ... kand. ist. nauk* [Development of provincial office documentation of the 70–90s. XVIII century]. Moscow, 1995. 242 p. (In Russ.).

MAGNITSKII M.L. *Kratkoe rukovodstvo k delovoi i gosudarstvennoi slovesnosti dlya chinnovnikov, vstupayushchikh v sluzhbu* [A brief guide to business and government literature for officials entering the service]. Moscow: Tip. Lazarevykh in-ta vost. yaz., 1835. 108 p. (In Russ.).

MAIOROV A.P. *Evolyutsiya deloproizvodstvennoi terminologii v XVIII v.: naimenovaniya registratsionnykh i drugikh dokumentov* [Evolution of office-work terminology in the 18th century: names of registration and other documents]. In: Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-deloproizvodstvennoy-terminologii-v-xviii-v-naimenovaniya-registratsionnykh-i-drugih-dokumentov> (access date: 13.11.2023). (In Russ.).

MALAKHOVA G.N. *Stanovlenie i razvitie rossiiskogo gosudarstvennogo upravleniya na Severnom Kavkaze v kontse XVIII – XIX vv.: diss. ... dok. ist. nauk.* [Formation and development of Russian state administration in the North Caucasus at the end of the 18th – 19th centuries]. Moscow, 2001. 503 p. (In Russ.).

MININKOVA L.V. L.V. *Cherepnin o moskovskom velikoknyazheskom arkhive XIV–XV vv.* [L.V. Cherepnin about the Moscow grand ducal archive of the 14th–15th centuries]. In: *Arkhivy i arkhivnoe delo na Yuge Rossii: istoriya, sovremennost', perspektivy razvitiya: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, IIMO YuFU* [Archives and archival science in the South of Russia: history, modernity, development prospects: Materials of the All-Russian Scientific Conference, Institute of International Relations of the Southern Federal University]. Rostov-na-Donu, 2015. P. 249–257. (In Russ.).

MITYAEV K.G. *Teoriya i praktika arkhivnogo dela* [Theory and practice of archival affairs] / Ed. I.L. Mayakovsky. Moscow: Tsentr. tip. im. Voroshilova, 1946. 247 p. (In Russ.).

MITYAEV K.G. *Istoriya i organizatsiya deloproizvodstva v dorevolyutsionnoi Rossii* [History and organization of office work in pre-revolutionary Russia] / Ed. A.V. Chernova; Moscow state history-archival institute. Moscow, 1959. 359 p. (In Russ.).

MORYAKOVA O.V. *Sistema mestnogo upravleniya pri Nikolae I* [Local government system under Nicholas I]. Moscow: MSU, 1998. 272 p. (In Russ.).

MURATOVA E.G. *Sotsial'no-politicheskaya istoriya Balkarii XVII – nachala XX v.* [Sociopolitical history of Balkaria in the 17th – early 20th centuries]. Nalchik: Respublikanskii poligraf-kombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2007. 419 p. (In Russ.).

MURATOVA E.G. *Russkie deloproizvodstvennye materialy XVII veka o Balkarii i balkartsakh* [Russian office materials of the 17th century about Balkaria and the Balkars]. In: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. № 1. P. 181–186. (In Russ.).

NAGOEVA R.R. *Transformatsiya soslovnoi struktury kabardintsev v 20–60-e gody XIX veka: dis. ... kand. ist. nauk* [Transformation of the class structure of Kabardians in the 20–60s of the 19th century]. Nalchik, 2009. 180 p. (In Russ.).

Narody Central'nogo Kavkaza v 40-h – nachale 60-h godov XIX veka. Sb. dok. mat-ov. V 2-h t. / Sost., pred., komm. P.A. Kuz'minov [Peoples of the Central Caucasus in the 40s – early 60s of the XIX century. Sat. doc. mats. In 2 volumes / Comp., prev., comm. by P.A. Kuzminov]. Moscow: Pomatur, 2005. Vol. 1. 368 p.; Vol. 2. 392 p.

OTEPOVA G.E. *Osobennosti form delovoi dokumentatsii na primere zakonodatel'nykh aktov Rossiiskoi imperii XVIII-XIX vekov Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Evropeiskaya nauka XXI veka – 2008». Praga, 16-31 maya 2008 g.* [Features of forms of business documentation on the example of legislative acts of the Russian Empire of the 18th-19th centuries

International scientific and practical conference “European science of the 21st century – 2008”. Prague, May 16-31]. URL: https://www.rusnauka.com/12_EN_2008/Istoria/31042.doc.htm (access date: 13.11.2023). (In Russ.).

PESTOVA O.A. *Problemy izucheniya deloproizvodstvennykh dokumentov normativnogo kharaktera v kachestve istoricheskikh istochnikov (na primere organov vnutrennikh del v sovetskii period)* [Problems of studying paperwork documents of a normative nature as historical sources (using the example of internal affairs bodies in the Soviet period)]. In: *Voprosy rossiiskoi yustitsii*. 2019. № 3. P. 73–85. (In Russ.).

PETROV A.N. *Materialy debatov Gosudarstvennoi Dumy pervogo sozyva (netraditsionnye metody istochnikovedcheskogo analiza): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Materials of debates of the State Duma of the first convocation (non-traditional methods of source analysis)]. Moscow, 1995. URL: <https://cheloveknauka.com/materialy-debatov-gosudarstvennoy-dumy-pervogo-sozyva-netraditsionnye-metody-istochnikovedcheskogo-analiza> (access date: 13.11.2023). (In Russ.).

PRIKHOD'KO I.N. *Zakonodatel'nye akty i deloproizvodstvennaya dokumentatsiya kak istoricheskii istochnik po nalogovoi politike pravitel'stva v pervoi chetverti XVIII veka: na primere Zapadnoi Sibiri: dis. ... kand. ist. nauk* [Legislative acts and office documentation as a historical source on government tax policy in the first quarter of the 18th century: the example of Western Siberia]. Chelyabinsk, 2010. 177 p. URL: <http://www.dslib.net/istorio-grafia/zakonodatelnye-akty-i-deloproizvodstvennaya-dokumentatsiya-kak-istoricheskij.html> (access date: 13.11.2023). (In Russ.).

RAFALYUK O.E. *Mezhdistsiplinarnye metody izucheniya proshlogo: primeneniye kontent-analiza v istoricheskikh issledovaniyakh* [Interdisciplinary methods of studying the past: the use of content analysis in historical research]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2015; (2-1). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20367> (access date: 13.11.2023). (In Russ.).

RUSAKOVA S.V. *Evolutsiya sistemy dokumentirovaniya deyatelnosti gubernskikh uchrezhdenii XVIII – nachala XIX vv.: po dokumentam Gosudarstvennogo arkhiva Tverskoi oblasti: dis. ... kand. ist. nauk* [The evolution of the system of documenting the activities of provincial institutions of the 18th – early 19th centuries: according to documents of the State Archive of the Tver Region]. Moscow, 2006. 222 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/evolyutsiya-sistemy-dokumentirovaniya-deyatelnosti-gubernskikh-uchrezhdenii-xviii-nachala-xi> (access date: 13.11.2023). (In Russ.).

RUSINA YU.A. *Metodologiya istochnikovedeniya* [Methodology of source study]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2015. 204 p. (In Russ.).

SELIVANOVA N.A. *Izdatel'skaya deyatelnost' severokavkazskikh gubernskikh i oblastnykh statisticheskikh komitetov (1868-1917 gg.): dis. ... kand. ist. nauk* [Publishing activity of North Caucasian provincial and regional statistical committees (1868-1917)]. Krasnodar, 2003. 230 c. URL: <http://www.dslib.net/dokument-informacia/izdatelskaja-deyatelnost-severokavkazskikh-gubernskikh-i-oblastnykh-statisticheskikh.html> (access date: 13.11.2023). (In Russ.).

SLUTSKII A.I., LUKOSHKINA E.V. *O nekotorykh vozmozhnostyakh ispol'zovaniya arkhivnykh fondov gosudarstvennykh uchrezhdenii v rekonstruktsii istorii knizhnogo dela Kubani* [On some possibilities of using archival funds of state institutions in reconstructing the history of the book business of Kuban]. In: *Arkhivy i arkhivnoe delo na Yuge Rossii: istoriya, sovremennost', perspektivy razvitiya: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, IIMO YuFU* [Archives and archival science in the South of Russia: history, modernity, development prospects: Materials of the All-Russian Scientific Conference, Institute of International Relations of the Southern Federal University]. Rostov-na-Donu, 2015. P. 104–110. (In Russ.).

SOKOVA A.N. *O sozdanii russkoi traditsionnoi formy dokumenta v deloproizvodstve gosuchrezhdenii XVIII – XIX vv.* [On the creation of the Russian traditional form of document in the office work of state institutions in the 18th – 19th centuries]. In: *Trudy VNIIDAD*. Moscow, 1974. T. V, Part 1. P. 206–236. (In Russ.).

TARSHIS E.YA. *Kontent-analiz: Printsipy metodologii. (Postroeniye teoreticheskoi bazy. Ontologiya, analitika i fenomenologiya teksta. Programmy issledovaniya)* [Content Analysis: Principles of methodology. (Construction of a theoretical base. Ontology, analytics and phenomenology of text. Research programs)]

ples of Methodology. (Building a theoretical base. Ontology, analytics and phenomenology of the text. Research programs)]. Moscow: LENAND, 2021. 174 p. (In Russ.).

KHRAMTSOV A.B. *Obyazatel'nye postanovleniya gorodskikh dum kak istochnik o normotvorcheskoi deyatel'nosti organov mestnogo samoupravleniya v 1870–1890-e gg. Po materialam Zapadnoi Sibiri* [Mandatory resolutions of city councils as a source on the rule-making activities of local governments in the 1870–1890s. Based on materials from Western Siberia]. In: Vestnik arkhivista. 2017. № 2. P. 25–37. (In Russ.).

SHEPELEV L.E. *Problemy istochnikovedcheskogo izucheniya deloproizvodstvennykh dokumentov v gosudarstvennykh uchrezhdeniyakh XIX–nach. XX vv.* [Problems of source study of office documents in state institutions of the 19th – early years. XX centuries]. In: Istochnikovedenie otechestvennoi istorii. Moscow: Nauka, 1976. P. 262–265. (In Russ.).

SHEPELEV L.E. *Nekotorye problemy istochnikovedcheskogo i istorikovspomogatel'nogo izucheniya deloproizvodstvennykh dokumentov KhIKh – nachala XX v.* [Some problems of source study and historical auxiliary study of office documents of the 19th – early 20th centuries]. In: Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. Leningrad: Nauka, Leningr. otd-nie, 1985. T. XVI. P. 31–61. (In Russ.).

SHEPELEV L.E. *Chinovnichii mir Rossii XVII – nachala XX v.* [Documents of office work of Russian government agencies of the 16th – 17th centuries]. St. Petersburg: Iskusstvo, 2001. 316 p. (In Russ.).

SHMIDT S.O. *Dokumenty deloproizvodstva pravitel'stvennykh uchrezhdenii Rossii XVI – XVII vv.* [Documents of office work of Russian government agencies of the 16th – 17th centuries]. Moscow: MGKUI, 1985. 102 p. (In Russ.).

YUMASHEVA YU.YU., ROMANOVA E.A., SAKHAROVA E.N., TARASOVA M.V. *Izuchenie tipologii i evolyutsii istoricheskikh form arkhivnoi uchetnoi dokumentatsii i vozmozhnosti ikh predstavleniya v elektronnoi srede. Analiticheskii obzor* [Study of the typology and evolution of historical forms of archival records and the possibility of their presentation in the electronic environment. Analytical review]. Moscow: VNIIDAD, 2014. 386 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.А. Журтова – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

A.A. Zhurtova – Candidate of Sciences (History), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 02.11.2023 г.; одобрена после рецензирования 20.11.2023 г.; принята к публикации 11.12.2023 г.

The article was submitted 02.11.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 11.12.2023.

Научная статья
УДК 94+39
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-261-276
EDN: JMALWQ

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРА И ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ У КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ КАВКАЗОВЕДЕНИИ

Владимир Николаевич Подгайный

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, podgainyy98@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется эволюция изучения проблемы гендерных отношений власти и подчинения в отечественном кавказоведении. Гендерное неравенство на Северном Кавказе всегда представляло большой интерес для российских ученых, что было связано с необходимостью получения наиболее полной информации о специфике региона, без чего было невозможно его гармоничное включение в общий российский правовой, экономический и социокультурный контекст. В дореволюционный период полученные знания были использованы для выбора Россией форм взаимодействия с представителями коренного населения. Новый импульс изучения данной проблемы отечественным кавказоведением был получен в советский период, что было связано с взятым курсом на построение принципиально нового советского общества, в котором дореволюционный быт представлялся преимущественно в «серых тонах». После распада СССР новое российское правительство взяло курс на построение нового российского общества на основах гуманности и либерализма, а также на пересмотр советской историографии. Кавказоведение стало более широко использовать зарубежные методологические достижения и осваивать неразработанные до этого аспекты рассматриваемой темы для получения объективного взгляда на гендерную асимметрию у народов Кавказа. Современными исследователями отмечаются не только отрицательные стороны дореволюционного быта, но и положительные, а также предпринимаются попытки изучения сущностных характеристик изучаемых явлений.

Ключевые слова: гендер, власть, гендерная асимметрия, семья, историография, кавказоведение.

Для цитирования: Подгайный В.Н. Историография проблемы гендера и властных отношений у кабардинцев и балкарцев в XIX – начале XX века в отечественном кавказоведении // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 261-276. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-261-276. EDN: JMALWQ.

© Подгайный В.Н., 2023

Original article

HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM OF GENDER AND POWER RELATIONS AMONG KABARDIANS AND BALKARS IN THE XIX – EARLY XX CENTURY IN THE RUSSIAN CAUCASIAN STUDIES

Vladimir N. Podgainui

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekova, Nalchik, Russia, podgainyy98@gmail.com

Abstract. This article analyses the evolution of studying gender power relations and subordination in national Caucasian studies. Gender inequality in the North Caucasus has always been of great interest to Russian scientists, as it was necessary to obtain the most complete information about the region's specifics, without which its harmonious inclusion in the overall Russian legal, economic, and socio-cultural context was impossible. During the pre-revolutionary period, the knowledge gained was used to build colonial policies. A new impetus for the study of this issue by national Caucasian studies was received in the Soviet period, which was associated with the course taken towards the construction of a fundamentally new Soviet society, painting pre-revolutionary life mainly in grey tones. After the collapse of the USSR, the new Russian government aimed to build a new Russian society based on humanity and liberalism, as well as to review Soviet historiography. Caucasian studies began to more widely utilise foreign methodological achievements and explore previously unexplored aspects of the topic to obtain an objective view of the gender asymmetry among the peoples of the Caucasus. Contemporary researchers observe not only the negative but also the positive features of pre-revolutionary life, and efforts are made to investigate the key characteristics of the phenomenon under study.

Keywords: Gender, power, gender asymmetry, family, historiography, Caucasian studies.

For citation: Podgainui V.N. Historiography of the problem of gender and power relations among kabardians and balkars in the XIX – early XX century in the Russian Caucasian studies. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 261-276. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-261-276. EDN: JMALWQ.

© Podgainui V.N., 2023

В современном российском научном и общественном дискурсе наблюдается повышенное внимание к вопросам гендерного неравенства на разных этапах исторического развития. Данная проблема актуализирована такими серьезными вызовами, стоящими перед государством, как: обеспечение устойчивости современных семей, поддержание естественного демографического роста, а также учет гендерных аспектов формирования национальной идентичности автохтонных народов Северного Кавказа и других регионов России. Решение данных проблем невозможно без глубокого анализа и учета уникальных особенностей каждого рассматриваемого региона

В настоящее время отсутствует комплексное исследование, посвященное анализу историографии проблемы гендерных отношений власти и подчинения у кабардинцев и балкарцев. Таким образом, целью данной статьи является систематизация результатов исследований в данной области с целью заполнения этого пробела в кавказоведении.

В данном исследовании для анализа концептуально-теоретической эволюции изучения рассматриваемой проблемы в отечественном кавказоведении мы применили диахронный метод.

Историографию проблемы можно условно разделить на дореволюционную, советскую и современную.

В дореволюционный период возросло внимание к изучению гендерной асимметрии в кабардинском и балкарском обществе. Это проявлялось в активном сборе этнографического и фольклорного материала как зарубежными, так и российскими исследователями.

В советский период, преодоление гендерного неравенства приобрело статус одного из важных политических приоритетов советского правительства, что обусловило интенсивный рост исследований, направленных на более глубокое изучение статуса женщин в среде горцев Северного Кавказа. Тем не менее, многие проблемные аспекты данной темы оставались нераскрытыми из-за отсутствия дифференцированных методологических подходов.

В конце 1990-х гг. в отечественном кавказоведении происходят серьезные сдвиги, выражающиеся в проведении непосредственных гендерных исследований, направленных на всесторонний анализ гендерных аспектов властных отношений и включают в себя применение различных методологических подходов. Появилось достаточно большое количество монографий, статей и диссертаций, которые были проведены с попытками применения самых различных современных методов. Однако обобщающего историографического обзора степени изученности проблемы гендера и властных отношений в культурах кавказских народов до сих пор нет.

Работы дореволюционного периода, посвященные повседневному быту кавказских народов, писались преимущественно в консервативном ключе, социально-политическое устройство и повседневный быт зачастую характеризуются как неразвитые. Это выражается в сравнениях автохтонов региона со средневековыми европейскими государствами или различные племена Америки.

Одним из первых научных исследований, посвященных гендерному аспекту властных отношений у кабардинцев и балкарцев, можно считать двухтомный труд Семена Броневского [Броневский 1999], вышедший в 1823 г., в котором предпринята попытка комплексного анализа различных сторон жизни рассматриваемых народов. В его работе представлены ценные сведения о возрастной стратификации, обычном праве, воспитании, семейного устройства праве заступничества женщин. Однако почерпнута информация была преимущественно от представителей привилегированных сословий, а крестьянская культура оказалась вне поля его зрения.

В 30-е гг. XIX в. С. Хан-Гирей написал записки о Черкесии, опубликованные затем в 1978 г. [Хан-Гирей 1978]. По мнению Хан-Гирея, положение между мужчиной и женщиной были регламентированы правилами приличия [Хан-Гирей 1978: 293], таким образом, автор предпринял попытку доказать, что подчиненность жены мужу не означала допустимость произвола с его стороны. Однако в основном им приводятся нормы этикета, бытующие у представителей местной аристократии.

Впервые в 1847 г. в газете «Закавказский вестник» были опубликованы выдержки из труда Шоры Бекмурзовича Ногмова. Ногмов одним из первых исследователей заявил о том, что положение женщины у адыгов в семье является «рабским» [Ногмов 1994: 68, 73].

Диаметрально противоположные точки зрения Хан-Гирея и Ногмова в какой-то степени породили дискуссию о положении женщины у адыгов. Дихотомия эта обусловлена фокусированием внимания на диаметрально противоположенных социальных явлениях – этикетных нормах, с одной стороны, а с другой – семейной организации. В условиях андроцентричности адыгских культур, женские возможности проявления своей субъектности были значительно меньше, чем мужские. Это обусловило предпочтительность точки зрения Ногмова авторами, имманентно или имплицитно выступавшими за преобразования горской действительности.

В 1855 г. в журнале «Москвитянин» выходит статья Василия Васильевича Швецова (1855) [Швецов 2010: 5-55], в которой дается общее описание горских народов. Давая детальное описание повседневного быта аборигенного населения региона, им оставлены ценные сведения о зональном делении пространства дома по половому признаку, полоролевом разделении труда [Швецов 2010: 14], о нормах общения между мужчинами и женщинами [Швецов 2010: 15].

Большое количество работ выходит в 60-70-е гг. XIX в. Появляются работы, в которых акцентируется внимание на обычном праве. Среди них выделяются труды Н.Ф. Грабовского, которые посвящены судебным преобразованиям, свадебным обычаям и традициям, последствиям крестьянской реформы 1860-х гг. [Грабовский 2008]. Работы Грабовского имеют зачастую описательный характер, однако содержат богатый этнографический материал, сыгравший большую роль в дальнейшем изучении проблемы.

Значительный вклад в развитие кавказоведения был сделан Леонтием Яковлевичем Люлье, российским этнографом. В 1862 г. Л.Я. Люлье написал статью, посвященную религиозным верованиям адыгов, в которой подробно описывались не только божества, но и традиционные магические практики [Люлье 1862: 121-137]. Эта работа является наиболее всесторонним исследованием религиозных аспектов культуры адыгов и расширяет наши знания о их традиционных обрядах и верованиях. Результаты исследования Люлье являются важным источником информации для дальнейшего изучения этнических и религиозных особенностей адыгского народа.

В 1871 г. была опубликована работа Н.Ф. Дубровина [Дубровин 1871], посвященная истории и этнографии народов Кавказа. В этом труде автор собрал и систематизировал имевшиеся на тот момент исторические и этнографические данные, включая подробное описание положения женщины в адыгском обществе. Работа Н.Ф. Дубровина представляет собой важный источник информации для изучения социальных структур и ролей женщин в адыгской культуре. Она позволяет более глубоко понять статус и функции женщин в традиционном адыгском обществе и изучить динамику социальных изменений.

В 1887 г. вышла работа М.М. Ковалевского «Закон и обычай на Кавказе». Он, с одной стороны, предпринял попытку исследовать систему обычного права кавказских народов в свете эволюционизма. Автор стремился раскрыть закономерности и изменения в обычном праве кавказских народов на основе стадийных моделей развития общественно-культурной эволюции. По мнению Ковалевского, существование экзогамных запретов, распространяющихся не толь-

ко на близких родственников, но и на членов всего рода, а также наличие обычаев взаимопомощи у народов Северного Кавказа – это рудименты матриархата [Ковалевский 1890: 11].

В 1892 г. в СМОМПК выходит статья В.Я. Тепцова «По истокам Кубани и Терека», в которой большое внимание уделяется социальной организации карачаево-балкарцев, положению женщины [Тепцов 1892: 59-212]. Эта работа имеет значительную историографическую ценность в изучении карачаево-балкарской культуры и социальной организации, а также положения женщины в данном социуме. Он отмечает, что внутри карачаевского социума женщина обладает высокой степенью личной свободы и не подвержена дискриминации или принижению. Более того, женщины имели право распоряжаться имуществом без посредничества мужчин [Тепцов 1892: 105].

В 1894 в газете «Горец» выходит статья Мисоста Абаева, посвященная пагубным последствиям сохранения высокой цены калыма у горцев. По его мнению, калым является серьезным бытовым злом, пагубно влияющим как на мужчин, так и на женщин [Биттирова 2007: 116], а в 1899 в газете Казбек выходит статья Басията Шаханова, в которой он высказывается о трудности отмены калыма, так как он возник естественным путем из обычая [Биттирова, Сабанчиев 2017: 104].

В 1910 г. выходит статья Е. Баранова в журнале Женское дело, в которой отмечается возрастание влияния движения за отмену калыма, что проявляется в неоднократных съездах доверенных и увеличением протестов со стороны молодежи [Баранов 1910: 15].

Во второй половине XIX в. остро встает вопрос о сокращении калыма. В 1911 г. в журнале Мусульманин выходит статья С. Озрокова «Калым у кабардинцев Терской области». В данной статье приводятся аргументы в пользу снижения калыма, который становится бременем для большей части населения Кабарды [Озроков 2005: 40]. В 1913 г. выходит статья С. Сиюхова «Долой калым», в которой автор высказывается за законодательную отмену калыма, который приводит к учащению насильственной выдаче замуж женщин, морально-нравственной деградации народа [Сиюхов 1997: 198].

Таким образом, в дореволюционный период происходит бурный рост становление отечественной этнографии, которое характеризуется пристальным вниманием к северокавказскому региону. Следствием этого процесса является сбор большого объема эмпирического материала о культуре и повседневном быте кабардинцев и балкарцев.

С 1920-х гг. в советской историографии проводятся исследования, в которых глубоко анализируются социальные явления и процессы. В период с 1920-х по 1970-е гг. доминировала концепция рабского положения женщины или приниженого положения женщины в дореволюционный период, что было связано с общей идеологической атмосферой, которая существовала в государстве и обществе, согласно которой, советский человек – это смелый первопроходец, создатель новых прогрессивных ценностей, отличных от предыдущих негуманных и «темных».

Первые работы М.О. Косвена, посвященные проблеме матриархата, начинают выходить еще в конце 1920-х гг., в которых он попытался объединить археологические, исторические, этнографические и лингвистические данные для понимания происхождения матриархата и его сущности. В своих самых ранних работах Косвен, привлекая северокавказский материал, пытается обосновать историческую первичность матриархата как формы организации общества.

В работе «Этнография и история Кавказа» он уделит внимание распределению властных отношений в семье. Косвен пришел к выводу, что имеющийся источниковый материал позволяет сделать общие выводы относительно семейной общины, но не позволяет провести их детальное исследование [Косвен 1961].

В другой работе «Семейная община и патронимия» им уделено большое внимание патронимии у народов Кавказа, в частности у кабардинцев и балкарцев. Согласно его источникам, в патронимии, как и в семье, большое внимание играло старшинство, что выражалось в руководстве патронимией главой старшей семьи [Косвен 1963: 201]. Стоит отметить, что несмотря на риторику о жестких патриархальных порядках, Косвен отмечает ряд фактов, говорящих о том, что женщина у кабардинцев и балкарцев играла в семье не последнюю роль и не была абсолютно бесправной.

Многолетние исследования Косвена в области истории и этнографии Кавказа ценны, так как они предоставляют информацию о развитии общественных форм и отношений у местных народов региона. Его работы имеют методологическое значение и дополняют нашу картину истории Кавказа, а также способствуют развитию более глубоких исследований в этой области.

Вопросы, касающиеся большой семьи и ее организации у кабардинцев, были затронуты и Е.Н. Студенецкой [Студенецкая 1950: 176–181] в статье, опубликованной в «Советской этнографии». В ее основе лежал богатый этнографический материал, собранный в 1947–48 гг. на Центральном Кавказе и позволяющий утверждать о сохранении значительного числа больших семей у кабардинцев вплоть до 1940-х гг. Подобные материалы о структуре семейной организации, имеющие хронологическую определенность и изученные с научной точки зрения, позволяют современным исследователям делать выводы о властно-подчиненных отношениях в традиционной и посттрадиционной кавказской семье.

Социально-экономические отношения и обычное право балкарцев были проанализированы К.Г. Азаматовым [Азаматов 1968], в работе, опубликованной в 1968 г. Автором была рассмотрена сословная структура балкарцев, система композиций, внутрисемейная организация и т.д. Азаматов подчеркивает важность выбора в соприсяжники дяди по матери или родственников по женской линии (племянников), однако сама женщина у балкарцев в соприсяжники не допускалась. Лишь под влиянием шариата женщины стали допускаться к соприсяжничеству с ограничениями [Азаматов 1968: 79].

Во главе семейной общины стоял старший мужчина, но в редких случаях это могла быть женщина. Глава семьи определял вектор развития всей семьи, а его жена - весь спектр работ женской половины дома [Азаматов 1968: 82]. По мнению автора, большей свободой женщина пользовалась в малой семье [Азаматов 1968: 85].

В 1980-е гг. начинается постепенный отход от концепции рабского положения в семье. Подчеркивается наличие у женщины различных формальных и неформальных каналов влияния в семье и обществе.

В первой половине 1980-х гг. активизируются исследования традиционной северокавказской семьи. В 1982 г. выходит в труд А.И. Мусукаева «О Балкарии и балкарцах» [Мусукаев 1982], в котором предпринята попытка комплексного анализа социального строя балкарцев. По его мнению, балкарскую семью в дореволюционный период отличала деспотическая власть отца, который считался хранителем культа предков [Мусукаев 1982: 68]. Женщина находилась под защитой своей семьи, поэтому муж нес за нее ответственность, а с распространением ислама она получила право на наследование земли [Мусукаев 1982: 72]. В домашнем хозяйстве жена главы семьи имела независимость [Мусукаев 1982: 113], т.е. сама руководила деятельностью женской половины.

В 1983 г. Я. Смирнова [Смирнова 1983] провела обобщающее исследование семейного быта народов Северного Кавказа в контексте современных ей изменений. Целью исследования являлось выяснить современные и традиционные черты семейного быта указанных народов.

В этом же году в журнале Советская этнография выходит статья Б.Х. Бгажнокова «Организация пространства и этикет» [Бгажноков 1983: 37-49], в которой основное внимание уделено проксемическому общению у адыгов. Автор отмечает, что в структуре пространства женщинам отводилась вторичная (непрестижная) его часть. Так, при обычаях избегания, лицевой части дома заходили только мужчины, тогда как женщины всегда со строго противоположной стороны, таким образом, подчеркивалось подчиненное положение женщины в семье [Бгажноков 1983: 40].

М. Меретуковым [Меретуков 1987] были проанализированы семейно-брачные отношения, а также предложен новый взгляд на сущность калыма. По его мнению, калым выступал «платой» за невесту де-факто, тогда как в народном сознании присутствовало представление о нем как о «подарке» за воспитание невесты [Меретуков 1987: 173].

Важный вклад в изучение социального статуса и правового положения женщины внес Х.М. Думанов. Данный аспект проблемы был рассмотрен им в трудах, посвященных имущественному праву кабардинцев в XIX–XX вв. [Думанов 1976] и их социальной структуре [Думанов 1990]. Изучая организацию семьи у кабардинцев в дореволюционный период, автор пришел к выводу, что кабардинская большая семья практически не отличалась от отцовской патриархальной семьи, это гарантировалось нормами феодального права и шариатом [Думанов 1990: 38].

По мнению Х.М. Думанова, несмотря на закрепленное в феодальном праве право главы семьи на повелевающее распоряжение имущества, отсутствие завещаний говорит о том, что он был ограничен в вопросе раздела имущества [Думанов 1990: 69].

Х.М. Думанов подчеркивает изменение статуса женщины в адыгском обычном праве. Так, несмотря на существенные ограничения в отношении женщин в наследовании общесемейного имущества, вдовы, имевшие детей, могли прини-

мать в нем участие вместе с женатыми братьями, а повторный брак с неженатыми братьями мужа для нее уже был необязательным [Думанов 1990: 100].

В 1990-2000 гг. начинаются специальные исследования гендерных отношений. Данная проблема отражена в трудах Л.Х. Сабанчиевой, занимавшейся изучением с гендерных позиций обычного права кабардинцев. По мнению Л.Х. Сабанчиевой, обычное право не открывало кабардинским женщинам доступ к официальным институтам власти или наследованию недвижимого имущества, но существовали неявные каналы женского влияния, позволявшие им проявлять свою волю. Гендерные отношения у кабардинцев постепенно трансформировались под влиянием шариата, приведя к ухудшению положения женщины [Сабанчиева 2005: 33]. Л.Х. Сабанчиева пришла к выводу, что в традиционном адыгском обществе гендерная дифференциация пронизывала все институты, жестко закрепляя подчиненное положение женщины по отношению к мужчине. В монографии «Семья и семейная обрядность кабардинцев: между традицией и модернизацией» Сабанчиева отмечает, что калым в полной мере не исчез в плоть до XXI в. [Сабанчиева 2015: 94].

М.А. Текуева в работе «Мужчины и женщины в адыгской культуре: традиции и современность» (2006) [Текуева 2006] предприняла комплексный анализ гендерных отношений в традиционном адыгском обществе. Согласно ее исследованиям, в традиционном адыгском обществе существовала жесткая гендерная иерархия, а мужчины занимали доминирующее положение в обществе. Однако М.А. Текуева отмечает большую роль женщин в приватном пространстве. Они занимались различными традиционными женскими ремеслами, играли важную роль в воспитании детей. Ею отмечено наличие рудиментарных элементов матриархата, проявлявшихся в фольклоре, мифологии, доисламских религиозных верованиях, а также в институте искусственного родства. В целом М.А. Текуева описывает гендерную систему власти и подчинения в традиционном адыгском обществе как сложную и многоаспектную, которая имела как положительные, так и отрицательные стороны.

Вопрос эволюции правовой культуры также не угас в современной кавказологии. И.Л. Бабич в 2000 г. [Бабич 2000] было проведено исследование эволюции правовой культуры адыгов. По мнению автора, ко второй половине XIX в. произошла трансформация адыгской правовой культуры. Женщины и дети, как правило, в данный период уже не становились объектом кровной мести даже в том случае, если они были вовлечены в конфликт. В этот же период происходит постепенное внедрение норм шариата, однако они применялись преимущественно при разводе и разделе имущества.

М.Ч. Кучмезовой было проведено исследование, посвященной соционормативной культуре балкарцев [Кучмезова 2003]. Рассмотрев социальное положение различных половозрастных групп, она пришла к выводу о высокой степени геронтократичности балкарского общества.

Большой интерес представляют для нас работы Ю.Ю. Карпова «Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа» [Карпов 1997] и «Женское пространство в культуре народов Кавказа» [Карпов 2013]. В первой предпринята попытка анализа феномена мужских союзов в традициях

народов Кавказа, их истории и значения в социально-политической и обрядово-культурной сфере. Во второй же работе им проведено исследование женской субкультуры в традиционных обществах народов Кавказа. В ней автор пришел к выводу, что в культуре народов Кавказа имела очевидный мужской облик, но женское не столько оставалось в тени или подчинении, сколько формировалось и жило по своим правилам, отличным от мужских.

Отдельные аспекты изучаемой темы были рассмотрены в трудах Г. Мамбетова, осветившего в своей работе взаимоотношения между половозрастными группами в производственных объединениях [Мамбетов 2006].

Ментальные аспекты кабардинской культуры (адыгской в целом), кабардинская культура воспитания были рассмотрены С.Х. Мафедзевым, И.И. Маремшаовой, Б.Х. Бгажноковым.

С.Х. Мафедзев основное свое внимание сконцентрировал на культуре воспитания, попытался продемонстрировать ее связь с «адыгэ хабзе» [Мафедзев 1991]. Б.Х. Бгажноковым в ряде работ предпринята попытка более глубоко, чем прежде, изучения менталитета адыгов и попытка показать его как некую целостную философскую систему, а также изучены вопросы семьи, гендерной дифференциации общества. В «Черкесские игрища» [Бгажноков 1991], были рассмотрены ментальные аспекты адыгской культуры и адыгский этикет. В работе «Социальная организация семьи» [Бгажноков 2010] он попытался проанализировать статусные роли в семье. Он подчеркивает, что несмотря на патриархальные порядки, женщина выступала как главный организатор внутрисемейных связей и отношений. К особенностям работ Бгажнокова можно отнести их внеисторичность, они носят скорее этнографический характер. Анализ статусов мужчин и женщин в семье им был дан, по сути, исходя из теории Т. Парсонса, согласно которой мужчина выполняет в семье инструментальную функцию, а женщина – экспрессивную. И.И. Маремшаовой были проанализированы особенности проявления менталитета в семейно-бытовой сфере, его трансформация в процессе исторического развития [Маремшаова 1999].

Важную роль в гендерных исследованиях играют работы, посвященные политической культуре. Потестарно-политической культуре карачаево-балкарцев посвящена диссертация Р.Т. Хатуева [Хатуев 2000], в которой автор указывает на наличие права участия в публичных институтах власти не только мужчин, но и женщин.

Вопросы исторической динамики традиционных гендерных отношений у народов Северного Кавказа с психолого-антропологической перспективы были проанализированы З.В. Шорановой. Уделив большое внимание этнопедагогике, она пришла к выводу, что в процессе воспитания гендерные стереотипы были тесно связаны с этнической идентичностью автохтонных народов, что выражалось в закреплении за абстрактной «средней личностью» набора специфических гендерных характеристик [Шоранова 2010: 14].

В русле политической антропологии написана монография Ю.Д. Аначабадзе «Политическая культура адыгов» [Аначабадзе 2012]. Автором указывается жестко патриархальный характер публичных институтов власти адыгов, который полностью исключал участие в них женщин.

Л.Х. Гукетлова рассмотрела эмансипацию женщины в Кабардино-Балкарии в советский период. Влияние российской империи на положение женщины она характеризует как прогрессивное, что выразилось в вытеснении российским правом обычное права и шариата [Гукетлова 2012: 44].

А.Х. Абазов исследовал соционормативную культуру кабардинцев. В статье, посвященной юридической антропологии кабардинцев, им были рассмотрены формы наказания за девиантное поведение, применяемые в отношении женщин [Абазов 2009]. Изучая влияние имперских судебных преобразований в XIX в., он характеризует их как некую эмансипацию, способствовавшую вхождению кабардинки в публичное пространство [Абазов 2013].

Д.Н. Прасоловым в статье «Калым и проблемы воспроизводства социокультурной идентичности кабардинцев в конце XIX–нач. XX в.» калым кабардинцев был рассмотрен как социокультурное явление, значение которого выходит за рамки материальной компенсации за утрату рабочих рук родителям девушки. В последней четверти XIX в. он превращается в средство повышения своего социального статуса, чем было обусловлено сохранение его высокой низкой планки [Прасолов 2013: 162].

Определенный интерес представляют труды З.А. Кучуковой и Л.Ф. Хараевой, анализировавших гендерный аспект нартского эпоса и песенного фольклора. По мнению исследователей, идеализируемые женщины в песенном фольклоре кабардинцев действовали в соответствии патриархальной моделью поведения [Кучукова, Хараева 2018: 48]. В статье, посвященной нартскому эпосу, З.А. Кучукова приходит к выводу, что нартский эпос кабардинцев отражает существование в прошлом у них элементов матриархата, а также на высокий статус женщины в данном обществе [Кучукова 2013: 90].

Некоторые аспекты гендерных отношений отражены в коллективном труде «Карачаевцы. Балкарцы» (2014). Отмечается большая роль искусственного родства в балкарском обществе. Так, через повивальное родство расширялись социальные связи семьи. Стремлением установить выгодные связи был обусловлен тот факт, что повитуху в балкарском обществе старались искать из дворянской семьи [Карачаевцы. Балкарцы: 339].

В данном же русле была написана работа З.Х. Кумаховой. Выбрав в качестве генерального метода исследования феноменологический подход, была предпринята попытка реконструкции через косвенные данные женской картины мира адыгской женщины в XIX – начале XX в. З.Х. Кумахова пришла к выводу об отражении в фольклорных материалах имплицитных феноменов сознания. Так, если мужское сознание конструировалось вокруг феномена чести, то женское сознание конструировалось вокруг феномена любви. Это выразилось в колыбельных песнях, песнях платчах и т.д., которые были направлены на альтруистическое воспитание мужчин и женщин и играли существенную роль в социализации мужчин и женщин [Кумахова 2021: 121].

Большой вклад в историографию проблемы внесен С.И. Аккиевой. В исследовании, проведенном Аккиевой (2021), изучено изменение традиционной культуры балкарцев в период с XX по начало XXI в. В своей работе Аккиева отмечает, что в рамках традиционной балкарской семьи важную роль играла

женщина-мать семейства. Она выполняла интегрирующую функцию и обладала авторитетом, равным авторитету ее мужа [Аккиева 2021: 113].

Различные аспекты соционормативной культуры были затронуты в коллективной монографии «Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги» [Адыги 2022].

Роль женщин в политической жизни Кабарды и Балкарии была проанализирована Д.Н. Прасоловым. По его мнению, традиционная политическая культура праздника способствовала повышению политического имиджа Кабарды и Балкарии, и в ней своя роль отводилась в том числе и женщинам [Прасолов 2022: 131].

В целом несмотря на наличие большого пласта исследований, посвященных гендерным аспектам властных отношений, различных трудов, содержащих информацию по рассматриваемой проблеме, они носят неравномерный характер.

В дореволюционный период усилиями исследователей из среды автохтонных народов региона сформировались две основные парадигмы, сквозь призму которых происходил анализ положения женщины в кабардинском обществе. Первая парадигма, сформулированная Ногмовым, акцентировала внимание на социальных институтах, принижавших статус женщины в кабардинском обществе. Вторая парадигма представлена исследованием Хан-Гирея и предполагает учет более широкого социокультурного контекста при рассмотрении статуса женщины.

В советский период лейтмотивом в исследованиях стал тезис о приниженном положении женщины. Несмотря на отсутствие идейной альтернативы, проводится большое количество исторических и этнографических исследований, посвященных культуре и быту, внутрисемейным отношениям кабардинцев и балкарцев, что позволило углубить понимание многих социальных явлений.

Современная историография стремится к синтезу лучших достижений дореволюционного и советского периода, а также к заполнению белых пятен путем проведения исследований с применением новейших методологических достижений гуманитарных наук. Положение мужчин и женщин определяется как динамичное, что связано с деятельностью России на Кавказе. Подчеркивается амбивалентность статуса женщины. Усиливается стремление к изучению культурно-психологических аспектов гендерных отношений власти и подчинения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2009 – *Абазов А.Х.* К вопросу о формировании понятийного аппарата юридической антропологии кабардинцев // Актуальные проблемы истории и этнографии Кавказа: Сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. – Нальчик, 2009. – С. 244–275.

Абазов 2013 – *Абазов А.Х.* Гендерный элемент соционормативной культуры кабардинцев (по материалам кабардинского временного суда (1822-1858 гг.)) // – Вестник РУДН. – 2013. – № 2. – С. 87-97.

Адыги 2022 – Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / отв. ред. А.Х. Абазов, Ю.Д. Анчабадзе, А.В. Кушхабиев, М.М. Паштова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Кабардино-Балкарский научный центр РАН; Адыгейский республиканский ин-т гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. – М.: Наука, 2022. – 870 с.

Азаматов 1968 – *Азаматов К.Г.* Социально-экономическое и обычное право балкарцев в первой половине XIX века. – Нальчик: Каб. балк. книж. изд-во., 1968. – 108 с.

- Аккиева 2021 – *Аккиева С.И.* Традиционная культура балкарцев в условиях трансформационных изменений XX – начала XXI в. – Нальчик: Принт Центр, 2021. – 288 с.
- Аначабадзе 2012 – *Аначабадзе Ю.Д.* Политическая культура адыгов: традиционные институты и их эволюция (вторая половина XIX в. – 1920-е годы). – М.: ИАЭ РАН, 2012. – 340 с.
- Баранов 1910 – *Баранов Е.* К вопросу о борьбе с рабством женщины (письмо с Северного Кавказа) // Женское дело. – М., 1910. – № 11-12. – С. 14–15.
- Бабич 2000 – *Бабич И.Л.* Правовая культура адыгов: история и современность: дисс. д.и.н. – Москва, 2000. – 239 с.
- Бгажноков 1983 – *Бгажноков Б.Х.* Организация пространства и этикет // Советская этнография. – 1983. – №4. – С. 37-49.
- Бгажноков 1991 – *Бгажноков Б.Х.* Черкесские игрища. – Нальчик: Госкомиздат КБАССР, 1991. – 190 с.
- Броневский 1999 – *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 224 с.
- Биттирова 2018 – *Биттирова Т.Ш.* Б.Ш. Шаханов. Жизнь и творчество (Исследование, тексты). – Нальчик: Печатный двор, 2018. – 336 с.
- Биттирова, Сабанчиев 2017 – *Биттирова Т.Ш., Сабанчиев Х.-М.А.* Мисост Абаев: историк, публицист, общественный деятель. – Нальчик: Печатный двор, 2017. – 224 с.
- Грабовский 2008 – *Грабовский Н.Ф.* Присоединение Кабарды к России и ее борьба за независимость / Сост. сборника, авторы предисловия и статьи П.А. Кузьминов и Б.К. Мальбахов. – Нальчик: Эль-Фа, 2008. – 467 с.
- Гукетлова 2012 – *Гукетлова Л.Х.* Эмансипация женщин Кабардино-Балкарии в годы советской модернизации (20–30-е гг. XX в.): дисс. к.и.н. – Нальчик, 2012. – 198 с.
- Дубровин 1871 – *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. – СПб: Типография департамента уделов, 1871. – 641 с.
- Думанов 1990 – *Думанов Х.М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Первая половина XIX века. – Нальчик: Эльбрус, 1990. – 262 с.
- Карачаевцы. Балкарцы 2014 – *Карачаевцы. Балкарцы* / Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева. – Москва: Федеральное государственное унитарное предприятие "Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр "Наука", 2014. – 815 с.
- Карпов 1997 – *Карпов Ю.Ю.* Джигит и Волк: мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. – СПб: МАЭ РАН, 1997. – 313 с.
- Карпов 2013 – *Карпов Ю.Ю.* Женское пространство в культуре народов Кавказа. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2013. – 408 с.
- Косвен 1961 – *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1961. – 260 с.
- Косвен 1963 – *Косвен М.О.* Семейная община и патронимия. – М.: Издательство АН СССР, 1963. – 219 с.
- Кумахова 2021 – *Кумахова З.Х.* Картина мира и горизонт повседневности черкешенки XIX–начала XX в.: дисс. к.и.н. – Нальчик, 2021. – 209 с.
- Кучмезова 2003 – *Кучмезова М.Ч.* Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 210 с.
- Кучукова 2013 – *Кучукова З.А.* Кабардинский нартский эпос: гендерный аспект // Культурная жизнь Юга России. – 2013. – № 4. – С. 89-91.
- Кучукова, Хараева 2018 – *Кучукова З.А., Хараева Л.Ф.* Гендер и этногендер. – Нальчик: Издательская типография «Привет Центр», 2018. – 192 с.
- Люлье 1862 – *Люлье Л.Я.* Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкес // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества (ЗКОИРГО). – Тифлис, 1862. Кн. IV. – С. 121–137.
- Мамбетов 2006 – *Мамбетов Г.Х.* Из истории культуры и быта кабардинцев и балкарцев. (начало XVII–70-е годы XX в.). – Нальчик: Эльбрус, 2006. – 244 с.

Маремшаова 1999 – *Маремшаова И.И.* Менталитет в семейных и общественных традициях: Кабарда, Балкария, Карачай. – Нальчик: Книга, 1999. – 236 с.

Мафедзев 1991 – *Мафедзев С.Х.* Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 253 с.

Меретуков 1987 – *Меретуков М.А.* Семья и брак у адыгских народов. – Майкоп: Адыг. отдел. Краснодар. книж. издательство, 1987. – 368 с.

Мусукаев 1982 – *Мусукаев А.И.* О Балкарии и балкарцах. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 183 с.

Ногмов 1958 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа: Сост. по преданиям кабардинцев / Вступ. ст. и подгот. текста Т. Х. Кумыкова. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 231 с.

Озроков 2005 – *Озроков С.* Калым у кабардинцев Терской области // Адыгская публицистика конца XIX – начала XX века (Избранное) / Сост. Р.Х. Хашхожева. Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 180 с.

Прасолов 2013 – *Прасолов Д.Н.* Калым и проблемы воспроизводства социокультурной идентичности кабардинцев в конце XIX – нач. XX в. // Российская гендерная история с "Юга" на "Запад": Прошлое Определяет Настоящее. Материалы VI международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Том 2. 2013. – С. 162–164.

Прасолов 2022 – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в политической культуре кабардинцев и балкарцев. – Нальчик: Принт Центр, 2022. – 240 с.

Сабанчиева 2005 – *Сабанчиева Л.Х.* Гендерный фактор традиционной культуры кабардинцев. Вторая половина XVI–60-е годы XIX века. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 243 с.

Сабанчиева 2015 – *Сабанчиева Л.Х.* Семья и семейная обрядность кабардинцев: между традицией и модернизацией. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. – 180 с.

Сиюхов 1997 – *Сиюхов С.Х.* Избранное. – Нальчик: Эль-Фа, 1997. – 417 с.

Смирнова 1983 – *Смирнова Я.С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX–XX в.). – М.: Наука, 1983. – 263 с.

Студенецкая 1950 – *Студенецкая Е.Н.* О большой семье у кабардинцев в XIX в. // Советская этнография, – 1950. – № 2. – С. 176–181.

Текуева 2006 – *Текуева М.А.* Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиция и современность. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – 260 с.

Тепцов 1892 – *Тепцов В.Я.* По истокам Кубани и Терека // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1892. – С. 59-212.

Хан-Гирей 1978 – *Хан-Гирей С.* Записки о Черкесии. – Нальчик: Эльбрус, 1978 г. – 335 с.

Швецов 2010 – *Швецов В.* Очерк о кавказских горских племенах, с их обрядами и обычаями в гражданском, воинственном и домашнем духе // Кавказ: культы, легенды, предания. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. – С. 5-55.

Шоранова 2010 – *Шоранова З.В.* Гендерное равенство в культурно-историческом развитии народов Северного Кавказа: автореф. дисс. к.и.н. – Нальчик, 2010. – 22 с.

REFERENCES

ABAZOV A.KH. *K voprosu o formirovanii ponyatiynogo apparata yuridicheskoy antropologii kabardintsev* [On the question of the formation of the conceptual apparatus of legal anthropology of Kabardians]. IN: *Aktualnyye problemy istorii i etnografii Kavkaza: Sbornik statey k 60-letiyu V.Kh. Kazharova.* – Nalchik. 2009. – P. 244–275. (In Russ).

ABAZOV A.KH. *Gendernyy element sotsionormativnoy kultury kabardintsev (po materialam kabardinskogo vremennogo suda (1822-1858 gg.))* [Gender element of the socionormative culture of Kabardians (based on the materials of the Kabardian Provisional Court (1822-1858 years))]. IN: *Vestnik RUDN.* – 2013. – № 2. – P. 87-97. (In Russ).

ADYGI: *Adygejcy. Kabardincy. CHerkesy. SHapsugi* [Adygi: Adygea. Kabardians. Circassians] / otv. red. A.H. Abazov, YU.D. Anchabadze, A.V. Kushkhabiev, M.M. Pashtova; In-t etnologii

i antropologii im. N.N. Mikluho-Maklaya RAN; Kabardino-Balkarskij nauchnyj centr RAN; Adygejskij respublikanskij in-t gumanitarnyh issledovanij im. T.M. Kerasheva. – M.: Nauka, 2022. – 870 p. (In Russ).

ANACHABADZE YU.D. *Politicheskaya kultura adygov: traditsionnyye instituty i ikh evolyutsiya (vtoraya polovina XIX v. – 1920-e gody)* [Political Culture of the Adygs: Traditional Institutions and their Evolution (second half of the XIX century – 1920s)]. – M.: IAE RAN. 2012. – 340 p. (In Russ).

AKKIEVA S.I. *Tradicionnaya kul'tura balkarcev v usloviyah transformacionnyh izmenenij XX – nachala XXI v.* [The traditional culture of the Balkars in the context of transformational changes of the XX – beginning of the XXI century]. – Nal'chik: Print Centr, 2021. – 288 p. (In Russ).

AZAMATOV K.G. *Sotsialno-ekonomicheskoye i obychnoye pravo balkartsev v pervoy polovine XIX veka.* [Socio-economic and customary law of the Balkars in the first half of the XIX century]. – Nalchik: Kab. balk. knizh. izd-vo, 1968. – 108 p. (In Russ).

BABICH I.L. *Pravovaya kultura adygov: istoriya i sovremennost: diss. ... d.i.n* [Legal culture of the Adygs: history and modernity]. – Moskva. 2000. – 239 p. (In Russ).

BITTIROVA T.SH. *B.SH. SHahanov. ZHizn' i tvorchestvo (Issledovanie, teksty)* [B.Sh. Shakhanov. Life and Creativity (Research, Texts)]. – Nal'chik: Pechatnyj dvor, 2018. – 336 p. (In Russ).

BITTIROVA T.SH., SABANCHIEV H.-M.A. *Misost Abaev: istorik, publicist, obshchestvennyj deyatel'* [Misost Abaev: historian, publicist, public figure]. – Nal'chik: Pechatnyj dvor, 2017. – 224 p. (In Russ)

BGAZHOKOV B.KH. *Organizatsiya prostranstva i etiket* [Organization of space and etiquette]. IN: *Sovetskaya etnografiya.* – 1983. – №4. – P. 37-49. (In Russ).

BGAZHOKOV B.KH. *Cherkesskoe igrishche* [Circassian merrymaking]. – Nalchik: Goskomizdat KBASSR. 1991. – 190 p. (In Russ).

BRONEVSKIY S. *Noveyshiye geograficheskiye i istoricheskiye izvestiya o Kavkaze* [The latest geographical and historical news about the Caucasus]. – Nalchik: El-Fa. 1999. – 224 p. (In Russ).

DUBROVIN N. F. *Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze* [History of the War and Russian rule in the Caucasus]. T. 1. – SPb: Tipografiya departamenta udelov. 1871. – 641 p. (In Russ).

DUMANOV KH.M. *Obychnoye imushchestvennoye pravo kabardintsev. Vtoraya polovina 19-nachalo 20 veka.* [The usual property law of Kabardians. The second half of the 19th-the beginning of the 20th century.] – Nalchik: Elbrus. 1976. – 140 p. (In Russ).

DUMANOV KH.M. *Sotsialnaya struktura kabardintsev v normakh adata. Pervaya polovina XIX veka.* [The social structure of Kabardians in the norms of data. The first half of the XIX century] – Nalchik: Elbrus. 1990. – 262 p. (In Russ).

GRABOVSKIY N.F. *Prisoyedineniye Kabardy k Rossii i eye borba kha nezavisimost / Sost. sbornika. avtory predisloviya i stati P.A. Kuzminov i B.K. Malbakhov.* [Kabarda's accession to Russia and the struggle for independence] – Nalchik: El-Fa. 2008. – 467 p. (In Russ).

GUKETLOVA L.KH. *Emansipatsiya zhenshchin Kabardino-Balkarii v gody sovetskoy modernizatsii (20–30-e gg. XX v.)* [Emancipation of women of Kabardino-Balkaria during the years of Soviet modernization (20-30s of the XX century)]: diss. ... k.i.n. – Nalchik. 2012. – 198 p. (In Russ).

KARACHAEVTSY. BALKARTSY [Karachays. Balkars] / Institut ehtnologii i antropologii imeni N.N. Miklukho-Maklaya RAN; Karachaevo-CHerkesskij gosudarstvennyj universitet imeni U.D. Alieva. – Moskva: Federal'noe gosudarstvennoe unitarnoe predpriyatie "Akademicheskij nauchno-izdatel'skij, proizvodstvenno-poligraficheskij i knigorasprostranitel'skij tsentr "Nauka", 2014. – 815 p.

KARPOV YU.YU. *Dzhigit i Volk: muzhskiy soyuz v sotsiokulturnoy traditsii gortsev Kavkaza* [Dzhigit and wolf: male unions in the socio-cultural tradition of the Caucasian Highlanders]. – SPb: MAE RAN. 1997. – 313 p. (In Russ).

KARPOV YU.YU. *Zhenskoye prostranstvo v kulture narodov Kavkaza* [Women's space in the culture of the peoples of the Caucasus]. – Nalchik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh. 2013. – 408 p. (In Russ).

KHAN-GIREY S. *Zapiski o Cherkesii* [Zapiski o Czerkiesji]. – Nalchik: Elbrus. 1978. – 335 p. (In Russ).

KOSVEN M.O. *Etnografiya i istoriya Kavkaza* [Ethnography and history of the Caucasus]. – M.: Izd-vo Vostochnoy literatury. 1961. – 260 p. (In Russ).

KOSVEN M.O. *Semeynaya obshchina i patronimiya* [Family community and patronymic]. – M.: Izdatelstvo AN SSSR. 1963. – 219 p. (In Russ).

KUCHMEZOVA M.CH. *Sotsionormativnaya kultura balkartsev: traditsii i sovremennost* [Socionormative culture of the Balkars: traditions and modernity]. – Nalchik: El-Fa. 2003. – 210 p. (In Russ).

KUCHUKOVA Z.A. *Kabardinskiy nartskiy epos: gendernyy aspekt* [Kabardian Nart Epic: gender aspect]. IN: *Kulturnaya zhizn Yuga Rossii*. – 2013. – № 4. – P. 89-91. (In Russ).

KUCHUKOVA Z.A., KHARAYEVA L.F. *Gender i etnogender* [Gender and ethnogender]. – Nalchik: Izdatelskaya tipografiya «Privet Tsentr». 2018. – 192 p. (In Russ).

KUMAKHOVA Z.KH. *Kartina mira i gorizont povsednevnosti cherkeshenki XIX–nachala XX v.* [The picture of the world and the horizon of everyday life of the Circassian XIX–early XX century]: diss. ... k.i.n. – Nalchik. 2021. – 209 p. (In Russ).

LYULYE L.YA. *Verovaniya, religioznyye obryady i predrassudki u cherkes* [Beliefs, religious rites and prejudices among Circassians]. IN: *Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva (ZKOIRGO)*. – Tiflis. 1862. Kn. IV. – P. 121–137. (In Russ).

MAFEDZEV S.KH. *Mezhpokolennaya transmissiya traditsionnoy kultury adygov* [Intergenerational transmission of the traditional culture of the Adygs]. – Nalchik: Elbrus. 1991. – 253 p. (In Russ).

MAMBETOV G.H. *Iz istorii kultury i byta kabardintsev i balkartsev. (nachalo XVII–70-e gody XX v.)* [From the history of culture and everyday life of Kabardians and Balkars. (the beginning of the XVII–70s of the XX century.)]. – Nalchik: Elbrus. 2006. – 244 p. (In Russ).

MAREMSHAOVA. I.I. *Mentalitet v semeynykh i obshchestvennykh traditsiyakh: Kabarda. Balkariya. Karachay* [Mentality in family and social traditions: Kabarda, Balkaria, Karachay]. – Nalchik: Kniga. 1999. – 236 p. (In Russ).

MERETUKOV M.A. *Semia i brak u adygsikh narodov* [Family and marriage among the Adyghe peoples]. – Maykop: Adyg. otdel. Krasnodar. knizh. izdatelstvo. 1987. – 368 p. (In Russ).

MUSUKAYEV A.I. *O Balkarii i balkartsakh* [About Balkaria and Balkars] – Nalchik: Elbrus. 1982. – 183 p. (In Russ).

NOGMOV SH. B. *Istoriya Adykheyskogo Naroda* [History of the Adyghe people]. Nalchik: Kab. Balk. kn. izd-vo. 1958. – 181 p. (In Russ).

SABANCHIYEVA L.KH. *Gendernyy faktor traditsionnoy kultury kabardintsev. Vtoraya polovina XVI–60-e gody XIX veka* [Gender factor of traditional Kabardian culture. The second half of the XVI–60s of the XIX century] – Nalchik: El-Fa. 2005. – 243 p. (In Russ).

SABANCHIEVA L.H. *Sem'ja i semejnaja obrjadnost' kabardincev: mezhdru traditsiej i modernizaciej* [Family and family rites of Kabardians: between tradition and modernization]. – Nal'chik: Izdatel'skiy otdel KBIGI, 2015. – 180 p. (In Russ)

SIYUHOV S.H. *Izbrannoe* [Favourites]. – Nal'chik: El'-Fa, 1997. – 417 p. (In Russ)

SHORANOVA Z.V. *Gendernoye ravenstvo v kulturno-istoricheskom razvitiy narodov Severnogo Kavkaza* [Gender equality in the cultural and historical development of the peoples of the North Caucasus]: avtoref. diss. ... k.i.n. – Nalchik. 2010. – 22 p. (In Russ).

SHVETSOV V. *Ocherk o kavkazskikh gorskikh plemenakh. s ikh obryadami i obyayami v grazhdanskom. voinstvennom i domashnem dukhe* [An essay on the Caucasian mountain tribes, with their rituals and customs in a civil, militant and domestic spirit]. IN: *Kavkaz: kulty. legendy. predaniya*. – Nalchik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh. 2010. – P. 5-55. (In Russ).

SMIRNOVA YA.S. *Semia i semeynny byt narodov Severnogo Kavkaza (vtoraya polovina XIX–XX v.)* [Family and family life of the peoples of the North Caucasus (the second half of the XIX–XX centuries)]. – M.: Nauka. 1983. – 263 p. (In Russ).

STUDENETSKAYA E.N. *O bolshoy seme u kabardintsev v XIX v.* [About a large family of Kabardians in the XIX century]. IN: *Sovetskaya etnografiya*. – 1950. № 2. – P. 176–181. (In Russ).

OZROKOV S. *Kalym u kabardincev Terskoj oblasti* [Kalym from the Kabardians of the Terek region]. In: *Adygskaya publicistika konca XIX – nachala XX veka (Izbrannoe)* / Sost. R.H. Hashkhozheva. – Nal'chik, 2005. – 180 p.

PRASOLOV D.N. *Kalym i problemy vosproizvodstva sociokul'turnoj identichnosti kabardincev v konce XIX – nach. XX v.* [Kalym and the problems of reproduction of the socio-cultural identity of Kabardians at the end of the XIX – early XX century]. In: *Rossijskaya gendernaya istoriya s "Yuga" na "Zapad": proshloe opredelyaet nastoyashchee. Materialy VI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii Rossijskoj associacii issledovatelej zhenskoj istorii (RAIZHI) i Instituta etnologii i antropologii im. N.N. Mikluho-Maklaya RAN*. – Tom 2. – 2013. – Pp. 162–164.

PRASOLOV D.N. *S"ezdy doverennyh v politicheskoy kul'ture kabardincev i balkarcev* [Congresses of Kabardians and Balkars trusted in political culture]. – *Nal'chik: Print Centr*, 2022. – 240 p.

TEKUYEVA M.A. *Muzhchina i zhenshchina v adygskoy kul'ture: traditsiya i sovremennost.* [Man and woman in Adyghe culture: Tradition and Modernity]. – Nalchik: El-Fa. 2006. – 260 p. (In Russ).

TEPTSOV V.YA. *Po istokam Kubani i Tereka* [On the origins of the Kuban and Terek]. IN: *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza*. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo. 1892. P. 59-212. (In Russ).

Информация об авторе

В.Н. Подгайный – аспирант.

Information about the author

V.N. Podgainui – graduate student.

Статья поступила в редакцию 10.10.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 10.10.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья
УДК 94(47).07
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-277-290
EDN: JSXZVZ

САБЛЯ ИМАМА ТАШУ-ХАДЖИ САЯСАНСКОГО: К ВОПРОСУ О ПОДЛИННОСТИ ОДНОГО ЭКСПОНАТА

Абдулла Хамидович Даудов¹, Дмитрий Владиславович Овсянников²

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

¹ a.daudov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2254-9462>

² d.ovsiannikov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1626-0678>

Аннотация. Авторами статьи предпринята попытка исследования фактов военной истории эпохи Кавказской войны в восточных чеченских землях в 1830-1840-е гг., которые связаны с одним из выдающихся руководителей движения за газават и шариат в Чечне и Дагестане, сподвижником третьего имама Шамиля – Ташу-Хаджи Саясановским. Центральный сюжет исследования связан с анализом подлинности предмета холодного оружия (кавказская сабля хевсурского типа), владельцы которого позиционируют его как трофейную саблю имама Ташу-Хаджи. Несмотря на локальность контекста данного исторического события, обстоятельства, связанные с персоной Ташу-Хаджи, закономерно увеличивают коллекционную стоимость сабли. Целевой аудиторией, которая потенциально проявит интерес к возможному приобретению данного экспоната, являются меценаты и ценители родной истории, которые могут потратить немалые средства (в том числе и из государственного бюджета) с целью возвращения сабли на предполагаемую историческую Родину. Эти обстоятельства диктуют профессиональным историкам необходимость выяснения истины и развенчания инсинуаций, связанных с возможным подлогом. Обобщив сведения о военных кампаниях, в которых принимал участие Ташу-Хаджи, авторы высказали мнение о наиболее вероятных обстоятельствах, когда сабля действительно могла попасть в руки русских военных. Особо пристальное внимание в статье уделяется разбору и анализу аргументов самих владельцев экспоната. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на ряд близких к истине и весьма вероятных доводов, имеется значительное количество нестыковок и противоречий в сведениях о сабле имама Ташу-Хаджи, которые излагают ее владельцы. Таким образом, подлинность атрибуции данного коллекционного экспоната ставится под сомнение. Материалами для статьи послужили опубликованные исторические свидетельства, представленные мемуарами участников покорения Кавказа, служебной перепиской русских военных чинов, работами военных историков-современников событий, а также арабоязычными трудами горских мусульманских ученых.

Ключевые слова: Кавказ, чеченцы, Ташу-Хаджи, Шамиль, кавказское оружие, Кавказская война

Для цитирования: Даудов А.Х., Овсянников Д.В. Сабля имама Ташу-Хаджи: к вопросу о подлинности одного экспоната // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 277-290. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-277-290. EDN: JSXZVZ.

© Даудов А.Х., Овсянников Д.В., 2023

Original article

THE SABER OF IMAM TASHU-KHAJI FROM SAYASAN: TO THE QUESTION OF THE AUTHENTICITY OF ONE EXHIBITOR

Abdulla Kh. Daudov¹, Dmitry V. Ovsjannikov²

^{1,2} St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

¹ a.daudov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2254-9462>

² d.ovsiannikov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1626-0678>

Abstract. The authors of the essay endeavored to research facts from the military history of the Caucasian War that are related with Tashu-Hadji Sayasanovsky, a campaigner for the third Imam Shamil and a notable leader of the movement for gazavat and Sharia in Chechnya and Dagestan. The study's major plot is associated with the examination of the legitimacy of the bladed weapon, the owners of which claim it to be a trophy saber of Imam Tashu-Hadji. Despite the local context of this historical event, the circumstances associated with the person of Tashu-Hadji naturally increase the collection value of the saber. Summarizing the information about the military campaigns in which Tashu-Hadji took part, the authors expressed their opinion about the most likely circumstances when the saber could actually fall into the hands of the Russian military. The paper pays special emphasis on the examination and analysis of the exhibit owners' arguments. The authors conclude that, despite the verisimilar and plausible arguments, there are numerous inconsistencies and contradictions in the information about the saber of Imam Tashu-Hadji, which is stated by its owners. Thus, the authenticity of the attribution of this collection item is called into question. The article's materials were published historical evidence, presented by memoirs of Caucasus conquest participants, official correspondence of Russian military officials, works of military historians contemporaneous with the events, and Arabic-language works of Caucasian Muslim authors.

Keywords: Caucasus, Chechens, Tashu-Hadji, Shamil, Caucasian weapons, Caucasian war

For citation: Daudov A.Kh., Ovsjannikov D.V. The Saber of Imam Tashu-Khaji from Sayasan: to the question of the authenticity of one exhibitor. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 277-290. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-277-290. EDN: JSXZVZ.

© Daudov A.Kh., Ovsjannikov D.V., 2023

Военная история неизбежно сопрягается с более частной темой истории оружия. Войны на Кавказе и вхождение этого региона в состав Российской империи привели к тому, что предметы материальной культуры горских народов, в том числе и оружие, пополнили музейные и частные коллекции. Русские военные с большим интересом и почтением относились к оружию народов Кавказа. Среди офицерского корпуса считалось шиком иметь менянный, а тем более трофейный кавказский кинжал или саблю, что продемонстрировал великий русский поэт М.Ю. Лермонтов в своем очерке «Кавказец»¹. История кавказского оружия получила достойное освещение в отечественной историографии как дореволюционного [Ленц 1911; Маргграф 1882; Прозрителев 1915; Федоров 2010], так и советского периода [Аствацатурян 1977; Аствацатурян 1978; Аствацатурян 1982; Ахмадов 1986; Миллер 1986]. В постсоветский период стали появляться труды новых исследователей [Асхабов 2001]. В том числе продолжила свои исследования в данной области наиболее авторитетный специалист и

¹ «... у него завелась шашка, настоящая гурда, кинжал – старый базалай, пистолет закубанской отделки, отличная крымская винтовка, которую он сам смазывает...»

представитель отечественной научной школы изучения кавказского и восточного оружия Э.Г. Аствацатурян, скончавшаяся в 2018 г. [Аствацатурян 1995; Аствацатурян 2009; Аствацатурян 2016]. Нередко Эмму Григорьевну приглашали для консультирования и атрибуции холодного оружия с Кавказа и частные коллекционеры.

Исследуя биографию имама Ташу-Хаджи Саясанского, мы обнаружили в сборнике исследований и материалов, составленном авторитетными учеными Г.М.-Р. Оразаевым и И.И. Ханмурзаевым, сведения об «экспонате № 141» коллекции частного музея Тамойкиных в Канаде [Оразаев 2023: 15; Тамойкин 2004].

Описание «экспоната № 141» гласит, что это «кавказская сабля хевсурского типа в ножнах начала XIX в., принадлежавшая якобы лидеру чеченского радикального движения мюридов Ташев-Хаджи и затем адъютанту генерала Г.А. Головина – поручику П.А. Филину» [Оразаев 2023: 15]. Согласно сведениям коллекционеров-владельцев, сабля была взята как трофей «после сдачи в плен чеченского мюрида» (попутно возникает вопрос: что за мюрид?) поручиком Петром Аверьяновичем Филиным [Оразаев 2023: 15]. Годы жизни последнего указаны также: (1832-1907 гг.). Приводится также изображение сабли, включая отличительные детали отделки этого предмета холодного оружия [Оразаев 2023: 15].

На youtube-канале коллекционеров Тамойкиных мы нашли ряд видеосюжетов, где также дается описание этой сабли. В одном из них М.Ю. Тамойкин ссылается на «первоисточники», позволившие атрибутировать саблю¹. Указывается, что в периодическом печатном издании «Нижегородские областные ведомости» за 1903 г. (номер издания не уточняется) приведены фотографии «генерал-майора Филина 1884 г., героя русско-турецкой, его деда в чине унтер-офицера и трофейная сабля его деда, героя русско-кавказской войны П. Филина». Далее отмечается, что сабля на фотографии якобы идентична имеющемуся коллекционному лоту, т.к. имеет те же отличительные признаки, а именно, голова волка на гарде и символ инока на ножнах, нанесенный уже на трофей. Другим «первоисточником» назван журнал «Родина и люди» за 1895 г. (номер также не уточняется). Из этого издания М.Ю. Тамойкин зачитывает следующее: «9 мая 1844 г. под местечком Дарго отряд Филина силою оружия проникает в логово чеченских мюридов, приверженцев Ташева-Хаджи... Раненному предводителю Ташеву-Хаджи и нескольким чеченцам удалось бежать, их флаги и оружие были захвачены в плен. Существует рассказ, что седло Ташева-Хаджи, вместе с его саблями принес как трофей поручик Филин в родное имение Углича». Ниже приводится фотография поручика Филина. Далее М.Ю. Тамойкин ссылается на нашего современника (некого чеченца из Саясана), заинтересовавшегося саблями, который подтвердил гипотезу антиквара, однако ни его имени, ни ссылок на его источники не приводится².

¹ Редкая чеченская сабля легендарного воина Ташев-Хаджи (Часть 1). URL: <https://youtu.be/-sqOfFRqPs8> (дата обращения: 31.05.2023)

² Редкая чеченская сабля легендарного воина Ташев-Хаджи (Часть 1). URL: <https://youtu.be/-sqOfFRqPs8> (дата обращения: 31.05.2023)

Также существует описание сабли Ташу-Хаджи, взятое с сайта арт-фонда Тамойкиных (однако размещенное по другому электронному адресу):

«Сабля была приобретена в коллекцию фамильного музея в 2006 г. (хотя первое знакомство с предметом произошло в 1996 г.) у гражданина Канады голландского происхождения, одним из далеких предков которого был русский офицер П.А. Филин, получивший эту саблю в качестве боевого трофея в период завоевания Российской империей Северного Кавказа 1840-х годов. Фактология того далекого времени дает представление о том, как этим оружием завладел поручик П.А. Филин – один из командиров 4-х тысячного отряда под началом генерала (подчеркнуто нами – прим. авт.) Р.К. Фрейтага. В период между 9 и 12 мая 1839 (1841 ?) г. у пос. Дарго произошло сражение российских войск с чеченскими мюридами во главе с Ташев-Хаджи, где лидер чеченцев был сильно ранен и практически пленен. Однако, мюриды неимоверными усилиями его отбили и, как свидетельствуют первоисточники «под прикрытием дыма раненого вынесли с поля боя». Вот в этом сражении российским воинам, в качестве военных трофеев, досталась амуниция чеченцев, в числе которой оказалась сабля Ташев-Хаджи вместе с другими воинскими символами этого лидера, в частности – знаменами»¹.

В данном тексте мы видим корректировку даты: не 1844 г., как в первом видео-описании², а 1839 г. или 1841 г. Также указывается командующий русскими войсками, совершившими экспедицию в чеченские земли – генерал Р.К. Фрейтаг.

Наконец, имеется видеообращение «президента арт-фонда Тамойкиных» Д.М. Тамойкина «к чеченскому народу», в котором заявляется, что семья коллекционера собирается вернуть саблю на «историческую родину»³. Однако в связи с тем, что семья Тамойкиных

«потратила немалые средства на то, чтобы выкупить, изучить, хранить, передвигать, а самое главное экспонировать эту уникальную саблю, как это было сделано на выставке в Трокайском замке и учитывая то, что это раритет находится на балансе фонда Тамойкиных, вернуть они ее могут только через продажу. Стоимость этой сабли на момент записи видео превышает 500 тыс. евро, но специально для чеченского народа Тамойкины сулят «сделать существенную скидку» и обязываются приложить все усилия, «чтобы сабля Ташев-Хаджи вернулась обратно в Чечню»⁴.

Высокая стоимость этого предмета, историко-культурная значимость в случае подлинности, описание сабли в академическом сборнике исследований и материалов, а также личный интерес к судьбе имама Ташу-Хаджи продиктовали нам необходимость проанализировать аргументы о подлинности экспоната и вести полемику в научно-историческом поле. Мы не рассматриваем данную саблю из частной коллекции с точки зрения ее подлинности как некоего музей-

¹ Сабля легендарного Чеченского воина Ташева-Хаджи – уникальное оружие чеченских мастеров начала 19 века. URL: http://www.press-release.ru/branches/markets/sablya_legendarnogo_chechenskogo_voina_tasheva_khadzhi_unikalnoe_oruzhie_chechenskikh_masterov_nacha_07_08_2019_15_57/ (дата обращения: 31.05.2023)

² Редкая чеченская сабля легендарного воина Ташев-Хаджи (Часть 1). URL: <https://youtu.be/-sqOfFRqPs8> (дата обращения: 31.05.2023)

³ Непревзойденные качества сабли Ташев-Хаджи. URL: https://youtu.be/NHSAYU_UIOI?list=PLCmgohWK_rCPf2v4zSvdh-RyQPyETCK6r (дата обращения: 31.05.2023)

⁴ Непревзойденные качества сабли Ташев-Хаджи. URL: https://youtu.be/NHSAYU_UIOI?list=PLCmgohWK_rCPf2v4zSvdh-RyQPyETCK6r (дата обращения: 31.05.2023)

ного артефакта. Приводимые изображения и достаточно подробное описание не позволяют сделать однозначных выводов. На оружии нет гравировки, насечки и прочих элементов, подлинность которых стоило бы рассматривать. Перед нами просто сабля и сопроводительная информация об ее истории. Именно при анализе описания исторической справки о том, как эта сабля оказалась в руках «поручика Филина», нами был обнаружен целый ряд нестыковок. Научная оптика позволяет видеть те огрехи и ошибки, которые допускают коллекционеры, презентуя свой экспонат широкой публике.

Прежде чем мы приступим к дальнейшему рассмотрению аргументов в защиту и опровержение подлинности «экспоната № 141» из коллекции Тамойкиных, хотелось бы отметить, что персоналия Ташу-Хаджи является весьма значимой для исторической памяти современных чеченцев. Он был выходцем из селения Эндирей в Засулакской Кумыкии. В арабоязычных источниках фигурирует несколько вариантов его почётного эпитета (нисбы)¹: «ал-Индари» (الإنداري) [Ханмурзаев 2017: 171; Ташу-Хаджи 2011: 3], «ал-Индирави»/«ал-Андирави» (الحاجي تَشَاو الاندراوى) [ад-Дургели 2012: 146, 206], «ал-Индири» [ал-Карахи 1941: 82, 87, 126], а также «ас-Сасани» (الساسني) [Ташу-Хаджи 2011]. Последний вариант нисбы происходит от названия села Саясан, где находится могила и зерат Ташу-Хаджи. Различные же варианты написания обусловлены отсутствием либо наличием огласовок в различных арабоязычных текстах. Происхождение, ранние годы жизни, а также отход от движения за газават и точная дата смерти его не нашли однозначного отражения в исторических источниках. С другой стороны, довольно исчерпывающая информация о его деятельности содержится в рапортах и переписке русских военных чинов на Кавказе и охватывает период с середины 1830-х гг. по начало 1840-х гг. В это время его имя довольно часто фигурирует в русских документах и привлекло внимание еще современников и дореволюционных военных историков. Специальных монографических исследований, посвященных этой исторической личности крайне мало, а отвечают научному критерию лишь работы А.Б. Закс [Аджаматов 2019; Закс 2023; Закс 1992]. Вместе с этим ни одна серьезная научная монография как советского, так и постсоветского периода об имаме Шамиле и имамате не обходится без упоминания о Ташу-Хаджи². Сложность в исследовании этого вопроса заключается в относительной скудности источников, посвященных этому наибу. Однако это не снижает интерес к Ташу-Хаджи, который впервые смог объединить значительную часть чеченских обществ под своей властью, будучи при этом муллой и шейхом тариката Накшбандийа. Благодаря деятельности Ташу-Хаджи тарикат широко распространился среди чеченцев как в горах, так и на плоскости.

Ташу-Хаджи стал заметной фигурой в движении за газават горцев Северо-Восточного Кавказа. Нельзя не учитывать его роль в становлении институтов власти и централизации чеченских обществ, а также его деятельность по распространению ислама и тариката в регионе. Примечательность этой историче-

¹ Как правило, нисба указывает на место рождения, происхождение или этническую принадлежность носителя.

² Этот сюжет достаточно подробно рассмотрен в отечественной и зарубежной историографии.

ской личности заключалась в том, что он был одним из немногих воинствующих суфиев на Кавказе, совмещал в своем лице и мусульманского ученого и предводителя газавата [Кемпер 2003: 283; Kemper 2002: 46]. При нем произошло дальнейшее возвышение роли мусульманских ученых, муллы и кадии сами стали руководить воинскими отрядами горцев. Он был признанным главой восточных чеченских обществ. Его наследие в Чечне живо и по сей день. Вирд Ташу-Хаджи сегодня является одной из крупнейших ветвей (т.н. саясановская ветвь) тариката Накшбандийа на Кавказе. Среди его последователей были такие чеченские устазы как Бешто из Саясана, Раасу Гойтукаев (кадий восставших в 1877 г. горцев Чечни под руководством Алибека-Хаджи из Зандака), Илисхан-Хаджи из Шали, братья Дохтукаевы – Товсултан-Хаджи и Янгулби-Хаджи из Курчалоя и др.

Первое же упоминание о нем в русских источниках относится к 1834 г., в отношении барона Розена к гр. Чернышеву от 16 августа говорится:

«Мулла Ташев-Хаджи, несколько раз производивший в Чечне беспокойства, принял явно сторону Гамзат-бека и приглашает чеченцев к общему против нас восстанию...» [Акты 1881: 585].

В середине 1830-х гг. Ташу-Хаджи проявил себя как выдающийся организатор борьбы горцев против Российской империи, который сумел поставить под контроль сопредельные с равнинным Дагестаном общества Большой Чечни, Ичкерии, Ауха и распространить там каноны шариата. Первоначально он укрепился в Салатавском обществе в сел. Алмак, по соседству с Ауховским обществом. Оттуда он стал готовить походы и слать воззвания к горским обществам и селениям. В русских источниках сведения о нем начинают встречаться все чаще:

«Спокойствие на левом фланге Кавказской линии... нарушаемо было Чеченскими возмутителями, главою коих был беглец Андреевской деревни Ташов-Хаджи» [Акты 1881: 388].

Помимо русских войск Ташу-Хаджи вел борьбу и с чеченскими обществами, которые не желали подчиняться имаму. Свободолюбивые горцы отвергали как русское «барабанное просвещение», так и ультиматумы и угрозы имамов. Постоянная военная активность горских партий, во главе которых стоял Ташу-Хаджи, не всегда заканчивалась победой. Так, в начале февраля 1837 г. отряды Ташу-Хаджи и Уди-Муллы в ходе сражения за «восстановления между чеченцами шариата» потерпели поражение под селением Автуры [Гаджиев 1959: 155-156]. Однако наступательная инициатива по канонам военного искусства не выходила из рук мюридов и русским военным чинам приходилось действовать от того положения, которое создавали горцы во главе с Ташу-Хаджи и Шамилем:

«Едва успели в 1838-м году разойтись по зимним квартирам войска, как Шамиль и Ташов-хаджи начали снова собирать партии и грозили прервать сообщение Темир-Хан-Шуры с Хунзахом. Все это заставляло принять скорые и энергические меры» [Юров 1885: 3].

Опасность этих приготовлений заметил талантливый и одаренный стратегическим видением командующий Отдельным Кавказским корпусом генерал Е.А. Головин¹.

И здесь мы переходим к тому моменту, когда доподлинно известно как русские войска незаметно подошли к лагерю чеченских горцев во главе с Ташу-Хаджи. Это произошло в мае 1839 г. под Саясаном. Русские войска готовили наступление на основные силы имама Шамиля с целью блокировать его в селении Ахульго в Нагорном Дагестане. Чтобы отвлечь горцев, способных прийти на помощь Шамилю из Чечни, как это было ранее в августе 1837 г. под сел. Тилитль [ал-Карахи 1941: 87-88], русские военные чины предприняли удачную попытку нанести упреждающий удар по силам соратника Шамиля – Ташу-Хаджи. Последний построил укрепленный лагерь в урочище Ахмет-Тала. Военный историк А. Юров писал, что Ташу-хаджи, будучи в согласии с Шамилем и контролируя чеченцев, уже в марте 1839 г. начал собирать горские партии и угрожал кумыкской плоскости. Заняв с. Мискит Ташу-Хаджи приступил к возведению укрепления в лесистом урочище Ахмет-Тала.

«Выбор этого пункта сделан был не без цели: опираясь на новое укрепление, Ташов-хаджи мог пользоваться всяким удобным моментом и броситься на любую точку сунженской линии или кумыкской плоскости», – отмечал А. Юров [Юров 1885: 13].

Генерал Е.А. Головин в свою очередь сообщал, что «Чеченский отряд» русских войск, главной целью действий которого было, после взятия Ахульго, утверждение на Андийском Койсу [Головин 1877: 17]. Этому тактическому маневру препятствовал «один из ревностнейших сообщников Шамиля, мулла Ташав-хаджи». Генерал-адъютанта П.Х. Граббе, используя наступательную инициативу, принял решение рассеять партию Ташу-Хаджи.

«Для этого чеченским отрядом сделано было из крепости Внезапной движение в землю ичкеринцев, где были довольно упорные встречи с горцами; последствием этих встреч было истребление нескольких селений и в том числе небольшого укрепления, устроенного среди дремучего леса» [Головин 1877: 17].

Таким образом, против Ташу-Хаджи выступил с превосходящими силами отряд во главе с генералом П.Х. Граббе. 9 мая 1839 г., скрытно подойдя к лагерю горцев, русские части успешно атаковали укрепление, однако мюриды, понеся урон, сумели отойти в глубь Ичкерии и собраться в селении Беной [Гаджиев 1959: 190-192].

Подробное описание дела под Саясаном приводит Д.А. Милютин, включая важный в контексте нашей статьи момент захвата трофеев:

«Но появление Русских войск перед самым укреплением было так внезапно, что Ташав-Хаджи застигнут был совершенно врасплох, среди глубокого сна... Егеря почти мгновенно

¹ Головин Евгений Александрович с 30 ноября 1837 по 25 октября 1842 года занимал должность командира Отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющего гражданской частью и пограничных дел в Грузии, Армении и Кавказской области.

заняли укрепление и сей час же зажгли его. Найденная в башне одежда и знамя показывали, как неожиданно было нападение и как поспешно спасался неприятель» [Милютин 1850: 35].

Данные сведения дублирует военный историк А.Л. Зиссерман во втором томе «Истории 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала Князя Барятинского полка» [Зиссерман 1881].

Наконец, беглый обзор трофеев, взятых русским отрядом в Ахмет-Тала, приводит в своем рапорте и генерал П.Х. Граббе:

«Сверх того отняты у него: лафит из-под фальконета (самые орудия горцы успели увезти) оружие и одежда Ташев-Хаджи и многих абреков, знамя, подаренное Кази-муллою, при котором собирались всегда мюриды и некоторое количество продовольственных запасов» [Гаджиев 1959: 192].

Таким образом, можно утверждать, что 9-10 мая солдатами первого батальона Кабардинского егерского полка под командованием полковника И.М. Лабынцева действительно был захвачен ряд трофеев, принадлежавших имаму Ташу-Хаджи. Наиболее распространенным в исторической литературе является упоминание и описание знамени («значка») Ташу-Хаджи:

«Значок наиба Ташов-Хаджи («знамя, подаренное Кази-муллою, при котором собирались всегда мюриды»): красный двухконечный с зелеными угловыми вставками возле древка, 161x96 см; наконечник древка в виде трезубца (1839 г.)» [Кругов 2016: 65].

Еще в 1912 г. аварский художник Халил-бек Мусаев (Мусаясул), опираясь на легенды и предания горцев, создал полотно «Символика Дагестана». Эта картина легла в основу труда современных исследователей, которые также по материалам Дагестанского краеведческого музея восстановили знамена кавказских военачальников. Знамя Ташу-Хаджи (двухконечное, красное с зелеными угловыми вставками) по преданию было унаследовано им от имама Гази-Мухаммада. В описании «значка» говорится, что захвачен он был 10 мая 1839 г. первым батальоном Кабардинского егерского полка во время боя у сел. Мискиит близ Ахмед-Тала [Знамена 1994: 76].

Следует предположить, что красное знамя у мюридов присутствовало и после Ташу-Хаджи. Знаменитый художник-баталист Ф.А. Рубо в 1895 г. изобразил на полотне «Даргинский поход» («Сухарная экспедиция») рукопашный бой солдат 3-го батальона Апшеронского полка с горцами. Примечательно, что в руках горца изображено красное знамя. Вероятно, использование красного цвета как отличительной символики современными последователями вирда Ташу-Хаджи, возможно, является продолжением этой традиции.

Вышеприведенный анализ исторических источников дает точное представление о месте, времени, обстоятельствах и основных действующих лицах боестолкновения русских войск с силами Ташу-Хаджи, результатом которого явился захват трофеев чеченского имама. Во всех источниках указано одно и то же место описываемых событий – урочище Ахмет-Тала под Саясаном. А из трофеев, попавших в руки русских войск, в поле зрения исследователей попало

только знамя имама. Помимо краткого упоминания Граббе о захвате оружия и личных вещей нет их подробного перечисления и описания. Однако и мы не можем отрицать, что среди трофеев гипотетически могла быть и сабля имама.

Однако, коллекционеры Тамойкины сообщают, что бой, в результате которого оружие Ташу-Хаджи попало в руки русских, произошел под селением Дарго, сначала в 1844 г., затем дата была ими скорректирована (1839 г.), но, несмотря на это, место боя (Дарго) указывалось прежнее. Под Дарго 1845 г. ду действительно будут развернуты масштабные бои («Сухарная экспедиция» май-июль 1845г.). Но имя Ташу-Хаджи не упоминается ни в одном историческом источнике, освещающем события Даргинского похода русских войск 1845 г.

В первом описании (видео) М.Ю. Тамойкин говорит, что «поручик Филин» – адъютант некоего Г.А. Головина. Действительно историкам известен генерал Головин, но Евгений Александрович, а не «Г.А.». К тому же, в 1844 г. он уже не служил на Кавказе, т.к. был отозван в отпуск осенью 1842 г., а в дальнейшем был назначен Рижским военным губернатором и лифляндским, эстляндским и курляндским генерал-губернатором.

Во втором описании фигурирует «генерал Р.К. Фрейтаг». Действительно, нам известен Роберт Карлович Фрейтаг, однако на 1839 г. он служил в Южном Дагестане в чине подполковника, а затем полковника и лишь в 1840 г. был назначен полковым командиром 79-го Куринского пехотного полка. Именно Р.К. Фрейтагу принадлежит заслуга спасения русских войск под командованием генерала М.А. Воронцова, с боями прорывавшихся из-под Дарго. Однако, как мы писали выше, под Дарго не зафиксировано участие в боях Ташу-Хаджи.

Вызывает массу вопросов и реальность персоны П.А. Филина. Ни в одном историческом источнике нами не обнаружено упоминание такого поручика, да еще и адъютанта у командующего Отдельным кавказским корпусом. Даты жизни П.А. Филина, указанные в описании, на которое ссылаются Г.М.-Р. Оразаев и И.И. Ханмурзаев, вообще выводят эту фигуру за скобки реальности. Родившийся в 1832 г., физически не мог принять участия в событиях ни 1839, ни даже 1844 или 1845 гг.

«Первоисточники», на которые ссылается М.Ю. Тамойкин, представляются сомнительными. Печатное издание «Нижегородские областные ведомости» за 1903 г. нами не идентифицировано, существовали еженедельные «Нижегородские губернские ведомости», издававшиеся в 1846–1902 гг., а с 1903 г., согласно каталогу РГБ, официальная и неофициальная части выходили как разделы номеров газеты. Коллекционеры не указывают номера газетного издания, выдержки из предполагаемого текста даются лишь в пересказе. Эта статья, которой нами не было обнаружено при просмотре подшивки газеты за 1903 г., является единственным источником о гипотетической истории сабли после ее захвата. В ней, якобы, есть фотографии «генерал-майора Филина 1884 г., героя русско-турецкой, его деда в чине унтер-офицера (в других местах фигурирует поручик Филине) и трофейная сабля его деда, героя русско-кавказской войны

П. Филина»¹. Между тем нам не удалось найти никаких упоминаний о генерале Филине в 1880-е гг., его нет и в «Списке генералитету по старшинству» за 1885 г. [Список 1885]. Таким образом выглядит подложной история сабли и после ее легендарного захвата. Сомнительной оказывается не только реальность поручика П.А. Филина, но и реальность его внука, который выступает связующим звеном между захватчиком сабли и коллекционерами, и который, якобы, был генералом Русской Императорской Армии.

Печатное издание «Родина и люди» за 1895 г. нами также не обнаружено. Под похожим названием выпускался в 1889-1918 гг. журнал «Природа и люди».

Исходя из вышеизложенного можно предположить, что в результате боевых действий под Саясаном в мае 1839 г. действительно русскими войсками были захвачены личные вещи Ташу-Хаджи, возможно в том числе и его оружие. Но точных сведений в исторических источниках того времени о таком трофее как сабля Ташу-Хаджи нами не обнаружено. Таким образом, не известный доподлинно исторический факт явился поводом для фальсификации как события, так и связанного с ним артефакта с явной целью получения необоснованной прибыли.

Данный разбор не претендует на полноту, но выявленные нами нестыковки и ошибки позволяют усомниться в подлинности атрибуции этого «экспоната» и поставить вопрос о его верификации коллекционерами, берущими на себя ответственность делать подобные обращения. Историческая наука должна критично относиться к подобным сведениям. Мы постарались по возможности дополнить информацию, попавшую на страницы академического издания, подготовленного историками-востоковедами Г.М.-Р. Оразаевым и И.И. Ханмурзаевым в составленном ими сборнике исследований и материалов «Ташав-Хаджи Эндирея – герой Кавказской войны».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Kemper 2002 – *Kemper M. Khalidiyya Networks in Dagestan and the Question of Jihad // Die Welt des Islams.* – 2002. – Vol. 42. – Issue 1. – P. 41–71. (In English).

ад-Дургели 2012 – ад-Дургели Н. Усила умов в биографиях ученых Дагестана (Нузхат ал-азхāн фī тарāджим ‘уламā’ Дāгистāн). Дагестанские ученые X – XX вв. и их сочинения. – М.: «Изд. дом Марджани», 2012. – 223 с.

Аджаматов 2019 – Аджаматов Б.А. Страницы истории древнего Эндирея. Имам Ташав-хаджи. – Махачкала: «Дагпресс Медиа», 2019. – 208 с.

Акты 1881 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VIII. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1881. – 1033 с.

ал-Карахи 1941 – ал-Карахи М. Хроника Мухаммеда Тахира аль-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. – М.-Л.: АН СССР, 1941. – 336 с.

Аствацатурян 1977 – Аствацатурян Э.Г. История оружейного и серебряного производства на Кавказе в XIX – начале XX в. Дагестан и Закавказье. Ч. I-II. – М.: Наука, 1977. – 259 с.

Аствацатурян 1978 – Аствацатурян Э.Г. Мастера серебряного дела Закавказья в XIX – начале XX в. Справочник. Ч. I-II. – М.: Наука, 1978. – 249 с.

Аствацатурян 1982 – Аствацатурян Э.Г. Указатель клейм и имен кавказских мастеров оружейного и серебряного дела. – М.: Наука, 1982. – 259 с.

¹ Редкая чеченская сабля легендарного воина Ташев-Хаджи (Часть 1). URL: <https://youtu.be/-sqOffRqPs8> (дата обращения: 31.05.2023)

- Аствацатурян 1995 – Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа: история оружия. – М.: Хоббикнига; Нальчик: «Эль-Фа», 1995. – 191 с.
- Аствацатурян 2009 – Аствацатурян Э.Г. Дагестанское оружие. – Махачкала: Эпоха, 2009. – 214 с.
- Аствацатурян 2016 – Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. – С-Пб.: Атлант, 2016. – 516 с.
- Асхабов 2001 – Асхабов И.А. Чеченское оружие. – М.: Клуб «Кавказ», 2001. – 238 с.
- Ахмадов 1986 – Ахмадов Ш.Б. Ремесленные занятия чеченцев и ингушей в XVIII – XIX вв. // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – нач. XX века). – Грозный: Б.и., 1986. – С. 45–59.
- Гаджиев 1959 – Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века. Сборник документов. / Сост. В.Г. Гаджиев, Х.Х. Рамазанов. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. – 785 с.
- Головин 1877 – Головин Е.А. Очерк положения дел на Кавказе с начала 1838 до конца 1842 года // Кавказский сборник. Т. II. – Тифлис: Типография Окружного штаба Кавказского Военного Округа, 1877. – С. 1–74.
- Закс 2023 – Закс А.Б. Из истории первого периода Имамата Шамиля. Ташав хаджи – наиб Шамиля // Ташав-хаджи из Эндирея – герой Кавказской войны (Сборник исследований и материалов). – Махачкала: Б.и., 2023. – С. 20-154.
- Закс 1992 – Закс А.Б. Ташев-Хаджи – сподвижник Шамиля. – Грозный: Книга, 1992. – 32 с.
- Зиссерман 1881 – Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала Князя Барятинского полка. (1726-1880). Т. 2. – СПб.: тип. В. Грацианского, 1881. – 470 с.
- Знамёна 1994 – Знамяна горских воинов // Родина. 1994. № 3-4. – С. 76–77.
- Кемпер 2003 – Кемпер М. К вопросу о суфийской основе джихада в Дагестане // Подвижники ислама: Культ святых в Средней Азии и на Кавказе. – М.: Вост. лит., 2003. – С. 278–305.
- Кругов 2016 – Кругов А.И., Нечитайлов М.В. Вооруженные силы имамата горцев Северного Кавказа 1829-1859 гг. – М.: Ратное дело, 2016. – 175 с.
- Ленц 1911 – Ленц Э.Э. О клеймах мастеров на оружии // Записки разряда военной археологии и археографии императорского русского военно-исторического общества. – СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1911. Т. I. – С. 2–29.
- Маргграф 1882 – Маргграф О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М.: Типография С.В. Гурьянова, 1882. – 328 с.
- Миллер 1986 – Миллер Ю.А. Художественное оружие Грузии XVII–XIX вв. Каталог временной выставки. – Л.: Б. и., 1986. – 29 с.
- Милютин 1850 – Милютин Д.А. Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. – СПб.: Тип. воен. учеб. заведений, 1850. – 144 с.
- Оразаев 2023 – Ташав-хаджи из Эндирея – герой Кавказской войны (Сборник исследований и материалов) / Сост. Г.М-Р. Оразаев, И.И. Ханмурзаев – Махачкала: Б.и., 2023. – 330 с.
- Прозрителев 1915 – Прозрителев Г.Н. Кавказское оружие (оружие кавказских горцев). – Ставрополь: тип. Губ. правл., 1915. – 18 с.
- Список 1885 – Список генералам по старшинству: Исправлено по 1-е Января. – СПб.: Военная типография, 1885. – 860 с.
- Тамойкин 2004 – Тамойкин М.Ю. Семейный музей Тамойкиных. – Вильнюс: «Арх-Baltica», 2004. – 200 с.
- Ташу-Хаджи 2011 – Ташу-Хаджи Уммул хьисан. – Грозный: Б.и., 2011. – 464 с.
- Федоров 2010 – Федоров В.Г. Холодное оружие. – М. Яуза-Эксмо, 2010. – 288 с.
- Ханмурзаев 2017 – Ханмурзаев И.И. О поэтическом произведении Ташава-Хаджи ал-Индири «О, спрашивающий меня, о господах имамах» // Османовские чтения. Сборник материалов II Международной научной конференции (г. Махачкала, 12 октября 2017 г.). – Махачкала: Издательство ДГУ, 2017. – С. 168-173.
- Юров 1885 – Юров А. Три года на Кавказе (1837-1839) // Кавказский сборник. Т. IX. – Тифлис: Типография А.А. Михельсона, 1885. – С. 1-155.

REFERENCES

AD-DURGELI N. Uslada umov v biografijah uchenyh Dagestana (Nuzkhat al-azkhān fū tarādzhim ‘ulamā’ Dāgistān): dagestanskije uchenye X–XX vv. i ih sochineniya. [The delight of the minds in the biographies of scientists of Dagestan. Dagestani scientists of the X–XX centuries and their writings]. – M.: Mardzhani Publ., 2012. – 223 p. (In Russ.).

ADZHAMATOV B.A. Stranicy istorii drevnego Endireya. Imam Tashav-hadzhi. [Pages of the history of ancient Andirey. Imam Tashav-haji.]. – Mahachkala: Dagpress Media, 2019. – 208 p. (In Russ.).

AHMADOV Sh.B. Remeslennye zanyatiya chechencev i ingushej v XVIII – XIX vv. [Crafts of Chechens and Ingush in the 18th – 19th centuries]. IN Voprosy politicheskogo i ekonomicheskogo razvitiya Checheno-Ingushetii (XVIII – nach. XX veka). – Groznyj, 1986. – P. 45–59. (In Russ.).

AKTY, sobrannyye Kavkazskoy arkhograficheskoy komissiiyey. [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. T. VIII. – Tiflis: Type. Main Directorate of the Viceroy of the Caucasus, 1881. – 1033 p.

AL-KARAHI M.T. *Hronika Muhammeda Tahira al-Karahi o dagestanskijh vojnah v period Shamilya*. [The Chronicle of Muhammad Tahir al-Karahi about the Dagestan wars during the Shamil period]. – M.-L.: Nauka Publ., 1941. – 336 p. (In Russ.).

ASTVACATURYAN E.G. Istoriya oruzhejnogo i serebryanogo proizvodstva na Kavkaze v XIX – nachale XX v. Dagestan i Zakavkaz'e. [The history of weapons and silver production in the Caucasus in the XIX – early XX century. Dagestan and Transcaucasia]. P. I-II. – M.: Nauka Publ, 1977. – 259 p. (In Russ.).

ASTVACATURYAN E.G. Mastera serebryanogo dela Zakavkaz'ya v XIX – nachale XX v. Spravochnik. [Silversmiths of Transcaucasia in the XIX – early XX century. The Guide]. P. I-II. – M.: Nauka Publ, 1978. – 249 p. (In Russ.).

ASTVACATURYAN E.G. Ukazatel' klejm i imen kavkazskih masterov oruzhejnogo i serebryanogo dela. [Index of brands and names of Caucasian masters of armory and silversmithing]. – M.: Nauka Publ, 1982. – 259 p. (In Russ.).

ASTVACATURYAN E.G. Oruzhie narodov Kavkaza: istoriya oruzhiya. [Weapons of the peoples of the Caucasus: the history of weapons]. – M.: Hobbikniga; Nal'chik: «El'-Fa», 1995. – 191 p. (In Russ.).

ASTVACATURYAN E.G. Dagestanskoe oruzhie. [Dagestan weapons]. – Mahachkala: Epoha, 2009. – 214 p. (In Russ.).

ASTVACATURYAN E.G. Oruzhie narodov Kavkaza. [Weapons of the peoples of the Caucasus]. – S-Pb.: Atlant, 2016. – 516 p. (In Russ.).

ASKHABOV I.A. Chechenskoe oruzhie. [Chechen weapons]. – M.: Klub «Kavkaz», 2001. – 238 p. (In Russ.).

GOLOVIN E.A. Oчерк polozheniya del na Kavkaze s nachala 1838 do konca 1842 goda. [Essay on the state of affairs in the Caucasus from the beginning of 1838 to the end of 1842]. In: Kavkazskij sbornik. T. II. – Tiflis: Tipografiya Okruzhnogo shtaba Kavkazskogo Voennogo Okurga, 1877. – P. 1-74. (In Russ.).

HANMURZAEV I.I. O poeticheskom proizvedenii Tashava-Hadzhi al-Indiri «O, sprashivayushchij menya, o gospodah imamah». [About the poetic work of Tashava-Haji al-Indir “O, asking me about the Lord Imams”]. IN Osmanovskie chteniya. Sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (g. Mahachkala, 12 oktyabrya 2017 g.). – Mahachkala: DGU Publ., 2017. – P. 168–173. (In Russ.).

FEDOROV V.G. Holodnoe oruzhie. [Cold steel arms]. – M. Yauza-Eksmo, 2010. – 288 p. (In Russ.).

KEMPER 2002 – *Kemper M. Khalidiyya Networks in Dagestan and the Question of Jihad // Die Welt des Islams*. – 2002 – Vol. 42 – Issue 1. – P. 41–71.

KEMPER M. K voprosu o sufijskoj osnove dzhihada v Dagestane. [On the issue of the Sufi basis of jihad in Dagestan]. In: Podvizhniki islama: Kul't svyatyh v Srednej Azii i na Kavkaze. – M: Vost. Lit. Publ. – P. 278–305. (In Russ.).

KRUGOV A.I., Nechitajlov M.V. Vooruzhennyye sily imamata gorcev Severnogo Kavkaza 1829-1859 gg. [Armed forces of the Imamate of the North Caucasus mountaineers 1829-1859]. – M.: Ratnoe delo, 2016. – 175 p. (In Russ.).

LENC E.E. O klejmah masterov na oruzhii. [About the marks of masters on weapons]. IN Zapiski razryada voennoj arheologii i arheografii imperatorskogo russkogo voenno-istoricheskogo obshchestva. T. I. – SPb.: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, 1911. – P. 2–29. (In Russ.).

MARGGRAF O.V. Ocherki kustarnyh promyslov Severnogo Kavkaza s opisaniem tekhniki proizvodstva. [Essays on handicrafts of the North Caucasus with descriptions of production techniques]. – M.: Tipografiya S.V. Gur'yanova, 1882. – 328 p. (In Russ.).

MILLER Yu.A. Hudozhestvennoe oruzhie Gruzii XVII–XIX vv. Katalog vremennoj vystavki. [Artistic weapons of Georgia of the 17th-19th centuries. Temporary exhibition catalog]. – L., 1986. – 29 p. (In Russ.).

MILYUTIN D.A. Opisanie voennyh dejstvij 1839 goda v Severnom Dagestane. [Description of military operations in 1839 in Northern Dagestan]. – SPb.: Tip. voen. ucheb. zavedenij, 1850. – 144 p. (In Russ.).

ORAZAEV G.M.-R., Hanmurzaev I.I. Tashav-hadzhi iz Endireya - geroj Kavkazskoj vojny (Sbornik issledovanij i materialov). [Tashav-haji from Endirey - hero of the Caucasian War (Collection of research and materials)] / Ed. G.M.-R. Orazhev, I.I. Hanmurzaev. – Mahachkala, 2023. – 330 p. (In Russ.).

PROZRITEL'EV G.N. Kavkazskoe oruzhie (oruzhie kavkazskih gorcev). [Caucasian weapons (weapons of the Caucasian highlanders)]. – Stavropol': tip. Gub. pravl., 1915. – 18 p. (In Russ.).

SPISOK generalam po starshinstvu: Ispravleno po 1-ye Yanvarja. [List of generals by seniority: Corrected to 1st January]. – St. Petersburg: Military Printing House, 1885.

TAMOJKIN M.Yu. Famil'nyj muzej Tamojkinyh. [Tamoykin Family Museum]. – Vil'nyus: «Arx-Baltica», 2004. – 200 p. (In Russ.).

TASHU-HADZHI *Ummul h'isan*. – Groznyj., 2011. – 464 p. (In Chechen)

YUROV A. Tri goda na Kavkaze (1837-1839). [Three years in the Caucasus (1837-1839)]. IN Kavkazskij sbornik. T. IX. – Tiflis: Tipografiya A.A. Mihel'sona, 1885. P. 1–155. (In Russ.).

ZAKS A.B. Iz istorii pervogo perioda Imamata Shamilya. Tashav hadzhi – naib Shamilya. [From the history of the first period of Shamil's Imamate. Tashav Haji - Naib of Shamil]. In: Tashav-hadzhi iz Endireya – geroj Kavkazskoj vojny (Sbornik issledovanij i materialov). – Mahachkala. P. 20-154. (In Russ.).

ZAKS A.B. *Tashev-Hadzhi – spodvizhnik Shamilya*. [Tashev-Hadji – Shamil's associate]. – Groznyj: Book Publ., 1992. – 32 p. (In Russ.).

ZISSERMAN A.L. Istoriya 80-go pekhotnogo Kabardinskogo general-fel'dmarshala Knyazya Baryatinskogo polka. (1726-1880). [The history of the 80th Kabardian Infantry General Field Marshal Prince Baryatinsky Regiment. (1726-1880)]. – T. 2. – SPb.: tip. V. Gracianskogo, 1881. – 470 p. (In Russ.).

ZNAMYONA gorskih voinov. [Banners of the Highland Warriors]. In: Rodina. – 1994. – № 3-4. – P. 76-77. (In Russ.).

Информация об авторах

А.Х. Даудов – доктор исторических наук.

Д.В. Овсянников – кандидат исторических наук.

Information about the author

A.Kh. Daudov – Doctor of Science (History).

D.V. Ovjanikov – Candidate of Science (History).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.11.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 03.11.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья
УДК 930.2
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-291-307
EDN: KСNBVН

ИСТОРИЯ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ 1920-х – 1930-х гг.: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Дмитрий Владимирович Сень

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,
dsen1974@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5222-4685>

Аннотация. В статье анализируются историографические и источниковедческие проблемы, связанные с изучением прошлого горских евреев Северо-Кавказского края. Оцениваются достижения новейшей российской историографии, связанные с разной степенью внимания ученых к той или иной локальной горско-еврейской группе. Содержание поднимаемых в статье научных проблем также соотнесено с существенными событиями в жизни горских евреев, прежде всего, с переселенческими процессами, инициированными советской властью в указанный период. Они и привели к изменению пространственного размещения горских евреев на территории Северо-Кавказского края в 1920-е – начале 1930-х гг. Делается вывод о том, что прошлое горских евреев 1920-х – 1930-х гг. изучено более фрагментарно, по сравнению с рубежом XIX–XX вв., а также с 1940-ми гг. – второй половиной XX в. Обращается внимание на перспективы пополнения источниковой базы по теме исследования, включая введение в научный оборот новых источников, в т.ч. делопроизводственных источников различных советских, партийных и иных органов, активно участвовавших в процессах обустройства горских евреев.

Ключевые слова: Горские евреи, историография, источниковедение, Северный Кавказ, переселение, переселенческая политика.

Финансирование: Работа выполнена в рамках реализации проекта РНФ № 23-28-00106, реализуемого в Южном федеральном университете.

Для цитирования: Сень Д.В. История горских евреев Северо-Кавказского края 1920-х – 1930-х гг.: актуальные вопросы историографии и источниковедения // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 291-307. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-291-307. EDN: KСNBVН.

© Сень Д.В., 2023

Original article

HISTORY OF MOUNTAIN JEWS OF THE NORTH CAUCASUS REGION 1920s – 1930s: CURRENT ISSUES IN HISTORIOGRAPHY AND SOURCES

Dmitriy V. Sen'

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, dsen1974@mail.ru,
<http://orcid.org/0000-0002-5222-4685>

Abstract. The article analyzes historiographical and source research problems associated with the study of the past of Mountain Jews of the North Caucasus region. The achievements of recent Russian historiography related to scientists' various degrees of attention to one or more local Mountain Jewish groups are evaluated. The scientific issues presented in the essay are also linked to key events in the lives of Mountain Jews, most notably the resettlement programs implemented by the Soviet government during this time period. They resulted in a shift in the spatial distribution of Mountain Jews on North Caucasus area in the 1920s and early 1930s. It is known that the Mountain Jews of the 1920s and 1930s were researched more fragmentarily than the turn of the nineteenth and twentieth centuries, as well as since the 1940s - second half of the twentieth century. The prospects for renewing the source base on the research issue are highlighted, including the entrance of new sources into scientific circulation, such as clerical sources from various Soviet, party, and other bodies.

Keywords: Mountain Jews, historiography, source study, North Caucasus, resettlement, resettlement policy.

Financial Support: The work was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project № 23-28-00106, implemented at the Southern Federal University.

For citation: Sen' D.V. History of mountain Jews of the North Caucasus region 1920s – 1930s: current issues in historiography and sources. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 291-307. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-291-307. EDN: KСNВVН.

© Sen' D.V., 2023

Введение

История горских евреев Северного Кавказа (точнее, Северо-Кавказского края, далее – СКК) успешно вписывается в пространство крупной и значимой темы – изучение процессов советского нациестроительства и национальной политики на территории СССР, в т.ч. СКК [Аверьянов 2020; Хлынина, Кринко 2014; Касьянов, Баранов, Ишин, Рожков 2022]. Данная политика претерпевала изменения и характеризовалась несколькими подходами [Аверьянов 2020: 299–300], причем случай горских евреев демонстрирует реализацию нескольких подобных подходов, включая создание властями разного уровня еврейской автономии и еврейских сельсоветов, еврейских «моноэтнических» населённых пунктов и пр. Историкам еще предстоит сравнить соответствующие практики советских и иных структур по решению «еврейского вопроса» применительно как к ашкеназам, так и к горским евреям, совпадавшие далеко не во всем. Более того, горские евреи имели собственное видение проблемы, связанной не только со своим землеустройством, но и с решением другой актуальной проблемы – своего национального самоопределения. В историографии существует мнение о том, что «инициатива выделения властями сельскохозяйственных земель горским евреям Северного Кавказа исходила от самой еврейской общины» – вскоре после создания в Москве Комитета по землеустройству трудящихся евреев (далее – Комзет) в 1924 г. [Горские евреи 1999: 127]. Обращу также внимание на приветствие делегации горских евреев 1-му съезду Общества по земельному устройству трудящихся евреев (далее – ОЗЕТ) (15–20 ноября 1926 г.), в котором говорилось о том, что «евреи, как и любая национальность СССР, имеют право на свою автономию» [Могаричев 2020: 60–61]. Замечу, что новые процессы группообразования носили в среде горских евреев активный и разновекторный характер, охватив пе-

риод второй половины 1920-х – 1930-х гг. Они не могут быть сведены к их массовой «советизации» под влиянием национальной политики советской власти и проводимой ею «аграризации» горских евреев на Северном Кавказе. Помимо прочего, такие процессы привели к существенному изменению пространственного размещения горских евреев на территории СКК в 1920-е – начале 1930-х гг. (Пере)конструирование группы горских евреев СКК (как старожильческого населения, так и горских евреев из числа беженцев) происходило в немалой степени как *консолидация*: объединялись гетерогенные горско-еврейские группы, впрочем, знакомые друг другу еще по досоветскому периоду. На современном этапе изучения темы исключительно важно применить историко-компаративный метод, предполагая более детально, чем было принято в предшествующей историографии, уяснить общее и особенное в новой, для 1920-х гг., истории обустройства и развития *сразу нескольких* групп горских евреев. Речь идет, в первую очередь, о горских евреях Дагестана, Моздока, Нальчика, Грозного и Джегонасского (быв. Джегонасско-Еврейского) поселка.

Основная часть

Советские и партийные власти активно влияли на состояние традиционных симбиозных связей горских евреев (путем ослабления/разрыва старых связей и формирования новых), разные группы которых хотя и не единовременно, но *впервые* в своей истории оказались на территории одной административно-территориальной единицы (СКК). В дореволюционный период они проживали, главным образом, на территории Дагестанской области, Терской области и Кубанской области Российской империи. Более того, представители всех этих сообществ (локальных групп) участвовали или *намечались* к участию в создании новых еврейских поселений на территории СКК в 1920-е – начале 1930-х гг. Стоит, при этом, учитывать более сложную картину взаимодействия разных групп горских евреев и ашкеназов, нежели это отмечено в недавнем труде: «...если европейские были коренными жителями региона, то горские евреи – переселенцы из Закавказья и Северного Кавказа, которые нуждались в трудоустройстве и организации быта» [Аверьянов 2020: 105]. Действительно, часть горских евреев была представлена беженцами, в т.ч. из Дагестана; но часть их – как раз старожильческие группы, проживавшие в регионе в течение, как минимум, нескольких поколений. Речь идет о грозненских, нальчикских и джегонасских горских евреях (правда, представителей последней группы можно с известными оговорками тоже именовать беженцами).

Актуально исследовать миграционную историю горских евреев 1920-х – 1930-х гг. в связи с изменением их пространственного размещения в регионе, повлекшего за собой существенную трансформацию состояния и акторно-сетевой коммуникации горско-еврейских обществ. Примечательно, что в тот период активно (под влиянием разных факторов и причин, в т.ч. актуализованных благодаря властям, а также краевыми и региональными отделениями Комзет и ОЗЕТ) взаимодействовали друг с другом представители и тех горско-еврейских групп, которые фактически исчезли – либо в тот же период, либо позже. Речь, в частности, идет об одной из наименее изученных, применительно к

заявленному периоду, группе т.н. джегонасских горских евреев – губони/гъубони (т.е. кубанские) [Колесов, Сень: 2000: 198–210; Колесов 2020: 33–59; Амосова 2023: 32, 33, 35], а также о грозненских горских евреях [Елизаров 2012]. В 1920-е – 1930-е гг. изменились пространственные характеристики и количественный состав локальных групп горских евреев. Данные обстоятельства необходимо учитывать в ходе изучения вопросов, связанных с эволюцией их этнической идентификации и представлений о внутреннем делении на этно-территориальные и диалектные группы [Амосова 2023: 32–33; Семенов 2003: 191–200; Семенов 2013: 236–242; Шахбанова, Загирова, Лысенко 2018: 70–74; Шахбанова, Лысенко 2018: 235–241; Шахбанова, Лысенко, Мамараев 2018: 202–225]. Так, В.И. Колесов справедливо обращает внимание на то, что «в горско-еврейской среде сохранилось локальное обозначение джегонасских евреев и их потомков – «гъубони» (этимологически обозначающее «кубанские»)» [Колесов 2020: 48]. Исключительно важно продолжить сбор генеалогической информации – в пространстве истории как конкретной группы, так и межгрупповых генеалогических связей [Исход 2000: Амосова 2023: 32–36; Колесов 2023 а: 42–44; Колесов 2023 б: 161–165]. Исследователи иногда пишут о переселении той или иной группы на территорию СКК в отрыве от описания аналогичных кейсов (или близких по звучанию/содержанию) из истории других локальных групп горских евреев. Характерный пример – история заселения и освоения т.н. горско-еврейских (моздокских и степновских) фондов Терского округа СКК во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. – т.к. в указанном проекте участвовали представители *нескольких* горско-еврейских групп; причем одни горские евреи появились там раньше, другие – позже. Между тем, Д.Ш. Рамазанова рассматривает вопросы переселения горских евреев Дагестана [напр.: Рамазанова 2011: 94–95] на эти территории в явном отрыве от аналогичных процессов, в которые были вовлечены и другие горско-еврейские группы.

В новейшей историографии, несмотря на имеющиеся достижения [Горские евреи 1999: 69–85, 125–135, 137–141 и др.; Дымшиц 2018: 160–207; Норкина 2020: 102–110; Рамазанова 2010: 72–80; Рамазанова 2011: 89–97; Рамазанова 2014 а; Рамазанова 2014 б; Акопян 2016 а: 52–58; Коваленко 2009; Исход 2000; Дзагов 2012: 46–56], наблюдается определенный *дисбаланс* в изучении прошлого горских евреев Северного Кавказа именно XX в.; лучше, *по сравнению с* 1920-ми и 1930-ми гг., исследован позднеимперский период и революционные события в жизни их общин, а также трагические события Холокоста. Имеются и другие хронологические лакуны – даже в одном из крупнейших обобщающих трудов, по словам С.Н. Амосовой, «нет истории горских общин после 1945 г.» [Амосова 2020: 293]. Между тем, в ряде случаев история локальных групп горских евреев (напр., х. Богдановки и х. Ганштаковки), имеет прямое отношение к *более раннему периоду*, а именно – к концу 1920-х гг., когда в ходе конкретных мероприятий и были целенаправленно созданы (причем, из разных по составу и происхождению горско-еврейских групп) указанные населенные пункты. Однако, до недавнего времени в историографии можно было встретить излишне обобщенные сведения о реализации данного переселенческого проекта: «...в районе Моздока не без проблем были созданы два горско-еврейских переселен-

ческих поселка Богдановка и Гантштаковка. Основное их население составили беженцы периода Гражданской войны из Джегонаса, Баталпашинска и Хасавюрта» [Куповецкий 2018: 304].

Собственно, исследователи только приступают к «сквозному» изучению истории указанных горско-еврейских населенных пунктов, в пространстве которой 1920-е – 1930-е гг. занимают ключевое место [Акопян 2016 а: 52–58; Горские евреи 1999: 126–131]. В многочисленных новейших трудах по истории Кабардино-Балкарской автономной области (КБАО) 1920-х – 1930-х гг. явно не достаёт материала о Горско-Еврейской колонии, история которой только в последнее время стала предметно изучаться на основе новых выявленных документальных данных [Сень 2023: 57–68]. Здесь налицо отмеченный выше дисбаланс: освещение раннесоветского периода в жизни нальчикских горских евреев явно уступает по интенсивности/результативности изучению их прошлого, скажем, рубежа XIX–XX вв., а также периода 1940-х гг. [Мурзаханов, Норкина 2020: 129–139; Дзагов 2012: 129–139; Мурзаханов 2017: 120–127]. Существенные находки, применительно к истории Горско-Еврейской колонии, были недавно сделаны автором при изучении фондов двух архивов Кабардино-Балкарской Республики (далее – КБР): Управления центрального государственного архива Архивной службы КБР (УЦГА АС КБР; напр., ф. Р-2, Р-23) и Управления Центра документации новейшей истории Архивной службы КБР (УЦДНИ АС КБР; напр., ф. П-1).

О тех же проблемах источникового характера можно сказать применительно к изучению горских евреев Грозного 1920-х – 1930-гг., участников затронутых выше переселенческих процессов и, помимо прочего, одной из старожильческих горско-еврейских групп. Не считая некоторых историографических достижений конца 1990-х гг., а также относительно недавнего научно-популярного труда [Елизаров 2012; Горские евреи 1999: 184–185], новые существенные данные об этой группе давно в науке не пополнялись. Наиболее заметные достижения – в части пополнения источников – произошли в последние год-два – когда в научный оборот стали вводиться документы из ф. Р-1484 Государственного архива Ростовской области (ГАРО), в т.ч. связанные с деятельностью Терского и Грозненского отделения ОЗЕТ. В случае с документированием советского прошлого грозненских горских евреев значение таких документов возрастает в связи с тем, что архивы Чеченской Республики существенно пострадали в 1990-е гг. Реконструировать их прошлое, опираясь на фонды АУП ЧР, к сожалению, невозможно. Сплошной просмотр ряда архивных дел в ф. Р-1390, ф. Р-1484 ГАРО за середину – вторую половину 1920-х гг. позволил автору привести новые аргументы в пользу решения давнего и дискуссионного в науке вопроса – о месте пребывания в середине – второй половине 1920-х гг. *большей*, как выясняется, части населения бывшего Джегонасско-Еврейского поселка Кубанской области (с начала 1920-х гг. – с. Джегонасского Карачаево-Черкесской автономной области – далее КЧАО). Это действительно оказалась ст-ца Невинномысская Армавирского округа СКК [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 35. Л. 5; там же. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 47. Л. 38, 72; там же. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 328. Л. 12; там же. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 203. Л. 24]; автором получены новые для

науки данные о судьбе джегонасских горских евреев середины 1920-х гг., сконцентрировавшихся в Армавирском округе СКК (прежде всего – в ст-це Невинномысской) и «обнаруженных» властями в ходе реализации одного из этапов заселения горскими евреями Терского округа. Согласно данным от 2 июля 1927 г., в ст-це Невинномысской насчитывалось горских евреев «140 хозяйств до 600 едоков», которые по планам Севкавказкомзет должны были быть переселены отсюда в 1927/1928 г. [ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 326. Л. 10]. К августу 1928 г. на Степновских фондах Терского округа обосновалось уже 20 семейств горских евреев (т.н. джегонасцев), желавших остаться на зиму и сумевших перевезти на эти земли свои семьи [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 47. Л. 10–11]. Интересна одна из форм самоорганизации (и, конечно, групповой идентичности) горских евреев, проживавших на территории Армавирского округа: 1 февраля 1928 г. на заседании правления Терского правления ОЗЕТ было заслушано письмо «Кубано-Еврейского Товарищества Джегонасских горских евреев» [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 47. Л. 104).

Кроме того, автором выявлены в ГАРО новые документальные данные о причинах и обстоятельствах разрушения Джегонасского (Джегонасско-Еврейского) поселка и трагической судьбе его жителей. Как оказалось, к этому не были причастны карачаевцы, а, как сказано в документе, «белогвардейцы» (в другом документе указано на А. Шкуро: ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 203. Л. 12); другое дело, что карачаевцы, после ухода выживших горских евреев, заняли их земли, возведя там свои постройки [ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 328. Л. 2]. После случившихся событий (важно, что *уже в 1920 г.* джегонасцы массово проживали в ст-це Невинномысской: ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 328. Л. 12 об.) эти горские евреи *вернулись* на территорию КЧАО, ходатайствуя с 1925 г. о наделении их землей. Власти автономной области пытались решить вопрос о новом месте жительства для бывших джегонасцев на территории КЧАО – в т.ч. по просьбе самих джегонасцев; но это вызвало ряд конфликтных ситуаций, причем выясняется, что в свой старый поселок горские евреи не намерены были массово возвращаться [ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 328. Л. 2; там же. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 203. Л. 5–5 об., 6, 8, 9, 10, 11 и др.]. Данный вопрос так и не был решен положительно для джегонасцев [ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 203. Л. 18] – вот почему на повестку дня был вскоре поставлен вопрос о выделении для них земельных участков в Степновском р-не Терского округа СКК [ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 203. Л. 21]. Власти подчеркивали, что переселение джегонасцев в пределы Терского округа (где располагались т.н. моздокские земельные фонды, тоже предназначенные для горских евреев) будет способствовать тому, что получится «почти единая территория, заселенная горскими евреями, что даст возможность организовать национальную административную единицу» [ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 203. Л. 24 об.]. Наконец, немаловажная деталь – сами джегонасцы не особенно радовались предстоящему переселению – их «представители... не соглашаясь на переселение в Терокруг, настаивают на отводе им земли в Карачае, Черкесии и Кубани» [ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 203. Л. 24 об.].

В 2023 г. нашими коллегами были обнаружены новые важные документы в ходе работы экспедиции проекта «Комплексное социо-антропологическое ис-

следование горско-еврейской общины города Пятигорска», поддержанного Еврейским музеем и центром толерантности (г. Москва). Это два документальных машинописных источника с рукописной правкой, поступившие от О.С. Шауловой (в девичестве Давыдовой, 1931 г.р., уроженки с. Богдановка, проживающей в г. Кисловодске, супруги С.А. Инотаева):

– Инотаев С.А. Трагическая история еврейских общин на Кавказе. Краткий очерк [Инотаев а];

– Инотаев С.А. Автобиография участника войны, ветерана труда, инвалида 2-й группы Инотаева Семена Акимовича [Инотаев б].

Так вот, из автобиографии уроженца с. Джеганас (быв. Джегонасско-Еврейского поселка Кубанской обл.) С.А. Инотаева (1908 г.р.) следует, что набег сотни генерала А.И. Шкуро на поселок действительно имел место, причем до 1921 г. [Инотаев б: 2–3]. По словам С.А. Инотаева, «село Джеганас было полностью уничтожено, а случайно оставшиеся в живых наши односельчане разбрелись по Северному Кавказу, кто в Ставропольский Край, кто в Гор. Моздок, Нальчик, Грозный, Осетию, Дагестан» [Инотаев б: 2]. Семья самого С.А. Инотаева переехала в ст-цу Невинномысскую [Инотаев б: 4], причем указанное свидетельство имеет для нас принципиальное значение: часть джегонасских евреев проживала там еще в 1927 г. [Инотаев б: 6]. Другой источник, автором которого тоже являлся С.А. Инотаев, сообщает важные данные о не только о процессе переселения джегонасских евреев в Терский округ СКК, но и о персональной коммуникации между разными горско-еврейскими группами по данному поводу. К примеру, он пишет: «...многие («из наших селян». – Д.С.) пришли к выводу, что надо собраться где-то в одном из городов Кавказа, обсудить и принять решение о том, как быть им дальше. Было принято решение: в гор. Грозном или Нальчике собраться главам семей наших селян для обсуждения этой проблемы. В сентябре 1928 г. такое собрание было совано (sic! – Д.С.) в Гор. Грозном. На нем присутствовало 58 человек. Возглавил эту инициативу мой дядя Израев Сафрон по-еврейски Тукли» [Инотаев а: 25].

К слову, одним из первых представителей новейшей историографии, кто обнаружил другие документальные данные о переселении джегонасских евреев в ст-цу Невинномысскую, был В.Ю. Коваленко [Коваленко 2009: 138–142], защитивший диссертацию о евреях Ставрополя и Кубани конца XIX в. – первой трети XX в. Правда, к версии о причастности подчиненных генерала А. Шкуро к изгнанию горских евреев из указанного селения В.Ю. Коваленко отнесся скептически [Коваленко 2009: 139–140]. Это мнение автора опровергается многочисленными документальными источниками из фондов ГАРО. О причинах переселения джегонасских евреев именно в ст-цу Невинномысскую, указывал В.Ю. Коваленко, наверняка неизвестно. Не исключено, что речь могла идти о ее торговом значении, а также о стремлении джегонасских евреев объединиться там с другими горскими евреями [Коваленко 2009: 142]. Он же подробно исследовал опыт «осельчанивания» горских евреев, а именно – их жизни в колхозах, основанных в х. Богдановка – к-з «Дружба» (позже – к-з им. Кагановича) и х. Ганштаковка (позже стал называться х. Менжинский) – к-з «КИМ» [Коваленко 2009: 159–239]. Он же сделал важное уточнение о том, что среди горских ев-

реев, переселявшихся, например, в Степновский р-н Терского округа СКК, были как джегонасцы, так и грозненские горские евреи. Кроме того, В.Ю. Коваленко одним из первых поставил на повестку дня вопрос о новых советско-партийных выдвиженцах из среды местных горских евреев.

В.З. Акопян, опираясь на прочную источниковую базу, исследовал важный для науки вопрос о землеустройстве горско-еврейских беженцев на Юге России в 1920-е – 1930-е гг. [Акопян 2016 а: 52–58]. Не со всеми выводами В.З. Акопяна можно согласиться. Излишне категоричным предстает мнение о том, что масштабные проекты по земельному устройству (аграризации) северокавказских евреев в первые советские десятилетия можно охарактеризовать так: «Грандиозные замыслы, но ничтожные результаты» [Акопян 2016 а: 57]. Однако, акцент на количественных показателях и на затратах «огромных средств» [Акопян 2016 а: 58] не может в полной мере отразить результаты системной трансформации горско-еврейского населения Северного Кавказа. Кроме того, власти и учреждения разных уровней пошли на реализацию специального проекта в отношении горских евреев (как старожильческих, так из числа беженцев). Впрочем, среди несомненных заслуг этого историка – поиск и ввод в научный оборот новых архивных источников (Центр документации новейшей истории Ростовской области – ЦДНИРО и Государственного архива Ростовской области – ГАРО), показ событий переселения разных групп горских евреев в Терский округ СКК в контексте активной деятельности краевых и местных отделений Комзет и ОЗЕТ, рассмотрение разных возможных вариантов расселения горских евреев по территории СКК, исследование различных практик адаптации переселенцев на новых землях и пр. Перспективен и предложенный В.З. Акопяном подход по исследованию конфессиональной политики властей в отношении еврейских религиозных организаций на Юге России в 1920-е гг. [Акопян 2016 б: 213–222]. На широком историческом фоне и материале автор рассмотрел и судьбы культовых сооружений горских евреев. В данном отношении не менее перспективно системно исследовать вопрос об истории синагог у горских евреев в XX в., как несомненных организующих центров их жизни, в сравнении позднеимперского периода с советским [Шапиро 2020], заодно ставя на повестку дня вопросы о составлении списка раввинов, скажем, за первую половину XX в. и о роли религии в жизни горско-еврейских общин на территории СКК 1920-х – 1930-х гг.

В капитальном труде В. Дымшица исследована очень важная и по-прежнему недостаточно изученная тема – политическая активность горских евреев 1920-е гг.; кроме того, подробно охарактеризовано экономическое положение горских евреев в СССР 1920-х – 1930-х гг., а также их землеустройство – с учетом проблем и несомненного опыта разных локальных горско-еврейских групп [Горские 1999: 75–85; 121–143]. Он же рассмотрел несколько кейсов из истории антисемитизма на Северном Кавказе 1920-х гг. [Горские евреи 1999: 196–198], которые, несомненно, стоит использовать в ходе специального исследования об антисемитизме на территории СКК по отношению как к ашкеназам, так и к горским евреям. Л.С. Гатагова рассмотрела данный вопрос более подробно [Гатагова 2008: 74–85]; ее выводы тоже можно использовать при изуче-

нии жизни разных групп горских евреев 1920-х гг. Так, исследователь полагает, что в 1920-е гг. антисемитизм на Северном Кавказе вытеснил «привычную» для населения региона армянофобию; наиболее явным тому подтверждением стала эволюция отношения северокавказских народов к горским евреям: от латентного неприятия (прежде всего, из-за конфессиональных различий) до открытой этнической неприязни, проявившейся в насилии и погромах» [Гатагова 2008: 84]. Вероятно, такое отношение к горским евреям могло быть актуализовано несколько раньше – в период революций 1917 г. и Гражданской войны. Собственно, беженцами они стали именно тогда, хотя тема антисемитизма действительно не исчезла с вовлечением горских евреев в советскую действительность. При этом стоит заметить, что наиболее пострадавшими в 1920-е гг. в данном отношении оказались горские евреи Дагестана [Рамазанова 2011: 95–96; Рамазанова 2014 в: 87–99]. Вместе с тем, почти отсутствуют (не выявлены) данные об антисемитских преследованиях за тот же период джегонасских, нальчикских горских евреев или, например, горско-еврейского населения х. Богдановка и х. Ганштаковка Терского округа СКК. Более того, отработав существенные объемы архивных документов 1920-х гг., можно утверждать, что население Горско-Еврейской колонии КБАО (в отличие, скажем, от горских евреев Дагестана) не ощутило на себе заметных проявлений ни т.н. бытового антисемитизма, ни антисемитизма со стороны отдельных советских и партийных служащих (не путать с государственным антисемитизмом в СССР более позднего времени).

Заключение

Полагаю, что предложенный автором историографический обзор может задать некоторые перспективные направления по дальнейшему изучению и системному осмыслению истории и культуры горских евреев 1920-х – 1930-х гг. Было доказано, что в историографии имеет место определенный дисбаланс в изучении прошлого горских евреев Северного Кавказа XX в.; лучше, по сравнению с 1920-ми и 1930-ми гг., исследован позднеимперский период и революционные события в жизни горско-еврейских общин, а также трагические события Холокоста. Между тем, уже в 1920-е гг. существенно изменились быт, хозяйственные занятия, пространственное размещение и многие социальные характеристики горских евреев, которые (правда, не все) пусть и разновременно, но оказались на территории СКК. Показано, что эти процессы затронули все основные группы горско-еврейского населения, которые вполне репрезентативно изучать на примере джегонасских, дагестанских, нальчикских, моздокских и грозненских горских евреев. Историкам еще предстоит выявить и сравнить соответствующие практики советских и иных структур по решению «еврейского вопроса» применительно как к ашкеназам, так и к горским евреям, совпадавшие далеко не во всем. Собственно, в рамках решения «еврейского вопроса» уместно говорить о «горско-еврейском вопросе», который также обладал политическим и социально-экономическим звучанием. При этом нельзя ограничиваться исследованием только экономических проблем горских евреев (в контексте их аграризации/«осельчанивания»), или, скажем, их вклада в создание двух новых наиболее заметных («моноэтнических») населенных пунктов

на территории СКК – х. Богдановка и х. Ганштаковка. Предстоит решение ряда смежных исследовательских проблем, среди которых:

– религиозная политика советской власти и судьба синагог (или же молитвенных домов, как, например, в х. Богдановка и х. Ганштаковка), а также религиозных деятелей из среды горских евреев;

– происхождение и состав переселенческих партий горских евреев – в контексте новой локализации тех или иных их групп на Северном Кавказе. Так, была сделана важная находка, позволившая уточнить данные о происхождении и составе моздокских горских евреев. Так, согласно данным Северо-Кавказского крайисполкома за декабрь 1926 г., в г. Моздоке проживали горские евреи «в числе около 1000 человек, в прошлом крестьяне из Хасаф-Юрта» (так в тексте. Речь идет о слободе Хасавюрт в Дагестане. – Д.С.), занимающиеся «кустарной обработкой кожи или мелкой торговлей» [ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 326. Л. 1].

– формы и методы коммуникации самих горских евреев с властями разного уровня, а также с краевыми и местными отделениями ОЗЕТ (напр., Терское и Грозненское отделения ОЗЕТ) и Комзет;

– формирование «новых лидеров» среди горско-еврейских групп в 1920-е – 1930-е гг. и новые «социальные лифты» (руководство избами-читальнями, поступление молодежи на рабфаки, их вступление в ряды РКП(б)/ВКП(б) и в ряды РКСМ, работа на должностях председателей колхозов и пр.);

– эволюция быта и традиционных занятий горских евреев под влиянием «аграризации»; колхозное строительство и жизнь населения горско-еврейских хуторов;

– взаимоотношения горских евреев и евреев-ашкеназов;

– «коренизация» и культурное развитие горских евреев СКК, включая т.н. татизацию;

– «старые» и «новые» локальные идентичности горских евреев СКК под влиянием переселенческих и иных процессов;

– межгрупповые (включая генеалогические) связи в пространстве коммуникации локальных горско-еврейских групп;

– исследование демографической ситуации (а также брачности и семейно-брачных отношений, включая формы заключения браков и пр.) в общинах горских евреев СКК, включая их статистический учет властями, который, кстати, нельзя свести только к переписям 1917 г. – 1930-х гг. [Аверьянов 2020: 105]. Напротив, учет количества горских евреев регулярно осуществлялся властями в разных формах, причем еще в первой половине 1920-х гг. Так, согласно годовому отчету совета национальных меньшинств Северо-Кавказского краевого отдела народного образования за 1924/1925 г., евреев на территории СКК насчитывалось 41 192 чел., причем в эту цифру, судя по содержанию документа, включались и горские евреи [ГАРО. Ф. Р-64. Оп. 1. Д. 234. Л. 12]. Другой пример – согласно данным Северо-Кавказского краевого земельного управления от 23 сентября 1925 г., «горские евреи, издавна проживающие в крае» насчитывали примерно 1500–1600 семей или 10000 чел. [ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 301. Л. 2].

– антисемитизм и «социальное самочувствие» горских евреев СКК.

Наконец, одна из важнейших исследовательских задач, по мнению автора, поиск и ввод в научный оборот новых источников – нарративных, визуальных (включая фотографии), документальных – по истории горско-еврейских общин СКК. Соответствующие документальные комплексы в некоторых случаях утрачены, об этом писалось выше. В других случаях ситуация выглядит более обнадеживающей; необходимо, среди прочего, соотнести новое пространственное размещение горских евреев СКК с деятельностью тех фондообразователей, которые включали (могли включать) их в свое функциональное (идеологическое, управленческое и т.п.) пространство. Прежде всего, речь идет об управленческих и иных структурах СКК с центром в г. Ростове-на-Дону. Например, современным исследователям стоит более внимательно отнестись к выявлению документов в ф. Р-7 (Северо-Кавказский крайком ВКП (б)) ЦДНИРО. Еще большее количество находок по истории горских евреев на территории СКК последовало в ходе подробного изучения единиц хранения из нескольких фондов ГАРО). Назову среди них следующие:

- Р-64 (Отдел народного образования крайисполкома (Крайоно));
- Р-1390 (Азово-Черноморское краевое земельное управление (КрайЗУ) краевого исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся);
- Р-1484 (Азово-Черноморский краевой совет Всесоюзного общества по земельному устройству трудящихся евреев СССР (Азчеркрайозет). Название фонда не должно «смущать» исследователей при работе над историей горских евреев времени существования СКК. Во-первых, данная организация изначально называлась по-другому: «Северо-Кавказское областное правление общества по земельному устройству трудящихся евреев («Озет»)). Во-вторых, в данном фонде находится 121 единица хранения за 1924–1937 гг., при том, что Севкавозет был учрежден 1 марта 1926 г. [Акопян 2016 а: 53].
- Р-1485 (Исполнительный комитет Азово-Черноморского краевого Совета депутатов трудящихся (Азчеркрайисполком)). В данном фонде также хранятся документы за период существования СКК. Важно обратить на документирование деятельности краевого «Комзет», точнее «Комитета по земельному устройству трудящихся евреев» при крайисполкоме. Он был организован не просто «в течение года» после создания рабочей группы 1 июня 1925 г. [Акопян 2016 а: 53], а 28 января 1926 г. согласно постановлению Большого Президиума Северо-Кавказского крайисполкома от 28 января 1926 г. [ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 301. Л. 8–9].
- Р-2607 (Северо-Кавказское районное переселенческое управление при краевом земельном управлении);
- Р-2608 (Переселенческий комитет при президиуме Азово-Черноморского крайисполкома).

Благодаря многомесячной архивной эвристике (в т.ч. с неизвестными ранее в науке документами СевкавказОЗЕТ и краевого Комзет при крайисполкоме), автором были введены в научный оборот новые документальные источники середины 1920-х – начала 1930-х гг., позволившие детализировать процессы заселения разными горско-еврейскими группами т.н. моздокских и степновских фондов Терского округа СКК; уяснить принципы сбора информации

различными структурами о разных группах горских евреев; собрать сведения о составе таких переселенческих групп и формах их коммуникации с властями; кроме того – удалось поставить на повестку дня и частично решить новые исследовательские задачи, в т.ч.:

– изучение основных и «побочных», в т.ч. ранее малоизученных в науке, планов со стороны властей расселить горских евреев по территории СКК в контексте разновекторной переселенческой политики советской власти (попытки размещения еврейского населения в Крыму; в Донском и Сальском округах СКК и т.д.);

– определение происхождения и состава горско-еврейских переселенческих групп, переселяемых или предназначавшихся к переселению на территорию Терского округа СКК;

– появление новых горско-еврейских лидеров в условиях (пере)конструирования группы.

Полагаю, что в целях успешного источникового осмысления (решения) заявленных в статье вопросов, изучения перспективных тематических направлений потребуются новый этап архивной эвристики, прежде всего, в государственных архивах: ГАКК, ГАРО, ГАСК, УЦГА АС КБР, УЦДНИ АС КБР, ЦДНИРО.

Благодарности: Выражаю благодарность д.и.н. А.В. Аверьянову (Институт истории и международных отношений Южного федерального университета) за указание на дела № 326 и № 328 из ф. Р-1390 ГАРО.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аверьянов 2020 – *Аверьянов А.В.* Национальная политика на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2020. – 308 с.

Акопян 2016а – *Акопян В.З.* К вопросу о земельном устройстве горскоеврейских беженцев на Юге России в 1920–30-е гг. // Региональный нарратив имперской провинции: современные методологические подходы и исследовательские практики: Сб. научных статей. – Ставрополь: СКФУ, 2016. – С. 52–58.

Акопян 2016б – *Акопян В.З.* Конфессиональная политика центральных и региональных органов власти в отношении еврейских религиозных организаций на Юге России в 1920-е годы // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. – 2016. – № 12. – С. 213–222.

Амосова 2020 – *Амосова С.* [Рец.]. История и культура горских евреев / под ред. Е.М. Назаровой, И.Г. Семенова. – М.: Всемирный конгресс горских евреев, 2018 // *Judaic-Slavic Journal*. – 2020. – № 2 (4). – С. 292–294. – DOI: 10.31168/2658-3364.2020.2.25.

Амосова 2023 – *Амосова С.Н.* Стереотипы и автостереотипы локальных групп горских евреев // Живая старина. – 2023. – № 2. – С. 32–36.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

Гатагова 2008 – *Гатагова Л.С.* Антисемитизм и погромы на Северном Кавказе в контексте кавказских фобий (1920-е годы) // Вестник Тверского государственного университета. – 2008. – №19(79). – Вып.2. – С. 74–85.

Горские евреи 1999 – *Горские евреи: История, этнография, культура* / сост. и ред. В. Дымшиц; под общ. ред. И. Бегуна. – Москва: ДААТ/Знание, 1999. – 464 с.

Дзагов 2012 – *Дзагов Р.Н.* Горские евреи в этнокультурном пространстве Кабардино-Балкарии в XIX – первой трети XX в. // Исторический вестник. – 2012. – Вып. XI. – С. 46–56.

Дымшиц 2018 – *Дымшиц В.* Советская модернизация. Горские евреи во время революции и гражданской войны на Кавказе // История и культура горских евреев / под ред. Е.М. Назаровой, И.Г. Семенова. – Москва: Всемирный конгресс горских евреев, 2018. – С. 160–207.

Елизаров 2012 – *Елизаров М.Ш.* Община горских евреев Чечни. – Израиль: Мирвори, 2012. – 232 с.

Инотаев а – *Инотаев С.А.* Трагическая история еврейских общин на Кавказе. Краткий очерк // Личный архив О.С. Шауловой, 1931 г.р., уроженки с. Богдановка, супруги С.А. Инотаева.

Инотаев б – *Инотаев С.А.* Автобиография участника войны, ветерана труда, инвалида 2-й группы Инотаева Семена Акимовича // Личный архив О.С. Шауловой, 1931 г.р., уроженки с. Богдановка), супруги С.А. Инотаева.

Исход 2000 – Исход горских евреев: разрушение гармонии миров / Сост. С.А. Данилова. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2000. – 216 с.

Касьянов, Баранов, Ишин, Рожков 2022 – *Касьянов В.В., Баранов А.В., Ишин А.В., Рожков А.Ю.* Национальная политика в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР, 1920-е гг.: институциональный и коммуникационный аспекты взаимодействия власти и общества. – Краснодар: КубГУ, 2022. – 450 с.

Коваленко 2009 – *Коваленко В.Ю.* Евреи в хозяйственной, политической и социальной жизни российской провинции в конце XIX – первой трети XX веков (на материалах Ставрополя и Кубани): Дис. ... к.и.н. – Ставрополь, 2009. – 306 с.

Колесов, Сень 2000 – *Колесов В., Сень Д.* Недолгая история горских евреев Северо-Западного Кавказа // Диаспоры. – 2000. – № 3. – С. 198–210.

Колесов 2020 – *Колесов В.И.* Горские евреи, урымы, черкесогаи: типология немусульманских групп Северо-Западного Кавказа середины XIX века // *Judaic-Slavic Journal.* – 2020. – № 2 (4). – С. 33–59. – DOI: 10.31168/2658-3364.2020.2.05.

Колесов 2023 а – *Колесов В.И.* Антропонимия и генеалогия джегонасских горских евреев (случай Бельхияевых) // Геральдика и генеалогия народов Кавказа. К 15-летию со дня смерти Анатолия Ахмедовича Максидова (1944–2008): Материалы Круглого стола (28 января 2023 г.) / отв. ред. и сост. Р.М. Абрамян, Е.В. Пчелов. – Москва: ООО «Старая Басманная», 2023. – С. 42–44.

Колесов 2023 б – *Колесов В.И.* Через генеалогию к семейным историям и сетевым связям джегонасских горских евреев // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: материалы XXXV Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 6–7 апреля 2023 г. / отв. ред. И.Г. Коновалова, Е.В. Пчелов. Москва: ИВИ РАН, 2023. – С. 161–165.

Куповецкий 2018 – *Куповецкий М.* Динамика численности и расселения горских евреев в XIX – начале XXI в. // История и культура горских евреев / под ред. Е.М. Назаровой, И.Г. Семенова. – Москва: Всемирный конгресс горских евреев, 2018. – С. 288–316.

Могаричев 2020 – *Могаричев К.Ю.* К вопросу о дискуссии по поводу Еврейской автономии в СССР: 1920-е гг. // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия «История». – 2020. – № 2. – С. 58–64.

Мурзаханов 2017 – *Мурзаханов Ю.И.* Холокост и горско-еврейские общины // Электронный журнал «Кавказология». – 2017. – № 3. – С. 120–127. – DOI: 10.31143/2542-212X-2017-3-120-127.

Мурзаханов, Норкина 2020 – *Мурзаханов Ю.И., Норкина Е.С.* Правовое положение нальчикских горских евреев (вторая половина XIX – начало XX в.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 3. – С. 129–139. – DOI 10.31143/2542-212X-2020-3-129-139.

Норкина 2020 – *Норкина Е.С.* Многоженство у горских евреев Кавказа в XIX – начале XX вв. // *Judaic-Slavic Journal.* – 2020. – № 2 (4). – С. 102–110. DOI: 10.31168/2658-3364.2020.2.09.

Рамазанова 2010 – *Рамазанова Д.Ш.* Переселение горских евреев Дагестана в 1920–1930 гг. // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – Вып. 10/2010. – 2010. – С. 72–80.

Рамазанова 2011 – *Рамазанова Д.Ш.* Горские евреи Дагестана в переселенческой политике советской власти (1926–1933 гг.) // Научная мысль Кавказа. – 2011. – № 1. – С. 89–97.

Рамазанова 2014 а – *Рамазанова Д.Ш.* Из истории горских евреев Дагестана (1920–1930-е гг.): Сб. документов. – Москва: Парнас, 2014. – 360 с.

Рамазанова 2014 б – *Рамазанова Д.Ш.* Горские евреи Дагестана в национальной политике советской власти в 1920–1930-е гг. – Москва: Парнас, 2014. – 184 с.

Семенов 2003 – *Семенов И.Г.* Горские евреи. Некоторые аспекты этнической идентификации (конец XIX – начало XXI века) // Центральная Азия и Кавказ. Журнал социально-политических исследований. – 2003. – №3 (27). – С. 191–200. EDN QJYXGE.

Семенов 2013 – *Семенов И. Г.* Современные этнические самоназвания горских евреев (новации последних десятилетий) // Дагестан и дагестанцы: взгляд на себя. – Москва: Российская политическая энциклопедия, 2013. – С. 236–242. EDN RYUTLD.

Сень 2023 – *Сень Д.В.* Горско-Еврейская колония Кабардино-Балкарской автономной области во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. // Северокавказский город как пространство социально-экономического развития и межкультурного диалога (к 300-летию г. Нальчика): материалы Международной научно-практической конференции (Нальчик, 28–30 сентября 2023 г.): в 2 частях / отв. ред. В.М. Грусман. – Нальчик: Кабардино-Балкарский университет, 2023. – Ч. 1. – С. 57–68.

Хлынина, Кринко 2014 – *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф.* История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону, ЮНЦ РАН, 2014. – 434 с.

Шахбанова, Загирова, Лысенко 2018 – *Шахбанова М.М., Загирова Э.М., Лысенко Ю.М.* Типы этнической идентичности горских евреев // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2018. – № 7. – С. 70–74. DOI 10.23672/SAE.2018.2018.15794. – EDN XVRCCD.

Шахбанова, Лысенко 2018 – *Шахбанова М., Лысенко Ю.* Этническая идентичность горских евреев: культурные установки и автостереотипы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2018. – № 4. – С. 235–241. DOI: 10.22394/2079-1690-2018-1-4-235-24.

Шахбанова, Лысенко, Мамараев 2018 – *Шахбанова М.М., Лысенко Ю.М., Мамараев Р.М.* Этническая идентичность горских евреев: культурные установки и автостереотипы // Сборник научных статей Института социальных исследований ИнГУ. – Назрань: ООО «КЕП», 2018. – С. 202–225. – EDN SPNNDF.

Шапиро 2020 – *Шапиро Г.Е.* Архитектура синагог юга Российской империи второй половины XIX – начала XX века. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. – 208 с.

REFERENCES

AVER"YaNOV A.V. *Natsional'naya politika na Donu, Kubani i Stavropol'e v 1920–1930-e gg* [National policy on the Don, Kuban and Stavropol in the 1920s-1930s.]. – Rostov-on-Don: YuFU, 2020. – 308 p. (In Russ.).

АКОРҮаН V.Z. *K voprosu o zemel'nom ustroistve gorskoevreiskikh bezhentsev na Yuge Rossii v 1920–30-e gg.* [On the issue of the land arrangement of the City of Oevrei refugees in the South of Russia in the 1920s and 30s.]. In: *Regional'nyi narrativ imperskoi provintsii: sovremennye me-todologicheskie podkhody i issledovatel'skie praktiki: Sb. nauchnykh statei.* – Stavropol': SKFU, 2016. – P. 52–58. (In Russ.).

АКОРҮаН V.Z. *Konfessional'naya politika tsentral'nykh i regional'nykh organov vlasti v otnoshenii evreiskikh religioznykh organizatsii na Yuge Rossii v 1920-e gody* [Confessional policy of central and regional authorities regarding Jewish religious organizations in the South of

Russia in the 1920s]. In: Vestnik Essentukского института upravleniya, biznesa i prava. – 2016. – № 12. – P. 213–222. (In Russ.).

AMOSOVA S. [Rets.]. *Istoriya i kul'tura gorskikh evreev / pod red. E.M. Nazarovoi, I.G. Semenova.* – M.: Vsemirnyi kongress gorskikh evreev, 2018 [History and culture of mountain Jews/ed. E.M. Nazarova, I.G. Semenova. – M.: World Congress of Mountain Jews, 2018]. In: Judaic-Slavic Journal. – 2020. – № 2 (4). – P. 292–294. – DOI: 10.31168/2658-3364.2020.2.25. (In Russ.).

AMOSOVA S.N. *Stereotipy i avtostereotipy lokal'nykh grupp gorskikh evreev* [Stereotypes and autostereotypes of local groups of mountain Jews]. In: Zhivaya starina. – 2023. – № 2. – P. 32–36. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State Archive of the Rostov Region]. (In Russ.).

GATAGOVA L.S. *Antisemitizm i pogromy na Severnom Kavkaze v kontekste kav-kazskikh fobii (1920-e gody)* [Anti-Semitism and pogroms in the North Caucasus in the context of Caucasian phobias (1920s)]. In: Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2008. – № 19 (79). – V. 2. – P. 74–85. (In Russ.).

Gorskie evrei: Istoriya, etnografiya, kul'tura / sost. i red. V. Dymshits; pod obshch. red. I. Beguna [Mountain Jews: History, ethnography, culture/comp. and ed. V. Dymshits; under the general. ed. I. Beguna]. – Moscow: DAAT/Znanie, 1999. – 464 p. (In Russ.).

DZAGOV R.N. *Gorskie evrei v etnokul'turnom prostranstve Kabardino-Balkarii v XIX – pervoi treti XX v.* [Mountain Jews in the ethnocultural space of Kabardino-Balkaria in the XIX - the first third of the XX century]. In: Istoricheskii vestnik. – 2012. – V. XI. – P. 46–56. (In Russ.).

DYMSHITS V. *Sovetskaya modernizatsiya. Gorskie evrei vo vremya revolyutsii i grazhdanskoi voyny na Kavkaze* [Soviet modernization. Mountain Jews during the revolution and civil war in the Caucasus]. In: Istoriya i kul'tura gorskikh evreev / pod red. E.M. Nazarovoi, I.G. Semenova. – Moscow: Vsemirnyi kongress gorskikh evreev, 2018. – P. 160–207. (In Russ.).

ELIZAROV M.Sh. *Obshchina gorskikh evreev Chechni* [Community of Mountain Jews of Chechnya]. – Izrail: Mirvori, 2012. – 232 p. (In Russ.).

INOTAEV S.A. *Tragicheskaya istoriya evreiskikh obshchin na Kavkaze. Kratkii ocherk* [The tragic history of Jewish communities in the Caucasus. Brief essay]. In: Lichnyi arkhiv O.S. Shaulovoi, 1931 g.r., urozhenki s. Bogdanovka, suprugii S.A. Inotaeva. (In Russ.).

INOTAEV S.A. *Avtobiografiya uchastnika voyny, veterana truda, invalida 2-i gruppy Inotaeva Semena Akimovicha* [Autobiography of a war participant, labor veteran, disabled person of the 2nd group Inotaev Semyon Akimovich]. In: Lichnyi arkhiv O.S. Shaulovoi, 1931 g.r., urozhenki s. Bogdanovka, suprugii S.A. Inotaeva. (In Russ.).

Iskhod gorskikh evreev: razrushenie garmonii mirov / Sost. S.A. Danilova [Exodus of Mountain Jews: Destruction of Harmony of Worlds / Comm. S.A. Danilova]. – Nalchik: Poligrafservis i T, 2000. – 216 p. (In Russ.).

KAS"YaNOV V.V., BARANOV A.V., ISHIN A.V., ROZHKOV A.Yu. *Natsional'naya politika v Severo-Kavkazskom krae i Krymskoi ASSR, 1920-e gg.: institutsional'nyi i kommunikatsionnyi aspekty vzaimodeistviya vlasti i obshchestva* [National policy in the North Caucasus region and the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, 1920s: institutional and communication aspects of the interaction of power and society]. – Krasnodar: KubGU, 2022. – 450 p. (In Russ.).

KOVALENKO V.Yu. *Evrei v khozyaistvennoi, politicheskoi i sotsial'noi zhizni rossiiskoi provintsii v kontse XIX – pervoi treti XX vekov (na materialakh Stavropol'ya i Kubani)* [Jews in the economic, political and social life of the Russian province at the end of the XIX - the first third of the XX centuries (on the materials of Stavropol and Kuban)]: Dis. ... k.i.n. – Stavropol', 2009. – 306 p. (In Russ.).

KOLESOV V., SEN" D. *Nedolgaya istoriya gorskikh evreev Severo-Zapadnogo Kavkaza* [Short-lived history of mountain Jews of the North-West Caucasus]. In: Diaspory. – 2000. – № 3. – P. 198–210. (In Russ.).

KOLESOV V.I. *Gorskie evrei, urymy, cherkesogai: tipologiya nemusul'manskikh grupp Severo-Zapadnogo Kavkaza serediny XIX veka* [Mountain Jews, Urymas, Circassian: typology of

non-Muslim groups of the North-West Caucasus of the mid-19th century]. In: *Judaic-Slavic Journal*. – 2020. – № 2 (4). – P. 33–59. – DOI: 10.31168/2658-3364.2020.2.05. (In Russ.).

KOLESOV V.I. *Antroponimiya i genealogiya dzhegonasskikh gorskikh evreev (sluchai Bel'khiyaevykh)* [Anthroponymy and genealogy of the Jegonas mountain Jews (Belkhiyaev case)]. In: *Geral'dika i genealogiya narodov Kavkaza. K 15-letiyu so dnya smerti Anatoliya Akhmedovicha Maksidova (1944–2008): Materialy Kruglogo stola (28 yanvarya 2023 g.) / otv. red. i sost. R.M. Abramyan, E.V. Pchelov*. – Moscow: OOO «Staraya Basmannaya», 2023. – P. 42–44. (In Russ.).

KOLESOV V.I. *Cherez genealogiyu k semeinyim istoriyam i setevo-aktornym svyaziyam dzhegonasskikh gorskikh evreev* [Through genealogy to family stories and network-actor relations of Jegonas mountain Jews]. In: *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremen-nom nauchnom znanii: materialy XXXV Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Moscow, 6–7 aprelya 2023 g. / otv. red. I.G. Konovalova, E.V. Pchelov*. Moscow: IVI RAN, 2023. – P. 161–165. (In Russ.).

KUPOVETSKII M. *Dinamika chislennosti i rasseleniya gorskikh evreev v XIX – nachale XXI v.* [Dynamics of the number and resettlement of mountain Jews in the XIX - early XXI centuries]. In: *Istoriya i kul'tura gorskikh evreev / pod red. E.M. Nazarovoi, I.G. Semenova*. – Moscow: Vsemirnyi kongress gorskikh evreev, 2018. – P. 288–316. (In Russ.).

MOGARICHEV K.Yu. *K voprosu o diskussii po povodu Evreiskoi avtonomii v SSSR: 1920-e gg.* [To the question of discussion about Jewish autonomy in the USSR: 1920s.]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo. Seriya «Istoriya»*. – 2020. – № 2. – P. 58–64. (In Russ.).

MURZAKHANOV Yu.I. *Kholokost i gorsko-evreiskie obshchiny* [Holocaust and mountain-Jewish communities]. In: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2017. – № 3. – P. 120–127. – DOI: 10.31143/2542-212X-2017-3-120-127. (In Russ.).

MURZAKHANOV Yu.I., NORKINA E.S. *Pravovoe polozhenie nal'chikskikh gorskikh evreev (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [The legal situation of Nalchik mountain Jews (the second half of the XIX - early XX centuries)]. In: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2020. – № 3. – P. 129–139. – DOI 10.31143/2542-212X-2020-3-129-139. (In Russ.).

NORKINA E.S. *Mnogozhenstvo u gorskikh evreev Kavkaza v XIX – nachale XX vv.* [Polygamy among mountain Jews of the Caucasus in the XIX - early XX centuries]. In: *Judaic-Slavic Journal*. – 2020. – № 2 (4). – P. 102–110. DOI: 10.31168/2658-3364.2020.2.09. (In Russ.).

RAMAZANOVA D.Sh. *Pereselenie gorskikh evreev Dagestana v 1920–1930 gg.* [Resettlement of mountain Jews of Dagestan in 1920-1930]. In: *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i sotsial'nye nauki»*. – V. 10/2010. – 2010. – P. 72–80. (In Russ.).

RAMAZANOVA D.Sh. *Gorskie evrei Dagestana v pereselencheskoi politike sovetskoj vlasti (1926–1933 gg.)* [Mountain Jews of Dagestan in the resettlement policy of Soviet power (1926-1933)]. In: *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. – 2011. – № 1. – P. 89–97. (In Russ.).

RAMAZANOVA D.Sh. *Iz istorii gorskikh evreev Dagestana (1920–1930-e gg.)* [From the History of the Mountain Jews of Dagestan (1920s-1930s)]: *Sb. dokumentov*. – Moscow: Parnas, 2014. – 360 p. (In Russ.).

RAMAZANOVA D.Sh. *Gorskie evrei Dagestana v natsional'noi politike sovetskoj vlasti v 1920–1930-e gg* [Mountain Jews of Dagestan in the national policy of Soviet power in the 1920s-1930s.]. – Moscow: Parnas, 2014. – 184 p. (In Russ.).

SEMENOV I.G. *Gorskie evrei. Nekotorye aspekty etnicheskoi identifikatsii (konets XIX – nachalo XXI veka)* [Mountain Jews. Some aspects of ethnic identification (late XIX - early XXI centuries)]. In: *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. Zhurnal sotsial'no-politicheskikh issledovaniy*. – 2003. – №3 (27). – P. 191–200. EDN QJYXGE. (In Russ.).

SEMENOV I.G. *Sovremennye etnicheskie samonazvaniya gorskikh evreev (novatsii poslednikh desyatiletii)* [Modern ethnic self-names of mountain Jews (innovations of recent decades)]. In: *Dagestan i dagestantsy: vzglyad na sebya*. – Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 2013. – P. 236–242. EDN RYUTLD. (In Russ.).

SEN" D.V. *Gorsko-Evreiskaya koloniya Kabardino-Balkarskoi avtonomnoi oblasti vo vtoroi polovine 1920-kh – nachale 1930-kh gg.* [Mountain-Jewish colony of the Kabardino-Balkarian Autonomous Region in the second half of the 1920s – early 1930s.]. In: Severokavkazskii gorod kak prostranstvo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya i mezhkul'turnogo dialoga (k 300-letiyu g. Nal'chika): materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Nal'chik, 28–30 sentyabrya 2023 g.): v 2 chastyakh / otv. red. V.M. Grusman. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskii universitet, 2023. – Ch. 1. – P. 57–68. (In Russ.).

KhLYNINA T.P., KRINKO E.F. *Istoriya, politika i natsiestroitel'stvo na Severnom Kavkaze* [History, Politics and Nation-Building in the North Caucasus]. – Rostov-on-Don: YuNTs RAN, 2014. – 434 p. (In Russ.).

ShAKhBANOVA M.M., ZAGIROVA E.M., LYSENKO Yu.M. *Tipy etnicheskoi identichnosti gorskikh evreev* [Types of ethnic identity of mountain Jews]. In: Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. – 2018. – №7. – P. 70–74. DOI 10.23672/SAE.2018.2018.15794. – EDN XVRCCD. (In Russ.).

ShAKhBANOVA M., LYSENKO Yu. *Etnicheskaya identichnost' gorskikh evreev: kul'turnye ustanovki i avtostereotipy* [Ethnic identity of Mountain Jews: cultural attitudes and autostereotypes]. In: Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. – 2018. – № 4. – P. 235–241. DOI: 10.22394/2079-1690-2018-1-4-235-24. (In Russ.).

ShAKhBANOVA M.M., LYSENKO Yu.M., MAMARAEV R.M. *Etnicheskaya identichnost' gorskikh evreev: kul'turnye ustanovki i avtostereotipy* [Ethnic identity of mountain Jews: cultural attitudes and autostereotypes]. In: Sbornik nauchnykh statei Instituta sotsial'nykh issledovaniy IngGU. – Nazran: OOO «KEP», 2018. – P. 202–225. – EDN SPNNDP. (In Russ.).

ShAPIRO G.E. *Arkhitektura sinagog yuga Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka* [Architecture of synagogues in the south of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries]. – Rostov-on-Don; Taganrog: Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2020. – 208 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Д.В. Сень – доктор исторических наук.

Information about the author

D.V. Sen' – doctor of sciences (History).

Статья поступила в редакцию 30.11.2023 г.; одобрена после рецензирования 05.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 30.11.2023; approved after reviewing 05.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья
УДК: 93/94(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-308-325
EDN: KXVWVX

**«...СОБЫТИЯ ЭТИ ИМЕЮТ СВОИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
И ПРИВЕРЖЕНЦЕВ ВО ВСЕХ ПОЧТИ СЕЛЕНИЯХ ОБЛАСТИ».
ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ О БАКСАНСКИХ СОБЫТИЯХ 1928 г.
В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ**

**Касболат Фицевич Дзамихов¹, Артур Гусманович Кажаров²,
Карина Аслановна Кушхова³**

^{1,2} Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия.

¹ casbolat2013@yandex.ru

² arturkazharov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5763-2194>

³ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, k_rina98@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5434-1041>

Аннотация. Статья посвящена исследованию исторических причин и предпосылок трагических событий, которые произошли в Баксанском округе Кабардино-Балкарской автономной области в июне 1928 г. и вошли в историю как «Баксанские события». Это было первое, открытое и масштабное, протестное выступление части кабардинского крестьянства против политики советской власти в экономике, социальной и культурно-идеологической сферах.

Советская модель модернизация всех сторон жизни и деятельности кабардино-балкарского общества означала разрыв с традиционными представлениями народов Кабардино-Балкарии, что объективно вело к накоплению конфликтного потенциала в отношениях между различными субъектами политического процесса. В результате в конце 1920-х гг. происходит открытое вооруженное противостояние, в ходе которого погибло и пострадало немало людей.

Причины и предпосылки, ход и характер, движущие силы, итоги и последствия Баксанских событий 1928 г. до сих пор не получили должного глубокого и непредвзятого исследования в региональной историографии. Публикуемые документы и материалы должны способствовать глубокому и объективному изучению всех аспектов истории Баксанских событий, что имеет большое научное значение.

Ключевые слова: власть, документы, материалы, крестьянство, духовенство, ислам, шариат, идеология.

Для цитирования: Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г., Кушхова К.А. «...События эти имеют своих представителей и приверженцев во всех почти селениях области». Документы и материалы о Баксанских событиях 1928 г. в Кабардино-Балкарии // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 308-325. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-308-325. EDN: KXVWVX.

© Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г., Кушхова К.А., 2023

Original article

**“...THESE EVENTS HAVE THEIR REPRESENTATIVES
OF SUPPORTERS IN ALMOST ALL VILLAGES OF THE REGION.”
DOCUMENTS AND MATERIALS ABOUT THE BAKSAN EVENTS
OF 1928 IN KABARDINO-BALKARIA**

Kasbolat F. Dzamikhov¹, Artur G. Kazharov², Karina A. Kushkhova³

^{1,2} The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia.

¹ casbolat2013@yandex.ru

² arturkazharov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5763-2194>

³ Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, k_rina98@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5434-1041>

Abstract. The article is devoted to the study of the historical causes and prerequisites of the tragic events that occurred in the Baksan district of the Kabardino-Balkarian Autonomous Region in June 1928 and went down in history as the “Baksan events”. This was the first, open and large-scale protest of a part of the Kabardian peasantry against the policies of the Soviet government in the economic, social and cultural-ideological spheres.

The Soviet model of modernization of all aspects of life and activity of Kabardino-Balkarian society meant a break with the traditional ideas of the peoples of Kabardino-Balkaria, which objectively led to the accumulation of conflict potential in relations between various subjects of the political process. As a result, in the late 1920s. There is an open armed confrontation, during which many people died and were injured.

The causes and prerequisites, course and character, driving forces, results and consequences of the Baksan events of 1928 have still not received proper in-depth and unbiased research on regional historiography. Published documents and materials should contribute to a deep and objective study of all aspects of the history of the Baksan events, which is of great scientific importance.

Keywords: power, documents, materials, peasantry, clergy, Islam, Sharia, ideology.

For citation: Dzamikhov K.F., Kazharov A.G., Kushkhova K.A. “...These events have their representatives of supporters in almost all villages of the region.” Documents and materials about the Baksan events of 1928 in Kabardino-Balkaria. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 308-325. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-308-325. EDN: KXVWVX.

© Dzamikhov K.F., Kazharov A.G., Kushkhova K.A., 2023

В конце 1920-х гг. в Кабардино-Балкарии произошли трагические события. В Баксанском округе определенная часть крестьянства 9–12 июня 1928 г. открыто выступила против советской власти, в столкновении погибло немало людей. В этих событиях принимали участие несколько тысяч человек. О масштабах возникшей проблемы можно судить и по оценке Б.Э. Калмыкова, который считал, что «...события эти имеют своих представителей и приверженцев во всех почти селениях области» [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 11]. В результате рассмотрения данного дела к «высшей мере социальной защиты», то есть расстрелу, были приговорены 11 человек.

Вопрос о Баксанских событиях рассматривался на разных уровнях системы государственной и партийной власти.

Северо-Кавказский краевой комитет ВКП (б) 22 июня 1922 г. принял постановление, в котором события были названы «Баксанским массовым выступлением», выразившимся в «разгроме окрисполкома, захвате оружия и избииении милиции и, в дальнейшем, в попытке разоружения воинской части» [РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 43. Л. 13].

Пленум Кабардино-Балкарского областного комитета ВКП (б) 30 июня 1928 г. рассмотрел вопрос «О Баксанских событиях». На пленуме было признано, что причинами выступления крестьян были, в частности, «нажим на кулака в хлебозаготовках, реализация займа, самообложение». Подчеркивалось также и «ущемленное состояние мусульманского духовенства», «безнадежность их чаяний на восстановление выбитых у них политических прав и экономической базы» [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 46–56].

11–24 июня было вынесено 53 протокольных решения «на общих сходах граждан», «собраниях бедноты», «заседаниях сельских советов», «собраниях беспартийных», «собраниях партийных ячеек», «собраниях учителей», проходивших в населенных пунктах всех округов Кабардино-Балкарской автономной области. Как видно, некоторые из них проходили в то время, когда еще продолжались Баксанские события. В этих мероприятиях также приняли участие несколько тысяч человек, а в решениях фиксировалось осуждение выступления против советской власти представителей отдельных сельских обществ [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 26–40].

Приведенные данные свидетельствуют о расколе кабардино-балкарского общества в рассматриваемый период.

С самого начала определенное влияние исламского фактора в Баксанских событиях, наряду и с другими, было очевидным. В советский период исследователи проблем социалистического строительства в Кабардино-Балкарии, в частности, А.К. Текуев, Р.Х. Гугов и другие отмечали влияние представителей исламских кругов на предпосылки, ход и характер Баксанских событий [Текуев 1960; Гугов 1961].

Для воссоздания истории Баксанских событий необходим комплексный и тщательный анализ как опубликованных, так и новых архивных материалов. Большое значение имеют документы из архива КГБ, размещенные в работах Г.К. Дзуева и А.В. Казакова – это материалы «Обвинительного заключения № 10269 по следственному делу по обвинению участников (всего 118 человек) контрреволюционного шариатско-кулацкого выступления в Баксанском округе Кабардино-Балкарской автономной области...» [Дзуев 1997; Органы государственной безопасности... 2007].

Большой научный интерес представляют исторические предпосылки Баксанских событий и причины вовлеченности в них представителей мусульманского духовенства.

Вышеуказанный пленум Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) отмечал, что Баксанские события имеют «глубокие исторические корни» [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 46]. В данном случае можно заострить внимание не только на «глубоких исторических корнях», но в целом и на переломных исторических

событиях 1920-х гг., несомненно, оказавших влияние на развитие социально-политической ситуации в Кабардино-Балкарии в конце 1920-х гг.

Именно в этот период были заложены основы социально-политической и экономической трансформации горских обществ, началось формирование новых культурных ценностей на принципиально иной для горской действительности идеологической основе, внедрение которой фактически означало глубокий и болезненный разрыв с традиционной национальной картиной мира. Фундаментальный характер имели начавшиеся процессы развития просвещения, образования, письменности на родных языках, а также изменение положения женщин в обществе и т.д.

Поистине революционным шагом стала государственная национальная политика, направленная на коренизацию, то есть выращивание местных кадров, опора на коренное население, привлечение на всех уровнях государственного и административного управления и самоуправления представителей горских народов [Красовицкая 2012: 199].

Данное обстоятельство в корне изменило систему взаимоотношений власти и общества. Если в дореволюционный период социальные протесты означали столкновение определенных слоев горского населения и российской администрации, то в послереволюционное время они получили сугубо внутреннее (этническое) измерение, как было в ходе Баксанских событий.

Окончание Гражданской войны весной 1920 г. положило начало мирному этапу социально-политического и экономического развития горских народов. Приоритетным направлением государственной политики советской власти стало формирование системы национальных автономий, в том числе и на Северном Кавказе [Чистяков 1966]. Это было следствием комплекса объективных исторических обстоятельств: целенаправленной национальной политики Советского государства, осознания народами своих национальных интересов в конкретно-исторических условиях и их трансляцией зарождавшимися новыми элитами. В результате свободного народного волеизъявления Кабарда и Балкария вышли из состава Горской АССР, и была образована объединенная национальная автономия кабардинского и балкарского народов [Кажаров 2019].

Именно в 1920-е гг. в основном было завершено формирование новой национально-государственной и административно-территориальной конструкции в регионе. Таким образом, были заложены основы утверждения российского государства и разрешения национальных и межнациональных проблем на Северном Кавказе. Указанные процессы и явления объективно отвечали интересам горских народов. Не случайно, что именно в ходе решения вопросов конституирования национальной автономии в Кабардино-Балкарии в первой половине 1920-х гг. происходит внутренняя консолидация народов и их элит.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что проводимые советской властью социально-экономические и культурно-идеологические реформы актуализировали глубинные противоречия в обществе и спровоцировали открытые конфликты между разными акторами новой политической системы.

В условиях революции и Гражданской войны 1917–1920 гг., которые привели к крушению Российской империи, сформировались факторы, которые бы-

ли во многом конъюнктурными, но имели определяющее значение и для последующего периода – 1920-х гг. Они были обусловлены реалиями военно-политического противостояния, когда возникали кратковременные союзы и блоки, происходило усиление или ослабление различных политических и социальных групп. Полностью были дестабилизированы государственные устои, возникла ситуация не контролируемой и не регулируемой «народной стихии»; активной политической силой выступили представители исламского духовенства, исламская идеология стала оказывать существенное воздействие на развитие революционной и военно-политической ситуации. Новые силы и идеологии во многом влияли на исход противостояния между разными военно-политическими лагерями в Гражданской войне.

На Северном Кавказе, в том числе и в Кабардино-Балкарии народные массы оказались вовлечены в активную военную и политическую жизнь. На это повлияло и то, что указанный период исторически явился продолжением Первой мировой войны, на фронтах которой сражались многие представители горских народов. Ислам, как идеология, был им близок и понятен. Исламские деятели сразу же после Февральской революции 1917 г. начинают претендовать на ведущие политические роли, в регионе происходит политизация ислама.

В мае 1917 г. во Владикавказе состоялся съезд народов Северного Кавказа. В его работе исламские деятели сыграли не последнюю роль. С 1917 г. происходит активизация их деятельности. В рамках Союза объединенных горцев было создано духовное управление.

В условиях революции и Гражданской войны выдвинулись такие мусульманские деятели, как Нажмутдин Гоцинский, Узун-Хаджи Салтинский, Назир Катханов и др., обладавшие высоким авторитетом и социальной поддержкой.

Н. Гоцинский в августе 1917 г. был провозглашен имамом Северного Кавказа [Доного 2011: 145–146], Узун-Хаджи создал теократическое государство – Северо-Кавказский эмират, который существовал в 1919–1920 гг. [Сулаев 2007: 40], а Н. Катханов возглавлял национальные части Первой ударной шариатской колонны, которые сыграли определяющую роль в восстановлении советской власти в Кабардино-Балкарии [Текуева 2008: 132–133].

Все указанные религиозные деятели выстраивали различные связи с теми или иными представителями крупных военно-политических лагерей Гражданской войны. Мусульманское духовенство, почувствовав свою силу, стремилось играть определяющую роль на местах, конкурируя с политическими структурами и органами государственной власти.

Окончание Гражданской войны и начало мирного этапа, как правило, сопровождается крушением сформировавшихся тактических блоков, началом противоречий, конфликтов и открытых столкновений. Доминировавшие в условиях военного времени политические силы или деятели могли и не вписываться в мирные социально-политические реалии, но на определенном этапе они сосуществовали друг с другом и после войны, образуя сложную, противоречивую и неустойчивую систему.

На начальном этапе мирного строительства в 1920-е гг. в Кабардино-Балкарии наряду с официальной государственной системой сформировалась

оппозиционная сила, куда входили, в том числе мусульманские религиозные деятели, имевшие социальную поддержку. Более того, многие из них были интегрированы в систему советской власти и управления. Она имплицитно представляла собой альтернативную силу, которая претендовала на то, чтобы неформально и монопольно определять культурно-идеологический облик и повседневную практику народных масс в Кабардино-Балкарии. При определенных социально-политических условиях ее представители могли сорганизоваться и для решительных действий.

Советская власть учитывала влияние и роль служителей исламского духовенства в жизни горских народов. В апреле 1921 г. на учредительном съезде Советов Горской АССР С.М. Киров в своей речи заявил, что советская власть не имеет ничего против религиозных постулатов, если они не проявляют попыток негативного вмешательства в политическую обстановку. «Можно молиться, верить и надеяться на что хочешь, – сказал он, – но когда вопрос идет о шариате, то тут затрагивается не одна религиозная сторона, но также и область общего управления. Мы укрепляем шариат для укрепления власти трудящихся. Как вы это делаете – этот вопрос нас ни с какой стороны не интересует. Это ваше дело... Если же, благодаря автономии, шариатскому суду и прочему, попытается развязать руки контрреволюция, мы тогда скажем: этот шариат не годится...» [Киров 1957: 127].

Однако, в силу наличия абсолютной и объективной несовместимости политико-идеологических воззрений двух альтернативных идеологий – исламской и советской государственной, потенциал «конструктивного» взаимодействия приверженцев советской власти и исламских кругов быстро исчерпал себя. В программе РКП (б), принятой еще на VIII съезде РКП (б) в марте 1919 г., указывалось, что «...партия стремится к полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительскую и антирелигиозную пропаганду» [КПСС в резолюциях... 1954: 40–41].

Для приверженцев и служителей различных религий определяющее значение в мировоззрении имеет целенаправленная проповедь соответствующих ценностей. Поэтому столкновение было неизбежным. Обе стороны стремились формировать общественное мнение самого многочисленного слоя населения Кабардино-Балкарии – крестьянства и привлечь его на свою сторону. При этом и представители советской власти, и религиозные деятели в основном имели крестьянское происхождение. Видные государственные деятели этого периода были, прежде всего, крестьянскими вожаками [Дзамихов Кажаров 2022: 5]. Б.Э. Калмыков – лидер большевиков Кабардино-Балкарии – говорил: «Я сын крестьянина, я буду до последней капли крови защищать интересы трудового крестьянства» [Калмыков 1983: 18]. А в документах, проливающих свет на Баксанские события, отмечалась «принадлежность мулл в абсолютном большинстве к сословию крестьян» [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 46].

На ухудшение ситуации влияло и ужесточение политики советской власти в отношении ислама и его служителей. В частности, в соответствии с предпи-

санием Наркомюста РСФСР в 1922 г. в Кабардино-Балкарии упразднили областной совет шариатских судей и областной шариатский суд. Дела, находившиеся в их производстве, передали создаваемым народным судам. В 1927 г. Оргбюро ЦК ВКП (б) постановило провести полное изъятие из рук духовенства ведение актов гражданского состояния и т.д. [Мамсиров 2004: 167, 171].

Процесс противостояния советской власти и мусульманского духовенства в Кабардино-Балкарии вызревал весь период 1920-х гг. и завершился открытым столкновением в условиях Баксанских событий 1928 г.

Публикуемые документы и материалы были извлечены из фондов Центра документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики (Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. ЛЛ. 11–12, 46–56). Их введение в научный оборот, несмотря на их классово-идеологические основания, будут способствовать более глубокому пониманию природы Баксанских событий – трагических в истории Кабардино-Балкарии в новейшее время.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Гугов 1961 – *Гугов Р.Х.* Кабардино-Балкария в первые годы социалистической реконструкции народного хозяйства СССР. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1961. – 167 с.

Дзамихов, Кажаров 2022 – *Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.* Кабардино-Балкария – Республика в составе Российской Федерации (1922–2022 гг.). – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2022. – 716 с.

Дзуев 1997 – *Дзуев Г.К.* Кровавое лето 1928-го: Очерки [о крестьян. движении в Кабард.-Балкар. Респ.]. – Нальчик : Эльбрус, 1997. – 103 с.

Доного 2011 – *Доного Х.М.* Нажмудин Гоцинский. – Махачкала: ДГПУ, 2011. – 560 с.

Кажаров 2019 – *Кажаров А.Г.* Становление национальной автономии Кабардино-Балкарии: предпосылки, альтернативы, итоги (1917–1920-е гг.). – Нальчик: КБГУ, 2019. – 408 с.

Калмыков 1983 – *Калмыков Б.Э.* Статьи и речи. Издание второе, дополненное. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 239 с.

Киров 1957 – *Киров С.М.* Избранные статьи и речи (1912–1934). – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – 718 с.

КПСС в резолюциях... 1953 – КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1953) / Ин-т марк.-ленин. при ЦК КПСС. 7-е изд. – М.: Госполитиздат, 1953. – Ч. 1: 1898–1925. – 952 с.

Красовицкая 2012 – *Красовицкая Т.Ю.* Конфликт идеалов и практик ранней советской государственности. Механизмы и практики этнополитических процессов (1917-1929 гг.) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. – М.: Новый хронограф, 2012. – С. 151–206.

Мамсиров 2004 – *Мамсиров Х.Б.* Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 328 с.

Органы государственной безопасности... 2007 – Органы государственной безопасности и общество. Кабардино-Балкария 1920-1992. Сборник документов и материалов / Составитель и автор комментариев канд. ист. наук А.В. Казаков. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», Издательский центр «Эль-Фа», 2007. – 376 с.

Сулаев 2007 – *Сулаев И.Х.* Шейх Узун-Хаджи Салтинский: штрихи к портрету // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2007. – № 3. – С. 36–42.

Текуев 1960 – *Текуев А.К.* Борьба Кабардино-Балкарской парторганизации за социалистические преобразования сельского хозяйства. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1960. – 152 с.

Текуева 2008 – *Текуева М.А.* Личность Катханова в историческом измерении // Катханов К.Н. Назыр: Книга об отце. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – С. 120–141.

Чистяков 1966 – *Чистяков О.И.* Становление «Российской Федерации». – М.: Издательство Московского университета, 1966. – 327 с.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

ЦДНИ КБР – Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики

REFERENCES

GUGOV R.H. *Kabardino-Balkarija v pervye gody socialisticheskoj rekonstrukcii narodnogo hozjajstva SSSR* [Kabardino-Balkaria in the first years of socialist reconstruction of the national economy of the USSR]. – Nal'chik: Kabard.-Balkar. kn. izd-vo, 1961. – 167 p. (In Russ.).

DZAMIKHOV K.F., KAZHAROV A.G. *Kabardino-Balkarija – Respublika v sostave Rossijskoj Federacii (1922–2022 gg.)*. [Kabardino-Balkaria – Republic within the Russian Federation (1922–2022)]. – Nal'chik: Izdatel'skaja tipografija «Print Centr», 2022. – 716 p. (In Russ.).

DZUEV G.K. *Krovavoe leto 1928-go: Oчерki [o krest'jan. dvizhenii v Kabard.-Balkar. Resp.]* [Bloody Summer of 1928: Essays [about peasants. movement in Kabard.-Balkarian. Rep.]. – Nal'chik : El'brus, 1997. – 103 p. (In Russ.).

DONOGO H.M. *Nazhmudin Gocinskij* [Nazhmudin Gotsinsky]. – Mahachkala: DGPU, 2011. – 560 p. (In Russ.).

KAZHAROV A.G. *Stanovlenie nacional'noj avtonomii Kabardino-Balkarii: predposylki, al'ternativy, itogi (1917–1920-e gg.)*. [The formation of national autonomy of Kabardino-Balkaria: prerequisites, alternatives, results (1917–1920s)] – Nal'chik: KBGU, 2019. – 408 p. (In Russ.).

KALMYKOV B.JE. *Stat'i i rechi. Izdanie vtoroe, dopolnennoe* [Articles and speeches. Second edition, expanded] – Nal'chik: El'brus, 1983. – 239 p. (In Russ.).

KIROV S.M. *Izbrannye stat'i i rechi (1912–1934)* [Selected articles and speeches (1912–1934)]. – М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1957. – 718 p. (In Russ.).

KPSS v rezoljucijah i reshenijah s'ezdov, konferencij i plenumov CK (1898–1953) [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1953)] / In-t mark.-lenin. pri CK KPSS. 7-e izd. – М.: Gospolitizdat, 1953. – Ch. 1: 1898–1925. – 952 p. (In Russ.).

KRASOVICKAJA T.JU. *Konflikt idealov i praktik rannej sovetskoj gosudarstvennosti. Mehanizmy i praktiki jetnopoliticheskikh processov (1917-1929 gg.)* [The conflict of ideals and practices of early Soviet statehood. Mechanisms and practices of ethno-political processes (1917-1929)]. IN: *Jetnicheskij i religioznyj faktory v formirovanii i jevoljucii rossijskogo gosudarstva*. – М.: Novyj hronograf, 2012. – P. 151–206. (In Russ.).

MAMSIROV H.B. *Modernizacija kul'tur narodov Severnogo Kavkaza v 20-e gody XX veka* [Modernization of the cultures of the peoples of the North Caucasus in the 20s of the twentieth century]. – Nal'chik: El'brus, 2004. – 328 p. (In Russ.).

Organy gosudarstvennoj bezopasnosti i obshhestvo. Kabardino-Balkarija 1920-1992. Sbornik dokumentov i materialov [State security bodies and society. Kabardino-Balkaria 1920-1992. Collection of documents and materials]. / Sostavitel' i avtor kommentarijev kand. ist. nauk A.V. Kazakov. Nal'chik: GP KBR «Respublikanskij poligrafkombinat im. Revoljucii 1905 g.», Izdatel'skij centr «Jel'-Fa», 2007. 376 p. (In Russ.).

SULAEV I.H. *Shejh Uzun-Hadzhi Saltinskij: shtrihi k portretu* [Sheikh Uzun-Hadji Saltinsky: touches to the portrait]. IN: *Izvestija vuzov. Severo-Kavkazskij region. Obshhestvennye nauki*. – 2007. – № 3. – P. 36–42. (In Russ.).

TEKUEV A.K. *Bor'ba Kabardino-Balkarskoj partorganizacii za socialisticheskie preobrazovanija sel'skogo hozjajstva* [The struggle of the Kabardino-Balkarian party organization for socialist transformations of agriculture]. – Nal'chik: Kabard.-Balkar. kn. izd-vo, 1960. – 152 p. (In Russ.).

TEKUEVA M.A. *Lichnost' Kathanova v istoricheskom izmerenii* [Personality of Katkhanov in the historical dimension]. IN: Kathanov K.N. Nazyr: Kniga ob otce. – Nal'chik: Jel'brus, 2008. – P. 120–141. (In Russ.).

CHISTJAKOV O.I. *Stanovlenie «Rossijskoj Federacii»* [Formation of the “Russian Federation”]. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1966. – 327 p. (In Russ.).

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii [Russian State Archive of Socio-Political History]. (In Russ.).

Centr dokumentacii novejshej istorii Kabardino-Balkarskoj Respubliki [Documentation Center for the Contemporary History of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

Документы

Выписка из протокола № 3 заседания пленума Кабардино-Балкарского обкома В К П (б)

от 30 июня 1928 г.

Слушали: 1. О Баксанских событиях (докл. т. Фаддеев).

Постановили: 1. Выводы и предложения по вопросу о Баксанских событиях принять, поручить бюро окончательно отредактировать таковые.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно: (подпись)

ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

О Баксанских событиях и задачах парторганизаций в связи с этими событиями.

1) Баксанские события, имевшие место 10–12 июня, всем ходом своих действий имеют глубокие исторические корни, длительно готовившиеся и разразившиеся в наиболее благоприятной для этого обстановке – на фоне крайне обострившейся классовой борьбы в деревне и некоторых затруднений партии и Соввласти (хлебозаготовки и т.д.) с использованием этих затруднений и гнуснейшей провокационной игрой на религиозных чувствах в условиях далеко неизжитого невежества масс.

В процессе колонизации царским правительством Кавказского края княжеско-дворянская прослойка Кабарды пользовалась рядом привилегий за оказываемые царизму услуги. В их неограниченном пользовании были земельные угодья.

Пережитки феодальных отношений в Кабарде и Балкарии царизмом не уничтожались, а наоборот, всеми мерами поддерживались.

В борьбе с остатками феодализма и царским абсолютизмом мусульманское духовенство, отражая интересы вновь нарождавшегося торгового капитализма (кулачества и торговцев), сыграло известную положительную роль.

Этому способствовало:

- а) Принадлежность мулл в абсолютном большинстве к сословию крестьян.
- б) Нарождавшаяся сословная борьба между крестьянством, с одной стороны, и князьями, с другой, и
- в) Отказ царского правительства в привилегиях мусульманскому духовенству, коими пользовалось православное духовенство.

2) Естественно, что в период гражданской войны большая часть мусульманского духовенства оказалась попутчиком Советской власти в борьбе с белогвардейцами, на стороне коих (белых) находились представители, т. н. «высших» классов и сословий Кабарды и Балкарии.

В этот период выдвинулись на арену борьбы муллы: Катханов Назыр, Шогенцуков Касим, Абуков Али и целый ряд других, шедшие под лозунгами: «Национально-освободительного движения», «Шариата» и т.п.

С окончанием гражданской войны и ликвидацией белогвардейцев мусульманское духовенство, используя фанатизм и некультурность крестьянства, а также пользуясь слабостью молодого коммунистического и советского аппарата в селениях Кабарды и Балкарии, несколько сумели укрепить свою экономическую и политическую базу (закят, баттир и пр. сборы), управление шариатскими судами, расширение сети медресе.

Революционная же борьба в нашей области с первых дней революции была и осталась строго классовой борьбой.

«Примкнувшие в первых порах революции к революционным рядам Кабарды и Балкарии, чуждые классовым интересам трудящихся различные элементы из бывших привилегированных сословий и классов, естественно, не могли не отсеяться, в силу продолжающейся классовой выдержанности в линии работы обкома, ибо самый факт присоединения был совершен в надежде добиться впоследствии изменения классового содержания работы партии в нашей области» (Из резолюции 8-й областной партконференции 15-22/1-1927 г.).

3) После значительного укрепления партийного и советского влияния в области предпринятыми мерами в 1922 г. были ликвидированы совершенно шариатские суды. Первый удар «попутчикам» указал им свое настоящее место и уже последующее затем вытеснение представителей мусульманского духовенства из ККОВа, закрытие медресе, лишение их избирательных прав и т. д. 1924–1925 г. наметило определенный перелом в настроении последнего в сторону отхода от занятых позиций мирного сожительства с Соввластью.

Утерев значительную долю политического влияния в советах ККОВ, авторитетность в судах, разобщенное и распыленное после ликвидации облшарсуда и к тому же лишенное основных источников экономической базы мусульманское духовенство в лице своих лидеров Катханова Назыра, Шогенцукова Касыма и Абукова Али начинает искать нового выхода и находит его в создании блока из групп членов партии, потерпевших полный крах в своих намерениях изменить классовое содержание работы партии в нашей области (Мидов – Шекихачев), с одной стороны, и группы отъявленных белогвардейцев нашей области (Хуранов, Урусбиев, Тамбиев, Паштов, Абаев, Наурзоков, Мамышев) и кулачество, с другой.

4) Этот блок, совершенно оформившийся к 1926 г., имея за собой большинство мусульманского духовенства, кулачество и остатки княжества и дворянства, при содействии отдельных примазавшихся и чуждых парторганизации лиц, начинает развивать самую бешенную контрреволюционную работу, используя все возможные легальные (съезды советов, беспартийные крестьянские конференции, перевыборы), главным образом нелегальные способы, выступая против мероприятий партии и Соввласти.

Блок в лице своих лидеров (перечисленных выше), одних вне пределов области, других внутри ее, с целью дискредитировать классовое содержание работы нашего обкома, питает различные учреждения Союза и печати невероятнейшими, гнуснейшими измышлениями, организует через духовенство и кулачество сопротивление всем начинаниям Советской власти нашей области путем созыва разного рода совещаний антисоветских групп в районах, примыкающих к нашей области, создает чуждую для партии политическую обстановку и т.д. Связывается с главарями политических банд (Шипшев Темирхан и др.) Пытается неоднократно организовать отдельные террористические акты на работников Кабарды и Балкарии.

5) Невероятнейшими усилиями обкома и всей областной парторганизации после чрезвычайно упорной и длительной борьбы (вплоть до постановки этого вопроса на 8-й облпартконференции в 1927 г. и ряде пленумов и т.д.) удается уже к марту 1928 г. в связи с ликвидацией Шипшева Темирхана и начатой борьбой с шипшевщиной добиваться, хотя еще и не полной (не был изъят Катханов Н.) изоляции лидеров контрреволюционной организации.

Имея объектом своей контрреволюционной деятельности в целом территорию Кабардино-Балкарской области и связь с другими областями Северо-Кавказского края, руководящий контрреволюционный центр органически более всего был связан с Баксанским округом в силу того, что:

а) Большинство лидеров являются уроженцами этого района (Катханов Назыр – Психурей, Абуков Али и Хуранов – Куркужин, Шогенцуков Касым – Кызбурун П, Мидов, Тамбиев, Наурзоков и др.)

б) Баксанский округ является наиболее насыщенным муллами (до 127 мулл, на коих до 80 с высшим арабским образованием).

в) Этот округ с самого начала до настоящего времени имел и имеет самую малочисленную и наименее мощную в качественном отношении, по сравнению с другими округами, парторганизацию, ибо на собраниях этой организации не могло не отразиться влияние бывшего секретаря Баксанского окркомма, затем председателем Баксанского окрисполкома Башира Катханова, брата Назыра Катханова, оказавшегося гнуснейшим предателем в парторганизации (установлено 1927 г.).

Все эти обстоятельства, а самое главное недопустимая затяжка (не по вине Каб.-Балк. орг.) в разрешении вопроса о решительной ликвидации всех лидеров контрреволюционной организации естественно довели возможность контрреволюционной организации укреплять свои корни, расширять влияние, мобилизовать все антисоветские элементы в тесном мулльско-дворяно-княжеско-кулацком блоке.

Контрреволюционная работа, направленная к организации белогвардейского восстания, особенно усилилась с января 1928 г. с момента начала форсирования хлебозаготовок, имея в большинстве сел Баксанского округа соответствующие ячейки с основными контрреволюционными кадрами из мулл, кулаков и остатков княжества и дворянства. Несмотря на изъятие большинства лидеров, организующее и направляющее начало шло от последних и главным образом от Катханова Назыра, приезжавшего в Баксанский округ в конце февраля месяца и давшего директивы на дальнейшие действия с едиными лозунгами, заложенными на глубокой религиозной основе и построенными на учете имевшейся к тому времени обстановки.

б) В обстановке продолжающегося широкого хозяйственного и культурного строительства и роста социалистических элементов деревни (кооперации, колхозы и т.д.) и крайне обострявшейся классовой борьбы (нажим на кулака в хлебозаготовках, реализация займа, самообложении, форсирование землеустройства, усиление экономической и правовой защиты батрака и, наряду с этим, усиление организации бедноты и оказание значительной материальной помощи в особенности в весеннюю посевкампанию и т.д.), а также ущемленного мусульманского духовенства безнадежности чаяний на восстановление выбитых из политических прав и экономической базы и, наконец, в связи с решительным изъятием лидеров контрреволюционного центра политического бандита Шипшева и связанной с ним шипшевщины, при продолжавшемся жестком и последовательном проведении строго классовой линии – естественным ходом событий усилилась активность всех антисоветских группировок, непомерно возросла, благодаря майским и июньским хлебозаготовкам, павшим всецело на зажиточные хозяйства, активность кулака.

Последние остатки контрреволюции и мулльско-кулацко-дворяно-княжеском блоке, окончательно убедившись в невозможности иными мерами в классовой борьбе добиться своих целей (на фоне некоторых затруднений партии и Соввласти (хлебозаготовки) решили испытать последнее средство организованного открытого контрреволюционного выступления, избран центром Баксанский округ.

7) В то же время низовые парторганизации, благодаря слабости массовой организационной и воспитательной работы среди крестьянства (работа с беднотой), отсутствие нужной бдительности и чуткости, не сумели своевременно сигнализировать о назревших событиях и слабо противопоставляли кулацкой агитации имеющиеся хозяйственные и культурные достижения в работе партии и советской власти, организовать и вести за собой близкие нам социальные группы деревни для отпора зарвавшимся контрреволюционерам.

Наряду с этим, недостаточно развитая общественная работа с/совета, ККОВ и кооперации по вовлечению бедняцко-средняцких масс к активному участию в работе совета и др. общественных организаций (оживление советов и их секции, работа групп бедноты и т.д.), проявление в некоторых местах методов командирования и администрирования при проведении различных хозяйственных мероприятий советской власти, привело к тому, что проводимая кампания хлебозаготовки, организация детских, религиозный фанатизм масс были

использованы кулацко-княжеско-дворянско-мульскими элементами в самых грубых провокационных формах для вовлечения в контрреволюционное выступление части бедняцко-средняцких слоев крестьянства и в первую очередь его уголовно и авантюристически настроенные элементы.

Поэтому инцидент, происшедший в Кызбурун II на почве ареста во время хлебозаготовок и др. кампаний, ни в какой степени не может рассматриваться основной причиной выступлений, а является лишь очередным этапом провокационных действий контрреволюционеров для возбуждения масс на восстание.

8) Анализ Баксанских событий с несомненной ясностью устанавливает, во-первых: – лозунги, под знаком которых организовалось и проводилось это выступление, являются по своему существу контрреволюционными, определяющие контрреволюционную природу и сущность выступления. Являющееся ответом контрреволюционных элементов на правильно проводимую (по отношению к ним) парторганизацией классово-политики нажима на кулака при проведении кампании по хлебозаготовкам, реализации займа укрепления крестьянского хозяйства, самообложения и т.д.

Баксанские события, вскрывшие имевшиеся недочеты в работе партийных, советских и общественных организаций, ставят перед обкомом и всей областной партийной организацией задачи, правильно, трезво учесть уроки этих событий и наметить ряд практических мероприятий к исправлению и улучшению партийной и советской работы на селе, исключая возможность повторения подобных событий.

9) Основной вывод, который вытекает из событий, состоит в том, что наш противник в деревне еще довольно силен, влияние его на близких к нам – социальные группы крестьян, значительно. Отсюда перед всей партийной организацией ставится, как первостепенная задача завоевания на сторону партии и советской власти широких слоев бедняцко-средняцкого крестьянства, высвобождение их из-под экономического и политического влияния кулацко-шариатских элементов, с этой целью предложить окружным комитетам партии и советским ячейкам усилить количественно и улучшить качественно массовую партийную организационную и политико-воспитательную работу среди бедняцко-маломощного крестьянства, для чего:

а) Добиться повседневной плановой работы по организации бедноты, не ограничиваясь формальным проведением собраний групп бедноты по вопросам ударных кампаний, а улавливать повседневные нужды и требования бедноты и маломощных середняков, быстро реагировать на них, принимая меры к удовлетворению их или разьяснению ошибочности этих требований.

б) Развить работу по разьяснению бедноте и середнякам о хозяйственных достижениях Советской власти за последние годы в области индустриализации страны и перестройке сельского хозяйства (поднятие производительных сил с/хозяйства по более высокой технической базе и коллективизации процессов производства) и трудности этого строительства, заинтересованности бедноты и середняков в преодолении этих трудностей и т.д.

в) При проведении разного рода хозяйственных мероприятий местного и областного характера (мелиоративные работы, дорожное строительство и т.д.),

требующих вложения средств и труда самого крестьянства, не допускать голого администрирования советских органов, проводить это с предварительной широкой разъяснительной работой среди масс крестьянства, разъясняя пользу этих мероприятий для хозяйства данного села и всей области, добиваясь добровольного и сознательного отношения бедноты и середняков к вложенным средствам труда в те или другие мероприятия, проводимые советской властью.

10) Вторая задача, стоящая перед областной парторганизацией, состоит в том, чтобы сплотить вокруг себя бедноту и середняков, не отступать, а все больше наступать на кулацкие и контрреволюционные элементы, теснить их по всем направлениям. Исходя из этого, бюро обкома предлагает фракции облисполкома и всем парторганизациям области:

а) Ускорить проведение землеустроительных и мелиоративных работ, тщательно соблюдая классовую линию в проведении этих работ с тем, чтобы беднота и маломощная часть крестьянства получили лучшие и близлежащие земли.

б) При проведении хозяйственных мероприятий, требующих участия в них населения трудом и другими средствами, строго соблюдать классовый принцип и, допуская... частично оплату труда неимущей бедноте с тем, чтобы большую часть этих работ переносить на зажиточно-кулацкие элементы.

11) Важнейшие попытки духовенства и дворянско-княжеских элементов, направленные к возвращению политических прав и укреплению экономической базы для своей антисоветской работы должны встречать самый решительный отпор со стороны партийных и советских организаций.

Позиция, ранее занятая парторганизацией в вопросе борьбы с влиянием мулл на массы, советский и общественный аппарат должны оставаться неизменными, а наоборот, систематически вывертывать антирелигиозную пропаганду, лишая духовенство источников (главным образом нелегальных) хозяйственного накопления.

Однако при ведении антирелигиозной пропаганды необходимо соблюдать сугубую осторожность. Методы и содержание антирелигиозной пропаганды, как среди беспартийных масс, так и внутри парторганизации, необходимо улучшить.

...обратить больше внимания на изучение и руководство антирелигиозной работы на местах и срочно дать указания ячейкам о постановке форм и методов работы и вовлечения масс бедноты к активному участию в антирелигиозной работе через общество и кружки безбожников.

Предложить женотделу обкома и окружным парткомитетам дальнейшую работу по открытию новых яслей и расширению уже существующих, проводить с предварительной широкой разъяснительной работой среди горянок о целях и значении ясель в раскрепощении горянок. Всякой провокационной агитации кулацко-мульских элементов против открытия и существования ясель, использования их существования для агитации против советской власти – должна противопоставляться широкая контрагитация партии, комсомола, делегатов за существование ясель, за советскую власть, облегчающую труд горянок.

12) Успех в проведении намеченных мероприятий в области наступления на кулака, изоляция его от бедняцких и маломощных крестьянских масс зави-

сит от вовлечения этих масс к активному участию в советском и общественном строительстве, развития инициативы и самодеятельности масс, широкой и решительной критики бедняцкими и середняцкими массами (преданных Советской власти) наших недостатков в работе извращения партии и советской власти отдельными работниками, с этой целью:

а) Предложить фракции облисполкома и окружным комитетам партии принять решительные меры к оживлению работы с/советов, налаживанию работы секции совета, более частой постановки отчетности президиумов с/советов перед избирателями, организации (где не организованы) групп бедноты и налаживания их работы с тем, чтобы группы бедноты были активной силой в проведении с/советами классовой линии во всей работе советов, силой, исправляющей отдельные перегибы и недостатки в работе с/советов.

б) Наряду с оживлением классовой работы с/советов, принять меры к улучшению инструктирования и живого руководства работой сельсоветов и окрисполкомов...

в) Предложить фракции Каббалксоюза и Селькредсоюза дать указания на место о необходимости оживления работы правлений и ревизионных комиссий, большего вовлечения бедноты и середняков в обсуждение важнейших мероприятий кооперативного строительства, разъяснений массам успехов и недостатков этого строительства. Орготделу обкома проверить принятые меры Каббалксоюзом и Селькредсоюзом, исполнение данных директив.

13) Предложить фракции обл. ККОВА принять необходимые меры к улучшению работы ККОВов, большего оказания материальной производственной помощи ККОВами бедноте. Наряду с эти принять решительные меры к изысканию ККОВами средств для оказания неимущей части бедноте продовольственной помощи.

14) Одновременно предложить Торготделу, Каббалксоюзу, Кредсоюзу принять решительные меры к изысканию средств на снабжение бедноты хлебом, как за наличный расчет, так и в кредит.

15) Проведение этих вышеизложенных задач возможно при условии дальнейшего улучшения партийной работы с/ячеек, очищения партячеек от примазавшихся и разложившихся элементов и усиления партийного руководства работой сельсоветов, кооперацией, ККОВами и другими общественными организациями.

Поэтому:

а) Предложить орготделу обкома и окружным комитетам больше уделить внимания улучшению партийной работы с/ячеек, усилить живое руководство и инструктирование их в работе.

б) Провести по области специальную кампанию по вовлечению в партию батраков и бедняков, проявивших себя стойкими защитниками Советской власти во время Баксанских событий.

в) Просить обл. КК срочно проработать и внести на рассмотрение бюро обкома вопрос о возможности и необходимости проверки некоторых ячеек, с целью очищения их от примазавшихся и разложившихся элементов.

г) Предложить бюро обкома ускорить изучение социально-имущественного состава ячеек и дать указания на месте о регулировании роста партийной организации.

16) Отмечая слабость работы комсомольских организаций на селе и ауле, засоренность их рядов чуждыми элементами, активное участие этих элементов в Баксанских событиях:

Предложить обкому комсомола срочно разработать мероприятия об улучшении работы комсомольских организаций, подбора руководящих кадров организации, очищения рядов от примазавшихся и разложившихся элементов (в особенности в Баксанском районе) и представить на рассмотрение бюро обкома.

ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 46–56.

**Выписка из протокола № 4
объединенного пленума Мало-Кабардинского
окружного партийного комитета и окружного исполнительного коми-
тета советов, состоявшегося**

11–12 июля 1928 г.

Слушали: 1. Доклад тов. Калмыкова Б. о Баксанских событиях и задачах сельских работников в связи с событиями.

Речь тов. Калмыкова (начато без 5 минут 8 час. вечера).

Не надеялся попасть я на Ваш пленум, ездил по осмотру посевов, с такими же вопросами, как и у Вас и по остальным округам проводится пленум. За исключением Баксанского и Прималкинского округов, озимые посевы в других округах неважные. 121.000 десятин по области заняты под озимые посевы. Яровые пока среднего состояния и, если дожди пройдут, то можно ожидать удовлетворительного урожая, так как яровых посевов гораздо больше в области, чем озимых, определенных как погибшие по состоянию сегодняшнего дня. Во избежание позднего сева озимых, как это было в прошлом году, мы принимались за осеннюю посевную кампанию в этом году раньше. Умелое и своевременное проведение ее даст свои результаты.

О Баксанских событиях: события эти имеют своих представителей и приверженцев во всех почти селениях области. Причину возникновения их объясняют различно, извращая их действительное классовое содержание. На этом я остановлюсь на нескольких моментах. Главными зачинщиками Баксанских событий были остатки князей и дворян, а вместе с ними кулачество и духовенство (муллы), которые при возникновении Советской власти, как никогда заделались активнейшими богослужителями и распространяли систематически свое антисоветское влияние у стен мечети. В результате им удалось взять под свое влияние стариков и некоторых представителей выходцев из «Карахалка» обманым путем. Наши белоэмигранты и белобандиты в лесах имеют родственные связи с некоторыми селениями. К тому же и оставшиеся родственники убитых Соввластью контрреволюционеров имеют известную симпатию к лицам, ведущим нелегальную работу против советских, хозяйственных, культурных и политиче-

ских мероприятий. И вдобавок к этому наши парторганизации количественно не так велики, отчасти и слабы. Вот эти элементы, которые привели нас к грани Баксанских контрреволюционных событий. И так имели два враждебных лагеря, борющихся между собой: мы боремся за охват всей массы своим влиянием на живых конкретных хозяйственных мероприятий и улучшения благосостояния трудящихся, а наши враги боролись против нас тайными путями, спекулируя на частных наших затруднениях по хлебозаготовке, на организацию детских яслей и реализации займа... и на том будто партия и власть запрещают или хотят запретить всякое религиозное исповедание. Итог таков: перевес на нашей стороне, победа будет у нас.

После ареста Шипшева стало ясно, кто искренно за нас. После этого у нас оказались люди, стоящие формально с нами и шедшие до сих пор с нами со своими личными целями, состоя на службе у Соввласти и одновременно тайно державшие связь с эмигрантами и белобандитами в лесах.

Шипшев выдал единомышленников и план своих действий: все эти обстоятельства в совокупности дали повод к изъятию неблагонадежных лиц.

В связи с Баксанскими событиями наша задача должна заключаться в оживлении работы сельсоветов с их секциями, парторганизаций, ККОВ и других сельских организаций, спланивая вокруг них беспартийный бедняцкий актив.

В недалеком будущем должен состояться суд над зачинщиками-инициаторами Баксанских контрреволюционных выступлений, который и даст им должное возмездие от руки пролетарской революционной законности по заслугам.

По докладу т. Калмыкова выступили т. т. Хатуев Сосруко, Абазов Даниил, Ламердонов Шесс, Керефов Фак, Шегушев Хазеша, Фашмухов Михаил, Беспла-неев Хабала.

Постановили: 1) Заслушав доклад тов. Калмыкова о Баксанских событиях, объединенный пленум постановляет: доклад принять к сведению, констатируя, что Баксанское выступление подготовлено лицами, недовольными политикой партии и Соввласти во главе с крупным бандитом Шипшевым, Мидовым, бывшим белоофицером Хурановым и их прихвостней и одобряя правильную линию и решения обкома ВКП(б) и обл. ИКа, в оценке и отношении к Баксанским событиям, объединенный пленум считает необходимым применение всех строгостей революционной пролетарской законности к зачинщикам Баксанских контрреволюционных событий и шлет им проклятия от имени всех трудящихся «Карахалка» Малой Кабарды.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 11–12.

Информация об авторах

К.Ф. Дзамихов – доктор исторических наук, профессор.

А.Г. Кажаров – доктор исторических наук, доцент.

К.А. Кушхова – аспирант.

Information about the authors

К.Ф. Дзамиков – Доктор наук (История), профессор.

А.Г. Казаров – Доктор наук (История), доцент.

К.А. Кушкхова – студентка.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.10.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 30.10.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья
УДК 94(470)+930.2
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-326-338
EDN: LAMWLE

**ДОВОЕННЫЙ СССР И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС:
АДЫГЕЯ В ОЧЕРКЕ АМЕРИКАНСКОГО ЖУРНАЛИСТА
ДЖ. КЬЮНИТЦА (1931)**

Дмитрий Николаевич Христенко

Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева, Москва, Россия, khristenko1983@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6221-8991

Аннотация. Данная статья посвящена анализу очерка американского литератора Дж. Кьюнитца, который в начале 1930-х годов совершил путешествие по автономной области Адыгея в рамках поездки группы зарубежных писателей по южным областям СССР. Основной темой очерка иностранного журналиста стало рассмотрение на примере адыгейского населения методов и путей решения национального вопроса в Советском Союзе. Одновременно в очерке рассматривается процесс кардинальной перестройки национальной автономной области как в производственно-экономическом отношении, так и в рамках изменения самой социальной структуры традиционного кавказского общества. Кьюнитц фиксирует трансформацию таких важнейших социальных институтов, как роль семьи и женщины, религии, образования в Адыгее по сравнению с дореволюционным временем. Американский писатель не скрывает своих симпатий, восторженно описывая происходившие на его глазах изменения, которые он рассматривает как модернизацию и настоящую «культурную революцию» в жизни адыгейского народа.

Ключевые слова: Адыгея, США, американская литература, Керашев, Кьюнитц, СССР, социализм, коллективизация, модернизация

Для цитирования: Христенко Д.Н. Довоенный СССР и национальный вопрос: Адыгея в очерке американского журналиста Дж. Кьюнитца (1931) // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 326-338. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-326-338. EDN: LAMWLE.

© Христенко Д.Н., 2023

Original article

**THE PRE-WAR USSR AND THE NATIONAL QUESTION:
ADYGEA IN AN ESSAY BY THE AMERICAN JOURNALIST
J. KUNITZ (1931)**

Dmitry N. Khristenko

Russian State Agrarian University – K.A. Timiryazev Moscow Agricultural Academy, Moscow, Russia, khristenko1983@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6221-8991

Abstract. This article analyzes an essay by the American writer J. Kunitz, who traveled across the Republic of Adygea in the early 1930s as part of a group of foreign writers to the southern parts of the USSR. The main theme of the essay of the foreign journalist was the consideration of the methods and ways of solving the national question in the Soviet Union using the example of the Adyghe population. At the same time, the essay examines the process of a radical restructuring of the national republic, both in terms of production and economics, and as part of a change in the very social structure of traditional Caucasian society. Kunitz documents the transformation of fundamental social institutions in Adygea, such as the role of the family and women, religion, and education, in comparison to pre-revolutionary eras. The American author expresses his feelings openly, passionately praising the changes he sees before his eyes as modernization and a true “cultural revolution” in the life of the Adyghe people.

Keywords: Adygea, USA, American literature, Kerashev, Kunitz, USSR, socialism, collectivization, modernization

For citation: Khristenko D.N. The Pre-War USSR and the National Question: Adygea in an Essay by the American Journalist J. Kunitz (1931). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 326-338. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-326-338. EDN: LAMWLE.

© Khristenko D.N., 2023

Хорошо известно, что СССР в 1920-1930-е гг. вызывал пристальный интерес на Западе, прежде всего в интеллектуальных кругах, где курс на строительство социализма рассматривали как новый этап развития человеческой цивилизации. Именно так называется книга английских социологов Сиднея и Беатрисы Вебб, одних из основателей Лондонской школы экономики, выпущенной после их поездки в Советский Союз [Webb S., Webb B. 1935]. Впечатления и оценки, которые выносили иностранцы о своем пребывании в нашей стране, могли серьезно отличаться. Так, лауреат Нобелевской премии по литературе французский писатель Андре Жид в своей работе «Возвращение из СССР» подверг социалистический строй резкой критике [Gide 1936], а известный немецкий романист Лион Фейхтвангер, наоборот, был серьезно впечатлен успехами Советского Союза во всех областях жизни [Feuchtwanger 1937]. Но неизменным оставался факт пристального внимания к происходившему в нашей стране, новой модели общественных отношений, которая резко отличалась от привычных, для западных государств того времени, подходов.

Особый интерес в этом отношении представляет взгляд иностранных наблюдателей на национальный вопрос и методы его решения в Советском Союзе. Наглядным примером может служить очерк американского журналиста Дж. Кьюнитца, написанный им после поездки в СССР в 1931 г. и посвященный автономной области Адыгея. Фрагмент из этого очерка был издан в сборнике «Глазами иностранцев. 1917-1932», вышедшем в год пятнадцатилетнего юбилея советской власти [Глазами иностранцев. 1917-1932]. Однако, как это часто бывало в отечественных изданиях того времени, был переведен только небольшой отрывок, примерно 1/3 всего текста, при этом наиболее острые моменты были сознательно выпущены. Именно поэтому в данной статье автор обращается к оригинальному очерку американского журналиста Дж. Кьюнитца, опубликованной в левом американском журнале «Новые массы» в октябре 1931 г.

[Kunitz 1931] и руководствуется при анализе наблюдений иностранного очевидца именно аутентичным англоязычным текстом.

Дж. Кьюнитц прибыл в СССР в 1931 г. и в составе группы иностранных писателей совершил поездку по ряду областей Советского Союза. Примечательно, что его сопровождал гораздо более знаменитый в то время немецкий писатель Карл Грюнберг, автор популярного романа «Пылающий Рур», переведенного на русский язык практически сразу же после выхода его в свет [Грюнберг 1929]. Однако, в силу усиления фашизма в Германии он не смог в то время издать свои наблюдения об СССР. Воспоминания К. Грюнберга о поездке в нашу страну вышли только 40 лет спустя в ГДР, утратив в силу этого свежесть впечатлений, и носят общий характер, не концентрируясь на каком-то отдельном регионе [Grünberg 1970].

Дж. Кьюнитц, наоборот, опубликовал свои наблюдения сразу же после возвращения в США, и они полностью посвящены Адыгее, на примере которой он рассматривает не только неоднозначность и сложность взаимоотношений адыгейского и русского населения, но и в целом национальный вопрос в СССР применительно к кавказскому региону. Интерес к этой проблематике у американского автора был, по-видимому, во многом связан с тем, что журнал «Новые массы», где была опубликована его статья, значительное внимание уделял этнической ситуации в США, которая в то время находилась в глубоком кризисе. Достаточно отметить, что главный редактор журнала Майкл Голдман за год до этого выпустил ставший бестселлером роман «Евреи без денег», посвященный незавидному положению еврейской бедноты в гетто Нью-Йорка, влачащих безнадёжное состояние и не имеющих, по его мнению, никаких перспектив улучшить свою жизнь при сохранении господствующего порядка вещей [Gold 1930].

В этом смысле наблюдения Дж. Кьюнитца о решении национального вопроса в Советском Союзе представляли значительный интерес как для американских интеллектуалов, пытавшихся найти новые пути преодоления этнополитического кризиса у себя в стране, так и для рядовых читателей.

Очерк Дж. Кьюнитца начинается с описания его беседы с легендарным адыгским писателем Темботом Керашевым, тогда молодым журналистом, с которым он встретился в селении Сарый Бегахай. На заданный ему вопрос – что в Америке думают об развитии Адыгеи и ее достижениях – ведь это первая национальная область СССР, которая провела сплошную коллективизацию, ликвидировала кулачество как класс и добилась стопроцентной грамотности, Кьюнитц отвечает, что, к сожалению, ничего раньше об этом не слышал. Интересно, что уже в этом месте начинается различие двух текстов: переводного русского и оригинального в американском издании. В советском сборнике 1932 г. сразу после этого идет фраза, приписываемая американскому писателю:

«мне не хочется обидеть этого парня, – видимо, он уверен, что взоры всего мира обращены на мужественный маленький народ, творящий чудеса на пути строительства социализма в долинах Северного Кавказа» [Глазами иностранцев. 1917-1932: 440].

В результате создается впечатление, что Дж. Кьюнитц остро подтрунивает, иронизирует, если не сказать, что подсмеивается над ограниченным Т. Керашевым, полагающим, что Адыгея – центр мира. Но в действительности это совершенно не так. В оригинале этой фразы просто нет. Зачем и с какой целью советский переводчик поставил ее в издание 1932 г. остается только догадываться. Возможно, разгадка кроется в ответе Керашева.

«Ничего страшного, – отвечает черкесский журналист, – до недавнего времени очень мало русских имело какое-либо представление об Адыгее. Все, что они знали, сводилось к красивым, храбрым, хищным черкесам как они изображены в поэмах Пушкина и Лермонтова» [Kunitz 1931: 20].

После этого ситуация в двух сравниваемых текстах снова меняется – в советском сборнике дальнейшие фразы выпущены, тогда как в оригинале они есть.

«“Но в этом должно быть какая-та правда”, – замечает американский писатель. – “Немного, я думаю, ведь они писали подобные вещи и о цыганах, и о евреях, и о чеченцах”», – отвечает Керашев [Kunitz 1931: 20].

Вероятнее всего, подобный ответ адыгского писателя задел чувства советского цензора, чем и объясняется предыдущая вставка текста, которого нет в оригинале, и выпуск кусков текста, которые, наоборот, в оригинале присутствуют. Возникает ситуация, когда, формально не меняя общий смысл, советский переводчик/цензор значительно меняет коннотацию и восприятие беседы американского и адыгского литераторов.

«Десятилетия непрерывной войны против русской имперской агрессии, за которыми последовало восемьдесят лет настоящего рабства, нанесли огромный ущерб нашему народу. Наши стада были разорены, наши поля опустошены, наш народ почти что уничтожен. После завоевания, большинству пришлось мигрировать в Турцию. Тысячи из них погибли по дороге. Перед Октябрьской революцией наш народ был определенно на пути вырождения и упадка. Детская смертность была ужасающая. Посмотрите на женщин, даже девушек, которых вы можете встретить в местных аулах – им далеко до тех гордых красавиц, которые превозносились в поэмах Пушкина и Лермонтова. Большинство из них – больны, у многих лица покрыты следами оспы. И мужчины, за редким исключением, выглядят не лучше.

Голод, унижение, невежество были нашей судьбой на протяжении восьмидесяти лет. Эксплуатируемые и подавляемые, насильно лишенные любой надежды, мы развили отвращение к труду. А после этого нас стали называть лентяями, бездельниками, конокрадами, и так продолжалось еще даже четыре – пять лет тому назад. К началу реконструктивного периода [первой пятилетки] у 80 % нашего рабочего населения не было ни лошадей, ни орудия для обработки полей», – с горечью признавался Дж. Кьюнитцу адыгский писатель [Kunitz 1931: 20].

Приведенные слова Керашева отчетливо показывают, в какой ужасающей ситуации находилось население Адыгеи перед началом коллективизации и индустриализации. К слову, если сделать поправку на национальный вопрос, положение русского крестьянства в это время было немногим лучше. Оно так-

же страдало от болезней, отсутствия медицины и врачей, как и жители Северного Кавказа [Христенко, Красовская 2019].

В то же время с точки зрения сравнительного анализа вновь приходится констатировать искажения в советском переводе слов адыгского писателя, как они приведены у Дж. Кьюнитца. Сохраняя общую направленность текста, переводчик/цензор вновь произвольно добавляет или убирает целые фразы. Так, вместо слов Керашева в том, что почти весь народ был уничтожен, в сборнике «Глазами иностранцев» говорится: «наш народ потерял десятую часть убитыми». В оригинале этих слов нет, очевидно, имеет место попытка смягчения ситуации. Вместо слов: «после завоевания» [адыгов], пишется «после победы русских», убрано указание, что четыре-пять лет назад бытовало презрительное отношение к адыгам (лентяи, бездельники, конокрады). И это при том, что в советском сборнике приведена только треть оригинального текста!

Показательно, замечает Кьюнитц, что, когда Керашев говорит о страданиях своего народа, он пытается сохранять сдержанность и самообладание, но в нем чувствуется тлеющий огонь. Но, как замечает американский писатель, помимо того, что Керашев – черкес, он, что гораздо важнее, коммунист. И в силу этого он трактует ситуацию через призму классовой борьбы. Он с горечью говорит о «муллах», «эффенди», кулаках, бывших князьях, аристократах и хищных, коррумпированных царских чиновниках. Все они вместе с белыми генералами бросили неграмотное, запутавшееся черкесское население в объятия контрреволюции [Kunitz 1931: 20].

Анализируя трактовку адыгского писателя, нужно отметить, что коммунистическая идеология и желание исцелить раны прошлого, характерные для раннего СССР, действительно давали путь к исправлению межнациональной ситуации. Показательно, что для образованного, интеллигентного адыга политико-идеологическая идентичность становится выше национальной, и в бедах своего народа он винит не русских, что привело бы только к межнациональной ненависти и конфликтам, а правившие в Российской империи господствующие классы. Таким образом вина за прошлое с народа, в данном случае русского, переносится на царское правительство, а учитывая, что русские сами же свергли династию Романовых, позволяет снять и эту преграду на пути к обоюдному примирению и началу новой жизни в обновленном социалистическом государстве.

Вопрос о межнациональных противоречиях появляется в очерке Кьюнитца и дальше, когда он рассказывает о разговоре с еще одним великим адыгским писателем и публицистом, Ибрагимом Цеем. Встретившись с ним на торжественной церемонии обеда, посвященного приезду иностранной делегации, американский журналист слушает, как черкесы исполняют традиционную песню.

«Эти надтреснутые голоса черкесских крестьян – они поют или плачут? Кажется, что вся печальная история этого когда-то прекрасного народа изливается в этом долгом, долгом стоне. Но иногда он прерывается вспышками триумфа и ликования. Певец Анзароков поет о великой битве между черкесами и русскими, которая состоялась более ста лет назад в том месте, где река Лаба впадает в Кубань. Множество племен черкесов приняли в ней участие, многие черкесские герои погибли, но они одержали победу. Целая дивизия донских казаков была полностью уничтожена. Песня заканчивается. “Я полагаю, что во-многих ваших народ-

ных песнях и легендах присутствует ненависть к царскому режиму”, – замечает Кьюниц. “Удивительно мало, – отвечает Ибрагим Цей. – Наши люди, кажется, никогда не осознавали, что ответственность за их страдания несли царский режим и империалистическая жадность. Мы ненавидели казаков, русских солдат – их мы видели, с ними мы сражались. Они были нашими непосредственными врагами. Реального злодея, подстрекателя, организатора мы по большей части не могли увидеть. И заметьте, – подкрепил это мнение хозяин, в кунацкой которого и происходил этот диалог – у казаков были похожие песни, которые были направлены против нас. Именно царская политика поощряла ненависть между различными народами на Кавказе и благодаря этому управляла. Вот в чем все дело» [Kunitz 1931: 23].

Дальнейшие рассуждения Кьюнитца по теме межнациональных отношений не вошли в русский текст. Приведем их полностью. Американский писатель отмечает, что, когда все разошлись, он, уставший, прилег на кровать и, решив просмотреть материалы по Северному Кавказу, достал произведение Пушкина «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 г.». Его взгляд упал на следующий отрывок из русского классика:

«Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги. Дружба мирных черкесов ненадежна: они всегда готовы помочь буйным своим единоплеменникам. Дух дикого их рыцарства заметно упал... Почти нет никакого способа их усмирить, пока их не обезоружат, как обезоружили крымских татар, что чрезвычайно трудно исполнить... У них убийство – простое телодвижение. Что делать с таковым народом? Должно, однако ж, надеяться, что приобретение восточного края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться. Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению: самовар был бы важным нововведением. Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедование Евангелия» [Пушкин 1829].

За этим, отмечает Кьюниц, у Пушкина идет призыв к отсутствию религиозной толерантности: «Кавказ ожидает наших христианских миссионеров».

«Пушки, самовар и Библия – вот как», – замечает американец, – «один из наиболее передовых людей своего поколения предлагал решить вопрос с национальными меньшинствами [Kunitz 1931: 23].

Впрочем, в этом месте Кьюнитц ставит сноску и пишет в примечании, что Пушкин написал эту апологию русского империализма гораздо позже, чем свои романтические поэмы. Пушкин извлек уроки из подавления декабрьского восстания 1825 г. Он стал более осмотрительным, и нередко лицемерным. Также, полагает Кьюнитц, возможно, что Пушкин, будучи аристократом, имевшим доступ к царскому двору, был действительно «сторонником самоваров и Библий» [Kunitz 1931: 23].

Размышления американского писателя показывают нам как мировоззренческий, так и поколенческий разрыв с великим русским поэтом. Для еврейского марксиста из Нью-Йорка XX в., исходящего из интернационального принципа взаимодействия разных этносов и национальностей, конечно, неприемлем, вполне естественный для XIX в. ассимиляционный подход к существованию в

рамках единой Российской империи различных племен и народностей. Но этот ассимиляционный подход, можно заметить, по крайней мере, гораздо гуманнее, практиковавшихся в том же XIX в. в США методов по полному истреблению автохтонных индейских племен и их сгону в резервации, а также вывозу из Африки в качестве рабов темнокожих жителей этого континента.

Продолжая свой очерк, Кьюнитц пишет, что его размышления о Пушкине и Кавказе были прерваны стуком в дверь, после которого в комнату ввалились группа людей, мужчин и женщин разных национальностей. Вперед вышел армянин, который торжественно зачитал обращение к зарубежному гостю.

«От имени 26 тысяч рабочих, представляющих различные национальные меньшинства, объединенные в один центральный комитет национальных меньшинств в Краснодаре, мы приветствуем вас и просим вас передать наши теплые, братские пожелания пролетариату вашей страны.

Правильная национальная политика Коммунистической партии и Советского Союза дала нам неограниченные возможности развивать нашу собственную пролетарскую культуру на различных родных языках, чтобы на равном основании участвовать вместе с остальными рабочими СССР в делах страны, в строительстве социализма, в индустриализации страны, в создании совхозов и колхозов, воспитывая рабочий класс национальных меньшинств в духе социализма.

Сейчас у нас в Краснодаре есть три рабочих клуба и различные ученые заведения низшей и высшей ступени для различных национальностей. Кроме этого, каждый год все больше и больше наших студентов поступают в ВУЗы. У нас есть собственная литература на родных языках, а также газеты и журналы. Мы готовим собственные кадры ученых и с помощью специальных клубов и курсов новые кадры профессиональных рабочих для социалистической промышленности нашей страны» [Kunitz 1931: 24].

Дальше в речи делегата шло обличение царского режима, нэпманов, кулаков и выражалась уверенность, что в случае атаки на Советский Союз пролетариат западных стран под руководством коммунистических партий собственных государств повернет оружие против буржуазии и возьмет власть в свои руки, освободившись от буржуазного ига.

По завершении этой речи, отмечает Кьюнитц, делегат презентовал ему документ, подписанный армянами, турками, греками, немцами, калмыками, поляками, татарами, грузинами, венграми, ассирийцами, болгарами, литовцами и евреями, входящими в организацию национальных меньшинств Краснодара.

«По странному совпадению», – замечает американский писатель, – этот документ был вручен мне после того, как я закончил читать изыскания Пушкина о черкесах. Сто лет и какие значительные изменения. Цари и их лакеи пропали и забыты. На обломках разрушенной империи Романовых поднялся энергичный, мощный, молодой гигант – Союз Советских Социалистических Республик, свободный, процветающий, прогрессивный. Свободные люди Советского Союза, объединенные братскими связями, выковывают новые коллективные силы жизни, создавая свои собственные культуры – национальные по форме, пролетарские, по сути. Среди этих народов, адыги, несмотря на свое малое число, постепенно занимают одно из передовых мест.

Несколько десятилетий назад Маркс написал о черкесах: «Храбрые черкесы нанесли несколько серьезных поражений русским. Нации мира учитесь у черкесов тому, на что способны люди, обреченные быть свободными». «И сейчас, – продолжает Кьюнитц, – когда

свободные адыги достигли почти полной коллективизации, искоренили неграмотность, быстро развивают собственную индустрию, собственные школы, музеи и библиотеки, театры и национальные войска – свое собственное социалистическое общество, мы должны еще раз процитировать Маркса: «Нации мира! Учитесь у Адыгеи на что способны люди, обреченные быть свободными!» [Kunitz 1931: 24].

Американский писатель подчеркивает, что со времени революции 1917 г. социальное положение значительно изменилась. С одной стороны, сохраняются внешние традиционные черты, хорошо заметные окружающими. Так, когда в адыгейской деревне Старый Бегахай был организован торжественный обед в честь иностранной делегации, то участие в нем приняли только взрослые мужчины, в то время как молодым юношам не было позволено сесть за стол, и они занимались исключительно обслуживанием гостей. Когда же члены группы зарубежных писателей, куда входил Кьюнитц, предложили одному из них присоединиться к трапезе, тот ответил отказом. Как вспоминал американский литератор,

«чем более упорными мы были, тем тверже он отклонял наше предложение сесть за общий стол. Видите ли, – шепнул мне на ухо один из черкесов, – отец этого парня кунак Ибрагима Цей, то есть названный брат, и для молодого человека было бы совершенно неуместно сидеть за одним столом со своим дядей» [Kunitz 1931:22].

Еще один удивительный для иностранцев эпизод произошел, когда коллега Кьюнитца немецкий писатель К. Грюнберг публично восхитился красотой камышевой циновки, висевшей на стене кунацкой.

«Хозяин немедленно подошел к стене, снял циновку, скатал ее и предложил Грюнбергу. Тот, смущенный, отказывался принять подарок. Хозяин выглядел искренне раздосадованным. «Лучше возьмите ее, – посоветовал шепотом Цей. – Так будет правильно. Если гость похвалил что-либо, принадлежащее хозяину, закон черкесского гостеприимства требует, чтобы вещь была вручена гостю. Не принять подарка – значит обидеть» [Kunitz 1931: 22-23].

Все эти неловкие для зарубежных гостей случаи свидетельствовали, что традиции, по крайней мере в их внешнем проявлении, были еще сильны и распространены среди населения.

Но внутри патриархальной среды уже произошла глубинная трансформация. Ярче всего это проявилось в положении женщины в обществе, ее места в социальной структуре Адыгеи. Изменение гендерных ролей признавалось всеми сторонами. В одном из разговоров Кьюнитца с уже упоминавшимся адыгским писателем Керашевым, последний отмечал:

«Наша женщина, лишенная всяких прав в силу того, что адат (магометанский обычай) запрещал ей принимать активное участие в жизни, рассматривалась как низшее существо. Ей приходилось питаться костями и корками, после того как насытятся все мужчины в семье. Черкесская женщина не могла пройти по улице одна, без сопровождения мужа; ей не разрешалось даже переступить порог мечети» [Kunitz 1931: 20].

Но это время безвозвратно ушло. Теперь же подчеркивает, журналист из США, ситуация резко изменилась. На его прямой вопрос одной из работниц адыгского колхоза: «Вы счастливы в колхозе? Вам сейчас лучше, чем было раньше?», последовал сначала женский смех, подчеркивавший саму абсурдность заданного вопроса, а затем совершенно четкий и недвусмысленный ответ горянки:

«Только в колхозе мы увидели разницу [с прежней жизнью], почувствовали себя независимыми. Сейчас, когда женщина работает, она знает, что она заработает... Да, здесь имеется женотдел, он вносит важный вклад в обучение женщин, побуждает их интересоваться общими политическими и международными проблемами. Скоро у нас здесь будет электричество. Есть, конечно, школа. За исключением нескольких стариков, в нашем колхозе нет неграмотных».

«И, хотя я привык наблюдать удивительные вещи в СССР, но эти женщины меня просто ошеломили. Рассматривая униженное положение магометанской женщины в недавнем прошлом, это нельзя восприниматься иначе как настоящее чудо. Эти недавно эмансипированные женщины знают все о календарных планах колхоза, понимают, почему именно в их районе ориентация в развитии сельского хозяйства была сменена с зерновых на огородные культуры, разбираются в подсчете трудодней», – искренне восхищался американский писатель [Kunitz 1931: 20].

Другим свидетельством глубинной трансформации адыгского общества стало изменение отношения к религии. Из очерка Кьюнитца видно, что старые запреты игнорируются и нарушаются, жизнь горного народа приобретает светский характер. Описывая обед, автор упоминает бутылки с вином, что является недопустимым согласно исламским нормам; рассказывая о работе в колхозе, подчеркивает, что труд продолжается даже во время «магометанского праздника-курбана». Более того, старые религиозные торжества, констатирует американский литератор на основе личных наблюдений, с успехом заменяются новыми коммунистическими мероприятиями.

«Наступает самая важная минута первомайского празднества. Национальные войсковые части готовятся к принесению присяги. Затем спортивная программа: джигитовка, требующая от участников высокой степени наезднического искусства и ловкости в обращении с кинжалом. Потом пляски и песни, в которых принимают участие и мужчины, и женщины, преимущественно молодежь. Тот факт, что адыгейские крестьяне, еще недавно находившиеся под влиянием мулл и эфенди, празднуют этот день пролетарской солидарности и забывают о старом религиозном празднике курбана, – является несомненным подтверждением эффективности советских методов просвещения и пропаганды», – утверждает он [Kunitz 1931: 22].

Полностью изменилась и социально-экономическая жизнь Адыгеи. Рассказывая о трансформации автономной области, Кьюнитц вспоминает свою автомобильную поездку из Краснодара, одновременно приводя различные количественные показатели и сравнивая прошлую и современную ему жизнь региона. Учитывая, что эта часть его очерка не публиковалась в советском издании, приведем ее полностью.

«Это все новое, два года назад здесь не было ни одного здания» – сказал шофер сухо, указывая на длинный ряд высоких зданий, чем-то напоминающих район Верхнего Бронкса в

Нью-Йорке, – «это дома рабочих, занятых на фабрике – там за забором». Это замечание, о только что построенных зданиях и сооружениях там, где раньше были только пустыри, является практически типичным в Советском Союзе.

Я слышал его так часто, что уже практически перестал обращать на него внимание. По пути в черкесскую деревню «Тохта Мокай» я видел в Краснодаре и прилегающей местности новую огромную электрическую станцию, новую консервную фабрику всесоюзного значения, несколько новых строений, предназначенных для сельскохозяйственного института, а также обширный прекрасно сконструированный канал для осушения болот (сооружен в 1930-31 годах), ряд новых артезианских колодцев и многочисленные новые дома, дома, дома. Но я едва ли обращал на это все внимание – новые постройки воспринимаются здесь как должное.

Я так же стал почти не восприимчив к цифрам, я записывал их совершенно механически. Тем не менее посмотрим на них: в 1927-28 годах Адыгея вложила в свою промышленность 221 тыс. рублей, в 1928-29 годах 847 тыс. рублей, в 1929-30 годах 2 миллиона 649 тыс., в 1930-31 годах инвестиции возросли до 13 миллионов 620 тыс. рублей. Когда думаешь об этом представляются огромные темпы роста промышленности и экономики. Но меня они совершенно не трогали. Я видел здесь гораздо большие чудеса! Но, пока что, для формирования полноценной картины того, что происходит в Советском Союзе, количественные показатели все еще важны. Поэтому я, прошу моих читатели простить меня, за то, что я назову им несколько говорящих самих за себя цифр, которые я извлек из разговоров с различными ответственными правительственными и партийными работниками, промышленными и сельскохозяйственными руководителями, учителями и т.д.»,

– замечает Кьунитц [Kunitz 1931: 21], и переходит к статистическим данным.

«Математически изменения можно выразить следящим образом: в 1927 году в Адыгее было только 255 крестьянских домохозяйств, объединенных в колхозы, в 1928 году – 600, летом 1930 года 16 тыс. 248, осенью 1930 года – 200 тыс. 853, то есть 96 процентов всех крестьянских хозяйств в Адыгее. Более того вместо 53 тыс. гектар земли обрабатывавшихся в Адыгее перед коллективизацией, сейчас посевная площадь составляет 176 тыс. 642 гектара. Вместо 2,5 тыс. гектаров занятых на выращивание овощей в 1930 году, сейчас приходится 6 тыс. 323 гектара. Делается значительный упор на выращивание технических растений и культуры, что позволяет решить проблему с крупным рогатым скотом. В Адыгее уже создано 17 молочных ферм с 15 тыс. коровами. К концу года планируется увеличить их численность до 25 тыс.

Кроме того, в республике прямо сейчас сооружаются 10 свиноферм и количество свиной уже достигло 2 тыс. 400 штук. Схожая ситуация складывается и с птицефабриками. В 1930 году в Адыгее в колхозах насчитывалось только 650 цыплят. К концу этого года в них будет 35 тыс. «леггорнов» и других породистых кур. При этом я напоминаю вам, что, рассматривая эти цифры, нужно учитывать, что мелкая сельскохозяйственная птица, находящаяся в крестьянских дворах, не была обобществлена при коллективизации и осталась у своих владельцев. Так же нельзя забывать и про табак.

В 1930 году в Адыгее было потрачено 400 тыс. рублей на табачные плантации, в этом году расходы увеличатся на 487 тыс. рублей. Весной 1930 года в республике действовала только одна тракторная станция, сейчас в Адыгее их уже четыре. Огромные болота, рассадники малярии и смерти, были осушены, превратившись в прекрасные сельхозугодия, на них были организованы многочисленные грядки овощей и создано три больших совхоза», – восхищается Кьунитц [Kunitz 1931: 21].

Американский писатель отмечает, что руководитель партийной ячейки в Старом Бегахай признавал тот факт, что адыгам

«первым из национальных меньшинств удалось достичь сплошной коллективизации был связан не с наилучшим руководством или большей эффективностью, чем в других местностях. “Просто так получилось, что у нас черкесов, – подчеркивал партийный работник, – всегда была примитивная форма общественного пользования землей. Соответственно, переход к коллективному владению землей и к ее коллективной обработке [создание колхозов], а также общественному распределению урожая на основе индивидуального вклада в работу [трудодней], был не так болезнен в Адыгее, как в регионах, где земля долгое время находилась в индивидуальном пользовании» [Kunitz 1931: 21-22].

Примечательно, что американский литератор не просто констатирует факты, но выражает симпатию и поддержку проводившимся преобразованиям. Коллективизацию он рассматривает не просто как производственно-экономическую реформу, но как сложное и многогранное социальное явление:

«Необходимо помнить, что сплошная коллективизация предполагает нечто большее чем просто изменение формы собственности. В своем полном значении она приводит к всеобъемлющей культурной революции и полному изменению человеческой психики. Армия управляющих, библиотекарей, агрономов, трактористов, механиков и других работников должна быть подготовлена на базе колхозов. Это требует знания, это требует учебы. Настоящее маленькое чудо – наблюдать множество школ, как начального уровня, так и полного цикла обучения, раскинувшихся по всем просторам Адыгеи. Черкесы быстро освобождаются от своей многовековой безграмотности. Согласно очевидцам, в прошлом году долгими зимними вечерами адыгейские деревни светились множеством маленьких огней, шедших из окон саклей, где была ликвидирована неграмотность. Там люди среднего и даже преклонного возраста впервые в своей жизни читали, используя латинский алфавит, на своем собственном языке»,

– вновь восхищается Кьюнитц, и вновь обращается к количественным показателям.

«Снова необходимо привести цифры: в 1920 году только 6 процентов трудоспособного населения Адыгеи (русские и черкесы вместе) было грамотным. Между 1924 и 1929 годами уровень грамотности возрос до 24 процентов (7 тыс. 900 мужчин и 2 тыс. 100 женщин). В 1929 и 1930 годах уровень грамотности поднялся до 42 процентов. А в 1931 году Адыгея приблизилась к полному искоренению безграмотности!» [Kunitz 1931: 22].

Завершая рассмотрение этого замечательного очерка американского писателя, можно констатировать, что Кьюнитц был по-настоящему поражен быстрым социально-экономическим и культурным развитием Адыгеи. В каком-то роде его очерк читается как своего рода панегирик, но заокеанского литератора трудно обвинить в преувеличении, ведь цифры, которые он приводит, говорят сами за себя. 1930-е гг., время, которое в российской историографии, ассоциируется прежде с репрессиями и террором, зарубежными наблюдателями тех лет воспринимались совершенно с других позиций. До сих пор некоторые легкие отечественные публицисты изображают иностранцев как чудаков и простаков, которых советское правительство беззастенчиво обводило вокруг пальца, показывая «потемкинские деревни» [Симкин 2022]. В действительности

же западные журналисты, писатели и технические специалисты, массово посещавшие СССР в начале 1930-х гг. [Hindus 1932, Renn 1932, Fischer 1935], восторженно описывали развитие Советского Союза, поскольку наблюдали настоящую модернизацию, происходившую во всех областях жизни населения страны, включая здравоохранение [Христенко 2022]. На примере работы Кьюнитца, описывающей Адыгею, видно, как успешно, по мнению американских интеллектуалов, решался в СССР сложный «национальный вопрос». В отличие от США, где проблема афроамериканского населения еще долгие десятилетия оставалась «родовой травмой» американского общества, в Советском Союзе уже в 1930-е гг. сумели добиться равноправия титульной нации и малых коренных народов, которые все более уверенно выходили на авансцену социально-политической и экономической жизни нашей страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

Глазами иностранцев. 1917-1932 – Глазами иностранцев. 1917-1932: [отрывки произведений европейских интеллигентов об Октябрьской революции]. – Москва: Гос. изд-во художественной лит., 1932. – 719 с.

Грюнберг 1929 – *Грюнберг К.* Пылающий Рур: Роман из времен мятежа Каппа. – Москва, Ленинград: Гос. изд-во, 1929. – 279 с.

Пушкин 1829 – *Пушкин А.С.* Путешествие в Арзрум: во время похода 1829 г. // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. – Том VI. – Москва-Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1950. – С. 647-648

Симкин 2022 – *Симкин Л.* Великий обман. Чужестранцы в стране большевиков. – М.: Эксмо, 2022. – 416 с.

Христенко 2022 – *Христенко Д.Н.* Советская сельская медицина довоенного периода в оценках отечественных и иностранных очевидцев // *Quaestio Rossica*. – 2022. – Т. 10. – № 2. – С. 629-645.

Христенко, Красовская 2019 – *Христенко Д.Н., Красовская Ю.В.* Коллективизация и становление системы здравоохранения на селе // Самарский научный вестник. – 2019. – № 4. – С. 200-205

Feuchtwanger 1937 – *Feuchtwanger L.* Moskau 1937: Ein Reisebericht für meine Freund. – Amsterdam: Querido, 1937.

Fischer 1935. – *Fischer L.* Soviet journey. – New York, 1935. – 309 p.

Gide 1936. – *Gide A.* Au retour de l'URSS. – Paris: Gallimard, 1936. – 124 p.

Gold 1930 – *Gold M.* Jews without money. – New York: Liveright, 1930. – 309 p.

Grünberg 1970 – *Grünberg Karl.* Von der Taiga bis zum Kaukasus: Erlebnisse aus den zwanziger Jahren und später. – Halle: Mitteldeutscher Verlag, 1970. – 203 s.

Hindus M. – *Hindus M.* The Great Offensive. New York, 1933. – 368 p.

Kunitz 1931 – *Kunitz J.* One Hundred Percent Adygea // *New Masses*. – Vol. 7. – N. 5. – October 1931. – P. 20-24

Renn 1932 – *Renn L.* Russlandfahrten. – Berlin, 1932. – 190 s.

Webb S, Webb B. 1935 – *Webb S., Webb B.* Soviet Communism: A New Civilization? – Vol. 1. – London: Longman, 1935. – 528 p.

REFERENCES

Glazami inostrantsev. 1917-1932. Moskva: Gos. izd-vo khudozhestvennoi lit., 1932. [Through the eyes of foreigners. 1917-1932]. – Moscow: State. Publishing House of Artistic Literature, 1932. – 719 p. (In Russ.).

GRÜNBERG K. *Pylayushchii Rur: Roman iz vremen myatezha Kappa* [The Burning Ruhr: A Novel from the Kapp Rebellion]. – Moscow, Leningrad, 1929. – 279 p. (In Russ.).

PUSHKIN A.S. *Puteshestvie v Arzrum: vo vremya pokhoda 1829 g.* [Journey to Arzrum: during the campaign of 1829 y.]. In: Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii v desyati tomakh*. Tom VI. – Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1950. – P. 647-648 (In Russ.).

SIMKIN L. *Velikii obman. Chuzhestrantsy v strane bol'shevikov* [Great deception. Strangers in the country of the Bolsheviks]. – M.: Eksmo, 2022. – 416 p. (In Russ.).

KHRISTENKO D.N. *Sovetskaya sel'skaya meditsina dovoennogo perioda v otsenkakh otechestvennykh i inostrannykh ochevidtsev* [Pre-War Soviet Rural Medicine as Assessed by National and Non-National Observers] // In: *Quaestio Rossica*. – 2022. – T. 10. – № 2. – P. 629-645. (In Russ.).

KHRISTENKO D.N., KRASOVSKAYA Y. V. *Kollektivizatsiya i stanovlenie sistemy zdравookhraneniya na sele* [Collectivization and Public Health System Formation in Rural Russia] // In: *Samarskii nauchnyi vestnik*. – 2019. – № 4. – P. 200-205 (In Russ.).

FEUCHTWANGER L. *Moskau 1937: Ein Reisebericht für meine Freund*. Amsterdam: Querido, 1937. – 153 p.

FISCHER L. *Soviet journey*. – New York, 1935. – 309 p.

GIDE A. *Au retour de l'URSS*. – Paris: Gallimard, 1936. – 124 p.

GOLD M. *Jews without money*. – New York: Liveright, 1930. – 309 p.

GRÜNBERG Karl. *Von der Taiga bis zum Kaukasus: Erlebnisse aus den zwanziger Jahren und später*. – Halle: Mitteldeutscher Verlag, 1970. – 203 p.

HINDUS M. *The Great Offensive*. – New York, 1933. – 368 p.

KUNITZ J. *One Hundred Percent Adygea*. In: *New Masses*. – Vol. 7. – №. 5. – October 1931. – P. 20-24.

RENN L. *Russlandfahrten*. – Berlin, 1932. – 190 p.

WEBB S, WEBB B. *Soviet Communism: A New Civilization?* – Vol. 1. – London: Longman, 1935. – 528 p.

Информация об авторах

Д.Н. Христенко – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

D.N. Khristenko – Candidate of Sciences (History), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 12.10.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 12.10.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья
УДК 930.2
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-339-351
EDN: MVYOYN

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ДЖЕГОНАССКИХ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ В СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ АРХИВАХ / БАЗАХ ДАННЫХ (ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Владимир Игоревич Колесов

Независимый исследователь, Краснодар, Россия,
vovakolesov1971@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1206-299X>

Аннотация. Появление за последние десятилетия Баз данных оцифрованных исторических документов, особенно периодов I и II Мировых войн (www.gwar.mil.ru; www.obd-memorial.ru; www.podvignaroda.ru; www.pamyat-naroda.ru) внесли новый импульс в историко-этнологические исследования, актуализировав фокус на биографии индивидов, истории семей и семейных связях, генеалогии и ономастике. В статье на примере локальной группы горских евреев Кавказа, выходцев из поселка Джегонас, Кубанской области, демонстрируются эвристические возможности этих баз данных для качественного исторического и/или этнологического анализа. Отмечено, что происходит процесс взаимодействия исследователя и платформы, когда платформа, предложив варианты искомых данных, может изменить вектор и фокус научного поиска, тем самым, видоизменяя объект и предмет исследования, в том числе. Сделан вывод о том, что появление подобных интернет-платформ оцифрованных документов и Баз данных, таким образом, меняют, с одной стороны, комплекс источников в истории и этнологии, а с другой – влияют на исследовательские практики.

Ключевые слова. Северный Кавказ, горские евреи, оцифрованные документы и Базы данных, Джегонасский-Еврейский поселок, историко-этнологическая эвристика.

Благодарности: Работа выполнена в рамках реализации проекта, поддержанного РНФ (проект № 23-28-00106), организация, через которую осуществляется финансирование – Южный федеральный университет.

Для цитирования: Колесов В.И. История и культура джегонасских горских евреев в современных цифровых архивах / базах данных (историковедческий аспект) // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 339-351. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-339-351. EDN: MVYOYN.

© Колесов В.И., 2023

Original article

DZHEGONAS MOUNTAIN JEWS HISTORY AND CULTURE IN THE MODERN DIGITAL ARCHIVES / DATABASES (SOURCE STUDY ASPECT)

Vladimir I. Kolesov

Independent scholar, Krasnodar, Russia, vovakolesov1971@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-1206-299X>

Abstract. During two decades, the Databases of digitized historical documents had come into sight, specifically WWI and WWII periods (www.gwar.mil.ru; www.obd-memorial.ru; www.podvignaroda.ru; www.pamyat-naroda.ru). It's bringing a new momentum in the historical and ethnological studies by updating the focus on individual biographies, family stories and their network, genealogies and onomastics. The author is showcasing the potential of Databases for heuristic search on the local Mountain Jews group in Dzhegonas village, Kuban region. It is noted that there is an interaction process between the researcher and the platform, in which the platform, after providing options for the required data, can change the vector and focus of scientific search, thereby changing the object and subject of research, among other things. It is concluded that the advent of such Internet platforms of digitized documents and Databases affects the complex of sources in history and ethnology on the one hand, and influences research processes on the other.

Keywords: North Caucasus, mountain Jews, digitized historical documents, databases, historical and ethnological heuristic.

Gratitude: The article written as a part of grant project funding by Russian Scientific Fund (project № 23-28-00106). The scientific organization is the Southern Federal University (Rostov-on-Don).

For citation: Kolesov V.I. Dzhegonas mountain Jews history and culture in the modern digital archives / databases (source study aspect). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 339-351. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-339-351. EDN: MVYOYN.

© Kolesov V.I., 2023

Принцип историзма, основополагающий в гуманитарных исследованиях [Stocking 1968], предполагает основу на широкий круг источников: для исторических изысканий – на письменные источники (архивные и иные документы), для этнологических/антропологических, помимо вышеуказанных, – на «полевые» этнографические материалы (наблюдения и интервью), обуславливающих наибольшую объективность и качество. В этой связи внимание к источникам, способам их эвристического поиска и верификации легко объяснимо и оправдано. В исторической науке развивается специальное направление «Источниковедение», рассматривающее специфику каждого вида источника и его влияние на формирование научного текста [Румянцева 2002]. В социокультурной антропологии (этнологии) существует имеющая многолетнюю традицию рефлексия о методах проведения экспедиционных («полевых») исследований, способах получения необходимой информации и результатах, зависящих от многочисленных объективных и субъективных факторов (см., например [Sanjek 1990]). Новая «цифровая» эра последних десятилетий породила во всех направлениях гуманитарной мысли разнообразные трансформации, вплоть до перенесения «полевых» антропологических изысканий в он-лайн среду (см., например, [Цифровая 2022]). Историческая наука расширила «горизонты» источниковедческих поисков в результате появления новой интернет-реальности – Баз данных, в основном, составленных на оцифрованных гетерогенных документов. В данном контексте, например, можно вспомнить портал «Прожито» (www.prozhito.org), аккумулирующий эго-документы – источники личного происхождения (дневники и воспоминания). В нашей статье мы будем говорить о материалах интернет-порталов, созданных под эгидой Министерства обороны

РФ при поддержке Федерального архивного агентства и Российского исторического общества, использующих оцифрованные документы периодов I и II Мировых войн (www.gwar.mil.ru; www.obd-memorial.ru; www.podvignaroda.ru; www.pamyat-naroda.ru). Актуальность введения в научный оборот этих материалов не представляет сомнений для различных аспектов историко-этнологического познания: анализа биографий исторических личностей, истории семей, акторно-сетевых связей как личностных, так и групповых, ономастике во всех её аспектах (антропонимы, топонимы и т.д.) и многих других. Целью статьи является демонстрация эвристических возможностей исторических данных, опубликованных вышеупомянутыми порталами, на примере небольшой локальной группы горских евреев Кавказа – жителей и выходцев из Джегонасско-Еврейского поселка Баталпашинского отдела Кубанской области.

Горские евреи Кавказа – общность разнообразных общин и локальных групп иудеев, родным языком которых являлся «татский» (или «иудеотатский»), один из новоиранских языков, называемый ими «джуури», «парсский» и т. п. (см. например, [Назарова 2018: 228–248]). Экзоним «горские евреи» начал применяться к этим общинам/группам в период российской колонизации Кавказа, с первой половины XIX в., объединив их в единую категорию местных, автохтонных жителей, тем самым, дифференцируя от европейских евреев «ашкеназим», проживавших в Российской империи после разделов Польши последней четверти XVIII в. [Мурзаханов 1994: 14]. Отличительные особенности хозяйственной деятельности, бытовой культуры и языковых практик (дву-, полиязычие) общин/групп горских евреев, обусловленные специфическими условиями проживания среди разных кавказских народов и этнических групп, актуализируют исследовательское внимание к артикулируемым параметрам границ локальных ареалов (например, противопоставление «кайтагские» vs. «дербентские», или «дербентские» vs. «губинские») или даже выделение отдельных локальных групп (например, совершенно особые «варташенцы», или «шурьё», выходцы из Темир-хан-Шуры среди «кайтагских»). В качестве дискуссионной модели можно представить следующую иерархию: «горские евреи Кавказа» дифференцируются на две условные части – северную («кайтагские») и южную («губинские»), в свою очередь эти части делятся на группы и одноаульные общины, появившиеся в обозримый исторический период в связи с Кавказской войной, российской колонизацией и миграциями еврейского населения в регионе (см. выделение этнотерриториальных групп горских евреев М.С. Куповецкого [Куповецкий 2010: 145–175]). Таким образом, кайтагские включают себя уже упомянутых «шурьё», «нальчикских», «грозненских», «кизлярских» евреев, составивших общины при российской крепостях – соответственно, Темир-хан-Шуре (ныне – Буйнакск), Нальчике, Грозном, Кизляре, а также проживавших в «туземных» аулах – Эндери (Андрей-аул), Костек, Дешлагар, Аксай, Енгикент, Ньюгди и других. «Губинские» (жители Красной Слободы г. Куба, ныне – Губа, Азербайджан) же послужили основанием для формирования горско-еврейской общины г. Баку. Несколько особняком в этой классификационной модели выглядят две группы – «варташенцы», причисляемые многими к «южной» части горского еврейства, но обладающие специфиче-

скими чертами в разных культурных и языковых аспектах, а также джегонасские горские евреи (самоназвание – *гъубонийхо*), проживавшие в одноименном поселке Кубанской области, считающиеся некоторыми исследователями и информантами «кайтагцами», в то же время отличающиеся рядом значимых культурных паттернов. Именно история жителей и выходцев из Джегонасско-еврейского поселка (Джегонаса), и в целом, данной общины стала предметом исследования историков и этнологов на протяжении последних двадцати лет [Колесов, Сень 2000: 199–211; Колесов, Сень 2009; Мурзаханов 2018: 318–319]. Новые эвристические возможности, обусловленные опубликованными он-лайн материалами вышеупомянутых интернет-порталов (информационных ресурсов, банков данных) актуализировали фокус исследовательского внимания на этой общине и её членах.

Документы периода I Мировой войны, размещенные на портале www.gwar.mil.ru «Памяти героев Великой войны 1914–1918», извлечены, в основном, из Российского государственного военно-исторического архива, материалы Великой Отечественной войны (www.obd-memorial.ru; www.podvignaroda.ru; www.pamyat-naroda.ru) – из Центрального архива Министерства обороны РФ. Несмотря на темпоральную дистанцию в 30 лет, и иной государственный контекст создания этих документов, типологически они сходны и представляют собой совокупность формулярных делопроизводственных свидетельств военных эпох, составленных на русском языке в российских/советских учреждениях, связанных с армейской сферой. Их можно подразделить на две основных категории: наградные документы (соответствующие приказы о награждении, перечни награжденных, для II Мировой войны – наградные листы, своеобразные индивидуальные представления), и документы, учитывающие потери личного состава (карточки военнопленных, раненых, больных, списки погибших и т.д.).

Прежде всего, проанализируем собственно оцифрованные документы, размещенные на указанных сайтах. Наградные документы периода I мировой войны малоинформативны, так как в приказах о награждении и перечнях награжденных указывались лишь воинские чины и фамилия, имя, отчество, что существенно сужает и затрудняет поиск. Место рождения и жительства не указывались, поэтому имеется определенная сложность в выявлении представителей той или иной общины. Так, ни одного награжденного еврея, уроженца Джегонаса или окрестностей, пока обнаружить не удалось. Гораздо больше информации дают карточки и перечни, составленные на погибших и выбывших из строя воинов. Например, ефрейтор 201^{-го} Потийского полка Гавриил Ашуров награжден в 1915 г. т. н. «солдатским» Георгиевским крестом IV-й степени¹ (никакой информации в перечне награжденных более нет), и только из дела о потерях (перечень раненых) дополнительно можно узнать, что иудей Гавриил Авилевич Ашуров, уроженец слободы Нальчик, Пятигорского уезда, Терской области, после ранения был признан не годным к службе и отправлен на «роди-

¹. Ашуров Гавриил. Документы о награждениях // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914-1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_nagrazhdenie35089214/ (дата обращения: 10.11. 2023)

ну»¹. Карточки на раненых и больных заполнялись в госпиталях и лазаретах и делились на несколько видов. Самая распространенная карточка т. н. «Синяя для нижних чинов. На прибывших» представляла собой печатный формуляр с определенными графами: фамилия; имя; отчество; воинское звание и часть; губерния; уезд; волость; селение (деревня, станица); болен; ранен; время и место сражения; название и подробный адрес лазарета, сообщающего сведения (штампель); когда поступил в лазарет. Из 37 документов горских евреев, связанных с Джегонасом, 22 именно «синие» карточки на прибывших. Для примера приведем одну из них. Личные данные вносились от руки, лишь в одном случае нами выявлена карточка-формуляр, заполненный машинописно.

«(Синяя для нижних чинов).	На прибывших
Фамилия Амерджиев	
Имя Пейсон	
Отчество Израилевич	
Воинское звание и часть – Р. 12 выуч. трансп. (т. е. Рядовой вспомогательной транспортной части – автор)	
Губерния – Куб. об. (Кубанская область – автор)	
Уезд – Баталпаш. отд. (Баталпашинский отдел – автор)	
Волость – (прочерк – автор)	
Селение (деревня, станица) – Джагонасское	
Болен Бронхит	
Ранен (прочерк – автор)	
Время и место сражения (прочерк – автор)	
Название и подробный адрес лазарета, сообщающего сведения (поставлен штампель: «Губ. г. Ставрополь, госпиталь №6» – автор)	
Когда поступил в лазарет – 11/iv 17 ». ²	

Гораздо реже встречаются карточки «Синяя для нижних чинов. На выбывших» и «синяя» учетная карточка-формуляр. В нашем исследовании в отношении общины джегонасских горских евреев выявлено по одной такой карточке. Их особенность в наличии дополнительных граф: в синей карточке для выбывших появилась графа – вероисповедание, вместо рубрики «когда поступил в лазарет» – «выбыл из (штампель лазарета)» и добавились графы «Куда (в строй или другое лечебное заведение или в отпуск и проч.)», «Умер и погребен (когда и где)», а в «синей» учетной добавились две графы – «вероисповедание» и «холост, семейный». Более структурно насыщенными были карточки лазаретов общественных организаций – Всероссийского Союза городов помощи больным и раненым воинам, Всероссийского городского союза, Московского городского общественного управления организации помощи раненым и больным воинам, Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам, имевших наименования – Уведомления о приёме, Отчетно-осведомительные карточки и др. В них больше описательных рубрик (граф), к

¹. Ашуров Гавриил Авилович. Картоотека потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914-1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital181478 (дата обращения: 10.11. 2023)

². Амерджиев Пейсон Израилевич. Картоотека потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914-1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital122844 (дата обращения: 11.11. 2023)

тому же многие из которых детализированы. В Уведомлениях о приёме добавлены графы «Откуда поступил», «Звание или сословие» или «Национальность»/«Народность», «Возраст», «Холост, женат, вдов», «Грамотный, неграмотный, образованный», «Занятие (перед войной)». Вместо «Губернии, уезда, селения» вставлены две рубрики: «Место родины: губ., уезд, город» и «Место жительства перед войной». В графе «Ранение, контузия» предлагается детализация: тяжелое, легкое, огнестрельное (ружейной пулей, шрапнелью, осколком снаряда), холодным оружием (штык, шашка, проч.), проникающее (череп, грудь, живот, сустав), с повреждением костей, без повреждения костей, черепа, лица, шеи, груди, живота, спины, конечностей верхних, нижних. Далее необходимо было заполнить пункт «Название болезни». Такая детализация позволяет проникнуть в различные аспекты повседневной социокультурной деятельности, какие-то аспекты прояснив, а в других случаях поставить новые вопросы. Например, у Шумгума Шахимовича Андреева (уроженец Баталпашинского уезда)¹, Сафани Хизгировича Израилева (с. Джигонасское)², Давида Шамилевича Мелихова (ст. Усть-Джегутинская)³ в графе «сословие» указано «мещанин», а в рубрике «Занятие (перед войной)» Израилев – хлебопашец, а Мелихов – чернорабочий. Мещанин – лицо городского сословия из ремесленников или торговцев. Ремесленниками и торговцами горские евреи, в том числе и жившие на Кубани, были. Но принадлежность к мещанскому сословию означало приписку к какому-либо городскому обществу. Известны попытки джегонасских евреев приписаться к Майкопу, впрочем, по-видимому, не увенчавшиеся успехом. Возможно, некоторым представителям джегонассцев удалось все-таки получить мещанский статус, приписавшись к горожанам Нальчика, Грозного и иных городов с крупными горско-еврейскими общинами. Другим возможным вариантом ответа на эти вопросы мог быть городской статус станицы Баталпашинской в 1869–1903 гг., но никто из вышеназванных в Баталпашинске не проживал. Более того, судя по посемейным спискам 1864 г., Андреевы, Израилевы (Израевы), Мелиховы – семьи, входившие в число первопоселенцев Джегонасского поселка [ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 2. Л. 16-21], что исключало возможность приезда их в поселок уже мещанами какого-либо кавказского города, например, Грозного. В то же время, благодаря таким детализированным карточкам, отдельные индивидуальные (семейные) биографии получают подтверждение и/или прояснение жизненных траекторий. Так, Нахамии Шимович Розиилов (на дату составления карточки 9.09. 1915 г. ему 22 года), женат, грамотен, «народность» – еврей, вероисповедание – иудейского, родился, вырос и жил перед войной в станице Баталпашинской, центре одноименного отдела (уезда), занимался хлебопашеством⁴. Важность подобных свидетельств опреде-

¹. Андреев Шумгум Шахимович. Карточка потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914-1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital129175 (дата обращения: 10.11.2023);

². Израилев Сафани Хысгыеу. Карточка потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914-1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital20973120 (дата обращения: 12.11.2023);

³. Мелихов Давид Шамилевич. Карточка потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914-1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital22316437 (дата обращения: 22.11. 2023);

⁴. Розиилов (Розиигов) Нахалии Шимович. Карточка потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914-1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital21133530 (дата обращения: 20.11. 2023)

ляется тем обстоятельством, что молодые люди, призванные в армию, чаще всего не участвовали в сельских выборах, так как еще не были главами семейств, и таким образом, не фигурировали на страницах исторических документов. Но в этих архивных источниках, например, часто присутствовал отец вышеупомянутого Нахамио (Нахимье) Разиилова – Шим Рабаевич Разилов, бывший в 1906 г. Уполномоченным от селения для выбора выборщиков в областное избирательное собрание по выборам в Государственную Думу [ГАКК. Ф. 467. Оп. 1. Д. 11. Л. 172, 263], 5 марта 1911 г. он же баллотировался на должность сельского старшины (за 7 голосовавших, 17 – против) [ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5447. Л. 16, 2], а в 1915 г. был Почетным блюстителем Джегонасско-Еврейского 1-го классного смешанного начального училища 5-го инспекторского района Баталпашинского отдела Кубанской области [ГАКК. Ф. 476. Оп. 1. Д. 2. Л. 1; КК 1915: 366].

Цифровые платформы, на которых размещены документы, в отличие от обычного архива являются не только хранилищем письменных источников, но и фактором, меняющим исследовательскую эвристику, способствующим расширению поисковых возможностей. Используя две стратегии обнаружения необходимой информации – антропонимическую (по фамилии) или топонимическую (по названию населенного пункта, а шире – уезда, района, отдела, области), исследователь получает выборку сведений в виде перечня, открыв каждый раздел которого можно познакомиться с оцифрованными подлинниками документов. Важным для эвристики представляется демонстрация цифровыми платформами многочисленных вариантов написания имен, фамилий, топонимов, расширяющих, таким образом, фокус исследовательской оптики. Причем, искажения в написании топонима могут быть столь велики, что не оставляли бы возможности исследователю самостоятельного выявления их в бумажном массиве архива. В нашем случае помимо «традиционного» для отечественного делопроизводства употребления для данного еврейского поселка терминов Джегонас, Джигонас, Джеганас, Джагонас встречаются искаженные или редуцированные формы Джигамас, Жиганас, Хиганас, Джекана, обусловленные, скорее всего, произношением самих горских евреев-уроженцев населенного пункта, а также совершенно невообразимые варианты – Загонос (карточка – Пенхасов Илья Шагбонович¹), Живонас (Мелихов Шунду Рафаилович²), Жагнарское (Инатаев Навтосий Аврамович³), Дежегунавское (Мелехов Арон Рафаилович⁴), ст. Джанахско-Еврейская (Яшагияев Захар Шаблович⁵). Такие же искажения в документах затрагивали и более известные названия уезда/отдела

¹ Пенхасов Илья Шагбонович. Именные списки потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914-1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_donesenie13387671 (дата обращения: 22.11. 2023)

² Мелихов Шунду Рафаилович. Картотека потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914-1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital22325320 (дата обращения: 22.11. 2023)

³ Икатаев Навтосий Аврамович. Картотека потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914-1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital1758772 (дата обращения: 20.11. 2023)

⁴ Мелихов Арон Рафамлович. Именные списки потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914-1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_donesenie14251344 (дата обращения: 20.11. 2023)

⁵ Яшагияев Захар Шаблович. Картотека потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914-1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital21372348 (дата обращения: 24.11. 2023)

Кубанской области. Вместо «Баталпашинского» писали «Талпашинский¹», «Палтапашский²» (Давыдов Мардахай Рахмилович), а в одном случае – «Черезбалтатыйский» (Завла Матаев³). Сразу хотелось бы отметить, что две упомянутые поисковые стратегии не только дополняли друг друга, но и пересекались, выходили за рамки заранее обозначенных исследователем для себя самого географических и антропонимических «границ». Так, встретились случаи, когда горский еврей родился или жил перед призывом в армию в период I Мировой войны не в еврейском поселке Джегонас, а шире – в разных населенных пунктах Баталпашинского отдела, или даже за его пределами, в других районах Кубанской области. Например, Гемриил Инатович Амиранов⁴ – в ст. Джигута, Завла Матаев в ст. Чутинской⁵ (в обоих случаях имелась в виду станица Усть-Джегутинская, ныне – город Усть-Джегута, КЧР), Яков Тарабаевич Матаев⁶ – в ст. Зеленчукской, Нахамии (Нахимье) Шимович Разилов⁷ и Ешува Табушевич Рабаев⁸ в ст. Баталпашинской, Ханука Садыкович Хампулиев⁹ в сел. Шахгиреевском (ныне – а. Апсуа, КЧР). В одной, структурно подробной, карточке, там, где были дифференцированы пункты «место родины» и «местожительство (перед войной)» у Мелихова Давида Шамилевича указано в первом пункте – «ст. Джагутинская» (т. е., Усть-Джегутинская), а во втором – «там же»¹⁰. С другой стороны, топонимическая привязка позволила выявить представителей новых фамилий/семей, живших в с. Джегонас и его окрестностях: напр., Самуил Ханинаевич Аназов¹¹. Ни в каких других документах на данный момент других Аназовых пока не выявлено. Также были зафиксированы модификации написания отдельных фамилий: сын Агасы Израева рядовой 38-го Тобольского полка был записан как Израилев Циткия Агасевич¹², т. е. Израев стал Израилевым. В другом случае только топоним «Джигамас, Паташпашин. отд.» заставил обратить внимание на рядового 208-й пешей Саратовской дружи-

1. Давыдов Мардахай Рахмилович // Портал «Память народа» URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_kartoteka_memorial85516060 (дата обращения: 24.11. 2023)

2. Давыдов Мардахай Рахмилович // Портал «Память народа» URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_kartoteka_memorial85444020 (дата обращения: 20.11. 2023)

3. Матаев Завла. Именные списки потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914-1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_donesenie11621304 (дата обращения: 24.11. 2023)

4. Амиранов Гемриил Инатович. Карточка потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914-1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital123535 (дата обращения: 20.11. 2023)

5. Матаев Завла. Именные списки потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914-1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_donesenie11621304 (дата обращения: 25.11. 2023)

6. Матаев Яков Тарабаевич. Карточка потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914-1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital1462981 (дата обращения: 25.11. 2023)

7. Разилов Нахимье Шилович. Карточка потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914-1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital21461364 (дата обращения: 25.11. 2023)

8. Рабаев Ешува Табушев. Именные списки потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914-1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_donesenie11511002 (дата обращения: 25.11. 2023)

9. Хампулиев Ханука Садыков. Карточка потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914-1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital20748965 (дата обращения: 24.11. 2023)

10. Мелихов Давид Шамилевич. Карточка потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914-1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital22316437 (дата обращения: 20.11. 2023)

11. Аназов Самуил Ханинаевич. Карточка потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914-1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital124166 (дата обращения: 22.11. 2023)

12. Израичев Циткия Агасевич. Карточка потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914-1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital1731111 (дата обращения: 23.11. 2023)

ны Пикасова Михаила Борисовича¹, а сопоставление с иными письменными источниками – отождествить этого «Пикасова» с жителем Джегонаса Минхой (Минькой Борисовичем) Пинхасовым. Кстати, в этом кейсе поисковая система цифровой платформы на запрос по фамилии «Пенхасов», предоставив достаточное количество вариантов написания фамилии, «Пикасов» не показала.

Джегонасский Еврейский поселок в годы Гражданской войны подвергся разграблению и фактически уничтожению в результате погромов белогвардейских частей под руководством Шкуро [Павленко 1933: 26]. Жители поселка расселялись по окружающим населенным пунктам, некоторые вернулись в район неподалеку от Джегонаса, например, в станицу Усть-Джегутинскую, но сам поселок, по-видимому, в полной мере восстановлен не был. В этой связи второй корпус оцифрованных документов и материалы Баз данных периода Великой Отечественной войны представляют огромный интерес, так как, демонстрируют миграционные стратегии джегонасцев в новых советских условиях политики «коренизации», раскрывают семейные связи, индивидуальные жизненные траектории и многие другие историко-культурные аспекты. Но перед тем, как анализировать эвристические возможности информации этих документов и записей Баз данных, охарактеризуем собственно эти документы, появившиеся в годы Великой Отечественной войны. Как уже указывалось, данный корпус источников условно можно разделить на две категории: Наградные документы (представления, приказы) и Учет безвозвратных потерь (погибшие, раненые, попавшие в плен). Изредка встречаются информационно насыщенные Учетно-послужные карточки (в различных вариациях) и другие типологически отличающиеся от вышеуказанных документы (например, немецкие карточки военнопленных, советских фильтрационных формы на бывших военнопленных и т.д.).

Важным в контексте изучения одного из антропологических феноменов – этнической идентичности является формуляр представления к награде – «Наградной лист», который составляли утвержденные разделы:

первая часть – 1. Фамилия, имя, отчество; 2. Звание; 3. Должность, часть; Представляется к...; 4. Год рождения; 5. Национальность; 6. Партийность; 7. Участие в Гражданской войне, последующих действиях по защите СССР и в Отечественной войне (встречается редуцированная форма этого пункта – «Участие в боях», «Участие в Отечественной войне»); 8. имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне; 9. с какого времени в Красной Армии; 10. Каким РВК призван; 11. чем ранее награжден (за какие отличия); 12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи; вторая часть – 1. Краткое изложение личного боевого подвига или заслуг, в конце первой страницы наградного листа – дата, должность и подпись командира, представляющего к награждению; на обороте располагались мнения и подписи вышестоящих военачальников (они могли не утвердить представление, снизить уровень награды, например, с ордена на медаль и т.п.). Если для учетных документов I Мировой войны графа «Народность», «Национальность» была скорее ред-

¹ Пикасов Михаил Борисович. Картотека потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914-1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital1731111 (дата обращения: 23.11. 2023)

костью – прерогативой лишь некоторых формуляров, то во многих документах Великой Отечественной (наградные листы, учетные карточки военнослужащих, учетно-послужные листы, формуляры на советских военнопленных) данная информация – обязательный элемент, позволяющий исследователю проанализировать этническую идентичность индивида. В случае с джегонасскими горскими евреями наблюдалась ситуация, характерная для советской политики «коренизации», когда автохтонное, коренное население (в том числе и на Кавказе), бывшее в Российской империи «туземным» и «инородческим», становилось обладающим субъектностью – происходила выработка этнических номинаций. В случае с горскими евреями, самоназвание проистекало либо от лингвонима «джуури» – соответственно, «джуругйо», либо отражало локальную идентичность – «шурьё» (темир-хан-шуринские), губанийо, нальчикьо, дербенди. Экзоним «горские еврей» появился в российском делопроизводственном, а затем и научном дискурсе в середине XIX в., и был призван выполнить дифференцирующую функцию – отделить местных кавказских евреев от «европейских»-ашкеназим. Кроме него, с подачи лингвистов, классифицировавших их язык как один из татских (иранских), к ним стал применяться термин «таты», который в условиях советской государственной политики антисемитизма стал доминирующим в 1930–1940 гг., а затем и официальным для северокавказских горских евреев, особенно проживавших в Дагестане, где «таты» являются одной из титульных наций (см., например, [Шахбанова 2018: 108-117]). В выявленных нами документах, составленных на выходцев из Джегонаса (наградные листы и карточки учета) встречаются различные номинации в разделе «национальность»: примерно в равных пропорциях «горский еврей» и «еврей», гораздо меньше – «тат», два случая – «русский», по одному случаю «татарин», «грузин», «кабардинец». Причем, Геннадий Рафаилович Мелихов (1911 г.р.) в двух наградных листах указал себя «русский»¹, а в одном – «татарин»². Хаскиль Шагбаевич Пинхасов в одном листе «горский еврей»³, в другом – просто «еврей»⁴.

Второй большой совокупностью (а численно даже превосходящий наградные листы) являются документы учета потерь, чаще всего представленные в виде Именного Списка безвозвратных потерь, составленных воинской частью или территориальным военкоматом. Табличная форма подобных перечней включала в себя такие графы как: фамилия, имя, отчество; военное звание; должность и специальность; партийность; место и год рождения; каким РВК и какой обл. призван; когда и по какой причине выбыл; где похоронен; имя, отчество и фамилия, адрес жены или родителей. Именно данные родственников раненого или по-

¹. Мелихов Геннадий Рафаилович // Портал «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie18942546; https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie23316289 (дата обращения: 20.11. 2023)

². Мелихов Геннадий Рафаилович // Портал «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie46269612 (дата обращения: 20.11. 2023)

³. Пенхасов Хаскиль Шагбаевич // Портал «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie18994424 (дата обращения: 22.11. 2023)

⁴. Пенхасов Хаскиль Шагбаевич // Портал «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie24869402 (дата обращения: 22.11. 2023)

гибшего в этих документах представляют наибольший интерес, так как могут позволить проследить семейно-брачные связи горско-еврейских фамилий. Особенно наглядны данные факты, когда в этих документах у жены (родственников) – другая фамилия. Например, у пропавшего без вести в июне 1942 г. Ашурова Якуба Пейсановича (1902, г.р.) жена Израева Надон Шантиновна, проживавшая в с. Богдановка, Курского р-на, Орджоникидзевского края¹. Или в случае пропавшего без вести в 1941 г. Ешегияева Исаия Соломоновича (1911 г.р.), когда указан ближайший родственник – Дормолов, живший в Нальчике².

Изредка встречаются в «свободном» доступе оцифрованные Учетные карточки, заполнявшиеся, в основном, на офицерский и сержантский состав. Подобные документы наиболее информативны. Для примера приведем карточку, заведенную на старшего сержанта Рабаева Георгия Семеновича на Военно-пересыльном пункте (ВПП), и представлявшую собой отпечатанный типографским способом с двух сторон бланк со многими разделами. Опустив армейские классификации (звание – ст. сержант, ВУС – 34 и т.д.) и мелкие детали, упомянем лишь важные в этнологическом смысле факты: год рождения – 1924, ФИО – Рабаев Георгий Семенович, социальное положение – колхозник, национальность – горский еврей, гражданская специальность – тракторист, Грозненский МТС, образование – 5 кл., какой местности уроженец – Ордженик. край, район Устаджугутинский, село Джекана, (далее в той же рубрике через скобку, видимо, место проживания до войны), г. Грозный, ст. Петропаловская, к-з Большевик³. В другой его же «Карточке учета военнослужащего» помимо вышеприведенных данных и аналогичных ошибок (Устаджугутинский район), иной вариант написания Джегонаса – станц. Джетонес, и указан возраст родителей – мать 50 лет, отец 55⁴. Следует упомянуть, что этот Рабаев Г.С. в наградном листе на представление к ордену Красной Звезды в графе «национальность» записан как «еврей»⁵.

Таким образом, каждый вид документов обладает ценной информацией для историко-этнологических исследований. Анализ корпуса документов I и II Мировых войн, размещенных на вышеупомянутых интернет-платформах, значительно может расширить «границы» изучаемой группы (сообщества), в данном случае, джегонасских (кубанских) горских евреев: дополняет антропонию, раскрывает генеалогические связи и состав семей, демонстрирует семейно-брачные отношения, миграционную мобильность представителей различных локальных групп горских евреев Кавказа, и в частности, миграции джегонассцев в 1920–1930 гг. Эвристический потенциал описываемых платформ увеличивается почти ежедневно, в связи с перманентным пополнением количества оцифрованных документов. Кроме того, большое количество информации содержится в описании той или

1. Ашуров Якуб Пейсанович // Портал «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie1821828 (дата обращения: 20.11. 2023)

2. Ешегияев Исаия Соломонович // Портал «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donesenie58891170 (дата обращения: 20.11. 2023)

3. Рабаев Георгий Семенович // Портал «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_vpp10578064 (дата обращения: 23.11. 2023)

4. Рабаев Георгий Семенович // Портал «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_vpp30913290/ (дата обращения: 23.11. 2023)

5. Рабаев Георгий Семенович // Портал «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie39507408/ (дата обращения: 23.11. 2023)

иной индивидуальной странички героя – участника войны. Например, учетно-послужная карточка или иной учетный документ не оцифрован, но информация из него присутствует в личных данных индивида. К слову, информация о месте рождения (в нашем случае, сел. Джегонас), если в оцифрованном виде на платформе размещен только наградной лист, отсутствует. Но на страничке каждого героя есть так называемая «сводная информация», где практически обязательно наличествуют данные о месте рождения. Более того, как уже было сказано, интернет-платформы могут моделировать и направлять исследовательскую эвристику подбором вариантов написания фамилии героя и места его рождения. Происходит процесс взаимодействия исследователя и платформы, когда платформа, предложив варианты искомым данных, может изменить вектор и фокус научного поиска, тем самым, видоизменяя объект и предмет исследования, в том числе. Появление подобных интернет-платформ оцифрованных документов и Баз данных, таким образом, меняют, с одной стороны, комплекс источников в истории и этнологии, а с другой – влияют на исследовательские практики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края (Краснодар)

Колесов, Сень 2000 – Колесов В.И., Сень Д.В. Недолгая история горских евреев Северо-Западного Кавказа // Диаспоры: независимый научный журнал. М.: ЗАО «Олита», 2000, № 3. С. 199–211.

Колесов, Сень 2009 – Колесов В.И., Сень Д.В. Выборы, элиты, идентичность (случай горских евреев Кубанской области) // Вопросы еврейской истории: Материалы Шестнадцатой ежегодной междисциплинарной конференции по иудаике. – Москва, 2009. – С. 401–413.

КК 1915 – Кубанский календарь на 1915 год / Издание Кубанского Областного Статистического Комитета под ред. Л.Т. Соколова и А.С. Селевко – Екатеринодар: Тип. Кубанского обл. правления. – 1915. – С. 366.

Куповецкий 2010 – Куповецкий М.С. К исторической демографии территориальных групп горских евреев Азербайджана в XVII–XIX вв. // *Studia Anthropologica*: Сборник статей в честь проф. М.А. Членова / Ред.-сост. А.М. Федорчук и С.Ф. Членова. Науч. ред. О.В. Белова. – Москва; Иерусалим: Мосты культуры/Гешарим, 2010. – С. 145–175.

Мурзаханов 1994 – Мурзаханов Ю.И. Очерк истории этнографического изучения горских евреев (XVIII – начало XX в.). – Москва: Издательство «ЧОРО», 1994. – 78 с.

Мурзаханов 2018 – Мурзаханов Ю.И. Горско-еврейские общины Северного Кавказа // История и культура горских евреев / науч. ред. Е. М. Назарова, И. Г. Семенов. – Москва, 2018. – С. 317–323.

Павленко 1933 – Павленко И.П. Черкесская автономная область // Революция и горец. Ростов-на-Дону: Партиздат. 1933. – № 9. – С. 22–28.

Назарова 2018 – Назарова Е.М. Язык горских евреев в сравнительно-исторической перспективе // История и культура горских евреев / науч. ред. Е. М. Назарова, И. Г. Семенов. Москва, 2018. – С. 228–248.

Румянцева 2002 – Румянцева М.Ф. Теория истории. – Москва: Аспект Пресс, 2002. – 319 с.

Шахбанова 2018 – Шахбанова М.М. Политика татизации и ее отражение на этническом самочувствии горских евреев // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – Том. 10. № 4-1. – С.108–117. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/1-108-117.

Цифровая 2022 – Цифровая иудаика: исследования еврейских общин в он-лайн пространстве. М., 2022. 188 с.

Sanjek 1990 – Sanjek, Roger (ed.). Fieldnotes: the Makings of Anthropology. – Cornell University Press, 1990. 430 p.

Stocking 1968 – Stocking G. On the Limits of ‘Presentism’ and ‘Historicism’ in the Historiography of the Behavioral Sciences // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. – 1968. – No 1. Pp. 1–12.

REFERENCES

Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [State Archive of Krasnodar region] (In Russ.).

KOLESOV V.I., SEN` D.V. *Nedolgaya istoriya gorskikh evreev Severo-Zapadnogo Kavkaza* [Short History of the North-Western Caucasian Mountain Jews]. IN: *Diaspory* [Diasporas] – № 3. – P. 199–211. (In Russ.).

KOLESOV V.I., SEN` D.V. *Vybory, elity, identichnost` (sluchay gorskikh evreev Kubanskoj oblasti)* [The Election, Elites, Identity (case of Mountain Jews of Kuban region)]. IN: *Voprosy evreyskoj istorii: Materialy Shestnadtsatoy ezhegodnoj mezhdistsiplinarnoy konferentsii po iudaike* [Jewish History Questions: Proceedings of the Sixteenth Annual International Conference on Jewish Studies]. Part 2. – Moscow, 2009. – P. 401–413. (In Russ.).

KUPOVETSKY M.S. *K istoricheskoj demografii territorial`nykh grupp gorskikh evreev Azerbaydzhana v XVII–XIX vv.* [About the Historical Demography of the Azerbaijan Mountain Jews territorial groups at XVII–XIX cc.]. IN: *Studia Anthropologica: A Festschrift in Honour of Michael Chlenov*. Ed. by A.M. Fedorchuk, S.F. Chlenova and O.V. Belova. – Moscow; Jerusalem: Mosty kul`tury / Gesharim. – P. 145–173. (In Russ.).

MURZAKHANOV Yu.I. *Ocherk istorii etnograficheskogo izucheniya gorskikh evreev (18 – nachalo 19 v.)* [Historical Essay of Mountain Jews Ethnographical Study (18 – beginning 20 cc.)]. – Moscow, Izdatel`stvo “CHORO”. – 78 p. (In Russ.).

MURZAKHANOV Yu.I. *Gorsko-evreyskie obshchiny Severnogo Kavkaza* [Mountain Jews Communities of the Northern Caucasus]. IN: *Istoriya i kultura gorskikh evreev* [Mountain Jews History and Culture] // Nazarova, E.M., Semyonov I.G. (eds.). – Moscow, 2018. – P. 317–323. (In Russ.).

PAVLENKO I.P. *Cherkesskaya avtonomnaya oblast`* [Circassian autonomous region]. IN: *Revolutsiya i gorets* [Revolution and Mountaineer]. – Rostov-on-Don: Partizdat. – 1933. – № 9. – P. 22–28. (In Russ.).

NAZAROVA E.M. *Yazyk gorskikh evreev v sravnitel`no-istoricheskoy perspektive* [Mountain Jews Language in Historical and Comparative Perspective]. IN: *Istoriya i kultura gorskikh evreev* [Mountain Jews History and Culture] // Nazarova, E.M., Semyonov I.G. (eds.). – Moscow, 2018. – P. 228–248. (In Russ.).

RUMYANTSEVA M.F. *Teoriya istorii* [Theory of History]. Moscow: Aspekt press, 2002. – 319 p. (In Russ.).

SANJEK, Roger (ed.). *Fieldnotes: the Makings of Anthropology*. – Cornell University Press, 1990. – 430 p. (In Russ.).

SHAKHBANOVA M.M. *Politika tatizatsii i eyo otrazhenie na etnicheskom samochuvstvii gorskikh evreev* [Tatization policy and its reflection on ethnic health of mountain jews]. IN: *Historical and Social-Educational Idea*. –2018. Vol. 10. no. 4-1. – P. 108–117. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/1-108-117. (in Russ).

STOCKING G. On the Limits of ‘Presentism’ and ‘Historicism’ in the Historiography of the Behavioral Sciences. IN: *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. – 1968. – No 1. P. 1–12. (In Russ.).

Tsifrovaya iudaika: issledovaniya evreyskikh obshchin v on-layn prostranstve [Digital Judaic: The Investigation of Jewish Communities in on-line sphere]. Moscow, 2022. 188 p. (In Russ.).

Информация об авторе

В.И. Колесов – независимый исследователь.

Information about the author

V.I. Kolesov – Independent scholar.

Статья поступила в редакцию 28.11.2023г.; одобрена после рецензирования 05.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 28.11.2023; approved after reviewing 05.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

ФИЛОЛОГИЯ

Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа)

Научная статья

УДК 82-32

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-352-372

EDN: NLFSZC

ТВОРЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ БИБЛЕЙСКИХ МИФОВ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ Б. ЧИПЧИКОВА

Асият Даутовна Атабиева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения» Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, bolatovaatabieva@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2384-6108>

Аннотация. В статье затронута значимая в современных реалиях теософская проблематика с намерением рассмотреть примеры адаптации и качественной реконструкции религиозных сюжетов, библейских мифологем, фрагментов из священных писаний в творчестве русскоязычного автора Б. Чипчикова. Цель работы заключается в выявлении прецедентных включений, цитат и реминисценций религиозного характера в произведениях балкарского прозаика. В центре исследовательского внимания – семантика библейских аллюзий, интертекстуальный дискурс, формы образного отражения мира посредством мифотеологем. В ходе анализа раскрываются скрытые смыслы художественного текста, идейное наполнение рассказов и новелл в аспекте заложенных в них сакральных значений, происходит расшифровка философско-символических образов с точки зрения их семиотического статуса, считывание свернутого в них подтекста. Главной задачей предпринятого исследования является определение специфики индивидуального мировидения писателя, уточнение идейно-художественной основы его произведений. Мы стремились определить гуманистическую суть авторской антропологии, заключающейся в декларации идей личностного самосовершенствования, ценности человеческой жизни, важности духовного зрения, интуитивного чувствования, переосмысления божественного замысла и многих других сопрягаемых тем. Рецептивная эстетика и интенциональность автора позволяют моделировать условную картину мира, художественно воплощенную во всем многообразии контекстовых проявлений.

Ключевые слова: библейский миф, цитация, семантика образа, мифотеологема, авторская интенциональность, рецептивная эстетика, интертекстуальный дискурс.

Для цитирования: Атабиева А.Д. Творческая рецепция библейских мифов в русскоязычной прозе Б. Чипчикова // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 352-372. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-352-372. EDN: NLFSZC.

© Атабиева А.Д., 2023

Original article

CREATIVE RECEPTION OF BIBLICAL MYTHS IN THE B. CHIPCHIKOV'S RUSSIAN-LANGUAGE PROSE

Asiyat D. Atabieva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, bolatovaatabieva@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2384-6108>.

Abstract. The purpose of this article is to look at the theosophical issues that are significant in modern realities considering examples of adaptation and qualitative reconstruction of religious plots, biblical mythologies, fragments from the scriptures in the works of the Russian-speaking author B. Chipchikov. This project seeks to identify antecedent religious inserts, quotations, and reminiscences in the works of the Balkarian prose writer. The research focuses on the semantics of biblical allusions, intertextual discourse, forms of figurative reflection on the world through mythologems. In the course of the analysis, the hidden meanings of the literary text, the ideological content of stories and short stories in the aspect of the sacred meanings inherent in them are revealed, the philosophical and symbolic images are deciphered from the point of view of their semiotic status, the subtext rolled up in them is read. The primary goal of the research is to determine the specifics of the writer's individual perspective, as well as to define the ideological and creative foundations of his works. We attempted to describe the author's anthropology's humanistic essence, which consists in the proclamation of notions such as personal self-improvement, the value of human existence, the necessity of spiritual vision, intuitive feeling, rethinking the divine design, and many other related themes. The author's intentionality and receptive aesthetics enable us to model a conditional picture of the world, artistically embodied in all of its contextual expressions.

Keywords: biblical myth, citation, semantics of the image, mythologeme, author's intentionality, receptive aesthetics, intertextual discourse.

For citation: Atabieva A.D. Creative reception of biblical myths in the B. Chipchikov's russian-language prose. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 352-372. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-352-372. EDN: NLFSZC.

© Atabieva A.D., 2023

В настоящее время вопросы веры и в целом теософская проблематика звучат особенно остро, выходя на новый уровень осмысления. Вопросы эти требуют подчеркнуто корректного анализа в литературоведческих исследованиях ученых новой формации. В трактовке библейских сюжетов в литературе современности наметилась общая конструктивная тенденция синтеза различных интерпретационных гипотез. При этом значительный функциональный сдвиг произошёл в интегративном восприятии мирового художественного опыта. В контексте данной статьи, говоря словами Т.Е. Коморовской «вопрос освоения библейских мифов <...> интересует нас не столько с чисто эстетической точки зрения, не столько ради выявления их парадигмы в мировой литературе на определенном историческом отрезке времени, сколько для определения национального менталитета, национальной психологии, проявившейся в подобном усвоении» [Коморовская 1999: 150]. И неслучайно в качестве репрезентативного материала избрана русскоязычная проза балкарского писателя Бориса Чипчикова.

Методологическими ориентирами исследования послужили научные разработки отечественных ученых. Это, в частности, статья Ю.М. Лотмана «Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция» [Лотман 1996], в которой обосновывается связь художественного творчества с религиозной идеологией. Означенная проблематика развивается и в диссертационных исследованиях А.В. Кремневой «Функционирование библейского мифа как прецедентного текста: на материале произведений Джона Стейнбека» [Кремнева 1999], В.Е. Касьянова «Эволюция религиозности в постсоветской России» [Касьянов 2005], А.В. Касьянова «Библейские мотивы и образы в сюжетостроении русского романа XX века» [Касьянов 2007]. Феноменологическая интерпретация библейских сказаний в литературе раскрыта в работе Г.Г. Ишимбаевой «Трансформация библейского мифа в литературе постмодернизма («Агасфер» Стефана Гейма)» [Ишимбаева 1997]. Ценные соображения содержатся в научных публикациях Н.И. Конрада «Запад и Восток» [Конрад 1972], И.С. Урюпина «Библейский контекст в русской литературе конца XIX – первой половины XX века» [Урюпин 2020], Коморовской Т.Е. «Библейские мифы в русской и американской литературах» [Коморовская 1999], В.В. Касьянова и В.Н. Нечипуренко «Социология религии» [Касьянов, Нечипуренко 2023] и др. Вышеперечисленные труды взяты за основу в выстраивании концепции данной статьи.

Религиозная проблематика во все времена в опосредованной форме имела влияние на художественное творчество. Востребованность этой темы очевидна как в русской, так и в национальной словесности. В литературе нынешней эпохи творческая рецепция религиозных мифов является определяющей чертой постмодернистского течения. С точки зрения адаптации архаического мифа (и религиозного в особенности) представители указанного направления находятся в авангарде современной российской прозы. В данном случае их главной эстетической установкой является отрицание устоявшегося мировоззрения, под сомнение ставятся всевозможные идеологии, среди которых наибольшую силу имеют нормативы социума.

На примере русскоязычной прозы Б. Чипчикова легко убедиться, что «миф, трансформированный в литературу постмодернизма, диаметрально образом меняет свое звучание» [Ишимбаева 1997: 150]. Эмблематическая условность (одна из характерных черт нереалистической эстетики) находит плодотворное применение в прозе балкарского писателя. Конкретно-фактическая достоверность для него не столь важна, сколь существенен создаваемый смысловой контекст. Структурно-семантическое единство текста достигается посредством таких художественных приемов, как цитация, аллюзия, интертекст. Наличие прямых и косвенных цитат наблюдается в содержании большинства новелл указанного автора.

Можно сказать, что библейские мифы составляют творческий ресурс Б. Чипчикова. Мировидением писателя, уникальным в своем роде, обусловлено преломление мифопоэтических традиций. Такие модернизированные религиозные сюжеты получают новую жизнь в современном событийном контексте и направлены они на поиск духовных ориентиров, декларацию нравственных ценностей. Религиозная семантика образов не нуждается в дополнительных разьяс-

нениях. Библейские аллюзии всегда получают историко-культурный ракурс. Говоря о характере рецепции библейских мифов в своем творчестве, автор пишет следующее: *«Из старого я взял всего одну заповедь: «Возлюби ближнего, как самого себя». Из современного – стих И. Шкляревского «Твоя слеза течет по щеке моей». Соединил два Евангелия, и получилось одно. Излишне уже говорить «не убей». Ну как ты убьешь, если любишь ближнего, как самого себя, и его слеза течет по щеке твоей. «Не убий!» – обращение к мертвому, ибо живущий убить не сможет, а убивший – мертв. Оказывается, льется не чужая кровь, а своя. И из-за чего льется? Из-за самого пустого, погремушечного, не наполненного никаким содержанием слова – «победа» [Чипчиков 2008: 503].* Приводимая цитата выхвачена из контекста рассказа «Там, где будет стоять дом», и в данном отрывке четко обозначены доминантные нравственные императивы писателя, в некотором роде согласующиеся с первоисточником, но все же совсем по-иному расшифровывающие привычные слуху библейские заповеди. Отталкиваясь от содержания священного писания, автор концентрируется на отражении соотношения добра и зла в душе человека (героя).

В прозе Б. Чипчикова наблюдается преобладание трансцендентных символов, экзистенциальных, эсхатологических идей, часто раскрываем мотив мученичества (в цитациях библейских историй об Иисусе, крестных муках Христа), характерна также ироническая манера героя-рассказчика. Образно-языковые средства подобраны писателем с «контекстуальной чуткостью», и данное определение Ф. Урусбиевой достаточно объективно транслирует своеобразие идейно-смысловых линий, заключенных в произведениях балкарского прозаика. Его творчество исключительно символично, имеет выраженный метафорический характер. Художник будто погружает читателя в пограничное медитативное состояние, когда пределы яви и сна практически размыты, границы между мифом и реальностью не очерчены.

В свете библейской традиции можно рассмотреть целый ряд новелл талантливой автора. Содержание текстов вбирает всю глубину философско-онтологического осмысления общеизвестных духовно-религиозных учений, выводя субъективные объяснения существующего вселенского миропорядка. Своеобразная «метафизическая интуиция» писателя улавливает из привычной действительности ценностные, узловые явления и преломляет сквозь призму индивидуального мироощущения. Подчеркивая живость и подлинность прозы Б. Чипчикова, избегающего в своем творчестве стандартных шаблонов и неустанно «обтесывающего глыбы для возводимого им храма», поэт и переводчик Г. Яропольский заключает: «Редко когда приходится испытывать такое совпадение внутренних ритмов; переживать ощущение уже посещавших, но не облеченных в слова мыслей; видеть ту самую глубинную реальность, <...> которую так трудно порой различить под шелухой <...> подробностей» [Яропольский 2013].

В исследуемом аспекте показателен рассказ «Мы жили рядышком с Граалем», эпиграфом к которому выбраны строки: «Мы пастыри себе и паства, // И пасться нам легко. // Мы вчера родились и ничего // Позабыть не успели». Писатель размышляет о времени, бытии и Боге, преобразовывая информацию,

преподносимую в священных книгах, и в процессе своих мыслительных усилий приходит к выводу, что *«Грааль всегда неподалеку..., но нет на свете более дальней дороги»* [Чипчиков 2013: 40], которая ведет к Богу. Герой Чипчикова достигает просветления, его осеняет мысль, что *Грааль* находится там, где «из камня выжимают зерна» (отсылка к образу родины), он там, где колючие чегемские скалы, где серебряными маяками светятся горы (пейзажи родной земли); и все, что нужно человеку для счастья, есть в отчем доме.

В отличие от христианской семантики слова, Грааль употреблен в контексте рассказа в переносном смысле, соединяя представления человека о счастье и раскрывая сакральный смысл теологической максимы. Рассуждая о вековом варварстве людей, их откровенно потребительском отношении к природе (безвозмездно и щедро одаривающей человечество своими благами), писатель подводит к философскому пониманию ответственности каждого перед миром. Жестокость по отношению ко всему живому в итоге разрушает душевную гармонию личности, а контрастирующие картины красоты и увядания природы отражают оппозиционную дихотомию добра и зла.

Писателем подчеркивается, что до Грааля не дойдет сытый и довольный, только искатель в рваных одеждах сумеет добраться до истины, на пути которой создано столько рукотворных преград. Великая пустота Грааля олицетворяет смысл жизни и ее опору, сама же чаша, наполненная кровью Иисуса, и средневековая легенда о ней преподносятся в неожиданном толковании. В Библии идеи абсолютной любви и принятия звучат из уст Спасителя, осознанно идущего на мучительную смерть ради искупления грехов всего человечества. Вместо символической жертвы Христа на фоне горного ландшафта в современных реалиях описывается сцена охоты и умерщвления тура. Звучат запоминающиеся слова героя-рассказчика: *«посмотрел в темно-синие громадные туры глаза, глаза неубитого нами, а пожертвовавшего собой осознанно существа, и взгляд этот не ведал смерти. <...> Я оглядел округу: моих друзей, застывших около тура, обросших и одетых в рванину <...> и враз наполнился любовью ко всему и всем: и к луне, и к горам, к друзьям своим и туру»* [Чипчиков 2008: 287].

Здесь же упоминаются Коран и старик, который двадцать лет учился, чтобы стать эфенди, он неспешно перебирает руками четки, а *«меж ним и Богом тьма воинствующих людей, воюющих против себя»* [Чипчиков 2008: 289]. В контексте произведения по-новому раскрывается и ветхозаветный сюжет о сотворении Евы из ребра Адама. В трактовке Б. Чипчикова главная задача мужчины состоит в том, чтобы создать из крохотной частички женщину (Офелию) и всячески оберегать ее. Ответственность за это действие не перекладывается на Бога, а лежит на нем самом. «Решив эту задачу, он решит все остальные» и будет вправе сказать, что он мужчина в истинном понимании.

Художественные рамки произведения «Меж крестом и полумесяцем» объединяют христианские атрибуты веры и основы Ислама. Повествование предваряется словами: *«Не мы идем к Богу, это Он приходит к нам»*. Автор довольно категоричен в вопросах веры и убежден, что у истинной веры нет и не должно быть атрибутов или посредников. *«Вера теплится в птичьем гнезде, ... нежится в вечерней прохладе речной, <...> пузырится на краюшках губ спяще-*

го младенца», «Вера это деликатность», «Вера – самое хрупкое из всего хрупкого», – объясняет писатель. Герой-рассказчик выражает неприятие религиозных учений и священнослужителей, как трансляторов этих идей, их напускная набожность вызывает у него недоумение. Надо сказать, что в прозе Б. Чипчикова представлен фарсовый облик адептов религиозных культов: «попы в золоченых рясах, с громадными крестами на груди», «муллы, в шелковых роскошных халатах и немислимых тюрбанах» (он называет их «ряжеными»). В понимании художника все это целенаправленно убивает веру – хрупкую гармонию между высшим «Я» и осознанием души своего истинного потенциала. Иными словами, для писателя важна «мера подлинности» в вере.

Иронизируется синкретическое мышление приверженцев тех или иных теософских учений, поскольку оно не способно дифференцировать веру и религию, характеризуясь слитным восприятием разных по семантике понятий. До сих пор в социуме наблюдалась идеализация церкви и святого писания, которая не допускала альтернативных толкований.

Содержание рассказа «Меж крестом и полумесяцем» освещает время завершения мусульманского поста, когда люди по традиции поздравляют друг друга с окончанием уразы. За ней следует праздник Рождества – радость «для молящихся и печаль для сирот». Само слово «рождество» берет начало от рождения, крест же указывает на конечность земного существования. «Вера дается, а не приобретается», говорит герой произведения, «и дается она в начале, а никак не в середине или в конце. Просто некоторые запоздало с ней встречаются, но она была в них изначально». И далее продолжает парадоксальную, но очень глубокую мысль: «Еще не было человека, который пришел бы к Богу: это невозможно, ибо не мы идем к нему – это Он приходит к нам. «Званых было много – избранных мало». Христос выбирал. Выбирали и Христа» [Чипчиков 2013: 83].

В сопряжении с этой темой раскрывается мотив сиротства: у сироты есть «вчера и есть завтра», но нет сегодняшнего дня, продолжает свои рассуждения рассказчик. Автор повествует о горечи сиротской доли, тяготах минувшей войны, детдомовцах, подростках в заношенных одеждах. Во всем этом видна обездоленность людская. Писатель желает донести до своего читателя, что не существует дороги к Богу, «есть Путь, исходящий от Него». С этой идеей увязан образ человека идущего. Несмотря на все социальные ограничения и установки, на влияние идеологий, государственных институтов, на «силу креста и полумесяца», люди не прекращают идти, нести тепло веры в своей душе. Идущих становится все больше, они помогают друг другу выбраться из «сугробов», преодолевая земное притяжение, и в какой-то момент уже готовы шагнуть в иные измерения. Герой признается: «И в минуты растерянности, непонимания, когда я чувствую, что навек заблудился, я вижу ниточку из добрейших тополей, росших у теплой дороги, – и я хватаюсь за нить ту и с облегчением выбираюсь из заблуждений своих» [Чипчиков 2013: 84]. Так и творчество самого писателя служит ориентиром, нитью, способной вывести из лабиринта навязанных обществом ошибочных установок, регламентирующих жизнь человека от рождения до самой смерти, мешая найти верный путь, создавая «тесноту для ума и сознания». В мире, где «зрячий объявлен слепым», а «понимающий – сума-

сшедшим» – слова взяты из рассказа «Там, где будет стоять дом», но они как нельзя более точно выражают суть дальнейших рассуждений писателя об окружающей его реальности.

Веру писатель ощущает как движение, чтобы ее прочувствовать, нужно самому находиться в состоянии благодати, поэтому в вере всегда пребывают дети. На ассоциативном уровне происходит отсылка к заповеди Христа: «Будьте как дети, ибо их есть Царствие Небесное». Однако встреча главного героя с мальчиком в дни поста подсвечивает жесткое несоответствие – ребенок выглядит поникшим, несчастным, изможденным, тогда как изначальная задача веры – вселять радость в души людей. Но в жизни часто все перевернуто с ног на голову, сокрушается автор. Для нас сотворен этот мир, и мы сами творим его деяниями своими, ведь нужно всего лишь чувствовать, вдыхать и слушать, чтобы выбраться из собственных заблуждений. Так и множится число верующих, не нашедших свой путь. *«Хоть тысячу лет смотри на небо, ты не увидишь Бога. Бог затаился в другом. До века скончания молись – ты не увидишь Бога. Бог не приходит в одиночку и не приходит к одиноким. Он является вместе с Благодатью к тому, кто нашел Его в другом»* [Чипчиков 2013: 93]. Свои философские размышления автор подытоживает словами: *«Прошедший мимо человека – прошел мимо Бога»* [Чипчиков 2013: 85]. Та же идея развивается и в содержании новеллы «Здравствуй, незнакомый!», здесь уместно процитировать слова главного персонажа: *«Я учусь здороваться с людьми, если я не умею здороваться с людьми, то как я обращаюсь к Богу. Ибо слово наше доходит до Него только через другого. <...> Слово наше обретает смысл только пройдя через другого»* [Чипчиков 2018: 124]). Запахом веры вполне может быть запах снега; усталая дорога, удивленное небо, кот на солнечном подоконнике, пес в тени двора – все это живет в полной гармонии, и только люди нарушают хрупкое равновесие в мире. А *«все, что не вписывается в эту картину, и есть неверие»*.

В контексте рассказа «Меж крестом и полумесяцем» зашифрована загадка «черного человека», которая требует разъяснения для целостного постижения глубинных смыслов художественного текста. У него нет дома, но есть дорога. По сути, это обобщающий образ времени и судьбы: *«Он и не человек был вовсе, а время само. <...> Человек этот был и временем, и судьбой Балкарии – одновременно»* [Чипчиков 2013: 85]. Развивая свою мысль дальше, раскручивая смысловой потенциал образа, художник заключает: *«Черный человек грыз соль. Все, что он ел, превращалось в соль (метафора жизненных невзгод – примечания А.А.). И сжалился Бог над ним и превратил ту соль в сахар. И ходил черный человек по дорогам чужим и делился с людьми Божьим даром»* [Чипчиков 2013: 86]. Нетрудно догадаться, какое значение вкладывает писатель в обобщающую метафору – образ народа, испытавшего всю горечь изгнания, затем вновь обретшего родину, и готового счастье свое делить со всеми. То поколение (1940–1950-х), о котором живы воспоминания автора, выносило в себе эту свободу, пребывая в ней и сегодня, а «семена той свободы бережно собрали отцы».

В прозе Б. Чипчикова наиболее выраженной становится интенционально-условная линия, здесь часты архаические нарративы и эсхатологические паттерны. Автор делится сакральными знаниями, которые древнее самого челове-

чества, создавая дополнительные ассоциации, семантические смыслы. Художником раскрываются теологические концепты первородного греха, образа и подвоя Божьего, искупительной жертвы, Страшного Суда, Второго Пришествия и т.п., однако в них выявляются коннотативные различия, несоответствия истотному тексту. Так, в рассказе «Идущая по дорогам» затронута история об Адаме и Еве, которые *«погребли свежую, чистую, сочную, красивую истину, что дало им яблоко»* [Чипчиков 2008: 35]. В контексте произведения писатель говорит о бескорыстии, являющемся залогом победы добра над злом, а символическим отражением этого бескорыстия служит образ «старушки в белом платочке с ситцевым узелочком в руках». Она появляется всякий раз в значимый момент – момент выбора, *«бродит по черным горестным дорогам <...> во всем чистом», желая блага всему роду людскому, «нам бы пожалеть ее, она устала, очень устала»* [Чипчиков 2008: 36].

Цитатность, аллюзии, прецедентные тексты формируют узнаваемый чипчиковский стиль. Писателем предложен «до крайности уплотненный библейскими, философскими, историческими аллюзиями текст. Отрывистая, быстрая, трепетно-нервная фраза. В этом смысле он поэт, отказавшийся от метрики и пишущий прозу – на каждое слово в строке невероятная семантическая нагрузка. Как правило, это «вынутые» из жизни, зафиксированные памятью эпизоды. Сам автор определяет их как новеллы, но скорее это новеллы-эссе или эстетико-философские эссе. Он не занимается <...> «углублением» психологизма, это получается само собой без видимых усилий. Объект его страстного внимания – сфера духа человеческого» [Гемужева 2008: 500]. Приведем, к примеру, рассказ «На опушку – за медом, к роднику – за икрой», название, казалось бы, ничем не примечательное, однако и здесь вдумчивый читатель найдет для себя крупницы важных жизненных истин. Упоминание об Ангеле-хранителе на плече, о человеке идущем, о Боге: *«Не думай о дне завтрашнем своем – Бог об этом давно подумал», «У Бога все есть, и все бесплатно», «Уповая на Бога, ты осилишь любую дорогу, только не говори, что ты бедный. Бедный и короткого отрезка не осилит»* [Чипчиков 2013: 101-102]. Автором перефразированы известные высказывания «своя ноша не тянет», «дорогу осилит идущий», «уповай на Господа и держись пути Его» (Псалтырь) и т.д.

Философско-религиозные поиски Б. Чипчикова по-новому раскрываются в рассказе «Ваза ко дню рождения». В тексте имеет место отсылка к христианской молитве про Отца, Сына и Святого Духа и к образу Матери Божьей. В заглавие произведения выведен знаковый образ, жизненный опыт человека характеризуется как осколки этой чаши. Скрытые сакральные смыслы актуализируют религиозный план представленного символа. Самые важные фрагменты метафорической вазы служат *«пропуском в иные миры и жизни иные»* [Чипчиков 2008: 70]. Они представляют собой обрывки древних знаний, *«слепки всех бесконечных жизней»* души. Герой рассказа идет по этим черепкам (осколкам), отшвыривая ненужные, они дробятся на мелкие кусочки и прилаживаются обратно, тихо посмеиваясь тщетности его усилий стряхнуть с себя налипшую шелуху. Со временем на человеке образуется *«нелепый костюм из крошева»*. В

этой картине усматривается символическое напоминание о кармическом опыте, получаемом в жизни, от которого нельзя отмахнуться.

Духовность на чаше весов всегда должна перевешивать все остальное, убежден писатель. В его понимании «пышность убивает веру». Счастливого человека отличают аскетизм и неприхотливость, умение ценить дарованное Богом. Таковы нравственные императивы, декларируемые в новелле «Благословение долгам моим». Об этом слова главного героя: *«Надеюсь, я не настолько разгневал Бога, чтобы он сделал меня богатым. Какой крюк я бы дал, отрываясь от судьбы своей, и сколько плутал бы, чтобы вернуться на исходную сужденного мне»* [Чипчиков 2008: 220].

Б. Чипчиков неустанно ищет слово Божье, чтобы выстроить воображаемую лестницу в небо и приблизиться к Создателю. Каждый из нас пишет свой сценарий судьбы из таких вот «найденных слов», и у каждого своя ваза «вдребезги», так что вновь и вновь нужно собирать ее разрозненные осколки, глубоко прочувствовать силу слова, которое пахнет всем, что вкладывает в него человек, его произносящий. В слово можно вместить все – *«На слове человеческом земля держится»*, *«Братья по слову, взявшись за руки, держат шар земной»*. До читателя доносится мысль о необходимости услышать друг друга, призыв к единению, осознанию себя частью чего-то большего. В данном аспекте именно Слово делает человека причастным к судьбе других людей, посредством него и создается кровное родство.

Без преувеличения можно сказать, что творчество Б. Чипчикова озарено духовным зрением, светом божьим. Каждый раз наблюдая «эволюцию» библейского текста в композиции его рассказов, проникаешься провидческим даром писателя, прозрения которого берут начало из глубинной памяти души. Позиция автора антиклерикальна, основана на понимании себя Творцом и одновременно – важной частью вселенского замысла, духовным светом, разлитым во всем и везде. Творец проявляется в каждом. Писатель убежден, что вера вполне может существовать вне религии. Момент осознания этой истины бывает болезненным, так как принять ее не позволяют укоренившиеся убеждения. Оппозиция религии и веры раскрывается в содержании новеллы «Улыбается Боже». Отрицая авторитет мировых конфессий, автор обосновывает свое недоверие тем, что в них не ощущается «улыбки Бога». Ни один служитель церкви не обладает этим даром, да и в святом писании герой не находит Божьей улыбки. Результатом этой «улыбчивости» является все живое вокруг: *радуга, цветы, смех ребенка*. Смех Божий кроется в самых будничных, незаметных вещах, *«дорога к Богу – это ступеньки, сложенные из очень простых истин»* [Чипчиков 2008: 266]. Движение к Богу метафорически преподносится через образы *реки, тропинки, пути*. В произведении «Красивое это слово – тропинка» вновь предлагаются религиозные аллюзии в соотнесении с национальной картиной мира. Самой запоминающейся цитатой в тексте являются слова: *«Балкарцы говорят: «Чтобы оплатить один день материнского труда, надо дойти до Мекки с матерью на спине. А некоторые утверждают – и обратно»* [Чипчиков 2008: 256].

В прозе Б. Чипчикова заметно обилие пародийных элементов, «фарсовое обращение с религией и ее атрибутикой» [Коморовская 1999: 151]. В рассказе-

миниатюре «Пасха» иронически воспроизведены формальные атрибуты веры, выступающие в роли инверсии: привычные апостолы заменены двенадцатью злобными старухами с «глазами алчными», преграждающими людям вход в храм со словами «нехристи», от которых «пахнет старостью и смертью». Зеленые ворота, что ведут к церкви, называются воротами в мир иной. И на облаке виден Христос с 12 старухами, на соседнем же расположился Иуда. Мрачен лик Спасителя, присутствующего на празднике увядания, несмотря на то, что на улице весна. Слова Иуды «Предупреждал ведь, кого ради!» звучат с оттенком сожаления и упрёка. Вокруг излишняя суэта, «ощущение базара, толкучки». В данном отрывке остро ощущается «парадоксальность абсурдистского преломления» (Лихина Н.) библейского мифа в художественном тексте, определяя специфику авторской рецепции.

Для адептов религии «вера проявляется в следовании обыденным регламентациям <...>, в исполнении ставших привычными ритуальных действий» [Каменева 2014: 69]. В исламе таковыми являются омовение, совершение молитвы, посещение мечети, соблюдение коранических предписаний, демонстрация поклонения и преданности Аллаху. Ислам, по сути, и означает покорность воле Всевышнего. В христианстве это – поход в церковь, слушание проповедей, пост, покаяние, причащение и т.д. Не секрет, что некоторые эпизоды из Библии переключали в содержание Корана в качестве полноценных религиозных сказаний. Обе священные книги во многом созвучны друг другу, вероучения рассматривают взаимоотношения человека и Бога по принципу зависимости и подчинения воле Создателя, который может наказать или проявить милосердие. Отношение к человеку как к рабу божьему сближает тексты священных писаний. Данный постулат воспринимается Б. Чипчиковым как увод от существенного принципа в трактовке божественного промысла. Размышляющее начало подсвечивает несоответствие религиозных доктрин с пониманием божественного начала в человеке, верой в единый Источник, частью которого мы являемся.

В религии отождествление добра и зла с образами Бога и дьявола – явление обычное. В трактовке Б. Чипчикова бинарная модель мира и дуальный характер земного бытия раскрываются посредством противопоставления грозного ветхозаветного Господа и внецерковного Бога. Разница между равнодушным, гневливым Господом и Богом, в ком абсолютизирована Любовь, понимается как проявление дихотомии религии и веры. Писатель акцентирует внимание на выявлении неравнозначности этих понятий, хотя в привычном восприятии это одно и то же. Такова чипчиковская иерархия добра и зла.

Христианская парадигма обнаруживается в контексте большинства рассказов и новелл балкарского писателя. Знакомство с его творчеством приводит к переформатированию стойких убеждений в человеческом сознании: момент, когда приходит четкое понимание, что Бог не где-то там высоко в небесах вне досягаемости дергает за ниточки, решая, кого наградить за жертвенное служение и кого наказать за грехопадение. Каждый человек на примере собственной судьбы восходит на Голгофу, неся бремя своих грехов. В религиозных вероучениях тезис о милосердии Бога отрицается самой мыслью о неминуемом наказании за проступки, совершаемые людьми в течение жизни. Равнодушие и жесто-

кость Господа, стремящегося наказать нерадивых рабов, идет вразрез с идеей милосердия, всепрощения и абсолютизации божественной любви. Религия не гнушается жертвовать одним человеком во имя всеобщего блага. Герои Б. Чипчикова находятся в постоянном поиске истины, выбиваются из привычных шаблонов, превращаясь в изгоев социума, чувствуется их незащищенность и уязвимость, поскольку они максимально открыты миру, искренни как дети.

Общеизвестные религиозные символы веры – *крест* (в христианстве) и *полумесяц* (в исламе) не несут в прозе Б. Чипчикова осязаемого смысла, а лишь подсвечивают явные искажения. По мнению автора, истинная вера проступает в обыденных мелочах, остающихся незамеченными в суете жизни. Христианская и любая другая религиозная мораль подвергается ироническому толкованию. Устойчивые представления и паттерны поведения, утвердившиеся посредством религиозной аксиологии в массовом сознании, подвергнуты разоблачению. Писатель полемизирует с Библией, декларируемыми в ней постулатами, подчеркивая вред, наносимый сознанию ограничивающими убеждениями, окостенелым мышлением церковной паствы. Мысли Чипчикова глубоки, нередко противоречивы, но выводы, к которым приходишь после прочтения его произведений, имеют невероятную силу убеждения. Они совершенно «не укладываются в идеологическую парадигму» религии в том виде, в каком она преподносилась в течение тысячелетий. Нащупав нечто важное, что требовало выхода, раскрытия и объяснения, художник приходит к истине. Все есть энергия, вибрация, частота колебаний. Коллективное сознание множит бесконечное потребление человеческой энергии эгрегорами религий по принципу – на что обращен фокус внимания – туда и направлена энергия.

Предопределенность жизненных событий волей Бога также вызывает вопросы. По мнению писателя, многие аксиоматичные утверждения из Библии находятся за пределами элементарной логики. В ней заведомо бессмысленными видятся попытки доказательства «разумности» человечества. Считается, что обесценивание добродетели ведет к оскудению разума. Отталкиваясь от ветхозаветной легенды о первородном грехе, автор развивает аллегоричный сюжет в интертекстуальной манере. Церковь же спешит расценить это как признание изначальной греховности человека, допуская грубые искажения библейских историй в истотном варианте. Именно поэтому религия воспринимается писателем как увод от истины (т.е. от самого Бога), это как ходить по причудливому лабиринту, не находя выхода, тогда как он совсем рядом. Б. Чипчиков стремится к переосмыслению религиозных мифов, их преобразованию, отсекая все ненужное. Смена мерности (или уход из жизни) трактуется им как новый виток бесконечно возобновляемой энергии души.

Если для русского православия характерными качествами являются «церковность», «соборность» и «пасхальность», которые формируют своеобразный духовный реализм, то в подтексте чипчиковской прозы постулаты веры и теософские идеи подвергаются тщательной верификации, автор призывает избегать ортодоксальности и религиозного догматизма. Конфессиональные вопросы не особо волнуют писателя. Философия веры выражена в закодированной форме и суммирует опыт многих поколений. Так, в содержании рассказа «День, из

которого невозможно уйти» задействовано множество аллюзий из священного писания (библейские притчи об Иисусе, идущем по водной глади; Моисее, ведущем свой народ из Египта; Ноевом ковчеге и т.п.). Художник наполняет их актуальными для современной эпохи значениями. Автор сознательно обращается к историческому опыту народа, где схема существования общества подчинена законам циклического воспроизведения, а регулярно повторяющиеся события наводят на мысль об их рукотворности.

В указанном произведении присутствует прецедентный фрагмент вывода Моисеем народа израильского из Египта, путь к свободе и избавлению от рабского существования. Библейские сказания вплетаются в контекст рассказа в неожиданной плоскости. Картина эта накладывается на современность, метафорически раскрывая умножение зла в мире. Египет в данном случае служит олицетворением зла как такового, и ныне его границы «расширились безмерно». Условно люди (и человечество в целом) заключены в тиски этой несвободы. Несправедливость царит всюду, везде происходит подмена истинных ценностей ложными. Вопрос религии и сама тема противостояния различных мировоззренческих позиций, религиозных конфессий находят актуальное прочтение, и мы видим все те же два полюса, в границах которых проявлена дихотомия добра и зла.

Умозаключения Б. Чипчикова значительно расходятся с каноническими представлениями. Переосмысливая суть евангельской истории, автор пытается «разомкнуть догматический горизонт библейского текста до пределов секуляризованного свободомыслия, не порывающего между тем с христианской традицией, но оригинально продолжающего его» [Урюпин 2020: 19]. Художественный потенциал заимствованного сюжета расширяется, получая «надвременное» содержание. Писатель рисует новую духовную реальность в стремлении выйти за рамки теологических установок, преодолеть тенденциозность в толковании священного писания. Библейский миф получает, таким образом, социально-фактическое наполнение. Автором предложена трансцендентная модель действительности, всеобъединяющее миропонимание, а сюжеты его новелл превращаются в процесс разгадывания божественной тайны. Перенасыщенный афоризмами художественный текст воспринимается читателем как пространственный монолог о видимом и сокрытом («Там, где будет стоять дом»).

Философская концепция писателя нередко «перерастает в социально-утопические идеи» (Ю. Лотман), но в ней как никогда актуализируется образ Иисуса, который синтезирует в себе все лучшее в человеке, отождествляется с высшими этическими ценностями, олицетворяет идеал духовности – конечную точку нашего движения к самосовершенствованию. Человек в его истинной сути возвышается до уровня Христа, приравнивается к Богу. Писатель определяет его как грандиозный божественный замысел. В его понимании Создатель намеренно оставил свое творение незавершенным, чтобы каждый достраивал себя «по образу и подобию Божьему». Незавершенность эта не дает людям покоя на протяжении веков, им приходится достраивать себя из множества разрозненных фрагментов и деталей, щедро разбросанных по всей земле. В итоге каждый должен осознать Бога внутри себя, стремиться созидать, не «подлачивая» свою совесть и

не обкрадывая собственное счастье. Не достроивший себя человек так никогда и не познает Творца, следовательно, не постигнет совершенства его творений. Для этого нужно облагораживать душу светлыми мыслями, а тело – трудом.

Иисус как символ веры, воплощение абсолютной любви и самоотречения во благо человечества, предстает в прозе Б. Чипчикова высокодуховной личностью, осознающей нелепость происходящего вокруг него представления, что угнетает и тяготит Учителя (по одной из версий существовала скрытая конфронтация между двенадцатью апостолами, их борьба за внимание Христа). В прозе автора происходит переосмысление традиционного образа Иуды и миссионерской роли Иисуса. Известная легенда получает иную интерпретацию, писателем предлагается неканоническая версия истории предательства Иуды. Чипчиковский герой – не враг, предавший своего Учителя, но исполнитель предначертанного, незаслуженно оклеветанный в веках. Таким образом, кардинально меняется само толкование евангельских сюжетов, видение Б. Чипчикова диаметрально противоположно общепринятой трактовке и служит в качестве разоблачения религиозной эсхатологии. Автору важно осмыслить сакральные ценности, подсветить характер взаимодействия темной и светлой сторон внутри каждого человека.

Свободное обращение с религиозной атрибутикой не делает писателя атеистом, отнюдь, содержание его произведений лишь укрепляет читателя в убежденности, что автор глубоко верующий человек в истинном понимании этого слова. Он лишь стремится освободиться от застарелых, ошибочных воззрений, искаженных концепций веры. Писатель следует оппозиционным взглядам на церковь и религию, причины страданий людей вызывают в нем душевное негодование. Автор предельно обобщает жизнь посредством библейского мифа, теологемы приобретают общечеловеческое звучание. Помимо смысловой нагрузки религиозные мифы играют роль транслятора авторской концептуологии, углубляя исходник – первичное содержание евангельских историй. Архаика естественным образом вписывается в контекст его произведений, а миф получает множественность интерпретаций, всеобщность содержания.

В русскоязычном творчестве писателя наблюдается смешение стилей, синергия модернизма, абстракционизма, романтизма, постмодернизма и лирической прозы. Экзистенциальные мотивы и религиозные реминисценции играют ключевую роль в выражении философской концепции автора. Наблюдается увлеченность художника символическим иносказанием. Б. Чипчикову близки идеи неомифологизма, ориентированного на современное прочтение архаического мифа. Присутствие хтонических образов и узнаваемых мифологем усиливает в его произведениях эффект углубления во вневременное пространство. Прием наложения нескольких картин, многомерность художественного текста способствуют достижению нужного эмоционального воздействия на сознание читателя.

Неканонические версии библейских историй предложены Б. Чипчиковым и в повести «Нерестились рыбы в свете лунном». Произведение воспринимается как зашифрованная аналогия евангельского сюжета, «очерченная рамками притчи» (Касьянов А.). Библейский контекст определяется во всей структуре повести, здесь употребительны цитирования, аллюзивные включения, религи-

озная символика, экзистенциальные мотивы. В очередной раз происходит «идейный диалог» литературного текста и святого писания, художественное видение автора по-своему преломляет общеизвестные сюжеты. Цепь мыслей, система идей – все раскрывается в увязке с темой веры. Христианский миф выступает в данном случае смыслообразующим элементом содержания, обуславливая структурно-семантические особенности произведения, выражая субъективную философско-мировоззренческую концепцию. Библейский сюжет повести значительно «расширяет рамки до вневременных, вселенских, история отдельно взятого человека, народа, континента приобретает иной смысл» [Касьянов 2005: 18]. Измученная душа ищет путь к Богу; человек, утративший перво-суть и связь с Творцом, забывает о своем истинном предназначении в этом мире. В поисках целостности тела и духа он обращается к религии, но и она дает лишь искаженное представление. К этой идее начинают стягиваться все сюжетные линии повести.

Интересны способы внедрения религиозных аллюзий в художественную ткань произведения. Неприятие мира в том виде, в каком он существует на протяжении тысячелетий, характеризует главных персонажей – Марьям и Павла. Писатель подводит своих героев (и читателя в том числе) к осознанию величия момента здесь и сейчас, ценности искренних чувств и эмоций. Попытки изменить сложившийся миропорядок, упразднить догматы, пошатнуть «святые» устои видятся тщетными для многих из них. Развенчание «метанарративов» своеобразно оттеняет авторскую иронию.

Показная религиозность, привычные для ума атрибуты веры порицаются, религиозные и политические доктрины, ограничивающие свободу личности, отменяются нещадно, их «демонстративная показательность» кажется фальшивой. Зачастую манипуляции сознанием масс сближают религиозные и коммунистические нарративы. Декларируемые идеи расцениваются как утопические фантазии, ибо создают иллюзию «счастья», и сама история мыслится автором «как шизофренический бред, творимый людьми». Ориентация общества на идеологические «сверхмифы» (неважно религиозные или социально-политические) может привести к непоправимым последствиям, как итог или вероятное развитие событий – апокалипсис. Здесь мы можем наблюдать зеркальные проекции воли Господа и жестоких законов истории, которые одинаково трактуются как фатальная предопределенность людских судеб. Одни призывают к Царствию Божьему, другие стремятся к недостижимому светлому будущему, провозглашая утопические лозунги.

Весь исторический процесс преподносится художником в абсурдистской форме. События времен насаждения советской власти, а затем депортации фиксируются в повести Б. Чипчикова как эпоха нравственного и духовного вырождения людей. Писателем разъясняется вселенская природа добра и зла, в которой обнаруживаются «хтонические глубины». Повествование превращается в виртуальную гиперреальность, травестию, мистерию или заколдованный мир, где перед глазами то и дело мелькают гротескные картины (наваждения, воображаемые образы пещеры, вползающих змей, призраки коммунизма в виде танцующих теней и т.п.). Происходит жесткая переоценка ценностей в интерпретации

исторического прошлого народа. Символика повести сигнализирует о глобальных катастрофах, планируемых и разрабатываемых намеренно. Коммунистическая утопия и ее абсурдность, «красный террор» и его трагические последствия раскрываются на примере судеб главных действующих лиц произведения. Торжество добра, царство любви невозможны при таком жестоком отношении к человеку и целым народам (имеется в виду идеологический прессинг).

Мотивированно Мариям – самый неоднозначный персонаж повести, она видится как образ экзистенциального толка. Отторжение устоявшихся представлений, бунт против канонической церкви, отрицание ее догм и предписаний характеризуют Павла (в прошлом священника). Эти герои обречены на жизнь изгоев и скитальцев, поскольку их убеждения в корне не согласуются с этическими нормами христианской морали. Самовыражение всегда требует от человека свободы духа, понимания, что Бог внутри каждого, истина там же, а чистое намерение и есть мерило духовности. Пройдя через темную ночь души, герои Б. Чипчикова неизбежно перерождаются, оказываясь в точке невозврата к прежним убеждениям, в точке наблюдения и созерцания мастера, получающего в дар способность выражать веру собственным способом. Павел (по аналогии с одноименным апостолом) определяется одним из ключевых образов в повести. Мучительные сомнения героя не атеизм в привычном обывательском понимании, но стремление отделить те самые «зерна» истины от «плевел», добраться до сути. Он убежден в существовании Всевышнего Творца, но предпочитает идти к Богу своим путем. В самом начале того пути герой проходит через служение церкви, однако видя процесс изнутри, осознает бессмысленность поисков Бога в стенах храмов. Процесс «богопознания» Павла приводит к растожествлению и освобождению от навязываемых церковью установок. Персонаж Б. Чипчикова перенимает узнаваемые черты. Павел отвергает чье-либо посредничество между Создателем и собой, подтверждая своим примером мысль о том, что «безбожники тоже богоискатели». «По этому принципу организуется все повествование: вымышленные события позиционируются как реальные, идеологический герой мифологизируется, конкретно-исторический план перемежается с вольными фантазиями, вера соседствует с богохульством» [Лихина 2009: 88–89].

Путь духовного прозрения и самопознания всегда тернист и мучителен. Это протест против складывавшихся веками мировоззренческих установок, религиозной морали и социальных институтов, отрицание навязанных ограничений, освобождение от тисков псевдо вероучений, обличение лжи и дисгармонии в самом мироустройстве, вопиющие несоответствия преподносимого готового ответа действительному. Мучительны и неразрешимые вопросы нравственно-этического порядка. Человечеству долгое время внушалась «религия в пределах разума» (исходя из идеалистической философии Канта). Однако истинно то, что Бог и есть Любовь, меж ними должно быть абсолютное тождество. Жить в гармонии возможно только, если полюбить саму жизнь во всех проявлениях, и это не требует жертв, как принято считать. Религия и идеология, напротив, ориентированы «принудительно осчастливить» людей.

В прозе Б. Чипчикова раскрывается та самая иррациональность, которая не вмещается ни в какие теософские нормы. Его героям свойственен бунтарский дух, стремление для начала познать истину в самих себе. В понимании писателя кающийся грешник ценнее, чем толпа праведников, не осознающих сути веры. Мерила добра, любви, истины меркнут перед кодом Творца, изначально заложенным в человеке Богом. Писатель исследует тему вдумчиво и смело, процесс постижения веры происходит однозначно – через обретение Бога в самом себе. Зачастую людские страхи коренятся в религиозной догматике, гласящей, что человек раб, которому должно безропотно подчиняться воле Создателя. Абсурдность некоторых убеждений и высказываний выявляется через их простую стыковку друг с другом. Чтение религиозных нарративов мыслится как размывание личности внутри общей безликой массы, живущей в страхе, принуждении и подчинении. Максимально объективизируя предысторию жизни своих героев, Б. Чипчиков осмысливает христианский мотив страдания и пути к Творцу. И, поскольку страдание (катарсис) всегда приближает человека к Всевышнему, это возможность очищения от напускной фальши. В идеале встреча человека с Создателем произойдет только тогда, когда он будет искренен в своем стремлении найти путь к воссоединению с Богом, путь к духовному просветлению. В чем суть веры и ее сила? – на этот вопрос каждый должен ответить сам.

В контексте повести «Нерестились рыбы в свете лунном» вырисовывается Божественная троица. Имена основных персонажей также отсылают к Библии: Мариям – Дева Мария, Павел – один из апостолов Христа. Оба героя испытали на себе последствия ложного доноса, и оба «продираются» к свету Божьему. В контексте повести вселенское зло представлено во множестве inferнальных образов. Символическую нагрузку несет в себе *пещера*, в интерпретации автора – это метафора абсолютного зла. Писатель несколько переиначил первичный текст: в его толковании «в начале было Слово и имя тому – Свет» [Чипчиков 2008: 117]. В произведении обозначен типично христианский символ – образ рыбы, отсылающий к истории этого вероучения. Анимистические символы *змеи* (героиня «ощущала себя в пасти огромной змеи») и *рыбы* несут в себе сакральное значение, первый образ ассоциируется с притчей о первородном грехе (библейский Змей-искуситель в эдемском саду предстает орудием дьявола, источником греха), второй олицетворяет Христа и его жертвенное служение, ассоциируясь с христианством в целом. Подобная символика пронизывает все повествование. «Мифосуггестивные» образы служат фоном для разворачивающейся трагической истории судеб Мариям и Павла. Они закономерно перерастают выделенный для них фоновый режим, превращаясь в метатекстовое пространство произведения.

Помимо всего прочего в образ *змеи* вкладывается дополнительный смысл: он отождествляется с большевизмом (змеи везде – они выют гнезда, свисают с деревьев, вползают в пещеру, где танцует беснующаяся толпа теней, кишат в азиатских степях). Одурманенные идеями всеобщего равенства, люди были не способны пойти против коммунистической системы и становились слепыми орудиями в руках ее идеологов, оправдывающих и пропагандирующих насилие во имя «благих» целей. В повести обнажается типичная «болезнь» социума –

стадное мышление, именно оно увлекает человечество в адскую бездну. В этом усматривается деструктивный потенциал «коллективного бессознательного». Писатель пытается метафорически донести до сознания читателей абсурдность социалистических доктрин, новая власть ассоциируется с железом (запах железа преследует главную героиню Мариям). «Советский рай», обещанный народу идеологами новой власти, являлся попросту неосуществимой утопией.

Итогом философских размышлений художника становится вывод об антигуманном характере любой идеологии – как религиозной, так и политической. Социализм выступает одновременно и как идея, и как некое подобие религии. В этом плане большевизм и фашизм абсолютно соотносимы. На подобную мысль наталкивают рукотворные исторические катаклизмы XX столетия. Показательно, что геноцид балкарского народа – изгнание с родной земли приобретает характер исторического эксперимента над сознанием людей. Контрастными выглядят воспоминания Мариям о своем положении на родине (истребление всей ее семьи, постоянные гонения и травля, состояние на грани аффекта) и жизни в Средней Азии, сравнивая отношение социума к себе в разных условиях существования: у себя дома она чувствовала себя чужой, в изгнании же ощущала освобождение. Такой вот парадокс.

Экзистенциально значимыми для писателя являются моменты наивысшего проявления божественного духа в человеке. Персонажи Б. Чипчикова каждый по-своему проходят тяжелый, болезненный процесс качественной эволюции и трансформации сознания. Герои остаются в меньшинстве и потому оказываются изгоями общества, находясь по ту сторону от толпы. Не чувствуют необходимости идти туда, где большинство, не соглашаются на компромисс с совестью и молчаливое потворствование происходящему. Они наделены смелостью осознанного выбора остаться собой и нести ответственность за свой выбор. Оттого в контексте повести так очевиден мотив обездоленной судьбы, бесприютности и одиночества. Персонажи произведения постоянно сталкиваются с людским равнодушием. Сопряжение судеб Мариям и Павла тоже не случайно, оба потеряли духовный ориентир, разочаровались в том, что считали истинным. Павел (в прошлом священнослужитель) отдалился от церкви, разуверившись в ее проповедях. Писателем определен вектор, выявляющий «когнитивные различия» (Комаровская Т.) между трактовками священных книг. Автор подмечает любые нестыковки, расхождения смыслов, значений, интерпретаций. Через образ Павла, «как человека, осознавшего связь с высшим миром бытия, но не являющегося выразителем христианской аксиологии» [Комаровская 1999: 150], демонстрируется нарушение норм, ставших обыденными. Отношение к Богу, вере и религии, как прямого транслятора этих идей, весьма определено и очевидно. Усваивается мысль, что традиция веротерпимости не имеет ничего общего с любовью к ближнему.

Б. Чипчиков весьма далек от морализаторства, однако в его творчестве естественным образом выстраивается собственная иерархия добра и зла, своя шкала ценностей, универсальная философская концепция и принципы существования. В прозе автора определяется целый ряд запоминающихся образов, являющихся резонаторами, рупорами этих идей: Мариям и Павел в повести

«Нерестились рыбы в свете лунном»; дворничиха, метущая улицы ранним утром, делая этот мир чище в прямом и переносном смыслах («Здравствуй, незнакомый!»), «старушка в белом платочке с ситцевым узелком в руках» («Идущая по дорогам»), герои рассказов «Возвращайся свободным», «Озрок», «Джантуган» и другие. Те люди, что «выносили в себе эту свободу» («Меж крестом и полумесяцем») – думать и поступать не как все. Самым ценным навыком является талант любить, люди разучились проявлять это чувство друг к другу, в этом источник их несчастья, сетует писатель. Такие качества как милосердие, сострадание, гуманность, человеколюбие практически изжиты из сердец. Поэтому герои Б. Чипчикова неукоснительно следуют философии добра и любви, в этом они непреклонны. Часто муссируемый в искусстве мотив хаоса объясняется всепоглощающей злобой человеческой, она вызвана дефицитом любви. Любовь – это самоотдача без ожидания блага для себя, энергообмен по конам мироздания, безвозмездное дарение. Таковы хрестоматийные и недосыгаемые для большинства людей истины, основанные на контрапунктах: счастье / горе, радость / печаль, добро / зло, святость / греховность и т.д.

Б. Чипчиковым переосмысливается изначальная суть основных евангельских постулатов, пересматривается вся система смыслов и значений, отсылающих к священному писанию. Художник отсеивает из потока бесполезной информации крупинцы истины и вкладывает в умы читателей, чтобы взрастить в них самостоятельность мыслительных реакций. Понять многомерность чипчиковской прозы – нелегкая задача для неподготовленного сознания. Концепция писателя – это трансформирование религиозных констант, искоренение ошибочных, на его взгляд, представлений о том, кто есть Бог, и кем является человек в системе мироздания, в чем состоит божественный замысел, наделивший людей кодом Творца. Человек должен стремиться изменить себя, постичь истинную природу своего духа, осознать себя сотворцом, культивируя внутреннюю убежденность в своем праве менять событийный план в соответствии с задачами души, ее истинным предназначением. Опять же, это не бунт против Бога, но отрицание посредничества между человеком и Создателем.

Б. Чипчиков органично перевоплощается в духовного наставника. Феноменальность его прозы заключена в интуитивном постижении смыслов, заложенных в ней. Наблюдается интерпретация религиозных текстов через призму мифологии. Здесь нет историко-церковной либо агиографической информации, писатель художественно трансформирует ветхозаветные сюжеты. Вневременной характер мифа делает его универсальной формулой бытия. Осмысление же библейского мифа, как одного из важных аспектов творчества, является определяющим предпочтением писателя. Художник демонстрирует хорошее знание теологического материала, хотя «аутентичность первоисточника» не всегда им сохраняется. Произведения Б. Чипчикова не ограничены рамками евангельского текста, канонические сюжеты дополнены индивидуальными мировоззренческими тезисами. «При типологически сходном результате мифологизации литературы XX в. есть принципиальное различие в истолковании мифа в контексте произведений классического реализма и постмодернизма, в которых мифологические архетипы получают кардинально противоположные истолкования. Обь-

яснение этому следует видеть в двух причинах. Во-первых, концепции человека в реализме и постмодернизме носят взаимоисключающий характер; во-вторых, идея самой возможности поступательного развития человечества, привлекательная для писателя-реалиста, берется под сомнение постмодернистом» [Ишимбаева 1997: 145]. Русскоязычной прозе балкарского писателя свойственны черты новаторской мифологизации, мифотворчества на уровне эмпиризма через опыт чувственного познания. Это – гуманизированный миф, суть которого сводится к утверждению идей человеколюбия и близости к Богу в обход привычных схем, декларируемых религией.

Духовные поиски художника подытоживаются словами: не нужно бороться со злом, «*несправедливость, переполнив собственную вместимость, уничтожит самое себя*» [Чипчиков 2013: 75]. Очень точное замечание. Бог есть Любовь – максима, высшая константа, заключающая в себе все нюансы веры. Таково в целом идейное содержание прозы Б. Чипчикова, «унаследовавшего антропоцентричный гуманизм Возрождения» [Кирилова 1991: 63]. Рассказы, новеллы и повести балкарского писателя характеризуются причудливым переплетением разновекторных теософских знаний, почерпнутых из поликультурного пласта. Вне зависимости от творческих пристрастий и национальной принадлежности Б. Чипчиков оперирует древнейшими формами осмысления действительности. Автор «гуманизирует» архаический контекст, истолковывая библейские истории в парадигме постмодернистской эстетики, ориентируясь на трактовку евангельских историй в индивидуально-авторской интерпретации. Мифологическое видение, возможности рецептивной эстетики, интенциональность художника находят ответы на вечные вопросы, способствуя раскрытию сверхчувствования, квантовому скачку сознания через «интуитивное мифотворчество», постижение сакральных смыслов бытия в гармонии реального и ирреального.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Гемуева 2008 – *Гемуева С.* Возвращаясь свободным // Чипчиков Б.М. Мы жили рядышком с Граалем / Сост. и ред. Ф.И. Байрамукова. – М.: Эльбрусид, 2008. – 528 с.
- Ишимбаева 1997 – *Ишимбаева Г.Г.* Трансформация библейского мифа в литературе постмодернизма («Агасфер» Стефана Гейма) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Искусствоведение. –1997. – С. 144-150.
- Каменева 2014 – *Каменева М.Б.* Исламские мотивы и образы в русской литературе 20–30-х годов XIX века. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2014. – 155 с.
- Касьянов 2005 – *Касьянов В.Е.* Эволюция религиозности в постсоветской России: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, – 2005. – 28 с.
- Касьянов 2007 – *Касьянов А.В.* Библейские мотивы и образы в сюжетостроении русского романа XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2007. – 20 с.
- Касьянов, Нечипуренко 2023 – *Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н.* Социология религии. Учебник для вузов. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 597 с.
- Кирилова 1991 – *Кирилова И.* Литературное и жизненное воплощение образа Христа // Вопросы литературы. – 1991. – №8. – С. 60-74.
- Коморовская 1999 – *Коморовская Т.Е.* Библейские мифы в русской и американской литературе // Репозиторий БГПУ. Научные публикации филологического факультета. – Минск. – 1999. – С. 150-154.
- Конрад 1972 – *Конрад Н.И.* Запад и Восток. Статьи. – М.: Наука, 1972. – 496 с.

Кремнева 1999 – *Кремнева А.В.* Функционирование библейского мифа как прецедентного текста: на материале произведений Джона Стейнбека: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1999. – 22 с.

Лихина 2009 – *Лихина Н.Е.* Утопический аспект романа В. Шарова «Будьте как дети» // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Серия: Филологические науки. – 2009. – Вып. 8. – С. 87-90.

Лотман 1996 – *Лотман Ю.М.* Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция // О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство-СПб, 1996. – 848 с.

Урюпин 2020 – *Урюпин И.С.* Библейский контекст в русской литературе конца XIX – первой половины XX века. Учебное пособие. – Издательство «Директ-Медиа», 2020. – 294 с.

Чипчиков 2008 – *Чипчиков Б.М.* Мы жили рядышком с Граалем / Сост. и ред. Ф.И. Байрамукова. – М.: Эльбрусид, 2008. – 528 с.

Чипчиков 2013 – *Чипчиков Б.М.* Благословение долгам моим. – Нальчик: Эльбрус, 2013. – 199 с.

Чипчиков 2018 – *Чипчиков Б.М.* Избранное. – СПб.: Русская коллекция, 2018. – 368 с.

Яропольский 2013 – *Яропольский Г.* Глубинная реальность / Борис Чипчиков: писатель-максималист, искатель, философ (к 65-летию балкарского писателя Б. Чипчикова) // Горянка. – № 47 (744). 20.11.2013.

REFERENCES

GEMUEVA S. *Vozvrashhajsya svobodny`m* [Come back free]. – In: Chipchikov B.M. *My` zhili ryady`shkom s Graalem*. – Sost. i red. F.I. Bajramukova. – M.: E`l`brusoid, 2008. – 528 p. (In Russ.).

ISHIMBAEVA G.G. Transformaciya biblejskogo mifa v literature postmodernizma («Agasfer» Stefana Gejma) [Transformation of the Biblical Myth in the Literature of Postmodernism ("Ahasuerus" by Stefan Geim)]. – In: Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iskusstvovedenie. –1997. – P. 144-150. (In Russ.).

KAMENEVA M.B. *Islamskie motivy` i obrazy` v russkoj literature 20–30-x godov XIX veka* [Islamic motifs and images in Russian Literature of the 20-30s of the XIX century]. – Bishkek: Izd-vo KRSU, 2014. – 155 p. (In Russ.).

KAS`YANOV V.E. *E`volyciya religioznosti v postsovetsoj Rossii* [Evolution of Religiosity in Post-Soviet Russia]. – Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, – 2005. – 28 p. (In Russ.).

KAS`YANOV A.V. *Biblejskie motivy` i obrazy` v syuzhetostroenii russkogo romana XX veka* [Biblical motifs and images in the plot-building of the Russian novel of the XX century]. – Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Perm`, 2007. – 20 p. (In Russ.).

KAS`YANOV V.V., NECHIPURENKO V.N. *Sociologiya religii. Uchebnik dlya vuzov* [Sociology of religion. Textbook for universities]. – M.: Izd-vo «Yurajt», 2023. – 597 p. (In Russ.).

KIRILOVA I. *Literaturnoe i zhiznennoe voploshhenie obraza Xrista* [Literary and life embodiment of the image of Christ]. – In: Voprosy` literatury`. – 1991. – № 8. – P. 60-74. (In Russ.).

KOMOROVSKAYA T.E. *Biblejskie mify` v russkoj i amerikanskoj literaturax* [Biblical Myths in Russian and American Literature]. – In: Repozitorij BGPU. Nauchny`e publikacii filologicheskogo fakul`teta. – Minsk. – 1999. – P. 150-154. (In Russ.).

KONRAD N.I. *Zapad i Vostok. Stat`i* [West and East. Articles]. – M.: Nauka, 1972. – 496 p. (In Russ.).

KREMNEVA A.V. *Funkcionirovanie biblejskogo mifa kak precedentnogo teksta: na materiale proizvedenij Dzhona Stejnbeke* [The functioning of the Biblical myth as a precedent text: based on the works of John Steinbeck]. – Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Barnaul, 1999. – 22 p. (In Russ.).

LIHINA N.E. *Utopicheskij aspekt romana V. Sharova «Bud`te kak deti»* [Utopian aspect of V. Sharov's novel "Be like Children"]. – In: Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologicheskie nauki. – 2009. – Vy`p. 8. – P. 87-90. (In Russ.).

LOTMAN Yu.M. *Russkaya literatura poslepetrovskoj e`poxi i xristianskaya tradiciya* [Russian literature of the Post-Petrine era and the Christian tradition]. – In: *O poe`tax i poe`zii*. – SPb.: Iskusstvo-SPb, 1996. – 848 p. (In Russ.).

URYUPIN I.S. *Biblejskij kontekst v russkoj literature koncza XIX – pervoj poloviny` XX veka: Uchebnoe posobie* [The Biblical Context in Russian Literature of the Late nineteenth – first Half of the twentieth century: Textbook]. – Izdatel`stvo «Direkt-Media», 2020. – 294 p. (In Russ.).

ЧИПЧИКОВ В.М. *Мы` zhili ryady`shkom s Graalem* [We lived side by side with the Grail]. – Sost. i red. F.I. Bajramukova. – M.: E`T`brusoid, 2008. – 528 p. (In Russ.).

ЧИПЧИКОВ В.М. *Blagoslovenie dolgam moim* [A blessing to my debts]. – Nal`chik: E`T`brus, 2013. – 199 p. (In Russ.).

ЧИПЧИКОВ В.М. *Izbrannoe* [Favourites]. – SPb.: Russkaya kollekcija, 2018. – 368 p. (In Russ.).

YAROPOL`SKIJ G. *Glubinnaya real`nost. Boris Chipchikov: pisatel`-maksimalist, iskatel`, filosof (k 65-letiyu balkarskogo pisatelya B. Chipchikova)* [Deep Reality. Boris Chipchikov: maximalist writer, seeker, philosopher (on the 65th anniversary of the balkarian writer B. Chipchikov)]. – In: *Goryanka*. – № 47 (744). 20.11. 2013. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Д. Атабиева – кандидат филологических наук.

Information about the author

A.D. Atabieva – Candidate of Science (Philology).

Статья поступила в редакцию 03.11.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 03.11.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-373-384
EDN: OSBLLQ

МОРАЛЬНЫЕ ДИЛЕММЫ И ЭТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА И В ПРОЗЕ Ф. ИСКАНДЕРА

Жила Рахманихалилелахи

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва,
Россия, 1042205281@pfur.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9928-9729>

Аннотация. Статья представляет собой исследование моральных дилемм и этических конфликтов в русской литературе XX века и их влияние на формирование общественного сознания и диалога вокруг вопросов морали. Актуальность темы определена необходимостью проведения глубокого анализа и обсуждения разнообразных моральных аспектов, присутствующих в русской литературе XX века. В центре внимания находятся ключевые темы, такие как свобода, справедливость, идентичность, коллективизм и индивидуальность. Статья исследует эти этические вопросы через призму известных литературных произведений Б. Пастернака, М. Булгакова, Е. Замятина и абхазского писателя Ф. Искандера. Особое внимание уделяется тому, как эти моральные темы проявляются в героях и сюжетах литературных произведений. Анализируются значения, дилеммы и конфликты, представленные авторами через своих персонажей. Такой подход придает статье глубину, обогащая обсуждение моральных вопросов не только в абстрактном, но и в контексте литературных произведений. Методология исследования основана на анализе социокультурного контекста, влиянии исторических событий на моральные ценности общества, а также детальном анализе жанров и ключевых произведений. Новизна работы заключается в комплексном и глубоком анализе моральных дилемм и этических конфликтов, представленных в русской литературе XX века. Результаты статьи могут быть полезными в литературных исследованиях, философии и этике, образовании, социальных науках и культурологии. Они могут быть использованы для обсуждения и анализа моральных вопросов, влияния литературы на общественные взгляды, а также для стимулирования общественного диалога и формирования общественного сознания. Статья подчеркивает важность русской литературы XX века в исследовании моральных дилемм и этических конфликтов, а также ее роль в формировании общественного сознания и диалога вокруг вопросов морали.

Ключевые слова: моральные дилеммы, этические конфликты, Барис Пастернак, Михаил Булгаков, Евгений Замятин, Фазиль Искандер, Свобода.

Для цитирования: Рахманихалилелахи Ж. Моральные дилеммы и этические конфликты в русской литературе XX века и в прозе Ф. Искандера // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 373-384. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-373-384. EDN: OSBLLQ.

© Рахманихалилелахи Ж., 2023

Original article

MORAL DILEMMAS AND ETHICAL CONFLICTS IN RUSSIAN
LITERATURE OF THE 20TH CENTURY AND
IN THE PROSE OF F. ISKANDER

Zhila Rahmanikhalilelahi

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia, 1042205281@pfur.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9928-9729>

Abstract. This article is an exploration of moral dilemmas and ethical conflicts in Russian literature of the 20th century and their influence on shaping public consciousness and dialogue on moral issues. The article actively engages in a deep analysis and discussion of various moral aspects present in Russian literature of the 20th century. Key themes such as freedom, justice, identity, collectivism, and individuality take center stage. The article examines these ethical questions through the prism of well-known literary works of that time, including those by B. Pasternak, M. Bulgakov, Y. Zamyatin, and the Abkhazian writer F. Iskander. Particular emphasis is placed on how these moral issues materialize in the characters and stories of literary works. The analysis explores the meanings, dilemmas, and conflicts presented by authors through their characters. This approach adds depth to the article, enriching the discussion of moral issues not only in the abstract but also in literary works. The study methodology is founded on an examination of the socio-cultural backdrop, the impact of historical events on social and moral standards, and a thorough examination of genres and major works. The novelty of the study lies in a comprehensive and in-depth analysis of moral dilemmas and ethical conflicts presented in Russian literature of the 20th century. The article's findings can be valuable in literary studies, philosophy, ethics, education, social sciences, and cultural studies. They can be used to debate and examine moral concerns, the impact of literature on public opinion, and to spark public debate and shape public consciousness. The article underscores the importance of Russian literature of the 20th century in exploring moral dilemmas and ethical conflicts, as well as its role in shaping public consciousness and dialogue on moral issues.

Keywords: moral dilemmas, ethical conflicts, Baris Pasternak, Mikhail Bulgakov, Evgeny Zamyatin, Fazil Iskander, Freedom.

For citation: Rahmanikhalilelahi Zh. Moral dilemmas and ethical conflicts in Russian literature of the 20th century and in the prose of F. Iskander. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 373-384. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-373-384. EDN: OCBLLQ.

© Rahmanikhalilelahi Zh. 2023

Введение

В искусстве слова русская литература XX в. становится театром, на котором разворачиваются не только истории персональных судеб, но и глубокие моральные дилеммы, зеркально отражающие дух времени. Этот период, окутанный историческими катаклизмами и социокультурными трансформациями, предоставил писателям возможность внимательно исследовать темы, связанные с этикой и нравственностью. Цель данной статьи заключается в анализе моральных дилемм и этических конфликтов, представленных в произведениях русской литературы XX в. Мы стремимся раскрыть, как эти этические вызовы отражают сложности времени, в котором они были созданы, и как литературные произведения функционировали как своеобразные катализаторы обсуждения морали в обществе. Погружение в литературное наследие этого периода позволит нам лучше понять, какие вопросы волновали общество и как они отразились в творчестве писателей, ставших хранителями моральных противоречий своего времени.

В мозаике исторических и социокультурных событий, раскрывшихся в XX в., русская литература стала выдающимся свидетельством перемен и вызовов, сто-

явших перед обществом. На фоне трагических революций, двух мировых войн, перестройки и распада Советского Союза, писатели оказались в роли художников, изображающих сложную психологию человечества в эпоху перемен.

Важно отметить, что русская литература XX в. предстает как живой организм, реагирующий на вызовы времени. Писатели, такие как Б. Пастернак, М. Булгаков, Е. Замятин и Ф. Искандер, отразили в своих произведениях дух эпохи, столкнувшись с различными течениями, от экспериментального модернизма до социального реализма. Исторические события XX в. оказали глубокое влияние на моральные устои русского общества. Революции, мировые войны, политические репрессии – каждое из этих событий несло с собой не только физические страдания, но и моральные испытания для нации. Человечество сталкивалось с вопросами о справедливости, свободе, идентичности. Литературные произведения этого периода становились платформой, на которой авторы выражали свое видение этих моральных проблем. Например, в романе «Доктор Живаго» Б. Пастернака отражены сложности личного выбора в условиях политических потрясений. Эти произведения не только отражают моральные конфликты, но и активно участвуют в их формировании, становясь катализаторами общественных дискуссий. Таким образом, контекст XX в. стал не только испытанием для русского общества, но и творческим стимулом для писателей, которые через свои произведения стремились понять и осмыслить моральные вызовы своего времени. Этот раздел ставит перед нами задачу исследовать, как эти социокультурные факторы оказали влияние на этические дилеммы, представленные в литературе этой эпохи.

Значимость моральных дилемм и этических конфликтов в прозе Ф. Искандера выражается в глубоком исследовании человеческих ценностей, внутренних конфликтов персонажей и их воздействии на сюжеты произведений. Творчество Ф. Искандера пронизано философскими размышлениями, касающимися свободы, справедливости, любви, идентичности и вечных человеческих ценностей. Его произведения поднимают актуальные вопросы нравственности и этики, предостерегая от потенциальных дилемм и побуждая читателей задуматься над своим отношением к окружающему миру. Моральные аспекты в прозе Ф. Искандера не только отражают сложности внутреннего мира персонажей, но и служат зеркалом для общественных явлений и исторических событий. Таким образом, творчество Ф. Искандера играет важную роль в формировании литературного пространства, обогащая его глубоким пониманием моральных дилемм и этических конфликтов, что делает его произведения актуальными и волнующими для читателей различных поколений. Существует обширный массив исследований, посвященных творчеству Фазиля Искандера. В этой сфере активно работают авторы библиографических словарей, монографий, статей и диссертаций. Имена и работы указанных авторов свидетельствуют о широком интересе к его литературному наследию. В числе источников — библиографические словари, книги авторов, таких как М. Гундарин, Е. Попов, В. Бигуаа и др., статьи, исследования и диссертации различных авторов. Кроме того, книга «Библиографический указатель» [Шелудько 2016] предоставляет обширный перечень работ и

публикаций, охватывающих разнообразные аспекты творчества Ф. Искандера, служа полезным инструментом для исследователей и студентов.

Моральные дилеммы и этические конфликты

В лабиринте русской литературы XX в. выявляются разнообразные жанры, каждый из которых служит уникальной площадкой для внимания к моральным вопросам. Романы этого периода, такие как «Доктор Живаго» Б. Пастернака или «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, не только предоставляют увлекательные сюжеты, но и являются глубокими исследованиями человеческой души. Моральные дилеммы персонажей часто выражают сложности этических выборов в условиях политических, социальных и культурных изменений. В повестях, таких как «День опричника» В. Сорокина, этические вопросы раскрываются через призму социокультурных аномалий и экспериментов с общественными ценностями. Эти произведения становятся микроскопом, с помощью которого писатели изучают моральные проблемы в ограниченных социокультурных контекстах. Поэзия XX в. выражает моральные дилеммы через метафоры и символы. Стихи А. Ахматовой, например, обыгрывают темы любви и потери, отражая сложности эмоционального и этического опыта.

Философия моральных дилемм оказывает существенное и глубокое воздействие на литературу, обогащая ее путем внесения сложных аспектов, этической глубины и способствуя исследованию человеческого опыта в контексте моральных вызовов. Изучение этической мысли и анализ моральных дилемм – постоянная тема философских дискуссий. Моральные дилеммы представляют сложные ситуации, требующие немедленного выбора между двумя действиями, каждое из которых нарушает определенный моральный принцип. Например, эссе И. Канта «О мнимом праве человека на ложь» иллюстрирует нравственное противоречие, когда домохозяйка, пытаясь спасти жизнь невиновного человека, сталкивается с выбором между честным ответом и ложью. В этих сценариях происходит ментальное противостояние моральных императивов, подчеркнутое аргументами Канта, представляя ситуацию как дилемму [Кант 1980: 292-297]. Кант утверждает, что моральный разум выходит за рамки человеческой природы, предполагая существование сверхъестественного начала. Этот стимул устойчив к влиянию чувств и эмпирических факторов, выходящих за пределы человеческой природы, и возникает как результат спекулятивного или интуитивного понимания. Важной идеей является «неестественность» нравственного стимула, который призывает к жертвам в пользу других без ожидания компенсации. В своем известном высказывании о «двух вещах», Кант придает равное значение морали и вселенной, подчеркивая их важность [Кант 1965: 499]. Философия моральных дилемм приносит в литературу новые темы и идеи. Авторы сталкивают своих персонажей с этическими вызовами, что предоставляет читателям возможность провести параллели с собственными моральными убеждениями и личным опытом. Прежде всего, авторы, занимающиеся темой моральных дилемм, нацеливаются на формирование персонажей, которые подвергаются нравственным выборам. Эти персонажи регулярно сталкиваются с интригующими сценариями, требующими от них принятия решений и, таким обра-

зом, акцентируя внимание на сложности моральных вопросов. Влияние моральных дилемм на структуру сюжета также неоспоримо. Они преобразуются в драйвер сюжета, создавая напряжение и интригу, которые поддерживают интерес читателя и призывают его размышлять о том, что считать правильным или неправильным. Литература, основанная на рассмотрении моральных дилемм, может служить отражением общества, стимулируя обсуждение и рефлекссию относительно существующих моральных стандартов и ценностей. Кроме того, литературные произведения, анализирующие моральные дилеммы, имеют потенциал стать средством этического образования. Они способствуют размышлениям о сложности моральных решений и их последствиях, обеспечивая читателям возможность более глубокого понимания и оценки этических вопросов, сталкивающихся с героями в ходе повествования. Таким образом, воздействие философии моральных дилемм на литературу не только обогащает тексты, делая их более привлекательными, но и предоставляет читателям возможность более тщательного осмысления и оценки сложности этических вопросов в контексте литературного произведения.

Многие произведения литературы XX в. затрагивают темы свободы и индивидуализма. Например, в романе «Мастер и Маргарита» Мастер и Маргарита исследуют ценность индивидуальной свободы в контексте тоталитарной системы. В этом же контексте русские писатели поднимали вопросы о справедливости и ее соотношении с моралью. Произведения А. Платонова, такие как «Чевенгур», ставили вопросы о том, как обеспечить справедливость в условиях социальной несправедливости. Важным аспектом русской литературы XX в. стали военные события, оставившие глубокий след. Произведения Д. Фурманова и В. Гроссмана затрагивают темы нравственных выборов в условиях войны и гражданской борьбы. Через разнообразие литературных жанров и мотивов русская литература XX в. стала не только художественным выражением, но и моральным компасом, ориентированным на сложные этические вопросы своего времени. Далее мы более подробно рассмотрим, как эти моральные темы отражают сложности и вызовы периода.

Роман «Доктор Живаго» Б. Пастернака пронизан сложными моральными дилеммами, отражающими хаос революционных перемен в России начала XX в. Юрий Живаго, как символ интеллигентного человека своего времени, сталкивается с неотложными этическими вопросами, требующими от него делать сложные выборы. Врач и поэт, Юрий Живаго, постоянно находится в напряжении между желанием вести свободную, творческую жизнь, и обязанностями перед обществом. Его идеалы индивидуальной свободы сталкиваются с жесткой реальностью политических изменений и социальной несправедливости. Центральным этическим конфликтом становится любовный треугольник между Юрием, Ларой Антиповной и Тоней Гребенщицкой. Юрий чувствует себя раздираемым между своей любовью к Ларе и обязанностью перед Тоней, а также моральным долгом перед обществом. Стремясь к свободе творчества и любви, Юрий вынужден принимать ответственность за семью, пациентов и свою страну. Его личные и профессиональные обязанности несут тяжелые этические последствия, и он вынужден принимать решения, которые часто противоречат его

внутренним устремлениям. Любовные отношения Юрия с Ларой и Тоней становятся иллюстрацией моральных сложностей человеческих взаимоотношений в условиях социальных и политических потрясений. Юрий чувствует себя заключенным между своей страстью к Ларе и обязанностью перед Тоней, и его решения имеют далеко идущие этические последствия для всех персонажей. В этом произведении Пастернак создает сложный этический ландшафт, где каждое действие Юрия становится точкой сочленения между личным и общественным, свободой и обязанностью.

А. Синявский в своем исследовании «Некоторые аспекты поздней прозы Пастернака» касается характеристик романа как литературного жанра. Он выделяет особенности, которые создают связь между романом и предшествующей прозой Пастернака. Синявский подчеркивает, что «охранная грамота» подобно «Доктору Живаго», привлекала внимание художника и заслуживала предпочтения как своеобразная «книга мыслей» [Свительский 1974: 136]. В своей исследовательской работе автор видит преодоление традиционных границ искусства, а также отсутствие жестких жанровых ограничений. Суть «Доктора Живаго», по мнению исследователя, также заключается в том, что это не просто роман, а своего рода «книга мыслей» причем в более доступной, обширной и литературной форме. Таким образом, Синявский предостерегает от строгого клейма жанровых стереотипов, предлагая видеть эти произведения как литературные творения, преодолевающие обычные рамки

В своей исследовательской статье о структуре «Доктора Живаго» Б. Гаспаров предлагает оригинальное толкование поэтики этого произведения. Он утверждает, что композиционные структуры романа представляют собой контрапункты разнообразных форм, каждая из которых служит моделью контрапунктного мышления. Этот подход предполагает взаимодействие и влияние различных элементов, включая композицию и структуру текста, что формирует сложное взаимодействие между ними. Понятие временного контрапункта выделяет важное значение времени в структуре романа, которое определяет его общий художественный облик и сюжетную логику. Такой метод приглашает читателя рассматривать «Доктора Живаго» как произведение, где художественные формы соединяются и взаимодействуют, создавая сложный и многогранный художественный опыт [Гаспаров 1990: 236].

Роман «Мастер и Маргарита» М. Булгакова обостряет этические конфликты, затрагивая вопросы зла, справедливости и веры, а также предостерегая читателя от самоотречения в погоне за искусством. Булгаков использует фантастический жанр как средство для аллегорического исследования моральных тем. Взаимодействие Мастера и Маргариты ставит под сомнение традиционные представления о добре и зле. Встреча с Воландом выступает в роли испытания веры и нравственных устоев, приводя персонажей к размышлениям о природе зла и справедливости. Мотив самоотречения Мастера в поисках искусства подчеркивает тему цены, которую приходится платить за художественное самовыражение. Этот этический аспект взаимодействует с остальной частью сюжета, где Мастер и Маргарита сталкиваются с чрезвычайными обстоятельствами, испытывая свою веру и верность друг другу. Булгаков поставил своих персона-

жей перед моральными дилеммами, связанными с природой зла, справедливости и веры. Встреча Мастера с Воландом и его свитой является не только фантастическим сюжетным элементом, но и аллегорическим изучением этических проблем. Центральный мотив романа — стремление Мастера к искусству, несмотря на личные жертвы и столкновения с миром, где происходит борьба между художественной свободой и нравственными нормами. Это поднимает вопрос о том, насколько далеко можно зайти в искусстве, не отрекаясь от своих принципов. Таким образом, «Мастер и Маргарита» представляет собой уникальное литературное произведение, в котором фантастика служит не только оформлением сюжета, но и инструментом для аллегорического исследования философских и этических вопросов.

М. Булгаков занимает особое положение в русской и международной литературе за счет уникального художественного мира автора. В его произведениях ярко проявляются актуальные гуманистические концепции личности, способные противостоять жесткой трагической реальности XX столетия. С тех пор как он впервые ощутил в себе дух подростковых лет, его внимание было привлечено загадочным и необъяснимым. Однажды, ему едва исполнилось двенадцать лет, он поразил свою сестру Надю странным признанием: «Думаешь, я вчера ночью просто спал? Нет, я был у сатаны в гостях». Даже в этом периоде подросткового возраста Булгаков не переставал удивлять и пугать своих близких своими рассказами о загадочном мире дьявольских сил [Яновская 1991: 191].

В конце 1960-х годов возрос интерес к творческому наследию писателя, преимущественно среди профессиональных критиков, литературоведов и разнообразной читательской аудитории, представленной различными возрастными, национальными и социальными группами. Этот подъем интереса был вызван публикацией романа «Мастер и Маргарита».

«Мастер и Маргарита» – это не просто роман, а своеобразный двойной роман, где одна история раскрывает судьбу Мастера, а другая – роман, созданный самим Мастером о Понтии Пилате. Между этими романами прошло две тысячи лет за исключением одного столетия. Эти два романа выделяются не только своим сюжетом, но и различной манерой повествования [Лесскис 1979: 52].

В романе «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, сюжетное и композиционное строение обогащается использованием сложной системы лейтмотивов, что является ключевым аспектом в структуре произведения. Лейтмотивы в данном контексте подразделяются на две основные группы: образы, такие как солнце, луна, гроза, огонь, цветок, осколки, и понятия, включая предчувствия, страх, предопределение, любовь, творчество, ученичество, и «христианский» комплекс. Эти лейтмотивы пронизывают текст в трех различных формах: основной, варьированной и пародийной. Основная форма создает впечатление устойчивости, варьированная вносит изменчивость и подвижность, а пародийная форма представляет собой разновидность варьированной, добавляя аспект относительности в литературную структуру романа [Васильева-Шальнева 2000].

В романе «Мы» Е. Замятин критикует утопию коллективизма, представляя ее в виде подавления человеческой индивидуальности. Главный герой, Д-503, в начале романа апологет коллективизма, постепенно осознает, что подавление

индивидуальности ведет к потере человеческой сущности. Автор исследует этические аспекты коллективизма, подчеркивая негативные последствия, такие как потеря свободы, творчества и самовыражения. Писатель также представляет дистоническое общество, в котором индивидуальные чувства и желания подавляются в погоне за коллективной гармонией. Этот конфликт выражается через борьбу героя, Д-503, между его программированным коллективизмом и пробуждающимися индивидуальными стремлениями. Разрушение установленных норм в «Мы» сопровождается нравственными дилеммами. Герой осознает, что индивидуализм может иметь негативные последствия для общества, но в то же время приводит к более глубокому осознанию своей уникальности и ценности личной свободы.

В сравнении с другими произведениями, например, с «Доктором Живаго» Б. Пастернака и «Мастером и Маргаритой» М. Булгакова, роман «Мы» выделяется своей критикой утопии, акцентируя важность индивидуальности и свободы. В то время как Пастернак и Булгаков поднимают этические вопросы через личные истории, Е. Замятин фокусируется на коллективном опыте, предупреждая о рисках утопического подавления личности в погоне за коллективным благосостоянием. Таким образом, «Мы» становится важным произведением, предостерегающим от чрезмерного коллективизма и подчеркивающим ценность индивидуальной свободы в этическом измерении общества.

В уникальной модели романа «Мы» акцент делается на личности, что делает ее отличной от классического романа. В классическом произведении герой, сталкиваясь с обществом, признает важность социальных связей и общественной структуры, в которой он участвует. В рамках нестандартной модели, которая отражает экзистенциальные взгляды личности в XX в., эти социальные связи теряют свое значение. Человек остается наедине со своим внутренним восприятием и личным «переживанием» бытия. В результате писатель фокусируется не на объективной реальности, а на «мире, представленном в том виде, в котором он существует в голове героя». Иными словами, важным становится внутреннее переживание личности, а не только ее взаимодействие с обществом, делая каждый роман уникальным в своем роде [Затонский 1973: 413]. Такое предельное усиление индивидуальности, стремление к признанию ценности субъективного сознания и «перенос критерия истинности из объективного мира в сферу субъективного и иррационального» обуславливают появление новых форм взаимоотношений между автором и персонажем [Келдыш 2010: 37]. В отличие от традиционных, присущих эпической литературе, субъектно-объектных связей, центром романа становится самовыражение субъекта повествования. Это приближает его к образу лирического героя, выступающего в роли «носителя переживаний», который не только тесно связан с автором, его мировоззрением, биографическим опытом, эмоциональным состоянием и стилем общения, но и представляет собой основной фокус в большинстве случаев.

«Сандро из Чегема» – ключевое произведение Фазиля Искандера, собранное из 32 коротких рассказов. В романе отсутствует общий сюжет, но каждый рассказ основан на жизни главного героя, Сандро Чегемского, и жителей деревни Чегема. Темы охватывают детство, этнические конфликты на Кавказе,

сталинский террор и коллективизацию. Действие происходит в деревне Чегема в Абхазии, а эпизоды развиваются в различных частях региона. Роман пропитан сатирой и юмором, что создает стиль, аналогичный «Приключениям Гекльберри Финна» Марка Твена [Сьюзан 1983: 9]. Смешение жанров – эпос, сатира и фольклор – делает роман уникальным. Изучение обычаев и традиций абхазского народа, их связи с природой и верованиями, является важной частью произведения. Роман «Сандро из Чегема» Ф. Искандера можно назвать двуязычным. Написанный на русском языке, он также включает элементы абхазского языка. Автор стремился передать особенности абхазской культуры и обычаев, внедряя неологизмы и выражения на абхазском языке в текст. Это придает произведению уникальность и позволяет читателю глубже погрузиться в атмосферу Абхазии, лучше понять ее культурное наследие и пережить уникальный опыт взаимодействия с двумя языковыми средами [Козель 2006: 148].

В «Сандро из Чегема» затрагиваются разнообразные этические конфликты. Одним из центральных является столкновение советского социализма с патриархальной абхазской провинцией. Также прослеживается противостояние власти и простых крестьян, выраженное через неожиданные ситуации. Эти этические конфликты отражают различные моральные системы и противоречия между традиционными ценностями и социалистическим сознанием. Тема свободы и ценности личности также пронизывает роман.

Произведение исследует различные аспекты этой темы, включая столкновение советского общества социализма и абхазской патриархальности, а также конфликты власти и крестьян. Роман подчеркивает важность сохранения традиций, обычаев и моральных ценностей как основы свободы и самоопределения человека. Сатира и ирония пронизывают взгляд автора на мир, позволяя ему выразить критику и провокацию в отношении свободы и ценностей в обществе. «Сандро из Чегема» вызвал разнообразные реакции критиков, отмечая его сатирическое изображение власти и лидеров, а также политическую подоплеку. Сравнения со стилем Марка Твена и классификация романа как эпоса свидетельствуют о его многогранности и влиянии на советскую и русскую литературу.

Литература не только отражает общественные реалии, но и активно формирует общественные взгляды, оказывая глубокое воздействие на сознание читателей. Романы и рассказы, пронизанные этическими вопросами, играют важную роль в формировании общественного мнения и помогают читателям осмыслить сложные моменты морали, с которыми сталкивается общество. Литературные произведения, предлагая различные точки зрения на этические вопросы, способствуют формированию ценностных установок читателей. Авторские интерпретации моральных дилемм могут вызывать размышления и внутренний диалог, в результате чего читатель выстраивает свое собственное отношение к этическим вопросам. Произведения, поднимающие этические вопросы, могут служить катализатором для общественного диалога, создавая площадку для обмена мнениями и идеями, способствуя формированию общественного согласия или, наоборот, выявляя расхождения во взглядах. Литературные творения, обращающие внимание на этические проблемы, вдохновляют читателей к поиску решений и

активному участию в общественной жизни. Истории о моральных триумфах и поражениях персонажей стимулируют общественное сознание и мобилизуют к переменам. Литература, пропитанная этическими вопросами, играет ключевую роль в формировании общественного сознания, помогая читателям лучше понимать сложности морали, стимулируя обсуждение и поиск ответов на эти этические вызовы. Таким образом, литература становится неотъемлемой частью культурного диалога, способствуя развитию общества в целом.

Заключение

В заключение можно отметить, что проведенное исследование внесло важный вклад в понимание роли моральных дилемм и этических конфликтов в русской литературе XX в. Рассмотрение особенностей социокультурного контекста, влияния исторических событий на моральные ценности общества, анализ жанров и тематик, а также подробный анализ ключевых произведений и авторов позволили выявить богатство и глубину обсуждаемых этических вопросов.

Литература, как зеркало общества, предоставляет читателям возможность взглянуть на сложности морали через призму героев и сюжетов. Авторские интерпретации моральных дилемм становятся катализатором для внутреннего диалога и размышлений, способствуя формированию собственного отношения к этическим вопросам. Влияние литературы на общество выходит за рамки отражения реальности, оказывая активное формирующее воздействие на общественные взгляды и ценности. Литературные произведения, пропитанные этическими вопросами, не только поднимают общественный диалог, но и вдохновляют читателей к активному участию в общественной жизни. В дополнение к критическому обзору и анализу, представленным в статье, возможным направлением для будущих исследований может быть глубже изучение влияния литературы на формирование этического мышления и ценностных установок читателей. Таким образом, русская литература XX в., насыщенная моральными дилеммами, остается не только отражением этических вызовов своего времени, но и активным участником формирования общественного сознания и диалога вокруг вопросов морали.

Ф. Искандер, выдающийся абхазский литератор, внес существенный вклад в художественное отражение моральных дилемм и этических конфликтов абхазского народа в контексте советской эпохи. Его литературные творения выступают своеобразным хроником эпохи, раскрывая сложности, с которыми сталкивалось абхазское общество в условиях советского режима.

В своих произведениях Искандер глубоко затрагивает темы справедливости, коллективизма, сохранения культурной идентичности и понятия свободы. Он освещает влияние советской власти на повседневную жизнь абхазского народа, выдвигая на обсуждение моральные дилеммы и этические коллизии. Персонажи его произведений становятся зеркалом сложных реалий времени, выявляя противоречия между индивидуальными ценностями и идеологией режима.

Таким образом, литературное наследие Ф. Искандера оказало важное воздействие на литературную картину моральных вопросов, стоявших перед абхазским народом в период советской эпохи. Его произведения стали не только

отражением реальности абхазского общества, но и значимым источником для понимания этических вызовов, с которыми сталкивались люди в условиях политических и социокультурных трансформаций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Шелудько 2016 – *Шелудько В.Г.* Библиографический указатель «Фазиль Искандер – писатель мудрец, философ». – М., 2016. – URL: http://apsnyteka.org/2855-fazil_iskander_biblio_ukazatel_2016.html (дата обращения: 06.12.2023).

Кант 1980 – *Кант И.* О мнимом праве лгать из человеколюбия // Трактаты и письма. – М.: Наука, 1980. – 709 с.

Кант 1965 – *Кант И.* Критика практического разума // Соч., в 6 т. Т. 4. Ч. 1. – М.: Мысль, 1965. – С. 311–501.

Свительский 1974 – *Свительский В.А.* Проблема единства художественного мира и авторское начало в романе Достоевского // Проблема автора в художественной литературе. – Ижевск, 1974. – Вып. 1. – С. 177–192.

Гаспаров 1990 – *Гаспаров Б.* Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Пастернака «Доктор Живаго» // Дружба народов. – 1990. – № 3. – С. 223–242.

Яновская 1991 – *Яновская Н.* Треугольник Воланда // Октябрь. – 1991. – № 5. – С. 182–202.

Лескис 1979 – *Лескис Г. А.* Мастер и Маргарита Булгакова (манера повествования, жанр, макрокомпозиция) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Т. 38. – Вып. 1. – М., 1979. – С. 52–59.

Васильева-Шальнева 2000 – *Васильева-Шальнева Т. Б.* Принципы художественной структуры романа М. Булгакова «Мастер и Маргариты»: К вопросу взаимодействия литературы и музыки. Дисс. канд. филол. н-к. Казань, 2000. – 163 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/printsiyu-khudozhestvennoi-struktury-romana-m-bulgakova-master-i-margarita-k-voprosu-vzaimod> (дата обращения: 29.11.2023).

Затонский 1973 – *Затонский Д.* Искусство романа и XX век. – М.: Художественная литература, 1973. – 536 с.

Келдыш 2010 – *Келдыш В.А.* О «серебряном веке» русской литературы: Общие закономерности проблемы пробзы. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – 512 с.

Сьюзан 1983 – *Сьюзан Д.* Абхазский Марк Твен // Газета «Нью-Йорк Таймс». – 1983. – Раздел 7. – С. 9.

Козель 2006 – *Козель О. С.* Проза Фазиля Искандера. Мироведение писателя. Поэтика. Дисс.... канд. филол. н-к. – М., 2006. – 160 с.

REFERENCES

SHELUDKO V.G. *Bibliograficheskiy ukazatel «Fazil' Iskander – pisatel' mudrets, filosof»* [Bibliographic index "Fazil Iskander – writer, sage, philosopher"]. – M., 2016. – URL: http://apsnyteka.org/2855-fazil_iskander_biblio_ukazatel_2016.html (access date: 12/06/2023).

KANT I. *O mnimom prave lgat' iz chelovekolyubiya* [On the Supposed Right to Lie from Philanthropy]. In: *Traktaty i pis'ma*. – M.: Nauka, 1980. – 709 p. (In Russ.).

KANT I. *Kritika prakticheskogo razuma* [Critique of practical reason]. In: Works, in 6 vols. T. 4. Part 1. – M.: Mysl, 1965. – P. 311–501. (In Russ.).

SVITEL'SKIY V.A. *Problema yedinstva khudozhestvennogo mira i avtorskoye nachalo v romane Dostoyevskogo* [The problem of the unity of the artistic world and the author's principle in Dostoevsky's novel]. In: *Problema avtora v khudozhestvennoy literature*. – Izhevsk, 1974. Issue. 1. – P. 177–192. (In Russ.).

GASPAROV B. *Vremennoy kontrapunkt kak formoobrazuyushchiy printsip romana Pasternaka «Doktor Zhivago»* [Temporal counterpoint as a formative principle of Pasternak's novel "Doctor Zhivago"]. In: *Druzhba narodov*. – 1990. – № 3. – P. 223–242. (In Russ.).

YANOVSKAYA N. *Treugol'nik Volanda* [Треугольник Воланда]. In: *zh. «Oktyabr»*, 1991. – № 5. – P. 182–202. (In Russ.).

LESSKIS G.A. *Master i Margarita Bulgakova (manera povestvovaniya, zhanr, makrokompozitsiya)* [The Master and Margarita Bulgakova (narrative style, genre, macro-composition)]. In: *Izvestia*. Academy of Sciences of the USSR. Department of Literature and Language. T. 38. Issue. 1. – M., 1979. – P.52-59. (In Russ.).

VASILYEVA-SHALNEVA T.B. *Printsipy khudozhestvennoy struktury romana M. Bulgakova «Master i Margarity»: K voprosu vzaimodeystviya literatury i muzyki* [Principles of the artistic structure of M. Bulgakov's novel "The Master and Margaritas": On the issue of interaction between literature and music]. *Diss.... cand. philol. sci.* – Kazan, 2000. – 163 p. (In Russ.). URL: <https://www.dissercat.com/content/printsipy-khudozhestvennoi-struktury-romana-m-bulgakova-master-i-margarita-k-voprosu-vzaimod> (access date: 11/29/2023)

ZATONSKY D. *Iskusstvo romana i XX vek* [The Art of the Novel and the 20th Century]. – M: *Khudozhestvennaya literatura*, 1973. – 536 p. (In Russ.).

SUSAN D. *Abkhazskiy Mark Tven* [Abkhazian Mark Twain]. In: *Gazeta «N'yu-York Tayms»*. 1983. – Section 7. – P. 9. (In Eng.).

KOZEL O.S. *Proza Fazilya Iskandera. Mirovedeniye pisatelya. Poetika* [Prose of Fazil Iskander. The writer's worldview]. Poetics. *Diss.... k. f. n.* Institute of World Literature named after. A.M. Gorky. – M., 2006. – 160 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Ж. Рахманихалилелахи – аспирант.

Information about the author

Zh. Rahmanikhalilelahi – Ph.D. Student

Статья поступила в редакцию 03.11.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 03.11.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья
УДК 82+83
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-385-397
EDN: PDXYKQ

«ИЗ ТЬМЫ ВЕКОВ»: ЭВОЛЮЦИОННЫЙ СТАТУС ЭПОПЕИ

Марьям Хажидатувна Хульчаева¹, Жансурат Жуашовна Гутаева²

^{1,2} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

¹ mariam.li.18@yandex.ru

² gutaevazhanna@mail.ru

Аннотация. Статья "Из тьмы веков": эволюционный статус эпopeи" представляет собой попытку комплексного анализа романа И. Базоркина с точки зрения его этнической аутентичности и принадлежности к новописьменным литературам. Актуальность работы – творчество ингушского прозаика и по сей день исследовано недостаточно, а факт его явной исключительности в смысле уровня профессионального развития по сравнению с общим контекстом литератур "ускоренного" формата в соответствующих работах разве что упоминался. Авторы убедительно разбирают частные аспекты нарративной манеры писателя, доказывая, что у И. Базоркина наблюдаются черты традиционных литературных систем в компонентах идиостиля – апперцептивном, конструктивно-сюжетном, жанровом, идеологическом, концептуальном. В исследовании отмечается и демонстрируется тяготение И. Базоркина к повествованию с чередованием «фокальности» («когнитивного переноса»). Интересны наблюдения, касающиеся взаимной эстетической интегрированности фольклорных и этнографических элементов произведения. Отмечены идеологическая мобильность и свобода писателя в сфере морально-этических норм восприятия и оценки. Все эти новационные для новописьменной прозы черты объясняются особенностями образования писателя, спецификой его становления в раннем детстве, что, конечно же, не лишено оснований. Таким образом, роман И. Базоркина обладает всеми чертами новописьменной прозы и в этом смысле со всей очевидностью вписывается в контекст национальной литературы ингушского народа, однако текст произведения, как в нарративном плане, так и в архитектурном представляет собой явление, более свойственное развитым литературным системам с долгой традицией.

Ключевые слова: новописьменный, апперцептивный, гендерный, сюжет, идеологический, этнографический, фольклорный, этнический, эстетический, образ, эпический, эволюционный.

Для цитирования: Хульчаева М.Х., Гутаева Ж.Ж. «Из тьмы веков»: эволюционный статус эпopeи // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 385-397. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-385-397. EDN: PDXYKQ.

© Хульчаева М.Х., Гутаева Ж.Ж., 2023

Original article

«FROM THE DARKNESS OF AGES»: THE EVOLUTIONARY STATUS OF THE EPIC

Maryam Kh. Khulchaeva¹, Zhansurat Zh. Gutaeva²

^{1,2} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

¹ mariam.li.18@yandex.ru

² gutaevazhanna@mail.ru

Abstract. The article “From the Darkness of Ages”: the evolutionary status of the epic” is an attempt at a comprehensive analysis of I. Bazorkin’s novel from the point of view of its ethnic authenticity and belonging to newly written literature. The work’s relevance - the writing of the Ingush prose writer has not been sufficiently studied to this day, and the fact of his obvious exclusivity in terms of professional development in comparison to the general context of “accelerated” literature has only been mentioned in the relevant works. The authors persuasively analyze specific aspects of the writer’s narrative style, demonstrating that I. Bazorkin exhibits traditional literary system features in the components of idiosyncrasy – apperceptive, constructive-plot, genre, ideological, and conceptual. The study notes and demonstrates I. Bazorkin’s attraction to storytelling with alternating “focality” (“cognitive transfer”). Interesting observations regarding the mutual aesthetic integration of folklore and ethnographic elements of the work. The ideological mobility and freedom of the writer in the sphere of moral and ethical standards of perception and evaluation are noted. All of these innovative characteristics of newly written language are explained by the writer’s education, the details of his creation in infancy, which, of course, has it causes. I. Bazorkin’s novel has all the features of newly written prose and in this sense clearly fits into the context of the national literature of the Ingush people, however, the text of the work, both in narrative terms and in architectonics, is a phenomenon more characteristic of developed literary systems with long tradition.

Keywords: new written, apperceptive, gender, plot, ideological, ethnographic, folklore, ethnic, aesthetic, image, epic, evolutionary.

For citation: Khulchaeva M.Kh., Gutaeva Zh.Zh. «From the darkness of ages»: the evolutionary status of the epic. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 385-397. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-385-397. EDN: PDXYKQ.

© Khulchaeva M.Kh., Gutaeva Zh.Zh., 2023

В общем объёме ингушской прозы роман-эпопея И.М. Базоркина «Из тьмы веков» занимает особое место – и не только ввиду своего уникального для национальной литературы объёма и широты хронологического охвата действительности. Необычна, прежде всего, сама история создания произведения, во-первых, а во-вторых, фигура автора – с точки зрения типологического сходства с другими писателями-современниками Северного Кавказа. Это две совершенно различные проблемы, ни одна из которых не исследована в достаточной мере – мы не знаем ни одной работы, в которой бы анализировалось бы мировоззрение писателя с точки зрения его происхождения, воспитания, полученного образования и жизненных обстоятельств, а сверх того – не существует даже приблизительной хронологии написания книги и, фактически, единственное что на сегодняшний день можно считать более-менее установленным – фактическое время переноса замысла непосредственно на бумагу – 152 дня [Дзаурова 2023]. Однако понятно, что работа над произведением заняла намного более длительный период и начиналась ещё в довоенное время – учёные упоминают «додепортационные» годы [Дзаурова 2023], но, конечно же, следует говорить о довоенных днях, так как во время ВОВ у Идриса Базоркина попросту не было возможности работать над текстом своего главного творения.

Главная же проблема, стоящая перед исследователями – принадлежность романа к определённым эволюционным этапам развития ингушской литературы и степень интегрированности произведения Идирса Базоркина в контекст такого специфического феномена как «новописьменная» литература.

Можно предполагать, что, в отличие от большинства авторов молодых национальных литератур СССР, ингушский писатель не полностью, или даже весьма мало зависел от требований доктрины социалистического реализма, в 50–60-х гг. XX в. полностью определявших эстетические и идеологические нормы советской литературы. Надо понимать, что, несмотря на общее прогрессивное движение литературоведческой мысли и её заметный отход от прямых экстраполяций партийных требований на сферу эстетического, в целом, отношение к художественному слову оставалось в прежних формах, и положения целого ряда исследовательских работ, по сути задававших основные тренды развития эстетической мысли, буквально дублировали тезисы довоенной поры: «...мы сможем надеяться на успешное решение задач, выдвинутых Постановлением ЦК КПСС "О литературно-художественной критике", где, в частности, говорится о необходимости укрепления связи критиков с практикой коммунистического строительства» [Бровман 1974: 131-336].

Причины интеллектуальной свободы и мобильности И. Базоркина были связаны с особенностями его происхождения и, вероятно – начального воспитания. Внук генерала Российской Империи, сын швейцарской француженки, скорее всего, получил первоначальные понятия о словесном искусстве, о функциях назначении и формате литературного произведения от своей европейской матери Гретты де Ратц. Быть может, совершенно не случайно ингушский прозаик приступил к созданию крупноформатного произведения в виде романа-эпопеи. Литературные вкусы его родительницы, несомненно, были связаны с установками западной литературной моды и доминирующими тенденциями конца XIX в. А это именно тот момент, когда в большую литературу вернулись объёмные произведения: «...XX в. оказался особенно неожиданным. Воскрес большой роман – вот чего никак нельзя было предполагать» [Грифцов 1926: 129-151].

И вполне логичным выглядит сомнение в национальной аутентичности романа «Из тьмы веков» – даже не ввиду языка его написания. Слишком сложной, слишком развитой выглядит нарративная ткань произведения, его архитекtonика, тематические составляющие. Однако в литературоведческом дискурсе – региональном, или общероссийском – анализ структур романа любого уровня не производился, и все обращения к тексту ограничивались идейно-содержательными экскурсами, сопровождавшимися установлениями соотношений с общим контекстом советских литератур.

Между тем достаточно даже самого общего сравнительного анализа нарративных элементов романа, чтобы понять – «Из тьмы веков» представляет собой текст, несомненно национальный, более того – в определённых пределах вписывающийся в архитектуру новописьменных литератур СССР, прошедших форсированное развитие, но, одновременно с этим, весьма развитый в эволю-

ционном смысле текст, выстроенный с помощью формант, обычных в больших литературах с давней традицией.

Например, проза, опирающаяся на богатый и достаточно протяжённый по времени предшествующий опыт, характеризуется особым апперцептивным качеством, заключающемся в разновекторности описания одного и того же объекта. Это качество называется "текстуальной смысловой индукцией" и подробно рассмотрена Б.М. Гаспаровым на примере прозаических текстов Л.Н. Толстого и О.Э. Мандельштама [Дзаурова 2023].

В неявной форме, но вполне определённо, признаком эволюционировавших прозаических практик определяют насыщенность текстов когнитивным дрейфом целый некоторые отечественные и зарубежные исследователи [Дзаурова 2023], в некоторых случаях насыщенность повествования точками смены фокуса наблюдения прямо связывалась с расширением охвата изображаемого, с возможностями погружения читателя в новые сферы сопереживания: «...Предпочтение текстовой интерференции в европейской и американской литературах XIX–XX веков обосновывалось тем, что эти формы предоставляют писателю возможность непосредственной интроспекции в психические процессы героев» [Бровман 1974: 133-336].

Обзор предмета, либо явления с разных точек зрения повышает их суггестивную достоверность и представляется чертой развитых литературных практик: «...системное использование когнитивного переноса обеспечивало хроно-топическую мобильность Довлатова-рассказчика, ... до логического завершения была доведена одна из основных линий развития русской, да и всей мировой, литературы...» [Грифцов 1926: 129-151].

Принимая за время написания большинства эпизодов романа довоенные годы – ясно, что за семь месяцев было возможно лишь скомпоновать отдельные фрагменты – мы будем вынуждены констатировать, что И. Базоркин освоил «когнитивный перенос» задолго до появления рассказов Довлатова и, уж, несомненно, на несколько эволюционных ступеней ранее, нежели это произошло в других литературах народов СССР, относимых к так называемым «новописьменным»: «...Увидев Калоя, Гойтемир остановился. «Хасан прав, – лихорадочно закрутилось в голове, – подстерегает... делает вид, что не видит... Спустишь, он кинется... Задушит... бросит в воду... Бежать назад?.. Подстрелит...».

Рука Гойтемира поползла за спину, схватилась за кремневый пистолет... Он шел, не спуская с Калоя глаз. «Скажу, потребовал ответа, куда ездил... А он кинулся... и пришлось защищаться... От родных откуплюсь...», – пронеслось в мыслях старшины.

Конь Гойтемира сошел на лужайку. Был слышен лязг его подков. Калой прилег к воде, чтобы напиться.

«Наверное, заметил у меня пистолет... Хочет спрятаться за камень», – решил Гойтемир.

Калой, как в зеркале, увидел в воде свое лицо, стоящего на горе Гойтемира. В вытянутой руке он держал извивавшийся в воде серебряной змейкой пистолет...

«Что это он?..» И в то же мгновение до слуха донесся выстрел... Гладь воды всколыхнулась, обдав Калоя галькой и песком. Он вскочил. Старик убежал вверх» [Гаспаров 1993: 291-304].

В достаточно коротком фрагменте мы, естественно, не можем наблюдать такого же насыщенного дрейфа точек наблюдения, как это свойственно произведениям того же Довлатова, но, по крайней мере, три передислокации центра восприятия («когнитивных переносов») видны невооружённым глазом.

Помимо нейтрального авторского описания событий, мы видим их глазами Гойтемира – иногда плотно совмещённые даже в одном сообщении: «Конь Гойтемира сошёл на лужайку. Был слышен лязг его подков». Здесь сомнения может вызвать принадлежность первого предложения ощущениям героя, но предыдущее событийное описание Базоркина – «Рука Гойтемира поползла за спину, схватилась за кремневый пистолет» – однозначно дано «со стороны», так как основной актант выключен из процесса – действует его рука. Это сообщение текстуально представлено в виде формального аналога с «конём, сошедшим на лужайку» и актуализирует, таким образом, его авторский характер. А следующий смысловой период «Был слышен лязг его подков» – подчёркнуто сензитивен. Автор предоставляет читателю возможность услышать характерный металлический звук, что переводит эпизод в разряд субъективного ощущения – в данном случае, ощущения Гойтемира. Дальнейшее чередование авторского наблюдения и мыслей старшины прерывается вторжением третьей точки восприятия, воплощённой, сначала, в прямой нарративной констатации – «Калой, как в зеркале, увидел в воде своё лицо...» – а затем, опять-таки, в акцентированном обращении к индивидуальному впечатлению героя, зафиксированному лишь его сознанием – «...извивавшийся в воде серебряной змейкой пистолет...».

Справедливости ради, надо отметить, что «когнитивный перенос», тем более – в таком насыщенном и иллюстративном виде тексту романа не свойственен. Можно лишь утверждать, что Идрис Базоркин знал данный приём и умел им пользоваться, когда считал необходимым.

Однако попеременное описание различной апперцептивной природы было его вполне обычным повествовательным подходом. Базоркин на регулярной основе чередует изображение объектного изображения общего понятийного плана с масштабированными детализированными картинками, либо, вообще, прибегает к альтернативной сензитивной информации. Как правило, речь идёт о резкой визуальной вариативности: «...Калую снилось ущелье, шумящий поток реки и дождь... Вот большая капля упала ему на лицо, упала другая... Он открыл глаза. Было ясное утро. Ни облачка на прозрачном, голубом небе... И снова капнуло. Он повернулся. Над лицом его свисали изогнутые сабли кукурузных листьев. На кончиках их – капельки росы... Калой сел и сладко потянулся. Помывшись в ручье, позавтракав тем, что оставалось, горцы ушли с открытого места под дикую грушу и стали ждать. Без дела время тянулось медленно и долго...» [Корман 19926: 119-128].

В тех эпизодах, в которых Базоркин прибегает к использованию альтернативных (невизуальных) каналов информации, он делает это для усиления эффекта суггестивной убедительности: «...поздней осенью, когда по горам начи-

нали стелиться бесконечные туманы, когда днем и ночью шли дожди и земля расползалась под ногами, ему было нелегко с утра до ночи ходить за отарой и дрогнуть под влажным куском сукна, заколотым на груди деревянной булавкой. Случалось, уйдут за день овцы так далеко, что их уже не подогнать ни к одной пещере; тогда Орци укладывался вместе с ними прямо под открытым небом, на сырой земле и спал до рассвета, скуля и вздрагивая во сне, как бездомный щенок. Другой раз проснется, а кругом все белым-бело от снега. Под боком натаившая вода. Встанет, попытается укрыться где-нибудь под валуном или разжечь костер из можжевельника. А нет – так натянет на голову свое суконце, сунет босые ноги в папаху и так стоит в ней день-деньской до следующей ночи, покусывая холодную ячменную лепешку» [Шмидт 2003: 234-312].

Или ещё более убедительный и очевидный пример: «...Тропинка вступила в лес и пошла ровно, огибая склон горы, густо поросшей стройной молодой сосной. За одним из поворотов широко расставленные глаза Чаборза устали в одну точку. Его тело пронзил смертельный холод ужаса. Он перестал дышать, оцепенел, не в силах взять повода... Лошадь остановилась, уткнувшись грудью в дерево, перегородившее тропу. Мгновение казалось Чаборзу вечностью, а черная точка направленного ему в лицо ствола револьвера со взведенным курком – немигающим глазом смерти... «Вот... Вот сейчас конец...» – Мелькнула мысль. Но Калой не стрелял. Он приблизился к Чаборзу, «вынул из его кобуры револьвер и продолжал смотреть на него в упор. Страх в душе старшины уступил место тупому безразличию. Он ощутил во всем теле вялость, на лбу капли пота» [Толгуров 2016: 43]. Резкие переносы внимания от общих планов и ощущений, описываемых, в принципе, нейтральным наблюдателем-автором, к сконцентрированному переживанию героя подводят нас, практически, вплотную к феномену «когнитивного переноса».

С учётом разнообразия дополнительных направлений и уровней представлений информации в описаниях Базоркина именно так должно оценивать и многочисленные диалоги повествования, перемежаемые неожиданными вставками акустической, осязательной и иной чувственной природы: «... – Как смеешь вмешиваться?.. – пуще прежнего закричал Бийсархо. – Ты здесь командир или я?»

Стало слышно, как земля с насыпи ссыпалась на дно окопа. Всадники переглянулись.

– Ты командир, – ответил Калой и, запнувшись на новом слове, торжественно произнес: – А я... я – комитет!..

Слово это многие здесь услышали в первый раз. Но еще удивительнее было то, что Бийсархо сбавил тон и, только уходя, пригрозил:

– Ну, мы с тобой еще поговорим, комитетчик! А пока война, солдаты будут подчиняться только нам, офицерам!

Он быстро зашагал по ходу сообщения. «Музыкальная команда» побежала за ним. Всадники проводили его тяжелым взглядом» [Базоркин 1982: 260].

«Когнитивный перенос» в своём развитом и первичном виде, а также внедрение в общее понятийное, точнее, автологическое описание сензитивных, безусловно отличающихся от рационально-условных литературных представ-

лений настолько широко представлены в тексте романа, что их присутствие можно считать стилеобразующим фактором. Но главное - нарративная ткань романа очень далека от образцов новописьменной литературы в их жанровых и особенно эволюционных дефинициях, принятых в качестве атрибутивных в советском литературоведении. Постоянная трансформация апперцептивных механизмов текста – от очевидно понятийных описаний до акцентных чувственных картин с визуальным масштабированием и подключением акустических, тактильных, обонятельных и других эффектов – это удел высочайшей культуры прозаического повествования. И в этом смысле роман-эпопея И. Базоркина может быть отнесен к сообществу литератур, прошедших путь ускоренного развития с большой долей условности, можно сказать – с явной натяжкой.

Те же самые выводы мы можем сделать и на уровне тематического и концептуального строения этого произведения. Достаточно упомянуть такое не тривиальное для авторов Северного Кавказа явление, как свобода в обрисовке гендерных отношений. Это, в условиях жёсткого патернализма, свойственного ингушскому этносоциуму – как, впрочем, все этническим сообществам Северного Кавказ – может восприниматься в качестве важнейшего культурно-эволюционного маркера – во всяком случае, само отношение к чувствам и их выражению таковым, бесспорно является [Базоркин 1982: 388].

А любовные сцены, шире – панорама отношений мужчины и женщины в романе объёмна, настолько объёмна, что её можно считать предельной для жёсткой идеологической среды СССР довоенного и послевоенного периодов с её одобряемым и нарочитым аскетизмом. Гендерные соотношения в тексте могут иметь достаточно невинный вид: «Турс потушил светильники, разделся донага, лег на нары и растянулся на мягкой кошме. Доули прикрыла его одеялом из овчин и прилегла рядом.

Он замолчал, захрапел, повернулся и уже во сне закинул на нее свою большую, тяжелую руку. Счастливая, она лежала, не шевелясь, и слушала, как рядом билось его сильное сердце» [Базоркин 1982: 155] – но и подобный их формат был нарушением всех клише литературы Северного Кавказа, за исключением, быть может, схожих экспериментов К.Ш. Кулиева. Но Базоркин не останавливался на демонстрации легитимных внутрисемейных связей, он заходит дальше, ставя под сомнение жесткость гендерных запретов, существовавших даже в дореволюционное время: «...Здесь лилось шампанское, вальсы под клавикорды сменялись бурной лезгинкой под гармонь, на которой играли родственницы Мусы, ученицы владикавказской женской гимназии. Они по-прежнему были верны прелести своей народной музыки, танцев, а также изумительному по красоте и элегантности наряду. Вихрем носились пары. Захмелевшие офицеры пожирали девушек глазами и расточали комплименты, от которых у гимназисток розовели уши» [Базоркин 1982: 338].

Нарушение адатных положений во взаимоотношениях мужчин и женщин - что самое примечательное – не подаётся Базоркиным, как идентификационный параметр на шкале положительных-отрицательных героев. В границах подобной логики, присущей ранним формам идеологической прозы, поведение и желания офицеров были бы оправданы. Однако его позитивные образы так же не-

сдержанны: «...выкрикивал он, становясь на носки и преграждая путь девушке, и тут же тихо шептал: – Я с женского праздника не забыл твои губы... Милая...

– Шайтан! – едва уловимо отвечала она и, вывернувшись, плыла в другую сторону.

– Выходи за меня, все равно тебя никто не возьмет... – снова шептал он ей, простирая над ней руку.

И она с едва заметной скромной улыбкой отвечала:

– А ты выгони из дому свою клячу...» [Базоркин 1982: 541].

Более того – в произведении присутствуют любовные сюжетные линии, никак не вписывающиеся в принятые на Северном Кавказе и у ингушского народа стандарты не то, что осуждаемого, но в полном смысле этого слова допустимого, что самое крамольное – сопровождаемые, если и не откровенными, то вполне прозрачными постельными сценами. Реперной точкой отдаления Базоркина от патерналистских морально-этических воззрений ингушей можно считать судьбу и поступки младшей жены Гойтемира – Наси. Даже не сами повествовательные обстоятельства её жизни, а отношение автора к своей героине. Наси хитра, коварна, морально нечистоплотна, на протяжении достаточно ограниченного отрезка сюжета раскрывается её давний адюльтер и системная измена мужу с имамом Хасаном-Хаджи, духовный сан которого ещё более усугубляет греховность происходящего. Здесь же – абсолютно порочная и невозможная в прозе Северного Кавказа любовная интрига Наси с главным героем. При всём этом мы не ощущаем осуждения со стороны автора произведения, что, по меньшей мере, говорит о мобильности мышления И. Базоркина. Мобильности мышления, видевшего все трагические изломы судьбы Наси, всю безысходность её существования и, вопреки безусловному диктату адатного мировоззрения, сочувствующего женщине-горянке.

Роман «Из тьмы веков» изобилует сценами этнографического характера, описанием ритуалов, народных праздников, ссылками на фольклорные произведения. В этом смысле даже образ главного героя Калоя из рода Эги имеет прямого фольклорного прототипа – народного героя Калоя-Канта – вступившего в противостояние с нартом Сески-Солса – вайнахским аналогом Сосруко-Сослана-Сосурука в эпических версиях народов Северо-Западного Кавказа. Однако Калой Базоркина – образ синтетический даже на уровне апелляций к фольклору – не случайно в повествовании он находится в постоянной связи со скалой Сеска-Солсы, в трудные моменты жизни приходя к сосне, посаженной на ней его отцом – неочевидная, но ощутимая сублимативная экстраполяция нарта-трикстера на центрального героя «Из тьмы веков».

То есть, фольклоризм и этнографизм романа отрицать невозможно, в этом аспекте текст Базоркина, конечно же органично вписывается в общий контекст новописьменных литератур. Однако о какой стадии эволюции в рамках ускоренного развития можно вести речь? В классическом виде первые ступени развития новописьменных литератур характеризуются тем, что «...этнографические очерки, подробные описания народных традиций и обычаев нередко являются внесюжетными элементами, перегружают художествен-

ную ткань романа и мало способствуют раскрытию замысла писателя» [Большаков 2000: 92]. Этого нет у Базоркина.

Любые сцены этнографического или фольклорного качества у ингушского прозаика недвусмысленно служат развитию основной сюжетной линии, выступают в качестве демонстрации тех или иных черт образа – черт не случайных, а именно тех, которые будут определять дальнейший ход сюжета. Даже абсолютно изолированный, казалось бы, от основного сюжета эпизод с болезнью и лечением Докки («родным приходилось связывать ее, сажать на цепь, как это делали все с такими больными» [Базоркин 1982: 14]), на самом деле не имеет целью ознакомить читателя с практиками лекарей дореволюционной Ингушетии. Фрагмент полностью функционален и является обоснованием и объяснением дальнейшего становления Калоя, как личности, акцентируя внимание читателя на несоразмерно раннем вступлении юноши во взрослую самостоятельную жизнь, а страдания его матери формируют априори жёсткую жизненную философию героя, эмоционально аргументируют однозначность принимаемых им решений.

Мы, фактически, наблюдаем контент, свойственный развитому повествовательному мышлению, когда все составляющие элементы нарратива находятся в органической и взаимообусловленной связи, обеспечиваемой личностью художника – универсальной, неангажированной и интегрирующей в своём сознании самые разноплановые составляющие бытия социума – в данном случае, этнического, ингушского социума: «...Явления, характеризующие художественный прогресс, нельзя рассматривать, как находящиеся в состоянии нейтрального соседства, простой смежности. Между ними существует глубокая внутренняя связь. Она возникает не только на основе преемственности, но и вследствие определённого взаимодействия образных обобщений, эстетических ценностей, создаваемых художниками» [Базоркин 1982: 37].

Так же задействованы в развитии сюжета и картины праздника женщин [Базоркин 1982: 140], праздников в честь Тушоли и Мятт-села [Мамий 1977: 26], другие этнографические вставки. Исходя из самой манеры использования подобного материала, следует признать, что и это – не характеристика, принадлежащая новописьменной прозе, скорее, результат интегративного подхода и осмысления, возможного только на поздних стадиях существования словесного творчества этноса. Не механическое внедрение в ткань повествования единиц национального происхождения не этноидентификационное их обозрение в виде отдельных, не связанных семантических периодов, а тот прогрессивный шаг, при котором «...при... живом взаимодействии в самих жанровых, сюжетных и прочих формах новой литературы начинают... ясно проступать контуры коренных, древних, традиционных поэтических построений» [Базоркин 1982: 99-111].

Интегративный взгляд, комплексное ощущение присуще лишь современным формам эстетического мышления и, в принципе, выступает доказательством выхода национальной литературы на один уровень с подпитывающей её донорной системой.

Что видится особенно примечательным – сам сюжет. Сегодня трудно предполагать, каков был первоначальный замысел романа – во всяком случае, созда-

ётся чёткое ощущение преждевременности обрыва сюжетного направления отца Калоя – Турса. Но это, по большому счёту, единственная фрагментарная сюжетная линия романа. В целом же полисоставность сюжета очевидна. Даже без каких-то сложных архитектурных изысков, без темпоральных смещений и хроно-топической изоляции, цепь описываемых событий «Из тьмы веков» не может быть отнесена к типологическим образцам новописьменных литератур.

И столь строго контролируемая в СССР, такая прозрачная сторона произведения, как идеология, у Базоркина не выглядит однозначно-плоскостной. Более того – в одной из точек повествования писатель рискнул настолько, что это могло ему стоить многого. Ингушский прозаик решился на неявную и неочевидную моральную реабилитацию базового, изначального врага социалистического государства – Российской Империи, точнее её правящей династии и представителей высшего дворянства. В тексте романа приведены строфы ингушского «Гимна Дикой дивизии» [Храпченко 1970: 339-392], и, хотя, для неосведомлённого человека в цитируемых строках ничего крамольного нет, но естественная ссылка на куплеты, прославляющие Великого Князя Михаила, в годы выхода романа в свет была серьёзным преступлением. Тем более – в предполагаемый период создания произведения. Напомним недопустимые для советского романа слова Валерьяна Ивченко:

Мы не знаем страха,
Не боимся пули,
Нас ведёт в атаку

Храбрый Михаил! [Базоркин 1982: 99-103] – в некоторых вариантах «гимна» упоминается полковник Мерчули – однако упоминание имени родного брата Императора более распространена.

Присутствуют ли черты новописьменности в романе И. Базоркина и, в целом, можно ли его считать явлением ингушской национальной литературы? Краткий и обобщённый ответ на этот вопрос можно дать, приняв во внимание бесспорность некоторых парадигмальных признаков текста, характерных для прозы «форсировано» или «ускорено» развивающейся литературы.

И главное – сам выбор жанрового направления. Мы не знаем продолжения текста, но не подлежит сомнению, что «Из тьмы веков» – революционно-исторический роман. И в этой компоненте автор полностью локализован в границах привычной модели идеологического формата со всеми присущими ему условностями и недостатками. Обязательное, требуемое перевоплощение главного героя в революционера и борца за идеи коммунизма в романе не показаны, но начало пути Калоя к этой социальной роли очевидно. Очевидно и, в соответствии с традицией ранних форм новописьменных литератур, неожиданно и немотивированно. В сущности, в тексте нет ни единого объяснения перехода Калоя к сознательной и организованной революционной деятельности, этот переход просто декларируется.

В полной гармонии с неожиданной «политизацией» Калоя пребывают и некоторые другие обязательные черты «новописьманности», отчётливо присутствующие в повествовании – пусть в усечённом виде. Обязательная сцена бунта по поводу запрета на рубку леса – общее место всех «ученических» опытов ав-

торов национальных советских литератур. В большинстве случаев, в частности, на Северном Кавказе, картины бунта и рубки леса навеяны опытом протестов русских крестьян, против помещиков – там, в центральной России, леса, действительно являлись критически значимым имуществом, а попытка самовольного их использования каралась. На Северном Кавказе доступ к строительной и товарной древесине имели все, проконтролировать этот доступ в силу ландшафтных особенностей региона, не было никакой возможности. Но отдать дань изображению стихийной рубки лесов пришлось, практически, всем национальным авторам первого поколения.

Заметна насыщенность текста Базоркина топонимами, аутентичными номинативами и устойчивыми этническими оборотами. Ряд исследователей считает – и, по нашему мнению, вполне справедливо – что можно назвать точечной, внесюжетной этноидентификационной характеристикой текста на ранних этапах становления авторской литературной традиции: «...возможность создания целой системы первичных (простейших) идентификаторов... текстов. ...изначально это было использование экзоэтнонимов, затем в произведениях начала проникать топонимика» [Базоркин 1982: 308-311].

Есть ещё несколько маркерных элементов нарратива, позволяющих чётко соотнести «Из тьмы веков» с этнической, новописьменной литературой, и, следовательно, признать произведение, невзирая на язык создания, факто ингушской литературы. Но они либо размыты, как, например мотив инокультурного героя-просветителя, распределённого у Базоркина в образах Ильи Ивановича, агитатора Мухтара, студента Георгия, либо мимолётны настолько, что ощущаются лишь интуитивно, словно образ чуждого внешнего мимикрирующего врага, воплощённого в романе в генерале Мусе.

Таким образом можно сделать однозначные выводы, относительно эволюционного места романа Идриса Базоркина. Это феномен национальной литературы, несомненно вписывающийся в представления об ускоренном развитии и новописьменных литературах. Но, по всей видимости, задуманный и созданный в основной своей части ещё в довоенные десятилетия, он был написан в форме – архитектурной, тематической, концептуальной, нарративной – намного опередившей опыт современных ему произведений. Опережающее развитие прозаического мышления же Идриса Базоркина ещё ждёт своих исследователей. Сегодня мы можем лишь предполагать определённую роль в становлении его, как писателя, уникальных обстоятельств его раннего детства, воспитания, происхождения и, соответственно, образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Базоркин 1982 – *Базоркин И.М.* Из тьмы веков. – Грозный: Чечено-Ингушское книж. изд.-во. 1982. – 572 с.

Большаков 2000 – *Большаков В.П.* Культура как форма человечности. – Великий Новгород: НовГУ, 2000. – 92 с.

Борова 2015 – *Борова А.Р.* Эстетические архетипы адыгской поэзии: генезис и межкультурный обмен. – Нальчик: КБГУ, 2015. – 206 с.

Бровман 1974 – *Бровман Г.А.* Труд. Герой. Литература. – М.: Художественная литература. 1974. – 336 с.

- Гаспаров 1993 – *Гаспаров Б.М.* Литературные лейтмотивы. – М., Наука. 1993. – 304 с.
- Гачев 1989 – *Гачев Г.Д.* Неминуемое. Ускоренное развитие литературы. – М. Художественная литература, 1989. 431 с.
- Гериханов 2023 – *Гериханов С.-Х.* Орлы Кавказа // Электронный ресурс. Режим доступа: www.aif.ru. Дата обращения: 24.09.2023 г.
- Грифцов 1926 – *Грифцов Б.А.* Теория романа. – М.: Работник просвещения, 1926. – 151 с.
- Дзаурова 2023 – *Дзаурова Т.А.-Х.* Ингушский роман // Электронный ресурс. Режим доступа: www.etokavkaz.ru: Дата обращения 20.09.2023 г.
- Корман 1992 – *Корман Б.О.* О целостности литературного произведения // Избранные труды по теории и истории литературы. – Ижевск, 1992. – С. 119-128 с.
- Силард 1986 – *Силард Л.* Орнаментальность / орнаментализм // Russian Literature. – 1986. – Vol. 19. – 65-78 P.
- Мамий 1977 – *Мамий Р.Г.* Вопросы изучения современного адыгейского романа // Проблемы адыгейской литературы и фольклора. – Майкоп, 1977. – 26 с.
- Толгуров 2016 – *Толгуров Т.З., Кушхова Ж.А.* Сергей Довлатов: принципы формирования сюжета // Грамота. – 2016. – № 12 (66): в 4-х ч. – Ч. 1. – 43 с.
- Храпченко 1970 – *Храпченко М.Б.* Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. – М.: Советский писатель, 1970. – 392 с.
- Шмидт 2003 – *Шмидт В.* Нарратология. – М.: Языки славянской культуры. 2003. – 312 с.

REFERENCES

- BAZORKIN I.M. *Iz t'my vekov* [From the Darkness of the Ages]. – Grozny: Checheno-Ingushskoe knizh. izd.-vo. 1982. – 572 p. (In Russ.).
- BOL'SHAKOV V.P. *Kul'tura kak forma chelovechnosti* [Culture as a form of humanity]. – Velikii Novgorod: NovGU, 2000. – 92 p. (In Russ.).
- BOROVA A.R. *Esteticheskie arkhetipy adygskoï poezii: genezis i mezhkul'turnyi obmen* [Aesthetic archetypes of Adyghe poetry: genesis and intercultural exchange]. – Nal'chik: KBGU, 2015. – 206 p. (In Russ.).
- BROVMAN G.A. *Trud. Gerói. Literatura* [Labour. Hero. Literature]. – М.: Khudozhestvennaya literatura. 1974. – 336 p. (In Russ.).
- GASPAROV B.M. *Literaturnye leitmotivy* [Literary leitmotifs]. – М., Nauka. 1993. – 304 p. (In Russ.).
- GACHEV G.D. *Neminuemo. Uskorennoe razvitiye literatury* [Imminent. Accelerated literature development]. – М. Khudozhestvennaya literatura, 1989. 431 p. (In Russ.).
- GERIKHANOV S.-Kh. *Orly Kavkaza* [Eagles of the Caucasus]. In: Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa: www.aif.ru. Data obrashcheniya: 24.09.2023 g. (In Russ.).
- GRIFTSOV B.A. *Teoriya romana* [Novel theory]. – М.: Rabotnik prosveshcheniya, 1926. – 151 p. (In Russ.).
- DZAUROVA T.A.-Kh. *Ingushskii roman* [Ingush novel]. In: Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa: www.etokavkaz.ru: Data obrashcheniya 20.09.2023 g. (In Russ.).
- KORMAN B.O. *O tselostnosti literaturnogo proizvedeniya* [On the integrity of a literary work]. In: Izbrannye trudy po teorii i istorii literatury. – Izhevsk, 1992. – P. 119-128 s. (In Russ.).
- SILARD L. *Ornamental'nost' / ornamentalizm* [Ornamentality/Ornamentality]. In: Russian Literature. – 1986. – Vol. 19. – 65-78 P. (In Russ.).
- MAMIY R.G. *Voprosy izucheniya sovremennogo adygeiskogo romana* [Questions of studying the modern Adyghe novel]. In: Problemy adygeiskoi literatury i fol'klora. – Maikop, 1977. – 26 p. (In Russ.).
- TOLGUROV T.Z., KUSHKOVA Zh.A. *Sergei Dovlatov: printsipy formirovaniya syuzheta* [Sergey Dovlatov: principles of plot formation]. In: Gramota. – 2016. – № 12 (66): v 4-kh ch. – Ch. 1. – 43 p. (In Russ.).

KhRAPChENKO M.B. *Tvorcheskaya individual'nost' pisatelya i razvitie literatury* [Creative personality of the writer and the development of literature]. – М.: Sovetskii pisatel', 1970. – 392 p. (In Russ.).

ShMIDT V. *Narratologiya* [Narratology]. – М.: Yazyki slavyanskoi kul'tury. 2003. – 312 p. (In Russ.).

Информация об авторах

М.Х. Хульчаева – кандидат филологических наук, доцент.

Ж.Ж. Гутаева – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

M.Kh. Khulchaeva – candidate of sciences (Philology), associate professor.

Zh.Zh. Gutaeva – candidate of sciences (Philology), associate professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.11.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 16.11.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья
УДК 821.352.1
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-398-421
EDN: QPQUIK

АБАЗИНСКАЯ ЛЮБОВНАЯ И ПЕЙЗАЖНАЯ ЛИРИКА 1950-Х ГГ.

Пётр Константинович Чекалов

Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почёта» Институт гуманитарных исследований, Черкесск, Россия, chekalov58@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7580-4060>

Аннотация. В статье на материале изучения около 30 художественных текстов демонстрируется возникновение и освоение любовно-пейзажной проблематики в один из ранних периодов становления национальной литературы. Тема имеет определенный филологический интерес в связи с тем, что вскрывает истоки развившегося впоследствии пласта абазинской лирики, представленного именами М. Чикатуева, М. Тлябичевой, К. Мхце.

Основными методами исследования явились описательный, на основе наблюдений регистрирующий характерные признаки стихотворных произведений, и интерпретационный, с помощью которого раскрывается художественное содержание текстов и их смыслы. Анализу подвергаются произведения не только ставших впоследствии популярными поэтами П. Цекова, К. Джегутанова, Б. Тхайцухова, Дж. Лагучева, М. Чикатуева, но и малоизвестных ныне, но принимавших участие в литературном процессе своего времени И. Табулова, М. Физикова, Ш. Физикова, П. Дзугова, Б. Кенжева, А. Тамбиева, З. Маматовой.

В ходе исследования устанавливается, что характерной чертой любовной и пейзажной лирики 1950-х гг. является насыщение их социальными и производственными мотивами, освобождение от которых намечается к концу десятилетия. Лиризация любовной темы происходит в стихотворении Ш. Физикова «Тропинка рассказывает», психологизация лирического субъекта – в «Песне девушки» Б. Тхайцухова, чередование любовных мотивов с пейзажными зарисовками – в «Подпевай и ты» М. Физикова.

В первых пейзажных стихотворениях наблюдается бесстрастная констатация признаков природы, скудость словаря, необоснованные повторы, на смену которым постепенно приходит умение авторов перевоплощать увиденное в поэтические образы, выстраивание их в логической последовательности. И в лучших произведениях К. Джегутанова, М. Чикатуева, Б. Тхайцухова проявляется пластика, гармоничное сочетание формы и содержания, наполнение художественного текста экспрессивными языковыми средствами.

Ключевые слова: любовь, пейзаж, психологизация, созвучие образов, одиночество, метафора красоты, лирическое настроение.

Для цитирования: Чекалов П.К. Абазинская любовная и пейзажная лирика 1950-х гг. // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 398-421. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-398-421. EDN: QPQUIK.

© Чекалов П.К., 2023

Original article

ABAZA LOVE AND LANDSCAPE LYRICS OF THE 1950s**Petr K. Chekalov**

Karachay-Cherkessia Institute for Humanities Research Government of the Karachay-Cherkess Republic, Cherkessk, Russia, chekalov58@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7580-4060>

Abstract. Based on the analysis of approximately 30 literary texts, the paper clearly indicates the genesis and evolution of love-landscape themes during one of the early stages of the construction of national literature. The topic is of philological significance since it exposes the roots of the later developed layer of Abaza lyrics, which is represented by the names M. Chikatuev, M. Tlyabicheva, and K. Mkhtse.

The primary research methodologies were descriptive, noting the distinguishing aspects of poetry works based on observations and interpretative, revealing the artistic content of texts and their meanings. Not only P. Tsekov, K. Dzhegutanov, B. Thaitsukhov, J. Laguchev, M. Chikatuev, who later became popular poets, but also I. Tabulov, M. Fizikov, Sh. Fizikov, P. Dzugov, B. Kenzhev, A. Tambiev, Z. Mamatova, who are little known today but participated in the literary process of their time, are studied.

Throughout the study, it is proven that a distinguishing feature of 1950s love and landscape songs is their saturation with social and industrial causes, from which liberation is intended by the end of the decade. Sh. Fizikova's poetry "The Path Tells" has lyricization of the love topic, B. Thaitsukhov's poem "The Girl's Song" contains psychologization of the lyrical subject, and M. Fizikov's poem "Sing Along and You" contains an alternation of love themes and landscape sketches.

The initial landscape poems have a detached declaration of nature's indications, a lack of vocabulary, and inappropriate repetitions, which are eventually replaced by the authors' ability to adapt what they saw into poetic imagery, developing them in a logical sequence. And plastic is evident in the best works of K. Dzhegutanov, M. Chikatuev, and B. Thaitsukhov, a harmonic synthesis of form and content, filling the artistic text with expressive linguistic means.

Keywords: love, landscape, psychologization, consonance of images, loneliness, metaphor of beauty, lyrical mood.

For citation: Chekalov P.K. Abaza love and landscape lyrics of the 1950s. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 398-421. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-398-421. EDN: QPQUIK.

© Chekalov P.K., 2023

В жанрово-тематической классификации лирики любовная и пейзажная занимают одни из ведущих мест. И такое положение объясняется тем, что темы любви и природы выступают «своеобразным индикатором лирического отношения к миру» [Литературный энциклопедический словарь 1987: 184].

В послевоенной абазинской поэзии любовный мотив впервые проявился в стихотворении Дж. Лагучева «Любимая, давай работать вместе» (8.09.51) [Лагучев 1958: 24]. Подчеркнем: стихотворение нельзя относить к любовной лирике, потому как здесь преобладают сельскохозяйственные мотивы и образы, но здесь впервые после «Гули и Фатимат» (1936) Т. Табулова прозвучало слово «любимая», и все стихотворение построено как обращение к возлюбленной, ко-

торой предлагается объединить общие усилия для того, чтобы изменить родной край к лучшему.

Совершенно отчетливо любовная тема заявлена уже в стихотворении И. Табулова «Встреча вечером» (28.08.54) [Слово горцев 1954: 30-31]:

Гапын хъвлапынхъата
 Бари сари хІанйатІ.
 Йымчыта, йцІолата
 Абзибара гІахІызбжьашватІ.
 Ауижътара абзибара
 ПшахъынхІвта сгвы йтахъынхІвитІ,
 Ауижътара абзибара
 Гапын цІлата сгвы йтакъагІитІ.

(Весенним вечером мы встретились с тобой. Сильная и глубокая любовь возникла между нами. С тех пор любовь смерчем кружится в моем сердце, с тех пор любовь весенним деревом цветет в моем сердце).

Безусловно, эпитеты «сильная и глубокая», сравнение любви со смерчем и цветущим в сердце деревом усиливают лирическое звучание, но после первых двух строф в любовную тему проникает производственная, и далее до конца стихотворения оба мотива движутся параллельно. Возлюбленная – передовик производства, и она на тракторе распахивает поле. Но и сам лирический субъект – герой труда, на его груди весенним солнцем сверкает золотая звезда: «Сыгвыпы йалу ахъапщ йачІва / Гапын марата йыкІкІитІ». И в финале он признается любимой:

Сгвы йбызту абзибара
 МшигІадза рахІа-рахІа йцІолахитІ.
 ЙхъацІа, сара сылашара,
 Ауи адахІвра дуква срызнарцитІ.

(Любовь, что живет в моем сердце, с каждым днем становится глубже. Поверь, моя светлая, она ведет меня к большим достижениям).

То есть любовь прекрасна не только сама по себе, но и тем еще, что вдохновляет на трудовые подвиги. Вот эта социально-производственная подоплека изображения любви выступала характерной чертой любовной лирики 1950-х, свидетельством чему выступает и «Песня молодого табунщика» (23.06.55) [Цеков 1958: 13-14] П. Цекова, хотя здесь на первый план выходит переживание влюбленности. Лирический герой с волнением вспоминает эпизод, когда возлюбленная вместе со своей бригадой поднялась в горы для заготовки сена. И с тех пор образ ее запечатлелся в сердце табунщика, как и исполнявшаяся ею песня, которой эхом вторили горы. И герою становится важно уверить девушку в том, что он постоянно думает о ней:

Ащхъа йукІыз абзибара
 Швабыжта йдудздзапІта, йхъацІа, сыпшдза,
 ЗынзаджвыкІгъи сара сгвы быштымшвтуа.

(Любовь, возникшая в горах, сильна. Поверь, моя красивая: ты никогда не покидаешь моего сердца).

В финале стихотворения выясняется, что свадьба назначена на день Октябрьской революции, и это неслучайное совпадение служит своеобразным гарантом того, что их совместное счастье окажется длительным:

Октябрь праздник амыш тлапа
ЙыхИпIатлапIта, йнабасХIвITI:
Бгвы йтакIы, сыпшдза,
Анасып гIашIыхамта
Ари амш акIвпIта, йхъацIа, сыпшдза,
Ауралагы хIынасып шщардазлуш.

(День нашей свадьбы выпадает на праздник Октября. Сохрани в сердце, моя красивая: так как этот день рождения счастья, поверь, моя красивая, счастье наше будет большим и долгим).

«Если влюбляется девушка в юношу, их влюбляет работа» («Бзи дылбузтын чIкIвынкI апхIвыспа – / Анхара йабанарбитI»), – утверждал Тхайцухов в «Песне колхозников» (30.04.53) [Тхайцухов 1958: 12], а Дж. Лагучев в стихотворении «Моя любовь» подчеркивал в своей любимой не только внешнюю привлекательность, но и трудолюбие: «Всем по нраву ее красота и умение работать» («Ауи лыпшдзара йгы лынхаца / ЙыргвапхитI зымгIва дызлу») [Лагучев 1958: 24], и в финале звучит убеждение, что вдвоем они достигнут еще больших трудовых побед:

Йымкъвауата хIа хIгIвуджь хIацыта
АйгIайра гIагIгпI нхаралагы!

(Скоро мы вместе добьемся успехов в труде).

В описание любви, переплетающейся с производственными мотивами, Тхайцухов сумел ввести теплую, незлобивую иронию:

Ауаса, сыпшдза, тшбмырпагъан
Йнабызсрауырквын снапIы:
АчIкIвынчва бшырбауа йапшта
АхIвсса бзи сырбитI саргы.

(Но, красивая моя, не возгордись, если я протяну тебе руку: как обожают тебя юноши, так и девушки меня любят) [Тхайцухов 1958: 16].

«Любовь адыгской девушки» (25.10.55) К. Джегутанова любопытно тем, что здесь признания исходят уже от девушки, и стихотворение представляет собой ее монолог. Но и тут тема любви переплетается с трудовыми буднями:

Уара уайхатшгы, сара сбзибара,
Пельуанта йалситI хIколхоз рхъа.

Уа йуыржвыуа ашва гвлахIара
ЙгIаснахIвитI ацIабырг, йхIхIваз йахъа.
Акъыж псылаквa йтагылу уыщта
ХIбзибара дута йызчпуш щатапI.

(Твой железный конь, любовь моя, богатырем рассекает колхозное поле. Радостная песня, что ты поешь, подтверждает верность того, о чем мы говорили вчера вечером. Жирные борозды, что ты оставляешь за собой, являются залогом того, что наша любовь станет еще крепче) [Джегутанов 1956: 38-39]...

Заметим, образ борозды, оставляемой тракторным плугом, – чисто производственный элемент, – выступает одновременно и свидетельством верных отношений между трактористом и героиней. Помимо того, героиня уверена, что трудовые подвиги возлюбленного позовут его в Москву (по всей вероятности, подразумевается Выставка достижений народного хозяйства). И она дает слово, что, возделывая вспаханные любимым поля, она также добьется высоких результатов: «Уа, йрызхъацIа ажвата йуыстуа – / Уара уымгIва саргьи йшсымгIву». И после совместной поездки в Москву их ожидает свадьба – свидетельница сладкого будущего: «ХIшгIахъынхIвыхуа йыхIчпуш ахъвмарра, / ШахIатта йазалуаштI йхъагIу хIапхъа».

В 20-строчном стихотворении Дж. Лагучева «Друг» (25.10.55) [Лагучев 1958: 27-28], также созданная от лица девушки, собственно любовной теме посвящены лишь две строчки:

Бзи уызбитI, йхъацIа, са сынбжъагIв,
Йгьи усъртлапIитI схъа ацкIыс.
(Люблю тебя, поверь, мой друг, и тебя я почитаю больше самой себя).

И героиня стихотворения П. Цекова «Твое слово растворилось во мне» (24.12.55) [Цеков 1958: 17-18] уверяет возлюбленного:

Уара усымамкIва сара сгъауамта,
ЙанухIвауа суыщнайуаштI, угвы йтакIы!

(Я без тебя никак не могу. Сохрани в своем сердце: пойду за тебя, когда ты скажешь).

Б. Тхайцухов свое произведение представляет не только от лица девушки, но и первым среди абазинских стихотворцев показывает ее психологическое состояние:

Сгвы шIасдъа закIы йазыпшгIитI,
Йыгъсыздырам йатахъу:
СхъвыцитIта – закIгьи сгъазыбжам,
СпшитIта – пшдзапI адуней сызкву.

(Сердце мое постоянно ищет чего-то, не знаю, что ему надобно. Задумываюсь, – ни в чем не нуждаюсь; оглядываюсь, – прекрасен мир, в котором живу) [Песня жизни 1955: 57].

Здесь впервые апробирована – и довольно удачно! – психологизация лирического субъекта стихотворного произведения.

Песня М. Физикова «Подпевай и ты» (2.11.57) [Лучи 1958: 55-56] интересно тем, что здесь любовные мотивы чередуются с изображением пейзажных зарисовок:

Апхын хІвапсагІва кьагІитІ гьагьата –
Гвахьвата йпшдзапІ адуней.
Стгвжважвауа слызцитІ сара сбзибара,
Стгвы хьтІыта слачважвущтІ.
Сара йхІвапсагІву апсабара сылапІ.
СлыдзхьагылапІ бзи йызбауа.
ХІа хІызтшпынгылу адзы кІаукІауа
ЙагІвситІ, йгІахІайхІвахІвуа...

(Лето на зависть цветет повсюду – мир трогательно красив. Торопливо иду я к любимой своей, хочу откровенно с ней поговорить. Я пребываю на лоне прекрасной природы, стою рядом с той, что люблю. Река, на берегу которой мы находимся, проносится, сверкая, приветствуя нас).

Стихотворение Ш. Физикова «Тропинка рассказывает» (31.05.56) [Ручейки текут к морю 1957: 7] представляет собой иной подход к решению темы любви, хотя и тут действие разворачивается на фоне природы, и тут любовь традиционно переплетается с производственной тематикой:

Сыпшдзи сари нхарала
Ацлыбра акІвхІыршитІ,
ХІара дзыргІвра запытла
ХІанацлыбуагьы гІаншитІ.
Сара сбзибара лкІвохвта
«Ахьапщ йачІва» йаркІкитІ,
Лыртшхьвараква щардапІта,
Слыквнамгузшва йызбитІ.
Ауи слапшхара ахьаз,
Скьару сгьайгьдзум сара.
СтГайыраква йгІалысыз
Са сасгьы шдыркІкІара.

(Мы с моей любимой соревнуемся [в труде], но частенько случается и так, что мы соревнуемся и в молчании. Кофту моей любимой озаряет «Золотая звезда»¹. У нее много наград, поэтому мне кажется, что я не достоин ее. Чтобы сравняться с нею, я не жалею сил. Выращенные мной растения осветят и мою рубашку).

Лиризм стихотворения ощущается уже в названии, настраивающем на интимную тему. И в самом начале мы видим героя, одиноко бредущего по тропе:

¹ Медаль золотая звезда «Серп и молот» в СССР являлась высшей степенью отличия в области хозяйственного и культурного строительства и вручалась при присуждении звания Героя Социалистического Труда.

Сара йсхъазыта, схъвыцуа,
АмгІващ чІкІвынла сцитІ;
АхІвра йачІва йгІалысуа,
Сара гІвзата йсызхъитІ.

(Я один в задумчивости иду по тропинке. Одной проросшей зеленой травы мне достаточно в качестве друга).

Здесь *впервые в абазинской лирике мы встречаемся с образом одиночества*, который впоследствии займет свое место в поэзии К. Мхце, Б. Хасарокова. Оно выражено не только тем, что герой изображается один, оно подчеркивается и образом травы, выступающей в качестве *единственного друга*. Следовательно, других друзей нет. И именно тропинка сообщает герою о том, что его любимая уже вышла на поля: «Архъа дштыцІхъу сбзибара, / АмгІващ чІкІвын йгІанахІвитІ». И она (тропинка) становится как бы соучастницей переживаний героя. И стихотворение обретает свое собственное лирическое настроение, когда на одной и той же волне оказываются и герой, и тропа, и трава на ее обочине. *Такое созвучие образов, лексических средств, движения авторской мысли, грустной интонации в абазинской поэзии встречается впервые*. Лиризм углубляется образом героя, неуверенного, сомневающегося в себе. Именно это его качество лежит в основе того, что они с любимой во время свиданий подолгу молчат. Причина такой сдержанности заключается в том, что героиня имеет одну из высших наград страны, а он – простой труженик. И такое положение вещей его смущает. И, чтобы чувствовать себя уверенным в любовном поединке, он стремится достичь высоких результатов в труде. И здесь снова отметим, что о награде, которой он хочет добиться, говорится не прямо, а иносказательно: «Выращенные мной *растения осветят и мою рубашку*». Подразумевается, что рубашку героя, как и кофту любимой, «осветит» медаль за высокий урожай. То есть, переводя язык поэзии на прозу: герой рассчитывает, что и он будет удостоен звания Героя Социалистического Труда, и его рубашку озарит золотая звезда «Серп и молот».

В заключение отметим, что образ тропинки, введенный в национальную поэзию Ш. Физиковым, затем найдет свое воплощение в поэтическом творчестве М. Тлябичевой и К. Мхце.

Вероятнее всего, «Песня молодого пастуха» (25.10.55) [Ручейки текут к морю 1957: 52] П. Дзугова возникла под непосредственным влиянием «Песни молодого табунщика» (23.06.55) [Цеков 1958: 13-14] П. Цекова, опубликованной несколькими месяцами ранее.

От рассмотренных выше произведений «Песня» Дзугова отличается тем, в первую очередь, что здесь представлена чистая любовная лирика без каких-либо социально-производственных примесей. Но главное не это: здесь открыто, во весь голос зазвучала неподдельная искренность чувства. Ничего надуманного, искусственного, вычитанного, усвоенного из книг. Каждая строчка жива, естественна, корреспондирует мыслям, переживаниям, поведению влюбленного человека. Не возникает никаких сомнений в том, что распеваящий эту песню пастух действительно влюблен. И слова, и ритмика, и интонация стиха точно

передают испытываемые им эмоции. Вся песня от начала и до конца исполнена на душевном подъеме, и в этом тоже нет ничего нарочитого: воодушевленное состояние лирического героя – природно-естественное, побуждаемое его влюбленностью.

«Ах, стадо мое, шагай же бодрей» – в этой строке выражено чувство сожаления о том, что коровы слишком безмятежны, медлительны, не соответствуют ритму биения сердца влюбленного пастуха, которому хочется сделать все быстро, энергично.

Зыбхъвква джьащахъву, зырхъаква тлашу,
ЙуасхIвапI, Кавказ цри, сажва мадза...

(Чьи горы удивительны, чьи поля широки, тебе, Кавказ, я открою тайну свою...)

Подобных слов, подобной доверительности, интимности в абазинской поэзии еще не было. Лирический герой не просто провозглашает о своей любви, он передает свое душевное состояние через художественные детали, знакомые всем, пережившим это волнительное чувство: «Когда вспоминаю о доярке Мадине, мне кажется, что земля уходит из-под ног...» («АжвхъагIв Мадина сгвы дангIанагра, / Адгьыл сызквгылу йцIсуазшва йызбитI»).

Стихотворение привлекает и тем, что оно представляет героиню не как исключительное существо. Автор подчеркивает: «Есть в нашем колхозе <...> много красивых девушек». И здесь читателя снова подкупает непосредственное и доверительное обращение к нему: «сажва хъашвцIа» (поверьте моему слову). И тем не менее любимая для героя – прекрасней всех. Образ героини удачно дополняют и элементы портрета: с одной стороны, традиционные («стан тонок и высок»), а с другой, – индивидуализированные черты («чьи зрачки искрятся»). Вспомним, в песне М. Физикова «Подпевай и ты» (2.11.57) [Лучи 1958: 55-56] девушка излучает сияние: «Ауи йгIалхъыкъьбитI апшдзара нурта, / ДыкIкIитI мара-мзыта» (от нее лучом исходит красота, сияет солнцелуной). И черты Джансурат из одноименного стихотворения Дж. Лагучева (3.03.56) [Лагучев 1958: 25] выглядят чрезвычайно общими и размытыми: «ЙгIанымшаскIва пшдзара лымапI, / ДапшпI ауи акIъанджь сурат» (небывалой красотой она обладает, подобна нарисованной кукле). И у героинь «Песни девушки» (1955) [Тхайцухов 1958: 20] Б. Тхайцухова и «Моей любви» (1955) [Чикатуев 1955: 2] М. Чикатуева коса достает до пяток. Все эти персонажи выписаны в рамках фольклорной эстетики.

Далее в «Песне» Дзугова снова актуализируется внутреннее состояние лирического субъекта: «тебя не хватает моей душе». И эта психологическая деталь также близка и понятна всякому пережившему чувственное влечение. И то обстоятельство, что песня о любимой в одиночестве становится печальной («когда тебя нет рядом, и распеваемая песня грустно звучит среди гор»), – тоже гармонично встраивается в структуру стиха. Порывистость героя, его желание поскорее увидеть любимую, открыто звучит в заключительном обращении к коровам: «шагайте быстрее».

За все 1950-е гг. П. Дзуговым было напечатано только 5 стихотворений. Среди них рассматриваемое шло третьим. У стихотворца не было ни достаточного опыта, ни мастерства, чтобы создать нечто подобное тому, что вышло из-под его пера. Здесь, по всей вероятности, сказалась не общая подготовка, а творческая интуиция, которая верно, не сфальшивив ни разу, вела автора на протяжении всего произведения.

Как и в «Песне молодого пастуха» П. Дзугова, любовное чувство как самостоятельная категория выступила и в «Моей любви» (25.10.55) [Чикатуев 1955: 2] М. Чикатуева. (Оба стихотворения были напечатаны в одном номере газеты вместе с рассмотренными выше произведениями К. Джегутанова «Любовь адыгской девушки» и Дж. Лагучева «Друг»). Оно исполнено нехарактерной для своего времени открытой страсти. Здесь на первый план выходят не производственные показатели любимой, не ее социальная характеристика, не гражданская ее позиция, а чисто женские прелести. В первую очередь, герой выделяет красоту женщины, и она самодостаточна для того, чтобы преклоняться перед ней: «Приятная Твоя внешность – мой светлый луч». Метафора красоты «светлый луч» возносится лирическим субъектом как символическое знамя. И в этой связи характерна еще одна деталь: обычное местоимение, обозначающее любимую, выписывается с большой буквы, напоминая традиции А. Блока. Одним словом, и стихотворение юного Чикатуева выбивалось из складывавшейся традиции любовной лирики.

Позже, в 1959 г., в коллективном сборнике «Пламя гор» этот же автор печатает цикл стихотворений под общим заголовком «Несколько строк о Какане» [Пламя гор 1959: 72-75]. Какана – легендарная героиня абазинского фольклора. Ее имя Чикатуев присваивает и возлюбленной своего лирического субъекта:

Бсаби пыквчІкІвынква ба расхІврын,
БсгвыцІасхІвхІварын, снабпшларын,
Ажва хьгІата йау басхІврын,
УахьчІва бырггьи бгІазгryn!
Йыбсрысын сашваква пшыхь хьгІата,
Мшыта йсчпарын быцІх лаша...

(Я поцеловал бы тебя в детские губки, крепко обнял бы, разглядывал постоянно, наговорил бы самых сладких слов, женился бы [на тебе] прямо сегодня! Обвеял бы тебя сладким ветерком моих песен, превратил бы в день твою светлую ночь...).

Лирический субъект откровенно делится эмоциональными порывами, на которые вдохновляет его девушка. Особенно поэтичны заключительные две строки, а из них – предпоследняя: «Йыбсрысын сашваква пшыхь хьгІата» (обвеял бы тебя сладким ветерком моих песен). Эта метафора и сейчас звучит свежо и лирично, а в те годы становления национальной поэзии она должна была представляться невозможно прекрасной. Но, если мы внимательней приглядимся к откровениям героя, заметим, что все его желания выражены в сослагательном наклонении, так как остаются не воплощенными: героиня абсолютно безучастна и к нему, и к его чувствам: «БгІасымпшуата бчІвапІ» (сидишь, не глядя на меня).

Вероятно, такое равнодушие девушки в ответ на пристальное и пристрастное внимание вызывает экспрессивный монолог героя в следующем стихотворении цикла:

О, КІакІана! Йбдырында спсы апшта
 Бара заджвыкІ бзидздза бшызбауа! <...>
 О, с-КІакІана, – гвырбзигата йсыму,
 Сара сашва, суыса йгы смакьым!
 О, с-КІакІана, – бзибарата йсыму,
 СызгІва хьанта йгы са схІаквым...

(О, Какана! Знала бы ты, что одну тебя люблю, как собственную душу! <...> О, Какана, – радость моя, песня моя, стихи и мелодия! О, Какана, – любовь моя, болезнь моя тяжкая и мое наказание...).

Как видим, чтобы еще ярче выразить свое отношение к покорившей девушке, герой призывает себе на помощь целый каскад эпитетов, междометий, восклицательных знаков («О, Какана!..»), сравнений («одну тебя люблю, как собственную душу!»), метафор («радость моя, песня моя, стихи и мелодия!.. любовь моя, болезнь моя тяжкая и мое наказание»). Таким образом, отличительной чертой любовной лирики М. Чикатуева является прямо и откровенно выражаемая бурная чувственность.

О жанровой принадлежности стихотворения Б. Кенжева «Моя любовь» [Лучи 1958: 63] говорит уже само название. Но, как нам представляется, это небольшое произведение с тем же успехом можно отнести и к философской лирике:

Абзибара гьІаспсум сара жвлата,
 Йгызбум ауи замантыштга уыста –
 СрабадыруаштІ зымгІвагы хвигта,
 ЗаджвзаджвыкІ сгвы дгІатахауата!

(Я не бросаю любовь, как семена в землю, не рассматриваю ее как времяпрепровождение, – свободно знакомлюсь со всеми, чтобы одна единственная осталась в сердце!).

Абазинские стихотворные произведения 1930 – 50-х гг. страдали голой декларативностью, зачастую им не хватало мыслей. И вот на этом фоне почти сплошной безвкусицы, бессодержательного словопрения вдруг возникает четверостишие никому не известного автора, который наполняет эту малую форму грандиозной мыслью, выраженной не только по-своему, но и оригинально! Одного этого достаточно, чтобы зачислить это маленькое произведение в разряд большой поэзии. А если б эти четыре строчки имели бы и соответствующую содержанию формальную огранку, мы имели бы возможность говорить о маленьком шедевре. К сожалению, Б. Кенжев других публикаций не оставил. Во всяком случае, они нам не известны.

Прекрасную лирическую зарисовку представляет собой небольшое стихотворение Б. Тхайцухова «Ее глаза» [Пламя гор 1959: 59]:

АхъазгІваца йгърымхІвузгІ:
«Тшырчвыхча лыла хврышква».
Сара закІгъи гьсмагІузгІ,
ЙызхІвуз – йырзысчпун гврышхІва.
Абар бдзыргІвуа бгІаспшын,
Ствы рхвытІ ба бгІвылакІ рнурква.
Уа, сбыхІвахитІ: сбымблын,
ЙгІасахІв йзырбзихуш схвырта.

(Не зря советовали: «Оберегайся ее карих глаз». Я ничего не слышал, еще и обижался на тех, кто говорил подобное. Но вот ты молча взглянула на меня, и лучи твоих глаз ранили мое сердце. О, прошу тебя: не сжигай, скажи, чем излечить мою рану).

Стихотворение написано четким, без каких-либо изъянов 3-стопным ямбом. Восьмистрочная миниатюра внутри себя распадается на два катрена с перекрестной рифмовкой. Заметим: для времени создания произведения эти два фактора уже являлись достижением! Некое изящество добавляет и богатая рифменная пара «хврышква – гврышхІва», – хотя и не точная, но полнозвучная.

На формальное совершенство органично накладывается краткое, но цельное, подобранное, без длиннот и излишеств содержание. Предполагавшийся в первом четверостишии конфликт реализуется во втором: горячие лучи карих глаз красавицы ранят беспечное сердце лирического субъекта, в результате чего он сдается на милость победительницы, прося у нее пощады.

Немаловажно отметить, что взгляд девушки ничего агрессивного не представляет: он благосклонно спокоен, что говорит о миролюбивом характере обладательницы карих глаз. Она не самовлюбленная хищница, упивающаяся победами над противоположным полом, просто ничего не может поделать с тем, что ее глаза магически воздействуют на молодых людей. В том нет ее вины, она создана такой самой природой.

Стихотворный текст счастливым образом избежал возможной в таком контексте слащавости. Он не кажется ни романтизированным, ни искусственно-возвышенным, ни тем более мелодраматическим. И даже метафорическая гипербола раны сердца от карих глаз не воспринимается как преувеличение. И даже междометие «уа», эквивалент русского «о», не придает тексту неоправданно выпяченного звучания, оно только усиливает бедственное положение лирического героя. Все это сглаживается счастливо найденной интонацией, органично накладывающейся на слиянность формы и содержания. Доверительность звучания придает повествованию не только естественность, но и достоверность разворачивающимся чувственным переживаниям.

Наряду со стихотворением «День моего аула» миниатюра «Ее глаза» можно считать одним из лучших в творчестве Б. Тхайцухова и всей национальной поэзии изучаемого периода.

Первое пейзажное стихотворение в абазинской послевоенной поэзии появилось в газете «Красная Черкесия» 21 мая 1949 г. Принадлежало оно М. Физикову, называлось «Майский вечер» и с видимой перечислительной интонацией отражало разрозненные картины наступившей весны:

Амыз лашарата йгIацIцIтI,
 АйачIваква хIагIата йкIкIитI,
 Ахындырлазква гIашIыхахтI,
 Адаква цIыруа йалагатI...

(Светлая луна взошла, звезды горят высоко, майские жуки проснулись снова, лягушки начали квакать...).

Но в эту бесстрастную регистрацию весенних признаков проникает поэтическое начало, когда приближающееся пение молодых людей соотносится с шумом вливающихся в море рек:

АдзыгIвква быжь ду рхьыцIуа
 Атенгыз йшазыгIайззауа апшта,
 ЧIкIвыныргIа уарад рхIвауа
 Аурамква рпны йгIайззитI.

(Как реки с большим шумом стекаются к морю, так и юноши, распевая песни, собираются на улицах).

Здесь уже ощущается творческое воспроизведение реалий действительности. А завершается стихотворение мыслью о том, что весна позитивно сказывается на каждом человеке, омолаживая и восстанавливая его здоровье, даруя ощущение радости:

Араъа уара удатшахапI –
 УызгIватаразтын, уызгIвадахапI,
 Улыгажвузтын, учIкIвынхапI,
 Гвыргъара дула уыбзазапI.

(И тут ты станешь другим – выздоровеешь, если был больным, помолодеешь, если состарился, радостью большой наполнится твоя жизнь).

В стихотворении «Летом у нас» (2.07.49) [Голос молодых 1953: 190-191] З. Маматова пытается проследить изменения родной природы в течение дня. Лирическая героиня на утренней заре с удовольствием вдыхает чистый утренний воздух. И тут же отмечается, что легкий горный ветерок доносит сладостные запахи цветущих растений, наполняя сердце хмелем:

АгIайыра пшдзаква йхъагIу фгIвы
 Ащхъала йгIатыцIуата
 МачIта йгIасуа апша
 ЙгIаушIанарыситI йаркъахвуата угвы.

Далее девушка переводит взгляд на горные вершины, выделяя из них самый высокий двуглавый Эльбрус, поблескивающий под лучами невидимого еще солнца:

Ащхъала, ахва дуква рахъкъъала,
ГвхъакI ауи йахъазшва,
Кавказ ахвакв рацкъыс йхIагIата
ЙгIаубитI Эльбрус кIазкIазуа.

От внимания героини не ускользает и оглушающий шум горной реки, и поднявшееся на большую гору солнце, освещающее всю окрестность:

Уардагвута агIатшкIарыщIыртала
ЙзагIитI хIдзыгIв абыжькIва. <...>
Щымта амара анIатшкIарыщIуа,
Псейспата ахва ду йгIакIвгIлитI,
Араъа апны ашыпIакIва кIкIауа
Ауи анурквала йхъгIвахитI.

Заметим, как поэтесса в трех строфах последовательно использует принцип синестезии. Сначала она создает образ, воспринимаемый через обоняние (запахи летних трав), затем привлекает зрительный аспект (двуглавый Эльбрус на фоне других горных вершин), потом подключаются органы слуха (доносящийся от реки оглушительный шум), после чего снова приводится визуальный ряд, фиксирующий поднявшееся на гору солнце. Скорее всего, прием синестезии сказан здесь неосознанно, и тем не менее примечательно, что он проявился вообще.

Далее автор одним штрихом указывает на распевующих песни и бодро выполняющих полевые работы крестьян, завершая стихотворение изображением того, как они весело шагают домой после рабочего дня. Таким образом, поэтесса представила подробную картину наступления летнего утра в горах, вписав в этот контекст и трудовые будни, окрашенные весельем и оптимизмом.

Если З. Маматова основным объектом описания выбрала момент восхода солнца, то А. Тамбиев, как указывает и название стихотворения «Ночная прогулка» (27.05.50) [Тамбиев 1950: 2], обращается к темному времени суток:

СымгIвайсуан сара уахъынлата,
АйачIвакIва зымгIва сырпшуа,
Ствы швабыжта йалахIауа,
ЙачIваджьыргIа шымгIвайсуа сырпшуа.

(Я шагал ночью, наблюдая за звездами. Сердце мое воодушевлялось, и я следил за тем, как перемещались Стожары).

Первая строфа свидетельствует о тематической принадлежности стихотворения к пейзажной лирике. И вторая строфа подтверждает то же самое:

Сагъъмала санпшра, йызбитI
Атенгъыз ацкъыс ййачIвата
Апшыхъ пшкала йышвшвуа
АтшыгIвра бажв тшгIащтIнахитI.

(Направо от себя я вижу зеленее самого моря волнуемый нежным ветерком поднимающийся богатый урожай).

Лирический герой перемещает свой взор с ночного неба на зеленые колхозные поля. Отметим не распространенный в то время эпитет «нежный» («пшкала») и соотнесение пшеничного поля с морем не по величине, что было характерно для той поры, а по окраске. Но далее, после упоминания о вырастающих зеленях, в стихотворение прорывается и занимает главенствующее положение производственная тема:

...АтшыгІвра бажв тшгІащтІнахитІ.
ЙгІарыквырхитІ ауат [архъаква] атшыгІвраква,
НцІрала йрымбушыз атшыгІвраква.
Йауа ауат йызгІаквыргауа ухІварыквын,
Сталин йажвала йынхитІта акІвпІ.
ЙадынхалитІ ужвы йацлыбуа
ТшыгІвра бажв гІаквызгауа-хІва.
РыцІа бажвта йгІаквызгауа
ЙрытхитІ ртшхъвра зму «йачІва».

(...Поднимается богатый урожай. Они снимают невиданный за всю жизнь урожай. Если спросишь, почему они снимают, потому что работают, следуя указаниям Сталина. Они работают, соревнуясь, снимая богатый урожай. Тем, кто снимает наиболее богатый, вручается заслуженная «звезда»).

В фрагменте из 9 строк четырежды повторяется слово «тшыгІвра» (урожай), трижды – «бажв» (богатый), трижды – «йгІаквыргауа» (снимают), дважды – «йынхитІ» (работают). Таким образом, фрагмент красноречив в отношении скудости словаря, необоснованности повторов одних и тех же лексем. Отметим нарушения и логического характера: во второй строфе речь идет о подрастающей зеленой пшенице, а в третьей – уже об уборке урожая. Автор как будто забывал, что строчкой выше он говорил о незрелых еще зерновых.

Далее стихотворение как будто возвращается к теме природы:

ЙызбитІ сара сармала санпшра,
АшшахІва Йынджыгы Ду шымгІвайсуа.

(Посмотрев налево, я вижу, как с шумом катится Большой Зеленчук).

Но и тут пейзажный план сменяется производственным: автор отмечает, что река служит людям, крутя мельничные жернова и даря им свет электричества:

Ауи аугІаква йрызначпитІ
Ажвала йузымхІвушта бзира,
Адзылу дуква арыхъынхІвитІ,
ЙырнатитІ амза лашараква.

Таким образом, стихотворение с пейзажной заявкой обретает параллельно и социально-производственное звучание.

И К. Джегутанов в стихотворении «Весенняя пора» (30.03.54) [Слово горцев 1954: 5-6], отмечая, что стаявшие снега сбежали в Кубань, добавляет: «чтобы усилить работу турбин ГЭСа [гидроэлектростанции]» («Ас дзыгІвква йа-лаххтІ Къвбина, / ЙдырмчхьитІ а-ГЭС атурбина»).

И лирический зачин шестой строфы также получает производственное, идейно-политическое развитие:

АпсгІачІвква йщтІырхитІ рашва,
 Анхачва йдрыцкьитІ архъа;
 Йдырхъйаныс йахІваз ЦКа¹,
 Архъа йыквылтІ айха тшква.

(Птицы начинают свои песнопения, работники чистят поля; чтобы выполнить постановление ЦК, в поле выходят железные кони).

Судя по названию, и стихотворение «Если ты любишь природу» [Джегутанов 1956: 27-29] К. Джегутанова имеет непосредственное отношение к пейзажной лирике. И действительно в самом начале автор приглашает любителей природы подняться на гору и с высоты оглядеть окрестность. И что же замечает герой? Богатый урожай на полях, тучные стада, дымящие заводские трубы там, где раньше обитал лишь горный тур; поднимающийся на гору «железный конь», на которую ранее шесть быков не в силах были поднять арбу; раздающийся в ущельях голос Москвы... А пейзажа как такового и нет, он вытеснен другими мотивами.

Рассмотренные произведения Джегутанова, как и «Ночная прогулка» А. Тамбиева, насыщены социальной и производственной тематикой. Вспомним, что сходная ситуация складывалась и в любовной лирике. Примечательно и то, что Джегутанов, воспевая прекрасную игру гармонистки Зуры, собирающей и развлекающей молодежь ежевечерне, считает необходимым снабдить читателя информацией и об отношении ее к труду:

Архъа апынгъи, зымчла йджъгару,
 Зуысла йапхъагылу дынхагІвыпІ.

(И в поле она сильна, расторопна, является передовым работником) [Джегутанов 1956: 38].

Но присутствует в поэзии Джегутанова и чистая пейзажная лирика. В стихотворении «Утро в горах» (11.11.55) [Джегутанов 1956: 29-30] сделана попытка поэтического воссоздания наступления утра. И здесь на первый план выступают ночные росы, серебром окропившие листья и травы («Ауахъ чвца йгІанагыз апстІагыи / Рызнашва йрыквпІ хІврагыи, быгъгыи»), источающая ароматы сосна («Ауахъ апны йфгІвырчитІ амзагІв»), будто вправленные в большие рамы кажущиеся стеклянными озера («Агвалква, йырташва йквпшраду рама, / ЧІвыцашва йнаубитІ»), сидящий у обрыва старый орел, выпячивающий грудь перед полетом («ЙпсгІарныс йгІатнаркІыкІуа агвтшпы / ЙчІвапІ ауарбажв апххъа

¹ ЦК: Центральный комитет коммунистической партии.

апны»), горные туры, словно лунатики, стоящие на высокой скале («Ачварныкъва йапшта абнаджъма / ЙашагылапI абыхъв хIагIа»), сбегаящие вниз пенящиеся, бьющиеся о камни ручьи («ЙIагIабгъалитI адзыгIвква гIвазырчуа, / АхIахъвква йрысуа, йшвахъырчуа»), появляющиеся солнечные лучи, окрашивающие всю округу в золотистые тона («Ауи ашIыпIа амара нурква / Йхъапщ къпшыру ршвыга йхънакъбитI)...

Таким образом, представлена панорамная картина горного утра с узнаваемыми образами, живыми художественными деталями. Удачно подобрана и редкая для тех времен форма 6-строчной строфы, где первые четыре строки скрепляются перекрестной рифмовкой, а заключительные две – парной. Стихотворение можно признать удачным, заметным явлением в возрождающейся национальной литературе. Впечатление оказалось бы еще сильнее, если бы ритм был лишен перебоев, а рифма приобрела бы постоянный и более выразительный характер.

Прекрасная лирическая зарисовка представлена в другом стихотворении того же автора «Где зима?..» (5.04.58) [Цветение весны 1959: 10-11]:

Йабоу къарандаш заджвыкIла
 Сураг зыгIвуаз агъны?
 Йратын ауи цхадзыта
 Апрель ашIа йакIныпI.

(Где зима, что писала рисунки одним карандашом? Она растаяла медовой водой, что осталась на губах апреля).

К сожалению, подстрочный перевод не передает всей прелести строфы. Обратим внимание на олицетворение, заключенное в первых двух строках: зима в качестве художника разрисовывает всю землю «одним карандашом». Последний образ подразумевает единственную зимнюю белоснежную краску. И прозрачная недоговоренность его обогащает, углубляет, поэтизирует текст. Умолчание присутствует и в финальных строках. Что растаяло медовой водой? Снег. Поэт не произносит это слово, но оно самовосстанавливается из контекста стиха. И в то же время в этой же строке, где снег тает медовой водой (талая вода становится такой же сладкой, как медовая), кроется бессознательное сравнение, а в заключительном образе губ апреля вырисовывается лирическая метафора: апрель выпил талую воду, и ее медовый привкус сохранился на его устах. Строфа оказывается насыщена тропами, обретает живые поэтические черты, а благодаря недосказанности – становится еще и таинственной.

Яркий природный образ выступает в стихотворении Б. Тхайцухова «Серебряная шапка» [Тхайцухов 1958: 23], где вытекающие из подножья Эльбруса реки, словно корни деревьев, привязывают гору к земле:

АдзыгIв мычква йIацIцIуа,
 АцIла атлахцква йрапшта,
 УрышвихъымгIва хъашла
 КIыдырхIвалитI адгъыл.

Эпитеты (*мощные реки, седой Эльбрус*), сравнение (*реки, как корни*), метафора (*реки, привязывающие гору к земле*) создают истинно поэтический образ.

Интересный пейзажный этюд схвачен и зафиксирован в «Осенней картине» (1.10.59) [Пламя гор 1959: 58] того же автора:

Апхын апстхІва жвпІара йыладзтІ.
 АхІвраквa йкІазкІазуа рыладзква гІахъххылтІ. –
 Адз гІахІвытІ.
 Абна напІ мадзакІ ахъыкІвшитІ
 Абыгъква ашвыга зигІвала йашвуа,
 ЙкІанарпІлауа.
 Архъаква йыршву ачгІвыча – атшыгІвра –
 АнхагІвы йыршвимхкІва дгытынчуам. –
 Дзын мышхатІ.

(Лето исчезло в густом тумане. У трав, сверкая, выступили слезы. – Выпал иней. Лес обходит таинственная рука, разрисовывая листья в разноцветные краски. Работник не успокаивается, покуда не снимет с полей их одежду – урожаем. Стал осенним день).

Данному лирическому наброску в поэтичности отказать невозможно.

Стихотворение состоит из трех трехстиший. Размер – разноstopный хорей: первая строка – 4-stopный, вторая – 6-stopный, третья – 2-stopный. Но из-за обильных пиррихий текст звучит почти как прозаический. Такому восприятию способствует и то ощущение, что на первый взгляд он лишен и рифменного оперения. Но по сути своей, по содержанию своему это – проникновенная лирика. Вся природа одушевлена. Лето не просто уходит вследствие окончания своего срока, оно поглощается густым осенним туманом. У растроганных происходящим у них на глазах травах выступают сверкающие слезы сожаления. Затем образ невидимой руки раскрашивает листья в разные цвета и производит их опадение. И беспокойный крестьянин-труженик гармонично вписывается в эту картину: он не может сидеть сложа руки, покуда не снимет с полей урожай – их одеяние. Ненавязчивая, как бы самопроизвольно возникающая метафора. И заключительная строка как короткий вердикт свершившемуся факту: осень бесповоротно вступает в свои права.

Концевая рифма стихотворения довольно бедная: рифмуются между собой вторая и третья строки: «гІахъххылтІ – гІахІвытІ»; пятая и шестая: «йашвуа – йкІанарпІлауа»; седьмая и девятая: «атшыгІвра – мышхатІ». Таким образом, холостыми остаются первая, четвертая и восьмая. Но в то же время здесь обнаруживается внутренняя переключка конца первой строки «йыладзтІ» с серединой второй – «рыладзква». Помимо того, проявляется аллитерационное созвучие начала третьей строки «адз» и середины четвертой – «мадзакІ».

Отметим и такую деталь: смысл короткой третьей строки «адз гІахІвытІ» переводится как «иней выпал», а буквальное ее прочтение означает – «иней станцевал». В этом фразеологизме выразилось народное образное мышление.

Цеков в стихотворении «Осень наступает» (23.06.55) [Песня жизни 1955: 50] выводит живые пейзажные картины: надолго задерживающиеся в долинах

утренние туманы; подгоняющая свои волны, бегущая торопливо, перебирающая выросшие на берегу густые травы речка; мирно пасущиеся на теневой стороне гор стада... Здесь же впервые в национальной поэзии выводится образ улетающих журавлей, который позднее найдет свое воплощение и развитие в поэзии К. Мхце. Особой лиричностью полна последняя строфа:

Ащымта пстІа гІазкІакІвкІвахыз
Абыгъкъва йгІваждза йнаубитІ.
Йбажвдзас агвадзква ьарыхыз
Атракторква йыгІвысуа йчвагъвитІ.

(Видны желтые листья, стряхнувшие утреннюю росу. А там, где скошены были богатые хлеба, спуют трактора, распахивая зябь).

Такие привычные мелочи, как желтая трава, упавшие капли росы, представляли перед абазинским читателем крупным планом, обретая эстетическую возвышенность, поэтическую значимость. Поэт позволял увидеть прекрасное в обыденном. И в этом ряду даже отнюдь не поэтический трактор обретал вдруг лирическое обаяние.

Другое стихотворение того же автора «Весна в Казме» (31.05.56) [ручейки текут к морю 1957: 12] открывается сценой наступающего утра:

ЙгІакІкІатІ ашахв хьапщ нурла,
АгІатшкІарыцІырта къапщхатІ.
Зыкьпхьадзарала йапшым бжьыла
Къазма архъа гІашЫхатІ.

(Засверкала заря золотым лучом, и покраснел восток. Сопровождаемая тысячами различных звуков, проснулось поле Казмы).

И далее, развивая последний мотив, автор показывает, как, рассекая колхозное поле, бодрый трактор пашет землю:

Архъа гьвгъвара амнахІвауа,
Атрактор хахва ду чвагъвитІ.

И потом от трактора автор переходит к тому, кто им управляет:

Атракторист шІа йбжьы щтІихуа,
ЙгвхахІву ашваква гІайхІвитІ.

(Молодой тракторист, усиливая свой голос, радостную песню поет).

И затем уже намечается естественный переход от песни к ее содержанию:

ЙазихІвитІ ашва адгъыл байа,
АтшыгІвра йбажвхуш йазихІвитІ.
Лыхъыз пщдзата йацыхІвауа,
Ауи йбзибара далайцІитІ.

(Поет он песню о щедрой земле и будущем богатом урожае. Красиво вплетая имя девушки, он поет и о любимой).

И снова, развивая намеченный мотив песни, в стихотворении возникает образ жаворонка:

Ачвагъвара цIисгьи йылачвызшва,
Йгвжважвауа ахIауала йпсгIитI;
АчIкIвын йашва йацлыбуазшва,
Йаргьи ашва аржвыуитI.

(И жаворонок, будто проспал, торопливо летит по воздуху. Словно соревнуясь с юношей, он выпекает свою песню).

И завершается стихотворение сообщением о том, что природа окончательно просыпается и одевается в весеннее убранство:

Апсабара бжьи шардала,
Мара нурла йгIашIыхатI.
Архъа гъвгъвара, Къазма архъа
ГIапны мшыла тшагIвычатI.

(От многочисленных звуков и солнечных лучей природа проснулась. И ровное поле, поле Казмы оделось в весенний день).

Анализ стихотворения убеждает, что «Весна в Казме» действительно пейзажное стихотворение, и включенные в него сельскохозяйственные и любовные мотивы не разрушают, а обогащают жанр, потому что вплетены в текст естественным образом, как часть природы, как состояние и ощущение лирического героя.

Стихотворение нельзя считать совершенным, так как в нем обнаруживаются ритмические перебои, почти полное отсутствие рифм, но в нем нет излишеств: все содержание укладывается в пять строф. И главная заслуга заключается в умелом выстраивании логической цепочки: взаимосвязь и взаимообусловленность всех образов и мотивов здесь безупречна. И в этом плане «Весну в Казме» можно отнести к одним из первых удачных произведений абазинской лирики.

Отметим, что образ бодро вспахивающего поле трактора, выведенного Цековым в стихотворениях «Осень наступает» и «Весна в Казме», затем проявится в стихотворении М. Тлябичевой «Весна» (27.05.58): «Аколхоз рхъа байа / Атрактор йамнадитI» (колхозное поле богатое объезжает трактор).

Появившийся в коллективном сборнике «Пламя гор» (1959) цикл из двух стихотворений П. Цекова «Весенние стихи» [Пламя гор 1959: 5] поэтизируют обозначившиеся признаки весны. Написанное преимущественно 3-ударным тактовиком (отдельные строки имеют по 4 ударения) с перекрестной рифмовкой стихотворение удивительно ясно представляет проявившиеся разрозненные, казалось бы, весенние сценки, но все они сливаются в единую гармоничную картину. Важны не дождь, дерево, коза, кролики, гусыня с гусятами сами по себе, а то, как они поданы.

Весенний дождь начинается медленно и столь же медленно стихает, а эпитеты «теплый, приятный» делают его еще привлекательнее для читателя. Точные, узнаваемые художественные детали сопровождают каждый образ. Дерево не просто приготовилось распустить свои набухшие почки, оно покрылось рябинками, словно переболело оспой. И перед нами естественным образом рождается и сливается в одном образе сравнение и олицетворение. Одинокaя коза в хлеву вскрикивает так неожиданно, будто кто-то ее ударил. И поведение кроликов, непрестанно и торопливо жующих, тоже очень знакомая для сельского жителя картинка, как и осторожная гусыня, оберегающая своих гусят от возможных посягательств празднично шатающихся вблизи людей. Будничные, ежедневно наблюдаемые картины под пером стихотворца превращаются в живые художественные образы, обретают ярко выраженную поэтическую окраску. Все это было ново для обретающей свой голос национальной поэзии. Думается, не ошибемся, если скажем, что данное стихотворение является лучшим из творчества П. Цекова 1930–50-х гг.

Наблюдательность М. Чикатуева, его умение перевоплощать увиденное в поэтические образы, выстраивать их в логической последовательности обнаруживается в стихотворении «Поздняя осень» (18.02.58) [Цветение весны 1959: 97-98].

Что в нем примечательного? Название сезона в тексте не упоминается ни разу, и в том нет нужды, так как оно указано в заголовке. Помимо того, в первых двух строках осень соотносится с предметами или явлениями, так или иначе связанными с этим временем года. И получается так, что почти каждая строка представляет собой троп:

ЙгIаталтI ауи *цIлата йчвасысуа,*
 ЙгIаталтI ауи *мишита йгъырдуа,*
 ЙгIаталтI ауи *цIлиста йкIъазызуа,*
 Ахъыбква гIварала йарчвуа.
 ЙгIаталтI ауи *пша бгIадзадзата,*
 Атдзакква рпны згIвата йгъызуа,
 ЙгIаталтI ауи *мгIвайсыгIв хъарата,*
 Йымгвжважвауа, йтыцIхныс зымуа...

(Наступила она *засыпающим деревом*, наступила она *морозящим днем*, наступила она *дрожащей птишкой*, наполняя камышовые крыши гнездами. Наступила она *влажным ветром*, *стонушим на крышах домов болезнью*, наступила она *дальним странником*, не торопящимся, не желающим уходить...)

Таким образом, осень перед нами предстает в образах засыпающего дерева, морозящего дня, дрожащей птички, птичьих гнезд в камышовых крышах, стонущего на крышах домов влажного ветра, дальнего странника... И в них ничего надуманного, искусственного, все они гармонируют между собой и представляют один из ракурсов осеннего пейзажа. Можно сказать, что все стихотворение выстроено на одном творческом приеме сравнения.

Великолепную пейзажную картину, пронизанную лиризмом, представил Чикатуев в стихотворении «Доброе утро, родной аул» [Чикатуев 1958: 6-7].

Здесь нет ни одного лишнего кадра, слов, мазка. Все удивительно емко, лаконично. Наблюдения подобраны на редкость удачно. Несмотря на полноту, объемность и многоаспектность избранных сцен, все они тесно взаимодействуют друг с другом, плавно перетекает друг в друга, дополняют и обогащают общую картину. Но главное достоинство стихотворения – полное согласие между собой формы и содержания! Кажется, до этого стихотворения ничего столь гармоничного и совершенного в абазинской поэзии не было. И удивительно то обстоятельство, что произведение подобного эстетического уровня было создано юношей 18 лет, студентом первого курса Литературного института.

Стихотворение открывается небесным пейзажем с медленно уменьшающейся, угасающей Утренней звездой. Уже первая строка представляет собой завершенную картину. Далее – на смену высокому небесному своду следует бытовая сцена, связанная с утренней перебудкой петухов. А потом взгляд снова устремляется ввысь, выхватывая из общей панорамы побледневший к утру месяц. Выделим точность эпитета: «чвышхан» (побледневший). Но поэту мало одного определения, и он подбирает в высшей степени поэтическое сравнение бледного месяца с льдинкой. И тут же вслед за тем, рожденная предыдущим образом льда, возникает глагольная метафора «тает». И сцена обретает поэтическую полноту: бледный месяц, подобный кусочку льда, тает на небосводе! Прекрасно, без единого изъяна выполненная строфа!

Если во вступлении поэт вывел образы, которые можно было узреть взглядом (звезда, месяц) или уловить слухом (петушиное пенье), то вторая открывается образом, воспринимаемым кожным покровом (прием синестезии). Речь идет о свежем утреннем горном ветерке («хъвыжь»). Но как он подается? Через одушевляемые, представляющие очередную поэтическую удачу образ только что очнувшихся от сладкого сна деревьев, которые своими ветвями пытаются уловить ускользающие потоки воздуха. Тоже самостоятельная законченная картина! И далее – ряд знакомых, обыденных, но живых сцен: высыпавшиеся из курятника птицы, вышедшее на луг стадо, дымящие дымоходы, и снова – очень лиричный образ заспанных скал, чей сон был прерван живыми звуками просыпающейся природы. Немаловажная деталь – метафора «живые звуки» в русской поэтической речи изрядно поизносилась, а для абазинского языка, даже современного, «*псы зхъу адауышква*» звучит очень свежо и поэтично! А что говорить о 1956-м г.! Тогда оно воспринималось еще более неожиданным!

Далее: чтобы подвести предварительную черту, представить в целом проснувшийся, взбудораженный мир, поэт подбирает всего три емких и выразительных слова: «ЙныкъвитI, зымгIва алагIваласит!» (зашевелилось, задвигалось все). И тут же в эту общую картину вкрапляется живой штрих: образ выдвинувшихся на поля крестьян. И вслед за тем снова зорко подмеченная деталь: подсолнухи уже повернулись в сторону не вошедшего еще светила, но в его ожидании все вещи и предметы уже меняют тона. Все это выполнено также экономно, можно сказать даже – скупно, но при этом каждый образ предстает живым, уместным, полным.

И вот кульминация – последняя строфа. Перед взором лирического героя, вероятно, стоящего на возвышенности, предстает залитый лучами вошедшего

солнца, искрящийся родной аул! И поэт искренним, соотносящимся и гармонирующим со всем предшествующим текстом возгласом приветствует родину, сближая его с образом теплого и светлого луча:

Нурта йпху, йцкьу, йлашару –
Уьщымта бзита, сцри Кыт!

(Теплый и светлый, как луч, доброе утро, родной мой Аул!)

Данное стихотворение Чикатуева представляется лучшим из того, что было создано абазинскими стихотворцами в 1950-е гг.

Итак, первые любовные мотивы в абазинской лирике зазвучали в самом начале 1950-х гг.: «Любимая, давай работать вместе» (8.09.51) Дж. Лагучева, «Песня колхозников (30.04.53) Б. Тхайцухова, «Встреча вечером» (28.08.54) И. Табулова. В 1955 г. возникло сразу 7 стихотворений любовной тематики, а до конца десятилетия – еще более полутора десятка. В одном только цикле М. Чикатуева «Несколько строк о Какане» (1959) было включено 7 стихотворений о любви!

Характерной чертой этой тематической группы является их насыщенность производственными мотивами. Постепенное избавление от них намечается в самом конце десятилетия. Так как основной костяк стихотворцев 1950-х гг. составляли мужчины, то и первые любовные стихотворения от лица девушек были написаны ими: «Любовь адыгской девушки» К. Джегутанова, «Друг» Дж. Лагучева, «Твое слово растворилось во мне» П. Цекова, «Песня девушки» Б. Тхайцухова.

Элементы психологизации лирического субъекта обнаруживаются в стихотворении Б. Тхайцухова «Песня девушки», переплетение чувственных мотивов с пейзажными зарисовками – в песне «Подпевай и ты» М. Физикова, лиризация повествования – в «Тропинка рассказывает» Ш. Физикова. В последнем произведении впервые в абазинской поэзии любовь сопрягается с одиночеством. Ярким выраженным признаком любовной лирики М. Чикатуева выступает бурная чувственность.

Лучшими произведениями любовной лирики рассмотренного периода можно признать «Песню молодого пастуха» (1955) П. Дзугова, «Мою любовь» (1958) Б. Кенжева, «Ее глаза» (1959) Б. Тхайцухова.

Пейзажная лирика довольно динамично развивалась на протяжении всего периода возрождения абазинской литературы, и в ее разработке приняли участие различные стихотворцы: М. Физиков, З. Маматова, А. Тамбиев, К. Джегутанов, Б. Тхайцухов, М. Чикатуев, П. Цеков и др. За пределами исследовательского внимания осталось множество произведений, как рассмотренных, так и не вошедших в данный обзор авторов: М. Агачева, К. Братова, М. Тукова, К. Татаршао, К. Шхаевой, М. Тлябичевой, М. Цекова, У. Цекова...

В первые годы пейзажная лирика грешила необоснованными повторами, логическими нестыковками, механической регистрацией происходящих в природе изменений (М. Физиков, А. Тамбиев). Нередко она наполнялась производствен-

ными, социальными, политическими мотивами с ощущением искусственности этих включений (А. Тамбиев, К. Джегутанов). Но, когда они становились уместными, органично вписывающимися в текст стиха, то углубляли и обогащали произведение (Цеков П. «Весна в Казме»). Со временем пейзажная лирика обрела чистоту звучания, в ее создании были задействованы прием синестезии, различные выразительные средства, и в лучших произведениях достигла высокого эстетического уровня (К. Джегутанов, Б. Тхайцухов, М. Чикатуев, П. Цеков).

Таким образом, абазинская любовная и пейзажная лирика послевоенного периода сделала свои первые, но не безуспешные шаги.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Голос молодых 1953 – *Голос молодых* / Составитель Х. Жиров. – Черкесск: Черкесское книжное издательство, 1953. – 207 с.

Джегутанов 1956 – *Джегутанов К. Тебя пою, отчизна.* – Черкесск: Черкесское книжное издательство, 1956. – 76 с.

Лагучев 1958 – *Лагучев Дж. На берегу Кубани.* – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1958. – 54 с.

Литературный энциклопедический словарь 1987 – *Литературный энциклопедический словарь* / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.

Лучи 1958 – *Лучи* / Составитель З. Хачуков. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1958. – 84 с.

Песня жизни 1955 – *Песня жизни* / Составитель К. Джегутанов. – Черкесск: Черкесское книжное издательство, 1955. – 104 с.

Пламя гор 1959 – *Пламя гор* / Составитель Б. Тхайцухов. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1959. – 104 с.

Ручейки текут к морю 1957 – *Ручейки текут к морю* / Составитель Х. Жиров. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1957. – 72 с.

Слово горцев 1954 – *Слово горцев* / Составитель З. Хачуков. – Черкесск: Черкесское книжное издательство, 1954. – 75 с.

Тамбиев 1950 – *Тамбиев А. Ночная прогулка* // Красная Черкесия. – 1950. – 27 мая.

Тхайцухов 1958 – *Тхайцухов Б. Искра любви.* – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1958. – 52 с.

Цветение весны 1959 – *Цветение весны.* – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1959 – 119 с.

Цеков 1958 – *Цеков П. Подвиг комсомольца.* – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1958. – 37 с.

Чикатуев 1955 – *Чикатуев М. Моя любовь* // Социалистическа Черкесия. – 1955. – 25 октября.

Чикатуев 1958 – *Чикатуев М. Беру апхиарцу.* – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1958. – 45 с.

REFERENCES

Golos molodykh [The Voice of the Young] / Compiled by H. Zhiron. – Cherkessk: Circassian Book Publishing House, 1953. – 207 s. (In Russ.).

DZHEGUTANOV K. *Tebya poyu, otchizna* [I sing you, fatherland]. – Cherkessk: Circassian Book Publishing House, 1956. – 76 s. (In Russ.).

LAGUCHEV J. *Na beregu Kubani* [On the shore of the Kuban]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1958. – 54 s. (In Russ.).

Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar' 1987 – [Literary encyclopedic dictionary] / General. ed. V.M. Kozhevnikov, P.A. Nikolaev. – M.: Soviet Encyclopedia, 1987. – 752 s. (In Russ.).

Luchi [Rays] / Compiled by Z. Khachukov. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1958. – 84 s. (In Russ.).

Pesnya zhizni [Song of Life] / Compiled by K. Dzhegutanov. – Cherkessk: Circassian Book Publishing House, 1955. – 104 s. (In Russ.).

Plamya gor [The Flame of the Mountains] / Compiled by B. Taitukhov. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1959. – 104 s. (In Russ.).

Rucheyki tekut k moryu [Streams flow to the sea] / Compiled by H. Zhironov. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1957. – 72 s. (In Russ.).

Slovo gortsev [The Word of the Highlanders] / Compiled by Z. Khachukov. – Cherkessk: Circassian Book Publishing House, 1954. – 75 s. (In Russ.).

TAMBIEV A. *Nochnaya progulka* [Night walk] // Krasnaya Cherkessia. – 1950. – May 27. (In Russ.).

THAYTSUKHOV B. *Iskra lyubvi* [The Spark of love]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1958. – 52 s. (In Russ.).

Tsveteniye vesny [The flowering of spring]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1959. – 119 s. (In Russ.).

TSEKOV P. *Podvig komsomol'tsa* [The feat of a Komsomol member]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1958. – 37 s. (In Russ.).

ЧИКАТUEV M. *Moya lyubov'* [My love]. In: Socialist Circassia. – 1955. – October 25. (In Russ.).

ЧИКАТUEV M. *Beru apkhartsu* [I take apkhartsu]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1958. – 45 s. (In Russ.).

Информация об авторе

П.К. Чекалов – доктор филологических наук, профессор.

Information about the author

P.K. Chekalov – Doctor of Science (Philology), professor.

Статья поступила в редакцию 03.11.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 03.11.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Фольклористика

ЩІэныгъэ тхыгъэ

УДК 398.223

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-422-435

EDN: QSWKUF

АНЭМ И ОБРАЗЫР ЕЩІЭНОКЪУЭ ЗЭШХЭМ ЕХЪЭЛІА ХЪЫБАРХЭМ КЪАЗЭРЫХЭЩЫР

Быхъурэ Мухъэмэд ФуІэд и къуэ

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкІэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет щІэныгъэ ІуэхущІапІэ «Урысейм щІэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щІэныгъэ центр» Федеральнэ щІэныгъэ центрым» и филиал, Налшык, Урысей, mbf72@mail.ru, orcid.org/0000-0002-6253-4097

Аннотацэ. Къэхутэныгъэр теухуащ ЕщІэнокъуэ зэшхэм я циклым дызыщрихьэлІэ анэм и образым бгъэдэлъ щхъэхуэныгъэхэр наІуэ къэщІыным. Дызэрыщыгъуазэци, бзылхугъэ образхэр ящыщ адыгэ ІуэрыІуатэм нэхьыбэ дьдэу зыщызужъахэм. Апхуэдэу зэрыщытым щІэныгъэлІ куэдым гу лъатауэ мы образыр зэпкърыхыным я къэхутэныгъэхэр нобэми хуаунэтІыр, абы и лъэныкъуэкІэ ехъулІэныгъэфІхэри нэрылгъуащ (Сэтэней гуащэ, Іэдииху, Усэрэжъ, н.). Эпическэ жанр лІэужыгъуэхэр къапщтэмэ, псысэхэм, пасэрэи лІыхъужь эпосым ар къызэрыхэщыжыр зыкъомкІэ арэзы укыищІу къэпщыта хъуауэ жыпІэ хъунуащ. Тхыдэр зи лъабжъэ лІыхъужь эпосыр къапщтэмэ, мыбдежми мы образым (Гуащэгъагъ, Гуащэмахуэ, Жэнсэхъухэ я нысэм, н.) ехъэллауэ узэрыгушхуэ хъун лэжыгъэ купщІафІэ куэд еджагъэшхуэхэм я Іэдакъэ къыщІэкІащ. Ауэ, апхуэдэу щыт пэтми, нобэр къыздэсым хуэфашэ гулгытэ зымыгъуэта персонаж куэд ди эпосым къыхобелджылыкІыр. Апхуэдэ зыщ ЕщІэнокъуэ зэшхэм я анэр. Абы щыгъуэми мыбы и образым щхъэхуэныгъэ зыбжани бгъэдэлъщ, циклым дежкІи мыхъэнэшхуэ иІэщ. А псор къэтлгытэри, аращ къэдгъэльэгъуа темэр зэпкърытхыну дыщІыпэрыхьар. Лэжыгъэм мурад нэхьыщхъэу щызыхуэдгъэувыжаш мы бзылхугъэм и теплъэр, и хъэл-щэныр, и ІуэхущІафэр наІуэ къэтщІыну, зэгъэпщэныгъэ Іэмалыр и лъабжъэу образыр циклым зэрыщызэтеувар, зэрызыщиужьар, лІэужыгъуэкІэ зыхиубыдэ персонаж гупыр дубзыхуну. Статьям щІыпІэ щхъэхуэ щеубыд Анти Аарнерэ Стиф Томпсонрэ я сюжетгъэлыагъуэр гъуазэу образыр зэпха сюжетхэр белджылы къэщІыным.

Зэрыгъуазэ псалъэхэр: ЕщІэнокъуэ зэшхэр, нарт эпос, тхыдэр зи лъабжъэ лІыхъужь эпос, лІыхъужь псысэ, анэм и образыр, мотив, сюжет.

Цитатэ къызэрыхэпхыну: Быхъурэ М.Ф. Анэм и образыр ЕщІэнокъуэ зэшхэм ехъэлла хъыбархэм къазэрыхэщыр // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 422-435. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-422-435. EDN: QSWKUF.

© Быхъурэ М.Ф., 2023

Original article

**THE MOTHER IMAGE IN THE CYCLE OF LEGENDS ABOUT THE
ESHANOKO BROTHERS**

Mukhamed F. Bukhurov

The Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, mbf72@mail.ru, orcid.org/0000-0002-6253-4097

Abstract. This paper is devoted to finding the characteristics of the mother's image in the stories of the Eshanoko Brothers Cycle. Female characters are among the most common in Adyg folklore and other peoples' oral folk art. In this regard, a number of scientists have frequently turned their attention to them. Particular importance was given in the works to the images of heroines from Adyg folklore's epic genres, particularly fairy tales and ancient heroic epics (Sataney-guasha, Adiyukh, Usarezh, etc.). Some female characters of historical-heroic songs and legends (Goshegag, Guashemakho, daughter-in-law of the Zhansokhovs, etc.) are also defined using the descriptive-analytical method. What has previously been explored opens the door to a more in-depth examination of the origins and artistic originality of these and other historical folklore characters. One of them is the image of the mother of the brothers Eshanoko, who plays a significant role in the cycle. This determines the relevance of this study. The main goal of the work is to give as complete a description as possible of not only the description of the heroine's appearance, but to establish the origin, evolution and typology of this image using the method of comparative typological analysis. Based on existing plot catalogs, in particular the index by Antti Aarne and Stif Thompson, the types of plots associated with this character are noted.

Keywords: Eshanoko brothers, Nart epic, historical-heroic epic, heroic tale, image of the mother, motive, plot.

For citation: Bukhurov M.F. The mother image in the cycle of legends about the Eshanoko brothers. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 422-435. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-422-435. EDN: QSWKUF.

© Bukhurov M.F., 2023

Научная статья

ОБРАЗ МАТЕРИ В ЦИКЛЕ ПРЕДАНИЙ О БРАТЬЯХ ЕШАНОКО**Мухамед Фуадович Бухуров**

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, mbf72@mail.ru, orcid.org/0000-0002-6253-4097

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей образа матери в преданиях цикла о братьях Ешанок. Женские персонажи в адыгском фольклоре, как и в устном народном творчестве других народов, одни из наиболее распространенных. В связи с этим они неоднократно становились объектом пристального изучения целого ряда ученых. Особое внимание в работах уделялось рассмотрению образов героинь эпических жанров адыгского фольклора, в частности, в сказках и архаическом героическом эпосе (Сатаней-гуаша, Адиюх, Усарез и др.). Описательно-аналитическим методом освещаются также некоторые женские персонажи историко-героических песен и преданий (Гошегаг, Гуашемахо, невестка Жансоховых и др.). Исследованное ранее открывает перспективы для более обстоятельного рассмотрения генезиса и художественного своеобразия этих и других персонажей историческо-

го фольклора. Одним из них является образ матери братьев Ешаноко, которой в цикле отводится значительная роль. Этим обуславливается актуальность настоящего исследования. Основная цель работы – дать по возможности полную характеристику не только описания внешности героини, но установить методом сравнительно-типологического анализа происхождение, эволюцию и типологию данного образа. На основе существующих сюжетных каталогов, в частности указателя Антти Аарне и Стифа Томпсона, отмечаются типы сюжетов, связанных с этим персонажем.

Ключевые слова: братья Ешаноко, нартский эпос, историко-героический эпос, богатырская сказка, образ матери, мотив, сюжет.

Для цитирования: Бухуров М.Ф. Образ матери в цикле преданий о братьях Ешаноко // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 422-435. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-422-435. EDN: QSWKUF.

© Бухуров М.Ф., 2023

Дызэрыщыгъуазэщи, адыгэ IуэрыIуатэм зы жанри хэткъым анэм и образым ущримыхьэлIэу. Абы зыужьыныгъэшхуэ щигъуэтащ псалъэжъхэми, псалъэ шэрыуэхэми, псысэхэми, хьыбархэми, уэрэдхэми, абы щыгъуэми зэмылIэужьыгъуэ куэду зэтешщыкIыжарэ дэтхэнэ зыми бгъэдэль щхьэхуэныгъэхэмкIэ ди IуэрыIуатэм и къулеягъыр игъэбатэу. Мы образым дэ хыдолъагъуэ анэм и гу шабагъри, и Iуцагъри, къыбгъэдэкI хуабагъри; апхуэдэу абы къыхошчыж ар жьэгум и хьумакиIуэу, быным и гъэсакIуэ нэсу, и чэнджэщэгъуу, лъэпкъым ижъ-ижьыж лъандэрэ къыдэгъуэгурыкIуэ хабзэ дахэм и зехьакIуэу, уеблэмэ, бий ерум кърищылыла зауэ-банэм лъэпкъыр гузэвэгъуэм щыхидзэкIэ, Iэщэ къищтэу ар абы пэщIэувэу зэрыщытыр. А псом къыкIращи, цIыхум и къэухьым зиужьы мы дунейм щекIуэкIыр зыгуригъэIуэн зэрыщидзэрэ анэм дилъэгъуар IуэрыIуатэм къыхинащ, дэтхэнэ зы лъэхъэнэми къиша нэщэнэхэмкIэ «гъэщIэрэщIауэ». Псалъэм папщIэ, пасэрей IуэрыIуатэм къыгъэщIа образым къыхэнащ анэ лъэхъэнэм бзылъхугъэм лIакъуэм щыIыгъа увышIэр къэзыгъэлъэгъуэж Iуэхугъуэ куэд (еплъ: Сэтэней и образым); апхуэдэ дыдэу образым къытенащ адэ лъэхъэнэм псэукIэр щыхуэкIуэм, цIыху гъащIэм игъуэта зэхуэкIыныгъэхэм я «нэпкъыжъ» куэди; гулъытэншэу къанэркъым иужькIи къэунэхуа зэдэпсэукIэм и Iэужьхэри. Ауэ IуэрыIуатэр зыхущIэкъур бзылъхугъэм, анэм иIа псэукIэр, и хьэл-щэныр, и шыфэ-лIыфэр къэгъэлъэгъуэжын къудейркъым, атIэ а образым и мыхьэнэр куэдкIэ нэхъ кууш, нэхъ жыжьи мэлэбэр: мыбы дыщрихьэлIэ щыIэщ художественнэ къалэн «и пщэ къыдэхуэуи». НэгъуэщIу жыпIэмэ, мы образыр икъукIэ сэбэпышхуэщ, IуэрыIуатэхэкIыр щIэщыгъуэ, гъэщIэгъуэн, удэзыхьэх хьунымкIэ, хиIэтыкIыну зыхуей Iуэхугъуэр белджылы къэщIынымкIэ, абы гу лыуигъэтэнымкIэ. Абы и щапхьэ гъуэздэжэщ ЕщIэнокъуэ зэшхэм ехьэлIа хьыбархэм къыхэщыж образыр, абы и IуэхушIафэхэр. Къапщтэмэ, апхуэдэу зэрыщытыр арщ мыр къэтпщытэну ди пщэ щIыдэтлхьэжари.

Адыгэ IуэрыIуатэр джын зэрыщIадзэрэ бзылъхугъэм, анэм и образым зыгуэркIэ лъэмыIэса щIэныгъэлI дызэрымIэр жытIэмэ, дыщыуэну къыщIэкIынкъым. Хэти жанр цыкIухэм (псалъэжъхэм, псалъэ шэрыуэхэм, къуажыхьхэм, н.) абы щыуыдэ увышIэр, хэти псысэ лIэужьыгъуэхэм

къазэрыщыгъэльэгъуар, хэти нарт эпосым, адрейхэм – тхыдэр зи лъабжъэ уэрэдхэмрэ хъыбархэмрэ къызэрыхэщыжыр налуэ къащIащ, абы щыгъуэми образым дэтхэнэ зы жанрми щигъуэт щхьэхуэныгъэхэр налуэ къищIу. Ар дыдэмкIи къэхута хъуащ образыр щызэтеувэм зыщIиша хьэл-щэнхэм, шыфэлIыфэхэм, нэгъуэщI Iуэхугъуэ куэдми я лъабжъэр. Мыбы и лъэныкъуэкIэ къэхутэныгъэ купщIафIэхэр езыгъэкIуэкIахэм ящыщу я цIэ къиIуапхъэщ Алий А.И., Гъут I.M., Гъут Л.I., КъардэнгъушI З.П., Къудей З.Ж., Мыжей М.М., Налло З.М., Пащт М.М., Унэрэкьо Р.Б., ХьэдэгъэлIэ А.М., Хъут Щ.Хь., ЦыпIынэ А.А., Шортэн А.Т., н.

Дэтхэнэ зы IуэрыIуатэхэкI лIэужьыгъуэм образыр къызэригъэщIым бгъэдэль щхьэхуэныгъэр къэплъытэмэ, ЕщIэнокъуэ зэшхэм я циклым абы щигъэзащIэ къалэныр къэпщытэным и мыхьэнэри цIыкIукъым. Псом хуэмыдэу гъэбелджылыпхъэщ образыр циклым зэрыщызэтеува, зэрызыщиужьа щIыкIэр, сюжетым адэкIэ къыпицэнымкIэ абы и IуэхущIафэхэм я мыхьэнэр.

Циклым къызэщIиубыдэ хъыбар, уэрэд зыбжанэм куэд-мащIэми образым дыщрихьэлIэ пэтми, нэхъыбэу абы зыщиужьар сюжет лIэужьыгъуитIырщ. Япэр ЕщIэнокъуэ Уэзырмэсрэ Темыркъанрэ я адэ Атэбий физ къызэришам тепсэлъыхьырщ, етIуанэр зэшитIым KIэфыщ и къуитIыр бий къазэрыхуэхъуар къэзыIуэтэжырщ.

Уэзырмэсрэ Темыркъанрэ я адэм физ къызэришар къызыхэщ сюжетыр къэIуэтэкIэкIэ зэмылIэужьыгъуэ зыбжанэу зетепщIыкIыжауэ адыгэ IуэрыIуатэм щызокIуэ, ауэ псом дежи зыхуэкIуэжыр зыщ – лIыхъужьым илIь ищIэжыну йожьэ, а Iуэхум здыхэтым чэнджэщэгъу къыхуэхъуа бзылхугъэр щхьэгъуэсэу къэшэ, зэшитIыр зэдагъуэт. Псалъэм папщIэ, Жылэгъуэт Абрэдж (1906 гъ./къ.) къиIуэтэжауэ щыта «ЕщIэнокъуэ Атэбий» хъыбарым [АИГИКБНЦРАН: Ф. 12. Оп. 1. П. 21-м. Пасп. № 18] къызэрыхэщымкIэ, Атэбийр и лIыгъэкIэ хэку псом цIэрыIуэ щохъу, апхуэдэу зэрыщытыр и псэм темыхуэу КъуийцIыкIуокъуэ Дэгужьейр къожьэ, ар игъэунэхуну, къарукIэ пэльэщмэ иукIыну. АрщхьэкIэ занщIэу пэувыркъым, атIэ Атэбийм и шынэхъыщIэр гъэпцIагъэкIэ еукIри йожьэж, лIыгъэ иIэмэ, Атэбийм къысхуигъэгъункъым жыхуиIэ щIыкIэу. Мыдрейри зекIуэ къыкIыжу Iуэхур зытетыр къыщищIэм, илIь ищIэжын мурадкIэ гъуэгуанэ тоувэ. Зигъэпсэхуу здэщылъым, пщIыхьэпIэу елъагъу и къуэшыр Дэгужьейм зэриукIари, дэнэ деж щигъэпщкIужами, адэкIэ сыт ищIэн хуейми. Атэбийм и мурадыр зригъэхьулIэн папщIэ бзаджагъэ хуокIуэри, Дэгужьейм гъусэ зыхуещI, гъуэтыгъуэ ихуэмэ, лIы махьаджэр иукIыжыну. КъызэрыщIэкIамкIэ, Дэгужьейр егуэкIуауэ хьыджэбз дахэ гуэр щыIэти, ар нэгъуэщIым иратауэ къыщищIэкIэ, Атэбийр щIыгъуу йожьэ, бзылхугъэр зратам къытрихыжыну. Хьыджэбзыр къахъу къыщыкIуэжым, зыхэта зауэ-банэм иригъээшахэм мурад ящI тIэкIу загъэпсэхуну. Дэгужьейм щхьэукъуэу щIедзэ, Атэбийр зыхуеиххэр арати, мурад ещI, ар Iурихмэ иукIыну. АрщхьэкIэ Дэгужьей къызэрыгуэкIтэкъым: абы утекIуэн папщIэ, япэрауэ, зэрыпхуэукIыну езым и джатэ къудейрт, ари къыпхуэIэту щытмэ; етIуанэрауэ, жей Iувым хильэфауэ щытын хуейт, ари къызэрыпщIэнум Iэмал иIэт – жеймэ, и пэм мафIэ бзий кърихыу щIидзэрт. А псом Атэбийр щыгъуазэ зыщIыр а кърахьэжъа хьыджэбзыр арщ, абы и чэнджэщхэм я фIыщIэкIи Атэбийм хузэфIокI, и къуэш

нэхьыщІэм иль ищІэжыну, езы хьыджэбзри щхьэхуит кьыщІыжыну. Хьыбарыр зэриухраши, мы бзыльхугьэр Атэбийм щхьэгьусэ хуохьури, ЕщІэнокьуэ Уэзырмэсрэ Темыркьанрэ дунейм кьытохьэхэр.

Дызэрыщыгьуазэщи, тхьдэр зи льябжьэ лыхьужь эпосыр, ЕщІэнокьуэ зэшхэм я циклыр зыхиубыдэр, гьащІэм и пэжым пыщІэныгьэ быдэ хуиІэщ. Абы кьызэщІикьуэ Іуэхугьуэхэр пэж дыдэу екІуэкІа кьэхьугьэхэм епхащ, е апхуэдэр щымыІэххами, пэжым нэхь пэгьунэгьуш. Апхуэдэу щыт пэтми, кьэтхьа щапхьэм кьызэрыхэщщи, мыбдежми псысэ теплээ зиІэ, кьэгупсысауэ зэрыщытым зы шэчи кьызытумыхьэ пкьыгьуэхэми уащрохьэлІэ. Апхуэдэхэщ, псалгьэм папщІэ, ищхьэкІэ дызытепсэльыхьауэ Дэгужьейм бгьэдэлъ нэщэнэхэр (и пэбзийм мафІэ кьызэрырихыр, езым и джатэмкІэ фІэкІа зэрыпхуэмыукІыну, н.). Абы кьыкІраши, Дэгужь кьызэрыгуэкІ цыху пэтми, и образым хэпщаш пасэрей ІуэрыІуатэм дызыщрихьэлІэ миф псэушхьэ шынагьуэхэм (иныжь, мэзылІ) я хьэл-щэн. Дызэрыщыгьуазэщи, мыпхуэдэ персонажхэм дуней псо ІуэрыІуатэм зыщаужьащ, я ІуэхушІафэхэмкІи зэтохуэр: абыхэм я пщэ кьыдэхуэ кьалэныр цыхум и псэуныгьэм зэран хуэхьунырщ, нэхьыбэрэ дазэрырихьэлІэраши, «набдзэ зытелъым я нэхь дахэ» хьыджэбзыр дыгьунырщ. Псалгьэм папщІэ, «Мыхьэмэтищ» псысэм [ФАИГИКБНЦРАН: Инв. № 1037]) кьызэриІуатэмкІэ, зекІуэ ежьа зэкьуэшищыр иныжь щыналгьэм шихьэкІэ, гьэру яхьа бзыльхугьэхэм ярохьэлІ, щхьэхуити кьащІыж. Апхуэдэ дыдэу таурыхь куэдым ущрихьэлІэ щыІэщ хьыджэбзыр мэзылІым идыгьуу [Адыгские сказки... 2018: 197-201]. Кьапщтэмэ, а кьалэн дыдэращ Дэгужьей игьэзащІэр: хьыджэбзыр мыарэзы пэтми, кьрехьэжьэр, щхьэгьусэ ищІыну.

Мыбдежым нэгьуэщІ зы Іуэхугьуэми гу лытапхьэщ. Курыт лІэщІыгьуэм псэуа лыхьусэжьым дежкІэ емькІушхуэ зыпыльхэм ящышт зыгуэрым гьэпщІагьэ, хьуэщнэщыгьэ кІэлызепхьэу, ар бий дыдэрауэ щытми, текІуэныгьэр зыІэрыбгьэхьэну. Ауэ мыпхуэдэ ІуэхушІафэр Атэбийм щыкІэрылгьым щхьэусыгьуэ иІэщ. Дызэрыщыгьуазэщи, Сосрыкьуэ лыхьужьыщ, ауэ и бийхэм (иныжьым, Тотрэш) щапэувкІэ, абы кьыгьэсэбэпыр бзаджагьэрэ Іэмалрэщ. Гьут І.М. зэрыхуигьэфащэмкІэ, ар кьэзышар мы образыр зэрыпасэрейрщ: мыр щызэтеувэм, цыхум и гупсысэм кьызэритІасэмкІэ, нэхьыщхьэр бийм текІуэнырт, ар ІэмалкІэ зрагьэхьулІэми, кьарукІэ зыІэрагьыхьэми [Гутов 2018: 139]. ИужькІэ мыпхуэдэ Іуэху бгьэдыхьэкІэр емькІуу, кьемызэгьыу кьалгытэу хьуа пэтми, пасэрей мотивыр лъэужьыншэу ІуэрыІуатэм ІэщІыб занщІэу ищІыркьым, атІэ абы и кІапэ-лъяпэхэр кьыхонэ. Батрээ сыт хуэдиз лыгьэрэ хахуагьэрэ бгьэдэмылъями, Пщы-Марыкьуэ зэрытекІуэр ІэмалкІэщ: ари зэрыпхуэукІыну езы дыдэм и джатэмкІэщи, епльын кьудей хуэдэу зещІри ар зыІэрегьыхьэ, абыкІи и адэм иль ещІэж. Ашэмэзи аращ. Мыбы кьыпэлъэщу зы нарти хэкум искьым, ауэ Лъэбыцэжьейм зэрытекІуэр Іэмалщ: лІанэпщІ зещІри бийм и хэщІапІэм зрегьэхь, жэщым кьотэджыжри лыкІэ и бийр еукІ. Абы кьыдэкІуэу, Пщы-Марыкьуи, Лъэбыцэжьей, иныжьым хуэдэу, мэгьу зэфІэкІ яІэхэщ: япэм и псэр зыхэльыр гьэпщкІуащ (езым и джатэмкІэ фІэкІа, нэгьуэщІкІэ пхуэукІынукуьым), Лъэбыцэжьейщи, и щхьэгьусэм и бахьэр кьызэрыщІихуу, и уІэгьэхэр мэкІыж. А псом кьыкІраши, мыбдежым лыгьэм лыгьэ, Іэмалым Іэмал щыпэгьэуващ. КьыкІэлыкІуэу кьыжыІапхьэраши, нарт

эпосми, лыхъужь псысэхэми нысащӀэ къэшэныр лыхъужьыгъэкӀэ гъэнщӀауэ щытын хуейщ: хьыджэбзыр «набдзэ зытелъым я нэхъ дахэщ», ар къыӀэрыхъэн папщӀи лыхъужь нэхъыщхъэм лыгъэрэ къарурэ зытекӀуадэ гугъуехъ куэдым пхыкӀыфын хуейщ. Дызриплъа хьыбархэм тепщӀыхъмэ, мы псори Атэбийм и физ къэшэкӀэ сюжетым пасэррей ӀуэрыӀуатэм къыӀэпихауэ жыпӀэ хъунуш.

Езы хьыджэбзым и образым и гугъу пщӀымэ, мыри и къалэнкӀэ хуэдэщ ӀуэрыӀуатэм и пасэррей лъэхъэнэм зыщызужьахэм. Псысэхэм, нарт эпосым дызыщрихъэлӀэ бзылхугъэхэр я ӀуэхущӀафэкӀэ зэбгъапщэмэ, образ лӀэужьыгъуэ зыбжанэ къыхэбгъэкӀ хъунуш. Дэ зэгуэр дыхущӀэкъуауэ щытащ лыхъужь псысэкӀэ дызэджэ жанрым къыхэщыж бзылхугъэ образхэр я ӀуэхущӀафэ елъытауэ лӀэужьыгъуэ зыбжанэу зэщхъэщыдгъэкӀыну [Бухуров 2015: 72-86]. Апхуэдэ зэгъэпщэныгъэм дызыхуиша гупсысэхэр мыбдежми къыщысэбэпыну къытщохур. Псалъэм папщӀэ, лӀэужьыгъуэ щхъэхуэу къыхэбгъэкӀ хъунуш лъэпкъ куэдым я ӀуэрыӀуатэм дызыщрихъэлӀэ, «Иллиадэм» къыхэщыж Еленэм къалэнкӀэ пэгъунэгъу нысащӀэхэр. Мыпхуэдэхэм пыухыкӀауэ мурад гуэри яӀэкъым – лыхъужьым и фӀи и Ӏеи зэрахуэркъым, ауэ нэгъуэщӀ щӀалэм дехъэри, абы и гъусэу мэкӀуасэр. Ауэ, апхуэдэу щыт пэтми, сюжетым адэкӀэ зиужьынымкӀэ мыбы и ӀуэхущӀафэхэм мыхъэнэшхуэ яӀэщ. Лыхъужь нэхъыщхъэр абы и лыхъуакӀуэ йожьэ, лъэпо-щхъэпо куэдым хуозэ, икӀэм-икӀэжым лӀым епщӀыжа цӀыхубзыр хокӀуадэри, щӀалэм нэгъуэщӀ, игъащӀэ псокӀэ къыхуэпэжын щхъэгъусэ егъуэтыж. Адыгэ ӀуэрыӀуатэм абы и шапхъэу къыхэпх хъунуш 1889 гъэм Къашэж ТӀалиб къыӀуэтэжауэ Л.Г. Лопатинскэм «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» тхылъым и XII къыдэ-кӀыгъуэм къытридзауэ щыта псысэр [Фольклор адыгов...1979: 362-389].

ЕтӀуанэ гупыр пелуаныгъэ зыбгъэдэль бзылхугъэ-зауэлӀхэрщ. Мыбыхэм зэрахэбзэщи, цӀыхухъу Ӏэщэ-фащэ зыпщӀэхалхъэри, щхъэусыгъуэ гуэрхэмкӀэ (и адэм, и дэльхухэм яль ящӀэжыну, бийдзэм пэувыну, н.) йожьэхэр, я мурадри зыӀэрагъыхъэр. Мыбдежым нэхъыщхъэращи, а мурадыр езыр псысэм къыщыӀуэтами, е «гъэпщӀкӀуауэ» щытми, псом дежи зыхуэкӀуэжыр зыщ: езыхэр батырщи, къызэрыгуэкӀ цӀыхухъу щхъэгъусэу къыхах хъуркъым, атӀэ къалыхъуэхэр лыгъэрэ къарукӀэ къапэльэщырщ. Апхуэдэр лыхъужь нэхъыщхъэм поуври йозауэ, зекӀуэм дожъэри и зэфӀэкӀыр зрегъэлъагъу – сытми и лыгъэр здынэсыр егъэунэхури, езым къефӀэкӀмэ, щхъэгъусэ ещӀ. ИужькӀэ батрагъыр фӀокӀуэдри, къызэрыгуэкӀ унэгъуащэу унагъуэм йотӀысхъэж.

Ещанэ лӀэужьыгъуэр ар лыхъужьым къыгъуэту, абы щыгъуэми, ищхъэкӀэ зэрыжытӀам хуэдэу, лыгъэрэ къарурэ текӀуадэу, къишэн хуейрщ. Лыхъужь псысэми, нарт эпосми мыпхуэдэхэр хэт псыщӀагъ, щӀыщӀагъ дунейхэм, хэт щӀэплъыпӀэм адэкӀэ, хэт хитӀ зэхуакум, хэт дыгъэ къыщӀэкӀыпӀэм (къухъэпӀэм), хэти къуршиблым адэкӀэ щыӀэщи, абы щыгъуэми языныкӀуээхэм деж ар щхъибл зыфӀэт иныжым, зи бгъэгу маисэ мэзылӀ шынагъуэм, Уэзрэдж Ябгэм, н. ар гъэру ялыгъши, лыхъужьыр макӀуэ, гъэрмэ, къатрехыжри, къешэ. Къапщтэмэ, нэгъуэщӀ «дунейм» ар зэрыкӀуэри, гъуэгуанэм щрихъэлӀэ лъэпо-щхъэпохэм зэрыпхрыкӀыфри – ахэр псори гъэунэхуныгъэщ. Абы къыкӀращи, мыпхуэдэ цӀыхубзыр езыр лыхъужь нэхъыщхъэм пэуву емызауэми, ар егъэунэху: зыдыгъуа миф псэушхъэм пэльэщу хуит къэзыщӀыжыфырщ абы щхъэгъусэу

кыыхихыр. Ауэ куэдрэ кышыхуэ щыIэщ, сыт хуэдэ кьарурэ лыгьэрэ бгъэдэмылгъами, лыхъужьыр бийм пэмылгъэщ. Апхуэдэу щыщытми щхъэусыгъуэ иIэщ: бийм текIуэныр тыншу зэфIэкIмэ, IуэрыIуатэхэIыр гъэщIэгъуэн, удэзыхъэх хьуркыым; бийм и зэфIэкIыр нэхъ иныху, ар нэхъ шынагъуэу щытыхункIэ, лыхъужь нэхъыщхъэм и лыгъэри, и IуэхушIафэри Iэта мэхуэ – мопхуэдиз кьару, зэфIэкI зиIэм ар польгъэщыф. Псысэ куэдым кьазэрыхэщымкIэ, лыхъур бий шынагъуэм поуври езым и зэфIэкIкIэ, и кьарукIэ польгъэщыр. Ауэ кышыхуэ щыIэщ, мы хьыджэбзым и дэIэпыкыуныгъэ, и чэнджэщ хэмылгу ар абы кыщемыхуэулIэ. Гьэру ялыгъ пщашэм ещIэр бий шынагъуэм и тIасхъапIэр (языныкыуэхэм деж бийм фIы зыхуищIурэ и ажалыр зыхэлъыр кьрегъэIуатэ), иужькIэ ар лыхъужьым хуеIуэтэжри трегъакIуэ, апхуэдэ щыIэкIи щхъэхуит зыкьрегъэщыж.

«КьарэIагъуищ» псысэм иныжкыым (Емынэж) хьыджэбзыр едыгъу. Лыхъужьыр йожьэ, ар кытрихыжыну, арщхъэкIэ дыгъум пэлэщыркыым, телъыджагъ зыбгъэдэлъ шы иIэщи. Хьыджэбзым иныжкыым апхуэдэш кыздрихар кьрегъэIуатэри, лыхъужьым жреIыж. КьызэрыщIэкIымкIэ, апхуэдэш зиIэр хитI зэхуаку щыпсэу нэжыгъушIыдзэрщ, жэщищкIэ и шыр мыкIуэдIауэ хуэбгъэхуфмэ, кыуитыну арщ. Лыхъужьым ар хузэфIокI, шыри кыIэрохъэ. А шым тесу иныжкыыр хегъащIэ, хьыджэбзри щхъэхуит кьешIыж [Адыгские сказки... 2018: 72-78, 79-89]. Зэрынэрылгъагъуищи, ищхъэкIэ зэрыжытIауэ, ЕщIэнокыуэ Атэбийм Дэгужьым и ажал зыхэлъыр кыжезыIэр мы иужьрейм кыихъ хьыджэбзырщ:

«Ар иджыри жеина щыIэIы. И пэбзиймкIэ хьуаскIэ кьрихыу хуемыжъауэ, букIыну утегушхуэ хьунукыым. Ар зы. ЕтIуанэр ару, уи джатэм абы и щхъэр туупщыIынкыым. Абы и щхъэр пызупщыIын Iэщэ езым ибг ищIа джатэ закъуэм фIэкIа щыIэккыым. Ар тIу. Ещанэр ару, абы и джатэр кыиIэрыхъа нэужь, кьэпIэтурэ гъэунэху: уи натIэпэм нэхърэ нэхъ лгъагъуэу кыумыIэтыфмэ, зыумыпщытыххи нэхъыфIу, зупщытми – упэлгъэщынкыым. А Iуэхугъуищри бгъэзащIэу уеуа нэужькIи, умыбэлэрыгъ: и щхъэр пымытыжуи кьозэуэнуищ» [Адыгский фольклор 1969: 79].

ЕщIэнокыуэ зэшхэм я анэм бгъэдэлъ нэщэнэхэм нэхъыбэр псысэхэм зыщызужъа бзылхугъэм и образым кыбгъэдихауэ жыпIэ хьунуш. Гу зылытапхъэраши, мыбы зыщIишар хьэл-щэн, шыфэлIыфэ, IуэхушIафэ кьудейркыым, атIэ образыр зэпха сюжетыр езыр зэрыщыту циклым кыигъэсэбэпаш. Хьыбарым и пкыыгъуэхэмкIэ кьызэрыщхъэщыкIышхуэ щымыIэу мыр Антти Аарнерэ Стиф Томпсонрэ я дуней псо сюжет гъэлыгъуэм (адэкIэ АТ) [Thompson 1961] дызыщрихьэлIэ АТ 302 сюжетым тохуэ. Хьыбарми псысэми – тIум дежикI бзылхугъэр гьэру яхъ; бийм и тIасхъапIэр хьыджэбзым кьешIэ; ар лыхъужьым хуеIуатэ; а чэнджэщхэм тегу лыхъужьыр токIуэ; хуит кыищIыжа хьыджэбзыр щхъэгъусэ хуохуэ.

Псысэм, пасэрей эпосым куэдыр кыIэпиха пэтми, ЕщIэнокыуэ зэшхэм я циклым образыр кышыхыхъэкIэ, зэхуэакIыныгъэ гуэрхэр имыгъуэту кьанэркыым. А псом щыщу нэхъыщхъэу кьэтлытэраши, мы хьыбархэр зыхиубыдэ эпос лIэужьыгъуэм и «хабзэхэм» мыри кыигъэтIэсащ: псысэ теплгъэ зиIэ пкыыгъуэхэр гъащIэм и пэжым нэхъ пэгъунэгъу ищIащ. Псысэхэм, нарт

эпосым деж образыр пасэрей гупсысэкIэм и хуамэбжыымэхэмкIэ гээнщIащ. Псалъэм папщIэ, еджаггэшхуэхэм зэрыхуаггэфащэмкIэ, пасэрейхэм я гуггэет, щIэплъыщIэм адэкIэ щыIэр нэггэуэщI дунейуэ [Пропш 1986: 83-87]. Апхуэдэт «псым адрьщIри», «кьуршиблым адэкIэ» щыIэри, хы щIаггэри, щIы щIаггэри, н. IуэрыIуатэм зэрихабзэщи, лIыхьужь нэхьыщхьэм хуэдэ дыдэу, и кьэшэни ад-рейхэм кьащхьэщеггэкI: апхуэдэ дахагг зыбггэдэль бзыльхуггэ нэггэуэщI дунейм теткьым, ауэ а зыри мы щIыпIэхэм щыIэкьым, атIэ нэггэуэщI дунейщ. Уэзырмэс и анэ хьунур набдзэ зытелъым я нэхь дахэ хьыджэбзщ, псы щIаггым щыпсэу зэшиблым я шыпхьуш [Нарты... 2017: 23-24]; Батрээ и адэ Хьымыщ и щхьэггусэр испы щIыналъэм кьреш [Нарты... 2017: 163-173], н. ЛIыхьужь псысэхэращи, ахэри апхуэдэщ: Псалъэм папщIэ, «Мыхьэмэтищ» псысэм [ФАИГИКБНЦРАН: Инв. № 1037]) хьыджэбзыр дыггэ кьыщIэкIыпIэм щыIэщ, дунейр кьыггэунэхуу апхуэдэщ. А щытыкIэ псор Атэбий и кьэшэным бггэдэльыжкьым, атIэ кьызыхэкIар кьызэрыгуэкI унаггэуэщ, лIы щраткIи хабзэм тету и нэчыхьыр ятх, щрахьэжьэкIи пхьэр кIэляутIыпщ, н. Ауэ мыбдежми нэхьапэм зэфIэува образ кьэггэщIыкIэм, сюжет ухуэкIэм IуэрыIуатэр иджыри тетын хуейщи, дызытепсэльыхьа нэщэнэхэм хуэдэ, ауэ гьащIэм и пэжым пэджэжу бггэдэльхьэ. Псалъэм папщIэ, зи «нурьмкIэ дунейр кьэзыггэунэху» дахаггым и пIэкIэ, мыпхуэдэ шапхьэкIэ еггэбелджылы:

«Дэгужьейм физу кьышэну мурад хуиIэу зы хьыджэбз щыIэт, «хэкум исым я нэхь дахэ, я нэхь дэггэуэ» хужаIэу» [АИГИКБНЦРАН: Ф. 12. Оп. 1. П. 21-м. П. № 18].

«НэггэуэщI дунейм» щыщхэм кьащхьэщыкIыу, мыр зыщыпсэур адыгэ хэкурщ. Ауэ, пасэрей IуэрыIуатэм и хабзэмкIэ физ кьэшэным лIыхьужьыггэ пыщIауэ щытын хуейщи, мыбдежым абы мыпхуэдэ кьэIуэтэкIэ иIэщ: хьыджэбзым хьаныкьуэм нэчыхь хураггэтх; шашэжкIэ, Дэгужьеймрэ Атэбиймрэ ятоуэри хьаныкьуэ физышэр зэбграху, пхьэрхэр зэтраукIэри хьыджэбзыр кьрахьэжьэ. Атэбийм ар кьызэрыIэрыхьэм и гуггэу пщIымэ, зэрыжытIауэ, мы хьыджэбзми, псысэхэм кьахэщыжхэм хуэдэу, лIыхьужьым и лIыггэр здынэсыр кьыгурыIуа нэужь, бийр зэрыхиггэщIэnumкIэ абы чэнджэщ ирет. Атэбийми абы тету и кьуэшым ильри ещIэж, хэку псом нэхь дахэу ис бзыльхуггэри щхьэггусэу кьешэр.

KIэфыщ и кьуитIымрэ ЕщIэнокьуэ зэшхэмрэ бий зэрызэхуэхьуам теухуа хьыбарым анэм и образыр кьызэрыхэщым тепсэльыхьынми мыхьэнэшхуэ иIэщ. 1946 гьэм Джаурджий Шамысэ кьыIуэтэжауэ щыта «ЕщIэнокьуитIымрэ KIэфыщ и кьуитIымрэ бий зэрызэхуэхьуа щыкIэр» [АИГИКБНЦРАН: Ф. 12. Оп. 1. П. 21-м. П. № 6] хьыбарым и вариантым кьызэрыхэщымкIэ, ЕщIэнокьуитIыр Джылахьстэней щыпсэурт, KIэфыщ и кьуитIыр Кьэбэрдеишхуэрт. Я цIэхэмкIэ, я лIыггэ телукIа хьыбархэмкIэ зэрыщIэ мыхьумэ, ахэр IуэхукIэ зэрихьэлIэу зэрыггэунэхуатэкьым. Зэггэурым ЕщIэнокьуэ зэшхэм я анэр и дэльхум физ кьышауэ нысаплгэ кIуэрт. Гьуэгум абы KIэфыщ и кьуитIыр кьыщрихьэлIащ. Гуащэр еджэри ахэр зыбггэдишащ, шхын, махьсымэ иIыггэти, ириггэфахэщ, ириггэдзэкьахэщ. Ауэрэ, физыжьыр ЕщIэнокьуитIым я анэу зэшитIым кьыщащIэм, «ЕщIэнокьуэхэ леикI яггэггуркьым, леикI яхьркьым», – жаIэри, физыжьым и напэм джатэкIэ еуэри ираупщIащ, езыхэри я гьуэггэу те-

увэжаш. Апхуэдэ лейр дауикI ЕщIэнокъуитIым ягъэгъунутэкъым, яль ящIэжы-ну КIэфыщ и къуитIыр къалыхъуэу щIадзащ.

Зэрынэрыльагъуши, КIэфыщ зэшитIым емыкIушхуэ цIыхубзым КIэлъызрахъаш. Мы Iуэхугъуэм и пэжагъым теухуауэ тегъэщIапIэ пщIы хъун дилъэхъэнэхэм къэсакъым. Апхуэдэу щыщыткIи, ильэс щэ бжыгъэ ипэ екIуэкIам щхъэкIэ «пэжщ» е «пщIыщ» хужыпIэныр къезэгъыу къыщIэкIынкъым, ауэ бзылхугъэм, псом хуэмыдэжу анэм, зи ныбжь хэкIуэтам, лъэпкъым КIэлъызрихъэу щыта пщIэ-нэмысым, хабзэм тепщIыхъмэ, апхуэдэр пэж дыдэу къэхъуар фIэщ щIыгъуейщ. Псалъэм папщIэ, адыгэ хабзэр зыджа Бгъэжьнокъуэ Б.Хь. и къэхутэныгъэхэм къазэрыхэщымкIэ, дэтхэнэ зы цIыхухъуми и къалэнт бзылхугъэр ихъумэн хуейуэ; лэжыгъэ хъэлъэ игъэзащIэу ирихъэлIамэ, дэлэпыкъун хуейт; цIыхубз щыту хъэлыншэу зыпщIыныр, псалъэ гуемыIу жыпIэныр нэхъ емыкIушхуэу къалытэхэм ящыщт; ар блэкIмэ, къэтэдджхэрт; гъуэгум щрихъэлIамэ, и гъуэгу зэпаупщIыртэкъым, Iэмалыншэмэ, дэкIуэтэнхи хуейт; сыт хуэдэ Iуэхури зэтриуIэфIэжыфырт, уеблэмэ, абы и хъэтыркIэ ззэуэну зэпэуваитIыр увыIэжхэрт; ар жьэгу пашхъэм и хъумакуэт, бын-унагъуэм я гъэсакIуэт, чэнджэщэгъут, н. [Бгажноков 1978: 51-59]. Ауэ, апхуэдэ хабзэ ткIийхэм тетыным ипIэкIэ, КIэфыщ и къуитIым фызыжъым и нэкIум уIэгъэ традзэ. Абы щыгъуэми апхуэдэ щIэпхъэджагъэр зезыхъэу хъыбарым къыхэщыр хэт? Ар курыт лIэщIыгъуэм щыIа лIыхъусэжъым и дамыгъэу, адыгэ хабзэм и зехъакIуэу, лIыхъужыгъэм, хахуагъэм и шапхъэу щытын хуейр арщ.

«Къэбэрдейм цеипхъэжь джанэр зэрышаха щIыкIэр» [АИГИКБНЦРАН: Ф. 12. Оп. 1. П. 21-н. П. № 11] хъыбарым къызэрыщыгъэлъэгъуамкIэ, адыгэхэм зекIуэ ежъэну дзэ щызэхуашэсым, нэхъ лIыгъэ, зэфIэкI зиIэу къыхащыпыкIа лIыхъужьхэм КIэфыщ и къуитIри хагъэхъат, зэрыщыгугъахэуи къыщIэкIат. Вариант зыбжанэм къазэрыхэщыжымкIэ, кърымыдзэм шхынкIэ ахэр ягъэбэлэ-рыгъыу яукIын мурад шащIам, къызэрелам абыхэм я фIыгъэ хэлът; зекIуэ щыкIуэкIэ, ахэр шуупэщ, бийм хуэзэмэ, я псэ емыблэжу пэщIэувэн хъэзыру, апхуэдэ дыдэуи къыщыкIуэжкIэ шуукIэщ, къакIэлъыпхъэрхэм зыхуагъэзэну; лыщIэж къапэщыль пэтми, хабзэм тегу зызэтрауIэфIэхэр, зекIуэ щIэжбар лъэпкъ Iуэхуши. АтIэ, сыту пIэрэ апхуэдэ хабзэншагъэ зрахъауэ хъыбарым мы лIыхъужьхэм щIакIэрильхъэр? ДызэригугъэмкIэ, абы и жэуапыр къыщыльыхъуэн хуейр IуэрыIуатэм и образ къэгъэщIыкIэм, а IуэрыIуатэр езыр удэзыхъэх зэрищI художественнэ Iэмалхэм я дежщ.

Пасэ дыдэу къэунэхуа жанрхэр тегъэщIапIэ пщIымэ, ижь-ижыж лъандэрэ зэтригъэуауэ IуэрыIуатэм къыдогъуэгурыкIуэ образ гъэгъэщIыкIэ щхъэхуэ, дэтхэнэ зы псалъэжьри, къуажыхъри, псысэри, уэрэдри, хъыбарри удэзыхъэх зэрищI Iэмалхэр. Мы иужьрейхэм хуэдэу щытыфынущ сыт хуэдэ Iуэхугъуэри – пасэрей гупсысэкIэжъхэм къашауэ къэунэхуа мотивхэри гъащIэм пэжу къыщыхъуахэри.

Дызэрыщыгъуазэщи, IуэрыIуатэм деж гъащIэм и пэжымрэ къэгупсысамрэ зэрызэхушытыр къэхутэным еджагъэшхуэхэр яужь зэрихъэрэ куэд щIащ. В.Я. Пропп зыхуэкIуа гупсысэхэм тепщIыхъмэ, гъащIэм и пэжым зыгуэркIэ емыпхауэ, щхъэусыгъуэншэу зы Iуэхугъуи IуэрыIуатэм къыхыхъэркъым. Къэхутакуэм къыжиIахэм дригъуазэмэ, къызэрыгупсысам зы шэчи къызыту-

мыхэ куэдым я лъабжьэр пэжым зыгуэркIэ йокIуалIэ. Псалъэм папщIэ, псысэ куэдым къазэрыхэщымкIэ, мыIэрысэ (е нэгъуэщI къэкIыгъэ гуэр) цIыхубзым ишха нэужь, уэндэгъу мэхъури, лIыхъужь нэхъыщхьэр дунейм къытохьэр. ДауикI мыр зэрыпщIым зыми зы шэчи къытрихьэркъым, ауэ ар къызгурыIуэр зи къэухьым, зи зэхэщIыкIым зиужьа, дунейм щекIуэкIым шыгъуазэ хьуа цIыхурщ; пасэрейхэм ар яфIэщ хьурт, а мыIэрысэхэр зыпыт жыгым ахэр сабийуи къалытэрт [Штернберг 1936: 440], В.Я. Пропп зэритхымкIи, а пхэщхьэмыщхьэм бгъэдэль мэгу къарум и фIыщIэкIэ, ар ишхмэ, быныфIэ хьуну цIыхум и гугъэт [Пропп 1976: 210]. Араци, зэгуэр пэжу щыIа фIэщхьуныгъэр лъабжьэ хуэхъуащ щапхъэу къэтхьа дуней къытехьэкIэм. Ауэ иужькIэ апхуэдэ фIэщхьуныгъэхэр цIыхум бгъэдэмылгыж пэтми, IуэрыIуатэм ар ихьумащ, хиIэтыкIыну зыхуей лIыхъужь нэхъыщхьэм гу лъуигъатэу – ар къызэрыгуэкIкъым, дуней къытехьэкIэкIэ адреихэм къащхьэщокIри. А къалэн дьдэр ягъэзащIэу мыхэр псысэм икIри тхыдэр зи лъабжьэ эпосым хыхьащ, уеблэмэ, пэж дьдэу дунейм тета цIыхум и образыр зэрыхалэтыкI художественнэ Iэмалу къагъэсэбэп хьуащ. Псалъэм папщIэ, тхыдэм зи цIэр къыхэна Къэзанокъуэ Жэбагы IуэрыIуатэм мыр кIэрельхьэ, адреихэм къахигъэбелджылыкIын папщIэ:

«Къэзанокъуэ Жэбагы лъыжь-фызыжь быныншэм къалъхуащ, блэ къешэкIауэ» [Сказания о Жабаги... 2001: 53].

Нэхъыбэу лъэпкъым щызэщIэлгыса вариантхэм ипкъ иткIэ жыпIэмэ, Жэбагы нэчыхьыншэу къалъху, ар щIахьумэн папщIи пщыIэм бацэм кIуэцIылыу яхьри мэлыхъуэхэм кIэщIадзэ, щIэныгъэлIхэм къызэрахутамкIэ, уэркъ унагъуэм къыхэкIауэ щыт пэтми.

А псом къикIраци, IуэрыIуатэр зыхущIэкъур зэгуэр цIыхум хэIа фIэщхьуныгъэр къэIуэтэжын къудейркъым, атIэ ар къыгъэсэбэпурэ и къэгъэщIыгъэр «зэригъэщIэрэщIэнырщ». Апхуэдэхэщ цIыхухэм ирагъэкIуэкIыу щыта дауэдапщэхэри, зэрахьэу щыта хабзэхэри. Мыхэр псысэм «къызэригъэIэрыхуэри» В.Я. Пропп къипщытауэ щытащ [Пропп 1986: 4-21]. ЩIэныгъэлIым а зэхущытыкIэхэр лIэужьыгъуищу зэщхьэщегъэкIыр: 1) дауэдапщэр е хабзэр зэрыщыта дьдэу псысэм къыгъэсэбэпу; 2) зэрыщыт дьдэу, ауэ и зы пкъыгъуэ гуэрым зригъэхъуэжу; 3) зэрыщытын хуейм пэгъэувауэ.

Нарт Щауей шу гъусэ иIэу гъуэгу тету, зы шу къахуозэ. КъызэрыщIэкIымкIэ, ар езы Щауей деж щыхьэщIэну къакIуэу арт. ХьэщIэм кIэлъызрахьэ хабзэр арати, сыт и лъэныкъуэкIи абы пщIэ хуэщIыпхьэ Щауей къыгъанэркъым: и щхьэ Iуэху къегъанэ, егъэзэжри и хьэщIэр сыт и лъэныкъуэкIи (и шхынкIи, зыщIэсынкIи, н.) зыхуей хуэзэу егъэхьэщIэ, зекIуэм къыщриджэкIи, здишэмкIэ щIэмыупщIэу дошэс, псэзэпылхьэпIэм хьэщIэр щихуэкIэ, езым и гъащIэм щымысхьу, хьэщIэм и дэлэпыкъуэгъу мэхьу, гъуэгуанэм хьэщIэм и унафэм, чэнджэщым тетщ, н. Арат хабзэм къыгъэувыр. Ауэ а хабзэм и зы Iыхьэ зэрыщытын хуэмейм хуэдэу мыбыхэм я IуэхущIафэм хыдолъагъуэ. Ар я шхэкIэрщ. ХьэщIэм жэщ къэс зы мэл псо, и шым Iус къэпрэ мэкъу Iэтэрэ ишхынущ, апхуэдэ дьдэу абыхэм апхуэдиз яшхьу шхэгъу яIэн хуейщ. Дызэрыщыгъуазэщи, лъэпкъым нэхь емыкIуу къылытэхэм ящыщт цIыхур ныблэу щытыныр: сыт хуэдизкIэ мымэжэлIами, абы шыIэныгъэ хэIын ху-

ейт – гужьяеуэ е нэхъыжьыр япэу ерыскъым щыхэИэбэнуи емыжьэу шхыным епхъуэныр хабзэншагъэт. Ауэ ИуэрыIуатэм абы и мыхъэнэр ехъуэж, и лыхъужьыр кърихигъэщхъэхукIыну – егъэлеяуэ шхын куэд шхыныр батырагъым и нэщэнэщ. Апхуэдэ дьдэ мыхъэнэ иIэщ жейнми. Жейнэдыр игъащIэми цыхум я фIэауанщ. Ауэ Щауей и хъэщIэр мэгъуэлъри зимыгъазэу мазэкIэ мэжей, сыт щхъэкIэ жыпIэмэ батырщи. А псор зыхузыфIэкIыр езыр цыхубзу кыщIокI, и шырмэ езырмэ я шхэгъухэр езы Щауейрэ и шы Джэмыдэжьымрэщ. Мыбдежым образ кэгъэщIыкIэращи, ипэм деж лыхъужьыр фейцейуэ хуэпащ, и шыр уэдыкыуащ, егъэлеяуэ ерыскышхуэ яшх, ауэ икIэм деж зыкызыэкыуахри нэгъуэщI зыгуэрми дэдмылгагъу лыхъужьыгъэрэ хахуагъэрэ кьалыкыуокI [Нарты... 2020: 465-481].

Нарт эпосым нэхъыбэ дьдэу зыщызужьахэм ящыщ зыщ Бэдынокъуэ нартхэм кьахильхьа хабзэфIым теухуа хыбарыр. Абы кызыэрыхэщыжымкIэ, нартхэм хабзэу яхэлът, жьы хъуар Жыгыейбг яхърэ щадзыжу. Еджагъэшхуэхэм я кьэхутэныгъэхэм тепщIыхьмэ, пэж дьдэу мыпхуэдэ хабзэ гуэр пасэ зэман жыжьэм лъэпкъ куэдым зрахъэу шытащ. Ауэ ди ИуэрыIуатэм ар кызыэрыхэщыжым кыкIыркъым, апхуэдэ хабзэ адыгэхэми яхэлыауэ: нобэкIэ абы и тегъэщIапIэ гуэри щыIэкъым. Пэжщ, зэ еплыгыуэкIэ а хабзэр зэрекIуэкIыу шытар ди нэгу кыщIигъэувэжыну хыбарыр пылту кыпщохъу, абы шыгыуэми Жыгыейбг фIэщыгъэцIэр зэрихъэу ди Кьэбэрдей щIынальэми, КIахэми бгы итщ. Ауэ, ищхъэкIэ кьэтхьа щапхъэхэм хуэдэуи, мы мотивым и кьалэн нэхъыщхъэр а хабзэжьыр кьэIуэтэжыныркъым, атIэ ар лъабжьэ ищIкIэрэ Кавказым ис лъэпкъхэм апхуэдизу ягъэлыапIэ нэхъыжьым пщIэ хуэщIыныр кыыхигъэбелджылыкIыну, абы гу лъуигъэтэну арщ [Гутов 2009: 47]. Абы кыдэкIуэу, хыбарым зэрыжиIэмкIэ, хабзэжьыр япэу нартхэм захезыгъанэр Бэдынокъуэщ, апхуэдэу шыщыткIи, мы лыхъужьым и цIэри абыкIэ Iэта мэхъу. Сюжетыр лъэпкъ куэдым зэIэпахыу яхэлъхэм шыщщ. Абы и щыхъэтщ Антти Аарнерэ Стиф Томпсонрэ псысэ сюжетхэм хузэхалъхьа дуней псо сюжетгъэлыагъуэр. Абы мыр АТ 981 бжыгъэмкIэ кыщыгъэлыгъуащ. Дызырышыгъуазэщи, мыпхуэдэ сюжетхэм я лъапсэм кыщыщIидзэр кьэхутэжыгъуейщ: зы щыпIэ гуэрым кыщцежьэу, зэIэпахыурэ псом я дежи шызэлъэщIыса, хьэмэрэ лъэпкъхэм кьакIуа гъуэгуанэр зэрызэщхьым кыыхэкIыу, зэхуэдэу псом я дежи кыщыунэхуа – зэхэгъэкIыгъуейщ. Ауэ, дауэ шымытаи, ди ИуэрыIуатэм хэтщ, нэхъыбэ дьдэу зыщызужьахэми ящыщ зыщ – эпосым и мызакъуэу, псысэхэми куэду ущрохъэлIэ. Дызытепсэлъыхь Iуэхугъуэм тIэкIу дыкытекIами, мы щапхъэхэм белджылы кьащI, пасэррей хабзэр адыгэ ИуэрыIуатэм кызыэригъэсэбэп щIыкIэр, арщ В.Я. Пропп кыыхильхьа гупсысэм кызыэритIасэр.

ЕщIэнокъуэ зэшхэм я анэм и нэкIур зэрауIэ мотивми и кьалэныр арщ. ИуэрыIуатэр кьэзыгъэщIа лъэпкъым кыгуроIуэ апхуэдэ щIэпхъэджагъэ блэжьмэ кьрикIуэнкIэ хьунур, ауэ ар хыбарым хельхъэ, КIэфыщ и кьуитIым яIэщIэщIауэ. Мыр хуэбгъадэ хьунуш В.Я. Пропп зи гугъу ищIа ещанэу кыыхигъэкIауэ ИуэрыIуатэм хабзэр кызыэригъэсэбэп щIыкIэм – хабзэр зэрыщытын хуейм мыр пэгъуэуащ. Кьэхъун хуэмей, шыIэн хуэмей кьэхъуащ. Хыбарым щIэдэIум абы занщIэу гу лъетэ, егъэпIейтей, адэкIэ кьэхъунур

зригъэщӀэнуи хуопабгъэ. Мис апхуэдэ художественнэ къалэн и пщэ къыдохуэ зи гугъу тщӀы Іуэхугъуэм.

Абы къыдэкӀуэу, КӀэфыщ зэшитӀым я ІуэхущӀафэм мыхъэнэшхуэ иӀэщ, сюжетым адэкӀэ зиужынымкӀи. ЕщӀэнокъуитӀри КӀэфыщ и къуитӀри Кърымым щэкӀышэ кӀуа шуудзэм зэдыхэтщ, лъыщӀэжыныр къапэщылъ пэтми, ахэр зэбий пэтми, пщӀэ нэмыс я зэхуаку дэльщ, зыр зым и щӀэгъэкъуэнщ. А щӀыкӀэмкӀэ ІуэрыӀуатэм аргуэру еӀэт лъэпкъым хэлъа нэгъуэщӀ зы зэхушытыкӀэ хабзи: бгъэгъу мыхъун Іуэхугъуэ лъэпкъитӀым къалыкыуэкӀами, шыӀэныгъэр псом я щӀыӀу къакӀуэрт; нэхъ емыкӀу дыдэхэм ящыщт зыгуэрым, ар лыкӀэ бийр арами, щэхуу, бэлэрыгъауэ утеуэу, хуэтыкыуауэ гъэпщӀагъэкӀэ утыку ипшэу хэбгъэщӀэныр. АдэкӀэ мы Іуэхугъуэм теухуауэ циклым дызыщрихъэлӀэраци, жылэм я фӀэпсэкӀуэдщ апхуэдиз лӀыхъужыгъэрэ хахуагъэрэ зыбгъэдэль лӀыхъусэжъхэр лыи щӀэжыным зэрытекӀуэдэнур. ХэкӀыпӀэу къалытӀэу аргуэру зызыхуагъазэр адыгэ хабзэрщ – къуэ щӀыным пыщӀауэ щыӀарщ. Нэхъыжъхэм я унафэкӀэ, ЕщӀэнокъуэ зэшхэр дэмысу, КӀэфыщ и къуитӀыр яшэри фызыжъым йольӀэу, ящӀа мыхъумыщӀагъэр мы иужьрейхэм къахуигъэгъуну, Іэмал иӀэмэ, бын къищӀыну. Фызыжъми къыгуроӀуэ лӀыхъужыгъэкӀэ псыхъа лӀыхъусэжъхэр зӀущӀэмэ, лыи гъажэ гуащӀэ къызэрыхъунур, абы папщӀэкӀи арэзы мэхъу. Зэрыхабзэти, КӀэфыщ и къуитӀыр ЕщӀэнокъуитӀым я анэм и бгъэм ІупэкӀэ лъагъӀэс, а щӀыкӀэмкӀи ар къэзылъхуа анэм пэлыта мэхъу. А псом къагъэлъагъуэ анэм, анэ быдзышэм нэхърэ нэхъ лъапӀэ, абы епщӀыжыным нэхъ икӀагъэ лъэпкъым дежкӀэ зэрыщымыӀэр. (Къаниболэт и цӀэр ІейкӀэ уэрэдым къыхэнащ, илэжъа мыхъумыщӀагъэр, быдзышэ зыдефа Андемыркъан Іэщэ-фацэншэу гъэпщӀагъэкӀэ бий утыку иришэу зэрыригъэукӀар, зэрылъэпкъыу ягу щӀыхъати). Пэжщ, хыбархэм къазэрыхэщымкӀэ, ЕщӀэнокъуитӀыр я анэм егъасэ, псэм япэ напэр ирагъэщын хуейуэ, лыгъэм, хахуагъэм, лӀыхъужыгъэм къахыну псор кърагъэхыну, абы щыгъуэми, анэщи гумашӀагъри къылыкыуокӀ: КӀэфыщ зэшитӀым къращӀар гъэгъугъуейми, абы ирегъэхри къуэ къешӀ, апхуэдэ щӀыкӀэкӀи ахэри езым и къуитӀри лыи гъэжэным пӀэщӀэ ещӀ.

ЖытӀа псом къарыкӀраци, ІуэрыӀуатэр псалъэ гъуазджэм и зы лӀэужыгъуэу щыщыткӀэ, и къэгъэщӀыгъэхэр гум дыхъэу, псэр дихъэхуы щытын хуейщ. Абы тетщ ЕщӀэнокъуэ зэшхэм ехъэлӀа хыбархэри, икӀи а мурадыр «къехъулӀэн» папщӀэ, абыхэм «зыхуагъазэр» ижъ-ижъыж лъандэрэ лъэпкъым къыдэгъуэгурыкӀуэ образ къэгъэщӀыкӀэм, сюжет ухуэкӀэм. Апхуэдэ щӀыкӀэкӀэ анэм и образри циклым щызэтеуауэ жыпӀэ хъунуш.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адыгские сказки... 2018 – Адыгские сказки. В 2-х т. Т. 2: Волшебные сказки [на адыг. яз.: Адыгэ таурыхъэр. ТомитӀу. 2-нэ т: Телъыджей таурыхъэр] / Сост. Ж.Г. Тхамокова (Браева). – Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – 592 с.

Адыгский фольклор 1969 – Адыгский фольклор [на адыг. яз. Адыгэ ІуэрыӀуатэхэр]. В 2-х т. Т. 2 / Сост. З.П. Кардангушев. – Нальчик: Эльбрус, 1969. – 285 с.

АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

Бгажноков 1978 – *Бгажноков Б.Х.* Адыгский этикет. – Нальчик: Книжное изд-во. «Эльбрус», 1978. – 160 с.

- Бухуров 2015 – *Бухуров М.Ф.* Адыгская богатырская сказка. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. – 160 с.
- Гутов 2009 – *Гутов А.М.* Народный эпос: Традиция и современность. – Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. – 228 с.
- Гутов 2018 – *Гутов А.М.* Проблемы адыгского (черкесского) нартского эпоса. – Нальчик: Принт Центр, 2018. – 264 с.
- Нарты... 2017 – *Нарты.* Адыгский эпос. В 4-х т. Т. 2: Озырмес. Батраз. Ашамез / Гл. ред. А.М. Гутов. – Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 468 с. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/2.%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%A2%D0%AB.%D0%A2%D0%BE%D0%BC-2.pdf> (дата обращения: 15.11.2023).
- Нарты... 2020 – *Нарты.* Адыгский эпос. В 4-х т. Т. 3: Бадиноко. Шауей / гл. ред. А.М. Гутов. – Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2020. – 582 с. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%A2%D0%AB-2020%D0%91%D0%AD%D0%94%D0%AB%D0%9D%D0%9E%D0%9A%D0%AA%D0%A3%D0%AD-%D0%94%D0%9B%D0%AF-%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F.pdf> (дата обращения 15.11.2023).
- Пропп 1986 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. – 366 с.
- Пропп 1976 – *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. – М.: Наука, 1976. – 326 с.
- Сказания о Жабаги... 2001 – *Сказания о Жабаги Казаного* / Сост., подг. к печ., коммент. и прилож. З.М. Налоева и А.М. Гутова. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – 332 с.
- ФАИГИКБНЦРАН – Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.
- Фольклор адыгов... 1979 – *Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX века* / общ. ред. А.М. Гутова. – Нальчик, 1979. – 404 с.
- Штернберг 1936 – *Штернберг А.Я.* Первобытная религия в свете этнографии. – Л.: Издательство Института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича. 1936. – 572 с.
- Thompson 1961 – *Thompson S.* The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). – Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1961. – 588 p.

REFERENCES

- Adygskiye skazki. V 2-kh t. T. 2: Volshebnyye skazki* / Sost. Zh.G. Tkhamokova (Brayeva) [Adyg fairy tales. In 2 volumes. Vol. 2: Fairy tales. Comp. Zh.G. Tkhamokova (Braeva)]. – Nal'chik: Red.-izd. otdel IGI KBNTS RAN, 2018. – 592 p. (In Adyghe)
- Adygskiy fol'klor. V 2-kh t. T. 2 / Sost. Z.P. Kardangushev* [Adyg folklore. In 2 volumes. Vol. 2. Comp. Z.P. Kardangushev]. – Nal'chik: El'brus, 1969. – 285 p. (In Adyghe)
- AIGIKBNTSRAN – *Arkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. (In Adyghe)
- BGAZHNOKOV B.Kh. *Adygskiy etiket* [Adyghe etiquette] – Nal'chik: Knizhnoye izd-vo. «El'brus», 1978. – 160 p. (In Russ.).
- BUKHUROV M.F. *Adygskaya bogatyrskaya skazka* [Adyghe heroic fairy tale]. – Nal'chik: Izdatel'skiy otdel KBIGI, 2015. – 160 p. (In Russ.).
- GUTOV A.M. *Narodnyy epos: Traditsiya i sovremennost'* [Folk Epic: Tradition and Modernity]. – Nal'chik: Izd-vo KBIGI, 2009. – 228 p. (In Russ.).
- GUTOV A.M. *Problemy adygskogo (cherkesskogo) nartskogo eposa* [Problems of the Adyghe (Circassian) Nart epic]. – Nal'chik: Print Tsent, 2018. – 264 p. (In Russ.).
- Narty. Adygskiy epos. V 4-kh t. T. 2: Ozyrmes. Batraz. Ashamez / Gl. red. A.M. Gutov* [Narts. Adyghe epic. In 4 volumes. Vol. 2: Ozyrmes. Batraz. Ashamez. Ch. ed. A.M. Gutov]. – Nal'chik: IGI KBNTS RAN, 2017. – 468 p. URL:

<http://www.kbigi.ru/fmedia/2.%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%A2%D0%AB.%D0%A2%D0%BE%D0%BC-2.pdf> (date of access: 15.11.2023). (In Adyghe and Russian)

Narty. Adygskiy epos. V 4-kh t. T. 3: Badinoko. Shauey / gl. red. A.M. Gutov [Narts. Adyghe epic. In 4 volumes. Vol. 3: Badinoko. Shawey. Ch. ed. A.M. Gutov] – Nal'chik: Red.-izd. otдел IGI KBNTS RAN, 2020. – 582 p. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%A2%D0%AB-2020%D0%91%D0%AD%D0%94%D0%AB%D0%9D%D0%9E%D0%9A%D0%AA%D0%A3%D0%AD-%D0%94%D0%9B%D0%AF-%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F.pdf> (date of access: 15.11.2023). (In Adyghe and Russian)

PROPP V.Ya. *Istoricheskiye korni volshebnoy skazki* [The historical roots of fairy tales]. – L.: Leningrad University Press, 1986. – 366 p. (In Russ.).

PROPP V.Ya. *Fol'klor i deystvitel'nost'* [Folklore and reality]. – M.: Science, 1976. – 326 p. (In Russ.).

Skazaniya o Zhabagi Kazanoko / Sost., podg. k pech., komment. i prilozh. Z.M. Naloyeva i A.M. Gutova. [Tales of Zhabaga Kazanoko / Compilation, preparation for printing, comments and appendices by Z.M. Naloeva and A.M. Gutova]. – Nal'chik: El'-Fa, 2001. – 332 p. (In Adyghe and Russ.).

FAIGIKBNTSRAN – *Fonoarkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Phonoarchive of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. (In Adyghe).

Fol'klor adygov v zapisyakh i publikatsiyakh XIX – nachala XX veka / obshch. red. A.M. Gutova [Folklore of the Circassians in records and publications of the XIX th – early XX th centuries / total. ed. A.M. Gutov]. – Nal'chik, 1979. – 404 p. (In Adyghe and Russ.).

SHTERNBERG A.Ya. *Pervobytnaya religiya v svete etnografii* [Primitive religion in the light of ethnography]. – L.: Publishing house of the Institute of the Peoples of the North of the Central Executive Committee of the USSR. P.G. Smidovich, 1936. – 572 p. (In Russ.).

THOMPSON S. The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). – Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1961. – 588 p.

Авторым теухуауэ

Быхъурэ М.Ф. – филологие щІэныгъэхэмкІэ кандидат

Information about the author

M.F. Bukhurov – candidate of sciences (Philology)

Информация об авторе

М.Ф. Бухуров – кандидат филологических наук

Тхыгъэр редакцэм къагъэхъащ 27.10.2023 гъ.; рецензэ нэужьым къаштащ 15.12.2023 гъ.; къытрадзэнуц 26.12.2023 гъ.

The article was submitted 27.10.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Статья поступила в редакцию 27.10.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

Научная статья
УДК 398.21+398.22
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-436-451
EDN: RDVMDH

ЧУДЕСНЫЕ ПРЕДМЕТЫ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ И НАРТСКИХ СКАЗАНИЯХ

Фаризат Хасановна Гулиева (Занукоева)

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, gfari-za37@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8883-4613>

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительно-сопоставительного анализа чудесных предметов, встречающихся в текстах волшебных и волшебного-героических сказок и нартского эпоса карачаевцев и балкарцев. Главная цель работы – выявление, систематизация и описание основного массива предметных реалий, обладающих сверхъестественными свойствами, определение специфики их реализации в произведениях обозначенных сегментов карачаево-балкарского фольклора. Для этого методом сплошной выборки были выявлены тексты волшебных и волшебного-героических сказок и нартских сказаний, содержащих упоминания о чудесных предметных реалиях. В работе также применялись описательный, аксиологический, структурный и сравнительно-сопоставительный методы анализа. Установлено, что спектр чудесных предметов в волшебных сказках значительно шире, а вклад в достижение победы героем значительнее, чем в нартских сказаниях. Основными способами приобретения обладающих сверхъестественными качествами предметных реалий в героическом эпосе выступают завладение с помощью силы или хитрости, похищение, в сказочных текстах нередко случаи дарения, получения в наследство. Делается вывод о том, что раскрытие функциональных возможностей тех или иных чудесных предметов, особенности их реализации зависят от основных установок произведения, в котором они применяются: в нартском эпосе данные процессы подчинены героическому пафосу, а в сказках – направленности на воплощение идеи обязательной победы добра над злом. Представленное исследование в перспективе будет способствовать дальнейшему, более углубленному изучению поэтики карачаево-балкарских волшебных сказок и нартского эпоса, созданию более полных классификационных схем чудесных предметов, а собранная информация может послужить базой для проведения сравнительных с фольклорным материалом других народов изысканий.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, волшебные и волшебного-героические сказки, нартский эпос, чудесные предметы, классификация, функция, специфика.

Для цитирования: Гулиева (Занукоева) Ф.Х. Чудесные предметы в карачаево-балкарских волшебных сказках и нартских сказаниях // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 436-451. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-436-451. EDN: RDVMDH.

© Гулиева (Занукоева) Ф.Х., 2023

Original article

WONDERFUL OBJECTS IN KARACHAY-BALKARIAN MAGICAL
FAIRY-TALES AND NART TALES

Farizat H. Gulieva (Zanukoeva)

Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, gfariza37@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8883-4613>

Abstract. The article presents the results of a comparative analysis of wonderful objects, found in the texts of magical and magical-heroic fairy-tales and the Nart epos of the Karachais and Balkarians. The main purpose of the work is to identify, systematize and describe the basic body of objective realities, that have supernatural properties, to determine the specifics of their implementation in the works of the designated segments of Karachay-Balkarian folklore. Using a continuous sample strategy, the texts of magical and magical-heroic fairy-tales and Nart tales featuring references to wonderful objective realities were identified. This study also employed descriptive, axiological, structural, and comparative analysis methodologies. It has been established that the spectrum of wonderful objects in magical fairy-tales is significantly broader, and the hero's contribution to triumph is more significant, than in Nart tales. The main methods of acquiring objective realities with supernatural qualities in the heroic epos are acquisition through force or cunning, abduction; in fairy-tale texts, cases of donation and inheritance are not uncommon. It is concluded, that the disclosure of the functional capabilities of certain wonderful objects, the features of their implementation depend on the basic settings of the work, in which they are used: in the Nart epos these processes are subordinated to heroic pathos, and in fairy-tales – a focus on embodying the idea of the obligatory victory of good over evil. The presented research in the future will contribute to a further, more in-depth study of the poetics of Karachay-Balkarian magical fairy-tales and the Nart epos, the creation of more complete classification schemes of wonderful objects, and the collected information can serve as a basis for conducting comparative research with folklore material of other peoples.

Keywords: Karachay-Balkarian folklore, magical and magical-heroic fairy-tales, Nart epos, wonderful objects, classification, function, specificity.

For citation: Gulieva (Zanukoeva) F.H. Wonderful objects in Karachay-Balkarian magical fairy-tales and Nart tales. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 436-451. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-436-451. EDN: RDVMDH.

© Gulieva (Zanukoeva) F.H., 2023

Введение

Проблема изучения образно-поэтической структуры, изобразительно-выразительных средств и языка нартских сказаний и волшебных сказок получила серьезную разработку в карачаево-балкарской филологической науке. Об этом свидетельствует значительное число работ национальных ученых А.З. Холаева [Холаев 1974; Холаев 1981], Ф.А. Урусбиевой [Урусбиева 1979], М.Ч. Джуртубаева [Джуртубаев 2011], Т.М. Хаджиевой [Хаджиева 2014], Х.Х. Малкондуева [Малкондуев 2017а; Малкондуев 2017b], Л.С. Гергоковой (Этезовой) [Гергокова (Этезова) 2015], М.Б. Кетенчиева, М.А. Ахматовой [Ахматова, Кетенчиев 2023] и др. Тем не менее, исследование ряда аспектов обозначенной проблемы в их трудах имеет обрывочный, недостаточный характер. К числу таковых относятся и чудесные предметы, играющие значительную роль в формировании художественно-поэтической картины и сюжетной структуры текстов сказочного и героического эпосов.

На материале сказочных текстов чудесные предметные реалии становились объектом исследовательского интереса таких отечественных ученых, как В.Я. Пропп [Пропп 2014], В.Е. Добровольская [Добровольская 2009], А.И. Алиева [Алиева 1986] и др. Однако их суждения не могут быть в полной мере применены к материалу карачаево-балкарского фольклора, поскольку процесс его формирования и развития, появления тех или иных специфических черт был обусловлен географическими реалиями места проживания, историей самого этноса, его культурными контактами. Другими словами, устное народное творчество каждого народа включает в себе уникальный, отличный от фольклора других этносов, комплекс закодированной информации о его прошлом. В связи с этим появляется необходимость в доработке любой заимствованной классификационной схемы в соответствии с конкретным эмпирическим материалом. Проведение же систематизации одного и того же элемента поэтики на материале схожих по ряду признаков жанровых форм не только поможет структурировать представление о нем, но и будет способствовать выявлению специфики поэтической, сюжетно-композиционной структуры текстов рассматриваемых сегментов устной словесности. Кроме того, подобное исследование позволит отследить долю участия различных внешних и внутренних факторов (комплекс религиозно-мифологических представлений народа, его материальная и духовная культура, функциональная направленность, целевая установка произведений, межжанровая диффузия и т.п.) в формировании рассматриваемых текстов.

В качестве материала для исследования нами были избраны волшебные (в том числе и волшебно-героические) сказки и нартские сказания карачаевцев и балкарцев. Обусловлено это тем, что обе группы текстов обладают сходной поэтикой: для них характерен элемент фантастики, в них имеются аналогичные сюжеты и мотивы, действуют общие персонажи (богатыри, эмегены, драконы, чудесные кони и др.). Кроме того, и в сказках, и в эпических сказаниях значительная роль отводится чудесным предметным реалиям, активно участвующим в формировании сюжета и развитии действия в произведениях обозначенных жанровых форм.

Исходя из изложенного, основная цель данного исследования заключается в систематизации чудесных предметов, встречающихся в текстах карачаево-балкарских волшебных сказок и нартских сказаний, путем применения единой классификационной схемы с параллельным описанием особенностей их реализации.

О проблеме классификации предметных реалий, обладающих сверхъестественными свойствами

Ввиду того, что число чудесных предметов, встречающихся в фольклорных текстах, достаточно велико и разнообразно, вопрос их систематизации и классификации представляется довольно сложным и неоднозначным. По происхождению их можно разделить на *естественные* (природные) и *искусственные* (объекты материальной культуры), а их, в свою очередь, на растительные и животные, на орудия труда, оружие, предметы быта (посуда, одежда, украше-

ния и др.) и т.д. Список можно дополнять почти до бесконечности, что не позволяет положить данный критерий в основу классификационной схемы.

В связи с тем, что в трудах карачаево-балкарских ученых (А.З. Холаева, Ф.А. Урусбиевой, Т.М. Хаджиевой, Х.Х. Малкондуева и др.) в основном даются лишь краткий перечень чудесных предметных реалий и описание их свойств, возникла потребность в обращении к изысканиям отечественных фольклористов. Однако и здесь мы сталкиваемся с тем, что данная тема «достаточно изучена в системе персонажей сказочного фольклора. В эпических системах данная категория мало исследована» [Чаптыкова 2021: 542].

Так, В.Я. Пропп в своей монографии «Исторические корни волшебной сказки» предложил деление чудесных предметов по общности их происхождения:

- 1) когти, волосы, шкурки, зубы;
- 2) предметы-орудия;
- 3) предметы, вызывающие духов;
- 4) огниво;
- 5) палочка;
- 6) предметы, дарующие вечное изобилие;
- 7) живая и мертвая, слабая и сильная вода;
- 8) куколки, являющиеся промежуточным между волшебными помощниками и чудесными объектами явлением.

Собственно, по происхождению автором выделяются также следующие группы:

- предметы животного и растительного происхождения;
- предметные реалии, в основе которых лежат орудия;
- предметы многообразного состава, которые обладают самостоятельными или же персонифицированными силами;
- атрибуты, связанные с культом мертвых [Пропп 2014: 161–170].

Следует отметить, что данными классификационными схемами охвачены в монографии только предметы, помогающие герою в достижении его целей и задач.

Отсутствие указателя сказочных сюжетов на материале карачаево-балкарского фольклора не позволяет нам применить в своем исследовании и разработанную Е.В. Добровольской матрицу значимых параметров предметных реалий [Добровольская 2009].

Еще одну классификацию находим в статье Д.С. Джанибековой, посвященной анализу волшебных сказок казаков-некрасовцев. Автор выделяет *предметы-помощники* и *предметы-вредители* [Джанибекова 2015: 53]. Подобная схема представляется не вполне оправданной, поскольку также оставляет неохваченной часть предметных реалий, не связанных с подобной смысловой нагрузкой.

В связи с изложенным в данной работе будет применена созданная нами в рамках общего исследования карачаево-балкарских волшебных сказок первичная классификация чудесных предметов, основанная на выполняемых ими функциях. В ней условно был выделен следующий ряд категорий:

- «← хранители души;

- средства исцеления / оживления;
- сигнализаторы;
- средства нападения;
- одурманивающие средства;
- трансформаторы;
- средства защиты;
- ретрансляторы;
- навигаторы (путеводители);
- ускорители, средства передвижения / перемещения;
- невидимки;
- средства, дарующие материальные блага, изобилие...;
- исполнители желаний;
- предметы роскоши» [Гулиева (Занукоева) 2019: 82].

Рассмотрим их на материале карачаево-балкарского сказочного и героического эпосов.

Предметные реалии с чудесными свойствами в волшебных сказках и нартском эпосе карачаевцев и балкарцев

Хранители души. В волшебных сказках карачаевцев и балкарцев данная группа предметных реалий, в первую очередь, связана с мотивом души, находящейся вне тела или на теле персонажа. Это могут быть живые существа (три мухи, три голубя и олень в сказке «*Мырза улу Къанмырза*» – «Мырзаев Канмырза» [КъМФС III 2017: 437–441]) или объекты материальной культуры (чудесная бусина, висящая на волоске на затылке героя в тексте «*Къолан атла*» – «Пегие кони» [КъМФС III 2017: 219–229]; ножик *жюлгюшчюк* в сказке «*Зынгырдаукъ*» – «Зынгырдаук» [МХЖ 1992: 127–136]).

Разработан в них и связанный с магическими представлениями создающего этноса мотив временного хранилища жизни / души гонимого героя. Таковым предстает отсылающий нас к общемировому архетипу древа жизни растительный объект, выросший на месте захоронения (золотой стебелек в сказке «*Мусилия*» [КъМФ 1987: 92–96]; корни золотого дерева в тексте «*Къызчыкъ бла къозучукъ*» – «Девочка и ягненок» [МХЖ 1992: 136–141]). Речь может идти и о череде хранилищ, появляющихся по мере уничтожения предыдущих. Так, в сказке «*Къарауаши къызчыкъ*» – «Девочка-прислужница» [КъМЖТА II 2003: 19–22] душа убитой падчерицы хранится поочередно в дереве, скрипке и золотой монете. Итогом подобных трансформаций в волшебных сказках является возвращение более слабого в физическом и / или социальном плане героя к жизни.

В нартских сказаниях к указанной категории, которую в данном случае правильнее было бы назвать *гарантами жизни*, можно отнести лишь чудесное оружие эмегенов (*сырпын* «волшебный меч», *къылыч* «сабля», *къара къылыч* «черная сабля»), которое одновременно выступает и хранителем, и единственной реальной угрозой жизни своего владельца, который, будучи раз убитым, вновь не воскресает («*Сосурукъ нартлагъа от келтиреди*» – «Сосурук привозит нартам огонь» [Нарты 1994: 120–121]; «*Сосурукъ бла эмеген*» – «Сосурук и

эмеген» [Нарты 1994: 121–124]); «Сосуркъя бла эмеген» – «Сосурка и эмеген» [Нарты 1994: 128–129]).

Если сказка вынуждена находить самые различные способы сохранения жизни физически слабых и социально угнетенных главных персонажей для реализации установки неременной победы добра над злом, героический эпос такого не приемлет вовсе: нартские герои хоть и изображаются порой физически более слабыми, чем их противники эмегены, но благодаря силе духа, хитрости и смекалке сами выходят победителями в конфликте, что обусловлено влиянием героического пафоса.

Средства исцеления / оживления. Спектр лечебных средств в сказках карачаевцев и балкарцев довольно широк. Это и универсальные средства, способные спасти жизнь даже в последний момент, растительного (яблоко – «Падчах улуну кюйюсю, хан улуну кюзюсю, Жабагылыны алмасы. Акътамакъны уа къайсы алды?» – «Ковер царского сына, зеркало сына хана, яблоко Жабагылы. А кто из них женился на Актамакъ?» [МХЖ 1963: 9–13]) или животного происхождения (молоко белой лани в тексте «Ёткюр» [МХЖ 1963: 148–156]; мясо волчонка, медвежонка, львенка в сказке «Асхат бла аны эгечи» – «Асхат и его сестра» [КЪМЖТА II 2003: 111–119]).

Для восстановления утраченной плоти могут использоваться чудесные мази («Сют кёл» – «Молочное озеро» [КЪМФС III 2017: 200–209]). В сказке «Бекбатыр бла Кичибатыр» – «Бекбатыр и Кичибатыр» [КЪМЖТА II 2003: 110–113] данное свойство приписывается и жиру из сваренного мяса эмегена. Здесь следует отметить, что о сверхъестественных свойствах частей тела эмегенов говорится и в нартском эпосе, однако в этом случае результатом их применения является главным образом улучшение боевых качеств нартских воинов, а кровь, пищевод, позвоночная жила, кишки являются смертельно опасными («Сосурукъ нартлагъа от келтиреди» – «Сосурук привозит нартам огонь» [Нарты 1994: 120–121]; «Эмегенни ёнгечи» – «Пищевод эмегена» [Нарты 1994: 126]; «Сосуркъя бла эмеген» – «Сосурка и эмеген» [Нарты 1994: 128–129]; «Юч нарт бла юч эмеген» – «Три нарта и три эмегена» [Нарты 1994: 213–219]).

В волшебных сказках нередко встречаются и разнообразные чудесные средства исцеления от бесплодия (яблоко, груша – «Къарабайтал улу Къарамай» – «Карамай, сын Карабайтал» [МХЖ 1992: 3–7], «Эки эгиз жаши» – «Два близнеца» [КЪМЖТА II 2003: 60–67]) и даже способствующие непорочному зачатию (желтая кость – «Залим ханны къызы» – «Дочь хана Залима» [КЪМЖТА II 2003: 46–49]; пепел сожженного черепа «Атасыз туугъан батыр улан» – «Родившийся без отца храбрец» [МХЖ 1963: 23–32]; прах, в который обратился череп – «Баш сюек» – «Череп» [КЪМФС III 2017: 485–487]).

Вследствие героической направленности нартского эпоса обыденной, повседневной жизни и таким ее проявлениям, как болезнь, в нем практически не остается места, поэтому данная категория предметных реалий остается нереализованной.

В сказочных текстах упоминаются также и различные средства исцеления ран и оживления убитого персонажа. Например, в сказке «Къара къоянчыкъ» – «Черный зайчик» [КЪМФ 1987: 89–92] говорится о применении трех волшеб-

ных палочек: золотая – заживляет раны, серебряная – возвращает к жизни, палочка из драгоценных камней пробуждает ото сна. В то же время в текстах, относящихся к классическому ядру карачаево-балкарского нартского эпоса, отсутствуют упоминания о чудесных средствах возвращения жизни. Это объясняется тем, что все центральные персонажи (Дебет, Алауган, Карашауай, Ёрюзбек, Сатанай, Сосурук) имеют сверхъестественное, божественное происхождение и предстают бессмертными. Остальные же герои могут умирать, когда их миссия (в большинстве случаев – месть) выполнена. Однако в эпосе нередко говорится и об убийстве рядовых нартвов эмегенами.

Мотив исцеления героя с помощью чудесного предмета мы встречаем лишь в более поздних по времени образования произведениях. Так, в нартской песне «*Ачей улу Ачемез*» – «Сын Ачей Ачемез» [Нарты 1994: 128–129] упоминается черный оселок, с помощью которого жена Кубу врачует раны своего мужа и его противника, юного мстителя Ачемеза.

В группу чудесных средств исцеления можно отнести и средства для избавления от слепоты (кровь черноухого барана – «*Два брата*» [КБНС 1957: 66–67], золотая рыбка – «*Бозхасан бла ханны жашы*» – «Бозхасан и сын хана» [КЪМЖТА II 2003: 16–19]). В нартском эпосе однократно упоминается подобное средство, когда ослепленный Ёрюзбеком одноглазый эмеген просит его зарезать черного козла из своего стада и оставить кровь из его сердца так, чтобы он мог ее достать, но хитрость его не удалась («*Ёрюзбек бла жангыз кёзлю эмеген*» – «Ёрюзбек и одноглазый великан» [Нарты 1994: 95–97]).

Сигнализаторы. В сказочном эпосе для сообщения о состоянии героя и его дел могут использоваться различные средства: волшебные пули / стрелы, из которых по обстоятельствам сочится молоко или кровь («*Къолан атла*» – «Пегие кони» [КЪМФС III 2017: 219–229]); кольцо, в случае беды покрывающееся ржавчиной («*Жарыкъбий*» – «Жарыкъбий» [КЪМФС III 2017: 159–178]); чудесная плеть, конец которой расплетается в случае угрозы («*Всадник в шкуре жеребенка*» [КБФДЗП 1983: 143]). В нартском эпосе для передачи подобной информации применяется мотив тревожного сна.

К средствам призыва чудесных помощников в сказках относятся разнообразные волоски, перья, чешуйки, которые надо поднести к огню или поджечь, чтобы передать «сообщение» о необходимости помощи герою («*Билмез*» [КЪМФ 1987: 107–109]; «*Кюлбулгъаууч*» – «Кюлбулгауч» [КЪМФ 1987: 109–112]); «*Тогъузакъ*» – «Тогузак» [КЪМФ 1987: 96–101]), чудесная свирель *сырыйна* («*Асхат бла аны эгечи*» – «Асхат и его сестра» [КЪМЖТА II 2003: 111–119]), различные бытовые предметы (иголка, кольцо, наперсток, серьга и др.) («*Макъа келин*» – «Невеста-лягушка» [КЪМЖТА I 1999: 252–257]).

К сигнализаторам можно также отнести и предметы, сообщающие владельцу об опасности, проникновении посторонних (чудесный колокольчик в сказке «*Атасыз туугъан батыр улан*» – «Родившийся без отца храбрец» [МХЖ 1963: 23–32]).

Практически идентичный мотив о кольце-сигнализаторе, которое с помощью звука оповещает своего ослепленного хозяина-эмегена о местонахождении его противника, встречается и в волшебно-героической сказке «*Карабатыр*» [БКС

1983: 97–102], и в нартском сказании «*Нарт Сосурукъ бла жангыз кёзлю эчкичи эмеген*» – «Нарт Сосурук и одноглазый эмеген-пастух коз» [Нарты 1994: 131–132]. Если во втором случае разрабатывается лишь один сюжет, то в случае сказки это лишь один из эпизодов и действия разворачиваются дальше.

Средства нападения. В данную группу входит различное волшебное оружие, которое широко распространено как в волшебных и волшебнo-героических сказках, так и в нартских сказаниях. Оно может перейти к герою в наследство, в качестве дара (в сказках) или же с помощью силы или хитрости забирается у противника (в сказках «*Хан улу Мамучачар*» – «Сын хана Мамучачар» [КЪМФ 1987: 101–107]; «*Асхат бла аны эгечи*» – «Асхат и его сестра» [КЪМЖТА II 2003: 111–119]; «*Алтын тюклю кьуш*» – «Птица с золотым оперением» [КЪМФС III 2017: 420–422]; нартских сказаниях «*Сосуркья бла эмеген*» – «Сосурка и эмеген» [Нарты 1994: 128–129]; «*Сосурукъ эмегенле бла тутушады*» – «Сосурук борется с эмегенами» [Нарты 1994: 129–131] и др.).

К числу специфического оружия нападения в нартском эпосе можно отнести мехи бога Ветра, одолженные (по некоторым версиям подаренные) им эмегенам и используемые великанами для насылания буранных ветров и стужи на страну нартов и угождая покровителя диких животных Апсаты («*Юч нарт бла юч эмеген*» – «Три нарта и три эмегена» [Нарты 1994: 213–219]).

Магическим оружием биологического характера может считаться и культовая Красная палка / палка Тейри, используемая нартами для уничтожения эмегенов. Здесь проявляется одна из особенностей некоторых чудесных предметных реалий нартского эпоса: если в сказках они присутствуют как данность, то здесь говорится об их источнике (первовладелец мехов – бог Ветра) и даже создании их самими героями эпоса («*Кьызыл таякъ / Тейри таякъ*» была изготовлена нартским кузнецом Дебетом из некоего красного дерева, т.е. в данном случае мы имеем дело с культурным героем).

К средствам нападения можно отнести и дезориентирующие предметы. Так, в волшебной сказке «*Обур эфенди*» – «Эфенди-колдун» [МЖНСЭ 1959: 126–133] говорится о некой темной жидкости из бутылки, которая погружает всех в сон, если ее распылить по округе. Ее действие снималось с помощью разбрызгивания светлой жидкости из другой бутылки. В нартском эпосе подобное средство, пепел из костей эмегенов, имеет боевую задачу – создать туман, некое подобие дымовой завесы («*Дебетни жашилары бла эмеген кьатынны кьызылары*» – «Сыновья Дебета и дочери эмегенши» [Нарты 1994: 146–149]).

Трансформаторы. К числу часто встречающихся в волшебных сказках мотивов относится и изменение внешности героев (частичное / полное, временное / постоянное, добровольное или насильственное) с помощью различных чудесных предметных реалий. Это могут быть различные фрукты (яблоки, груши, рожки, сливы – «Бедняк» [МХЖ 1992: 40–43]; «Пасынок» [КБФДЗП 1983: 162–165]), жидкости (вода из лужи, реки, из которой пили воду домашние животные – «*Кьызыкь бла кьозучукь*» – «Девочка и ягненок» [МХЖ 1992: 136–141], «*Илеука*» [МЖНСЭ 1959: 188–192]; черная и белая вода – «Падчерица» [КБНС 1957: 82–83]; молоко черной коровы – «Абдулкерим» [МХЖ 1992: 60–67]), чудесные предметы (плеть в сказках «Магомед Индырбаев» [КБФДЗП 1983: 189–192],

«Бедняк и ханская дочь» [БКС 1983: 52–56]; лопатка великанши в тексте «Муслия» [КъМФ 1987: 92–96]) и снадобья (мази в сказке «Дерт» – «Мечь» [МЖНСЭ 1959: 33–41]).

В нартских сказаниях в качестве трансформирующего предмета упоминается лишь войлочная плеть, с помощью которой эмеген превратил Ёрюзмека в собаку («Нарт Ёрюзек бла акъ марал» – «Нарт Ёрюзек и белая лань» [Нарты 1994: 106–108]). Здесь, на наш взгляд, прослеживается влияние сказочных мотивов, поскольку, в целом, подобные трансформации героев не соответствуют идеологическим установкам и поэтическим принципам создания нартского эпоса.

Средства защиты. К числу предметных реалий, помогающих сказочным героям уберечься от козней, преследования антагонистов, можно отнести: чудесные покрывала, одно из которых не пропускает ни холод, ни жар, а второе защищает владельца от камней и металла («Батыр жашчыкъ» – «Храбрый мальчик» [МЖНСЭ 1959: 205–216]); иголка, ножницы, расческа, волосяной аркан и палка, превращающиеся в препятствия, которые сложно одолеть («Макъа келин» – «Невеста-лягушка» [КъМЖТА I 1999: 252–257]; «Хан бла жашлары» – «Хан и его сыновья» [МЖНСЭ 1959: 59–66]; «Зар къарындашла» – «Завистливые братья» [МХЖ 1963: 14–22]).

В нартском эпосе главным оберегающим предметом выступает знаменитый волчий полушубок Ёрюзмека. Данный чудесный атрибут тесно связан с тотемными представлениями карачаевцев и балкарцев, он не только сообщает предводителю нартского войска о предстоящей угрозе, но в случае необходимости реально спасает жизнь своего владельца («Ёрюзек бла аны бёрю тону» – «Ёрюзек и его волчий полушубок» [Нарты 1994: 95]). Сюда же следует отнести и шапку *сибил бёрк*, тоже предупреждавшую своего владельца о кознях противников, а также позволявшую даже самой темной ночью видеть все, что происходит во вселенной. Она с помощью хитрой уловки была изъята Карашауае у эмегенов («Къарашауайны хыйласы» – «Хитрость Карашауая» [Нарты 1994: 210–211]).

Ретрансляторы. В числе средств, позволяющих увидеть происходящее в мире, а в некоторых случаях и вмешаться в ход событий, в карачаево-балкарских волшебных сказках упоминается чудесное зеркало («Падчах улуну кюйюзю, хан улуну кюзгюсю, Жабагылыны алмасы. Акътамакъны уа къайсы алды?» – «Ковер царского сына, зеркало сына хана, яблоко Жабагылы. А кто из них женился на Актамак?» [МХЖ 1963: 9–13]; «Эльяс бла золоуцу» – «Эльяс и путник» [КъМФС III 2017: 396–398]; «Приключения охотника» [БКС 1983: 102–107]). В нартских сказаниях обладательницами подобных чудесных зеркал, именуемых *жек*, выступают Сатанай («Сатанай Темир-Къапуну аскерин хорлайды» – «Сатанай побеждает войско Темир-Капу» [Нарты 1994: 104–106]) и эмегенша. Последней принадлежит и некое подобие волшебной подзорной трубы *билгич мюйюз* («Дебетни жашлары бла эмеген къатынны къызлары» – «Сыновья Дебета и дочери эмегенши» [Нарты 1994: 146–149]).

Навигаторы. В карачаево-балкарских волшебных сказках в качестве чудесных указателей пути выступают перо из крыла царя птиц («Алтын туюлю къуш» – «Птица с золотым оперением» [КъМФС III 2017: 420–422]), стеклянная

бусина («Хан бла жашлары» – «Хан и его сыновья» [МЖНСЭ 1959: 59–66]), ветка, дарованная чудесной свекровью героя («Невеста-лягушка» [КБНС 1957: 71–74]), ватка («Макъа келин» – «Невеста-лягушка» [КЪМЖТА I 1999: 252–257]) и др.

В нартских сказаниях данная группа предметов не реализована.

Ускорители, средства передвижения / перемещения. К данной группе относятся такие сказочные предметные реалии, как ковер-самолет («Къурман-Алий» – «Курман-Али» [КЪМЖТА II 2003: 119–123], «Падчах улуну кюйюсю, хан улуну кюзюсю, Жабагъылыны алмасы. Акътамакъны уа къайсы алды?» – «Ковер царского сына, зеркало сына хана, яблоко Жабагылы. А кто из них женился на Актамак?» [МХЖ 1963: 9–13]), деревянная лошадь с крыльями («Атасыз туугъан батыр улан» – «Родившийся без отца храбрец» [МХЖ 1963: 23–32]), чудесная маленькая повозка («Пасынок» [КБФДЗП 1983: 162–165]).

В текстах нартского эпоса к подобным предметам можно отнести изготовленную Дебетом железную повозку с крыльями, на которой он улетел на небо, когда его миссия на земле была завершена («Дебет кёкде темирчи болуп турады» – «Дебет пребывает на небе в качестве кузнеца» [Нарты 1994: 298–299]), ветрового коня, сотворенного Сатанай вместе с ветровой плетью для того, чтобы спустить Ёрюзмека из небесного обиталища Кызыл-Фука («Ёрюзбек бла Кызыл Фук» – «Ёрюзбек и Кызыл Фук» [Нарты 1994: 86–90]), орлиные крылья и личины, позволявшие нартам и их противникам летать по небу («Усхуртук улу Ёрюзбек бла Фук» – «Усхуртуков Ёрюзбек и Фук» [Нарты 1994: 83–85]; «Дебетни жашлары бла эмеген къатынны къызлары» – «Сыновья Дебета и дочери эмегенши» [Нарты 1994: 146–149]). Можно упомянуть и добытую Карашауае у эмегенов войлочную плетть, способную перемещать любые предметы в указанное место («Къарашауайны хыйласы» – «Хитрость Карашауая» [Нарты 1994: 210–211]).

Невидимки. Функция невидимости в карачаево-балкарских волшебных сказках и нартских сказаниях реализуется через образ шапки: в сказках это шапки, которые героини хитростью выманивают у эмегенов («Къурман-Алий» – «Курман-Али» [КЪМЖТА II 2003: 119–123]; «Пасынок» [КБФДЗП 1983: 162–165]), либо получают от благодарных джиннов или животных («Жарлы киши» – «Бедняк» [МХЖ 1992: 74–81]). В нартском эпосе ее отдает Ёрюзмеку девушка-чертовка в качестве выкупа за свободу («Ёрюзбек нартла тоюнда бла шайтанла тоюнда» – «Ёрюзбек на празднике нартов и празднике чертей» [Нарты 1994: 108–109]).

Средства, дарующие материальные блага, изобилие (снабжающие предметы). В карачаево-балкарских волшебных сказках упоминаются такие снабжающие предметы, как ларчик, вмещающий в себе табун лошадей («Сокъур Алиюкъ» – «Слепой Алиюк» [КЪМФС III 2017: 355–358]), стада коров и коз, отару овец («Къарт мараучуну хапары» – «История старого охотника» [МХЖ 1963: 44–53]), чудесная мельница, которая без зерна обеспечивает владельца белой пшеничной мукой («Зар къарындашла» – «Завистливые братья» [МХЖ 1963: 14–22]), чудесный столик, испражняющийся золотом барашек («Алтын туюкю къуш» – «Птица с золотым оперением» [КЪМФС III 2017: 420–422]), чу-

десный сакис, позволяющий сплевывать золотые монеты («Пасынок» [КБФДЗП 1983: 162–165], кошелек, многократно увеличивающий положенные в него деньги («Бедняк» [МХЖ 1992: 40–43]), рога животного («Жашчыкъ бла къочхарчыкъ» – «Мальчик и барашек» [МХЖ 1989: 13–17]).

В нартском эпосе встречается лишь пара подобных чудесных предметов – отобранный Алауганом у эмегенов медный котел с сорока ушками, в который достаточно было налить воды, а мясо сорока быков появлялось само по себе («Как вошло зло в нартский род» [Нарты 1994: 404–408]) и хитростью выманенный Карашауаеи опять же у эмегенов чудесный аркан *жантау*, который призывал и держал в оцепенении всю дичь с округи («Къарашауаины хыйласы» – «Хитрость Карашауая» [Нарты 1994: 210–211]).

Исполнители желаний. В данную группу входят предметные реалии, «обладающие не какой-то одной волшебной способностью, а целым комплексом, ограниченным только фантазией владельца» [Гулиева (Занукоева) 2019: 92]. К ним можно отнести чудесную свирель («Бедняк» [МХЖ 1992: 40–43]), волшебную бусину («Окью-сокью» – «Оку-соку» [МХЖ 1989: 95–103]), ржавое кольцо царя змей («Насыблычыкъ» – «Счастливчик» [МЖНСЭ 1959: 146–154]), ржавую лампу («Алладин» [КЪМФС III 2017: 491–494]) и т.д.

В нартских сказаниях обозначенная группа чудесных предметов не представлена.

Предметы роскоши. К данной категории относятся в основном предметные реалии, выполняющие развлекательную, эстетическую функцию: музицирующие золотое дерево и золотая шуба («Зар къарындашла» – «Завистливые братья» [МХЖ 1963: 14–22]; «Аталары ёксюз къызларына не этди, ёксюз эгечле да бир-бирлерине не этдиле» – «Как поступил отец со своими дочерьми-сиротами и как поступили друг с другом сестры-сироты» [МХЖ 1963: 138–147]), чудесные часы («Атасыз туугъан батыр улан» – «Родившийся без отца храбрец» [МХЖ 1963: 23–32]).

К этой же группе примыкает и нечто неопределенное, что само по себе читает Коран и поет зикры («Тюз ётмеги тюзге жетеди» – «Праведный хлеб праведному достается» [КЪМФС III 2017: 319–320]).

В нартском эпосе из обозначенных предметов роскоши встречается лишь золотая шуба с поющим воротником, хлопающими рукавами и танцующими полами («Алауган алтын тонну эмегенден къалай урлагъанды» – «Как Алауган украл золотую шубу у эмегенов» [Нарты 1994: 149–151]).

Таким образом, изучение комплекса предметных реалий со сверхъестественными свойствами, встречающихся в нартском эпосе, выявило недостаточность взятой нами за основу классификационной схемы. Неохваченными остаются чудесные предметы, которые условно можно объединить в дополнительные разделы:

– идентификаторы правды или детекторы лжи: чаша / бочонок Агуна, золотой ковш нартгов;

– усилители физических качеств нартских героев (допинги): воды, прибавляющие силы и убавляющие их; части тела эмегенов, улучшающие боевые качества;

- усилители оружия: части тела эмегена;
- яды и убивающие средства: кровь, пищевод, кишки, позвоночная жила эмегенов.

В то же время ввиду их неактуальности для героических сказаний, следует устранить из классификации ряд категорий (навигаторы, исполнители желаний, средства оживления, восстановления утраченной плоти, лекарства от болезней, средства для исцеления от бесплодия). Кроме того, при применении схемы на материале нартских сказаний целесообразно изменить название категории «Хранители души» на «Гарант жизни».

Следует также отметить, что в карачаево-балкарском нартском эпосе встречаются предметы, обладающие сверхъестественными свойствами, которые могут объясняться не чудесной сутью самих этих предметов, а рядом сопутствующих факторов. Так, например, гранитный камень, из которого родился Сосурук, сам по себе не представлял ничего необычного, однако сила страсти нартского пастуха Созука к Сатанай / Кюн-бийче зародила в нем жизнь [Нарты 1994: 117, 118].

Подобное наблюдается и в отношении оружия, которое изготовлено нартским кузнецом Дебетом. В карачаево-балкарской версии Нартиады довольно часто говорится о непобедимости, всеокрушимости мечей и стрел нартов. Однако во многом эти свойства объясняются тем, что Дебет использовал при их изготовлении кусочки небесного металла (осколки метеорита, из которого появился Ёрюзмек [Нарты 1994: 74], а также применением при их закаливании различных ядовитых средств (соков ядовитых растений, змеиных ядов, добытых Сатанай [Нарты 1994: 105], кусков пищевода эмегена [Нарты 1994: 126]).

Сюда же следует отнести и трут, изготовленный Сибильчи из протоков, через которые выдыхал огонь убитый им трехглавый дракон. Его нарты использовали в качестве зажигательных стрел в битве с сотней трехголовых огнедышащих драконов Кёсе-Бурунгука в сказании «Сибил нартла» – «Нарты Сибилы» [Нарты 1994: 275–278].

В этом же контексте можно упомянуть и чудесную нартскую амуницию: чекмени, которые не пропускали воду, были прочными, их не пробивали стрелы, не резали мечи, в холод в них было тепло, а в жару прохладно. К тому же они были ослепительно блестящими [Нарты 1994: 132]. Однако и в этом случае их чудесные свойства объясняются технологически: они изготовлены из паутины пауков-людоедов, уничтоженных нартским войском во главе с Сосуруком.

Заключение

Таким образом, анализ чудесных предметных реалий карачаево-балкарского нартского эпоса через призму разработанной нами для волшебных сказок первичной классификационной схемы выявил, что она не может быть применена к текстам данного эпического памятника без внесения определенных коррективов (изменение названий, удаление и добавление ряда категорий).

Проведенное исследование показало, что круг функционирующих в нартском эпосе чудесных предметов значительно уже, чем в волшебных и волшебнo-героических сказках. Особенности их отбора и специфика реализации прак-

тически полностью подчинены героическому пафосу и комплексу морально-этических норм создающего этноса. В сказках же вся функциональная мощь чудесной атрибутики направлена на воплощение установки на обязательную победу добра над злом. Если в волшебных сказках добывание чудесных предметов нередко является конкретной задачей главных героев (в рамках брачных испытаний, «невыполнимых» поручений, направленных на устранение героя), то в нартских сказаниях оно не является самоцелью, а происходит само собой в процессе развития действия, богатырь в основном не ведает о них, пока не столкнется с ними по необходимости, по воле случая. Несколько отличаются и способы обретения чудесных предметов: в героическом эпосе это главным образом завладение с помощью силы, хитрости и смекалки, похищение, значительно реже – получение в наследство, в сказках этот перечень дополняется случайным обнаружением и дарением.

Исходя из изложенного, можно констатировать, что все чудесные предметы, встречающиеся как в волшебных и волшебнo-героических сказках, так и в нартском эпосе, тесно связаны с религиозно-мифологическими представлениями, языковой и этнической картинами мира, материальной и духовной культурой, историей карачаево-балкарского народа. В связи с этим дальнейшее, более углубленное изучение чудесной атрибутики указанных разделов национального фольклора представит значительный интерес как для фольклористов, так и для лингвистов, литературоведов, историков и этнологов, культурологов и этнопсихологов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алиева 1986 – *Алиева А.И.* Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. – М.: Наука, 1986. – 277 с.

Ахматова, Кетенчиев 2023 – *Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б.* Синтаксические конструкции с однородными членами предложения в карачаево-балкарском нартском эпосе // Эпосоведение. – 2023. – № 2. – С. 5–15. DOI: 10.25587/SVFU.2023.54.72.001.

БКС 1983 – Балкарские и карачаевские сказки / обраб. А. Алиевой, А. Холаева. – М.: Дет. лит., 1983. – 112 с.

Гергокова (Этезова) 2015 – *Гергокова (Этезова) Л.С.* Язык карачаево-балкарского героического эпоса «Нарты». – Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. – 140 с.

Гулиева (Занукоева) 2019 – *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* Карачаево-балкарская волшебная сказка. – Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – 108 с.

Джанибекова 2015 – *Джанибекова Д.С.* Предметы-помощники героев сказок казаков-некрасовцев: лингвокультурологический аспект // Заметки ученого. – 2015. – № 5-1. – С. 52-54.

Джуртубаев 2011 – *Джуртубаев М.Ч.* Мифология и эпос карачаево-балкарского народа: Древние верования балкарцев и карачаевцев. Карачаево-балкарский героический эпос. – Нальчик: Эльбрус, 2011. – 488 с.

Добровольская 2009 – *Добровольская В.Е.* Предметные реалии русской волшебной сказки. – М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2009. – 224 с.

КБНС 1957 – Карачаевские и балкарские народные сказки / сост. Х. Лайпанов. – Фрунзе: Киргизское гос. изд-во, 1957. – 88 с.

КБФДЗП 1983 – Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях / сост., вступ. статья и коммент. А.И. Алиевой; отв. ред. Т.М. Хаджиева. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 432 с.

КъМЖТА I 1999 – Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула (Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания): в 2-х томах. – Т. 1 / сост., предисл. Т.М. Хаджиевой. – Нальчик: Эльбрус, 1999. – 472 с.

КъМЖТА II 2003 – Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула (Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания): в 2-х томах. – Т. 2 / сост., предисловие Т.М. Хаджиевой. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 472 с.

КъМФ 1987 – Къарачай-малкъар фольклор: нарт таурухла, айтыула, хапарла, джомакъла (Карачаево-балкарский фольклор: нартские сказания, легенды, новеллы, сказки) / сост., вступ. ст., коммент. Р.А. Ортабаевой. – Черкесск: Карач.-Черкес. отд-ние Ставроп. кн. изд-ва, 1987. – 344 с.

КъМФС III 2017 – Къарачай-малкъар фольклорну своду. 3-чю том. Къарачай-малкъар жомакъ (Свод карачаево-балкарского фольклора. Том 3. Карачаево-балкарская сказка) / отв. ред. Х.Х. Малкондуев. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 990 с. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/3-Свод-карач-балк-фольк.pdf> (дата обращения: 18.02.2023).

Малкондуев 2017a – *Малкондуев Х.Х.* Карачаево-балкарская народная сказка. – Нальчик: Изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 184 с.

Малкондуев 2017b – *Малкондуев Х.Х.* Карачаево-балкарский нартский эпос. Теория. Историзм. Самобытность. – Нальчик: Принт Центр, 2017. – 148 с.

МЖНСЭ 1959 – Малкъар жомакъла, нарт сёзле, элберле (Балкарские сказки, пословицы, загадки) / сост. А.Х. Соттаев. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1959. – 268 с.

МХЖ 1963 – Малкъар халкъ жомакъла (Балкарские народные сказки) / сост. С.А. Отаоров. – Т. II. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1963. – 324 с.

МХЖ 1989 – Малкъар халкъ жомакъла (Балкарские народные сказки) / сост. З.М. Улаков. – Нальчик: Эльбрус, 1989. – 112 с.

МХЖ 1992 – Малкъар халкъ жомакъла (Балкарские народные сказки) / составитель С.М. Моттаева. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 188 с.

Нарты 1994 – Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / отв. ред. А.И. Алиева. – М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит.», 1994. – 656 с.

Пропп 2014 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки / сост., науч. ред., текстологический комментарий И.В. Пешкова. – М.: Лабиринт, 2014. – 332 с.

Урусбиева 1979 – *Урусбиева Ф.А.* Карачаево-балкарский фольклор. – Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1979. – 95 с.

Хаджиева 2014 – *Хаджиева Т.М.* Фольклор // Карачаевцы. Балкарцы. – М.: Наука, 2014. – С. 522-584.

Холаев 1981 – *Холаев А.З.* Народное устно-поэтическое творчество // Очерки истории балкарской литературы. – Нальчик: Эльбрус, 1981. – С. 13-31.

Холаев 1974 – *Холаев А.З.* Карачаево-балкарский нартский эпос. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 144 с.

Чаптыкова 2021 – *Чаптыкова Ю.И.* Волшебный предмет как элемент сюжетостроения в хакасском героическом эпосе // Народы Алтая в социокультурном пространстве России на рубеже эпох. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 30-летию со дня образования Республики Алтай и 265-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства / отв. ред. Н.В. Екеев. – Горно-Алтайск: БНУ Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики имени С.С. Суразакова», 2021. – С. 541-548.

REFERENCES

АНМАТОВА М.А., КЕТЕНЧИЕВ М.В. *Sintaksicheskie konstrukcii s odnorodnymi chlenami predlozheniya v karachaevo-balkarskom nartskom epose* [Syntactic constructions with homogeneous sentence terms in the Karachay-Balkar Nart epic]. IN: *Eposovedenie*. – 2023. – № 2. – P. 5-15. DOI: 10.25587/SVFU.2023.54.72.001 (In Russ.)

ALIEVA A.I. *Poetika i stil' volshebnyh skazok adygskih narodov* [Poetics and style of magical fairy-tales of the Adyghe peoples]. – Moscow: Nauka, 1986. – 277 p. (In Russ.)

Balkarskie i karachaevskie skazki [Balkarian and Karachay fairy-tales] / Edited by A. Alieva, A. Holaev. – Moscow: Detskaya literatura, 1983. – 112 p. (In Russ.)

CHAPTYKOVA YU.I. *Volshebnyj predmet kak element syuzhetostroeniya v hakasskom geroicheskom epose* [Magic object as a plot-building element in Khakass heroic epic]. IN: *Narody Altaya v sociokul'turnom prostranstve Rossii na rubezhe epoch* [The peoples of Altai in the socio-cultural space of Russia at the eras turn]. Digest of articles dedicated to the 30th anniversary of the Altai Republic founding and the 265th anniversary of the voluntary entry Altai people into the Russian state / Executive editor N.V. Ekeev. – Gorno-Altajsk: Nauchno-issledovatel'skij institut altaistiki imeni S.S. Surazakova, 2021. – P. 541–548. (In Russ.)

DOBROVOL'SKAYA V.E. *Predmetnye realii russkoj volshebnoj skazki* [Subject realities of the Russian magical fairy-tale]. – Moscow: Gosudarstvennyj respublikanskij centr russkogo fol'klora, 2009. – 224 p. (In Russ.)

DZHANIBEKOVA D.S. *Predmety-pomoshchniki geroev skazok kazakov-nekrasovcev: lingvokul'turologicheskij aspekt* [Items-assistants of the heroes of fairy-tales of Nekrasov Cossacks: linguoculturological aspect]. IN: *Zametki uchenogo*. – 2015. – № 5-1. – P. 52-54. (In Russ.)

DZHURTUBAEV M.CH. *Mifologiya i epos karachaevo-balkarskogo naroda: Drevnie verovaniya balkarcev i karachaevcev. Karachaevo-balkarskij geroicheskij epos* [Mythology and epos of Karachay-Balkarian people: Ancient beliefs of balkars and karachais. Karachay-balkarian heroic epos]. – Nal'chik: El'brus, 2011. – 488 p. (In Russ.)

GERGOKOVA (ETEZOVA) L.S. *Yazyk karachaevo-balkarskogo geroicheskogo eposa «Narty»* [The language of Karachay-Balkarian heroic epic «Narts»]. – Nal'chik: Izdatel'skij otdel KBIGI, 2015. – 140 p. (In Russ.)

GULIEVA (ZANUKOEVA) F.H. *Karachaevo-balkarskaya volshebnyaya skazka* [Karachay-balkarian magic fairy-tale]. – Nal'chik: Redakcionno-izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2019. – 108 p. (In Russ.)

HADZHIEVA T.M. *Fol'klor* [Folklore]. IN: *Karachaevtsy. Balkartsy* [Karachais. Balkarians]. – Moscow: Nauka, 2014. – P. 522-584. (In Russ.)

HOLAEV A.Z. *Karachaevo-balkarskij nartskij epos* [Karachay-Balkarian Nart epos]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – 144 p. (In Russ.)

HOLAEV A.Z. *Narodnoe ustno-poeticheskoe tvorchestvo* [Folk oral-poetic works]. IN: *Ocherki istorii balkarskoj literatury* [Essays on the history of balkarian literature]. – Nal'chik: El'brus, 1981. – P. 13-31. (In Russ.)

K"arachaj-malk"ar fol'klor: nart tauruhla, ajtyula, haparla, dzhomak"la [Karachay-balkarian folklore: Nart tales, legends, short stories, fairy-tales] / Compilation, introductory article, comments by R.A. Ortabaeva. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva, 1987. – 344 p. (In Karach.-Balk.)

K"arachaj-malk"ar fol'klornu svodu. 3-chyu tom. K"arachaj-malk"ar zhomak" [The set of karachay-balkarian folklore. Vol. 3. Karachay-balkarian fairy-tale] / Executive editor H.H. Malkonduev. Nalchik: Redakcionno-izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2017. 990 p. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/3-Свод-карач-балк-фольк.pdf> (date of access: 18.02.2023). (In Karach.-Balk. and in Russ.)

K"arachaj-malk"ar zhomak"la, tauruhla, ajtyula [Karachay-balkarian fairy-tales, legends, legends]: In 2 volumes. – Vol. 1 / Compilation, foreword by T.M. Hadzhieva. – Nal'chik: El'brus, 1999. – 472 p. (In Karach.-Balk.)

K"arachaj-malk"ar zhomak"la, tauruhla, ajtyula [Karachay-balkarian fairy-tales, legends, legends]: In 2 volumes. – Vol. 2 / Compilation, foreword by T.M. Hadzhieva. – Nal'chik: El'-Fa, 2003. – 472 p. (In Karach.-Balk.)

Karachaevo-balkarskij fol'klor v dorevoljucionnykh zapisyakh i publikatsiyakh [Karachay-balkarian folklore in pre-revolutionary records and publications] / Compiler, author of introductory

article and comments A.I. Alieva; editor-in-chief T.M. Hadzhieva. – Nal'chik: El'brus, 1983. – 432 p. (In Russ.)

Karachaevskie i balkarskie narodnye skazki [Karachay and Balkarian folk fairy-tales] / Compiled by H. Laipanov. – Frunze: Kirgizskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1957. – 88 p. (In Russ.)

Malk"ar halk" zhomak"la [Balkarian folk fairy-tales] / Compiled by S.A. Otarov. – Vol. II. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. – 324 p. (In Balk.)

Malk"ar halk" zhomak"la [Balkarian folk fairy-tales] / Compiled by S.M. Mottaeva. – Nal'chik: El'brus, 1992. – 188 p. (In Balk.)

Malk"ar halk" zhomak"la [Balkarian folk fairy-tales] / Compiled by Z.M. Ulakov. – Nal'chik: El'brus, 1989. – 112 p. (In Balk.)

Malk"ar zhomak"la, nart syozle, elberle [Balkarian fairy-tales, proverbs, riddles] / Collected by A.H. Sottaev. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. – 268 p. (In Balk.)

MALKONDUEV H.H. *Karachaevo-balkarskaya narodnaya skazka* [Karachay-balkarian national fairy-tale]. – Nalchik: Izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2017. – 184 p. (In Russ.)

MALKONDUEV H.H. *Karachaevo-balkarskij nartskij epos. Teoriya. Istorizm. Samobytnost'* [Karachay-Balkarian Nart epos. Theory. Historicism. Originality]. – Nal'chik: Print Centr, 2017. – 148 p. (In Russ.)

Narty. Geroicheskiy epos balkarcev i karachaevcev [Narts. The heroic epos of balkarians and karachais] / Executive editor A.I. Alieva. – Moscow: Nauka. Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura», 1994. – 656 p. (In Karach.-Balk. and in Russ.)

PROPP V.YA. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [Historical roots of magic fairy-tale] / Compilation, scientific editing, textual commentary by I.V. Peshkov. – Moscow: Labirint, 2014. – 332 p. (In Russ.)

URUSBIEVA F.A. *Karachaevo-balkarskij fol'klor* [Karachay-Balkarian folklore]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1979. – 95 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Ф.Х. Гулиева (Занукоева) – кандидат филологических наук.

Information about the author

F.H. Gulieva (Zanukoeva) – candidate of science (Philology).

Статья поступила в редакцию 15.11.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 15.11.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья
УДК 398.8
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-452-460
EDN: UIPYUM

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА ЭПИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Адам Мухамедович Гутов

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7526-3719>

Аннотация. Перевод остается важнейшим средством донесения феноменов словесного искусства до иноязычной аудитории. Поэтому для разных задач фиксации особенностей художественного текста существуют и разные типы передачи содержания оригинала на язык другой среды. В статье рассматриваются некоторые наиболее характерные трудности, которые возникают при обращении к типу перевода, именуемого научно-аналитическим. Признавая фактическую неповторимость всех особенностей источника, внимание обращается на то, какие пути преодоления языкового барьера могут быть использованы в работе над поэтическими текстами, когда языки источника и перевода принадлежат к таким разным структурным типам, как адыгские, относящиеся к группе иберо-кавказских языков и русский – один из индоевропейских. Не отрицая важной роли индивидуального мастерства переводчика, автор приходит к выводу о необходимости поисков органического единства переводного текста и сопровождающих комментариев с глоссарием. Предмет исследования ограничивается поэтическими текстами.

Ключевые слова: научно-аналитический перевод, фоника, разноструктурные языки, версификация, семантика, рифма, аллитерация.

Для цитирования: Гутов А.М. Некоторые проблемы научно-аналитического перевода эпических текстов // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 452-460. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-452-460. EDN: UIPYUM.

© Гутов А.М., 2023

Original article

SOME PROBLEMS OF SCIENTIFIC AND ANALYTICAL TRANSLATION OF EPIC TEXTS

Adam M. Gutov

Institute of Humanitarian Researches – Affiliated Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7526-3719>

Abstract. Translation remains the most important means of communicating the phenomena of verbal art to a foreign language audience. Therefore, for different tasks of recording the features of a literary text, there are different types of transferring the content of the original into the language of another medium. The article discusses some of the most typical difficulties that arise when turning

to the type of translation called scientific-analytical. Recognizing the actual uniqueness of all the features of the source, attention is drawn to what ways to overcome the language barrier can be used in working on poetic texts when the source and translation languages belong to such different structural types as Adyghe, belonging to the group of Ibero-Caucasian languages and Russian - one of the Indo-European ones. Without denying the important role of the individual skill of the translator, the author comes to the conclusion that it is necessary to search for the organic unity of the translated text and accompanying comments with a glossary. The study's focus is solely on poetry texts.

Keywords: scientific-analytical translation, phonics, differently structured languages, versification, semantics, rhyme, alliteration

For citation: Gutov A.M. Some problems of scientific and analytical translation of epic texts. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 452-460. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-452-460. EDN: UIPYUM.

© Gutov A.M., 2023

Известна прямая связь между избранной методикой перевода и полнотой передачи на другом языке семантического и художественного содержания текста оригинала. В свою очередь, сам тип данного действия определяется функциями, которые намечены как цель, хотя сверхзадачей непременно остается стремление к тому, чтобы всякий перевод имел по возможности более широкое назначение. Это положение, представляющееся аксиоматичным, имеет в каждом конкретном случае свои особенности или собственные приоритеты в зависимости от поставленной ключевой задачи выполняемой работы. Оно также связано в немалой мере с типологической идентификацией языка источника и языка перевода. Поскольку даже в близкородственных языках при ретрансляции текста далеко не всегда бывает возможным передать с достаточной полнотой все особенности источника, которые признаются существенными в конкретном случае, это оказывается особенно важным. Когда же речь идет о языках разноструктурных, сложности, как известно, могут возрасти многократно. При безусловно полном сохранении семантического потенциала, что часто программируется как одна из ключевых задач перевода, бывает порою практически невозможно сохранить грамматическую структуру оригинала (так как сами языки типологически различны), а наряду с этим разрушаются ритм, часть образной выразительной системы, отдельные параллельные конструкции, не говоря уж о характере звуковой организации текста. В случае же, когда переводчик ставит своей целью сохранение грамматических конструкций, возрастает степень вероятности того, что в его тексте окажется значительное число сочетаний, не характерных для грамматического строя и ритмики речи языка, на который осуществляется перевод. Если же стоит задача сохранить ритмическую структуру источника, требуется, как правило, сознательно пожертвовать полнотой передачи содержания, а нередко и отдельными синтаксическими параллелями и образными ассоциациями. Но и при таких жертвах не гарантировано, что подобного рода переложение непременно создаст полноценный аналог источника с точки зрения его художественного своеобразия. Поэтому, избирая

в качестве ориентира определенные, представляющиеся во всем правильными принципы перевода поэтического текста с одного языка на другой, исполнитель нередко оказывается вынужденным признать практическую невозможность неукоснительного соблюдения изначально принятых и даже им же самим декларированных исходных принципов работы над текстом. В подобных случаях остается только констатировать, что принятая к руководству методологическая программа есть не более, чем своего рода «декларация о намерениях», выполнение которых на самом деле проблематично. Это вынуждает переводчика сознательно отказаться от передачи особенностей одного рода, чтобы с наибольшей выразительностью отразить в своем тексте другие, заданные в соответствии с избранной целью.

К освещению проблем научно-аналитического перевода мы обращались и ранее [Гутов 2020: 83-90]. В настоящей работе мы ставим своей задачей рассмотреть на анализе конкретных фольклорных текстов несколько характерных случаев, когда переводчик текста с адыгских языков на русский испытывает наибольшие затруднения и вынужден искать дополнительные способы для донесения до русскоязычного читателя смыслового и эстетического содержания источника. Предмет рассмотрения – тексты историко-героических песен адыгов (черкесов), над подготовкой к печати которых в настоящее время работает группа специалистов. Полагаем, что подобного рода сложности возникают при попытках перевода художественного текста и с любого языка на любой другой.

Как правило, свои сложности в работе по переводу как прозаических, так и поэтических текстов, встречаются на самых разных уровнях. Это и лексика с семантикой, и фонетика, и грамматика, и структура предложения. Принято считать, что в данном отношении наибольшую сложность представляют поэтические тексты, поэтому чаще всего внимание исследователей и практических исполнителей концентрируется на них. Заметим, что в каждом типе текста – поэтическом или прозаическом – есть свои специфические особенности. В силу такой специфики поэтический текст более всего характерен ритмом и системой способов звуковой организации в целом. Однако это именно те внешние признаки, которые, пожалуй, сложнее всего передать на ином языке, поэтому мы ограничиваем круг рассматриваемых вопросов данной областью.

Проблемы полноты ретрансляции возникают, как мы полагаем, не только из-за различия фонетических систем. Немаловажно и то обстоятельство, что даже звуки, имеющие в обоих языках одни и те же или очень близкие характеристики в плане звучания и особенностей образования в артикуляционном аппарате, могут значительно различаться частотностью употребления в зависимости от характера текста – в живой обиходной речи или в речи организованной поэтически. То же можно сказать и относительно их потенциальной сочетаемости с другими звуками языка. Иначе говоря, такие комбинации звуков, которые воспринимаются совершенно естественными в среде носителей одного языка, могут быть нехарактерными для закономерностей фонетики другого, если эти звуки и сочетания в нем вообще есть. Это значит, одни и те же или очень сходные фонемы в разных языковых

средах могут иметь разный удельный вес и различную частотность употребления по своему эстетическому потенциалу. В то же время один из существенных факторов формирования поэтического текста, как хорошо известно, это именно фоническое обеспечение. Более того, фоника способна влиять и на лексико-семантическую номенклатуру поэтического текста, примеры чего мы постараемся рассмотреть.

Фактически все авторы, касающиеся в своих трудах проблем звуковой организации поэтического текста адыгского фольклора, отмечают единодушно ведущую роль одного из распространенных приемов звуковой организации устно-поэтического текста. По форме это одна из разновидностей повтора, при котором отдельный звук, сочетание звуков или же целое слово конкретного стиха как бы «эхом» отзывается в последующем смежном стихе. В трудах исследователей он пока еще не обрел единого общепринятого наименования. Из формальных признаков данного явления проистекает целая гамма вариантов его терминологического обозначения: *стык, подхват, подхватная рифма, эховая рифма, просто рифма, анадиплосис, акромнограмма*. Как отмечено, названный тип повторов богат вариантами – от одного звука до целого слова или даже сочетания слов. Есть основание признать, что такое разнообразие форм проявления данного приема организации поэтического текста стало одной из причин разнобоя и в его терминологическом обозначении.

В тех случаях, когда в тексте налицо повторяющийся отдельный звук, было бы резонно отнести это явление к разновидностям таких известных приемов как аллитерация или же ассонанс. Коренное отличие от них заключается лишь в регламентированной позиции повтора: в данном случае повтор призван обязательно связывать смежные блоки, поэтому созвучия располагаются строго в конечной части одного стиха (т. е. во втором полустишии) и начальной последующего (в его первом полустишии). Когда же повторяется целое слово или сочетание слов, это близко к тому, что В.М. Жирмунский обозначил термином «пантум» [Жирмунский 1975: 482]. Может представиться, что и в подобном случае пока нет веских оснований для выделения рассматриваемого явления как самостоятельного поэтического приема. К тому же, свое вполне правомерное дефинитивное обозначение можно было бы найти и для повторов на уровне звуковых комплексов или морфологических единиц. Однако если рассматривать все виды повторов разного рода (на уровне звука, комплекса звуков, лексических основ и даже словосочетаний) в смежных стихах или же в пределах одной строфы, окажется целесообразным выделение всех случаев повторений отмечаемого характера как единого технического средства в системе адыгской версификации.

В тех случаях, когда повторяющаяся часть текста оказывается семантически значимой лексической единицей, оно обычно не представляет особого труда для переводчика:

...Мы унэшхом сыхьакІэу сисыти сезац,
Сызэщымэ щэжъыри сэупсы.
Щэжъэу сэупсырэр мыохъу...

...В этом доме большом я гостю подобно сажу и *скупаю*,
Скупаю и стрелу мощную наостряю,
 Стрела мощная, что я наостряю, не промахивается...
 [Борэжы игъыбз (Сетование Боря Могуچهга) МыкЮсэрэ... 1994: 75-76].

Аналогичным образом выделены сходные повторы.

Однако сложнее бывает передать особенности звучания в случае, когда далее в том же тексте семантически маркированная часть обретает при повторении иное смысловое содержание:

...Щэжъэу сэупсырэр мыохъу,
 Пчыхъэм и хъугъоми къысадж...[там же].
 Стрела мощная, что я наостряю, не **промахивается**,
К наступлению вечера меня окликают...

В слове *мыохъу* повторяющаяся далее часть, *-охъу*, это глагольная форма от инфинитива *охъун* – *промахнуться, промахиваться*. Но созвучное ему – *хъугъо-* в последующем стихе имеет совершенно другое значение – *время наступления* <вечера>. Звуковыми повторами связываются слова совершенно разные по смыслу. Между тем подобного рода «связки» – один из путей возникновения цельного поэтического текста, в котором содержание и форма состоят в довольно сложных отношениях и при этом создают гармонию, благозвучие. Передать такую особенность на другом языке бывает маловероятно, еще чаще – практически невозможно. Но когда в тексте перевода данный прием, основанный на созвучиях, вынужденно оставляется неотмеченным, следом разрывается вся цепочка, связывающая воедино смежные фрагменты, будто бы не имеющие более очевидной логической связи. В сущности, эта связь имеется, но она обнаруживается не в сфере семантики, а в области звуковых ассоциаций. В тканевой структуре адыгского текста это своего рода скрепа, при исчезновении которой в переводе тут же неминуемо обнажается формально-логическое несоответствие, и это лишает русскоязычный текст цельности, очевидной в источнике. Еще сложнее в данном же фрагменте оказывается отразить десятикратное повторение звука *-с-*: семь раз он употреблен в значении корневой основы местоимения первого лица единственного числа, дважды – в качестве части корня со значением *наострять, точить, строгать*, еще один раз в составе корня еще с одним значением – *сидеть*.

Подобного рода сочетания можно встретить чуть ли не в каждом поэтическом тексте песен историко-героического эпоса. Очевидно, что попытки передать такие особенности на другом языке по большей части оказываются бесперспективными, хотя порою бывают и удачные совпадения. Такова, например, следующая устойчивая формула из цикла о Ешанокко:

«Е`-щІэ-но`-къуэ Уэ`-зыр-мэ`с-рэ / я` - нэхъ – е`-су – Те`-мыр-къа`-нрэ».

В плане ритмическом она двухчастна и образует два полустишия четырехстопным хореем. Устойчивость формулы обеспечивается равным количеством слогов в обеих частях, идентичной позицией опорных ударных

гласных на последней стопе, а также повторами созвучий между первой и второй половинами. В переводе с наибольшим приближением к закономерностям русского языка мы предлагаем следующий вариант: «Озырмес Ешаноко и средний ростом Темиркан» очевидно, что при этом утрачен ритм источника, а с ним и внутристиховая ритмическая пауза, четко разделяющая стих на две половины. Кроме того, не представляется возможным сохранить аллитерацию на *-р-* (четырёхкратное повторение, в том числе два в сильной позиции концовки стиха, где *-рэ* – это союзный аффикс. Но при этом удастся сохранить такую опорную связку как аллитерация на звук *-с-*. Однако подобного рода удачи в области фоники правомерно относить к разряду везений, но не к закономерностям.

Важно принять во внимание и то, что в данной формуле представлен целый комплекс созвучий иного рода, из которых далеко не все удастся передать средствами другого языка. Разумеется, особые индивидуальные способности переводчика могут сказаться и на качестве его текста. Однако это случаи частного характера, мы же ведем речь об общих закономерностях. В таких случаях, как очевидно, было бы предпочтительно сознательно сконцентрировать внимание на передаче смысла, демонстрацию же особенностей звуковой организации придется отнести по преимуществу в комментарии. Однако при этом возникает другая проблема: число подобных случаев в песенных текстах настолько значительно, что при избранном нами подходе даже самые лаконичные разъяснения могут кратно превысить своим объемом и оригинал, и перевод вместе взятые. Весьма вероятно, что в результате получится не живая передача поэтического своеобразия, а совокупность уточнений и пояснений, которые в восприятии читателя загромаждают само переводимое произведение и разрушают цельность восприятия. В лучшем случае они способны вызвать живой интерес у специалиста-исследователя, но никак не у широкой массы любителей словесного искусства.

Чтобы подтвердить изложенное суждение, обратимся еще к одному примеру, фрагменту из записи песни о Гудаберде, Азепшеве сыне:

Урыху и банэм лъыхэр хезгъаишэщ,
 Сымыхашэн щхьэкIэ Къырым сокIуэж,
Къэбан пщIэгъуалэр пщэ задэт,
Пщи зи хьэдэгъуэр тхьэм къысщишэт,
 Сымыхашэн щхьэкIэ хэкум сокIыж.
 Урухские заросли я кровью окропил,
 Чтобы не доноситьствовать, я в Крым отправляюсь,
 Кобановский белый конь крутошей был,
Тот, у кого князя труп, настроен против меня,
 Чтобы не доноситьствовать, я край покидаю [Архив ИГИ: папка 21-в, пасп. 2].

Для большей наглядности мы выделяем одинаковые случаи повторов одинаковыми обозначениями, для чего использованы курсив, подчеркивание, сочетание того и другого, а также полужирный шрифт. В тексте оригинала

очевидна стройная и довольно сложная структура повторов: в одном случае налицо связи между смежными стихами при посредстве комплекса звуков, в совокупности обретающих семантику. Но поскольку в различном окружении эти комплексы обозначают разные явления и даже оказываются разными частями речи (*окропил – доносить/доставать; крутошей – тот, у кого князя труп; Настроен против – доносить/доставать*), перевод теряет не только динамизм текста оригинала, но и самоё логику изложения. Немаловажно заметить, что и то, и другое обеспечиваются фоникой и ритмом, при их отсутствии связи распадаются, и вместо поэтического текста оказывается хаотическое сочетание слов. Единственный случай, когда перевод с достаточной выразительностью приближен к оригиналу, это концовки второго и пятого стихов строфы: **отправляюсь – покидаю**. Однако и здесь не оказалось возможным сохранить характерные созвучия, преодолевающие эффект банальной глагольной рифмы. Помимо того, вся строфа в адыгском тексте пронизывается, как надежной нитью, классической формой аллитерации на звуки *-х-*, *-с-*, однако передать это также не представляется возможным. Очевидно, что только незаурядный мастер художественного перевода способен воссоздать некий аналог того, что мы имеем в источнике. Но проблематично, чтобы и тогда даже самый опытный поэт-ретранслятор сумел сохранить наряду с этим и все остальные достоинства переводимого текста. Задачей же научно-аналитического типа перевода является не создание равнозначного поэтического текста, а донесение до читателя подлинных достоинств того текста, который мы преподносим иноязычному читателю. Как представляется, этого можно достигнуть с наибольшей полнотой только при сочетании переводного текста с пояснениями к нему.

Как отмечалось, звуковая оболочка порою имеет настолько важное значение, что певец иногда жертвует смыслом ради ее сохранения. Считаем уместным привести несколько примеров из одного и того же источника, что призвано свидетельствовать о распространенности называемого явления. Здесь и далее примеры взяты из первой части третьего тома музыкального издания «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов»:

Шухэр зэдилъмэ, лъэрытемыт гушэурэ **мэщлысыр**

Щыльэм щызекIуэкIэ...

Когда всадники тронутся, он неудержимо **вырывается**,

По земле когда ходит... [Народные песни... 1986: 84].

Глагола «*мэ-щлыс*» (инфинитив – «*щлыс-ын*») в живых адыгских языках нет, это своего рода «темное место» или окказионализм, появление которого обусловлено потребностью акустической связки с последующим стихом, который начинается с сочетания «*щлы-*». Перевод словом «вырывается» здесь не по выраженному значению, а по смыслу, угадываемому из контекста.

Фрагмент другой песни и вовсе изобилует примерами подобного рода:

...И гьущI фашэкIэ зэщIисщ,

Шэсми уанэр **зыкIебл**,

БлаццIэр зи сагъындакъ,
 И гъущI **дакъэм зыресэ**,
Ембырухэр зи сэх,
Псэхэхынхэр зи джатэ...
 ...Его железные доспехи по его росту,
 Когда он сядет на коня, они седло закрывают,
 Черная змея – его сагайдак,
 Его железный поручень вздымается,
 Ембыру (предположительно – порода дерева) – его столб,
 Вынимающее душу – его меч [Там же: 125].

Между парами *зэццисц* (по росту) – *шэсми* (когда сядет на коня), *зыкIебл* (накрывает) – *блаццIэ* (черная змея), *сэх* (столб) – *псэхэхынхэр* (вынимающие душу) нет видимой логической связи, главное, что их объединяет, это созвучия. Более того, в живом языке нет слов *зэццисц*, *зыкIебл*, *ембыру*. Также странно употребление фразы *и гъущI дакъэм зыресэ* (его железный поручень вздымается), так как смысл его неопределенен при достаточной определенности автологического значения каждого из слов в данном сочетании. Как можно полагать, всё это новообразования, появление которых в песенном тексте также обусловлено адаптацией к эстетике поэтического текста. Только в конкретном контексте они обретают свою значимость, которая исчезает при попытке перенести их в систему понятий на ином языке.

Рассмотренными несколькими примерами не исчерпывается многообразие трудностей, возникающих в процессе перевода с адыгских языков на русский. Однако их достаточно, чтобы получить представление о степени сложности поставленной задачи. Мы можем также констатировать, что даже при очевидной невозможности сохранения на ином языке всего колорита оригинала, все же остается вероятность донесения до русскоязычного читателя наиболее важных, специфических особенностей песен на адыгских языках. Просто для этого всегда требуется иметь и профессиональные навыки работы с текстами, и умение с наибольшей полнотой сочетать закономерности практического функционирования обоих языков, и сознательное разделение между тем, что практически возможно вложить в основной текст перевода, и тем, что обязательно следует отнести к комментариям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архив ИГИ – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. Папка № 21-в, паспорт 2. Азэпщ и къуэ Гъудэберд – Гудаберд, Азепшев сын.

Гутов 2020 – Гутов А.М. Особенности научно-аналитического перевода адыгских историко-героических песен // Вестник Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН. – 2020 – № 2. – С. 83-90.

Жирмунский 1975 – Жирмунский В.М. Теория стиха. – Л.: Советский писатель, 1975. – 664 с.

МыкIосэрэ... 1994 – МыкIосэрэ жъуагъохэр. Мыекъуапэ: МыотIхэр, 1994. – 336н. // Немеркнуцие звезды. Майкоп: Меоты, 1994. – 336 с. (на адыгейск. яз.).

Народные песни... 1986 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III, ч. I. – М.: Советский композитор, 1986. – 264 с.

REFERENCES

Arxiv Instituta gumanitarny`x issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk [Archive of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. Folder No. 21-с, passport 2. Azepshch and kue Gudeberd – Gudaber, Azepshev's son. (In Russ.).

GUTOV A.M. *Osobennosti nauchno-analiticheskogo perevoda ady`gskix istoriko-geroicheskix pesen* [Features of scientific and analytical translation of Adyghe historical and heroic songs] // Bulletin of the Institute for Humanitarian Research, KBSC RAS. – 2020. – No. 2. – P. 83-90. (In Russ.).

ZHIRMUSKY V.M. *Teoriya stixa* [Theory of verse]. – L.: Soviet writer, 1975. – 664 p. (In Russ.).

UNFADING STARS. *Nemerknushhie zvezdy`* [Unfading stars]. – Maykop: Meoty, 1994. – 336 p. // *Myklosere zhuagoher*. – Myekuape: Myotlher, 1994. – 336 n. (In Adygh. lang.)

FALK SONGS AND INSTRUMENTAL TUNES OF THE ADYGHES. *Narodny`e pesni i instrumental`ny`e naigry`shi ady`gov* [Folk songs and instrumental tunes of the Adyghs]. – Т. III. – Part I. – М.: Soviet Composer, 1986. – 264 p. (In Russ.).

Сведения об авторе

А.М. Гутов – доктор филологических наук, профессор.

Information about the author

A.M. Gutov – Doctor of Sciences (Philology), professor.

Статья поступила в редакцию 29.11.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 29.11.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья
УДК 398.1+395
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-461-469
EDN: UPCRML

МИФ И МЛАДШИЙ ЭПОС: ПРОБЛЕМЫ ДИФФУЗИИ (на материалах предания и песни о Лежерокопше)

Ляна Адамовна Гутова

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7526-3719>

Аннотация. В статье рассматриваются закономерности использования мифологических мотивов в цикле младшего, историко-героического эпоса. На анализе песни и сказания о князе Лежероко (Лежерокопш) устанавливается, что элементы мифических представлений имеют в младшем эпосе подчиненное положение, но при этом могут играть важную роль в развитии сюжета. Их использование связано с тем, насколько устойчивы в коллективном сознании верования, связанные с существующими поверьями. Таким образом, речь может идти не о сознательно допускаемом художественном вымысле, а о существующих в традиционном обществе представлениях. В конкретном случае с циклом о Лежероко фантастические персонажи джинны и участие героя в конфликте между ними осознаются как реальность, имеющая прямую связь с действительностью. Таков же характер использования элементов мистики в некоторых других циклах. Этим сохраняется сложившаяся родовая особенность младшего эпоса – восприятие описываемых событий и личностей как имеющих реальную фактическую основу в действительности. Данное обстоятельство не снижает уровня эстетической значимости элементов мифологии в текстах песни и предания младшего эпоса, но привносит свое разнообразие в художественную систему жанра.

Ключевые слова: историко-героический эпос, Лежерокопш, джинны, диффузия, параллельный мир, широкий меч, песня плакальщиков.

Для цитирования: Гутова Л.А. Миф и младший эпос: проблемы диффузии (на материалах предания и песни о Лежерокопше) // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 461-469. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-461-469. EDN: UPCRML.

© Гутова Л.А., 2023

Original article

MYTH AND THE YOUNGER EPIC: PROBLEMS OF DIFFUSION (based on the materials of the legend and song about Legerokopsh)

Lyana A. Gutova

Institute of Humanitarian Researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences». Nalchik, Russia, adam.gut@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

Abstract. The article examines the patterns of use of mythological motifs in the cycle of the younger, historical-heroic epic. It is established by analyzing the song and legend about Prince Lezheroko (Lezherokopsh) that elements of mythological concepts have a subordinate place in the younger epic, but they can play a major part in the plot's development. Their use is related to how stable the beliefs associated with existing beliefs are in the collective consciousness. Thus, we may not be talking about a consciously accepted artistic invention, but about ideas existing in traditional society. In the specific case of the cycle about Lezheroko, the fantastic characters genies and the hero's participation in the conflict between them are recognized as a reality that has a direct connection with reality. The same is the nature of the use of elements of mysticism in some other cycles. This preserves the established generic feature of the younger epic - the perception of the events and personalities described as having a real factual basis in reality. This circumstance does not reduce the level of aesthetic significance of the elements of mythology in the lyrics of songs and legends of the younger epic, but introduces its diversity into the artistic system of the genre.

Keywords: historical-heroic epic, Lezherokopsh, genies, diffusion, parallel world, wide sword, song of mourners.

For citation: Gutova L.A. Myth and the younger epic: problems of diffusion (based on the materials of legend and song about Lezherokopsh). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 461-469. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-461-469. EDN: UPCRML.

© Gutova A.M., 2023

Взаимодействие со смежными жанрами, характерное для фольклора, отмечается во всех его жанрах, в том числе и в историко-героическом эпосе. По сути, само смешение прозаического повествования с песней уже явление диффузное. Так в большинстве своем, адыгские предания, посвященные отдельным событиям и историческим личностям традиционного общества, сопровождаются песенными текстами, в которых посредством музыки и поэтических средств воспеваются храбрость, мужество и подвиги героя. Или же это песня-плач, призванная увековечить подвиг погибшего воина. Также и песня обязательно имеет свою предысторию, изложенную в сопровождающем ее предании. Иными словами, предание и песня, по форме разные жанровые формы, представляют собой два взаимосвязанных и взаимодополняющих компонента единого целого. Наряду с этим в текстах и песен, и сказаний отмечаются и элементы других жанров: к примеру, пословицы, поговорки, порою – отголоски мифологических нарративов или богатырской сказки, еще реже – загадки. Диффузию жанров в адыгском фольклоре, обстоятельно исследовали адыгские ученые – фольклористы А.И. Алиева [Алиева 1969: 303-350], З.М. Налоев [Налоев 1978: 96], А.М. Гутов [Гутов 2000: 76-89] и другие.

Прежде чем приступить к конкретному анализу отдельного произведения, уместным будет, на наш взгляд, обратиться к мифологии адыгов, представления и сюжеты из которой являются одним из питательных источников ряда жанровых разновидностей фольклора как вида словесного искусства. Отголоски мифов присутствуют во многих сюжетах и мотивах разных жанров адыгского фольклора, порою они проявляются и в позднем эпосе. Поэтому уместно будет обратиться к ее природе и некоторым характерным особенностям.

«Миф, – пишет А. Т. Шортанов, – воплощает в себе определенный исторический этап развития человеческого мышления, основой которого является от-

ношение человека к природе, его борьба за существование. Сюжеты мифов, как правило, разворачиваются именно вокруг этого тематического узла» [АМК 2016: 30]. Аналогичного представления о мифе придерживаются и другие адыгские фольклористы М. Мижаев и М. Паштова: Аналогичного представления о мифе придерживаются М. Мижаев и М. Паштова, авторы энциклопедического труда по мифологии адыгов: «Функционально мифы охватывают целый ряд явлений. С одной стороны, они выражают представления человека об окружающей среде, о социальных явлениях, о происхождении и строении вселенной. Миф находит объяснение тому, как появился наш мир (небесный свод, земля, горы, леса, воды и пр.), как в этот мир пришел человек, как формировались взаимоотношения внутри общества, как появились первые нужные людям предметы (обретение огня, окультуривание растений, изобретение первых орудий труда и пр.). Образно выражаясь, миф это – призма, через которую общество на определенной стадии своего развития видит мир и объясняет его. С другой стороны, мифологический нарративы – область фольклора, имеющая свою внушительную художественную ценность» [Мыжей, Пашты 2012: 7].

В системе персонажей адыгской мифологии представлено множество сверхъестественных существ, которые, как у многих других народов, подразделяются на группы по функции и месту расположения. В данном случае для нас важно разделение их на существа космогонические и хтонические. Иначе говоря, есть небожители (такие как Тхашхо – верховный бог, Псатха – бог души, Шибле – бог грозы и молнии и пр.) и земные боги или, условно, – боги-демиурги (Тлепш – бог кузнечного дела, Мазитха – бог лесов и диких животных, Тхаголедж – бог земли, растительности и плодородия). По своей функции последние были ближе к людям и, соответственно, более доступны для них. Согласно мифическим сказаниям, человек мог легко вступать с ними в непосредственный контакт, в то время как, по тем же верованиям, космогонические существа сохраняли некую дистанцию по отношению к миру обычных людей, они только издали наблюдали за тем, что происходит на земле, и вели свои дела несколько обособленно, чаще же решали проблемы не иначе, как в масштабах всей вселенной. Также в системе мифологических представлений присутствуют существа еще более низкого ряда, занимающие срединное положение между обычными людьми и божествами. Это фантастические иныжи – великаны, испы – карлики, а также обычные с виду люди, обладающие особым даром – уды – ведьмы-колдуньи / колдуны, – они контактируют как с божествами, так и с людьми, могут вступать с ними в конфликты или, напротив, сотрудничать. Иными словами миф – это на ранних этапах становления цивилизации сложная система человеческих представлений о мире. Как универсальна, по своей сути, модель структурной организации реального мира, так же во многом сходна с ней иерархическая структура мира мифологических представлений. Есть оккультные силы, божества, ведающие верхним, срединным и подземным мирами (космос, земная поверхность, загробный мир). В представлениях носителей мифологического знания есть также существа, уступающие божествам, но превосходящие обычных людей своими возможностями. С одной стороны, это явно воображаемые великаны-иныжи и карлики-испы, с другой – человекоподоб-

ные, но обладающие богатырскими свойствами герои-нарти и их противники чинты. В том же типологическом ряду располагаются носители сакрального знания или неких таинств – ведуны и ведуньи, оборотни, колдуны.

Со временем, миф органично становится основой тех представлений, на которых строится «островной», отдаленный во времени и пространстве от мира обычных людей мир нартского эпоса, синкретизм которого проявляется в сплаве искусства и системы миропонимания. И здесь стоит отметить, что нарти – герои в немалой мере мифические, и это видно потому, что они, как и боги-демиурги, активно взаимодействуют с обычными людьми, помогают им, но отличаются тем, что обладают невероятной силой, умом, иными сверхспособностями. Помимо того, они ведут натуральное хозяйство, обрабатывают землю, разводят домашних животных. Вышеупомянутые земные боги – Тлепш, Тхагаледж, Мазитха и другие – становятся теперь уже, если и не совсем нартами, но все же героями нартского эпоса, тем самым приближаясь своей природой к человеку. Вместе с тем, нельзя отрицать и того факта, что мифологическое мировоззрение человечества явилось предпосылкой возникновения религиозных верований. Это объясняется не только верой и поклонением вымышленным мифическим божествам, но и обрядовыми действиями с вербальным компонентом (прошения, молитвы, благопожелания, песни) при обращении к ним. С течением времени все вышеперечисленное трансформировалось в суеверия, которые соблюдались на протяжении столетий в традиционной жизни, а некоторые их элементы отпечатались в сознании современного человека как отголоски прошлого и наставления мудрых предков, дошедшие до нас в поэтических текстах. Однако обстоятельства были таковы, что адыгская мифология не получила столь благоприятных условий для такого уровня развития, как например, мифология Древней Греции или Древнего Рима. На наш взгляд, возможно, этого не произошло в связи со стечением ряда объективных и субъективных обстоятельств – неразвитостью института государственности, а также фактической невозможностью создания письменной культуры и основанной на ней развитой цивилизации с высоко структурированным обществом.

Обращаясь непосредственно к теме нашего исследования, и исходя из всего вышесказанного, вполне очевидно, что духовной и в немалой мере тематической базой возникновения историко-героического эпоса стал эпос старший, архаический, известный как свод сказаний о нартах. Между этими жанрами, то есть эпосом раннего типа и эпосом поздней формации – отмечается типологическая общность на уровне основного пафоса и тематики: стержневым лейтмотивом в обеих разновидностях эпоса является культ героического, воспевание подвига. Все другие мотивы примыкают к нему по мере необходимости формирования системно обусловленного художественного мира, в которое помещены сами герои. Вместе с тем есть и расхождения. Так, нартский эпос фактически безраздельно опирается на мифологическое мировоззрение, основой которого является вымысел неосознанный, принимаемый за правду. Историко-героический эпос имеет основанием реальные события и явления. Многие из того, что описано в преданиях и отражено в поэтических текстах песен, иногда может вполне соответствовать действительности, они могут находить подтвер-

ждение в документах, материальных артефактах, нередко в меморатах и даже прямых свидетельствах очевидцев. Однако в циклах из песен и преданий младшего эпоса есть сюжеты, либо сюжетные ответвления, выступающие как второстепенные, но не сюжетообразующие, в которых присутствуют мифические существа или же, когда сам человек обладает способностью перевоплощаться в животное или птицу. На наш взгляд, прямое или опосредованное вплетение сверхъестественного в сюжет и действия героев преданий – это отголоски прошлого мифологического сознания человека, устоявшие при смене мировоззренческих представлений и нашедшие в новом типе сознания собственную нишу. Это объясняется тем, что с появлением других фольклорных жанров, миф начинает восприниматься как вымысел (хотя соответственно временному отрезку, мифические существа воспринимались как вполне адекватное явление жизни). В то же время присутствие неких потусторонних существ в историко-героическом эпосе, тоже вполне само собой разумеющиеся явления в сознании людей. Так в предании о Лежерокопше, активно присутствуют и взаимодействуют с людьми персонажи из параллельного, не доступного для простых людей мира – джинны. По всей вероятности, само слово «джинн» и обозначаемый им фантастический образ вошли в активный обиход с принятием адыгами ислама. Они фигурируют в фольклоре всех мусульманских народов. Джинны были популярнейшими персонажами в арабском и мусульманском средневековом фольклоре и зачастую выступали в роли как злодеев, так и благодетелей. Согласно Корану и толкованиям исламских богословов, джинны существуют, но они незримы для людей [Мифы... 1980: 374]. Только в мифологии и в арабских сказках эти существа предстают перед человеком как дух, временно принявший тот или иной реальный образ. Джинны могут наказывать людей за любой причиненный им вред, их же кознями нередко объясняются многие болезни и несчастные случаи, преследующие людей, якобы чем-то не угодившие джиннам. В мифологии и сказках их часто изображают живущими или находящимися в заточении, в различных типах сосудов, таких как лампы, бутылки, банки [МИ: ru.m. wikipedia.org]. Достаточно вспомнить ставшую популярной сказку «Рассказ про Алла ад-Дина и волшебный светильник» из «Тысячи и одной ночи» [Тысяча и одна ночь 1987: 299-358]. В сказке герою достаточно потерять лампу или перстень, чтобы из него вышел джинн, готовый исполнить любые желания хозяина чудесного предмета. Согласно исламскому вероучению, джинны – одно из творений Аллаха, которых Он создал наряду с людьми; они обладают теми же свойствами, что и человек: интеллект, проницательность, чувство свободы и возможность выбрать между верным и неверным, правдой и ложью, добром и злом (Коран, 55:15). После сотворения джинов из огня Аллах наделил их возможностью принимать облик по собственному желанию, это означало, что сами они не обладают своей собственной внешностью, а лишь на время перевоплощаются в чужой облик [Сакр 2012: 163-164]. Также эти существа делятся на виды: темных (служителей Сатаны) и светлых (служителей Бога и творящие добро).

Несомненно, вместе с самим словом «джинн» обиходные представления адыгов пополнились и типичными для названных персонажей свойствами, ко-

торые им приписывает арабская традиция. Однако аккумуляция образов из системы представлений не может происходить путем механического переноса из одной среды в другую. Всякая этническая культура при взаимодействии с внешним миром берет из него то, что способно прижиться на новой почве. Так и в данном случае: появление образов джиннов в адыгском фольклоре предполагает существование встречных, родственных явлений, в данном случае это вера в существование «белых» и «черных» духов, от которых зависит сама жизнь на земле: в случае торжества «черных» духов, сил тьмы, на земле наступает мрак и торжествует зло, водворение сил света, «белых духов», предвещает благополучие и процветание. Поэтому для людей жизненно важно, на чьей стороне будет победа в конфликте между этими сторонами. Позднее, в результате проникновения элементов арабской культуры (в том числе и доисламской), силы света и силы тьмы обретают арабское наименование «джинны».

Именно о джиннах, которые непосредственно взаимодействуют с людьми, повествуется в предании о князе Лежерокопше. Вместе с тем, здесь присутствует общепринятая традиция относительно ограничительных контактов между людьми и джиннами. А. М. Гутов в ходе полевой экспедиции зафиксировал два варианта этого сказания от разных сказителей из разных населенных пунктов Кабардино-Балкарской республики: одно из них, сопровождается песенным текстом [Гутов 1981: 142-151]. В обоих вариантах сказания повествуется о том, как белые джинны, находясь в схватке с темными, просят Лежерокопша выступить на их стороне, так как только при условии его участия они могут одержать победу. Очевидно, что обязательность участия обычного смертного в противоборстве сил гораздо более высокого порядка имеет под собой сакральный смысл. Поэтому выбор падает на Лежерокопша неслучайно: он имеет безупречно чистое родословие, кроме того, он целомудрен и никогда не ступал босой ногой на сырую землю. В одном варианте джинны уносят Лежерокопша к себе против его воли, в другом же, герой вначале отказывается от предложения воевать, ссылаясь на то, что не имеет таких способностей, каковыми обладают джинны (свободно перемещаться в пространстве, проходить сквозь стены, обретать любой облик и т.д.). В одном из вариантов Лежерокопш соглашается при условии, если джинны предоставят ему свой волшебный меч и впоследствии подарят его. В обоих вариантах джинны и князь приходят к согласию. Так на протяжении семи лет Лежерокопш воюет рядом с силами света против черных джиннов, в итоге белые при его содействии одерживают победу, герой получает волшебный меч и возвращается на свою исконную землю к людям. Поскольку джиннам свойственны и человеческие пороки, многие из них завидуют Лежерокопшу, его отваге, силе, обладанию мечом и травят его напитком, от которого тело героя обрастает шерстью, он становится подобием лешего – алмасты.

В другом сказании историко-героического эпоса «О князе Амфоко, сыне Талостана», тоже присутствует важный для сюжета эпизод: человек превращается в птицу, добывает информацию о пленных и спасает их из заключения. В данном случае, действие в предании второстепенное, но благодаря ему, происходит развязка сюжета. В сказании налицо элементы магии, мистицизма, кол-

довства, что присуще жанру волшебной сказки [Архив ИГИ КБНЦ РАН: папка 20, паспорт 2].

В предании о Лежерокопше также выступают элементы мистики, фантастического перевоплощения, когда человек посредством определенных действий обретает качества присущие оборотню. Лежерокопш, будучи в облики зверя, не может жить среди людей и уходит жить в лес. Со временем люди разыскивают его, и при помощи, как бы сказали в наше время, нетрадиционных методов медицины освобождают его от звериной шерсти (обваляв героя в муке). Таким образом, Лежерокопш вновь возвращается в социум, но все же через некоторое время он умирает. В другом варианте герой, не желая жить в облики зверя, сам сдирает с себя кожу и умирает. Однако, узнав о его кончине, джинны спешат отдать дань памяти человеку, благодаря которому одержали победу над противником. Здесь же, подчеркивается тот факт, что джинны и люди были несовместимы друг с другом и даже не могли находиться в одном пространстве, в то же время они были достаточно хорошо осведомлены о существовании друг друга. В предании повествуется о том, что только Лежерокопш имеет возможность тесно контактировать с параллельным миром, с джиннами. Так они (джинны) просят людей удалиться из комнаты, в которой находился усопший Лежерокопш, чтобы достойно попрощаться с ним и в знак своего почтения и уважения сложить в его честь мемориальную песню. Однако, сестра Лежерокопша, прячется под кроватью, и когда они начинают петь величальную песню о герое, не выдержав та воскликнула, что все слова в их песне – это чистая правда. Джинны, обнаружив человека, обвиняют людей в обмане и хитрости, что говорит о том, что, несмотря на контакт между Лежерокопшем и джиннами, люди в целом не имеют возможности прямого взаимодействия с этими существами. Здесь также следует учесть то, какое значение придавалось песне в традиционном обществе. Об этом писал известный адыгский фольклорист З.М. Налоев: согласно представлениям носителей традиционной культуры, «песенное слово, – пишет ученый, – это слово правды, оно предполагает события и факты так, как было в действительности, фиксирует, но не интерпретирует их. То, что сказано в песне, не может быть ложью» [Налоев 2009: 149]. Как видим, вполне очевидно проникновение песенного жанра в прозаическое произведение, и она в свою очередь, исходит из уст неких существ, которых современный человек не в состоянии лицезреть. Однако согласно преданию и джинны, и люди при крайней необходимости могут контактировать, вступать в диалог и даже взаимодействовать, как в случае с Лежерокопшем. Приведем фрагмент текста песни:

*Джэмыдэжь гуэрикIы (ой) хуэлъабгъуэт, иджы,
А джатабгъуэ – гуцэрикIы фIадзэж,
Ириуэн щхьэкIэрэ фIадзэжкъэ,
О – рерау, о – рера
О – рада, о, ой Лэжырокъуэпц, жи.
Ар, и джатэ гуцэрикIы егъабзэ, жи,
Жин хьыджэбзхэри къохуапсэ,
е – рэ – ой,*

Жиным яхъу – мыгъуэр къоижкъэ,
 О – ре ра ри-рау,
 О – рирару, а дуней – и,
 Ой, Лэжъырокъуэтици.

...

И сурэтхэрикы, о, ямышыхужу, жи,
 Зи зауэкIэмкIэ къащIэжкъэ ... -
 Гнедой могучий, гуша, ширококопытный теперь,
 А широкий меч, гуша, вешают,
 За отсутствием того, кто бы им владел, вешают ведь,
 О – рерау, о – рера
 О – рада, о, ой, Лежерокопш, говорит <это>.
 Своим мечом, гуша, о ловко владеет, говорит <он>,
 Жинские девушки на него заглядываются,
 е – ра – ой,
 Жинов мужи, <о боже>, зло таят,
 О – ре ра ри-рау,
 О – рирару, <о свет белый>, Лежерокопш <это>.

...

[Тот, кого] не по облику, о, узнают, говорят,
 [Тот], кого по манере воевать узнали. ... [Гутов 1981: 142-143]

В тексте песни упомянуто и о волшебном мече, и о событийной основе самого предания, и о подвиге героя и его уходе из жизни, и о почтении, оказываемом существами из параллельного мира.

Резюмируя наши наблюдения, отметим, что в данном случае проникновение сверхъестественного в жанр историко-героического эпоса можно рассматривать двояко. Во-первых, сторонники религиозных верований, могут придать преданию некую долю мистицизма в силу того, что, согласно религии, джинны, наряду с другими незримыми человеку созданиями, действительно существуют в параллельном невидимом мире, и это признается даже в Коране. С прагматичной точки зрения, которой мы склонны отдать предпочтение как исследователи, такого рода вмешательства в контекст младшего эпоса – не что иное, как не утраченные отголоски раннего становления человеческой цивилизации и сознания людей. А именно – мифологизация тех или иных явлений, подвергшихся временной трансформации и вошедших в историко-героический эпос, как вполне естественное явление, связанное с религиозными предпочтениями традиционного общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АМКД 2016 – *Адыгская (черкесская) мифология и культуры* Шортанов А.Т.– Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2016. – 496 с.

Алиева 1969 – *Алиева А.И.* Поэтика нартского эпоса адыгов // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. Ч. II. – М.: Наука, 1969. – С. 303-350.

Архив ИГИ КБНЦ РАН – *Архив ИГИ КБНЦ РАН*. Папка 20, паспорт 2. Талостэн и къуэ Амфокъуэ – Амфоко – сын Талостана. Инф. Пшиншев Казгирей, с. Верхний Курп, 1949 г. Записал: Шогенов Х.

Гутов 1981 – *Гутов А.М.* Материалы к изучению языка новых записей традиционного адыгского фольклора (Экспедиция 1978) // Художественный язык фольклора кабардинцев и балкарцев. Отв. Ред. Гутов А.М. – Нальчик: Эльбрус, 1981. – С. 127-153.

Гутов 2000 – *Гутов А.М.* Межжанровая диффузия в поздних эпических циклах // Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. – Нальчик: Эль-Фа, 2000. – С. 76-89.

Мифы... 1980 – *Мифы народов мира*. М.: Советская энциклопедия, 1980. – 374 с.

Мыжей, Пацты 2012 – *Мыжей Михаил, Пацты Мадинэ*. Адыгэ мифологием и энциклопедие. Тхьэхэр, лыхъужьхэр, культхэр, нэцэнэхэр. Черкесск-Налшык-Мейкъупэ, 2012 – 460 н. (на каб.-черкесск. яз.).

Налоев 1978 – *Налоев З.М.* Из истории культуры адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 192 с.

Налоев 2009 – *Налоев З.М.* Очистительная песня в адыгском фольклоре. // Этюды по истории культуры адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 2009. – 656 с.

САКР 2012 – *Сакр Ахмад*. Джинны / пер. с англ. – СПб: Изд-во «Диля», 2012. – 192 с.

REFERENCES

Ady`gskaya (cherkesskaya) mifologiya i kul`ty` [Adyghe (Circassian) mythology and cults]. Shortanov A.T. – Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarov, 2016. – 496 p. (In Russ.).

ALIEVA A.I. *Poe`tika nartского e`posa ady`gov* [Poetics of the Nart epic of the Circassians]. In: Skazaniya o nartax – e`pos narodov Kavkaza. Ch. II. – M.: Nauka, 1969. – P. 303-350. (In Russ.).

Arxiv IGI KBNCz RAN. Papka 20, pasport 2. Taloste`n i k`ue` Amfok`ue` – Amfoko – sy`n Talostana. Inf. Pshinshev Kazgirej [Archive of the Institute of humanitarian researches of the KBSC RAS. Folder 20, passport 2. Amfoko is the son of Talostan. Inf. Pshinshev Kazgirey]. vil. Upper Kurp, 1949 Recorded by: Shogenov H. (In Russ.).

GUTOV A.M. *Materialy` k izucheniyu yazy`ka novy`x zapisej tradicionnogo ady`gskogo fol`klora (E`kspediciya1978)* [Materials for studying the language of recordings of traditional Adyghe folklore (Expedition 1978)]. In: *Xudozhestvenny`j yazy`k fol`klora kabardincev i balkarcev*. Rep. Ed. Gutov A.M. – Nalchik: El'brus, 1981. – P. 127-153. (In Russ.).

GUTOV A.M. *Mezhzhanrovaya diffuziya v pozdnix e`picheskix ciklax* [Inter-genre diffusion in later epic cycles]. In: *Xudozhestvenno-stilevy`e tradicii ady`gskogo e`posa*. – Nalchik: El-Fa, 2000. – P. 76-89. (In Russ.).

Mify` narodov mira [Myths of people of the world]. – M.: Soviet Encyclopedia, 1980. – 374 p.

E`nciklopediya cherkesskoj mifologii. Bogi, geroi, kul`ty`, predstavleniya [Encyclopedia of Circassian mythology. Gods, heroes, cults, performances]. – Cherkessk-Nalchik-Maykop, 2012 – 460 p. (in Kab.-Circ. Lang.)

NALOEV Z.M. *Iz istorii kul`tury` ady`gov* [From the history of Adyghe culture]. – Nalchik: El'brus, 1978. – 192 p. (In Russ.).

NALOEV Z.M. *Ochistitel`naya pesnya v ady`gskom fol`klоре* [Cleansing song in Adyghe folklore]. In: *E`tyudy` po istorii kul`tury` ady`gov*. – Nalchik: Elbrus, 2009. – 656 p. (In Russ.).

SAKR AHMAD. *Dzhinny`* [Genies] / trans. from English. – St. Petersburg: Dilya Publishing House, 2012. – 192 p. (In Russ.).

Сведения об авторе

Л.А. Гутова – кандидат филологических наук.

Information about the author

Lyana Adamovna Gutova – Candidate of Sciences (Philology).

Статья поступила в редакцию 29.11.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 29.11.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья
УДК 398.87
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-470-480
EDN: VKMCBL

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ И НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКИХ ПЕСЕН

Жаухар Магомедовна Локьяева

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук», Нальчик, Россия, lokyeva.zh@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0003-1599-4397>

Аннотация. В статье рассматриваются историко-героические песни карачаевцев и балкарцев, тесно связанные в своей основе как с социально-историческими событиями, так и с воспеванием подвига конкретной личности (*батыр, жигит*). В них запечатлены эτικο-эстетические представления о героизме, показан национальный характер и идеалы народа, определено историко-культурное и нравственное значение. Особый акцент делается на композиционно-концептуальной составляющей историко-героических песен: борьба, подвиг, гибель или победа героя, а также реалистической природе данной жанровой разновидности: отражение конкретных исторических событий, реальные личности-герои, территориальные локации и др. В результате анализа песен «*Ачемезни джыры*» («Песня об Ачемезе») и «*Атабийни джыры*» («Песня Атабия»), выявлено, что одним из центральных понятий нравственно-этического кодекса карачаево-балкарского народа является *намыс, сый* «честь». Оно не зависело от сословной принадлежности или финансового благосостояния, но определялось личностными качествами каждого отдельного человека. Утрата чести считалась участью, худшей, чем смерть.

Проведенное исследование показало, что в историко-героических песнях карачаевцев и балкарцев сохранился значительный пласт закодированной информации об их языковой и этнической картине мира.

В работе применялись такие методы исследования, как аксиологический, описательный, лингвистический.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, историко-героические песни, нравственно-этический кодекс, национальный характер, героизм, народный идеал.

Для цитирования: Локьяева Ж.М. Историко-культурное и нравственно-этическое значение карачаево-балкарских историко-героических песен // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 470-480. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-470-480. EDN: VKMCBL.

© Локьяева Ж.М., 2023

Original article

HISTORICAL-CULTURAL AND MORAL-ETHICAL SIGNIFICANCE OF KARACHAY-BALKARIAN HISTORICAL-HEROIC SONGS

Zhauhar M. Lokyaeva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, lokyaeva.zh@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0003-1599-4397>

Abstract. The article examines the historical-heroic songs of Karachais and Balkarians, which are closely connected at their core both with socio-historical events and with the glorification of the feat of a specific person (batyr, zhigit). They capture ethical-aesthetic ideas about heroism, show the national character and ideals of the people, and define historical, cultural, and moral significance. The compositional and conceptual component of historical-heroic songs emphasizes particular aspects such as the struggle, heroic acts, the death or victory of a hero, and the realistic portrayal of specific historical events, real heroic figures, and geographical locations. Analysis, conducted on the material of songs «Achemezni dzhyry» («Song about Achemez») and «Atabiyini dzhyry» («Atabiy's Song»), showed, that one of the central concepts of the moral and ethical code of the Karachay-Balkarian people is *namys*, *syj*, which means «honor». It did not depend on class or financial well-being, but was determined by the personal qualities of each individual person. Loss of honor was considered a fate worse than death.

The study showed that in the historical-heroic songs of Karachais and Balkarians a significant layer of encoded information about their linguistic and ethnic picture of the world has been preserved. The research methods, used in the work, were axiological, descriptive and linguistic.

Keywords: Karachay-Balkarian folklore, historical-heroic songs, moral-ethical codex, national character, heroism, folk ideal.

For citation: Lokyaeva Zh.M. Historical-cultural and moral-ethical significance of karachay-balkarian historical-heroic songs. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 470-480. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-470-480. EDN: VKMCBL.

© Lokyaeva Zh.M., 2023

В фольклоре карачаево-балкарского народа историко-героические песни занимают особое место и «представляют собой огромный пласт народного искусства, в котором запечатлены события, определившие существенные этапы в жизни народа» [Джанкезова 2011: 3]. Как известно, эта жанровая разновидность песен формировалась в единое целое в течение продолжительного периода, подвергаясь определенным трансформациям, и в настоящее время считается одним из значимых и самобытных в художественном плане сегментов фольклора. Стоит отметить, что произведения данной категории находятся в непосредственной связи с историей этноса, и, в связи с этим обрели особую любовь и распространение у представителей различных слоев населения.

Безусловно, основными элементами в плане формирования жанра историко-героических песен представляются нормы морали и принципы народных сочинителей и рассказчиков, а также изображение героев, явлений и описания местности. Несмотря на то, что сбор и публикация образцов карачаево-балкарского песенного фольклора начались в XIX в. [КБФДЗП 1983], его изучение как научной системы ведет свой отсчет лишь с 1960–1970-х гг. Особо следует выделить в этом плане научные труды ученых-филологов А.И. Караевой «О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа» [Караева 1961], М.А. Хубиева «*Къарачай-малкъар совет халкъ джырла*» («Карачаево-балкарские советские народные песни») [Хубиев 1968], Р.А. Ортабаевой «Кара-

чаево-балкарские народные песни» [Ортабаева 1977], Ф.А. Урусбиевой «Карачаево-балкарский фольклор (к вопросу о типологии развития жанров)» [Урусбиева 2001: 55–64], А.З. Холаева «Народное устно-поэтическое творчество» [Холаев 1981: 21–25], Т.М. Хаджиевой «Фольклор» [Хаджиева 2014: 578–582], которые внесли существенный вклад в исследование данного раздела карачаево-балкарского устного народно-поэтического творчества. Значительное место в изучении песенного наследия этноса занимают и монографии «Поэтика карачаево-балкарской народной лирики» [Малкондуев 2000], «Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV–XVIII в.)» [Малкондуев 2015], А.И. Рахаева «Песенная эпика Балкарии» [Рахаев 1988].

Необходимо упомянуть и ряд научных статей, на которых следует акцентировать внимание.

В 1961 г. исследователями Х.З. Аппаевым и В.С. Пипинис была опубликована статья «Место историко-героических песен в балкарском фольклоре» [Аппаев, Пипинис 1961].

В 1975 г. в журнале «Шуёхлукъ» («Дружба») вышла статья Х. Аппаева «Малкъарны жашау тарихинден жигитликни юсюнден жырлары» («Старинные балкарские песни о народных героях») [Аппаев 1975].

В 1980 г. в этом же журнале была издана статья А.И. Рахаева «Къарачай-малкъар историялы халкъ жырла» («Карачаево-балкарские исторические народные песни») [Рахаев 1980].

В последние годы список исследований по историко-героическим песням дополнили и статьи филологов М.Б. Кетенчиева «О языке историко-героической песни "Сын Темиркана Ачемез"» [Кетенчиев 2021: 132–137], Б.А. Берберова «Карачаево-балкарская песня: внутрижанровые разновидности и поэтика» [Берберов 2022], М.А. Ахматовой «Объективация концепта "баи" в карачаево-балкарских историко-героических песнях» [Ахматова 2022] и др.

Традиционно доминирующей функцией историко-героических песен, как и в случае с соответствующими текстами несказочной прозы, признается информативная, направленная на «объективное отражение различных сторон, явлений реальной действительности (мировоззрения, общественных отношений, исторических событий, этических и эстетических норм, религиозных представлений и т.д.)» [Гулиева 2015: 17]. Но в то же время данные произведения исполнялись «не только с целью передать информацию, но и развлечь слушателей. Кроме того, на примере героев произведений (положительных или отрицательных) утверждались и в ненавязчивой форме передавались последующим поколениям нравственные, морально-этические и эстетические нормы социума» [Гулиева 2015: 17]. Как справедливо заметила Ф.А. Урусбиева, «Песня, как и труд, как и борьба, как жизнь, смерть и любовь, нерасчлененные части бытия, и песенный синкретизм наиболее полно передает эту "нерасчлененность". Именно поэтому в горской песне так органично в песни о героях входят любовь, скорбь, в песни о войне – тоска по родине, в шуточные песни – грусть, в любовные стенания – проклятия в адрес любимого или любимой, злая шутка, в плачи – надежда, в гневную инвективу – милосердие» [Урусбиева 2001: 54–55].

Мировоззрение народа, основы его этнической ментальности имеют свое выразительное воплощение в историко-героических песнях. Они мотивировали на борьбу за независимость и свободу. В этих произведениях представители этноса отражали свои мотивы и цели, в образе героя воплощали самые характерные черты представителей данного народа. Индивида, соответствующего моральным и этическим нормам народа и образным представлениям о героизме, в народе называли «батыр», «жигит», что в переводе с языка оригинала означает – «храбрый, смелый, отважный, мужественный, герой» [КЪМТАС I 1996: 353–354: 899;]. Разумеется, отражение образа героя и его подвигов в песне являлось высшим проявлением признания со стороны народа, ради которого сами герои шли навстречу опасности и рисковали жизнью. «Отстоять честь Отчизны, защитить Родину – эти полновесные определения закономерно являлись следствием безграничной любви к родной земле...» [Узденова 2018: 78–79].

«Жырда айтылсын атың!» – «Пусть твое имя славится в песне!». Такое благопожелание довольно часто можно было услышать в среде карачаевцев и балкарцев. В историко-героических песнях народ и вправду воспевал своих героев, заступников. Однако с течением времени смысловое значение слов «жигит», «батыр» в историко-героических песнях трансформировалось, менялись акценты, обусловленные временем и событиями. «Переосмысление исторических фактов, переоценка ценностей происходит с учетом наметившихся перспектив развития общественной и духовной жизни народа» [Узденова 2018: 35]. Таким образом, «конструктивно концепт война не меняется, а лишь дополняется императивами новой формации...» [Узденова 2012: 261]. Главные характеристики (смелость, правдивость, защита угнетенных, родной земли) остаются при этом неизменными.

Следует также отметить, что в историко-героических песнях карачаевцев и балкарцев воспевается история народа. Эти песни имеют историческую мотивировку, описывают реальных личностей, отображают конкретные территориальные названия. В них «освещаются события, связанные с многочисленными военными столкновениями ("Крымская война", "Гражданская война", "Великая отечественная война"), мухаджирством, эпидемиями чумы и холеры, депортацией народа в середине XX столетия» [Берберов 2022: 25]. В них последовательно излагаются борьба, подвиг, гибель или победа героя и т.д. Оценить значение художественных произведений об исторических героях карачаевцев и балкарцев, связанных с тематикой социального протеста, довольно непросто, поскольку их создатели сами не всегда располагали достоверной информацией о своих предшественниках. Архаизмы, фразеологизмы и их элементы, отразившиеся в песнях, а также события, которые воспроизводятся в текстах, являются единственными зацепками для определения времени создания самих произведений. Например, в известных произведениях «Къанамат» («Канамат»), «Бекболатны джыры» («Песня Бекболата»), «Гапалау» («Гапалау»), «Атабийни джыры» («Песня Атабия») отображены исторически значимые факты, непосредственно раскрывающие такие важные темы, как месть, абречество, борьба с произволом

со стороны князей, царской администрацией, земельные споры и еще немало других объективно значимых для народа тем.

«Формы взаимоотношений в социуме выражают этический аспект авторской концепции мира. Такие идиоматические поля, как "добро" / "зло", "герой" / "антигерой", выпукло разъясняют противоречия времени» [Болатова 2019: 218].

Все это тематическое разнообразие так или иначе было связано с социальными потребностями народа, в котором представлялся образ того самого героя, который защищает «бедный люд» и отстаивает его интересы, право на самоопределение и свободу.

Возьмем для примера пару историко-героических песен карачаево-балкарского народа. Самым известным и знаменательным из них считается «Ачемезни джыры» («Песня об Ачемезе»). Примечательно, что в фольклоре карачаевцев и балкарцев есть два героя, которые известны под именем «Ачемез». *Ачей улу Ачемез* (Ачемез сын Ачея) – персонаж из нартского эпоса, который причастен ко множеству героических свершений. Стоит выделить одно из них, а именно победу над Кубой, который убил восьмерых братьев и отца Ачемеза. Другой носитель этого имени представляется нам в песне «Ачемезни джыры» («Песня об Ачемезе»). В произведении сообщается о его столкновении, противостоянии с наместником крымского хана по поводу защиты чести жены и общины, из которого он в итоге выходит победителем.

Одна из нескольких интерпретаций данной исторической песни повествует о том, что крымские сборщики дани ведут себя нагло и высокомерно, проявляя агрессивность, несмотря на традиционно гостеприимную встречу от балкарцев. Например, обратим внимание на следующие строчки:

*Къырымдан келдиле къырымлы семенле,
Жолукъгъаннга бийди, ханды демегенле.
Келе-келип, ныгышлада тохталла,
Ныгышлада олтургъан бир бёлек къарт
Алагъа адетли салам бердиле,
Аланы саламларын алдыла [КъМФ 1996: 240].*

Из Крыма приехали крымские семена,
Не считавшиеся с князьями, ханами.
Как пришли, остановились на ныгыше^{1*},
Группа стариков, сидевших на ныгыше,
Традиционно приветствовала и их приветствие приняла.

Далее:

*Тёгерекге-башха къарайла,
Кёргенлерин туура марайла.
Бычакъларын къыл къайракъда билейле,
Къатынны, къызны ариуун тилейле [КъМФ 1996: 240].*

Осматривают окрестности,
То, что увидят, прямо-таки выцеливают/выслеживают,

1 Место, где традиционно собирались мужчины села для решения разных вопросов.

Точат свои ножи об точильные камни,
Женщин, девушек красивых вождедеют.

В песне жена Ачемеза, которая, к своему несчастью, стала объектом интереса сборщиков дани, описывается в сдержанных тонах, но в то же время грамотно передается основной посыл о ее красоте в соответствии с народным эталонным представлением: «*Къатын эсе да, созгъан алтын эди*» («Хоть и была женщина, но чистое золото»).

Для передачи такого унижающего честь Ачемеза послания крымского наместника («*Къатыныны бир кечеге хахлугъун!*» – «Чтобы уступил на одну ночь свою жену!») выбирается физически неполноценный посланец – *сокъур Атабий* («слепой Атабий»).

Здесь следует уточнить, что ни один умственно и физически здоровый, уважающий себя мужчина с таким поручением не обратился бы к мужу женщины. У карачаевцев и балкарцев понятие *намыс* «честь» всегда ценилось превыше всего. Об этом свидетельствуют карачаево-балкарские пословицы: «*Тиширыуну намысы къан чериуню къайтарыр*» («Честь женщины кровную месть возродит»); «*Эрни эр ёлтюрмез, намыс ёлтюрюр*» («Мужчину не мужчина убьёт, а честь»); «*Ёлюмден намыс кючлю*» («Честь сильнее /важнее смерти») и т.д.

Жена Ачемеза, при встрече с посланником, узнав, что стало поводом для его визита, проявляет невиданную сдержанность и не отходит от норм горских обычаев гостеприимства и общения, проявляя уважение к собеседнику в пределах национальных правил этикета. Наш герой делает вид, что соглашается на позорную сделку, а сам предусмотрительно готовится к «встрече»:

– *Айыб этмегиз, биз да кесибизни джараидырайыкъ,
Къонакъладан айыб алмазча болайыкъ* [КъМФ 1996: 241].

– Не обессудьте и мы себя подготовим,
Дабы не опозориться перед гостями.

В альтернативном варианте произведения, Ачемез без раздумий дает отрицательный ответ на требование хана, оскорбившись им и посчитав его унижающим честь и достоинство его самого и его близких.

*Къатыным Боюнчакъны мен къырым ханнга бералмам,
Аны бла хан хатерин кёралмам* [КъМФ 1996: 241].

Жену свою Боюнчак я крымскому хану не смогу отдать,
Не смогу этим уважить хана.

С уверенностью можно утверждать, что к изначальному смыслу песни более близок именно второй вариант. Представленная в тексте песни речь главного героя отражает чувства оскорбленного мужчины, который пытается защитить как свое достоинство, так и честь своей семьи, рода и общины.

В тексте «*Атабийни джыры*» («Песня Атабия»), произведении, созданном в Черекском ущелье, сразу задается тон повествования:

*Абайлары кьанлы кьала шилейдиле,
Хуна ташын тытыр бла кьалайдыла* [КъМФ 1996: 268].

Абаевы строят кровавую крепость,
Камни стены скрепляют известью.

Как описывается в песне, феодальная субординация предоставляла Абаевым полный контроль над жизнями своих подданных, которыми они могли распоряжаться по своему усмотрению. Они не считались с судьбами других людей. В исторической песне «*Атабийни жыры*» («Песня Атабия») жестокое отношение к своим холопам со стороны княжеского рода проявилось в следующих их действиях: они продали дочерей Атабия, оставив старого и немощного человека в одиночестве. Хоть Атабий и не славился незаурядной физической силой и не мог ее использовать для защиты своей семьи, но вкусив такое чувство, как отчаяние, он обрел смекалку и силу духа, что и помогло ему в совершении мести.

Несправедливость и жестокость поступка молодых парней из княжеского рода стали причиной вынашивания плана возмездия со стороны Атабия, для исполнения которого он, приложив все свои силы и знания, изготавливает нож и, пробравшись в ночное время суток в спальню молодых ребят, совершает свою месть.

*Эки улан жукълайла, хурулдашып,
Атабий да сермеди, жууукълашып,
Бичакъ бла тартды богъурдакъларын:
«Энди ичигиз кьызларымы хакъларын!»* [КъМФ 1996: 268].

Два парня спали и храпели,
Атабий, приблизившись, хватил,
Ножом перерезал горла (обоим):
«Вот тепер пейте (получите) плату за моих дочерей».

Чувство исполненного долга, месть и мужественное поведение Атабия характеризуют и следующие строки:

*Къызгъан жюрек этер борчун толтурду,
Таукел келип, эски юйюнде олтурду.
«Ёлеме», – деп, Атабий чырт кьоркъмады, –
Батыр турду, башын эниш тутмады* [КъМФ 1996: 269].

Горячее сердце освободилось от своего долга,
Он уверенно зашел и сел в старом доме.
Теперь он совсем не боялся умирать,
Смело стоял, не опустил голову.

А когда наутро собрался народ и начали гадать, кто это сделал и что произошло, Атабий, как человек, который был в полной мере уверен в

справедливости своего поступка – и не думал скрываться от Абаевых, в связи с чем без колебаний признался в том, что данный акт возмездия – это его рук дело.

– *Баиша адамны жокъду мында хатасы, –
Деди, – менме бу къайгыны атасы* [КъМФ 1996: 269].

– Нет здесь вины другого человека,
Сказал, –зачинщиком (отцом) этой трагедии являюсь я.

За такой поступок его жестоко наказали и об этой трагической истории повествуется далее:

*Абайлары эки эмилик сайлайла,
Атабийни экисине байлайдыла.
Эмиликле, юркюп, эки юздюле,
Къалгъан къулла да бу жырны тиздиле*
[КъМФ 1996: 270–271].

Абаевы выбирают пару необъезженных жеребцов,
Привязывают Атабия к двоим из них.
Необъезженные кони, рванув, разорвали его надвое,
А остальные (видевшие это) холопы сочинили эту песню.

Парни из рода Абаевых в произведении представлены в качестве персонажей, творящих социальный произвол и с презрением относящихся к представителям более низких слоев населения, что в свою очередь дает нам определенную характеристику княжеского сословия.

В сознании сказителя и низших слоев населения, непосредственно являвшихся свидетелями данных событий, Атабий предстает в образе героя, который восстановил справедливость.

По результатам исследования можно утверждать, что историко-героические песни представляют собой цельные художественные произведения, завершенные в идейном, сюжетном и композиционно-стилевом отношении. В них сохраняется вариативность. Совпадая, в своей основе, варианты исторических песен расходятся в определенных деталях. Наиболее постоянным во всех версиях остается содержание песни, главный идейный замысел произведения. Неизменным предстает и комплекс моральных установок, нравственно-этических характеристик героев.

Все вышеизложенное позволяет констатировать, что историко-героические песни являются подлинной сокровищницей духовной культуры, донесшей до наших дней сведения богатого героического прошлого и информацию о нравственно-этическом идеале карачаевцев и балкарцев, а их дальнейшее, более углубленное изучение позволит в значительной мере дополнить и расширить представления о языковой и этической картине мира этноса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аппаев 1975 – *Аппаев Х.* Малкъарны жашау тарихинден жигитликни юсюнден жырлары (Старинные балкарские песни о народных героях) // Шуёхлукъ (Дружба). – 1975. – № 2. – С. 109–120.

Аппаев, Пипинис 1961 – *Аппаев Х.З., Пипинис В.Ф.* Место историко-героических песен в балкарском фольклоре // Ученые записки КБНИИ. – Т. XXIII. – Нальчик, 1961. – С. 63–76.

Ахматова 2022 – *Ахматова М.А.* Объективация концепта "баш" в карачаево-балкарских историко-героических песнях // Северокавказская фольклористика: история и современность. Сборник статей. – Нальчик: Принт Центр, 2022. – С. 141–148.

Берберов 2022 – *Берберов Б.А.* Карачаево-балкарская песня: внутрижанровые разновидности и поэтика // *Kavkaz-Forum.* – 2022. – № 12 (19). – С. 19-33. DOI: 10.46698/VNC.2022.19.12.011.

Болатова 2019 – *Болатова (Атабиева) А.Д.* Принцип художественной условности в карачаево-балкарской литературе. – Нальчик: Принт Центр, 2019. – 264 с.

Гулиева 2015 – *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* Карачаево-балкарская несказочная проза и ее традиции в балкарской литературе. – Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. – 152 с.

Джанкезова 2011 – *Джанкезова М.А.* Карачаево-балкарская историко-героическая песня (генезис, жанровое своеобразие, поэтика): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Черкесск, 2011. – 23 с.

Караева 1961 – *Караева А.И.* О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа. – Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1961. – 62 с.

КБФДЗП 1983 – Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях / сост., вступ. статья и коммент. А.И. Алиевой; отв. ред. Т.М. Хаджиева. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 432 с.

Кетенчиев 2021 – *Кетенчиев М.Б.* О языке историко-героической песни «Сын Темиркана Ачемез» // Фольклорный текст: рубеж тысячелетий. – Нальчик: Принт Центр, 2021. – С. 132–137.

КъМФ 1996 – Къарачай-малкъар фольклор (Карачаево-балкарский фольклор): хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 592 с.

КъМТАС I 1996 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю (Толковый словарь карачаево-балкарского языка): в 3-х томах. Т. I. А-Ж. Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 1019 с.

Малкондуев 2000 – *Малкондуев Х.Х.* Поэтика карачаево-балкарской народной лирики. – Нальчик: Эль-Фа, 2000. – 218 с.

Малкондуев 2015 – *Малкондуев Х.Х.* Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV–XVIII в.). – Нальчик: Печатный двор, 2015. – 312 с.

Ортабаева 1977 – *Ортабаева Р.А.-К.* Карачаево-балкарские народные песни. – Черкесск: Карач.-Черкес. отд. Ставроп. кн. изд-ва, 1977. – 152 с.

Рахаев 1980 – Рахаев А. Къарачай-малкъар историялы халкъ жырла (Карачаево-балкарские исторические народные песни) // Шуёхлукъ (Дружба). – 1980. – № 3. – С. 95–100.

Рахаев 1988 – *Рахаев А.И.* Песенная эпика Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1988. – 168 с.

Узденова 2018 – *Узденова Ф.Т.* Карачаево-балкарская поэзия: генезис и жанровое своеобразие. – Нальчик: Принт Центр, 2018. – 232 с.

Узденова 2012 – *Узденова Ф.Т.* Понятие воинской чести в системе этико-эстетических представлений народов Северного Кавказа // Нартоведение в XXI веке: Современные парадигмы и интерпретации: сб. науч. статей. Владикавказ, 2012. – С. 257–261.

Урусбиева 2001 – Урусбиева Ф.А. Карачаево-балкарский фольклор (К вопросу о типологии развития жанров) // Урусбиева Ф.А. Избранные труды: очерки, эссе, статьи. Нальчик: Эльбрус, 2001. – С. 3–70.

Хаджиева 2014 – Хаджиева Т.М. Фольклор // Карачаевцы. Балкарцы / отв. ред. М.Д. Каракетов, Х.М.-А. Сабанчиев. – М.: Наука, 2014. – С. 522–584.

Холаев 1981 – Холаев А.З. Народное устно-поэтическое творчество // Очерки истории балкарской литературы / отв. ред. С.У. Алиева. – Нальчик: Эльбрус, 1981. – С. 13–31.

Хубиев 1968 – Хубиев М.А. Къарачай-малкъар совет халкъ джырла (Карачаево-балкарские советские народные песни). – Черкесск: Карач.-Черкес. отд. Ставроп. кн. изд-ва, 1968. – 186 с.

REFERENCES

APPAEV H. Malk"arny zhashau tarihinden zhigitlikni yusyunden zhyrlary [Ancient Balkarian songs about folk heroes]. IN: Shuyohluk". – 1975. – № 2. – P. 109-120. (In Balk.)

APPAEV H.Z., PIPINIS V.F. Mesto istoriko-geroicheskikh pesen v balkarskom fol'klore [The place of historical-heroic songs in Balkarian folklore]. IN: Uchenye zapiski KBNII. – Vol. XXIII. – Nal'chik, 1961. – P. 63-76. (In Russ.)

AHMATOVA M.A. Ob"ektivaciya koncepta «bash» v karachaevo-balkarskikh istoriko-geroicheskikh pesnyah [Objectification of the concept «bash» in karachay-balkarian historical and heroic songs]. IN: Severokavkazskaya fol'kloristika: istoriya i sovremennost' [North Caucasian folklore study: history and modernity]: Collection of articles. – Nal'chik: Print Centr, 2022. – P. 141-148. (In Russ.)

BERBEROV B.A. Karachaevo-balkarskaya pesnya: vnutrizhanrovnye raznovidnosti i poetika [Karachay-Balkarian song: intra-genre varieties and poetics]. IN: Kavkaz-Forum. – 2022. – № 12 (19). – P. 19-33. DOI: 10.46698/VNC.2022.19.12.011. (In Russ.)

BOLATOVA (ATABIEVA) A.D. Princip hudozhestvennoj uslovnosti v karachaevo-balkarskoj literature [The principle of artistic convention in Karachay-Balkarian literature]. – Nal'chik: Print Centr, 2019. – 264 p. (In Russ.)

GULIEVA (ZANUKOEVA) F.H. Karachaevo-balkarskaya nesказochnaya proza i ee tradicii v balkarskoj literature [Karachay-balkarian unfairy-tale prose and its tradition in balkarian literature]. – Nal'chik: Izdatel'skij otdel KBIGI, 2015. – 152 p. (In Russ.)

DZHANKEZOVA M.A. Karachaevo-balkarskaya istoriko-geroicheskaya pesnya (genезis, zhanrovoe svoeobrazie, poetika) [Karachay-Balkarian historical-heroic song (genesis, genre originality, poetics)]: abstract of the dissertation ... of candidate of philological sciences. – Cherkessk, 2011. – 23 p. (In Russ.)

KARAEVA A.I. O fol'klornom nasledii karachaevo-balkarskogo naroda [About the folklore heritage of the Karachay-Balkarian people]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961. – 62 p. (In Russ.)

Karachaevo-balkarskiy fol'klor v dorevoljucionnykh zapisyakh i publikatsiyakh [Karachay-balkarian folklore in pre-revolutionary records and publications] / Compiler, author of introductory article and comments A.I. Alieva; editor-in-chief T.M. Hadzhieva. – Nalchik: El'brus, 1983. – 432 p. (In Russ.)

KETENCHIEV M.B. O yazyke istoriko-geroicheskoy pesni «Syn Temirkana Achemez» [About the language of the historical and heroic song «Son of Temirkan Achemez»]. IN: Fol'klornyj tekst: rubezh tysyacheletij [Folklore text: the turn of the millennium]: Collection of articles. – Nal'chik: Print Centr, 2021. – P. 132-137. (In Russ.)

K"arachay-malk"ar fol'klor [Karachay-balkarian folklore]: readings / collected by T.M. Hadzhieva. – Nal'chik: El'-Fa, 1996. – 592 p. (In Balk.)

K'MTAS I 1996 – Karachay-malk"ar tilni anglyatma sözlygyu (Explanatory dictionary of the karachay-balkar language): In 3 volumes. Vol. I. A-Zh. Nalchik: El'-Fa, 1996. 1019 p.

MALKONDUEV H.H. Istoriko-geroicheskie pesni karachaevo-balkarskogo naroda (konec XIV–XVIII vekov) [Historical and heroic songs of the Karachay-Balkarian people (late XIV–XVIII)]. – Nal'chik: Pechatnyj dvor, 2015. – 312 p. (In Russ.)

MALKONDUEV H.H. Poetika karachaevo-balkarkoj narodnoj liriki [Poetics of Karachay-Balkarian folk lyrics]. – Nal'chik: El'-Fa, 2000. – 218 p. (In Russ.)

ORTABAEVA R.A.-K. Karachaevo-balkarskie narodnye pesni [Karachay-Balkarian folk songs]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva, 1977. – 152 p. (In Russ.)

RAHAEV A. K"arachaj-malk"ar istoriyaly halk" zhyrla [Karachay-Balkarian historical folk songs]. IN: Shuyohluk. – 1980. – № 3. – P. 95-100. (In Balk.)

РАХАЕВ А.И. Pesennaya epika Balkarii [Song epic of Balkaria]. – Nal'chik: El'brus, 1988. – 168 p. (In Russ.)

UZDENOVA F.T. Karachaevo-balkarskaya poeziya: genezis i zhanrovое svoeobrazie [Karachay-Balkarian poetry: genesis and genre originality]. – Nal'chik: Print Centr, 2018. – 232 p. (In Russ.)

UZDENOVA F.T. *Ponyatiye voinskoy chesti v sisteme etiko-esteticheskikh predstavleniy narodov Severnogo Kavkaza* [The concept of military honor in the system of ethical and aesthetic ideas of the peoples of the North Caucasus]. IN: *Sovremennyye paradigmy i interpretatsii: sb. nauch. statey*. Vladikavkaz, 2012. P. 257–261.

URUSBIEVA F.A. Karachaevo-balkarskij fol'klor (K voprosu o tipologii razvitiya zhanrov) [Karachay-balkarian folklore (On the issue of typology of development of genres)]. IN: URUSBIEVA F.A. *Izbrannyye trudy: ocherki, esse, stat'i* [Selected works: essays, articles]. – Nalchik: El'brus, 2001. – P. 3-70. (In Russ.)

HADZHIEVA T.M. Fol'klor [Folklore]. IN: *Karachaevtsy. Balkartsy* [Karachais. Balkarians]. – Moscow: Nauka, 2014. – P. 522-584. (In Russ.)

HOLAEV A.Z. Narodnoe ustno-poeticheskoe tvorchestvo [Folk oral-poetic works]. IN: *Ocherki istorii balkarskoy literatury* [Essays on the history of balkarian literature]. – Nalchik: El'brus, 1981. – P. 13–31. (In Russ.)

HUBIEV M.A. K"arachaj-malk"ar sovet halk" dzhyrla [Karachay-Balkarian Soviet folk songs]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva, 1968. – 186 p. (In Karach.).

Информация об авторе

Ж.М. Локьяева – младший научный сотрудник.

Information about the author

Zh.M. Lokyaeva – junior research associate

Статья поступила в редакцию 03.11.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 03.11.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Научная статья

УДК 94 (=352.3)

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-481-496

EDN: XJLGTW

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЧЕРКЕССКОЙ АССОЦИАЦИИ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО МИРА В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

Анзор Викторович Кушхабиев

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, anzor-vk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4618-2148>

Аннотация. Выявлено, что пропаганда поддержания межнационального мира на международном, федеральном и региональном уровнях является приоритетным направлением в деятельности МЧА в современный период. В данной деятельности МЧА наиболее эффективными и массовыми стали проведенные в 2014-2023 гг. научно-практические конференции, круглые столы и др., целью которых является пропаганда: гармонизации межнациональных отношений, развития международного и межрегионального сотрудничества методами общественной дипломатии, укрепления связей с зарубежными соотечественниками, формирования благоприятного общественного мнения о России за рубежом, взаимодействия органов государственной власти, общественных, религиозных и образовательных организаций. Активная деятельность МЧА по поддержанию межнационального мира получила высокую оценку на федеральном уровне. Президент РФ В.В. Путин в своем обращении к участникам XIII Конгресса МЧА отметил особое признание усилий ассоциации по поддержанию мира и согласия на Северном Кавказе, конструктивный диалог с государственными структурами, институтами гражданского общества.

Миротворческая позиция МЧА по политической ситуации в Донецкой и Луганской областях Украины, обострившейся в марте 2014 г., заключалась в поддержке политики России, направленной на её мирное урегулирование. После начала проведения специальной операции ВС РФ на Украине (февраль 2022 г.) позиция МЧА заключается в поддержке этой меры, в критике учредителей и участников движения «Свободная Черкесия», созданного в Варшаве в 2022 г., а также к призывам к черкесскому народу – сплотиться и не поддаваться на провокации антироссийских сил.

Ключевые слова: Международная черкесская ассоциация, межнациональный мир, современный период, публичная дипломатия, конференции, гражданское общество

Для цитирования: Кушхабиев А.В. Деятельность Международной черкесской ассоциации по поддержанию межнационального мира в современный период // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 481-496. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-481-496. EDN: XJLGTW.

© Кушхабиев А.В., 2023

Original article

ACTIVITIES OF THE INTERNATIONAL CIRCASSIAN ASSOCIATION TO SUPPORT THE INTERETHNIC PEACE IN THE MODERN PERIOD

Anzor V. Kushkhabiev

Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, anzor-vk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4618-2148>

Abstract. It has been revealed that the propaganda of the maintenance of interethnic peace at the international, federal and regional levels is a priority in the activities of the ICA in the modern period. In this activity of the ICA, the most effective and widespread were those conducted in 2014-2023 scientific and practical conferences, round tables, etc., the purpose of which is to promote: harmonization of interethnic relations, development of international and interregional cooperation using public diplomacy methods, strengthening ties with foreign compatriots, forming a favorable public opinion about Russia abroad, interaction between government bodies, public, religious and educational organizations. The active work of the ICA in the maintenance of interethnic peace was highly appreciated at the federal level. President of the Russian Federation V.V. Putin, in his address to the participants of the XIII ICA Congress, noted special recognition of the association's efforts to maintain peace and harmony in the North Caucasus, constructive dialogue with government agencies and civil society institutions.

The peacekeeping position of the ICA on the political situation in the Donetsk and Lugansk regions of Ukraine, which escalated in March 2014, was to support Russia's policy aimed at its peaceful settlement. After the start of the special operation of the Russian Armed Forces in Ukraine (February 2022), the position of the ICA is to support this measure, criticize the founders and participants of the "Free Circassia" movement, created in Warsaw in 2022, as well as calls for the Circassian people – unite and resist the provocations of anti-Russian forces.

Keywords: International Circassian Association, interethnic peace, modern period, public diplomacy, conferences, civil society

For citation: Kushkhabiev A.V. Activities of the International Circassian association to support the interethnic peace in the modern period. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 481-496. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-481-496. EDN: XJLGTW.

© Kushkhabiev A.V., 2023

Введение

Актуальность исследования. В начале XXI в. социально-политическая ситуация на Северном Кавказе оставалась напряженной. Среди основных факторов обострения социально-политической ситуации в Кабардино-Балкарии следует указать: противоречия между Кабардинским и Балкарским национальными движениями по территориальным вопросам; проблемы вынужденных переселенцев из Чеченской Республики; обострение Черкесского вопроса; актуализация фактора фундаментального ислама и др. В 2005 г. Кабардино-Балкарии произошли межэтнические молодежные конфликты (между местной и чеченской молодежью), произошло вооруженное выступление сторонников фундаментального ислама. В условиях «малоземелья», полиэтничной структуры и высокого уровня плотности населения данные проблемы приобретали тупиковый характер. В сложившихся условиях Международная черкесская ассоциация осуществляла и продолжает осуществлять деятельность по поддержанию меж-

национального мира на международном, федеральном и региональном уровнях. В этой связи, исследование деятельности Международной черкесской ассоциации по поддержанию межнационального мира в современный период имеет важное фундаментальное и прикладное значение.

Цель работы – исследование деятельности Международной черкесской ассоциации по поддержанию межнационального мира в современный период.

Источниковая база работы. Статья подготовлена на основе анализа документов и материалов Международной черкесской ассоциации, а также личных наблюдений автора.

Основные мероприятия Международной черкесской ассоциации по пропаганде поддержания межнационального мира

Миротворчество и деятельность по поддержанию межнационального мира были приняты в качестве приоритетных направлений в деятельности первой общеадыгской неправительственной организации – Всемирной черкесской ассоциации (позднее переименована в Международную черкесскую ассоциацию – МЧА, полное название – Союз общественных объединений «Международная Черкесская Ассоциация по единению черкесского народа, развитию связей черкесской диаспоры с исторической родиной»), учрежденной на Первом Всемирном (международном) черкесском конгрессе, который состоялся 19–21 мая 1991 г. в г. Нальчике по инициативе лидеров черкесских-адыгских общественных объединений «Адыгэ Хасэ» России и других стран. В первом уставе организации (20.05.1991) зафиксировано, что ВЧА (МЧА) – это добровольный и равноправный союз соотечественников, деятельность которого основывается на принципах демократии, гуманизма, уважения всех народов. Сказано, что ВЧА (МЧА) стремится к сотрудничеству со всеми народами на основе мира, независимости и законности, выступает против насилия, несправедливости и дискриминации [Устав... 1991: 7]. В новой редакции Устава, утвержденной внеочередным XI Конгрессом МЧА (Нальчик, 19.09.2016), среди целей и задач организации зафиксировано: «содействие укреплению мира, дружбы и согласия между народами, предотвращению социальных, национальных и иных конфликтов» [Устав... 2016: 3].

Следует указать, что со времени учреждения МЧА является авторитетной организацией, взаимодействующей с органами государственной власти РФ, республик, краев и областей Северного Кавказа. В её конгрессах и других форумах принимают участие главы и представители властных структур некоторых республик Северного Кавказа, представители органов федеральной власти. Президент МЧА входит в Совет при Президенте РФ по межнациональным отношениям и возглавляет Кабардино-Балкарское региональное отделение Ассамблеи народов России.

В качестве методов пропаганды поддержания межнационального мира МЧА стала использовать опыт идеологической работы Советского Союза по пропаганде дружбы народов: проведение форумов, круглых столов, собраний, культурно-массовых мероприятий. Одним из наиболее эффективных и массовых методов в данной деятельности МЧА стало проведение научно-

практических конференций. Среди них особый интерес общественности вызвал Международный общественно-культурный форум «Диалог на Эльбрусе». 13-16 мая 2014 г. МЧА и Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова провели в г. Нальчике Международный общественно-культурный форум «Диалог на Эльбрусе-2014», цель которого заключалась в создании региональной площадки для ведения открытого диалога по вопросам международного сотрудничества, межэтнического и межкультурного взаимодействия методами публичной дипломатии. В рамках форума состоялись: научная конференция «Северный Кавказ и Россия: история и современность»; круглый стол на тему «Роль публичной дипломатии в современном мире»; дискуссия на тему «Перспективы развития региона и страны»; презентации проектов «Общественная дипломатия и перспективы международного сотрудничества»; этнографический практикум «Черкесская кунацкая»; дискуссия «Общественная дипломатия в сфере межнациональных отношений». В форуме приняли участие: представители органов государственной власти КБР, представители общественных организаций, научных и образовательных учреждений Кабардино-Балкарской Республики, Республики Адыгея, Карачаево-Черкесской Республики, Республики Северная Осетия-Алания, Чеченской Республики, Ставропольского и Краснодарского краев, представители неправительственных организаций черкесских диаспор Турции, Иордании, Сирии [Информация... 2014: 4-6].

В итоговом документе, принятом участниками форума, сказано о необходимости: содействовать формированию благоприятного для России общественного мнения за рубежом как о подлинно демократическом государстве, заботящемся о соблюдении этнокультурных и иных прав его народов; участвовать в создании системы государственно-общественного партнерства в сфере укрепления межнациональных отношений в России; поддерживать развитие института публичной дипломатии, формирование в обществе практики межкультурного сотрудничества; содействовать гармонизации межнациональных отношений и гражданского диалога [Итоговый документ... 2014: 19-20].

По инициативе МЧА, 19 мая 2016 в г. Нальчике состоялась научно-практическая конференция, посвященная гармонизации межэтнических отношений и развитию национальных культур. В работе конференции принимали участие представители органов государственной власти КБР, представители общественных объединений, научных учреждений, вузов, журналисты, представители неправительственных организаций черкесских диаспор стран дальнего и ближнего зарубежья. Участники конференции отмечали, что для эффективной политики в сфере межнациональных отношений необходимо взаимодействие органов государственной власти, институтов гражданского общества и науки. Деятельность общественных объединений должна быть направлена на консолидацию гражданского общества и укрепление государственности [Гармонизация... 2016].

Президент МЧА Х.Х. Сохроков подчеркнул, что деятельность МЧА направлена на использование культурного, интеллектуального и экономического потенциала черкесского (адыгского) мира в интересах Российской Федерации, укрепление её международного авторитета. Комплексный подход, направ-

ленный на укрепление межнационального согласия в Кабардино-Балкарии через развитие институтов гражданского общества, будет способствовать улучшению качества жизни населения [Гармонизация... 2016].

Представители властных структур КБР проинформировали участников конференции о программе, реализуемой в Кабардино-Балкарии в сфере межнациональных отношений. Руководитель управления по внутренней политике Администрации Главы КБР А.Х. Кажаяев отметил, что по оценкам федеральных и республиканских органов власти, в регионе, в целом наблюдаются стабильность и позитив в сфере гармонизации межэтнических отношений и развития национальных культур, что в КБР нет объективных причин, которые ведут к межэтническим разногласиям. Благодетель православных церквей КБР Валентин Бобылёв и заместитель председателя Духовного управления мусульман КБР Алим Сижажев проинформировали участников конференции о значении межконфессионального диалога в достижении стабильности и гражданского согласия в регионе [Гармонизация... 2016].

В резолюции конференции отмечается, что в КБР приоритетным направлением деятельности остаётся привлечение к работе по гармонизации межэтнических отношений и укреплению общероссийской идентичности максимально широкого круга представителей научных, общественных, религиозных и профессиональных кругов, призванных оказать содействие поддержанию здоровой духовной жизни в республике и стране [Гармонизация... 2016].

По инициативе МЧА, при поддержке Управления по взаимодействию с институтами гражданского общества и делам национальностей КБР, 16-18 декабря 2016 г. в г. Нальчике состоялась научно-практическая конференция «Роль гражданского общества в гармонизации межэтнических и межкультурных отношений», в работе которой приняли участие представители органов государственной власти КБР, общественных объединений КБР, РА, КЧР, Краснодарского и Ставропольского краев, религиозных организаций, научных и образовательных учреждений КБР, представители неправительственных организаций черкесских диаспор Голландии, Иордании, Сирии, Турции. На конференции отмечалось, что проблема межэтнических противоречий в Северо-Кавказском регионе по-прежнему актуальна, что достичь мира и стабильности в одном отдельно взятом регионе или, тем более в одном из субъектов региона без улучшения ситуации в целом по стране – задача едва ли выполнимая [На благо... 2016; Альмирова 2016].

В резолюции конференции зафиксировано, что её участники выступают с осуждением проявлений экстремизма и межэтнической розни в любых формах. Сказано о важном значении взаимодействия органов государственной власти, общественных, религиозных и образовательных организаций в вопросах гармонизации межнациональных и межкультурных отношений, сохранения общественного мира и согласия. В резолюции зафиксировано, что опираясь на Стратегию государственной национальной политики на период до 2025 г., Стратегию социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г., необходимо: осуществлять сотрудничество в рамках развития системы государственно-общественного партнерства в сфере укрепления меж-

национальных отношений в России; оказывать поддержку в реализации социальных проектов, направленных на формирование межнационального и межкультурного взаимоуважения, духовно-нравственное и патриотическое воспитание молодежи, профилактику распространения радикальных идей в обществе; содействовать обмену опытом и распространению лучших практик и инновационных технологий в реализации программ и проектов, направленных на гармонизацию межнациональных и межкультурных отношений; развивать взаимовыгодное сотрудничество между народами на основе взаимного признания и уважения их основных прав, которые закреплены во многих документах международных организаций, в том числе Организации Объединенных Наций (ООН) [На благо... 2016; Альмирова 2016].

1-3 марта 2018 г. в г. Нальчике состоялась научно-практическая конференция «Формирование российского многонационального государства через гражданское взаимодействие и институты общественной дипломатии», организованная Международной Черкесской Ассоциацией с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества. Цель конференции – содействие дальнейшему укреплению единства и дружбы российского общества через гражданское взаимодействие и институты общественной дипломатии, гармонизации межнациональных отношений народов, проживающих на территории Северного Кавказа, повышению международного авторитета Российской Федерации. В работе Конференции приняли участие представители органов государственной власти КБР, научных и образовательных учреждений КБР и Ставропольского края, представители общественных объединений КБР, КЧР, ЧР, РСО-А, Духовного управления мусульман КБР; Благочиния Нальчикского округа Пятигорской и Черкесской епархии, представители неправительственных организаций черкесских диаспор Турции, Сирии, Иордании и др.

В рамках конференции прошли дискуссия «Перспективы развития межрегионального сотрудничества» и мастер-класс «Общественная дипломатия в Интернет-пространстве». На мероприятиях обсуждались вопросы: формирования единой российской нации на основе общероссийской гражданской идентичности, укрепления межнационального и межконфессионального согласия; социальной, культурной, языковой и экономической адаптации репатриантов в современную российскую среду, формирования у них общероссийской гражданской идентичности; вопросы исторических связей Северного Кавказа и России; факторы укрепления национальной безопасности России. В выступлениях актуализировалась роль общественной дипломатии в гуманизации образа России и формировании благоприятного для нее общественного, политического и делового климата за рубежом. В завершение конференции состоялся круглый стол «Роль публичной дипломатии в современном мире» [Конференция... 2018; Перспективы... 2018].

По итогам проекта «Диалог на Эльбрусе – XXI: согласие, дружба и сотрудничество народов», реализованного МЧА с использованием гранта Президента РФ на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов, состоялся круглый стол (Нальчик, 14.11.2018), в работе ко-

торого приняли участие представители органов государственной власти и общественных объединений КБР. На мероприятии были представлены итоги реализации проекта, организован видеопокказ проектных мероприятий. Участники мероприятия констатировали, что цель проекта, направленного на пропаганду укрепления единства российской нации, формирование общероссийской гражданской идентичности, развитие международного и межрегионального сотрудничества методами общественной дипломатии, укрепление связей с соотечественниками, формирование благоприятного общественного мнения о России за рубежом, на социокультурную и языковую адаптацию репатриантов достигнута. Участники проекта подчеркнули значимость проведенных мероприятий, способствующих дальнейшему укреплению единства и дружбы российского общества через гражданское взаимодействие и институты общественной дипломатии, установлению взаимодействия власти и институтов гражданского общества [Круглый стол... 2018].

Значительный интерес общественности вызвала международная научно-практическая конференция «Россия и Турция в глобальных геополитических процессах», проведенная Международной черкесской ассоциацией при поддержке Фонда А.М. Горчакова (18-20.09.2022). В работе конференции принимали участие: представители органов государственной власти КБР, сотрудники научных учреждений, сотрудники и студенты вузов, представители общественных объединений Республики Адыгея, Кабардино-Балкарской Республики, Карачаево-Черкесской Республики, Республики Северная Осетия-Алания, Ставропольского и Краснодарского краев, г. Москвы, представители неправительственных организаций черкесских диаспор Турции, Иордании, Израиля, Сирии, представитель Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова Н.И. Макурин, руководитель представительства Россотрудничества в Турции А.А. Сотниченко и др.

В рамках программы конференции состоялось обсуждение проблем и позитивного опыта сотрудничества России и Турции в разных сферах (экономика, политика, наука, культура, туризм и др.). Рассматривались также вопросы роли Северного Кавказа и северокавказских диаспор в Турции в процессе укрепления российско-турецких отношений. Участники конференции констатировали необходимость укрепления и развития российско-турецких отношений, что соответствует интересам обоих государств. В выступлении руководителя проектов Фонда им. А.М. Горчакова Н.И. Макурина отмечается, что цель проводимых Фондом мероприятий – выстраивание горизонтальных мостов, связей между гражданами Российской Федерации и других стран, подчеркивается, что между Россией и Турцией необходимо поддерживать контакты не только на государственном уровне, но и через гражданское общество. Предметом обсуждения также был вопрос молодежной дипломатии как одного из инструментов для формирования взаимопонимания, налаживания взаимоотношений между молодежью разных стран [Россия и Турция... 2022].

В рамках конференции также был проведен круглый стол на тему «Культурно-историческое и духовное наследие адыгов как основа народной дипломатии», целью которого было обсуждение роли народной дипломатии в сближе-

нии народов России, в частности, народов Кабардино-Балкарии и Турции в укреплении взаимного доверия и добрососедства. Участники мероприятия также констатировали необходимость дальнейшего развития российско-турецких отношений. В рамках конференции была проведена выставка «Адыги в многоцветии народов России» [Второй день... 2022].

Среди других мероприятий, проведенных МЧА в рамках пропаганды межнационального мира в рассматриваемый период, можно отметить следующие: научно-практическая конференция «Адыги (черкесы): прошлое, настоящее, будущее» (Нальчик, 18.05.2021); культурно-просветительный лагерь «Встреча на Эльбрусе» (курсы кабардино-черкесского и русского языков, курсы изучения традиций народов РФ, конкурсы, мастер-классы), подготовленный для репатриантов из Сирии (Нальчик, август 2021); концерты и выставки изделий декоративно-прикладного искусства, мастер-классы в городах и селах КБР (19-20.09.2021); представление адыгской-черкесской культуры на фестивале национальных культур «В единстве наша сила» (Нальчик, 27.10.2022) в рамках празднования 100-летия образования Кабардино-Балкарии; лагерь отдыха для детей соотечественников (Нальчик, июль-август 2023).

Основные положения идеологической работы МЧА по защите интересов Российской Федерации на международном уровне и поддержанию межнационального мира зафиксированы в резолюциях XIII и XIV конгрессов ассоциации. В резолюции XIII Конгресса МЧА (Нальчик, 19.09.2021), в частности, сказано, что Международная Черкесская Ассоциация поддерживает курс руководства Российской Федерации по защите интересов страны на международной арене, реализации Стратегии государственной национальной политики, программных мер, направленных на сохранение и развитие языков, культур и традиций народов, проживающих в РФ [Резолюция... 2021]. В резолюции также содержится призыв МЧА к адыгам (черкесам), людям всех национальностей – содействовать сохранению межнационального и межконфессионального мира, согласия в родном Отечестве [Резолюция... 2021].

В Резолюции XIV внеочередного Конгресса Международной черкесской ассоциации (Нальчик, 19.09.2023) зафиксирована необходимость содействовать политическому курсу руководства Российской Федерации по сохранению межнационального мира и согласия, предотвращению социальных, национальных и иных конфликтов [Резолюция... 2023].

Активная деятельность МЧА по поддержанию межнационального мира получила высокую оценку на федеральном уровне. Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем обращении к участникам XIII Конгресса МЧА отметил: «Особого признания заслуживают усилия ассоциации по поддержанию мира и согласия на Северном Кавказе, ваш конструктивный диалог с государственными структурами, институтами гражданского общества» [Путин 2021: 221].

В обращении руководителя Федерального агентства по делам национальностей И.В. Барина к участникам XIII Конгресса МЧА отмечается важная миссия её авторитетных представителей, на протяжении целого ряда лет выступающих проводниками народной дипломатии. Сказано, что для Федерального агентства по делам национальностей Международная черкесская ассоциа-

ция является надёжным и социально ответственным партнёром в достижении целей и решении задач государственной национальной политики [Баринов 2021: 222].

В целом, научно-практические конференции и другие мероприятия МЧА (2014-2023), направленные на пропаганду поддержания межнационального мира, были довольно эффективными, вызвавшими интерес общественности и получившими высокую оценку на федеральном уровне.

Позиция Международной черкесской ассоциации по ситуации на Украине

После обострения политической ситуации в Донецкой и Луганской областях Украины в марте 2014 г. МЧА заявила о своей миротворческой позиции в данном вопросе. В Обращении Международной черкесской ассоциации к украинскому народу (2014 г.) подчеркивается, что над украинским народом нависла угроза хаоса, тотальной ненависти и насилия, на власть на Украине претендуют люди, придерживающиеся откровенно нацистских убеждений, призывающие к насилию в отношении братских народов. В обращении сказано, что российские черкесы вместе с другими братскими народами выражают свою твёрдую поддержку истинным патриотам Украины, твёрдо верят, что любой политический конфликт разрешим только в рамках мирного диалога, переговоров и компромиссов, именно поэтому всегда поддерживают позицию России в дипломатическом решении любых сложных социально-политических разногласий. В обращении содержится призыв – не дать возродиться чело́веконенавистничеству, унижению одной нации другой, не быть марионетками в руках западных «благожелателей», не идти на поводу лидеров-псевдопатриотов, называющих себя выразителями народных чаяний [Обращение международной... 2014].

После начала российской специальной военной операции на Украине 24 февраля 2022 г. государства, поддерживающие Украину, предприняли попытку использования и черкесского фактора на международном уровне. На Ютубе появились провокационные антироссийские выступления на черкесском языке.

В марте 2022 г. в офисе Международной Черкесской Ассоциации состоялось заседание руководителей и представителей российских общественных организаций-членов МЧА от РА, КБР, КЧР, Ставропольского и Краснодарского краев, моздокских кабардинцев, на котором участники мероприятия заявили о своей поддержке вынужденной меры проведения специальной операции Вооружённых сил РФ на Украине, направленной на демилитаризацию и денацификацию Украины, обеспечение защиты жителей Донецкой и Луганской областей и российских границ от глобальных угроз [Своих... 2022].

В своих выступлениях участники заседания заявили, что в сложившейся международной ситуации важно сохранять единство и сплоченность всех народов России для защиты её национальных интересов, повышать эффективность взаимодействия власти и гражданского общества. Также было отмечено, что общественные организации-члены МЧА принимают активное участие в гуманитарной акции «Своих не бросаем» для жителей Донбасса и выражают под-

держку военным-землякам, которые на Украине защищают мирное население от нацистов [Своих... 2022].

В конце сентября 2022 г. в Варшаве была проведена конференция с участием некоторых представителей зарубежных черкесских диаспор (США, Германии и др.), на которой было объявлено о создании движения «Свободная Черкесия» и фонда «Нарт» при этом движении. Движение стало организовывать различные собрания, провокационные выступления на Ютубе на черкесском языке и др. Позднее по инициативе этой организации, была проведена международная конференция (Стамбул, 05.08.2023), посвященная, «перспективам образования независимого государства черкесского народа». Среди участников конференции преобладали эксперты различных аналитических центров США, члены Европейского парламента, сотрудники грузинских неправительственных организаций, представители Украины, среди которых – депутаты Верховной рады. Среди участников конференции были и некоторые граждане РФ – т. н. борцы за права человека из Дагестана, Чечни, Карелии и Татарстана, многие из которых после начала СВО переехали в страны Европы и стали участвовать в различных мероприятиях с антироссийской повесткой. Важно отметить, что неправительственные организации черкесской диаспоры в Турции отказались принимать участие в этой конференции [Колесникова 2023].

Относительно создания и деятельности движения «Свободная Черкесия» МЧА приняла заявление, в котором сказано, что, используя обострившуюся международную ситуацию, мнимые патриоты черкесского народа, сбежавшие за границу политиканы, прилагают немалые усилия по дестабилизации ситуации в республиках Северного Кавказа и разных государствах мира. С самого начала специальной военной операции ВС РФ Интернет заполнили провокационные и откровенно фейковые материалы, созданные укронацистами и их хозяевами. В заявлении отмечается, что недавно на Ютубе появилась запись т. н. «Варшавской конференции» с участием представителей адыгской-черкесской диаспоры из США, Турции, Иордании, Германии. Находясь вдалеке от Родины, в Варшаве, ставшей центром оголтелой русофобии, продавшие свою совесть и национальную гордость отщепенцы объявили об учреждении движения «Свободная Черкесия», попытались дать новый политизированный импульс теме «геноцида черкесов». В заявлении также сказано, что «патриоты» не хотят замечать, что Украина – страна, которая уже много лет воюет с собственным народом, никогда не решит проблемы адыгов-черкесов. «Патриотам» и их сторонникам пора понять, что их лживые призывы не способны настроить друг против друга адыгские-черкесские организации, внести смуту и рознь в крепкое единство многонационального народа страны. В заявлении подчеркивается, что нужно быть сплоченными, ответственными за свои слова и действия, нельзя поддаваться на проплаченные врагами провокации, нельзя позволять стравливать людей между собой. В заявлении сказано: «Твердо верим, что у провокаторов ничего не получится! Вся Россия от Калининграда до Камчатки встает сегодня по зову нашего Президента Владимира Владимировича Путина на защиту наших братьев с Донбасса и других территорий от неонацистских при-

хвостней. Россия уже побеждала фашизм ранее, уверены – победит его и сегодня!» [Заявление... 2022].

МЧА также приняла «Обращение руководителей адыго-черкесских организаций-членов Международной Черкесской Ассоциации» (ноябрь 2022), в котором изложена позиция МЧА по ситуации в среде черкесских диаспор и черкесского населения РФ в связи с событиями на Украине. В обращении зафиксировано, что антироссийские силы, разные политические и общественные организации, далекие от адыгско-черкесского народа и его проблем, используя мировую интернет-паутину, стараются впутать его в грязные политические авантюры, дестабилизировать ситуацию в черкесском мире, разжечь межнациональный конфликт в Российской Федерации. В обращении сказано, что «сердобольная» Украина протягивает руку помощи в создании «мобилизационного центра», где можно пройти обучение. Под эгидой Центра восточноевропейских исследований Варшавского университета, Тбилисского центра черкесской культуры и Института кавказоведения Тбилисского государственного университета проводится в Польше (член НАТО с 1999 г.) конференция по вопросам адыгско-черкесской нации, её участники – лидеры антироссийски настроенных организаций НАТО, США и Грузии. Подчеркивается, что призыв сформировать «черкесский добровольческий батальон» является абсурдом и провокацией. В обращении сказано, что подобные действия и провокационные призывы окончательно подтвердили их предательскую деятельность, но предатели не имеют реальной поддержки у большинства адыго-черкесов и, более того, существуют формально в интересах их антироссийских спонсоров. Позиция недружественных стран, направленная на противостояние с российскими властями, не является продуктивным путем решения задач адыго-черкесского народа. Русско-адыгские связи и отношения имеют многовековую историю, черкесский народ плечом к плечу вместе с другими этносами, в первую очередь с русскими, на протяжении столетий защищал интересы России в различных войнах [Обращение руководителей... 2022].

В обращении содержится призыв к сплочению народов Российской Федерации, сказано, что истинные интересы адыгско-черкесского и всех народов России зависят от патриотизма и гражданственности каждого из них, что необходимо совместно выдержать сегодняшнее испытание и выйти победителем в этом противостоянии еще более сплоченными (11 подписей) [Обращение руководителей... 2022].

Призыв ко всему адыгскому (черкесскому) миру – не давать никаким силам использовать народ в своих неблагоприятных целях внесен и в Резолюцию XIV внеочередного Конгресса Международной черкесской ассоциации (Нальчик, 19.09.2023) [Резолюция... 2023].

20-21 января 2023 г. в г. Нальчике состоялось расширенное заседание Совета Международной черкесской ассоциации, в работе которого приняли участие более 200 человек из Республики Адыгея, Кабардино-Балкарской Республики, Карачаево-Черкесской Республики, Республики Северная Осетия-Алания, Краснодарского и Ставропольского краев, Сирийской Арабской Республики, Республики Абхазия, представители Федерации черкесских культурных об-

ществ Европы. В работе заседания принимали участие: главный советник департамента по национальной политике Администрации Президента РФ С.В. Баах, руководитель Администрации Главы КБР М.М. Кодзоков, член Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам, представитель от КЧР К.О. Казанок, председатель Комитета РА по делам национальностей, связям с соотечественниками и средствами массовой информации А.А. Шхалахов. Приветственные адреса к участникам заседания поступили от Главы РА М.К. Кумпилова, Главы КБР К.В. Кокова, Главы КЧР Р.Б. Темрезова. Видеоприветствия к участникам заседания поступили от председателей черкесских неправительственных организаций Иордании и Израиля, председателя Духовного управления мусульман КЧР, председателя Координационного центра мусульман Северного Кавказа, члена Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ, епископа Пятигорского и Черкесского. Главным вопросом расширенного заседания было выражение позиции МЧА к инициативам Президента РФ В.В. Путина по проведению специальной военной операции. Президент МЧА Х.Х. Сохроков сообщил, что руководители адыгских черкесских общественных организаций обозначили свою позицию по данному вопросу – поддержали решение, которое принял Президент РФ В.В. Путин. Участники расширенного заседания приняли проект резолюции, в котором зафиксирована позиция МЧА по поддержке проведения специальной военной операции [В Нальчике... 2023].

В целом миротворческая позиция МЧА в вопросе политической ситуации в Донецкой и Луганской областях Украины, обострившейся в марте 2014 г., заключалась в поддержке политики России, направленной на её мирное урегулирование. После начала проведения специальной операции ВС РФ на Украине (февраль 2022 г.) позиция МЧА заключается в поддержке этой меры, в критике учредителей и участников движения «Свободная Черкесия», созданного в Варшаве в 2022 г., а также к призывам к черкесскому народу – сплотиться и не поддаваться на провокации антироссийских сил.

Заключение

Таким образом, поддержание межнационального мира на международном, федеральном и региональном уровнях является приоритетным направлением в деятельности МЧА в современный период. В качестве методов пропаганды межнационального мира МЧА стала использовать опыт идеологической работы Советского Союза по пропаганде дружбы народов: проведение форумов, круглых столов, собраний, культурно-массовых мероприятий. Одним из наиболее эффективных и массовых методов в данной деятельности МЧА, вызвавшим интерес общественности, стало проведение научно-практических конференций. В 2014-2023 гг. МЧА провела ряд мероприятий (конференции, дискуссии, мастер-классы и др.), целью которых является пропаганда: гармонизации межнациональных отношений и гражданского диалога, развития международного и межрегионального сотрудничества методами общественной дипломатии, укрепления связей с зарубежными соотечественниками, формирования благоприятного общественного мнения о России за рубежом и др. Основные положения идео-

логической работы МЧА по защите интересов России на международном уровне и поддержанию межнационального мира зафиксированы в резолюциях XIII (19.09.2021) и XIV (19.09.2023) конгрессов МЧА.

Активная деятельность МЧА по поддержанию межнационального мира получила высокую оценку на федеральном уровне. Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем обращении к участникам XIII Конгресса МЧА отметил особое признание усилий ассоциации по поддержанию мира и согласия на Северном Кавказе, конструктивный диалог с государственными структурами, институтами гражданского общества.

Миротворческая позиция МЧА по политической ситуации в Донецкой и Луганской областях Украины, обострившейся в марте 2014 г., заключалась в поддержке политики России, направленной на её мирное урегулирование. После начала проведения специальной операции ВС РФ на Украине (февраль 2022 г.) позиция МЧА заключается в поддержке этой меры, в критике учредителей и участников движения «Свободная Черкесия», созданного в Варшаве в 2022 г., а также к призывам к черкесскому народу – сплотиться и не поддаваться на провокации антироссийских сил.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРА

Альмирова 2016 – *Альмирова Д.* Гармонизация межэтнических отношений – на первом плане. 2016 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=6391> (Дата обращения: 16.10.2023).

Баринов 2021 – *Баринов И.В.* Участникам и гостям XIII конгресса Международной Черкесской Ассоциации // Народная дипломатия на Эльбрусе – путь к миру и согласию. – Нальчик: Тетраграф, 2021. – С. 222.

В Нальчике... 2023 – *В Нальчике* прошло расширенное заседание Совета Международной Черкесской Ассоциации. 2023 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=9440> (дата обращения: 21.10.2023).

Второй день... 2022 – *Второй день* международной конференции МЧА. 2022 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=9306> (дата обращения: 21.10.2023).

Гармонизация... 2016 – *Гармонизация* межэтнических отношений остаётся приоритетом для МЧА. 2016 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=6249> (дата обращения: 16.10.2023).

Заявление... 2022 – *Заявление* Международной Черкесской Ассоциации по вопросу создания движения «Свободная Черкесия». 2022 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=9334> (дата обращения: 11.10.2023).

Информация... 2014 – *Информация* об организации-получателе гранта и других организациях-участницах проекта // Диалог на Эльбрусе 2014. Материалы международного общественно-культурного форума 13-16 мая 2014 года. – Нальчик: Тетраграф, 2014. – С. 4-6.

Итоговый документ... 2014 – *Итоговый документ* Международного общественно-культурного форума «Диалог на Эльбрусе-2014» // Диалог на Эльбрусе 2014. Материалы международного общественно-культурного форума 13-16 мая 2014 года. – Нальчик: Тетраграф, 2014. – С. 18-20.

Колесникова 2023 – *Колесникова М.* Украинские страсти по «Черкесии». 2023 // Сайт журнала «Международная жизнь» [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/41721> (дата обращения: 19.10.2023).

Конференция... 2018 – *Конференция* «Формирование российского многонационального государства через гражданское взаимодействие и институты общественной дипломатии».

2018 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=6825> (дата обращения: 19.10.2023).

Круглый стол... 2018 – *Круглый стол* по результатам реализации проекта «Диалог на Эльбрусе – XXI: согласие, дружба и сотрудничество народов». 2018 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=7389> (дата обращения: 19.10.2023).

На благо... 2016 – *На благо* межнационального мира и согласия // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=6380> (дата обращения: 16.10.2023).

Обращение Международной... 2014 – *Обращение Международной* Черкесской Ассоциации к украинскому народу. 2014 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=5176> (дата обращения: 10.10.2023).

Обращение руководителей... 2022 – *Обращение руководителей* адыго-черкесских организаций-членов Международной Черкесской Ассоциации. 2022 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=9405> (дата обращения: 15.10.2023).

Перспективы... 2018 – *Перспективы* развития межрегионального сотрудничества. 2018 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=6828> (дата обращения: 19.10.2023).

Путин 2021 – *Путин В.* Участникам, организаторам и гостям XIII конгресса Союза общественных объединений «Международная черкесская ассоциация по единению черкесского народа, развитию связей черкесской диаспоры с исторической родиной» // Народная дипломатия на Эльбрусе – путь к миру и согласию. – Нальчик: Тетраграф, 2021. – С. 221.

Резолюция... 2021 – Резолюция XIII Конгресса Международной черкесской ассоциации. – Нальчик, 19.09.2021. – 2 с.

Резолюция... 2023 – Резолюция XIV внеочередного Конгресса Международной Черкесской Ассоциации. Нальчик, 19.09.2023. – 2 с.

Россия и Турция... 2022 – *Россия и Турция* в глобальных геополитических процессах. 2022 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=9297> (дата обращения: 21.10.2023).

Своих... 2022 – *Своих* не бросаем. 2022 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=9108> (дата обращения: 19.10.2023).

Устав... 1991 – *Устав* Всемирной черкесской ассоциации // Версия. – 1991.22.05. – № 21. – С. 7.

Устав... 2016 – *Устав* Союза общественных объединений «Международная Черкесская Ассоциация по единению черкесского народа, развитию связей черкесской диаспоры с исторической родиной». – Нальчик, 2016 – 16 с.

REFERENCES

AL'MIROVA D. *Garmonizatsiya mezhehtnicheskikh otnoshenii – na pervom plane. 2016.* [Harmonization of interethnic relations is in the foreground. 2016]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=6391> (date of access: 10/16/2023). (In Russ.).

BARINOV I.V. *Uchastnikam i gostyam XIII kongressa Mezhdunarodnoi Cherkesskoi Assotsiatsii* [To the participants and guests of the XIII Congress of the International Circassian Association]. IN: *Narodnaya diplomatiya na Ehl'bruse – put' k miru i soglasiyu* [Public diplomacy on Elbrus - the path to peace and harmony]. – Nal'chik: Tetragraf, 2021. – P. 222. (In Russ.).

V Nal'chike proshlo rasshirennoe zasedanie Soveta Mezhdunarodnoi Cherkesskoi Assotsiatsii. 2023 [An extended meeting of the Council of the International Circassian Association was held in Nalchik. 2023]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=9440> (date of access: 10/21/2023). (In Russ.).

Vtoroi den' mezhdunarodnoi konferentsii MCHA. 2022 [Second day of the ICA international conference. 2022]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=9306> (date of access: 10/21/2023). (In Russ.).

Garmonizatsiya mezhehtnicheskikh otnoshenii ostaetsya prioritетom dlya MCHA. 2016 [Harmonization of interethnic relations remains a priority for the ICA. 2016]. IN: *Sait MCHA* [Website

of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=6249> (date of access: 10/16/2023). (In Russ.).

Zayavlenie Mezhdunarodnoi Cherkesskoi Assotsiatsii po voprosu sozdaniya dvizheniya «Svobodnaya Cherkessiya». 2022 [Statement of the International Circassian Association on the creation of the “Free Circassia” movement. 2022]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=9334> (date of access: 10/11/2023). (In Russ.).

Informatsiya ob organizatsii-poluchatele granta i drugikh organizatsiyakh-uchastnitsakh proekta [Information about the grant recipient organization and other organizations participating in the project]. IN: *Dialog na Ehl'bruse 2014. Materialy mezhdunarodnogo obshchestvenno-kul'turnogo foruma 13-16 maya 2014 goda* [Dialogue on Elbrus 2014. Materials of the international socio-cultural forum May 13-16, 2014]. – Nal'chik: Tetragraf, 2014. – P. 4-6. (In Russ.).

Itogovyi dokument Mezhdunarodnogo obshchestvenno-kul'turnogo foruma «Dialog na Ehl'bruse–2014» [Final document of the International socio-cultural forum “Dialogue on Elbrus-2014”]. IN: *Dialog na Ehl'bruse 2014. Materialy mezhdunarodnogo obshchestvenno-kul'turnogo foruma 13-16 maya 2014 goda* [Dialogue on Elbrus 2014. Materials of the international socio-cultural forum May 13-16, 2014]. – Nal'chik: Tetragraf, 2014. – P. 18-20. (In Russ.).

KOLESNIKOVA M. *Ukrainskie strasti po «Cherkessii». 2023* [Ukrainian passions for “Circassia”. 2023]. IN: *Sait zhurnala «Mezhdunarodnaya zhizn'»* [Website of the magazine “International Life”]. [Electronic resource]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/41721> (date of access: 10/19/2023). (In Russ.).

Konferentsiya «Formirovanie rossiiskogo mnogonatsional'nogo gosudarstva cherez grazhdanskoe vzaimodeistvie i instituty obshchestvennoi diplomatii». 2018 [Conference “Formation of a Russian multinational state through civil interaction and institutions of public diplomacy.” 2018]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=6825> (date of access: 10/19/2023). (In Russ.).

Kruglyi stol po rezul'tatam realizatsii proekta «Dialog na Ehl'bruse – XXI: soglasie, druzhba i sotrudnichestvo narodov». 2018 [Round table on the results of the project “Dialogue on Elbrus – XXI: harmony, friendship and cooperation of peoples.” 2018]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=7389> (date of access: 10/19/2023). (In Russ.).

Na blago mezhnatsional'nogo mira i soglasiya [For the benefit of interethnic peace and harmony]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=6380> (date of access: 10/16/2023). (In Russ.).

Obrashchenie Mezhdunarodnoi Cherkesskoi Assotsiatsii k ukrainskomu narodu. 2014 [Appeal of the International Circassian Association to the Ukrainian people. 2014]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=5176> (date of access: 10/10/2023). (In Russ.).

Obrashchenie rukovoditelei adygo-cherkesskikh organizatsii-chlenov Mezhdunarodnoi Cherkesskoi Assotsiatsii. 2022 [Appeal of the leaders of the Adyghe-Circassian organizations members of the International Circassian Association. 2022]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=9405> (date of access: 10/15/2023). (In Russ.).

Perspektivy razvitiya mezhhregional'nogo sotrudnichestva. 2018 [Prospects for the development of interregional cooperation. 2018]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=6828> (date of access: 10/19/2023). (In Russ.).

PUTIN V. *Uchastnikam, organizatoram i gostyam XIII kongressa Soyuza obshchestvennykh ob"edinenii «Mezhdunarodnaya cherkesskaya assotsiatsiya po edineniyu cherkesskogo naroda, razvitiyu svyazei cherkesskoi diasporiy s istoricheskoi rodinoy»* [To participants, organizers and guests of the XIII Congress of the Union of Public Associations “International Circassian Association for the unity of the Circassian people, the development of ties between the Circassian diaspora and their historical homeland”]. IN: *Narodnaya diplomatiya na Ehl'bruse – put' k miru i soglasiyu* [Public diplomacy on Elbrus – the path to peace and harmony]. – Nal'chik: Tetragraf, 2021. – P. 221. (In Russ.).

Rezolyutsiya XIII Kongressa Mezhdunarodnoi cherkesskoi assotsiatsii [Resolution of the XIII Congress of the International Circassian Association]. – Nal'chik, 09/19/2021. – 2 p. (In Russ.).

Rezolyutsiya XIV vneocherednogo Kongressa Mezhdunarodnoi Cherkesskoi Assotsiatsii [Resolution of the XIV Extraordinary Congress of the International Circassian Association]. – Nal'chik, 09/19/2023. – 2 p. (In Russ.).

Rossiya i Turtsiya v global'nykh geopoliticheskikh protsessakh. 2022 [Russia and Turkey in global geopolitical processes. 2022]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=9297> (date of access: 10/21/2023). (In Russ.).

Svoikh ne brosaem. 2022 [We don't abandon ours. 2022]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=9108> (date of access: 10/19/2023). (In Russ.).

Ustav Vsemirnoi cherkesskoi assotsiatsii [Charter of the World Circassian Association]. IN: *Versiya*. – 1991. – № 21. – May 22th – P. 7. (In Russ.).

Ustav Soyuza obshchestvennykh ob"edinenii «Mezhdunarodnaya Cherkesskaya Assotsiatsiya po edineniyu cherkesskogo naroda, razvitiyu svyazei cherkesskoi diasporы s istoricheskoi rodinoy» [Charter of the Union of Public Associations “International Circassian Association for the unity of the Circassian people, the development of ties between the Circassian diaspora and their historical homeland”]. – Nal'chik, 2016 – 16 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.В. Кушхабиев – доктор исторических наук.

Information about the author

A.V. Kushkhabiev – Doctor of Science (History).

Статья поступила в редакцию 01.10.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 01.10.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

Обзорная статья

УДК 93/94(470.6)

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-497-510

EDN: XXDWKO

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ БАЛКАРСКОГО ОБЩЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В. (НА ОСНОВЕ ПОСЕМЕЙНЫХ СПИСКОВ 1886 И 1905 ГГ.)

Елена Георгиевна Муратова^{1,2}

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия, lena_gm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6803-6884>

² Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия

Аннотация. Статья посвящена социально-экономическому исследованию Балкарии конца XIX – начала XX в. На основе статистико-математического анализа посемейных списков горских общин за 1886 г. представлен демографический и социально-экономический срез балкарского общества этого периода. Количественные данные указали на устойчивость сословных перегородок внутри балкарского социума в пореформенное время. Несмотря на существенное неравенство нет оснований говорить о резких сдвигах в имущественной дифференциации горцев в последней четверти XIX века и о формировании новой социальной структуры, характерной для аграрного капитализма. В целом балкарское общество в русле общероссийской модернизации второй половины XIX – начала XX в. все-таки не подверглось коренной структурной трансформации, поскольку постоянно воспроизводилась традиционная система хозяйствования, а все проявления «капиталистических отношений» носили скорее характер изменений внешней среды.

Статья частично содержит выводы диссертационного исследования автора [Муратова 2006] и подготовлена для публикации с целью их обнародования и расширения читательской аудитории.

Ключевые слова: Балкария, посемейные списки 1886 г., статистико-математические методы, социально-экономическая структура, российская модернизация, вторая половина XIX – начало XX века.

Для цитирования: Муратова Е.Г. Социально-экономические характеристики балкарского общества второй половины XIX – начала XX в. (на основе посемейных списков 1886 и 1905 гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 497-510. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-497-510. EDN: XXDWKO.

© Муратова Е.Г., 2023

Review article

SOCIO-ECONOMIC CHARACTERISTICS OF THE BALKAR SOCIETY IN THE SECOND HALF OF THE 19TH - EARLY 20TH CENTURIES (BASED ON FAMILY LISTS OF 1886 AND 1905)

Elena G. Muratova^{1,2}

¹ Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, lena_gm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6803-6884>

² The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

Abstract. The essay focuses on the demographic and socioeconomic structure of Balkarian rural societies during the epoch of Russian capitalist modernization in the late XIXth and early XXth centuries. The evidence from the 1886 Household Census was used to compile the database. The information was processed with the use of various methods of statistical and correlation analysis. This made it possible to present a cross-section of the Balkar society of that period, its demographic structure, economic differentiation, and social stratification. Systematic comparison of the data from the 1886 Census with that from the governmental inspection of 1905 was indispensable for the measuring of the social change the local ethno-social community had undergone in twenty years time span. All the influences of the modernizing environment notwithstanding, Balkarian society retained its traditional characteristics. None meaningful changes in socio-economic structure leading toward “agrarian capitalism” are discernible. So, the Balkarian highlander’s society remained at the onset of the XXth century, relatively isolated from the modernizing environment of the greater Russian society. The methods applied and findings achieved in this research bear an essential novelty in relation to interpretations prevalent in literature on the topic.

The article partially contains the conclusions of the author’s dissertation research [Muratova (Muratova) 2006] and has been prepared for publishing in order to make them public and increase readership.

Keywords: Balkaria, family lists of 1886, statistical and mathematical methods, socio-economic structure, Russian modernization, second half of the 19th – early 20th century.

For citation: Muratova E.G. Socio-economic characteristics of the Balkar society in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on family lists of 1886 and 1905). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 497-510. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-497-510. EDN: XXDWKO.

© Muratova E.G., 2023

В настоящее время проблема оценки социально-экономической и социокультурной эволюции горских обществ Северного Кавказа пореформенного периода находится на периферии исторической науки. Однако это не делает ее менее актуальной как с точки зрения современной общественно-политической значимости, так и научно-исследовательской необходимости. Поскольку, во-первых, с 60-х гг. XIX в. основным мотивом российско-кавказского взаимодействия становится проблема совместного развития, то есть органичного включения Северного Кавказа в процессы российской модернизации. Отсюда в кавказоведении возникает потребность осмысления социально-экономической трансформации местных традиционных обществ и определения тех итогов, с которыми горские народы подошли к советскому периоду своей истории. Во-вторых, именно в области социально-экономической истории методологические поиски последних десятилетий проявили себя в меньшей степени, а укоренившиеся еще в 1960-1980-х гг. общие схемы исторического развития северокавказских обществ пореформенного периода до конца не подверглись кон-

цептуальному переосмыслению. Эти суждения в полной мере могут быть распространены и на социально-экономическую историю Балкарии второй половины XIX – начала XX в.

Цель статьи – представить демографическую и социально-экономическую структуру пяти горских обществ (Балкар, Хулам, Безенги, Чегем и Урусбий) в условиях российской модернизации последней четверти XIX – начала XX в. на основе массовых исторических источников с использованием методов статистико-математического анализа.

Изучение социально-экономической структуры балкарских обществ началось уже во второй половине XIX в. Среди трудов чиновников кавказской администрации особое место занимают работы Н.Ф. Грабовского [Грабовский 1870], М.З. Кипиани [Кипиани 1884] и Н.П. Тульчинского [Тульчинский 1903]. Огромная заслуга этих авторов состоит в том, что они собрали и ввели в научный оборот значительный корпус оригинальных источников, в том числе статистических, обнаружили сводки официальных документов и первичных материалов сословно-поземельных комиссий. Другая группа работ дореволюционных авторов – это публикации в периодике, исходящие от местной просветительской интеллигенции [Шаханов 1991]. В их трудах пореформенное развитие горских народов представляется как включение традиционного общества с натуральными формами хозяйства в одновекторное с Россией развитие.

В советской историографии 1960-1980-х гг. проблема социально-экономического развития Балкарии пореформенного периода становится одной из наиболее разрабатываемых; исследователи сосредоточились на поиске элементов капиталистических отношений в экономике горских обществ [Крикунова 1960], [Кучмезова 1967]. Вопросам имущественных отношений в балкарских обществах посвящены также исследования экономистов Т.А. Жакомихова [Жакомихов 1963] и М.Х. Ацканова [Ацканов 1967]. Нарисованная этими авторами картина земельных и социальных отношений точно вписана в марксистскую схему политической экономии. Т.Х. Кумыкову принадлежит заслуга в исследовании социально-экономического строя пореформенной Кабарды и Балкарии как части проблемы развития российского капитализма на окраинах империи [Кумыков 1965]. В целом, исследователи стремились обнаружить показатели буржуазного развития и оценить степень зрелости капиталистического уклада у народов Северного Кавказа в конце XIX – начале XX в. Концептуальные рамки осмысления этих вопросов определялись необходимостью подтвердить наличие социально-экономических предпосылок осуществления социалистических преобразований в регионе, а результаты исследований должны были раскрывать как общие закономерности, так и особенности социально-экономического развития горских народов Северного Кавказа. Х.М.-А. Сабанчиев подвел историографические итоги изучению Балкарии пореформенного периода [Сабанчиев 1989].

С конца 1980-х гг. практически на 20 лет исследование проблем социально-экономического Балкарии развития отошло на второй план, внимание исследователей сосредоточилось на изучении проблем этнополитического и этнокультурного развития. Вместе с тем клише, выработанные советской исторической наукой о характере и направлении социально-экономического развития

горских обществ в целом и Балкарии, в частности, продолжают использоваться современными авторами. Так, местная экономика определяется как колониальная, поскольку является поставщиком дешевого сырья и обширным рынком потребления товаров. Что обуславливало «низкий уровень производительных сил, слабое развитие промышленности, незрелость капиталистических отношений, наличие патриархально-феодальных пережитков», «втягивание горцев в товарное обращение» [Гурфова 2014].

При этом предшествующие историографические наработки не осваиваются, и уже введенные в научный оборот исторические источники (в том числе, массовые) по социально-экономической истории Балкарии второй половины XIX – начала XX в. концептуально не перерабатываются. Между тем некоторые аспекты развития балкарских горских обществ в условиях имперской модернизации России XIX – начала XX в. уже подверглись осмыслению как в обобщающих трудах [Века... 2017], так и в специальных работах [Муратова 2019]. А наличие массовых исторических источников и теоретико-методологических разработок по их статистико-математическому анализу позволяет отойти от иллюстративного подхода и осуществить углубленное исследование социально-экономической структуры балкарских обществ конца XIX – начала XX в.

Источниковую основу данного исследования составили посемейные списки балкарских обществ за 1886 г., извлеченные из фонда 9 «Нальчикское окружное полицейское управление» Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской республики [УЦГА АС КБР. Ф. 9. Оп. 1. Д. 13, 21, 33, 34], а также сводные данные из посемейных списков балкарских обществ за 1905 г., которые были положены в основу трудов так называемой Абрамовской комиссии [Труды... 1908] и хорошо сопоставимы с более ранними источниками.

Здесь надо отметить, что предпринятая архивистами попытка издания посемейных списков отдельных населенных мест Нальчикского округа Терской области за 1886 г. получила в историографии скорее негативную оценку с точки зрения качества проведенной археографической работы. Специалисты отмечали искажение текстов из-за неверного прочтения, отсутствие легенды и примечаний. Серьезные нарекания вызывало то обстоятельство, что изрядная доля информации, изначально содержащаяся в архивных формулярных бланках посемейных списков, была безоговорочно опущена, а научно-справочный аппарат этих публикаций был представлен только предисловием [Тютюнина 2006].

Предварительно нами была проведена источниковедческая разработка посемейных списков балкарских обществ за 1886 и 1905 гг. [Муратова 2013], [Муратова 2016]. Посемейные списки Безенгиевского, Урусбиевского, Хуламского и Чегемского обществ, собранные окружным полицейским управлением в 1886 г., сохранились полностью; а посемейные списки поселков Черекского ущелья – лишь фрагментарно, и встречаются в других фондах. При этом можно говорить об их репрезентативности в количественном отношении, поскольку они охватили две трети всех дворохозяйств Балкарии. Этот источник представляет собой объемные книги, содержащие несколько сот страниц, составленные по единому формуляру: порядковый номер семьи, фамилия и имя главы семьи, его возраст, вероисповедание, грамотность, образование, сословная принад-

лежность, состав семьи, имущество с указанием всех видов скота, земельных угодий и недвижимого имущества, знание ремесла и наличие духовного сана. На основе этих посемейных списков создана база машиночитаемых данных и осуществлен статистико-математический анализ содержащейся в них информации. Это позволило представить демографический и социально-экономический срез балкарского общества последней четверти XIX – начала XX в.

После отмены крепостного права (1867 г.) сельская община балкарцев в терминах российского права формально стала сословной, тем не менее, проведенный анализ показал, что в балкарском обществе и в пореформенный период сохранялось сословное деление, восходящие к традиционной эпохе. Признаки сословной иерархии находили отражение в общественном сознании, в соблюдении поведенческих стереотипов и отдельных принципов межсословной субординации. Российская делопроизводственная документация также зафиксировала различные социальные категории балкарского населения.

В пореформенный период произошло упрощение социальной структуры, балкарское общество разделилось на три слоя: таубии (горские князья), карауздени (бывшие свободные общинники) и лица простого сословия (бывшие зависимые сословные группы), конгруэнтные стратификации традиционного периода. По данным посемейных списков за 1886 г., эти сословные категории в четырех из пяти балкарских обществах распределялись следующим образом. Доля таубиев колебалась от 3 до 9 % общего числа жителей. Наибольший процент этого сословия отмечался в Чегемском обществе. Это объясняется как большим числом княжеских фамилий, так и тем, что таубиями были записаны чанка (лица, происходившие от неравных браков). Можно предположить, что и в Балкарском обществе, сведения о социальном составе которого за 1886 г. отсутствуют, доля таубиев была несколько выше, чем в других обществах. Соответствующие проценты высшего сословия в структуре населения балкарских обществ находят свое подтверждение в материалах Абрамовской комиссии. В начале XX в. доля таубиев колебалась от 2 % в Безенги до 9 % в Чегеме. Карауздени приблизительно составляли от 40 до 60 % всего населения. Число жителей простого сословия колебалось в пределах 36-55 %. Практически такое же соотношение сословий находим в дореформенной Балкарии. По нашим расчетам, таубии составляли 3,8 %, каракиши – 49,2 % (так в источниках первой половины XIX в. названы карауздени), а все другие сословия – 47,0 % всего населения Балкарии [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д.1680. Л. 15, 21]. Приведенные данные позволяют говорить об устойчивости социальных перегородок внутри балкарского общества на протяжении всего XIX в. Основываясь на данных переписи 1897 г. и посемейных списков, можно заключить, что социальная структура балкарского общества не совпадала с сословным делением России и мыслилась в значительной степени в традиционных этносоциальных категориях.

К концу XIX в. основной формой семьи в Балкарии становится малая семья – «аз юйюр», состоявшая от 3-4 до 7-8 человек и включавшая в себя два поколения. По своему внутрисемейному укладу она почти не отличалась от большой семьи. Количественный анализ посемейных списков за 1886 г. дал следующие результаты. Средняя величина семьи в балкарских общинах колеблется

от 6 до 9 человек. Более 40 % приходится на семьи, численный состав которых составляет от 6 до 10 человек. Высок процент малочисленных семей до 5 человек (около трети дворов). Семьи с числом членов от 11 до 16 составляют от 7 до 17 % общей численности дворов общества. Семьи, превышающие 16 человек, находятся в пределах 11 %. Особенности семейного быта балкарцев наложили отпечаток на количественный состав семьи у разных сословий. У таубиев преобладали малочисленные семьи, в то время как у караузденей был самый высокий по численности семейный состав: примерно 30 % их дворов насчитывало свыше 11 человек. Количественный состав семей простого сословия повторяет тенденции, присущие обществу в целом.

Важной характеристикой экономического состояния хозяйства является число работников в семье. Если принять за работника мужчину в возрасте от 10 до 60 лет, то можно заключить следующее. Доля семей, где не было ни одного мужчины трудоспособного возраста, практически равна нулю: это связано с невозможностью ведения самостоятельного хозяйства. Самый высокий процент (за исключением Чегемской общины) составляют семьи, где было более 5 работников. Распределение семей с одним, двумя, тремя, четырьмя и пятью работниками приблизительно одинаково и варьируется в пределах 10-20 %.

Источники дают возможность представить половозрастную структуру балкарских обществ. Мужское население всех балкарских обществ численно несколько превышало женское. Причем эта тенденция прослеживается при рассмотрении и более ранних, и более поздних сведений. Превышение числа мужчин над числом женщин в XIX в. является особенностью демографической ситуации региона и не отражает общее положение в соотношении мужского и женского населения Российской империи в целом, которое характеризовалась преобладанием его женской части. Такое соотношение полов сказалось и на половом составе семьи. Семей, где мужчины численно превышали женщин, во всех балкарских общинах насчитывалось более 40 % и только третью часть составляли семьи, где преобладала женская часть.

Возрастная структура балкарского населения достаточно точно может быть представлена только для мужчин, поскольку данные о возрасте женщин в посемейных списках 1886 г. отсутствуют. Но можно предположить, что подобная возрастная структура с незначительными отклонениями была характерна и для женщин. По данным за 1846 г., «малолетки» (так они названы в источнике в противовес взрослому населению) составляли в Балкарском обществе – 35,5 %, в Безенги – 35,8 %, в Хуламе – 37,3 %, в Чегеме – 32,6 %, в Урусбии 35,5 % [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 604. Л. 111-116]. В 1886 г. самую многочисленную возрастную группу образовывали дети до 10 лет (свыше 30 %). Молодежь от 10 до 20 лет составляла около 20 %. Доля людей в возрасте от 20 до 60 лет находилась в пределах 40 %. А лица пожилого возраста (старше 60 лет) составляли от 7 до 4 % населения в разных обществах. Возрастная градация мужского населения для представленных четырех балкарских обществ примерно одинакова. Это распределение возрастных групп среди балкарцев находит свое подтверждение в материалах Первой всеобщей переписи населения 1897 г., которая отражает структуру возрастов уже всего балкарского населения, а не

только его мужской части. Так, доля детей до 10 лет составляла 32,8 %, возрастная группа от 10 до 20 лет – 19,9 %; от 20 до 60 лет – около 40 %, а на долю стариков старше 60 лет приходилось 6,9 % всего населения [Первая... 1905: 94-97]. Таким образом, налицо стабильность возрастных когорт балкарского населения на протяжении второй половины XIX в.

Как было показано в предыдущих работах, первые сведения об уровне грамотности балкарцев относятся к началу 1860-х гг. и показывают чуть более 0,3 % умеющих читать и писать по-русски или по-арабски. По данным 1886 г., грамотность балкарцев в среднем не превышала полпроцента, а в 1897 г. этот показатель составлял около 1,5 % (2,4 % – у мужчин и 0,4 % – у женщин). Таким образом, несмотря на незначительную его величину, можно говорить о неуклонной тенденции роста числа грамотных среди балкарцев к началу XX в., притом отмечаются более высокие темпы роста арабской грамотности [Муратова 2019: 24].

В последней четверти XIX в., после размежевания земель, в горских обществах по примеру казачьих станиц появилась категория иногородних жителей, их еще называли «временнопроживающими». Численность иногородних в балкарских обществах различалась, но в целом, была незначительной. По сведениям 1905 г., в Балкарской обществу временно проживающих вообще не значилось, наибольшее их количество (1,9 %) зафиксировано в Урусбии, а в Чегеме, Безенги и Хуламе иногородние не превышали 1 %. Для сравнения заметим, что численность иногородних в абазинских аулах в этот период колебалась от 1 до 27 % [Данилова 1984: 111], а у карачаевцев составляла четверть, а в некоторых аулах – даже треть всего населения [Невская 1978: 36-37]. Что позволяет говорить о большей замкнутости и изолированности балкарцев в этот период по сравнению с другими этносоциальными образованиями региона.

В отечественном кавказоведении последняя четверть XIX – начало XX в. характеризуется как время интенсивного проникновения капиталистических элементов в экономику горского общества, как период роста имущественной дифференциации среди северокавказских народов. Визуальное изучение посемейных списков действительно позволяет говорить о значительном имущественном неравенстве балкарских дворохозяйств как в 1880-х гг., так и начале XX в.

Составленные на основе посемейных списков 1886 г. ряды распределения земельных угодий позволили представить картину частного землевладения и определить наиболее типичные размеры участков. Большая дисперсия покосных участков прослеживается во всех балкарских обществах. Очень высок процент дворов, не имеющих их вовсе, он колеблется от 20 % дворов в Хуламе до 40 % в Урусбии. Более трети хозяйств в каждом обществе владели маленькими покосами, с которых можно собрать до 30 копен сена. Около 4 % дворов в Урусбии и Безенги и около 14 % дворов в Чегеме и Хуламе имели большие покосы более чем на 100 горских копен.

Исследование показало, что в балкарских обществах также высок процент дворов, не имеющих пахоты: он колеблется от 12 % – в Безенги до 34 % – в Урусбии. Остальные хозяйства, за редким исключением, имели маленькие пахотные участки, с которых можно собрать до 30 токов зерновых, причем ос-

новная масса дворов группируется в интервале от 1 до 10 токов зерновых. Большие пахотные участки являлись в Балкарии большой редкостью.

Рассмотрение частного землевладения в сословном разрезе позволяет заключить, что средний размер покосных участков у таубиев в 4-7 раз выше, чем у караузденей, и в десятки раз превосходит средний покос, приходящийся на двор простого общинника. Подобная картина возникает и при рассмотрении средних величин пахотных участков. Среднее количество пахотной земли, приходящееся на один двор таубия, в 1,5-3 раза больше, чем на двор караузденя, и в 2,5-10 раз больше этого показателя у простого сословия. Таким образом, ряды распределения различных земельных угодий и средние значения учтенных признаков у отдельных сословий позволили выявить имущественную неоднородность балкарского населения.

Однако неравенство сопровождает человечество всю его историю за исключением первобытности. Изучим динамику социально-экономического развития Балкарии за период с 1886 по 1905 г. Для этого сравним полученные результаты количественного анализа посемейных списков балкарских хозяйств за 1886 г. с материалами Абрамовской комиссии 1905 г. Для возможности сравнения выбраны те же параметры и интервалы рядов распределения всех экономических показателей, что и в трудах комиссии. Это позволяет оценить уровень социально-экономического развития балкарских общин и степень экономической трансформации традиционного горского общества в условиях российской модернизации второй половины XIX – начала XX в.

Основной отраслью экономики горского хозяйства всегда являлось скотоводство. Сопоставление данных о скотоводстве балкарцев в 1886 и 1905 гг. приводит к следующим заключениям. Вполне обеспеченными в балкарских обществах считались хозяйства, имевшие 20 и более голов крупного рогатого скота. Таких хозяйств в Урусбиевском обществе и в 1886, и в 1905 г. насчитывалось около 56 %; в Чегеме в 1886 г. – 41 %, в 1905 г. – 53 %; в Хуламе – 46 % и 43 % соответственно в 1886 и 1905 гг., в Безенги – 36 % и 52 % соответственно, в Балкарском обществе в 1905 г. 25 % хозяйств было обеспечено крупным рогатым скотом. Если хозяйство балкарца составляло 100 и более голов мелкого рогатого скота, его также относили к разряду вполне обеспеченных. Таких дворов в Урусбии в 1886 г. насчитывалось 43 %, а в 1905 г. – 46 %; в Чегемском обществе в 1886 г. – 21 %, в 1905 г. – 25 %; в Хуламе в 1886 г. – 26 %, в 1905 г. – 22 %; в Безенги в 1886 г. – 20 %, в 1905 г. – 30 %; в Балкарском обществе процент хозяйств, обеспеченных мелким рогатым скотом, в 1905 г. составлял 29 %. Таким образом, крестьянские дворы, обеспеченные крупным рогатым скотом, составляли в горских обществах порядка 40-50 %, за исключением Балкарского общества, где таких дворов была четверть. И около 20-30 % хозяйств было обеспечено мелким рогатым скотом, несколько выше этот показатель в Урусбии, где таких хозяйств было более 40 %.

Если принять во внимание, что скотоводство составляло основу экономической жизни балкарцев, то необходимо подчеркнуть очень высокий процент бесскотных хозяйств. Дворы, не имевшие крупного рогатого скота, составляли от 9 до 14 % в разных балкарских обществах, а не имевшие мелкого рогатого

скота – от 27 до 51 %. Эти горцы и составляли значительный резерв рабочей силы. Из их числа нанимали пастухов, или они вступали в арендные отношения с крупными скотовладельцами.

Полученные на основе статистико-математического анализа результаты приводят к двоякому заключению. С одной стороны, имущественная дифференциация в балкарском обществе была весьма значительной, но с другой стороны – нет оснований говорить о резких сдвигах в имущественной дифференциации горцев в последней четверти XIX в. Распределение хозяйств по всем видам богатства за изучаемый период осталось приблизительно на одном уровне с незначительными отклонениями. Следовательно, нельзя сделать вывод об усилении экономической поляризации в конце XIX – начале XX в. и констатировать формирование новой социальной структуры, характерной для аграрного капитализма.

Более того, ранжированные и разгруппированные с помощью коэффициента вариации пять основных признаков имущественной состоятельности хозяйства балкарских крестьян: пахота, покос, лошади, крупный рогатый скот и мелкий рогатый скот, – хотя и доказали существенные различия между образованными группами по каждому из пяти учтенным признакам. Однако предпринятая попытка вариационно-комбинационной группировки хозяйств с учетом всех пяти выделенных признаков не дала положительного результата. Возможно, это связано с тем, что деление на бедных – середняков – богатых не носило устойчивый характер в рассматриваемый период. Компьютер не смог выделить сколько-нибудь значительной группы с учетом всех факторов имущественной состоятельности горского хозяйства.

Апробируем еще один математический метод для выяснения вопроса об устойчивости деления хозяйств на зажиточные и бедные в конце XIX-начале XX в. Это дало бы возможность подтвердить выводы исследователей о проникновении капиталистических элементов в экономику Балкарии и о формировании полярной структуры исследуемого социума. Был проведен корреляционный анализ основных видов богатства горского хозяйства (покос, пахота, крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот). В условиях острого малоземелья дифференциация крестьянства по земле могла бы нейтрализоваться за счет перераспределения крупного и мелкого скота в пользу хозяйств, обделенных землей. Если бы это было так, то коэффициенты корреляции, показывающие взаимосвязь факторов имущественной состоятельности горцев, были бы отрицательными. Однако этого не произошло. Если бы коэффициенты корреляции приближались по модулю к единице, можно было бы строго говорить о наличии тесной связи между отдельными параметрами имущественной состоятельности. На практике это означало бы, что деление на хозяйства «состоятельные» и «малоимущие» было в этот период устойчивым, и, следовательно, шло формирование новой социальной структуры, характерной для аграрного капитализма. Полученные коэффициенты корреляции и детерминации несколько разнятся для отдельного балкарского общества. Вероятно, что связь между земельными участками и количеством скота несколько выше в тех обществах, которые в силу природных условий лучше обеспечены землей (Чегем, Хулам) и

ниже в Урусбиевском и Безенгиевском обществах, особо остро нуждающихся в земле. Тем не менее, в целом коэффициенты корреляции, показывающие взаимосвязь факторов имущественной состоятельности, незначимы или малозначимы. Отсюда можно говорить об отсутствии тесной связи между отдельными параметрами состоятельности горского хозяйства, а это показатель однородности крестьянской массы с несущественными хозяйственными различиями. Поэтому можно говорить скорее об устойчивости традиционной социально-экономической структуры балкарских обществ.

Любой конкретный вид социального неравенства, по методике К.В. Хвостовой [Хвостова 1975], может быть измерен двумя коэффициентами, один из которых показывает, в какой мере изучаемые отношения приближаются к некоторому эталону дифференциации, а другой – в какой мере они отличаются. Эти коэффициенты она интерпретирует как социальные роли этих двух форм неравенства и называет их коэффициентами эволюции и интеграции. Явное проявление неравенства в одной из форм, показатель которой выше – результат борьбы ролей, отражающий определенную тенденцию функционирования неравенства. С использованием предложенной К.В. Хвостовой методики и описанных алгоритмов были получены коэффициенты эволюции и интеграции по всем видам имущественного неравенства, а также суммарные коэффициенты на основе посемейных списков балкарских обществ за 1886 г. Интересующее нас неравенство характеризует структуру объединенных систем, состоящих из ряда составляющих систем. Элементами каждой составляющей системы являются размеры того или иного вида имущества в отдельных хозяйствах балкарских крестьян в пределах общества. Число составляющих систем, входящих в одну объединенную систему, равняется числу видов имущества в крестьянском хозяйстве. Объединенная система отражает неодинаковость в имущественном положении балкарских крестьян в целом, а каждая из составляющих систем в отдельности характеризует неодинаковость в размерах какого-то одного вида имущества. Проведенные расчеты показали, что в отношении всех имущественных объектов наблюдается более высокий уровень интеграции, чем эволюции. В Урусбиевском обществе суммарный коэффициент эволюции по всем видам богатства равен 0,10; а коэффициент интеграции – 0,61; в Чегеме – 0,11 и 0,83; в Хуламе – 0,02 и 0,07; в Безенги – 0,0 и 0,12 соответственно. Рассчитанные коэффициенты свидетельствуют о значительном расслоении балкарского общества к концу XIX в. и показывают, что имелись предпосылки для дальнейшей имущественной поляризации. Но поскольку мы не располагаем равноценными данными об устойчивых признаках капиталистической системы в сельском хозяйстве (наемном труде, аренде и т.п.), а также не можем получить коэффициенты эволюции и интеграции за другие годы с целью выяснения тенденции изменения соотношения между бедностью и богатством, а признаки значительного имущественного расслоения имели место и в более ранние периоды балкарской истории, то представляется корректным трактовать полученный более высокий коэффициент интеграции как коэффициент стагнации, характеризующий наличие в недрах исследуемой совокупности интегрированных социальных групп и значительных количественных различий в размерах их бо-

гатства к моменту рассмотрения. Сопоставление коэффициентов эволюции и интеграции, относящихся к разным балкарским обществам, показывает, что они отличаются друг от друга. Это позволяет отметить, что в Урусбиевском и Чегемском обществах процессы стратификации и имущественной поляризации достигли более высокой стадии, нежели в Хуламо-Безенгиевском ущелье, хотя тенденции развития всех горских обществ имеют один вектор.

Балкарское общество в русле общероссийской модернизации второй половины XIX – начала XX в. все-таки не подверглось коренной структурной трансформации, поскольку постоянно воспроизводилась традиционная система хозяйствования, а все проявления «капиталистических отношений» носили скорее характер изменений внешней среды. Масштабы включения горского населения в систему всероссийского рынка оставались весьма ограниченными. Балкарцы втягивались в рыночные отношения почти исключительно через реализацию продуктов традиционных промыслов и животноводства. Описанные в литературе случаи предпринимательской активности по переработке сельскохозяйственной продукции, в строительстве дорог или разработке полезных ископаемых, а также профессиональные занятия интеллектуальным и творческим трудом носили единичный характер. Сохранялось безусловное доминирование традиционных видов деятельности. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи, в сельском хозяйстве было занято – 90 %, а в обрабатывающей промышленности и городских промыслах только 1,2 % балкарского населения [Муратова 2019: 30].

Итак, если попытаться определить основной вектор исторических изменений в балкарском обществе в последней четверти XIX – начале XX в., то имеется достаточно оснований, чтобы считать его вектором модернизации. Ключевым фактором здесь является то, что жизнедеятельность и социокультурное воспроизводство балкарского общества осуществлялось в этот период в административном, правовом и общесоциальном контексте модернизирующегося российского общества, и внутри балкарского этнического социума начала XX в. уже присутствуют элементы «современности». Вместе с тем проведенное статистико-математическое исследование массовых исторических источников указало на прочность и глубокую устойчивость традиционных характеристик хозяйственной и социокультурной жизни балкарского общества. Нет оснований говорить о резких сдвигах в имущественной дифференциации горцев в последней четверти XIX в. и о формировании новой социальной структуры, характерной для аграрного капитализма.

Что касается посемейных списков за 1886 и 1905 гг., то можно констатировать, что это – высокоинформативный исторический источник, позволяющий представить некоторые демографические, социокультурные и социально-экономические характеристики балкарских обществ, а также выявить направление социально-исторической динамики горского социума на южной периферии Российской империи в условиях модернизационного перехода конца XIX – начала XX в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ацканов 1967 – *Ацканов М.Х.* Экономические отношения и экономические взгляды в Кабарде и Балкарии (1860-1917). – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1967. – 131 с.

Века... 2017 – Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557-1917 гг.). – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 544 с.

Грабовский 1870 – *Грабовский Н.Ф.* Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып.3. – Тифлис, 1870. – Отд. IV. – С. 1-28.

Гурфова 2014 – *Гурфова С.А.* Особенности социально-экономического развития Кабарды и Балкарии на рубеже XIX-XX веков // Современные научные исследования и инновации. – 2014. – № 11. – Ч. 1 –URL: <https://web.snauka.ru/issues/2014/11/39668> (дата обращения: 13.07.2023).

Данилова 1984 – *Данилова Е.Н.* Абазины: Историко-этнографическое исследование хозяйства и общинной организации XIX в. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 145с.

Жакомихов 1963 – *Жакомихов Т.А.* Аграрные отношения в Кабарде и Балкарии (XIX в.) // Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета. – Нальчик, 1963. – Вып. 18. – С. 79-96.

Кипиани 1884 – *Кипиани М.З.* От Казбека до Эльбруса: Путевые заметки о нагорной полосе Терской области. – Владикавказ: Типография Терск. обл. правл., 1884. – 47 с.

Крикунова 1960 – *Крикунова Е.О.* Некоторые вопросы социально-экономического развития Балкарии в пореформенный период // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. – Т. 17. – Нальчик, 1960. – С. 123–147.

Кумыков 1965 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. – Нальчик: Каб.-Балк. книжное изд-во, 1965. – 420 с.

Кучмезова 1967 – *Кучмезова М.Ч.* Проникновение капиталистических отношений в экономику балкарских обществ в пореформенный период // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. – Нальчик, 1967. – Т. 25. – С. 59-73.

Муратова 2006 – *Муратова Е.Г.* Балкарские общества в контексте российской политики на Северном Кавказе (XVII – начало XX века). Дис. д-ра ист. н. Нальчик: КБГУ, 2006. – 564 с.

Муратова 2013 – *Муратова Е.Г.* Посемейные списки северокавказских обществ за 1886 год и перспективы их дальнейшего использования в кавказоведческих исследованиях // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 9. – Ч. 1. – С. 109-113.

Муратова 2016 – *Муратова Е.Г.* История Балкарии XVII–XIX вв. в документах Архивного фонда РФ // Вестник архивиста. – 2016. – № 2. – С. 8-21.

Муратова 2019 – *Муратова Е.Г.* Балкарские горские общества в условиях имперской модернизации России: этносоциальная консолидация и развитие // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 2. – С. 12-36.

Невская 1978 – *Невская В.П. Невская Т.А.* Сельская община у карачаевцев в XIX в. // Социальные отношения у народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе: СОГУ, 1978. – С. 21-91.

Первая... 1905 – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Терская область / Под ред. Н.А. Троицкого. – Т. 68. – СПб., 1905. – 236 с.

Сабанчиев 1989 – *Сабанчиев Х.-М.А.* Пореформенная Балкария в отечественной историографии. – Нальчик: Эльбрус, 1989. – 232 с.

Труды... 1908 – Труды комиссии по исследованию современного положения землевладения и землепользования в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ: Электротепчатня Н.К. Григорьева, 1908. – 372 с.

Тульчинский 1903 – *Тульчинский Н.П.* Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. – Владикавказ, 1903. – Вып. 5. – С. 152-216.

Тютюнина 2006 – Тютюнина Е.С. Археографическая деятельность архивистов Кабардино-Балкарской Республики в 1991-2005 гг. // Портал «Архивы России». Всероссийская научно-практическая конференция «Архивоведение и архивное дело в России (1991-2005 гг.): осмысление пройденного». Москва, 19-20 апреля 2006 г. [Электронный ресурс] URL: http://portal.rusarchives.ru/evants/conferences/1991_2005_txt/tutunina.shtml (дата обращения: 13.07.2023)

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики

Хвостова 1975 – Хвостова К.В. К вопросу о методике измерения степени социально-экономического неравенства в исторических совокупностях // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. – М.: Наука, 1975. – С.45-76.

Шаханов 1991 – Шаханов Б. Избранная публицистика / Сост. Т.Ш. Биттирова. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 287 с.

REFERENCES

ATSKANOV M.KH. *Ekonomicheskiye otnosheniya i ekonomicheskiye vzglyady v Kabarde i Balkarii (1860-1917)* [Economic relations and economic views in Kabarda and Balkaria (1860-1917)]. – Nal'chik, Kab.-Balk. kn. Publ., 1967. – 131 p. (In Russ).

Veka sovmestnoy istorii: narody Kabardino-Balkarii v rossiyskom tsivilizatsionnom protsesse (1557-1917 gg.) [Centuries of common history: the peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian civilizational process (1557-1917)]. – Nal'chik, Izdatel'skiy otdel IGI KBNTS RAN, 2017. – 544 p. (In Russ.).

GRABOVSKII N.F. *Ehkonomicheskoe polozhenie byvshikh zavisimyykh soslovii Kabardinskogo okruga* [Economic conditions of former dependent estates of Kabardian district]. IN: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh: v 12 t.* – Vol. 3. – Tiflis, 1870. – Section IV. – P. 1-28. (In Russ.).

GURFOVA S.A. *Osobennosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Kabardy i Balkarii na rubezhe XIX – XX vekov* [Features of the socio-economic development of Kabarda and Balkaria at the turn of the 19th-20th centuries]. IN: *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii.* – 2014. – No 11. – Part 1. Available at: <https://web.snauka.ru/issues/2014/11/39668> (accessed 13 June 2023).

DANILOVA E.N. *Abaziny: Istoriko-etnograficheskoye issledovaniye khozyaystva i obshchinnoy organizatsii XIX v.* [Abazins: Historical and ethnographic study of the economy and community organization of the 19th century]. – Moscow, MGU Publ., 1984. – 145 p. (In Russ.).

ZHAKOMIKHOV T.A. *Agrarnyye otnosheniya v Kabarde i Balkarii (XIX v.)* [Agrarian relations in Kabarda and Balkaria (XIX century)]. IN: *Uchenyye zapiski Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta.* 1963. – Vol.18. – P. 79-96. (In Russ.).

KIPIANI M.Z. *Ot Kazbeka do El'brusa: Putevyye zametki o nagornoy polose Terskoy oblasti.* [From Kazbek to Elbrus: Travel notes on the highlands of the Terek region]. – Vladikavkaz: Tipografiya Tersk. obl. pravl., 1884. – 47 p. (In Russ.).

KRIKUNOVA E.O. *Nekotoryye voprosy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Balkarii v poreformennyy period* [Some issues of the socio-economic development of Balkaria in the post-reform period]. IN: *Uchenyye zapiski Kabardino-Balkarskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta.* – 1960. – Vol. 17. – P. 123–147. (In Russ.).

KUMYKOV T.KH. *Ekonomicheskoye i kul'turnoye razvitiye Kabardy i Balkarii v XIX veke.* [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the XIX century]. – Nal'chik, Kab.-Balk. Kn. Publ., 1965. – 420 p. (In Russ.).

KUCHMEZOVA M.CH. *Proniknoveniye kapitalisticheskikh otnosheniy v ekonomiku balkarskikh obshchestv v poreformennyy period* [Penetration of capitalist relations into the economy of Balkar societies in the post-reform period]. IN: *Uchenyye zapiski Kabardino-Balkarskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta.* – 1967. – Vol. 25. – P. 59-73. (In Russ.).

MURATOVA E.G. *Balkarskie obshchestva v kontekste rossiiskoi politiki na Severnom Kavkaze (XVII – nachalo XX veka)* [Balkar societies in the context of Russian policy in the North Caucasus (XVII – early XX centuries)]. Dis. d-ra ist. n. Nal'chik: KBGU, 2006. – 564 s. (In Russ.).

MURATOVA E.G. *Posemeinye spiski severokavkazskikh obshchestv za 1886 god i perspektivy ikh dal'neishogo ispol'zovaniya v kavkazovedcheskikh issledovaniyakh* [Family lists of North Caucasian societies for 1886 and prospects for their further use in Caucasian studies]. IN: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Nauchno-teoreticheskii i prikladnoi zhurnal*. – 2013. – No 9. – Part 1. – P. 109-113. (In Russ.).

MURATOVA E.G. *Istoriya Balkarii XVII–XIX vv. v dokumentakh Arkhivnogo fonda RF* [History of Balkaria XVII–XIX centuries. in documents of the Archive Fund of the Russian Federation]. IN: *Vestnik arkhivista*. – 2016. – No 2. – P. 8-21. (In Russ.).

MURATOVA E. G. *Balkarskiye gorskiye obshchestva v usloviyakh imperskoy modernizatsii Rossii: etnosotsial'naya konsolidatsiya i razvitiye* [Some questions of historical metrology of the Balkars and Karachays]. IN: *Elektronnyy zhurnal «Kavkazologiya»*, – 2023. – № 2. – P. 124-142 (In Russ.).

NEVSKAYA V.P. NEVSKAYA T.A. *Sotsial'nyye otnosheniya u narodov Severnogo Kavkaza* [Social relations among the peoples of the North Caucasus]. – Ordzhonikidze: SOGU Publ., 1978. – P. 21-91. (In Russ.).

Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Terskaya oblast' / Pod red. N.A. Troitskogo [The First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897. Terek Region. Ed. by N.A. Troitsky]. – Saint Petersburg, 1905. – Vol. 68. – 236 p. (In Russ.).

SABANCHIYEV KH.-M.A. *Poreformennaya Balkariya v otechestvennoy istoriografii* [Post-reform Balkaria in Russian historiography]. – Nal'chik, El'brus Publ., 1989. – 232 p. (In Russ.).

Trudy komissii po issledovaniyu sovremennogo polozheniya zemlevladieniya i zemlepol'zovaniya v Nagornoj polose Terskoj oblasti [The proceedings of the Commission to study the present situation of land tenure and land use in the mountainous strip of the Terek region]. – Vladikavkaz, 1908. – 372 p. (In Russ.).

TULCHINSKII N.P. *Pyat gorskikh obshchestv Kabardy* [Five Mountain Societies of Kabarda]. IN: *Terskii sbornik* [Tersky Collection]. – Vladikavkaz: Tipografiya Terskogo oblastnogo pravleniya, 1903. – Iss. 5. – P. 152-216. (In Russ.).

TYUTYUNINA E.S. *Arkheograficheskaya deyatel'nost' arkhivistov Kabardino-Balkarskoy Respubliki v 1991-2005 gg.* [Archeographic activity of archivists of the Kabardino-Balkarian Republic in 1991-2005] Available at: http://portal.rusarchives.ru/evants/conferences/1991_2005_txt/tutunina.shtml (accessed 13 June 2023).

Upravlenie Central'nogo gosudarstvennogo arhiva Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj Respubliki [The Office of the Central State Archive of the Archive Service of the Kabardino-Balkarian Republic].

KHVOSTOVA K.V. *Matematicheskiye metody v issledovaniyakh po sotsial'no-ekonomicheskoy istorii* [Mathematical Methods in Research on Socio-Economic History]. – Moscow: Nauka Publ., 1975. – P. 45-76. (In Russ.).

SHAKHANOV B. *Izbrannaya publitsistika / Sost. T.SH. Bittirova* [Selected Works in Social and Political Journalism / Comp. T.Sh. Bittirova]. – Nal'chik, El'brus Publ., 1991. – 287 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е.Г. Муратова – доктор исторических наук, профессор.

Information about the author

E.G. Muratova – Doctor of Science (History), professor.

Статья поступила в редакцию 01.10.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 01.10.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Рецензия на книгу
УДК 82-1
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-511-520
EDN: ZBSVUA

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Л.Б. ХАВЖОКОВОЙ
«ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ АДЫГСКОГО СТИХОСЛОЖЕНИЯ». –
НАЛЬЧИК: ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ТИПОГРАФИЯ «ПРИНТ ЦЕНТР», 2022. – 372 С.**

Зухра Ахметовна Кучукова¹, Казим Каллетович Бауаев²

^{1,2} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

¹ kuchuk60@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7907-0404>

² kazim_bauaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0647-1295>

Аннотация. Представлено и проанализировано содержание монографии Л.Б. Хавжковой «Эволюция системы адыгского стихосложения», изданного в г. Нальчике в 2022 г. Рецензентами в последовательной форме дается характеристика всем пяти главам книги, в которых подробно рассмотрены вопросы, связанные с генезисом адыгского стиха (от фольклорного к литературному), его ритмикой (ударение, интонация, инверсия, графика), метрикой (ямб, хорей, дактиль, амфибрахий, анапест, логоэд, верлибр), рифмовкой и строфикой. Отмечена плодотворность использования автором компаративного метода при анализе поэтических текстов кабардинских адыгейских и черкесских поэтов с выявлением общих и особенных черт. Обработка статистических данных позволила автору сделать вывод о гармоническом синтезе моделей европейского стиха с исконно адыгскими законами версификации. Автору рекомендовано использовать в дальнейших разработках проблем национального стихосложения аналитические возможности современных цифровых технологий.

Ключевые слова: монография, рецензия, адыгская версификация, полипарадигмальный подход, метрическая система, ритм, рифма, строфа.

Для цитирования: Кучукова З.А, Бауаев К.К. Рецензия на монографию Л.Б. Хавжковой «Эволюция системы адыгского стихосложения». – Нальчик: издательская типография «Принт Центр», 2022. – 372 с. // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 511-520. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-511-520. EDN: ZBSVUA.

© Кучукова З.А, Бауаев К.К., 2023

Book Review

**REVIEW OF THE MONOGRAPH BY L.B. KHAVZHOKOVA
«EVOLUTION OF THE SYSTEM OF ADYGHE VERSE».
– NALCHIK: PRINT CENTER PUBLISHING HOUSE, 2022. – 372 P.**

Zukhra A. Kuchukova¹, Kazim K. Bauayev²

^{1,2} Kabardino-Balkarian State University named after. Kh. M. Berbekov, Nalchik, Russia

¹ kuchuk60@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7907-0404>

² kazim_bauaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0647-1295>

Abstract. This article presents and analyzes the content of the monograph by L. B. Khavzhokova «Evolution of the system of Adyghe versification», published in Nalchik in 2022. Reviewers consistently characterize all five chapters of the book, which discuss issues related to the genesis of Adyghe verse (from folklore to literary), its rhythm (stress, intonation, inversion, graphics), metric (iamb, trochee, dactyl, amphibrachium, anapest, logaed, free verse), rhyme and stanza. The fruitfulness of the author's use of the comparative method in analyzing the poetic texts of Kabardian, Adyghe and Circassian poets with the identification of common and special features is noted. Processing of statistical data allowed the author to draw a conclusion about the harmonious synthesis of the models of European verse with the original Adyghe laws of versification. This author is recommended to use the analytical capabilities of modern digital technologies in further developments of problems of national versification.

Key words: monograph, review, Adyghe versification, polyparadigmatic approach, metric system, rhythm, rhyme, stanza.

For citation: Kuchukova Z.A, Bauaev K.K. Review of the monograph by L.B. Khavzhokova «Evolution of the system of adyghe verse». – Nalchik: publishing house «Print Center», 2022. – 372 p. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 511-520. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-511-520. EDN: ZBSVUA.

© Kuchukova Z.A, Bauaev K.K., 2023

Одним из парадоксов мировой культуры является феноменальная популярность поэтического искусства при явных аутсайдерских позициях техники стихосложения, которой в лучшем случае занимается только узкий круг специалистов. В школьной и вузовской практике, в литературоведческих учебниках при колоссальном внимании к идейно-тематической стороне, почти полностью игнорируются технические параметры поэтического текста. Есть даже стихотворцы, которые считают технику «кандалами», ограничивающими порыв творческого вдохновения.

Между тем, существует непреложный закон диалектического единства противоположностей, предусматривающий параллельное, паритетное внимание к духовной культуре и ее материализованным, опредмеченным формам в целях недопущения дисгармонии. С этих позиций по-особому высвечивается не только литературоведческое, но культурообразующее качество **актуальности и новизны** монографического исследования Людмилы Борисовны Хавжоковой, непосредственно и целиком посвященного фундаментальным основам адыгской версификации.

Определяясь со своей стартовой площадкой, автор в первую очередь тщательно прорабатывает вопрос, имеющий отношение к степени изученности онтологии и техники поэзии адыгов. Доказано, что есть все основания официально считать исторически первым стиховедом С.Д. Нечаева, русского поэта пушкинской поры, который в 1826 г. в своих путевых кавказских рукописях зафиксировал лаконичный отзыв о кабардинских стихотворениях «без правильного размера», но с «богатой рифмой по образу арабских и персидских» [Хавжокова 2022: 8]. Здесь же в качестве «заметки на полях» все же уточним, что есть мнение, что Нечаев мог об этом судить со слов Ш. Ногмова, с которым был лично знаком.

Судя по трудам Хан-Гирея, Ф. Юхотникова, В. Кусикова, Т. Макарова, А.-Г. Кешева, П.К. Услара, XIX в. проявлял интерес к тем или иным аспектам устно-

поэтического творчества адыгов. Как показывает Л.Б. Хавжокова, в XX столетии эстафета была подхвачена Т.М. Борукаевым, Г. Шенгели, А.А. Шогенцуковым, М.Е. Талпой, Б.И. Куашевым, С.Ш. Аутлевой, Т.Н. Чамоковым, З.П. Кардангушевым, З.М. Налоевым, Н.М. Шиковым, А.М. Гутовым, А.А. Схаляхо, Ш.Е. Шаззо, И.А. Кажаровой, каждый из которых внес посильный вклад в осмысление общих особенностей адыгского лиро-эпоса.

При этом работ, в прицельной форме посвященных именно системе адыгской (кабардинской) версификации, всего две – это монографии А.З. Пшиготыжева «О кабардинском стихосложении» (1981) и А.Х. Хакуашева «Кабардинское стихосложение» (1998), написанные на родном языке. Как справедливо отмечает автор, со дня издания последней монографии прошло целых 25 лет, и за этот период произошли значительные изменения не только в количественном и качественном составе национальной поэзии, но и «в области художественной организации стиха» [Хавжокова 2022:13]. Естественным образом из такого положения дел проистекает настоятельная потребность в комплексной, системной форме (в достаточно широких рамках научной монографии) отрефлексировать весь накопившийся за столетия художественный опыт адыгских стихотворцев, начиная с «до-нартского эпоса», и, завершая экспериментальными образцами сегодняшних молодых представителей различных «Литературных клубов» и «Литературных сайтов».

О методологии. На основе большой доказательной базы Л.Б. Хавжокова обосновывает целесообразность избранного ею полипарадигмального подхода к исследованию особенностей адыгского стихосложения. Имеются в виду гносеологические, эвристические возможности литературоведения, фольклористики, языкознания, истории, культурологии, этнологии, музыковедения, онтологической поэтики, компаративистики и вероятностной статистики наряду с такими вспомогательными методами, как сплошная выборка, анализ, синтез, классификация, систематизация, обобщение, умозаключение.

При том, что приоритетное внимание уделяется формальным особенностям стиха, исследовательница периферийным взглядом успевает отслеживать и экстрастиховые факторы, обусловленные историческими событиями Кавказской войны, Октябрьской революции, Великой Отечественной войны, перестройки 1990 гг.

Далее следует отметить некоторые **алгоритмические особенности** рецензируемой работы, отличающейся широтой исследовательского диапазона и многовекторным характером. Важно, что поэтические системы трех субэтнических ветвей единого древа адыгского народа (кабардинская, адыгейская, черкесская) рассматриваются в рамках единого кластера, что позволяет более рельефно увидеть общее и особенное в языковых закономерностях поэтического самовыражения. О «глубине бурения» работы свидетельствуют используемая автором связка терминов «системы», «субсистемы», «подсистемы».

Подчеркнем и другую особенность – в аналитическом поле монографии всегда находятся основные «четыре кита» адыгской версификации (ритмика, метрика, рифмовка, строфика), линейно рассматриваемые в диахроническом плане (от фольклора – к современности) наряду с горизонтальными синхрони-

ческими разворотами и обращениями к сопоставляемым аналогам из «соседних» этнохудожественных систем.

При всей сложности следует отметить высокую степень результативности такого рода перекрещений, где все части проясняют друг друга. Впечатляет объем исследованного материала – 500 единиц фольклорного текста и 25 тысяч авторских многожанровых произведений, каждое из которых пропущено через «глаза и руки» взыскательного, пытливого аналитика без доверия искусственному интеллекту современных компьютерно-цифровых программ. В данном контексте можно долго спорить на тему: «Что ценнее – тщательность *hand-made* работы или энергосберегающий компьютерный метод анализа стихотворных текстов? Выбор Людмилы Борисовны оцениваем как академический подвиг, но с некоторыми оговорками, которые озвучим в конце рецензии.

Отметим еще один немаловажный фактор, предопределивший высокие квалификационные характеристики монографии и, скорее всего, саму тему исследования тоже. Речь идет о междисциплинарной деятельности Людмилы Хавжоковой – талантливой кабардинской поэтессы, автора двух поэтических сборников, способного успешно, органично и гармонично сочетать стихотворческий труд с научно-исследовательским.

Композиционно труд Л.Б. Хавжоковой состоит из пяти взаимосвязанных глав с множеством подразделов, призванных детализировать и по ходу решать сопутствующие, побочные проблемы.

В **первой главе**, которая называется «Генезис системы адыгской версификации», автор последовательно и обстоятельно, с привлечением большого количества архивных материалов и газетных литературно-критических публикаций, со ссылками на труды авторитетных ученых воспроизводит достаточно длительный и сложный путь зарождения и формирования адыгской метрической системы по логической схеме «*трудовые песни – иррациональная ритмизация – интуитивная поэтика – профессиональный подход*». Здесь разработан целый комплекс вопросов, связанных с тавтологическими формулами, аллитерациями, ономотопами, трактуемыми как предпосылки к зарождению понятия «качественная рифма».

Знаком выраженной научной состоятельности отмечены разделы, посвященные особенностям адыгской фольклорной рифмы. Людмила Борисовна демонстрирует царящий в национальном литературоведении разброс мнений в номинациях данного уникального явления: «внутреннее созвучие», «рифмовая связь» (Б.И. Куашев); «подхватная, эховая рифма» (З.М. Налоев); «акромонотония» (А.З. Пшиготыжев); «народная подхватная рифма» (Т.Н. Чамоков); «анадиплосис» (А.М. Гутов). Автор преодолевает спорные моменты и дает свое уточняющее определение, подчеркивая, что адыгская фольклорная рифма не просто «вещь-в-себе», а мощная аллитеративная (звуковая) конструкция, создающая «целостность фоники и обеспечивающая благозвучие стиха» [Хавжокова 2022: 63].

Правомерность собственных суждений о «мерцательных свойствах» фольклорной рифмы автор доказывает на многочисленных примерах из старинных текстов «Благопожелание семье», «Призывание новобрачного», «Старинное

благопожелание», «Песня о Шолохе», «Песня о Дамалее», «Рождение Бадыноко», большей частью извлеченных из Архива КБНЦ РАН с подробнейшим описанием источников. Важно, что исследовательница не забывает упомянуть и о практическом назначении фольклорной рифмы, которая, благодаря своим межстрочным связкам в дописьменную эпоху способствовала запоминанию объемных текстов.

В вопросах определения метрических особенностей адыгского фольклорного стиха Л.Б. Хавжокова является убежденным сторонником правомерности *полиметрической композиции*. И это не голословное утверждение. Для подкрепления своей точки зрения автор в свойственной ей манере: а) показывает обнаруженные противоречия в суждениях своих предшественников; б) выстраивает убедительную теорию о наличии в адыгских языках динамических и слабых ударений (пример: *тенджыз фьыццэ*); в) демонстрирует кабардинскую, бжедугскую, шапсугскую версии сказания «Бой Сосруко с Тотрешем» («Сосрыкьуэрэ Тотрэшрэ зозауэ» / «Саусы(э)рыкьорэ Тутарыщрэ зэзао») с акцентированием внимания на таких тонких «технологических» моментах как несовпадение количества слогов и ударных позиций в словах; г) сказанное иллюстрирует схемами и тщательно скандированными расчетами.

Вывод автора о неустойчивом, подвижном, пластичном и даже «эластичном» характере метрической системы адыгского народного стиха имеет прямое отношение и к строфике, не имеющей строгих канонов в числовых показателях строк. Кебжеки, нартские пшинатли, лирические тексты, колыбельные, импровизации джегуако, хохи (благопожелания), чапшевые (лечебные) песни – на примерах перечисленных жанровых форм в «фольклорной» части своего исследования автор показывает сущностные черты архаического стихосложения, цепных, тирадных строф, а также фольклорной рифмы.

Следующий, достаточно объемный раздел первой главы (с подразделами) посвящен особенностям формирования силлабо-тонической версификации в национальной поэзии, то есть типичным, исторически обусловленным сложностям переходного периода в любой сфере, а не только в стихосложении. Отчетливо показан важный момент бифуркации, когда, с одной стороны, появление письменной культуры (20-е гг. XX в.) в плане метрики начинает «дисциплинировать» поэтов, а с другой, на первых порах поэты по инерции продолжают «цементировать» стих с помощью фольклорных рифм.

Л.Б. Хавжоковой в этой же главе подчеркнута огромная роль практики художественного перевода: на самом деле, произведения русских классиков выглядели как наглядно-методическое пособие по оттачиванию техники стихосложения для адыгских авторов. Мысль о том, что с русского языка на адыгейский транслировались не только слова и идеи, но и техника силлабо-тоники, проиллюстрирована соискательницей на примере произведений А.С. Пушкина «Полтава», «Кавказский пленник» и «К Чаадаеву», переложенных на родной язык Ахмедом Хатковым. Не менее ярко исследован в работе и драматичный путь «поэтов-промежуточников» (Б. Пачев, Ц. Теучеж, Х. Хамхоков, А. Хавпачев, А. Шогенцуков, Т. Борукаев, А. Охтов, Х. Гашоков, М. Ахметов, Х. Шоров, А. Ханфенов), которые, преодолевая все сложности и противоречия, инту-

итивно, (а кто-то уже осознанно) шли к освоению силлабо-тонического типа стихосложения с пристальным вниманием к антично-европейским размерам (ямб, хорей, дактиль, амфибрахий, анапест), а также инновационным (для того времени) рифмовочным комплексам.

Вторая глава является логическим продолжением предыдущей. Здесь в последовательной форме рассматриваются ударение, интонация и поэтическая графика как основные структурообразующие компоненты силлабо-тонического стихосложения в их адыгском этнокультурном преломлении.

В первом разделе, отталкиваясь от особенностей грамматического строя кабардино-черкесского и адыгейского языков, и, учитывая законы проклитики и энклитики, Людмила Борисовна измеряет «рабочее пространство» ударения в метрико-ритмическом оформлении художественных текстов. В целях подкрепления теории практикой, автор обращается к художественным образцам из «Антологии кабардинской поэзии», а также к примечательному стихотворению адыгейского классика Х. Беретаря «Ты в моем сердце» («Сыгум ущыщ»).

На стыке лингвистики и литературоведения написан раздел «Интонация», где акцент сделан на выразительных возможностях художественной интонации, ее способности «аккомпанировать» тематике и проблематике стиха. На интересных примерах «художественной ленинианы», гражданской лирики, антивоенных стихотворений, элегических текстов о Кавказской войне автор показывает «технические клавиши», на которые умелый стихотворец «нажимает» для того, чтобы сформировать эстетически востребованную тональность (одическую, гимническую, величальную, маршевую, призывную, меланхолическую). Под «клавишами» в данном контексте подразумевается сложный поэтологический арсенал, состоящий из стихотворного размера, количества стоп, знаков препинания, лексической выборки. Своей аналитической работой автор подтверждает закономерность существования «дорожного размера» (ямбический пентаметр – пять ямбических стоп), «элегического размера» (трехстопный анапест). После анализа лиро-эпических произведений М. Бемурзова «Плач чужеземца» («Хэхэсым и гыбзэ»), «Плач над водой» («Псыхэгъ»), «Сетование адыга, проживающего в Турции» («Тыркум щыпсэу адыгэм и тхьэусыхэ») Л.Б. Хавжокова «черным по белому» пишет о том, что «для стихов элегического и философского содержания в большинстве случаев характерны трехсложные размеры, в частности, трехстопный анапест» [Хавжокова 2022: 130].

Удачным дополнением к общей картине законов адыгской версификации является раздел, посвященный функциональным особенностям инверсионных оборотов в творчестве кабардино-черкесских и адыгейских поэтов. В рамках компаративистики исследовательница справедливо отмечает, что кабардино-черкесский язык занимает промежуточное положение между языками со строго фиксированным порядком слов и синтаксически свободными языками. Но все же от себя добавим, что для устного народного творчества и классической поэзии адыгов инверсия никогда не являлась нормативной.

Как показывает Л.Б. Хавжокова, своего рода «бурным гением» в этой области можно по праву назвать Бетала Куашева, который легко стал нарушать «святая святых» кабардинского синтаксиса, вопреки законам, располагая каче-

ственное прилагательное перед определяемым словом. В качестве иллюстративного материала автор приводит несколько любопытных и даже экстраординарных примеров из стихотворения Бетала Куашева «Кабарда» и поэмы «Нох» (*Ещхь уафáщхъуэм Оклахóмэм*), которые в духе западноевропейских символистов можно назвать «жемчужинами неправильной формы». Типологически сходные образцы художественной инверсии обнаружены и в адыгейской поэзии, а именно, в стихотворении К. Жанэ «Черноглазенький» («Нэ шIуцIэ цIыкIу»).

Место поэтической графики в стихотворческой практике также стало предметом исследования во второй главе. По свидетельству Л.Б. Хавжоковой, в этом вопросе все гипотетически возможные графические приемы были потеснены «лесенкой» В.В. Маяковского, которая оказала заметное влияние на художественный почерк не только адыгских, но в целом, северокавказских поэтов. Среди авторов, апробировавших «маяковские ступеньки», исследовательница называет имена Т. Шакова, Х. Гашокова, М. Ахметова, Б. Куашева, Х. Беретаря, Х. Бештокова, М. Нахушева, М. Бемурзова, А. Бицуева. Автор прав в том, что ступенчатое расположение слов – не просто геометрическая композиция, а действенный транслятор затекстовой информации «для наиболее точной передачи психологического, эмоционального состояния лирического героя» [Хавжокова 2022:141].

В **третьей главе** Л.Б. Хавжоковой представлена общая панорамная картина всей метрической системы (ямб, хорей, дактиль, амфибрахий, анапест), которая прошла долгий историко-географический путь от античного мира до Кавказа, и далее через посредничество русской литературы укоренились во всех трех ветвях генетически единой адыгской литературы. Задача автора – исследовать специфические особенности стихотворной метрики, детерминированной факторами этноонтологического порядка. В «человеческом измерении» все содержание третьей главы является ответом на вопрос: «В каком направлении силлабо-тоника, освоенная «пионерами» адыгского стихосложения Али Шогенцуковым и Ахмедом Хатковым, дальше эволюционировала вплоть до XXI столетия?»

Масштабность титанического труда автора монографии можно показать на примере первого раздела, посвященного исследованию статуса и функциональных особенностей «адыгского хорей». Для начала Людмила Борисовна методом сплошной выборки в родной кабардинской поэзии выявляет всех «авторов-хореевиков» (А. Кешоков, З. Тхагазитов, З. Канукова, А. Кармова, Б. Аброкова и др.), затем по нисходящей древовидной схеме поименно определяет тех авторов, которыми были апробированы те или иные виды хорей – от двустопного до рекордного восьмистопного. На третьем этапе путем статистической обработки полученных результатов вычисляется «лидер», в данном случае – «четырёхстопный хорей». Но на этом история с хореем не заканчивается, аналогичная скрупулезная аналитическая работа проводится в стихии черкесской и адыгейской поэзии. Притом, как мы уже отмечали выше, автор никогда не ограничивается сухими статистическими данными, всегда с этнолингвокультурной точки зрения объясняет приверженность (или равнодушие) адыгских поэтов к тому

или иному размеру. К примеру, востребованность четырехстопного хорей объясняется тем, что четыре хореические стопы равны одной логической синтагме в кабардино-черкесском языке.

По типологически сходной модели с той же мерой кропотливости, тщательности и щепетильности написаны разделы, посвященные ямбу, дактилю, амфибрахию, анапесту, логоэду и верлибру с обозначением тотальных аксиологических характеристик каждой метрической единицы. Особо следует подчеркнуть профессиональное мастерство Л.Б. Хавжоковой в искусстве скандирования поэтических текстов: нередки случаи, когда «контролер» в результате проверки обнаруживает погрешности даже у признанных мэтров текстологии (М.Л. Гаспаров, А.Х. Хакуашев), в результате чего приходится корректировать прежнюю метрическую номинацию (к примеру, доказано, что стихотворение Б. Куашева «Не видел тебя никогда» написано не трехстопным хореем, как ранее считалось, а двустопным анапестом» [Хавжокова 2022: 230].

Композиционно-содержательные особенности **четвертой главы** определяются хронологическим принципом изучения динамики адыгской рифмы от ее первоначальной фольклорной формы до множества инновационных разновидностей. Автором рассмотрен целый комплекс вопросов, связанных с освоением адыгскими стихотворцами перекрестной, парной, кольцевой рифмы; с тавтологическими, омонимическими «холостыми», «гиперхолостыми», триолетными, точными, оригинальными, простыми, составными, избыточными рифмами.

Из самого интересного: уникальные авторские рифмы Б. Куашева с использованием в парных конструкциях адыгских и иноязычных слов («си ни, си пи» – *мои глаза, мой нос* – «Миссисипи); экспериментальные опыты «кольцо в кольце» Л. Пшукова; моноримы Т. Борукаева и Б. Бахова; «рифменная эквилибристика» М. Кочесоковой. В контексте рифменной проблематики уделено внимание и таким художественным моделям как белый стих и верлибр. И, наконец, самый любопытный факт, отмеченный Л. Хавжоковой, – это внеисторическая, «винтажная» ценность «фольклорной рифмы», к которой и в XXI в. продолжают обращаться современные поэты, создавая художественный эффект «двойной рифмы» (к примеру, З. Канукова).

Заключительная, **пятая, глава** диссертации посвящена строфической структуре адыгского стиха. В результате фронтального анализа всего мегатекста выделены следующие, действующие в национальной поэзии строфические разновидности: дистих (двустистишие), терцет (трехстишие), катрен (четверостишие), квинтет (пятистишие), секстет (шестистишие), септима (семистишие), октава (восьмистишие), нона (девяностишие) и так далее до 14-строчника, который стал предпосылкой для стабилизированной сонетной формы. Автор фактически «паспортизирует» каждую из перечисленных строфических моделей, четко определяя ее место в поэтической системе адыгов, измеряя ее производительную силу, называя имена популяризаторов той или иной модификации.

Кабардинская исследовательница указывает на явное лидерство *четверостишия* в этом обширном списке. Используя метод компонентного анализа, она демонстрирует многочисленные производные, «дочерние» версии катрена в мире адыгской поэзии. Это «афористические куплеты», «стихи-стрелы», «сти-

хи-искры», «мини-стихи», созданные А. Кешоковым, М. Бемурзовым, И. Машбашем, Б. Утижевым, В. Ивановым, А. Мукожевым и др.

Объектом пристального внимания в пятой главе выступает также сонетная строфа, а также «венки сонетов» – сложное структурное образование со своими внутренними законами. В работе идентифицированы имена ведущих адыгских сонетистов (Б. Куашев, А. Шогенцуков, Б. Утижев, Р. Ацканов, А. Налоев, Н. Куек), изучен их художественный опыт, проведены интертекстуальные параллели с канонами английского сонета, разграничены понятия «экспериментальный стих в сонетной форме» и «качественный сонет», где соблюдена вся строгость жанрообразующих признаков.

Людмилой Борисовной Хавжоковой проделана большая, серьезная научно-исследовательская работа, доказывающая, что адыгская версификация на сегодняшний день является эстетически полноценной, высокоразвитой и самоорганизованной системой, в которой универсальные законы стихосложения обрели ярко выраженное этнокультурное преломление. Это результативный литературоведческий труд, отличающийся композиционной стройностью, оригинальной научной концепцией, убедительностью заключительных выводов. Особо следует подчеркнуть корректную работу автора с источниками и умелое конструирование многочисленных схем и графиков, являющихся носителями важной дополнительной информации.

Наряду с объективными достоинствами следует отметить и некоторые критические соображения.

1. Из работы неясно, имеется ли у уникальной адыгской фольклорной рифмы свое специализированное наименование на родном языке? И вообще насколько в целом разработана терминосистема техники стихосложения на национальных языках?

2. Приходилось ли исследовательнице в ходе работы обращаться к фольклорным и авторским поэтическим текстам адыгской диаспоры в странах Ближнего Востока? Если да, то отличаются ли они в техническом плане от «материковой» поэзии?

3. В 2014 г. Х.И. Баковым в одном из сборников была опубликована очень содержательная статья о концепции ускоренного развития Г.Д. Гачева. Автор рецензируемой монографии на с. 378 в контексте эволюции адыгской версификации весьма аргументированно упоминает эту концепцию, но без ссылок ни на Бакова, ни на Гачева. Считаем это упущением. И раз речь зашла про Гачева, то автору рекомендуем ознакомиться с тремя этнолингвистическими разделами монографии Георгия Дмитриевича «Ментальности народов мира» («Проблема языка описания национальных миров», «Национальные языки – как голоса местной природы» и «Грамматика языка и национальный Логос») для подкрепления этноонтологического дискурса своего исследования.

4. В разделе «Метрическая система» наличие самых высоких статистических показателей у амфибрахия (в общей стихотворной практике) автор объясняет близостью ритмики данного размера адыгскому национальному менталитету и мировосприятию. Не оспаривая данного умозаключения, хотелось бы уточнить, что такая аксиология окажется характерной не только для адыгов, но для всех народов мира, поскольку амфибрахий по сути своей звуковой и графич-

ческой структуры (∪ – ∪) является знаком «золотой середины», равновесия и гармонии, оказывающим благотворный, психотерапевтический эффект как на самого стихотворца, так и на читателя.

5. С одной стороны, весьма похвально, что Людмила Борисовна, как «последняя из могикан», вручную собирает целые массивы фольклорно-поэтического материала, подсчитывает и самостоятельно обрабатывает статистические данные. Но, с другой стороны, хочется автору порекомендовать в своей дальнейшей работе присмотреться к современным компьютерным методам анализа текстов, в частности, программе-конкордансеру AntConc.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Хавжокова 2022 – Хавжокова Л.Б. Эволюция системы адыгского стихосложения. – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2022. – 372 с.

REFERENCES

HAVZHOKOVA L.B. *Jevoljucija sistemy adygskogo stihoslozhenija*. [Evolution of the Adyghes versification system] – Nal'chik: Izdatel'skaja tipografija «Print Centr», 2022. – 372 p. (in Russ.).

Информация об авторах

З.А. Кучукова – доктор филологических наук,
К.К. Бауаев – доктор филологических наук

Information about the author

Z.A. Kuchukova – Doctor of Science (Philology)
K.K. Bauaev – Doctor of Science (Philology)

Рецензия поступила в редакцию 16.10.2023 г.; принята к публикации 25.12.2023 г.
The review was submitted 16.10.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Рецензия на книгу
УДК 902/904
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-521-531
EDN: XPZWGC

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «МОЛЕВ Е.А., МОЛЕВА Н.В.
БОСПОРСКИЙ ГОРОД КИТЕЙ: МОНОГРАФИЯ. ЧАСТЬ III. –
НИЖНИЙ НОВГОРОД: ИЗДАТЕЛЬСТВО НИЖЕГОРОДСКОГО
ГОСУНИВЕРСИТЕТА, 2022. – 453 с.: С ИЛ., ТАБЛ.»**

Юзанна Мартиновна Азикова¹, Хамитби Борисович Мамсиров²

^{1,2} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

¹ i.azikova@kbsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8901-8861>

² mamsirhb@mail.ru

Аннотация. В рецензии анализируется монография Евгения Александровича Молева и Натальи Владимировны Молевой «Боспорский город Китей: Монография. Часть III», посвященная итогам раскопок в полевых сезонах 2005-2012 гг. и 2016-2017 гг. Подготовка и издание фундаментального труда стали результатом многолетних исследований античного горда Китей. На момент публикации монографии один из авторов труда Евгений Александрович Молев ушел из жизни. Но долг памяти и уважения к известному российскому археологу и антиковеду сподвигли его коллег и соратников во главе с Александром Валентиновичем Махлаюком завершить труд и издать его.

Евгений Александрович был большим другом Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова. Именитый российский ученый после распада СССР приложил максимум усилий для восстановления всесторонних связей между Нижегородским государственным университетом им. Н.И. Лобачевского и Кабардино-Балкарским государственным университетом им. Х.М. Бербекова. Это выразилось в участии коллег в международных и всероссийских конференциях, оппонировании кандидатских и докторских диссертаций, в выступлениях в качестве ведущей организации, подготовке отзывов об авторефератах диссертаций, монографий и учебных пособий.

15 лет он являлся председателем Государственной аттестационной комиссии по направлению «История». Его высокая компетенция и профессионализм позволяли объективно оценивать качество подготовки выпускников-историков, быть на высоте требований, предъявляемых к современным специалистам. Евгений Александрович публиковал свои статьи в Электронном журнале «Кавказология», когда он делал первые свои шаги.

Поэтому мы не могли остаться безучастными к появлению последней монографии Е.А. Молева. Исследуемая в монографии тема, безусловно, обладает актуальностью. Для кавказоведов она интересна тем, что дает новый пласт знаний о взаимодействии в античную эпоху греческих городов Боспора и синдов, и меотов, который полностью коррелируется с идентичными исследованиями Р.Ж. Бетрзова на Северо-Западном Кавказе.

Структура работы четкая и обоснованная. Научное содержание разделов релевантно существующим академическим стандартам. Издание заслуживает самой высокой оценки и внимания историко-археологического сообщества.

Ключевые слова: Китей, история, археология, Боспор, Северное Причерноморье, стратиграфия, артефакты, экофакты.

Для цитирования: Азикова Ю.М., Мамсиров Х.Б. Рецензия на монографию «Молев Е.А., Молева Н.В. Боспорский город Китей: монография. часть III. – Нижний Новгород: Из-

дательство нижегородского госуниверситета, 2022. – 453 с.: с ил., табл.» // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 521-531. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-521-531. EDN: XPZWGC.

© Азикова Ю.М., Мамси́ров Х.Б., 2023

Book Review

REVIEW OF THE MONOGRAPH "MOLEV E.A., MOLEVA N.V. BOSPORAN CITY OF KITEY: MONOGRAPH. PART III. – NIZHNY NOVGOROD: NIZHNY NOVGOROD STATE UNIVERSITY PUBLISHING HOUSE, 2022. – 453 p.: WITH ILL., TABLE."

Yuzanna M. Azikova¹, Khamitbi B. Mamsirov²

^{1,2} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchick, Russia

¹ i.azikova@kbsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8901-8861>

² mamsirhb@mail.ru

Abstract. The review analyzes the monograph by Evgeny Alexandrovich Molev and Natalia Vladimirovna Moleva "The Bosporan city of Kitei: Monograph. Part III", dedicated to the results of excavations in the field seasons 2005-2012 and 2016-2017. The preparation and publication of the fundamental work were the result of many years of research into the ancient city of Kitei. At the time of publication of the monograph, one of the authors of the work, Yevgeny Alexandrovich Molev, passed away. But the debt of memory and respect for the famous Russian archaeologist and antiquarian prompted his colleagues and associates, led by Alexander Valentinovich Makhlayuk, to complete the work and publish it.

Evgeny Alexandrovich was a great friend of Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov. After the collapse of the USSR, the eminent Russian scientist made every effort to restore comprehensive ties between Lobachevsky Nizhny Novgorod State University and Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov. This was reflected in the participation of colleagues in international and all-Russian conferences, the opposition of candidate and doctoral dissertations, in performances as a leading organization, the preparation of reviews of dissertations, monographs and textbooks.

For 15 years he was the chairman of the State Attestation Commission in the field of History. His high competence and professionalism made it possible to objectively assess the quality of the training of graduate historians, to be on top of the requirements for modern specialists. Evgeny Alexandrovich published his articles in the electronic journal "Kavkazologiya" when he took his first steps.

Therefore, we could not remain indifferent to the appearance of the latest monograph by E.A. Molev. The topic studied in the monograph is certainly relevant. For kavkazologists, it is interesting because it provides a new layer of knowledge about the interaction in the ancient era of the Greek cities of Bosporus and the Sinds and Meots, which is fully correlated with the identical studies of R.J. Betrozov in the Northwestern Caucasus.

The structure of the work is clear and well-founded. The scientific content of the sections is relevant to existing academic standards. The publication deserves the highest appreciation and attention of the historical and archaeological community.

Keywords: Kitei, history, archeology, Bosporus, Northern Black Sea region, stratigraphy, artifacts, ecofacts.

For citation: Azikova Yu.M., Mamsirov Kh.B. Review of the monograph "Molev E.A., Moleva N.V. Bosporan city of Kitey: monograph. Part III. – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod state university publishing house, 2022. – 453 p.: with ill., table.". IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 521-531. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-521-531. EDN: XPZWGC.

© Azikova Yu.M., Mamsirov Kh.B., 2023

Рецензируемая монография завершает многолетние изыскания профессора Нижегородского государственного университета Евгения Александровича Молева – авторитетного ученого, видного специалиста по истории и археологии античного Северного Причерноморья. Как человека многогранных интересов, которого с детства манили тайны древней истории, его магнитом притягивал соседний регион – Кавказ, который находясь в солнечном сплетении Евразии, стал местом активного взаимопроникновения культур и цивилизаций Запада, России и Востока. Е.А. Молев – великолепный знаток всеобщей, российской и кавказской истории, был сторонником идей конвергенции культур в регионе, и считал, что взаимовлияние русской и кавказской культур имело позитивные последствия для обеих сторон. Такой научный подход дезавуировал дилетантские суждения современных идеологов этноцентризма и сепаратизма о несовместимости русской культуры и культур народов Северного Кавказа.

В российской кавказской политике еще в XIX в. проявились два подхода к решению региональных проблем: силовой и невоенный способ покорения Кавказа, путь сближения, просвещения, вовлечения горцев во внутригосударственные отношения на основе идей единства в рамках российской цивилизации. Такой подход позволил народам Северного Кавказа быстрее интегрироваться в лоно российской цивилизации. В современный период Северный Кавказ интенсивно втягиваясь в процессы постсоветской трансформации, оказался в эпицентре сложнейших событий, процессов и обстоятельств, выступая объектом негативной стигматизации, символом однозначной схематизации. Это противоречит и угрожает внутрироссийскому культурному диалогу и федерализму [Мамсиров, Тамазов 2017: 22, 23].

Евгений Александрович 15 лет работал в качестве председателя Государственной аттестационной комиссии в КБГУ по направлению «История». Его высокая компетенция и профессионализм позволяли объективно оценивать качество подготовки выпускников-историков, быть на высоте требований, предъявляемых к современным специалистам.

Эту важную работу в Государственной Аттестационной Комиссии он успешно совмещал со своей научной работой. Его кабардино-балкарские коллеги называли это «Молевскими сезонами» в Нальчике. Потому, что каждый приезд в Нальчик знаменовался не только завершением работы одного из разделов очередной монографии, но своего рода мастер-классами, на которых он щедро делился своими познаниями.

Таким образом, после распада СССР, когда были разорваны многие традиционные научные связи между вузами, Евгений Александрович стал живым мостиком, восстановивший взаимодействие Кабардино-Балкарского государственного

ного университета им. Х.М. Бербекова с Нижегородским государственным университетом им Н.И. Лобачевского. Это выразилось в участии коллег в международных и всероссийских конференциях, оппонировании кандидатских и докторских диссертаций, в выступлениях в качестве ведущей организации, подготовке отзывов на авторефераты диссертаций, монографии и учебные пособия.

Будучи любознательным человеком, Евгений Александрович непрерывно расширял свои представления об археологии Кавказа. Как он признался в свое время, большое впечатление на него оказали работы и личные встречи с известными археологами Кабардино-Балкарии – директором Национального музея КБР Беталом Мурадиновичем Керефовым и профессором кафедры всеобщей истории Социально-гуманитарного института КБГУ Русланом Жамалдиновичем Бетровым. Знания об археологии Кавказа, которыми поделились коллеги, Евгений Александрович интегрировал в нить своих лекционных повествований по курсу археологии [Мамсиров, Тамазов 2017: 24].

На таких как Евгений Александрович держится отечественная историческая наука, мир и культурный диалог на Северном Кавказе. Его жизнь и научная деятельность являются ярким примером для студенческой молодежи, а верность исторической науке – образцом для подражания.

В Кабардино-Балкарском государственном университете Молева Евгения Александровича считали своими кунаком, искренне любили, уважали, были пленены его высоким профессионализмом, человечностью. Его светлый образ оставил свой след в истории Социально-гуманитарного института КБГУ, и мы будем долго помнить его светлый образ и деяния.

Китей – город античного Боспорского царства, располагавшийся в 40 км к югу от города Пантикапея на берегу Черного моря. О заметной роли Китея в истории Боспорского царства свидетельствует его упоминание в трудах античных авторов Псевдо-Скилака, Плиния Старшего, Клавдия Птолемея и др. Имеющаяся в письменных источниках информация о Китее незначительна и фрагментарна. Вместе с тем Китей «всегда называется в источниках как полис или крепость» [Молев 2022: 12]. Это указывает на соответствующее положение города, как центра экономической, общественно-политической, культурной и культовой жизни населения основного поселения и его сельскохозяйственной округи. Обозначение формы поселения в письменных источниках соответствовало и структурно-функциональным особенностям существования города, о чем ярко свидетельствуют данные археологических исследований. Таким образом, Китей – интересный памятник археологии, углубление знаний о котором расширит наши представления об истории развития греческих полисов в Северном Причерноморье. Вместе с тем это разрушающийся памятник, требующий незамедлительного проведения охранных раскопок и систематического исследования. Представление в специальной монографии результатов нескольких десятилетий археологического изучения Китея в широком контексте цивилизационной и культурной тысячелетней истории Северного Причерноморья обладает бесспорной актуальностью.

Третья часть монографии «Боспорский город Китей» написана в соавторстве доктором исторических наук, профессором Евгением Александровичем

Молевым и кандидатом исторических наук Натальей Владимировной Молевой. Работа является продолжением изданных в 2010 г. [Молев 2010] и 2016 г. [Молев, Молева 2016] первых частей труда, посвященного археологическому изучению Китея. В первых частях монографии представлены результаты раскопок 1970-1995 гг.: обзор истории города, описание его основных объектов, историко-культурного, этнического и социально-экономического развития.

В третьей части монографии «Боспорский город Китей» [Молев, Молева 2022] представлены результаты раскопок 2005–2012 гг. и 2016–2017 гг. В работе дается обзор археологического исследования городища, уточнены хронологические рамки существования городища, дополнена информация об отдельных аспектах жизни города.

Издание 2022 г. состоит из двух частей. В первой части работы под названием «Стратиграфия культурных слоев и объекты» последовательно рассматривается стратиграфия раскопов I, II, III, IV и осуществляется обзор открытых на раскопах объектов. Во второй части работы с названием «Артефакты и экофакты: каталог находок» систематизирован богатейший корпус материалов, обнаруженных в ходе археологических работ в Китее.

В разделе «Раскоп I» первой части монографии представлены результаты археологического изучения южной части городища по береговой линии, постоянно разрушающейся морским прибоем, также решена задача выяснения наличия крепостных стен и башен со стороны моря. Новейшая топографическая съемка городища и некрополя позволила ученым-археологам наметить перспективы и план дальнейших исследований. Ученые проводили работы на западной и восточной частях раскопа I в 2007–2012, 2016 гг. и в 2016–2017 гг. соответственно. В западной части раскопа выявили 4 культурных слоя. В разделе подробно описываются и анализируются все стратиграфически выделенные культурные слои от первого (верхнего) до четвертого (нижнего). Бесспорным достоинством работы является педантичность в датировке как исследуемых культурных слоев, так и отдельных находок в анализируемых слоях. Надежная датировка обеспечивается точностью описания всех обнаруженных предметов и корректностью используемых методов. Важно отметить и учет исследователями нарушения целостности культурных слоев в процессе обвала береговой линии, в результате бомбардировок и постройки оборонительных сооружений времен Великой Отечественной войны. Описание осуществляется послойно и поквратно и в соответствии со всеми академическими канонами археологической фиксации информации с раскопа.

По результатам исследования археологического материала первого слоя ученые датировали верхний слой раскопа I города III–V вв. н.э. Особый интерес представляют отдельные находки, охарактеризованные в разделе, и выводы ученых относительно полученных материалов. Так, во втором слое раскопа I обнаружена прямоугольная башня, получившая наименование «И», многочисленные фрагменты керамики, поддающиеся датировке, фрагмент краснолаковой посуды – донец с уникальным и единственным в своем роде штампованным изображением зайца и первое бронзовое зеркало в Китее. Открытие башни «И» позволило ученым получить новые данные о системе обороны города с за-

пада. Археологи полностью вскрыли башню «И». На основе всестороннего изучения полученных материалов авторы относят гибель башни к III в. н.э. – ко времени варварских вторжений на Боспор. Вместе с тем ученые прослеживают историю строительства и использования оборонительных сооружений на юго-западной оконечности города еще со II в. до н.э. Авторы приходят к заключению, что город, вероятно, осаждали с западной и южной сторон во второй половине II в. до н.э. Опасность с моря связывается исследователями с военно-политической активностью в регионе Митридата VI Евпатора. Ученые прослеживают неоднократные повреждения оборонительной линии, а ее окончательное разрушение относят ко времени не ранее конца IV в. н.э.

Интересная картина выявлена авторами при изучении третьего слоя раскопа I. Ученые обнаружили различие в структуре слоя внутри и ниже башни «И» и за его пределами. В третьем слое за пределами башни, содержащем достаточный датировочный материал, не обнаружено в результате раскопок остатков архитектурных сооружений, что позволило авторам сделать вывод о том, что данный район города не был заселенным. В то же время в третьем слое в башне «И» было открыто помещение с каменной вымосткой пола, обозначенное как помещение «К». Сооружение очага в помещении «К» датировано второй половиной II в. до н.э., а наличие каменного пола позволило ученым предположить зажиточность владельца жилого помещения. Примечателен и междисциплинарный характер решения авторами исследовательских задач с привлечением к изысканиям представителей соответствующих научных дисциплин. Так, зерновой материал, обнаруженный в очаге помещения «К», подвергся биологическому анализу, позволившему установить сорта потреблявшихся в пищу растительных культур.

В четвертом слое раскопа I ученые обнаружили интереснейшие артефакты. Примечательно открытие первой в своем роде находки в Китее – небольшой по размерам плавильной печи для обработки железа. Ученые предположили, что врытые в землю амфоры, открытые в разных сезонах археологических работ, могли образовывать вместе с указанной печью единое металлургическое производство. Подобного рода суждения демонстрируют целостность интерпретации и презентации авторами результатов одновременных раскопок и пространственно-временную контекстуальность осмысления значения и роли анализируемых артефактов.

Дальнейшее исследование слоев под башней «И» и помещения «К» позволило ученым сделать открытие нового строения, обозначенного как помещение «Л». Изучение материалов внутри помещения и из окружающего его слоя позволило датировать сооружение помещения «Л» серединой V в. до н.э. Было также установлено, что помещение «Л» подвергалось несколько раз перестройкам в последующие века. Монументальный характер кладки позволил авторам предположить общественное назначение данного помещения. Планомерное исследование участка с выявлением последовательной постройки жилых и производственных сооружений и богатейшего датировочного археологического материала позволило авторам впервые получить подтверждение существования города уже в середине V в. до н.э.

На восточном участке раскопа I по береговой линии города археологи обнаружили и описали участок крепостной стены и башню с обозначением «К». Анализ керамических, металлических и нумизматических материалов дал возможность датировать III–V веками н.э. слой с участком крепостной стены и башней. Изучение парадной керамической посуды, обнаруженной археологами к югу от южной стены (102) башни «К» на линии обрыва береговой черты городища, при отсутствии таковой посуды в северной части раскопа, позволило авторам высказать интересное предположение о локализации жилых помещений города к югу от южной стены башни.

Ученые допускают, что оборонительные функции южной стены в рассматриваемый период «были ориентированы на север», т.е. стена была призвана защитить население от нападений с суши, а не со стороны моря. В целом важно отметить, что в ходе раскопок на восточном участке раскопа I впервые были обнаружены указания на осуществление работ по укреплению города в III–VI вв. н.э. Согласно заключению авторов это свидетельствует об опасности с севера и «сосредоточении населения в центральной и приморской части города» в последний период его существования.

В разделе «Раскоп II» первой части монографии приводится обзор и анализ археологического материала восточного склона зольного холма. Исследование раскопа отличается скрупулезностью описания памятников, убедительностью анализа материалов раскопа, корректностью датировок и обоснованностью выводов. Археологи выделяют на раскопе II пять стратиграфических слоев, характеризующихся в порядке вскрытия. В первом верхнем слое, датируемом III–V вв. н.э., ученые выявили остатки помещений, дворов, кладки и вымостки.

Помимо богатого датировочного керамического и нумизматического материала, в первом слое были обнаружены и изучены антропоморфные изваяния, остеологический материал (большая часть костные останки собак), жертвенный стол с курильницами, «ступа» (выполнявшая роль алтаря) и иные артефакты сакрального значения. После тщательного анализа всех полученных материалов авторы пришли к выводу о взаимосвязанности изученных помещений слоя, представлявших собой единый комплекс культового назначения. Ученые пришли к заключению, что в сакральном комплексе, вероятно, осуществлялись жертвоприношения и языческие культовые обряды.

Второй слой обоснованно датируется авторами I–II вв. н.э. Среди находок второго слоя выделяются помещение «Б» овальной формы и цилиндрические ямы разного назначения. Изучение архитектуры помещения «Б» и следов жертвоприношений собак в большом количестве позволили ученым подтвердить культовое предназначение помещения «Б».

В третьем слое, датируемом II–I вв. до н.э. были обнаружены и изучены алтарные сооружения и ямы – ботросы для сброса остатков жертвоприношений богам. Находку круглых дисковидных алтарей в слое авторы интерпретируют, как свидетельство наличия на месте раскопа святилища Матери богов.

Четвертый слой датирован авторами IV–III вв. до н.э. Вместе с тем ученые сумели уточнить формирование самого раннего культурного слоя со второй половины V в. до н.э. Также авторы установили сакральную природу следов дея-

тельности жителей Китея в самом раннем культурном слое восточного склона зольного холма. Показательными находками слоя являются скелеты собак и ямы – ботросы для костей жертвенных животных. Находка в слоях раскопа остатков культурных растений позволило авторам обосновать развитие в Китее античных традиций земледелия.

К интересным находкам археологов следует отнести фрагменты листьев лавра (предположительно votivные подношения), жертвенный стол, фрагмент терракоты Деметры, «лицевую» финикийскую бусину и другие предметы сакрального назначения. Так, ученые, изучив «лицевую» финикийскую бусину и особенности ее использования, приводят интересную гипотезу о проникновении в идеологические представления жителей Китея IV в. до н.э. элементов пунийской религии. В целом же археологический материал четвертого слоя раскопа II позволил авторам высказать аргументированное предположение об отправлении в Китее культов Великих богинь плодородия Деметры, Кору и Кибелы.

Раздел «Раскоп III. Шурф 2» первой части монографии представляет собой анализ заложенного в 2008 г. в северо-западной части Китея стратиграфического разреза (шурф 2) длиной 18 м и шириной 2,5 м. Работы на данном раскопе, таким образом, имели разведывательное значение и оправдались в полной мере. В разделе представлены результаты изучения археологами пяти культурных слоев южного участка стратиграфического разреза. Исследование же северного участка шурфа позволило установить северную границу территории города, поскольку к северу от поперечной каменной кладки, открывавшейся в шурфе, не было обнаружено каких-либо архитектурных сооружений. Таким образом, изучение материалов раскопа III позволило уточнить стратиграфию и планиграфию участка для дальнейшего полного археологического исследования северо-западной части Китея.

Раздел «Раскоп IV» первой части монографии посвящен археологическому изучению юго-восточной окраины города, выходящей на побережье. В разделе анализируются два культурных слоя, заложенных квадратов, и приводится статистика находок по двум слоям. Верхний слой датируется авторами концом III – VI в. н.э. Обнаружение в первом слое большого количества фрагментов оконного стекла и каменных ядер позволило авторам косвенно подтвердить размещение в восточной приморской части Китея общественных сооружений, арсенала у крепостной стены и византийского гарнизона с воинами.

Во втором слое раскопа, обнаружены остатки двух помещений, строительство которых, по заключению авторов, происходило не ранее конца III в. н.э. Точная датировка слоя затруднена нивелировкой нижних слоев при постройке более поздних открытых помещений.

Вместе с тем авторы датируют находки «в самом нижнем штыке» слоя II-V вв. н.э., а большинство амфорных фрагментов слоя – IV–V вв. н.э. Ученые делают интересное открытие о функционировании двух помещений, обнаруженных во втором (нижнем) слое, и в более позднее время – в V – первой половине VI в. н.э. В пользу данного предположения авторов свидетельствуют находки блюда с крестом и золотого солида императора Юстиниана I (предположительно приношение божеству). Анализ двух помещений, алтарей в них, блюд с кре-

стами и золотого солида Юстиниана I, каменных ядер, оконного стекла и черепицы позволили авторам прийти к выводу о размещении в указанном месте византийского гарнизона, для воинов которого обнаруженные комнаты могли являться молельнями.

Содержание второй части монографии «Артефакты и экофакты: каталог находок» представлено в таблицах и каталогах, образующих большую часть работы. Вторая часть монографии состоит из разделов: керамические изделия, монеты, изделия из металла, архитектурно-строительные фрагменты и каменные артефакты, изделия из кости, прочие находки (в основном стеклянные изделия) и экофакты. Богатство и тщательность систематизации, представленных в данной части монографии материалов, впечатляют. Каталоги включают фотографии, рисунки, таблицы и комментарии к каждой находке. Комментарии содержат описание внешнего вида артефакта, информацию о месте и времени его обнаружения, инвентарный номер, описание материала и техники изготовления, информацию о размере изделия, информацию о дате изготовления артефакта, информацию о сохранности, информацию по аналогиям, информацию о более раннем опубликовании сведений об артефакте.

Своей спецификой обладает каталогизация керамических клейм. При описании клейма, помимо фотографии клейма, приводится рисунок клейма с текстом и изображением, также дается расшифровка текста. Помимо этого приводится информация о годе находки, инвентарный номер, дата создания клейма, размеры фрагмента с клеймом, информация по аналогиям, информация о более раннем опубликовании сведений о клейме. В целом данные полученные в ходе раскопок 2005–2017 гг. сопоставляются с результатами предыдущих раскопочных сезонов. По отельным группам артефактов осуществляется общая систематизация в таблицах числовых данных за 1970–2017 гг.

Формат представления информации раздела «Экофакты» несколько отличается от других разделов. В разделе анализируются сведения о растениеводстве, скотоводстве, охоте и рыболовстве с использованием данных палеоботаники, палеозоологии и ихтиологии. Раздел не содержит каталогов, но включает таблицы с количественным составом домашних животных в Китае и их распределением по видам. Также дается общая таблица по периодам с составом фаунистических находок по материалам раскопок 1970–2017 гг.

Текст первой части с описанием, интерпретациями, выводами и обобщениями построен с отсылками к содержанию второй части труда с каталогами и таблицами. Содержание второй части, вместе с внушительным списком репрезентативной литературы, образует, в сущности, научный аппарат рецензируемой монографии.

Вместе с тем обширный классификационный материал второй части работы, составленный с опорой на сравнительно-типологический метод, имеет огромное самостоятельное значение для последующих исследований античного Северного Причерноморья. Вероятно, отдельные интерпретации и выводы авторов будут дискутироваться и пересматриваться в дальнейшем.

Стоит упомянуть, в тексте монографии не единожды авторы критически пересматривают свои же более ранние не вполне корректные определения и

выявляют ошибки в своих ранних публикациях с целью их исправления. Истинные ученые понимают и принимают закономерности развития научной мысли. Но неизменной останется подготовка авторами для будущих поколений исследователей обширного корпуса археологических источников, к которому будут периодически обращаться с благодарностью.

Отдельно следует отметить богатейший и четко структурированный по разделам иллюстративный материал, являющийся неотъемлемой частью описания и объяснения всех историко-археологических сведений монографии. Среди иллюстративного материала по своей важности для изучения содержания работы выделяются план Китея с обозначением раскопов, сетки квадратов по раскопам, планы раскопов по участкам, планы и срезы сооружений на раскопах, фотографии памятников в процессе раскопок с поясняющими обозначениями.

Представленная работа является фундаментальным вкладом в изучение истории и археологии античного Северного Причерноморья. Результатом колоссальных исследовательских усилий Евгения Александровича Молева и Натальи Владимировны Молевой стал исключительно наукоемкий труд, важность которого для отечественной археологии невозможно переоценить.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Мамсиров, Тамазов 2017 – *Мамсиров Х.Б., Тамазов М.С.* «Кавказские пленники» нижегородского профессора Е.Н. Молева // Профессор Евгений Александрович Молев. К 70-летию со дня рождения. Автобиография. – Нижний Новгород: Типография ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2017. – 99 с.

Молев 2010 – *Молев Е.А.* Боспорский город Китей. – Симферополь-Керчь: АДЕФ-Украина, 2010. – 316 с. – (Боспорские исследования. Supplementum 6).

Молев 2022 – *Молев Е.А.* Сакральные памятники Китея и его округа // Боспорский феномен. Большие и малые города Боспорского царства. Круглый стол, посвященный 75-летию Е.А. Молева (1947-2021). Материалы международной научной конференции. – СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2022. – 345 с.

Молев, Молева 2016 – *Молев Е.А., Молева Н.В.* Боспорский город Китей. Часть II. – Симферополь: Соло-Рич; Керчь: ЦАИ БФ «Деметра», 2016. – 452 с. – (Боспорские исследования. Supplementum 5).

Молев, Молева 2022 – *Молев Е.А., Молева Н.В.* Боспорский город Китей: монография. часть III. – Нижний Новгород: издательство Нижегородского госуниверситета, 2022. – 453 с.

REFERENCES

MAMSIROV Kh.B., TAMAZOV M.S. «Kavkazskie plenniki» nizhegorodskogo professora E.N. Moleva ["Caucasian prisoners" by Nizhny Novgorod professor E.N. Molev]. In: Professor Evgenii Aleksandrovich Molev. K 70-letiyu so dnya rozhdeniya. Avtobiografiya. – Nizhnii Novgorod: Tipografiya NNGU im. N.I. Lobachevskeogo, 2017. – 99 s. (In Russ.).

MOLEV E.A. *Bosporskii gorod Kitei* [Bosporan city of Kitei]. – Simferopol'-Kerch': ADEF-Ukraina, 2010. – 316 s. – (Bosporskie issledovaniya. Supplementum 6). (In Russ.).

MOLEV E.A. *Sakral'nye pamyatniki Kiteya i ego okrugi* [Sacred monuments of Kitei and its surroundings]. In: Bosporskii fenomen. Bol'shie i malye goroda Bosporskogo tsarstva. Kruglyi stol, posvyashchennyi 75-letiyu E.A. Moleva (1947-2021). Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. – SPb.: IPTs SPbGUPTD, 2022. – 345 s. (In Russ.).

MOLEV E.A., MOLEVA N.V. *Bosporskii gorod Kitei* [Bosporan city of Kitei]. Chast' II. – Simferopol': Solo-Rich; Kerch': TsAI BF «Demetra», 2016. – 452 s. – (Bosporskie issledovaniya. Supplementum 5). (In Russ.).

MOLEV E.A., MOLEVA N.V. *Bosporskii gorod Kitei: monografiya* [Bosporan city of Kitei]. chast' III. – Nizhnii Novgorod: izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2022. – 453 с. (In Russ.).

Информация об авторах

Х.Б. Мамсиров – доктор исторических наук, профессор.

Ю.М. Азикова – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

Kh.B. Mamsirov – Doctor of Science (History), professor.

Yu.M. Azikova – Candidate of Sciences (History), associate professor.

Рецензия поступила в редакцию 15.11.2023 г.; принята к публикации 25.12.2023 г.

The review was submitted 15.11.2023; accepted for publication 25.12.2023.

IN MEMORIAN

In memorian

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-532-534

EDN: ZGFXVK

Ирина Егорова

30 января 1960 г. – 26 марта 2022 г.

ПАМЯТИ ИРИНЫ ЕГОРОВОЙ И ЖУРНАЛА «ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И КАВКАЗ»

Ирина Леонидовна Бабич¹, Александр Борисович Крылов²

¹ Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия, babi7chi@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1879-1608>

² Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия, abkrylov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7083-5041>

Для цитирования: Бабич И.Л., Крылов А.Б. Памяти Ирины Егоровой и журнала «Центральная Азия и Кавказ» // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 532-534. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-532-534. EDN: ZGFXVK.

© Бабич И.Л., Крылов А.Б., 2023

IN MEMORY OF IRINA EGOROVA AND THE JOURNAL «CENTRAL ASIA AND THE CAUCASUS»

Irina L. Babich¹, Alexander B. Krylov²

¹ Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, babi7chi@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1879-1608>

² Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, abkrylov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7083-5041>

For citation: Babich I.L., Krylov A.B. In memory of Irina Egorova and the journal «Central Asia and the Caucasus». IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 532-534. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-532-534. EDN: ZGFXVK.

© Babich I.L., Krylov A.V., 2023

Международный журнал социально-политических исследований «Центральная Азия и Кавказ» выходил в 1998-2021 гг. Его бессменным главным редактором был директор Института центральноазиатских и кавказских исследований в шведском городе Лулео, доктор политических наук Мурад Эсенов. Ирина Егорова оставалась бессменным ответственным секретарем и представителем журнала в Российской Федерации. Во многом благодаря ее усилиям это издание завоевало авторитет и широкую известность.

Журнал выходил на русском и английском языках, это делало публикации авторов из России, государств Центральной Азии и Южного Кавказа доступными для той части зарубежных исследователей, которые не владеют русским и другими языками народов бывшего СССР. Поэтому они знакомились с публикациями ученых из России и постсоветских государств на английском языке, цитировали их статьи в английском варианте. Мы не раз на международных конференциях встречались с зарубежными учеными, политиками и экспертами, которые знали нас и наши исследования благодаря публикациям в журнале «Центральная Азия и Кавказ».

Бывало, что публикации в журнале вызывали настолько большой интерес, что зарубежные научные центры и издания устанавливали контакты с их авторами через редакцию. Именно так произошло вскоре после первой публикации А.Б. Крылова в журнале («Религия современных абхазов: реликт прамотеизма», № 3, 1999), написанной на основе проведенных в постсоветской Абхазии полевых исследований. Специализирующийся на религиоведческой тематике итальянский журнал «*Religione e Societa*» через ответственного секретаря журнала Ирину Егорову предложил опубликовать расширенный вариант этой статьи на итальянском языке. В итоге в 2002 г. был опубликован специальный выпуск этого журнала под названием «*La religione tradizionale degli abchazi: la situazione attuale*» («*Religione e Societa. Il mondo russo dopo l'ateismo di stato*»). Napoli, Italie, № 42, 2002).

Наше сотрудничество с Ириной продолжалось несколько десятилетий. После окончания учебы на Восточном факультете Ленинградского государственного университета она работала в Издательстве восточной литературы Института востоковедения АН СССР в Москве. Как научный редактор отдела Ближнего и Среднего Востока специализировалась на подготовке к печати трудов отечественных авторов по исторической и современной иранской и афганской тематике.

Ирина начала работать в журнале «Центральная Азия и Кавказ» с момента его основания. Во многом благодаря ее неутомимой деятельности он приобрел большой авторитет и вошел в основные международные рейтинги, в том числе в рейтинг периодических изданий Скопус. Когда в России и других постсоветских государствах этот рейтинг стал использоваться как один из основных показателей оценки результатов научной деятельности, журнал приобрел для его авторов из академических институтов особую значимость.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. зарплаты в научных организациях России были символическими и выплачивались нерегулярно. В те годы гонорары за публикации в журнале «Центральная Азия и Кавказ» были ощутимой поддержкой для многих авторов из России и других постсоветских государств.

Ирина занималась отбором статей различных авторов тактично и профессионально. В результате в 1990-х – начале 2000-х гг. вокруг журнала сформировалось авторитетное сообщество экспертов, которые специализировались на изучении Центральной Азии и Кавказа. Однако уже к началу 2010-х гг. стали очевидными нарастающие трудности: с приходом эры интернета множились альтернативные электронные и печатные издания, на постсоветском пространстве создавались все новые экспертные и аналитические центры с собственными изданиями. Самым негативным образом сказалась воцарившаяся в России и других постсоветских государствах механическая «наукометрия»: в журнале становилось все больше публикаций, авторы которых были заинтересованы прежде всего в получении желанного для отчетности Скопуса. В результате публиковалось все больше статей под несколькими фамилиями, кратких по объему и бесцветных по содержанию. Для Ирины Егоровой эти проблемы были очевидными, она сильно переживала за судьбу журнала, в котором проработала четверть века.

Печально и символично, что журнал «Центральная Азия и Кавказ» прекратил свое существование почти одновременно с уходом одного из своих создателей – Ирины Егоровой. В конце 2021 г. вышел последний его номер (том 24, Выпуск 4, 2021). Вскоре после этого 26 марта 2022 г. после тяжелой и продолжительной болезни умерла и посвятившая журналу значительную часть своей жизни Ирина Егорова. Это стало невосполнимой потерей для всех ее коллег, которые плодотворно сотрудничали с ней в течение многих лет и даже десятилетий.

Светлая ей память ...

И немного личных воспоминаний. Однажды И. Бабиц приехала к ней в офис, чтобы получить журнал со своей статьей, и решила с ней посоветоваться: в Институте планировалась аттестация, и она колебалась подавать ли документы на должность главного научного сотрудника. Ирина уверенно ответила: «Конечно, подавать, кому, как не Вам быть главным научным сотрудником». И освободила от колебаний. И.Л. Бабиц подала документы и получила эту должность.

Информация об авторах

И.Л. Бабиц – доктор исторических наук.

А.В. Крылов – доктор исторических наук.

Information about the authors

I.L. Babich – Doctor of Science (History).

A.V. Krylov – Doctor of Science (History).

Материал поступил в редакцию 10.10.2023 г.; принята к публикации 05.12.2023 г.

Material has submitted 10.10.2023; accepted for publication 05.12.2023.

Наши авторы

Аверьянов Антон Викторович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории XX-XXI веков Института истории и международных отношений Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: avaveryanov@sfedu.ru

Азикова Юзанна Мартиновна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: i.azikova@kbsu.ru

Акиева Светлана Исмаиловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: asisma@yandex.ru

Атабиева Асият Даутовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: bolatovaatabieva@mail.ru

Бабич Ирина Леонидовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва, Россия.

E-mail: babi7chi@yandex.ru

Бауаев Казим Каллетович – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: kazim_bauaev@mail.ru

Бер Асият Руслановна – аспирант Научно-образовательного центра ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: asyat.tokhtabieva@yandex.ru

Бухуров Мухамед Фуадович – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: mbf72@mail.ru

Геграев Хаким Камилевич – кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора социально-гуманитарного института, доцент кафедр: всеобщей истории; этнологии, истории народов КБР и журналистики ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: gegra70@mail.ru

Гулиева (Занукоева) Фаризат Хасановна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: gfaliza37@mail.ru

Гутаева Жансурат Жуашовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент, кафедры русского языка и общеобразовательных наук для иностранных учащихся ВШМО ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: gutaevazhanna@mail.ru

Гутов Адам Мухамедович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: adam.gut@mail.ru

Гутова Ляна Адамовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: adam.gut@mail.ru

Даудов Абдулла Хамидович – доктор исторических наук, профессор, директор Института Истории ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: a.daudov@spbu.ru

Дзамихов Касболат Фицевич – доктор исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: kbigi@mail.ru

Добрякова Наталья Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-политических наук ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М. Кирова», Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: dobryackovan@yandex.ru

Жанситов Осман Асланович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: osman.zhansitov@yanex.ru

Журтова Анжела Ариковна – кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии, истории народов КБР и журналистики ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: anzhelka28@mail.ru

Зельницкая Рица Шотовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана ФГБУК «Российский этнографический музей», Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: riza81@yandex.ru

Кажаров Артур Гусманович – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: artur-kazharov@yandex.ru

Кануков Заурбек Тимофеевич – младший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал ФГБНУ Федерального научного центра Владикавказский научный центр РАН, Владикавказ, Россия.

E-mail: kanukov1991@mail.ru

Кожев Заурбек Анзорович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором Средневековой и Новой истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: zaurbek_k@mail.ru

Колесов Владимир Игоревич – независимый исследователь, Краснодар, Россия.

E-mail: vovakolesov1971@gmail.com

Крылов Александр Борисович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора Кавказа Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия.

E-mail: abkrylov@mail.ru

Кулькова Марианна Алексеевна – доктор геолого-минералогических наук, доцент, доцент кафедры геологии и геоэкологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: kulkova@mail.ru

Кучукова Зухра Ахметовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: kuchuk60@list.ru

Кушхабиев Анзор Викторович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий Центром социально-политических исследований ФГБНУ «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: anzor-vk@mail.ru

Кушхова Карина Аслановна – аспирант ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: k_rina98@mail.ru

Локьяева Жаухар Магомедовна – младший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: lokyaeva.zh@mail.ru

Магарамов Шарафутдин Арифович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела древней и средневековой истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия

E-mail: sharafutdin@list.ru

Мамсиров Хамитби Борисович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: mamsirhb@mail.ru

Муратова Елена Георгиевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: lena_gm@mail.ru

Овсянников Дмитрий Владиславович – кандидат исторических наук, доцент, доцент Института Истории ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: d.ovsiannikov@spbu.ru

Осташинский Сергей Матвеевич – научный сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: osm@mail.ru

Победоносцева-Кая Анжелика Олеговна – кандидат исторических наук старший преподаватель кафедры истории стран Ближнего Востока Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: apobedonostseva@gmail.com

Подгайный Владимир Николаевич – аспирант ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: podgainyy33@mail.ru

Прасолов Дмитний Николаевич – кандидат исторических наук, заведующий сектором этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: dmprasolov@gmail.com

Рахманихалилелахи Жила – аспирант Российского университета дружбы народов, Москва, Россия.

E-mail: 1042205281@pfur.ru

Сень Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор профессор Института истории и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: dsen1974@mail.ru

Сефербеков Магомедхабиб Русланович – младший научный сотрудник отдела древней и средневековой истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия

E-mail: deadromance3@rambler.ru

Татаров Азамат Амурович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: traveller9090@mail.ru

Хагажеев Мирбек Асланович – соискатель ученой степени кандидата наук по кафедре истории России ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: ma_khagazheev@mail.ru

Христенко Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Российского государственного аграрного университета – Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева, Москва, Россия.

E-mail: khristenko1983@mail.ru

Хульчаева Марьям Хажидаутовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры карачаево-балкарской филологии ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: mariam.li.18@yandex.ru

Чекалов Петр Константинович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник РГБУ «Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почёта» Института гуманитарных исследований», Черкесск, Россия.

E-mail: chekalov58@rambler.ru

Черленок Евгений Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: e.cherlenok@spbu.ru

Шаов Азамат Русланович – младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Естественнонаучные методы в археологии, антропологии и археографии» ФГБНУ «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: shaovazamat88@mail.ru

Швидкой Георгий Александрович – магистрант Института истории и международных отношений Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: shvidkoy@sfedu.ru

Яганова Зарема Эдуардовна – младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Естественнонаучные методы в археологии, антропологии и археографии» ФГБНУ «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: zaremay9@gmail.com

Яхутль Юрий Асланбиевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия.

E-mail: a075ca@yandex.ru

Электронный журнал
«Кавказология»

Caucasology

№ 4 / 2023

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4

Подписано к изданию:
29.12.2023 г.